Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

№ 5–6 2014
May–June

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

Vienna
2014

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 5–6 2014 (May–June)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Inshin Nikolay, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review "East West" Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the "East West" Association GmbH home page at: http://www.ew-a.org.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.
Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archaeology
Секция 1. Археология

Mambetullaev Mirzamurat, Dr. Sci. Histor., prof.
Nukus State Pedagogical Institute, Uzbekistan
E-mail: svetmamb@mail.ru

Khodjalepesov Islambek Mukhitdinovich,
Karakalpak scientific research institute of the humanities
of Karakalpak Branch of Academy Science of Uzbekistan

Research of early medieval monuments of the Priaral area residential district

Abstract: Article is devoted to results of research of early medieval monuments of the Priaral area residential district. The analysis of archaeological monuments and their occupation layers relating to Kerder culture at an early stage of its development is carried out.

Keywords: Karakalpakstan, delta of Amu Darya, monuments, archeology, Kerder culture, early Middle Ages, ancient settlements Gyaurkala, Tokkala, Kuyukkala and Bagdat.

Мамбетуллаев Мирзамурат, доктор исторических наук, профессор,
Нукусский государственный педагогический институт,
Каракалпакстан, Узбекистан
E-mail: svetmamb@mail.ru

Ходжалепесов Исламбек Мухитдинович,
Каракалпакский научно-исследовательский
институт гуманитарных наук ККО АН РУз,
Каракалпакстан, Узбекистан

Исследование раннесредневековых памятников Приаральского микрорайона

Аннотация: Статья посвящена результатам исследования раннесредневековых памятников Приаральского микрорайона. Проведен анализ археологических памятников и их культурных слоев, относящихся к Кердерской культуре на раннем этапе ее развития.

Ключевые слова: Каракалпакстан, дельта Амударьи, памятники, археология, Кердерская культура, раннесредневековье, городища Гяуркала, Токкала, Куюккала и Багдат.

В VI–VIII вв. территория Приаральской дельты Амударьи перемещается по направлению к Аральскому морю. Протоки Амударьинской дельты пройдя по понижениям и обогнув севернее возвышенности Кушханатау и Порлытау, впадали в Аральское море. На старом русле Амударьи был сооружен канал Кердер (Курдар), воспроизводивший Амударьинскую дельту VI–VIII вв. Он орошал окрестности поселений Гяуркала (Ходжейлинская), Ток кала, Куюккала и Багдат.

В эпоху раннего средневековья в Приаральской дельте формируется новая археологическая культура, которая была названа именем области Кердер, неоднократно упоминаемого в арабоязычной географической литературе.

Понятие «Кердерская культура» было введено в научный оборот С. П. Толстовым, который вслед за П. Лерхом [1, 30] и Н. Веселовским [2, 131] локализовал владение Кердера в восточной части нижней Приаральской дельты Амударьи. Он выявил спец-

ифичность этой культуры и ее отличия от синхронной археологической афригидской культуры Южного Хорезма.

Владение Кердер сформировалось в эпоху раннесредневековья в Приаральской дельте в результате передвижения части населения из низовьев Сырдарьи и некоторое историческое время сохранило свою политическую независимость. Полагают, что эти передвижения осуществлялись под давлением перемещавшихся в конце VI — начале VIII вв. в пределах джетыасарского ареала новых этнических группировок из среднесырдарьинских районов в основном подвергшихся тюркизации отрарско-каратауского населения, а также тюркских племен Семиречья и Каратау [3, 128–129].

В определенной степени указанные этнические передвижения происходили и под воздействием факторов экологического порядка. Первую характеристику раннесредневековой культуры дали С. П. Толстов, Е. Е. Неразик и Ю. А. Рапопорт после проведения археологических работ в 1956 г. на городище Куюккала [4, 140–142], когда была высказана мысль о принадлежности данной культуры населению владения Кердер, упоминаемой авторами X в. при перечислении хорезмских городов [5, 431].

Обратимся теперь к рассмотрению анализа археологических памятников и их культурных слоев, относящихся к Кердерской культуре на раннем этапе ее развития. У самой вершины дельты расположено городище Гяуркала (Ходжейлинская). Городище многослойно, мощность его культурных напластований достигает 10 метров. Вся эта мощная свита слоев охватывает значительный промежуток времени от IV в. до н. э. — до начала XVIII в. н. э. На восточной части городища Гяуркала находится огромный древний некрополь, нижний слой которого восходит к II в. до н. э. — IV в. н. э. Культурный слой VII–VIII вв. н. э., был вскрыт в стратиграфической колонке памятника [6, 193–194]. В слое этого времени обнаружены остатки построек, возведенных из кирпича сырца (34–36 х 35–36 х 8–9 см) характерные для раннесредневекового Хорезма.

Керамика из этих слоев представлена фрагментами ремесленных кувшинов афригидского типа и обломки лепной Кердерской керамики. Таким образом, обнаруженные керамические материалы VII — VIII вв. н. э. позволяет отнести их к культурам Кердера. Оссуарный могильник находится восточнее от Гяуркалы. Погребения в оссуариях и сосудах датируются также VII — VIII вв. н. э. Все оссуарии подпрямоугольные в плане с более или менее выпуклыми боковыми стенками. В оссуариях обычно находились длинные кости конечностей и черепа. Крышки отдельных оссуариев были увенчаны ручками разных форм блоковидными фигурками птицы, или протомами баранов. Все они представляют собой сильно стилизованные изображения. На основании сравнительных данных оссуарии датированы VI–VIII вв. н. э.

Комплекс Токкала. К раннесредневековому периоду Токкалы относится поселение, восточный двор и оссуарный могильник. Восточный двор в плане прямоуголен, площадью 1,2 га. Пристроен к восточной стенке античной крепости. Стены пахсовые, толщиной 2–3 м. Ворота двора шириной 5,6 м находятся в юго-восточном углу. К северо-восточной стене восточного двора на всю длину примыкало здание, состоящее из изолированных жилых секций. Характерная и весьма интересная особенность здания заключается в том, что почти все оно состоит из совершенно одинаковых, но изолированных друг от друга глухими стенами отдельных жилых комплексов.

Стандартная секция состояла из двух помещений. Одно из них жилое, обязательным элементом интерьера которого является П-образная сура [7, 45–46]. Для хозяйственного помещения обычны различного рода ямы и закрома. На территории восточного двора, помимо жилых, находились и производственные комплексы. Обнаружены остатки горна для обжига керамики, а также следы меднолитейного производства [7, 42–43].

Оссуарный могильник находится на северно-восточном и восточном склонах холма Токтау. Могильник состоит из наусов с установленными в них керамическими, алебастровыми и каменными оссуариями, содержащими вторичные погребения предварительно очищенных костей, а также отдельных вторичных погребений в бытовых сосудах. На алебастровых оссуариях имеются цветные росписи, выполненные черной краской. Они состоят из двух изображений: одно — полумесяц концами вверх, другое — простой кружок с точкой в середине — вероятно, солнце. На оссуариях изображены сцены оплакивания умершего. На многих оссуариях сохранились надписи — эпитафии написанные алфавитом, являющимся развитием древне-хорезмийского алфавита документов II–III вв. из Топраккалы.

В документах из дворца Топраккала, даты хорезмийской эры читались 188–231 гг., а в надписях серебряных чаш даты читались в пределах 500–714 гг., в текстах на оссуариях из Токкалы даты Хорезмийской эры определены от 658–738 гг. [8, 9]. Таким образом, по датам содержащимся в текстах на оссуариях, можно

предположить, что Токкалинский некрополь использовался в период последней четверти VII в. до 775 г.

На поселении было обнаружено большое количество монет. Монеты Согдийских царей Урка Вартамука (последняя четверть VII в.) и Тархуна 700–710 гг., а также Хорезмийские — с именами правителей Хусрава и Азкацвара, относящиеся к первой половине VIII в., Савашфона (около середины VIII в.). Совокупность всех этих данных позволяет датировать поселение и оссуарный могильник последней четвертью VIII в.- 750 –775 гг.

Поселение Куюккала находится в Чимбайском районе Республики Каракалпакстан. Оно построено на невысокой возвышенности, окруженной со всех сторон низменностью древней поймы Амударьи. В 3 км от городища на возвышенности Кушханатау находится большой оссуарный могильник, одновременный городищу.

Куюккала представляет собой большое раннесредневековое городище, площадью 42 га. В топографическом отношении Куюккала разделена на восточную цитадель, западную цитадель, северный двор, южный двор и городской могильник.

Восточная цитадель в плане неправильно трапециевидной формы. Общая площадь составляет 2,3 га. Развалины ее стен сохранились на высоту 1,5–2,0 м, стены сырцовые с внутренними коридорами шириной 1,8–2,0 м. На всех четырех углах цитадели сохранились башни.

Южный двор в плане имеет форму неправильной трапеции. Находится на плоской вершине холма. Общая площадь двора составляет около 22 га. Стены, некогда окружавшие двор, к настоящему времени оказались почти полностью смыты.

По данным наземного осмотра поверхности вся площадь двора была занята разными постройками. Раскопками вскрыты остатки круглого в плане сооружения, диаметр которого равен 6,2 м. Стены постройки толщиной 2,1 м сохранились на высоту одного ряда кирпичей, которые интерпретируются как площади для установки юрты [4, 132].

Западная цитадель. Прямоугольная в плане, площадь около 2 га. В планировочном отношении связана с северным двором Стены цитадели разрушились почти полностью. По периметру цитадель была окружена рвом.

Северный двор. Находится на северном склоне холма, общая площадь двора 6 га. С севера и востока двор охвачен дугообразной стеной, очертания которой в определенной степени были обусловлены рельефом местности. Стены смыты почти полностью.

Неукрепленное поселение. Расположено на южном склоне холма и граница его определяется распространением культурного слоя. Общая площадь около 12 га. На поверхности поселения встречаются фрагменты керамики и других культурных остатков. Большинство находок составляют обломки лепных сосудов Кердерского типа. Помимо керамики найдены фрагменты обломки жерновов из серого крупнозернистого песчаника, фрагменты железной крышки, медных монет.

Городской некрополь. Оссуарный могильник был известен раньше: он находится на возвышенности Кушхана-тау, расположенной в 3–5 км к западу от памятника. В 2000–2002 гг. был открыт новый городской некрополь, расположенный на северно-западном и западном холмах.

Площадь могильника составляет 6,5–7 га. Вскрыты около 400 погребений. Все погребения некрополя разделяются на две группы: а) погребения трупоположений; б) вторичные погребения предварительно очищенных костей. Скелеты во всех грунтовых ямах лежали на спине, вытянутом положении, головой на север или северо-запад. В погребениях обнаружены сосуды, бусы, зеркало, пряслицы, пряжки, железные ножи и др.

Городской некрополь функционировал в пределах VI — VIII вв. Нахождение грунтовых ямных (тюркских) и зороастрийских (хорезмийских) захоронений на одном некрополе позволяет предполагаоь их хронологическую и этническую близость. Судя по материалу, часть населения Приаральской дельты на этой территории из низовьев Сырдарьи, перешла к оседлому образу жизни с VI в., и благодаря культурному влиянию хорезмийцев, приняли зороастризм. Часть населения, которые не приняли зороастризм, по-прежнему продолжало хоронить своих покойников в погребальных ямах, придерживаясь своих древних народных традиций. Хоронившие в ямах стремились обеспечить умерших всеми необходимыми вещами и пищей для продолжения потусторонней жизни.

Погребения с трупоположениями в ямах не находят аналогии в Хорезме, но они близки к курганным погребениям Джетыасарской культуры населения низовьев Сырдарьи, с которыми генетически связано население раннесредневекового Кердера. В конце VII — VIII вв. часть населения Кердера, принявшая зороастризм хоронила своих покойников по зороастрийскому обряду в оссуариях (сосудах). Оссуарные могильники, относящиеся к VII — VIII вв. встречаются в Миздахкале, Токкале, Кушхане и Крантау.

Список литературы:

1. Lerch P. Khiva oder Kharesm. СПб, 1873.
2. Веселовский Н. Очерк историко–географических сведений о Хивинском Ханстве, СПб, 1873.
3. Археология Приаралья. – Вып. 7. – Т., 2008.
4. Неразик Е. Е., Рапопорт Ю. А. Куюккала в 1956 г. Материалы Хорезмской экспедиции.– Вып. 1.– М., 1959.
5. Материалы по ситории туркмен и Туркмении. – М-Л. – 1939, Т. 1.
6. Ягодин В. Н. К изучению топографии и хронологии древнего Миздахкана. История, археология и этнография Средней Азии. – М., 1968.
7. Гудкова А. В. Токкала. – Ташкент, 1964.
8. Гудкова А. В., Лившиц В. А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Токкалы и проблемы «Хорезмийской эры». Вестник Каракалпакского филиала АН УзСССР, 1965, № 1.

Section 2. Journalism
Секция 2. Журналистика

Kashirin Anton Anatol'evich
Master student of the Chair of modern Russian language and stylistics, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk
E-mail: anton. a.kashirin@gmail.com

News television in Russia: sociological analysis of the current status (based on online poll)

Abstract: Article describes a sociological poll conducted online on the basis of a social network "VKontakte". This poll was aimed at identifying the sociological characteristics the functioning of the modern television news in Russia. The possibilities of using social networks as a platform for online research are described. Features of news television in Russia (including the factors of the channel, programs and journalist) are characterized.

Keywords: online poll; social network; TV news; information and analytical program; individual media discourse.

Каширин Антон Анатольевич
Магистрант кафедры современного русского языкаи стилистики Томского государственного педагогического университета, г. Томск
E-mail: anton. a.kashirin@gmail.com

Новостное телевидение в России: социологический анализ современного состояния (по данным интернет-опроса)

Аннотация: Статья посвящена описанию социологического опроса, проведенного в режиме онлайн на базе социальной сети «ВКонтакте» и направленного на выявление социологических характеристик функционирования современного новостного телевидения в России. Рассматриваются возможности использования социальных сетей в качестве площадки для интернет-исследований. Характеризуются особенности новостного телевидения в России, включая факторы канала, программы и журналиста-ведущего.

Ключевые слова: интернет-опрос; социальная сеть; новостное телевидение; итоговая информационно-аналитическая программа; индивидуальный медиадискурс.

Новый этап развития СМИ, связанный с внедрением информационных технологий, а также с особенностями современной общественно-политической ситуации, детерминирует повышенное внимание исследователей к изучению медиа и медиадискурса.

Антропоцентризм и деятельностный характер современной научной парадигмы обусловливают использование активных методов исследования. О значимости последних в коммуникативной стилистике и филологической науке в целом пишет Н. С. Болотнова (см. статьи словаря-тезауруса «Метод эксперимента», «Методика исследования текста в коммуникативной стилистике») [2]. Сегодня (в условиях стремительного развития информационных технологий, повсеместной компьютеризации и интернетизации) различные типы анкетирования, опросы и эксперименты, включая опросы общественного мнения и маркетинговые исследования [6], все чаще проводятся в электронном формате, в основном — с использованием сети Интернет.

Настоящая статья посвящена описанию социологического интернет-опроса, который проводился в специально созданной группе социальной сети «ВКонтакте» (http://vk.com/). Методика проведения онлайн-эксперимента на базе указанной социальной сети была ранее апробирована и описана нами в ходе комплексного исследования коммуникативно-прагматических особенностей речевого

поведения участников передач радиостанции «Эхо Москвы» [4].

А. М. Мавлетова отмечает малую изученность онлайн-исследований в отечественной социологии, представляя обзор существующих классификаций и немногочисленных статей по данной теме. Автор предлагает собственную типологию социологических исследований в сети Интернет и выделяет пять типов опросов (включая опросы в социальных сетях), подчеркивает сильные и слабые стороны использования того или иного типа. В то же время А. М. Мавлетова обращает внимание на то, что научное сообщество зачастую с недоверием относится к веб-исследованиям (к легитимности их результатов) ввиду разного рода ошибок (в первую очередь, связанных с отбором респондентов) [5].

Вместе с другими недостатками онлайн-опросов отечественный исследователь Д. О. Стребков отмечает отсутствие репрезентативности, стихийность выборки, охват аудитории, намеренное искажение данных, отсутствие контроля за ходом заполнения анкеты. К преимуществам опросов в сети Интернет ученый относит экономию ресурсов, широту охвата, большой объем выборки, быстроту опроса, оперативный контроль, использование элементов мультимедиа и гипертекста, последующую коммуникацию с респондентами, автоматическую обработку анкет и др. [8]. Отмеченные преимущества и недостатки (ограничения) «онлайновых» опросов в целом характеризуют и опросы на базе социальных сетей.

Сегодня социальная сеть гипотетически рассматривается как специфическая социальная группа, которой присущи все характеристики традиционной социальной группы. Е. Г. Ефимов, приводя в своей статье основания для данной гипотезы, призывает «использовать существующие теории социальных групп для изучения поведения пользователей в социальных сетях» [3, 66].

По результатам исследования ВЦИОМ на начало 2012 года около 82 процентов пользователей Интернет в России были зарегистрированы в различных соцсетях [1]. В связи с очевидным ростом в последние годы количества подключенных к глобальной сети компьютеров, можно предположить, что на сегодняшний момент пользователей социальных сетей численно больше.

Решение использовать социальную сеть «ВКонтакте» (одну из крупнейших по количеству зарегистрированных пользователей в России) в качестве площадки для проведения социологического интернет-опроса обосновано, в первую очередь, наличием опций, которые предоставляет своим пользователям данный ресурс (создание групп, опросов и др.). Социальная сеть предоставляет исследователю возможность привлечь к анкетированию фактически неограниченное количество информантов разного возраста, уровня образования и материального достатка, при этом каждый зарегистрированный пользователь может принять участие в опросе только один раз.

Таким образом, с методологической точки зрения, интернет-опрос на базе социальной сети «ВКонтакте» сегодня нельзя назвать идеальным форматом (вариантом) экспериментального исследования в режиме онлайн, но получаемые в его ходе данные с некоторыми оговорками можно считать относительно объективным срезом мнений определенных возрастных и социальных групп.

В статье описывается онлайн-опрос, направленный на выявление социологических характеристик функционирования современного новостного телевидения в России в рамках масштабного (диссертационного) исследования индивидуального медиадискурса журналиста-ведущего авторской итоговой информационно-аналитической телевизионной программы.

Личность журналиста-ведущего играет значимую роль в так называемой имиджевой политике телеканала. Понятие «лицо канала» широко используется в рекламной деятельности телевизионного СМИ. Именно «лицо канала» является средством привлечения и формирования аудитории.

Каждый пользователь социальной сети «ВКонтакте», посетив группу «Эксперимент-2014_1» [9], в анонимном режиме мог ответить на интересующие исследователя две группы вопросов. Первая группа — личные данные (пол, возраст, образование, род занятий, место проживания), вторая группа — вопросы, касающиеся отношения реципиентов к определенным сторонам современного состояния новостного телевидения в России (факторы канала, программы и журналиста-ведущего). Всего опрос содержал 12 вопросов. Респондентам была предоставлена возможность комментировать любой вопрос (например, для аргументации или дополнения своего ответа), так как ответ предлагалось выбрать из предложенных вариантов. Опрос проводился в течение одной недели (с 18.02.2014 по 24.02.2014 гг.), участие в нем приняло около 330 человек. Общее количество полученных в результате опроса реакций — 3765 (из них 58 — комментарии).

97% респондентов (322 из 332) — в возрасте до 35 лет, 65,7% (218 из 332) — от 18 до 35 лет, люди именно этого возраста являются наиболее активными пользователями Интернета в целом и социальными сетями в частности. Из 332 участников опроса мужчин — 141 (42,5%), женщин — 191 (57,5%). 44,3% (143 из 323) имеет высшее профессиональное образование, 26% (84 из 323) — среднее (полное) общее, 22,3% (72 из 323) — неполное среднее или основное общее. Более половины реципиентов (173 из 319) — учащиеся или студенты, 14,1% (45 из 319) — специалисты с высшим образованием в коммерческой сфере, 12,5% (40 из 319) — специалисты с высшим образованием в бюджетной сфере, 5,3% (17 из 319) — рабочие, 4,1% (13 из 319) — руководители или управленческие работники. В городе проживает абсолютное большинство участников опроса — 297 из 324 (91,7%) — доля пользователей Интернета в сельской местности в России значительно меньше доли пользователей Интернета в городе.

Таким образом, средний респондент описываемого опроса — это городской житель в возрасте до 35 лет, получающий высшее образование или уже являющийся специалистом в коммерческой или бюджетной сфере, то есть это человек по определению социально активный.

На вопрос «Смотрите ли Вы новостные передачи на телевидении?» утвердительно ответили 35,8% информантов (114 из 318), отрицательно — 21,1% (67 из 318). Ответ «Иногда» выбрали 137 человек (43,1%). Более половины участников опроса (64,2%) либо не смотрят новости по телевидению никогда, либо делают это нерегулярно.

41,9% реципиентов (130 из 310) никогда не смотрят итоговые информационные (информационно-аналитические) программы на телевидении в выходные дни. 40,6% (126 из 310) смотрят такие программы периодически. Постоянными зрителями итоговых программ являются всего 54 участника опроса (17,4%). При этом для 65,7% (199 из 303) респондентов важно самостоятельно анализировать события, а ещё для 28,7% (87 из 303) это важно, если события касаются лично их.

Респондентам был предложен перечень телевизионных каналов и транслируемых на них итоговых информационно-аналитических программ. Всего для опроса было отобрано пять телеканалов («1-й канал», «Россия 1», «RenTV», «НТВ», «ТВ Центр») и пять соответствующих телеканалам итоговых программ («Воскресное “Время”», «Вести недели», «“Неделя” с Марианной Максимовской», «Сегодня. Итоговая программа», «В центре событий»). Выбор телеканалов обусловлен их доступностью рядовому телезрителю в каждом регионе России. Вышеуказанные каналы присутствуют в сетке вещания на территории всей страны в свободном доступе.

Участникам опроса было предложено выбрать из указанных итоговых информационно-аналитических программ ту, которую они смотрят чаще других. Вариант ответа «Другой вариант» предполагал комментарий участника. 33,6% (94 из 280) проголосовавших выбрали программу «Воскресное “Время”» на «1-ом канале», 27,5% (77 из 280) — «Вести недели» на канале «Россия 1». Таким образом, 171 респондент из 280 (61,1%) чаще других смотрит итоговые информационно-аналитические программы на каналах, которые выражают официальную государственную (правительственную) позицию. «“Неделя” с Марианной Максимовской» (Ren TV), «Сегодня. Итоговая программа» (НТВ), «В центре событий» (ТВ Центр) вместе набрали 33 голоса (11,8%). Ответ «Другой вариант» выбрали 76 из 280 реципиентов (27,1%), однако комментарий оставили всего 23 пользователя. В большинстве комментариев участники опроса сообщают о том, что «не смотрят телевизор» или «не смотрят телевизор вообще». Это позволяет сделать вывод, что не оставившие комментарий респонденты, которые выбрали вариант ответа «Другой вариант», также в большинстве своем отказываются от просмотра телевизора или телевизионных итоговых информационно-аналитических программ.

При ответе на вопрос «Информации в новостных выпусках каких телеканалов Вы доверяете больше других?» 32,9% участников опроса (93 из 283) выбрали ответ «1-й канал». Вариант ответа «Россия» набрал 67 голосов (23,7%). Варианты ответа «Ren TV», «НТВ» и «ТВ Центр» выбрали соответственно 5,3%, 5,3%, 2,1% респондентов (всего 36 из 283). Отметим очевидную закономерность в сопоставлении с предыдущим вопросом. 56,6% (160 из 283) реципиентов доверяет информации в новостных выпусках на государственных (правительственных) телеканалах. В то же время 30,7% проголосовавших (87 из 283) выбрали вариант ответа «Другой вариант», и в комментариях (всего их было оставлено 34) встречаются следующие сообщения: «не смотрю», «никаких», «ни одному из этих», «врут все», «телеканал “Дождь”», «новостные интернет-порталы», «Лента и другие сайты». То есть треть участников опроса с недоверием относится к новостной инфор-

мации, представленной на проправительственных каналах, и часто предпочитает самостоятельный ее поиск в других источниках (например, в Интернете и оппозиционных телеканалах, таких, как «Дождь»).

Изложенный выше тезис подтверждается анализом ответов следующего вопроса анкеты: «В большей степени Вы доверяете новостной информации, полученной…». Вариант ответа «из телевизионных программ и передач» выбрало 19% ответивших (56 из 295), вариант ответа «из интернет-источников» — 31,2% (92 из 295). 49,8% респондентов (147 из 295) при ответе указали вариант «это зависит от авторитетности издания (журналиста)». Таким образом, половина участников опроса при выборе источника новостной информации руководствуется не только его форматом (выбор между телевидением и Интернетом), но и его авторитетностью и, следовательно, его высоким рейтингом среди других источников. Для многих людей значима возможность сопоставлять информацию, полученную из разных масс-медийных каналов. Именно Интернет сегодня предоставляет уникальную площадку для передачи и хранения информации, для оперативного и свободного обмена мнениями-сообщениями между пользователями (производителями и потребителями информационного продукта).

Полярные и примерно равные в процентном соотношении предпочтения участников описываемого социологического опроса (выбор проправительственных или оппозиционных источников информации) свидетельствуют о наличии в среде образованной молодежи как минимум двух точек зрения на сложившуюся ситуацию в современном российском новостном телевидении. При этом личность журналиста, который ведет информационно-аналитическую программу, важна для 162 респондентов (56,3%) при ее выборе. В связи с этим следует отметить особую актуальность изучения медиадискурса журналиста-ведущего итоговой информационно-аналитической программы как на государственных (правительственных), так и на частных оппозиционных телеканалах.

Появление Интернета предоставило средствам массовой информации исключительные возможности (в первую очередь — интерактивные), и традиционные (аналоговые) СМИ начали представлять свой продукт в сети. А. В. Соколов делает вывод о так называемой конвергенции СМИ: «в ближайшее время телевизор станет посредником доступа ко всем СМИ» [7, 54]. Уже сегодня в глобальной сети пользователь имеет доступ ко всем печатным, радио- и телевизионным СМИ, не говоря о СМИ изначально виртуальных. Возможности Интернета позволяют читателям-слушателям-зрителям не только в удобное для них время потреблять информационный продукт, но и принимать участие в его обсуждении с другими пользователями (в том числе и авторами). Однако результаты описываемого социологического опроса показывают, что вытеснение телевидения Интернетом не происходит. Наблюдается тенденция к сосуществованию этих масс-медийных источников.

Список литературы:

1. Благовещенский А. ВЦИОМ: В соцсетях зарегистрировано 82 процента российских пользователей//Официальный сайт «Российской газеты», публикация 13.02.2012. – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.rg.ru/2012/02/13/socseti-site-anons.html
2. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. – 384 с.
3. Ефимов Е. Г. Социальные группы как объект исследования социальных Интернет-сетей//Известия Волгоградского государственного технического университета. 2012. Т. 8. № 11. – С. 63–66.
4. Каширин А. А., Болотнов А. В. Особенности речевого поведения журналистов радиостанции «Эхо Москвы» в аспекте восприятия (по данным эксперимента)//Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 9 (16): сборник статей по материалам XVI международной заочной научно-практической конференции. – М., Изд. «Международный центр науки и образования», 2013. – С. 113–118.
5. Мавлетова А. М. Социологические опросы в сети Интернет: возможности построения типологии//Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. Т. 31. – С. 115–134.
6. Проведение маркетинговых исследований и опросов общественного мнения с использованием сети Интернет//Практический маркетинг. 2008. № 7. – С. 2–7.
7. Соколов А. В. Студенты на коммуникационном распутье: результаты социологических опросов//Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4 (17). – С. 54–57.

8. Стребков Д. О. Познавательные возможности онлайн-опросов в российской исследовательской практике (на примере опроса интернет-фрилансеров)//Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. Т. 31. – С. 135–161.
9. Эксперимент-2014_1//Группа в социальной сети «ВКонтакте». – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://vk.com/experiment_2014_1

Section 3. Study of art
Секция 3. Искусствоведение

Dzhanseitova Svetlana Sattarovna, professor,
Sakharbayeva Karima, professor
Rauandina Sholpan Zadanovna, docent
Kazah National Conservatory after Kurmangazy
Kazakhstan, Almaty
E-mail: bntb@mail.ru

Sound and acoustic features of dombra

Abstract: The world of musical instruments is an excellent material for the study of human culture. The specifics of economic and labor activity, lifestyle, natural and climatic conditions are reflected in the sound of the music itself, gave rise to a certain type of instrument. The history of the instrument is rooted deep into centuries. The process of playing the folk instrument represents not only the transmission of the content, emotional state of a particular genre, but the phenomenon of self-expression.

Key words: typological structure of the instrument, polyphony, evolution of musical thinking

The structure of a musical instrument and music played on it are in complex interrelation. Instrument determines the forms of music, but its development is governed by its own laws, which produce new sound ideas and forms, requiring an improvement of the instrument to be realized. The opportunities of evolutional change of both components of instrumental music of the instrument and musical thinking are not equal.

The development of the instrument has a limit, preassigned both by its typological structure and physiological capabilities of the person. Evolution of musical thinking is immense. There inevitably comes a time in interrelated development of both components when further development of the instrument is impossible without changing its typical distinctness. The contradiction between the opportunities that the instrument affords and the needs of the developing musical thinking that occur at this stage is to some extend resolved by the improvement of performing technique. It is also factored by the creation and cultivation of a variety of instruments and ensembles.

Kazakh instrumental music reached its highest prosperity in XIX century, and in the widest terms, musical thinking of the Kazakhs have evolved based on the capabilities of a single instrument — dombra and only solo performance. Kyuis for dombra have accumulated all the richness of musical thinking forms, which, in the unanimous opinion of researchers A. Zataevich, B. Asafiev, P. Aravin and others reached the level of a genuine symphonic style [1]. They are characterized by deep content and perfection of forms honed over the centuries.

An important factor influencing the process of musical formation and on the result of the process — works — is musical instruments, material, structure, tone, technique of playing. Traditionally Kazakh dombra has only two strings, pitch of which determines its tuning. Pressing the string to a certain place of the instrument fretboard, the musician changes its length and, therefore, its sound. The stops — narrow cross steps on the fretboard or the neck of string instruments (dombra, balalaika, bandura, mandolin, etc.), which are located on the fretboard in accordance with the musical structure being used, are intended for this purpose. The structure of the stops reflects historical and national features of development of the dombra art of the nation, the peculiarities of musical perception of the epoch and musical acoustics. Mode function — in this sense — is the role of the generalized melodic tones in the system of generalized melodic relations.

To fix the length of the pressed string according to characteristics of musical performance and perception, and respectively, the musical structure, a fastening of

mode steps on dombra fretboard is used that are made from the same material as its strings. A fastening of the stops depends on the length of the fretboard, length of the string, that differ in each instrument.

By the length of dombra string we mean the distance from the bottom to the top stand of dombra. This part of vibrating string as often as not determines the frequency of the main tone and its overtone structure. In binding the stops the law of string vibration is used: frequency of vibrations of a string is inversely proportional to its length. This law was used by Pythagoras in constructing his musical structure. This law was also well-known to al-Farabi. One of the most important features of the national style of dombra music is a complex system of natural melodic concords, built on the system of diatonic concords: majeure (Mixolydian) and minor (Aeolian, Dorian, Phrygian), and sometimes pentatonic concords, music systems of the five sounds, that comprise continuous quint rank.

Over centuries dombra retains its basic structure and appearance. Folk masters sought to expand its sound capabilities, melodiousness, rather than diversifying the shape. Comparison of the oldest samples of dombra with instruments that existed in Kazakhstan in XIX century, shows that the development of the instrument was primarily focused towards lengthening of the neck. Short neck of dombra allowed performing melodies of a small range. There are two types: dombra that has the neck with average length, it mainly performs the kyuis of monothematic constitution, small-scale range and of short development. Dombra with a long neck lets perform compositions, extensional on scope and time, technique of playing this type of dombra reaches the highest virtuosity.

Dombra kyuis manifest a wonderful example of the ability of musical thinking to overcome the bounds, conditioned by the structure of the instrument, this is borne out by creation of musical forms, including forms imitating polyphony, really on the instrument, not playable due to its structure. Unexplainable, but clearly perceptible sound of the third voice that we hear while playing on the two-stringed dombra was noted with surprise by A. V. Zataevich [2].

The polyphony of kyuis, the development of which involves up to 4–5 voices, is manifested in a form different from the traditional European forms of hidden polyphonies. The impossibility of simultaneous extraction of more than two sounds from a two-stringed instrument caused the appearance of 4–5 voice thinking in kyuis exclusively in real two-voice texture, save for the developed system of switching on and switching off individual voices.

Two-octave instrument range is divided into zones in accordance with the stages of deploying kyui forms. Kyui starts in the low register, in the process of deploying the forms the range wavily extends to the highest point, then shrinks back to its original status. Each new wave — a step of conquest of the range is a separate section of the kyui form, where at a new pitch a new voice emerges and one previous voice is switched off. In view of distinct coordination between the zonal form generation with its zone thematization and updated composition of the voices, every voice has its own range of actions, characteristic timbre and themes, has a specific function in the development of a whole. All of them make it independent, recognizable and easily memorized.

Due to the ability of the memory to retain sound signals for some time after they were played, the listener's mind forms polyphonic kyui texture. And this type of polyphony can be called imitating polyphony. In climax sections of kyui form the texture of virtual polyphony is manifested more clearly. Leaps of one of the voices or both to large intervals (assuming that the rate of motion of dombra melodics is conjunct) create the illusion of almost real sounding of more than two voices simultaneity. For example, two-octave quart leaps in the rhythm of the sixteenth in Kurmangazy's "Sary Arqa" kyui create the illusion of simultaneous sounding of four voices, despite the two-stringed structure of the instrument.

References:

1. Zemtsovsky I. I. Musical instrument and musical thinking. (The question about the genesis of musical language)//Theoretical problems of national instrumental music. M., 1974. P. 98–99.
2. Asafiev B. Musical form as a process. M.,1971, – p.376.
3. Zataevich A. V. 1000 songs of the Kazakh nation. – M.: Muzgiz, 1963. – p.476.

Kaldayakova Aysulu Abylkassymovna,
P(h)D candidat, Kazakh National Conservatory,
Kazakhstan, Almaty,
E-mail: bntb@mail.ru

Ritual ceremony as the basis for formation of the early forms of culture

Abstract: The great steppe, background of the historical life of the nomadic world, is based on a diversity of cultures, religions, languages. Sacred (religious) culture, dating back to mythological age, constitutes the semantic ground of the concept of nomadic culture. Myth, religion, ritual music, being a historical phenomenon of the human being lie at the root of the earlier forms of culture, they laid the foundation of human culture.

Key words: myth, ceremony, ritual, shaman, picture of the world.

Калдаякова Айсулу Абилкасимовна,
докторант P(h)D, Казахская национальная консерватория
Казахстан, Алматы
E-mail: bntb@mail.ru

Ритуалный обряд как основа формирования ранних форм культуры

Аннотация: Великая степь, фон исторической жизни кочевого мира, основан на разнообразии культур, религий, языков. Сокровенная (религиозная) культура, начиная с мифологического возраста, составляет семантическую основу концепции кочевой культуры. Миф, религия, ритуальная музыка, будучи историческим феноменом человеческого существа лежат в основе более ранних форм культуры, они заложили основу человеческой культуры.

Ключевые слова: миф, церемония, ритуал, шаман, картина мира.

Культура и отдельные её формы создавалась усилиями многих поколений в течении длительного исторического времени, где миф, религия, нравственность, искусство, музыка составляли единое целое. В основе культуры был миф. Основными составляющими мифологии были: первобытные формы религии, обряд, ритуал. Ведущее положение в них занимали древнейшие религиозные представления, отражавшие миропонимание кочевых племен. Ритуалный обряд, сопровождаемый музыкой, считавшейся священной, был одним из магических способов воздействия на природу, в недрах которой формировались ранние формы культуры как культа. Человеческая жизнь всегда опиралась на определенный комплекс верований — от самых примитивных до сложнейших философских систем. Традиционные представления о макро- и микрокосмосе тесно взаимопереплетаются. Вера в зависимость жизненных интересов от вмешательства сверхестественных сил Верхнего, Среднего и Нижнего миров являются важной основой, определяющей отношение человека к действительности и к самому себе как частице этой действительности. Языческая вера древних ариев, туров, гуннов, саков, массагетов, усуний, выражалась в поклонении Солнцу, Небу, Огню Земле и Воде. Осознание своей неразрывной связи с окружающей природой является одной из социально значимых платформ идеологии языческого культа, в котором был сакрализован механизм управления повседневной жизнью народа, связанный с почитанием аруахов, обожествлением природы.

Вечное Синее Небо, наделенное сакральностью, ни в каких других ландшафтных условиях невозможно такое полное и целостное его восприятие, как в степи. Именно поэтому и появился этот удивительный Бог-Небо Тенгри, невидимый и вездесущий владыка вселенной, создатель космоса, людей, животных, податель благ, властелин и создатель мира. По мнению А. Кодара, Көк изначально понималось как «Трансцендентальное Сущее Начало, вбирающее в себя Пространство — Космос — Небо, Жизнь — Природа — Человек». *Көк* на древнетюрк. яз. ‘синий’, является синонимом *Тенгри*, «сущностное значение понятия *Көк* ‘начало жизни’, отсюда понятие *Көк шыкты*. *Көкірек* — ‘душа’, ‘дух’; *көкей* ‘память’, ‘сознание’» [8, 33].

В представлении древних людей весь окружающий их Космос имел душу, разум, поэтому ко всем этим явлениям необходимо было относиться со вниманием — приносить жертвы, совершать в их честь молитвенные обряды и культовые церемонии [9]. От-

правителями религиозных обрядов, осуществляющих связь между мирами, были шаманы. Мировоззренческая основа шаманских представлений состояла из религиозного контекста шаманского культа с комплексом мифологических сюжетов, представлений [7]. Шаманизм, как выражение определенной шаманистской картины мира, шаманского мировоззрения, основан на вере в существование духов, населяющих окружающий мир, на вере в то, что смерти нет, есть устойчивый и последовательный круговорот жизни во Вселенной [12], смерть воспринималась как новый цикл, за которым следовало начало, но уже в новом качестве. В сознании номада, бытие — это не только мир этот, земной, проявленный, но и тот, небесный, духовный, непроявленный.

В шаманском ритуале, как древнейшем способе влияния на окружающий мир, особое место принадлежало магии, колдовству, огромную роль в которых играли мелодии — сарына. Мощный рев труб, удары даулпазов, направленных на устрашение, отпугивание злых духов, сменялся таинственным звуком кобыза, асатаяка, привлекавших духов — аруахов, своим магическим воздействием. О волшебной, сакральной силе музыки говорят дошедшие до нас легенды, сказания: легендарный Коркут с помощью кобыза завораживал природу: «Даже Сырдарья на время задерживала свое течение», арфист Ши-Да своей игрой укрощал ветры и жар солнца, музыкой мог подчинять всю живую природу [2], лира Орфея действовала на царство мертвых.

На определенном этапе шаманство как религия духов превратилось в религию одного верховного духа бога — Тенгри. В своем развитии, эволюционировав от ранних форм: тотемизма, фетишизма, анимизма, шаманизма, тенгрианство достигает одной из высших стадий в религиозно-мифологическом развитии — монотеизма. Тенгрианство, как духовное учение мифологической эпохи, есть первая монотеистическая религия, в которой заложена идея единобожия [5]. Значимое место в формировании картины мира номадов отводилось культу Тенгри. Являясь первостепенным в мировоззрении и в формах самовыражения традиционной культуры, Тенгри, как верховное божество, как синтез всех астральных представлений, был адекватен понятию «Вселенная». Тенгри объединял различные ипостасии Мироздания: Мир как Абсолют, как видимая, осязаемая реальность, включающая Небо, Солнце, Луну и Землю; Мир как божественно-космическое образование с его иерархическими уровнями; Мир как совершенная Гармония — идеал [4]. Первоначально тенгрианство было не столько этнической религией, сколько совокупностью древнейших космологических идей и представлений и лишь впоследствии под воздействием религиозных доктрин оно оформилось в качестве религиозно-мифологической системы, религиозной концепции и практики.

Как культурный феномен, тенгрианство является наследием наших предков, будучи оформленной религией, дает широкое представление о этнических особенностях древней тюркской кочевой цивилизации. Тюрки верили в вечность мира аруахов, в Тенгри, в нерасторжимую взаимосвязь времен, при которой «время человека, народа и время аруахов текли одновременно, рождая чувство постоянного соприкосновения миров» [10]. Живущие с аруахами на «разных уровнях единого иерархического потока Времени», кочевники всегда ощущали их особую близость, прося содействия, помощи и благосклонности, напрямую обращаясь к Небу, аруахам. Небо воспринималось как огромность, необъятность, в сознании человека оно слито с ценностными характеристиками: непостижимостью, величием и превосходством над всем земным, всевидещее око, человек приходит оттуда и уходит туда же, в чистое голубое Небо [11].

В шумер. яз. *Дангир*, *Дингир*, япон. *Тэнно*, кит. *Тян-Ди*, алт. *Тенри*, якут. *Танра*, монг. *Тенер*, бурят. *Тэнгери*, карачаев.-балк. *Тейри*, каз. Тәңірі, в др. тюрк. *Тәңір* — в значении 'Бог', 'Небесное божество', 'Верховное божество', 'Извечная данность' [8, 32]. Интересно, что в «Древнетюркском словаре» слово *turk* интерпретируется также в значении 'бог', 'господин', 'закон', 'истина', tur означает 'тюрок', 'сила', 'власть', turk 'сильный', 'могучий' [3]. Прежде чем стать этнонимом, «слово *turik*, *turk*, *toruk* существовало в качестве имени существительного в значении 'бог' (господь), 'господин', 'закон', 'истина', и в роли прилагательного или определения 'божественный', 'священный', 'истинный', 'настоящий'» [13].

В гуннском и древнетюркском яз. *тан, тен* 'заря', 'восход', 'озаряющий, пробуждающий свет', в якутском *танг, тангар* означает действие — 'собирать', 'моделировать', 'конструировать'. Интерес вызывают интерпретация фразеосочетания Е. В. Федорова: *Айыы Тангара, айыы* 'творение', 'творить', 'творец', означает 'конструктор', 'зодчий', 'архитектор' мироздания — природы, неба, космоса» [6]. По мнению Б. Д. Кокубаевой слово *Тәңірі* состоит из двух корней *Тэн* и *рі*, первый корень означает 'небо', второй 'человек'. В современных тюркских языках слово *ер*, *ірі* 'мужчина'. Древнетюркское *Тен*, *Тэнг* '*равный*', 'равенство Творца

и Его Творения', имеющее значение 'духовного Неба', он и есть — пространство высшего бытия, а человек, сотворенный Всевышним, создавший идею духовности, воплощал различными средствами сакральный мир Вечного Духа» [9].

Понятие Тенгри (танри), широко распространенное во всем тюркском мире, трактуется как верховное божество выступающие в виде синтеза всех астральных представлений, оно адекватно понятию «Вселенная». В значении божества танри прилагалось не только к небу, но и к солнцу (кун танри), и к луне (ай танри), и к земле (жер танриси — танри жер), что свидетельствует о неразделенности божеств неба и земли)» [1]. Такое широкое определение Тенгри во многом стыкуется с космогонической мифологией, когда Вселенная» была живым творчески-созидательным организмом, становясь порождающим началом жизни на земле. Тенгри — первоначало пространственно-временного континуума и бинарных смысловых противопоставлений: «мужское — женское», «небесное — земное», «солнечное — лунное». Будучи демиургом казахского Космоса, Тенгри помещается внутри него [1].

Итак, к мировоззренческим ориентациям универсального образа жизни и культуры номадов относятся: понимание жизни как высшей ценности; кочевой способ бытия, где невмешательство в природу приобрело значение основополагающего принципа; гармоничные взаимоотношения с Космосом, Вселенной, Природой; исключительная толерантность к религиозным конфессиям, связь с иным миром, с духами предков, аруахами; духовность, главенствующая над преходящей материей; отсутствие привязанности к материальному миру; концептуализация духовно-эстетических норм поведения: честь, величие, свобода, мужество, щедрость, музыкальность, духовная чистота — это далеко не полный список духовных категорий, которые культивировали наши предки.

References:

1. Abramzon S. M. «To the semantics of the Kyrgyz ethnonyms » C. A., 1946, № 3–4:
2. Alekseev A. E. Early folkloric intoning: Pitch aspect. M.: Soviet composer,1986.- P.164.
3. Ancient Turkic dictionary. L., 1969, 599p. Ancient Turkic dictionary/under the editorship of Nadelyaeva and others. – L.: Science, 1969. – P.599.
4. Ayazbekova S.Sh. Picture of the world of an ethnos: Korkut ata and philosophy of music of the Kazakhs: Monograph. – 2nd ed.. – Astana, 2011. – P.67.
5. Doerfer G. Language of the Hunns, Danube and Volga Bolgars//Foreign Türkology. Issue 1. Ancient Turkic languages and literature. M., 1986
6. Fedorova E. V. To the issue on revival of sacral complexes of tengrian prayers of Siberian Turkic people//Tengrianism and epic heritage of the peoples of Eurasia: history and modernity. Materials of III International scientific-practical conference. – Abakan: Khakass book house, 2011. – 142 p. – P. 128–135. P.56.
7. Karakozova Zh. K., Khasanov M. Sh. Cosmos of the Kazakh culture. Almaty: Eurasia, 1993. – 79 p.
8. Kodar A. A. Turkic languages as the abode of Tengri (the experience of hermeneutic analysis)//Тіл – рухани құндылық. Language is the spiritual value. – Almaty: KIE, 2008.
9. Kokumbaeva B. D. Culturology of tengrian art. Pavlodar, 2012. – 196 p.
10. Levshin A. I. Description of Kirghiz Kaisak hordes and steppes. Almaty: Sanat, 1996. P.40.
11. Myths of the world nations. Encyclopedia. Chief editor Tokarev S. A. M.:1991, – Vol.2.- 719. P.2.
12. Serikbaev K. Tengri commandments. Almaty, 2013. – P.47.
13. Suleimenov O. Turks in prehistory. About the origin of ancient Turkish languages and writing systems. Almaty: Atamura, 2002. -. P.176177.

Kokisheva Marlena Tastemirovna, doctoral P (h)D
Kazah National Conservatory after Kurmangazy
Kazakhstan, Almaty
E-mail: bntb@mail.ru

Comparative-typological analysis of interaction of traditions in symphonic music of Central Asian region's composer schools

Abstract: The space of culture is common for the world community. It is this space that unites East and West in preservation of the cultural dialogue. It is impossible to wholly disclose the problem of comparative-typological analysis of interaction of traditions in Central Asian region, not referring to the issue of artistic creativity of the nature, its influence on the processes, taking place in the world of culture. As learning foreign culture requires some kind of activity, — practical, creative or another, — this process is carried out by means of specific people, acting as creators of culture. Creativity also means a creating subject and his personal self-development, constant efforts of renewal, for which the presence of «another» culture and another experience is a ground.

Key words: folk and professional art, symphonic style of instrumental music, the dialogue of cultures.

Кокишева Марлена Тастемировна, докторант P (h)D
Казахская национальная консерватория имени курмангазы,
Казахстан, Алматы
E-mail: bntb@mail.ru

К проблеме взаимодействия традиций в симфонической музыке композиторских школ Центральноазиатского региона

Аннотация: Пространство культуры является общим для всего мирового сообщества. Именно это пространство объединяет Восток и Запад в сохранении культурного диалога. Невозможно полностью раскрыть проблему сравнительно-типологического анализа взаимодействия традиций в регионе Центральной Азии, не обращаясь к вопросу художественного творчества природы, ее влияния на процессы, происходящие в мире культуры. Для обучения чужой культуре требуется какую-то деятельность, — практическая, творческая или иная, — этот процесс осуществляется с помощью конкретных людей, действующих как творцы культуры. Творчество означает также создание и личное саморазвитие, постоянные усилия обновления, для которых наличие «другой» культуры и другого опыта являющееся основанием.

Ключевые слова: народное и профессиональное искусство, симфоническая стиль инструментальной музыки, диалог культур..

Стремительное развитие научно-технического прогресса активизировало урбанизацию общественной жизни и, наряду с этим, глобализационные процессы, которые, по сути, являются вестернизацией, то есть повсеместным засильем американской и западной культуры, цивилизации, образа жизни. Естественно, что засилье западными ценностями послужила толчком обращения к своим корням. Запад и Восток — два совершенно противоположных типа мышления, культуры и мироощущения, вследствие чего их равноправный диалог, синтез двух субкультур становится зачастую невозможным. Безусловно, в мировой истории делались попытки преодоления этих различий. Первая связана с эллинизацией Ближнего Востока. Вторая — со статусом Византии, которая, оставаясь, по сути, восточной страной, оказала большое влияние на культуру и религию Европы. Эти примеры можно продолжить.

Наряду с «противопоставлением» и «соревнованием» между двумя противоположными философскими системами в современном искусстве имеется немало образцов, в которых предпринимаются попытки их сближения, к примеру, музыкальное искусство. В мировой концертной практике уже накоплен опыт совместного музицирования исполнителей на «европейских», «профессиональных» и традиционных музыкальных инструментах. Соревнования переходят на конструктивный диалог, основным содержанием которого становятся поиски общих корней, синтез, сближение культур.

Существенное значение для понимания роли диалога культур, формирования его в тех или иных условиях, в том числе в контексте больших пластов Восточных и Западных цивилизаций, имеют общетеоретические и собственно культурологические исследования. Исследованиями типологических особенностей Востока и Запада занимались Р. Генон, А. Камю, Г. Гессе, И. Тэн, Б. Р. Виппер, А. Д. Алехин, Л. Г. Андреев, А. И. Мухамбетова, М. М. Ауэзов. Особое значение для понимания Западных и Восточных культур имеют работы Л. Гумилева, И. Бродского, Н. И. Конрад, Г. Гачев, Л. И. Ремпель и др.

История взаимодействия двух цивилизаций — западной и восточной — имеет давнюю историю, берущую свое начало с периода становления европейской культуры. Центры профессиональной композиторской музыки были сосредоточены в основном в таких странах как Австрия, Германия и Италия. В этот период на европейскую музыкальную культуру, оказывают влияние новые веяния польской, венгерской, чешской, русской, а позже, с начала XX века — финской и американской композиторских школ. Следующий за эпохой романтизма импрессионизм еще больше усиливает интерес к экзотическим краскам и пряным ароматам Востока. И, как следствие, — появление живописных полотен Поля Гогена, ориентализм арабесок Клода Дебюсси и испанских мотивов музыки Мориса Равеля.

Интерес к Востоку усилился в XX веке. Пресыщенный запад начинает понимать насколько богата и своеобразна восточная культура, философия, резко отличающаяся от западного диалектического мышления. Резкое ускорение темпа жизни и самого человеческого существования способствовало обретению новых реалий культурного бытия. Меняется содержание искусства, появляются новые его виды, формы и жанры. Конец XX — начало XXI века можно смело назвать эпохой сближения Востока и Запада, конструктивного равноправного диалога между ними. «Отныне понятие «мировая музыка» перестало отождествляться всецело с искусством Европы <…> рухнула «китайская стена», отделяющая культуру европейских народов от неевропейских» [1, 51], все отчетливее и увереннее звучит голос Востока, завоевывающий лидирующие позиции, эта тенденция не осталась незамеченной в трудах музыковедов: «Словно стремясь на новом витке человеческой истории вернуть былое могущество (известно, сколь велико было значение древневосточных цивилизаций), народы Востока заявляют о себе все настойчивее и решительнее. Начат волнующий творческий диалог с Европой, которая постепенно утрачивает свою многовековую монополию» [2, 11].

Прежде чем говорить о взаимовлиянии культур Востока и Запада, нужно помнить, что сам Восток неоднороден. Помимо его деления на кочевой и оседло-земледельческий миры, страны Востока сформировали три различные типы цивилизаций. Первая из них принадлежит к «китайско — дальневосточной конфуцианской», вторая — мусульманской, третья — индо-буддийской. Данные особенности породили различия государственного строя, общественного уклада, религию и мировоззрение «трех миров». Все это не могло не сказаться как на традиционной устной профессиональной музыке, так и на академическом композиторском творчестве письменной традиции. Исследование взаимодействия традиций в симфонической музыке композиторских школ Центральноазиатского региона невозможно без выявления типологических особенностей каждой из этих культур, особенностей той или иной культуры. Мы ограничимся анализом взаимодействия традиций в симфонической музыке композиторских школ, близких нам по идеологии и социальному укладу: узбеков, киргизов, башкир, татар и т. д.

В странах бывшего СССР тенденция взаимовлияния национальной традиционной музыки и т. н. «профессионального» композиторского творчества имело свои особенности. Самобытная национальная культура стала трактоваться как «устаревшее менее прогрессивное» явление, «музейный артефакт», несущий в себе «пережитки» и идеологию патриархально-феодального прошлого. Ей противопоставлялись академическая музыкальная культура и композиторское творчество западного образца, которые к тому времени были на достаточно высоком уровне. Противостояние «прогрессивного» и «регрессивного», «народного» и «профессионального» сохранилось на территории бывшего СССР вплоть до середины 80-х гг. и внедрялось в систему всех уровней музыкального образования. Политика и идеология социалистического прошлого повлияли на государственную систему образования, в том числе и музыкального, в котором господствовали единый образец и стандарты обучения европейской письменной профессиональной традиции. Своя национальная музыка использовалась в сочинениях композиторов на местах, но это происходило в рамках стиля и форм, выработанных западной и русской классической музыкой.

Начиная с 70-х гг. стали происходить положи-

тельные сдвиги. В среде национальной интеллигенции в различных республиках повсеместно стал расти интерес к своей родной культуре, ее истокам, традициям. Постепенно пришло понимание, насколько оригинальна и богата традиционная культура народа и сколько в ней имеется потенциальных возможностей. Об этом пишет А. И. Мухамбетова: «… распространенное мнение об отсутствии профессиональной музыкальной культуры у казахов (как, впрочем, и у некоторых других народов Средней Азии) в дореволюционное время является заблуждением» [3, 306]. С 80-х гг. на всем пространстве бывшего Советского Союза началось интенсивное изучение традиционной культуры — бесценного народного богатства, об этом свидетельствуют многочисленные Международные симпозиумы, конференции, посвященные традиционному наследию. Новаторские веяния не обошли стороной и композиторское творчество письменной традиции. Если до этого времени, в музыкальных произведениях композиторов преобладали преимущественно европейские стили и формы с «вкраплением» национального материала, то к концу XX века стали появляться настоящие шедевры, основанные на синтезе общечеловеческого и национального, Запада и Востока

Помимо общих тенденций, развитие национальной композиторской школы бывшего СССР имело свои особенности. Первая кроется в специфике той или иной художественной традиции. Так, в фольклорном и народно-профессиональном пласте русской и украинской музыки преобладает песенная культура. Отсюда в композиторском творчестве этих стран большое внимание уделяется мелосу, его интонационному богатству, широте дыхания и выразительности. Данная тенденция оказала влияние на развитие новых жанров и форм, песенная мелодическая природа русской традиционной культуры послужила одной из причин появления нового жанра как вариации на сопрано остинато.

В традиционной культуре других стран, например, в казахской, большее развитие получила инструментальная музыка. В XIX в. иностранные путешественники, ученые-исследователи, посетившие казахские волости, обращали внимание на «законченность» и универсальность, казалось бы, незатейливого и простого инструмента как домбра, на «оркестровую» мощь и динамику кюя-токпе. Приведем высказывание русского путешественника И. Савичева об игре великого композитора-кюйши Курмангазы Сагырбаеве: «Курмангазы настроил струны и без прелюдий вдруг заиграл импровизацию, такова сила человеческой способности, — из домбры выходила чистейшая музыка, которую можно поставить наряду с произведениями европейской образцовой музыки. Сагирбаев — редкая музыкальная душа и, получи он европейское музыкальное образование, то был бы в музыкальном мире звездой первой величины» [4, 72–74]. Тембровую многомерность кюя-токпе отмечает А. И. Мухамбетова: «Симфонический» характер казахского кюя-токпе связан с тем, что сам звук домбры является очень насыщенным и богатым обертоникой, что, несомненно, создает «оркестровый» эффект» [3, 235]. Об этом же пишет киргизский этномузыковед Р. Аманова: «… по своему содержательному значению народный кюу, песня, дастан для кыргызской культуры нисколько не уступают симфонизму в европейской культуре» [5, 114].

В. Виноградов отмечает: «Музыкальная культура соседних с киргизами народов — узбеков, таджиков неоднородна, многослойна. В ней выделились особо сложные жанры, доступные исполнению народных музыкантов и певцов-профессионалов, как, например, макомы у узбеков и таджиков» [6]. Эти музыкальные формы существенным образом отличаются от массовой народной песни и инструментальных пьес. В киргизской музыке не произошло формирование такого профессионального жанра. «Конечно, в ней имеются различные жанровые подразделения, но в целом она по сравнению с другими культурами более однородна. Любое произведение народного творчества доступно исполнению каждого певца или музыканта, который в той или иной мере владеет голосом или инструментом» [6, 72]. Говоря о том, что кочевая среда сформировала особый тип профессионального музыканта, исследователь подчеркивает: «Вместе с тем, судя по их биографиям, они никогда не представляли собой какой-то обособленной группы, цеха, не делали из своего искусства не только единственного, но даже главного источника средств к существованию. Киргизские музыканты в массе своей были демократичными даже по условиям своего быта» [6, с. 184]. На демократичный характер устной кочевой и полукочевой культуры обращали внимание исследователи туркменской музыки: «оставаясь в буквальном смысле всенародным достоянием, музыка не теряет, тем не менее, своего профессионального характера, обеспечивающего ей известную высокую степень совершенства… Играть и петь в Туркменистане, как и везде, может всякий» [7, 41]. Академическая композиторская школа письменной традиции в Казахстане,

Кыргызстане и Туркменистане, сохранила демократический дух традиционной культуры, в симфонической музыке композиторов XX века вплоть до 80-х гг. сохранилась живая пульсация, энергия, мощь, широта и динамика инструментального кюя.

Оседлый образ жизни формирует расслоение общества на социально неоднородные классы и группы: правящее меньшинство «элита», воинское сословие и простолюдины — земледельцы, ремесленники, производители материальных благ. Эта разделение общества привело к зарождению и развитию городов, где музыка и искусство стали служить потребностям той или иной социальной среды. «Профессиональная музыка устной традиции, как известно, сформировалась в условиях городского музицирования и в исполнительских традициях маститых певцов и инструменталистов» [8,9]. Именно там зародились основные предпосылки деления искусства на «элитарное» и «массовое», городское и сельское. Города Средневековья — будь то Восток или Запад — сформировали новые виды человеческой деятельности, одним из которых стала профессия придворного музыканта. Утонченные вкусы и эстетические запросы правящей элиты общества дали толчок к зарождению и развитию новых музыкальных жанров — индийской раги, узбекского макома, азербайджанского мугама и т. д. В музыке глубокого философского содержания живет импровизационное начало, строго подчиненное законам интонационного развития, ритма, формы.

Переосмысление в творчестве композиторов письменной традиции происходит иначе, чем в соседних странах — России, Казахстане, Кыргызстане и т. д. В их музыке, в отличие от мощи и динамики симфонических произведений кюев-токпе, преобладает статика, лирическое созерцательное настроение. Данная особенность была отмечена в узбекских музыковедческих трудах: «Воздействием макомной музыки, а шире — развитых лирических жанров национального наследия, во многом объясняется и особое развитие лирико-философской линии симфонизма, тяготение к симфоническому стилю, в отличие, скажем, от Казахстана, где ярче развивается активное, действенное начало, отражающее повышенную динамику кюев» [9, 81].

Проблема Востока и Запада в музыкальной культуре, освещенная в отечественной и зарубежной литературе, неисчерпаема и таит в себе еще много загадок для ученых и исследователей будущего. Казахская музыка в этом плане не исключение, она является своеобразным барометром, чутко реагирующим на изменения и коллизии современной нам эпохи.

Итак, многообразные явления интеграции различных национальных культур являются той движущей силой музыкального искусства, которая наполняет его новым содержанием, рождает новые формы и средства выразительности, прогрессивные идеи, особенно когда во взаимодействие выступают различные художественные системы, а именно культуры Востока и Запада. Только общность эволюционных путей Востока и Запада будет способна решать судьбы народов, а для того, чтобы эти пути сошлись, необходимо взаимопонимание, построенное на широкой основе обмена культурными и духовными ценностями.

References:

1. Irzabekova E. S. East and Western musical romanticism. Almaty, 1992–40 p.
2. Yanov-Yanovskaya N At the origins of polyphony in Uzbek music.//Music of the Asian and African nations. – 11–45 p.
3. Mukhambetova A. I. National and international aspects in the music of Soviet Kazakhstan (the issue of kyui)//Amanov B. Mukhambetova A. Kazakh traditional music and XXth century. Almaty: Dyke press, 2002,
4. Zhubanov A. K. The strings of centuries. Almaty: Dyke press, 2001. 72–74 p.
5. Amanova R. A. Kyrgyz folk and professional song tradition. Dissertation. Phd in art history. Manuscript. Almaty, 2006. – 121 p.
6. Vinogradov V. Kyrgyz folk music. – F.: Kyrgyz state publishing house, 1958. – 72 p.
7. Uspenskyi V., Belyayev V. Turkmen music. – Almaty: The Soros-Kazakhstan foundation, 2003. – 832 p.
8. Karomatov F. M. Makamat in contemporary conditions//Professional music of oral traditions of Middle East nations and modernity. – Tashkent: 1981. – 9–15 p.
9. Yanov-Yanovskaya N. The ways of genre acquisition (about modern Uzbek symphony)//Musical culture of the fraternal republics of the USSR. Kiev: Musical Ukraine, 1982. 80–97 p.

Krilova Inna Nikolaevna, North-Caucasian Federal University,
Humanitarian institute, candidate of pedagogical sciences, associate
professor of the chair of design, department of history, philosophy and arts
E-mail: Dizain_sieu@mail.ru

Development of spatial arts in the Stavropol territory in the period of antiquity (the first Millennium BC)

Abstract: in the article the peculiarities of spatial arts in the Stavropol territory in the period of antiquity, architecture, decorative and applied art, sculpture on the example of the artistic heritage of the Koban and Scythian cultures.

Keywords: Koban art, Scythian art, funerary architecture, monumental sculpture, decorative art.

Крылова Инна Николаевна, Северо-Кавказский федеральный университет,
Гуманитарный институт, канд. педагогических наук, доцент кафедры дизайна,
факультет истории, философии и искусств
E-mail: Dizain_sieu@mail.ru

Особенности развития пространственных искусств на Ставрополье в период Древности (I тыс. до н. э.)

Аннотация: В статье раскрываются особенности развития пространственных искусств на территории Ставропольского края в период Древности (I тыс. до н. э.): архитектуры, декоративно-прикладного искусства, скульптуры на примере художественного наследия кобанской и скифской культур.

Ключевые слова: кобанское искусство, скифское искусство; погребальная архитектура; монументальная скульптура; декоративно-прикладное искусство.

На территории современного Ставропольского края в период Древности наиболее заметное развитие получили такие виды искусств, как: архитектура, скульптура и декоративно-прикладное искусство. Из культур, существовавших на территории края в I тыс. до н. э. и характеризующихся значительным уровнем художественных достижений можно выделить кобанскую и скифскую.

Горные области Центрального Кавказа по обе стороны Главного Кавказского хребта, а так же северные склоны предгорий Центрального и частично Северо-Восточного Кавказа в I тыс. до н. э. заселяли племена кобанской культуры, названной так по могильнику, открытому близ аула Кобан в Северной Осетии [1]. Эта культура исконно кавказского населения отличалась высокими достижениями в области обработки бронзы и благородных металлов. Для носителей кобанской культуры эпохи рассвета (XI — VII вв. до н. э.) характерна прочная оседлость. Их поселения располагались на естественно укрепленных возвышенностях (поселение на Крестовой горе в г. Кисловодске). На Ставрополье известно много кобанских памятников. Это Березовский могильник на р. Березовке, Кисловодский могильник на территории санатория им. Горького, могильники в г. Пятигорске, у горы Бык около г. Минеральные Воды и др. [1]. Кобанцы повсеместно возводили наземные жилища из камня и плетеного деревянного каркаса с глиняной обмазкой. Они, как правило, состояли из двух отделений: жилого и хозяйственного. В хозяйственной половине встречаются предметы, говорящие о существовании домашнего производства: косторезного, гончарного и т. п. На некоторых поселениях археологами прослежены узкие улицы, вымощенные булыжником. Могильники кобанской культуры располагались вблизи поселений. Захоронения производились в простых грунтовых ямах, в ямах со стенками, выложенными булыжником, или плитками, в массивных каменных ящиках, перекрытых целыми плитами или их обломками. В мужских погребениях IX — VII вв. до н. э. иногда вместе с покойным укладывались орудия труда, оружие. В женских захоронениях нередки находки глиняных грузиков веретен, швейных игл, украшений, глиняной посуды. Специфические формы оружия и украшений из бронзы, выполненных в сложных техниках декорирования, с изображениями животных, а так же особенности форм и украшений керамических изделий, подчеркивают уникальности культуры и являются ее маркерами. Для этой культуры характерна посуда определённых форм: миски

с округлым, плавно загнутым внутрь краем, кубки, одноручные кувшинчики и бокалы. Они украшены богатым орнаментом, состоящим из заштрихованных полос в виде геометрических фигур, ёлочек, спиралей. В изображениях орнамента был заложен как декоративный, так и магический смысл [2]. Кобанское прикладное искусство в целом поражает уверенностью рисунка, острой наблюдательностью и поистине блестящим мастерством художников, гравёров, скульпторов-литейщиков. Художественные предметы, выполненные ими, стоят на грани высокого искусства. Необычайно яркий расцвет бронзовой металлургии оказался непревзойдённым и в последующие эпохи.

Искусство Ставрополья в VII — IV вв. до н. э. ярко представлено творчеством скифов. Именно скифы оказали заметное влияние на жизнь и культуру древнеадыгейских племен, обитавших по течению реки Гипанис (Кубань) [4]. Скифское изобразительное искусство получило всемирную известность благодаря своему неповторимому звериному стилю. Исследователи выявили прямую связь этой самобытной изобразительной системы с культом военной доблести. Образы хищных животных и птиц или изображения их частей: глаз, когтей, лап, раскрытой пасти — носили сакрально-магический характер. Они как бы усиливали боевое качество оружия и коня, придавали особую смелость, меткость, удачу, быстроту воинам-всадникам. Изображения фантастических и реальных стилизованных зверей встречаются у скифов в декоративных изделиях и в орнаменте. Исследователи полагают, что прародиной звериного стиля явился Ближний Восток, Иран. Стремясь по мере сил подняться до уровня восточных владык, кочевая знать использовала древние и традиционные изображения зверей в организации пышных ритуальных церемоний, в частности, погребальных. Так, в погребениях на Ставрополье археологи часто находят навершия, составляющие одну из достопримечательных категорий вещей скифской материальной культуры. В большинстве случаев навершие представляет собой круглую скульптуру небольших размеров, венчающую металлический деревянный шест, который, скорее всего, устанавливался по четырем углам захоронения.

В коллекции краеведческого музея г. Ставрополя представлены две пары изумительных бронзовых наверший с образами грифона и оленя. Фигура оленя выполнена в типичной для скифского стиля манере: линии тела округлы, спина животного немного выгнута; глаза и ноздри характеризуется особой рельефностью, общая форма изысканно пластична [6]. В навершие с образом грифона ярко представлена разновидность звериного стиля –тератологический («чудовищный»). Голова грифа с хищно открытым клювом выглядит грозно-устрашающей. Оба навершия отличаются утончённой эстетикой и выразительностью. В их образах удивительно совмещаются фантазия и реальность. Произведения демонстрируют высочайший уровень технологии литья, которым в совершенстве владели скифские мастера. Навершие с образом оленя стало своеобразным символом не только краеведческого музея г. Ставрополя, но и всей скифской культуры на Ставрополье. Кроме художественно-эстетических достоинств, навершие имеет интересное звуковое устройство. Так, упомянутые выше образцы обладают не цельным, а полым объемом. Внутри наверший находится маленький металлический шарик. Он подвижен, и при покачивании навершия легко ударяется о боковые стенки полости, рождая глухие мелодичные звуки. В связи с этим, некоторые исследователи предлагают рассматривать навершия как своеобразный музыкальный инструмент шаманов. Отдельные ученые связывают их с культом солнца, идеей плодородия; третьи — наделяют охранной функцией, предполагая, что характерные звуки могли отпугивать нежданных гостей: людей, зверей и птиц от захоронения.

Другими характерными произведениями скифского искусства являются многочисленные каменные изваяния, встречающиеся по всей территории Северного Кавказа, в том числе и Ставрополья [3]. В основу таких скульптурных произведений заложен образ мужчины-воина с его обязательными деталями костюма: шлемом и гривной. Изображение трактуется древними мастерами довольно схематично и выглядит архаичным, но в тоже время демонстрирует высокий уровень обобщения и стилизации, в лучших образцах поднимаясь до символа. Материалом для них служил песчаник. Высота скульптур обычно колеблется от 1,5 до 2-х метров, если не брать во внимание ту часть, которая зарывалась в землю. Размещение изваяний напрямую зависело от мест ставок, где сосредотачивалась общественная и религиозная жизнь племени, или от расположения захоронения. Установка статуи вождя-начальника на его могиле была одним из культовых обрядовых элементов. Являясь прекрасными воинами, скифы большое значение придавали качеству вооружения и снаряжения. У них, помимо технологии обработки черных и цветных металлов, существовала сложная и разнообразная техника изготовления изделий из кожи, особенно таких, как ос-

нова для металлических наборных панцирей, поясов, различных частей конных уздечек. В связи с кочевым образом жизни у скифов слабо развивались домашние промыслы, такие как производство керамики, косторезное и деревообрабатывающее ремесла.

Из скифской архитектуры наибольшей художественной ценностью обладают курганы. Ярким примером погребального сооружения такого типа является известный Александрийский курган. Археологи датируют его первой четвертью VI века до н. э. До 70-х годов XX века он располагался около хутора Красное Знамя, в 14 километрах к югу от села Александровского [5]. Его высота доходила до отметки 11 метров, диаметр — до 100 метров. Объем кургана был сформирован из земли и глины. Большое количество камня покрывало всю насыпь панцирем. В 1973 году строителям Большого Ставропольского канала пришлось его снести. Это обстоятельство позволило обнаружить внутреннее устройство кургана. Так, на поверхности древней почвы скифскими зодчими была возведена каменная стена. Ее высота достигала двухметровой отметки, а диаметр был равен 45 метрам. Внутри нее, концентрическими кругами, размещались деревянные столбы и плетень. В центре кургана располагалось сооружение с главным погребением. Оно представляло собою круг диаметром 12,5 метра, его стены были выполнены из крупного камня в два ряда с глиняной подушкой между ними. Главное погребение было полностью разграбленным и практически не сохранилось. В восточном секторе размещалось еще одно, довольно оригинальное архитектурное сооружение культового назначения. Оно представляло собой постройку в постройке без крыши и достигало около 3-х метров по высоте. Внутреннее прямоугольное сооружение имело выступ, перед ним находилась низкая глиняная площадка, слегка возвышающаяся над поверхностью почвы. На уровне верха стен располагался каменный жертвенник в виде плиты корытообразной формы. На нем сохранились останки костра. Внешняя линия стен была возведена из камня и сырцового кирпича, причем снаружи поверхность была обработана штукатуркой и выкрашена в красный цвет. В юго-западном секторе кургана было обнаружено помещение для жертвоприношений, огороженное вертикально поставленными каменными плитами. Здесь сохранились кости людей и животных, бронзовые наконечники стрел, фрагменты ювелирных украшений: бусины, бисер, золотые обкладки погребальных носилок, золотые пуговицы, большие сосуды с геометрическим орнаментом и т. д. В многочисленных курганах скифской знати на Ставрополье ученые продолжают находить скопления высокохудожественных золотых и серебряных сосудов, оружия, украшенного золотом и серебряной отделкой.

В завершении краткого обзора развития искусства на Ставрополье в I тысячелетии до н. э. необходимо отметить, что художественные традиции кобанцев — исконно кавказского населения и кочевников-скифов оказали заметное влияние на дальнейшее развитие искусства на территории края и региона [7]. Впоследствии они получили своё яркое воплощение в творчестве многих народностей Северного Кавказа, прежде всего адыгов, а сохранившиеся произведения искусства стали достоянием не только общероссийской культуры, но и приобрели всемирное значение.

Список литературы:

1. История Ставропольского края от древнейших времен до 1917 года: Регион. учеб. для общеобразоват. учеб. заведений/А. В. Найденко, И. М. Назарова [и др.]. – Ставрополь: СКИПКРО, 1996. – 304 с.
2. Край наш Ставрополье: Очерки истории/науч. ред. Д. В. Кочура, В. П. Невская. – Ставрополь: Шат-гора, 1999. – 528 с.
3. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа/Е. И. Крупнов. – М.: Советская Россия, 1960.
4. Нарожный Е. И. Северный Кавказ: этапы исторического развития/Е. И. Нарожный. – Армавир: АГПИ, 2000. – 39 с.
5. Памятники истории и культуры Ставрополья/авт. сост. В. В. Госданкер [и др.]. – Ставрополь: Ставр. фонд культуры, 1993. – 144 с.
6. Ставропольский краеведческий музей им. Г. К. Праве/Л. Феоктистова и др. – Минеральные Воды: Кавказ. здравница, 1990. – 45 с.
7. Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа [Текст]: Сборник научных трудов/НИИ худож. пром-сти; [Отв. ред. Н. В. Черкасова]. – М.: НИИХП, 1987. – 136 с.

Nie Qi, PhD student of the Belarusian and world art institutions
«Belarusian State University of Culture and Arts», Republic of Belarus, Minsk
E-mail: alesia_gr@mail.ru

Specifics of the instruments and materials in the traditional chinese paintings

Abstract: Authors revealed the specifics of tools and materials of the traditional Chinese paintings. The existing forms and properties of brushes, analyzes the main types of mascara.

Keywords: materials and tools of the traditional Chinese paintings

Не Ци, Аспирант кафедры белорусской и мировой художественной культуры
учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств»,
Республика Беларусь, Минск
E-mail: alesia_gr@mail.ru

Специфика инструментов и материалов китайской традиционной живописи

Аннотация: Автором выявлена специфика инструментов и материалов китайской традиционной живописи. Рассмотрены существующие формы и свойства кисточек, проанализированы основные виды туши.

Ключевые слова: материалы и инструменты китайской традиционной живописи.

Китайская культура является одной из древнейших среди существующих в современном мире. Зародилась она несколько тысячелетий до нашей эры и непрерывно развивается до сих пор. Многочисленные набеги кочевников, кровопролитные и жестокие междоусобные войны, завоевания иноземцев неоднократно опустошали и разоряли страну. Тем не менее, величие культуры Китая состоит в том, что, не смотря ни на что, она продолжала существовать и противодействовать всем потрясениям как целостный и крепкий массив. Города восстанавливались по имеющимся чертежам и в рамках тех же традиций, и, как только наступала пауза, страна с той же интенсивностью начинала жить хозяйственной и духовной жизнью.

Китайская традиционная живопись как вид искусства тесно связана с использованием инструментов и материалов. Чтобы выявить ее особенности, необходимо изучить материалы и инструменты, используемые в художественной практике, а также свойства красок.

Форма и свойства кисточек, как одного из основных инструментов художника, за свое тысячелетнее развитие претерпела существенные изменения. Возникло множество их видов, более профессиональными стали технологии изготовления. При изготовлении кисточки нужно придерживаться четырех добродетелей: цзянь, ци, юань и цзянь, которые заключают в себе основные характеристики хорошей кисточки, а также критерии ее выбора. Понятие «цзянь» («острие») характеризует кончик кисточки, который должен быть похож на побег бамбука с острой верхушкой. Понятие «ци» («ровный») характеризует кончик кисточки, который после смачивания водой и соприкосновения с поверхностью должен быть идеально ровным по всей длине. Понятие «юань» («круглый») характеризует форму кончика кисточки: после смачивания он должен свободно двигаться по поверхности во все стороны. Только при соблюдении этих условий кистью можно нарисовать идеально круглые и плавные формы. Понятие «цзянь» («здоровый») относится к степени эластичности кончика кисточки: после смачивания кисточка должна свободно вращаться на ногте или бумаге, причем ее кончик должен сохранять свою форму. Как отмечают исследователи, искусство изготовления кисточки развивалось параллельно с искусством каллиграфии. Мастера исходят из запросов художников, используя при изготовлении кисточек различные материалы животного происхождения (волос барсука, лошади, медведя и т. д.). Наиболее широко используемыми в изготовлении кисточек являются заячья, козья и волчья шерсть, которые обладают наилучшими характеристиками.

Жесткий волос для кисточек получают из волчьей шерсти, а также из самой эластичной — заячьей шерсти (волос из шейной части обладает наибольшей

упругостью). При изготовлении кисточек также используются мышиные усы и свиная щетина. В процессе рисования такие кисточки слабо впитывают тушь, поэтому ими можно очень точно прорисовывать объекты. Что касается жесткой кисточки, то при ее использовании нельзя рисовать слишком быстро.

Мягкие кисточки изготавливаются из овечьей шерсти и куриного пуха. Такие кисточки очень гибкие и это их качество высоко ценится. Мягкий волос быстро впитывает тушь, кончиком такой кисточки легче рисовать круглые объекты, нежели прямые прямоугольные. Мягкой кистью легче рисовать быстро. Художники также используют кисточки со смешанным волосом, которые по характеристикам находились между жесткими и мягкими, сочетая их свойства. Как правило, для их изготовления используется овечья, волчья или заячья шерсть.

Для изготовления кисти с круглым концом используется шерсть зверей и перья птиц. Ручка кисти делается из бамбука или дерева. Художники применяют кисти разной толщины, твердости, густоты, влагоустойчивости и, меняя эти параметры, создают образы, наполненные жизненной энергией.

По данным Хань Вэя, в Китае существует две технологии изготовления кисточек: «сянби» и «хуби». Различия между ними заключается в способах закрепления волоса. Центр изготовления кисточек «сянби» находился в городе Чаньша, провинция Хунань (сокращенно — «Сян»). Хунаньский способ заключается в том, чтобы разделять слои в кисточке. Этот способ изготовления также используется в провинциях Хунань, Цзянси, Сычуань, Шаньдун, а также на юго-западе Китая. Технология «хуби» берет свое начало в провинции Чжэцзян уезда Усин, который в древности называли Хучжоу. Техника изготовления представляет собой разделение кисточки на ровные слои. В качестве материала используется шерсть овцы, волка, кролика, а также известная во всем мире шерсть горных цзясиншаньских овец. Технология «хуби» используется в провинциях Чжэцзян, Фуцзянь и Цзянсу.

Тушь и кисть стали использоваться в живописи Китая практически одновременно. В 1954 г. вблизи города Чанша во время раскопок могильника эпохи Воюющих царств была найдена целая корзина кусков черной глины (использовалась для изготовления туши), а также несколько исписанных тушью бамбуковых дощечек. Позднее, в 1975 г., в уезде Куньмэн провинции Хубэй в могильнике Спящего тигра, который относится к эпохе Ци, нашли кусок твердой туши в форме цилиндра. Археологи обнаружили также каменную тушечницу и камень для растирания туши, что дает представление о принципе приготовлении туши. Синтетическую тушь из угля с добавлением клея начали использовать в эпоху династии Хань. Впоследствии на протяжении долгого времени люди использовали тертую тушь, которую необходимо было разводить водой или каким-либо другим жидким веществом.

Достоинства и недостатки туши напрямую влияют на качество письма. Стандартом качества является абсолютно черная тушь, которая при высыхании дает фиолетовый оттенок. Каллиграфы и художники весьма принципиальны в выборе туши. Самая известная тушь — «хуэймо», — была изобретена в эпоху Тан чиновником Ли Тингуем при местном императорском дворе провинции Аньхуэй. На протяжении всей истории развития живописи технология изготовления этой туши переходила от поколения к поколению. В эпоху Мин и Цин стали известны имена других мастеров изготовления туши: Фан Юйлу, Ху Кайвэнь, Цао Сугун, Чэн Цзюньфан и др.

Выделяют тушь двух видов: сосновую и масляную. Сосновая тушь изготавливается из пепла сосновых веток. Цвет ее насыщенно черный, но не блестящий. Данная тушь хорошо растворяется и впитывается. Масляная тушь изготавливается в процессе сжигания тунгового, рапсового масла или свиного жира. Данный вид туши больше подходит для детальной работы. Цвет масляной туши — черный и блестящий. Ею особенно активно пользовались мастера эпохи Мин и Цин.

Таким образом, китайская традиционная живопись является одной из немногих существующих в современной культуре неевропейских традиций живописи. Особенность китайской традиционной живописи состоит в используемых материалах и инструментах.

Section 4. History
Секция 4. История

Dalibor M. Elezović, Ph. D
Department of History University of Mitrovica
E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs

An effort by Pope Alexander VII to organize broader anti-Ottoman coalition in the year of 1666.

Abstract: This report discusses an attempt of Pope Alexander VII to incorporate the Swiss Catholic cantons in alliance with Venice against the Ottomans in 1666. Venice was at that time in an exhausting war with the Ottoman Empire because of Crete. This war has hindered the position of the St. Mark republic, particularly its business, which was based fairly on a trade with the Ottoman state. Crete was an important trading destination in the Mediterranean and the only remaining stronghold of Venice in the East. The Swiss did not join this alliance and Venice had lost Crete in a peace accord which they signed in 1669.

Keywords: Alexander VII (1655–1667), Venice, Switzerland, Ottoman Empire, Cretan War.

Christian Europe has not managed to unite against the Ottoman invasion for several centuries. Europe was not united, not even when it was twice been compromised, the very capital of the Holy Roman Empire, Vienna. This issue has not drawn much attention of researchers in European historiography to date. Contemporary researcher of relations between Islam and Christianity in the Mediterranean region, Jeremy Jones, rightly points out that the modern Western historiography largely ignored the great danger when the West was threatened by the Ottoman Empire between the 15th and 17th centuries, reducing it to regional conflicts [9, 220].

In addition to all efforts to organize the broad European coalition to stop the threat of further progression of the Ottoman Empire in the West, it was never organized to the full extent. During the ferment for the foundation of such alliances Roman popes played a central part. On one such attempt of the Vatican to arrange a broader coalition against the Ottomans we are treating with this clause. This thought came to Pope Alexander VII (1655–1667), at the peak of the Cretan war between Venice and the Ottoman state. On this occasion, the Pope wrote from Sienna to Catholic Swiss cantons, asking them to help Venice in the war against the Ottomans. This letter from the Pope to Catholic cantons is kept in the State Archives of Fribourg in Switzerland [1]. Among other things, Siena is the hometown of Pope Alexander VII, the seat of his banking family of Chigi. Before being elected for the Pope, Alexander Chigi was nuncio in Cologne and therefore near to the Habsburg policy, and how the French were opposed to his election as Bishop of Rome, the Vatican and France relations in his time, became worse [8, 72–73; 6, 283–284]. In the war against the Ottoman Empire as an ally of Venice the Papal State was involved, but also other European countries. Long-term Cretan war has greatly weakened the economy of the Republic, which has largely benefited from the lucrative trade with the Ottoman Empire [4, 124–126]. On the other hand, the economy of the Ottoman Empire did not rest solely on commercial affairs, and in the very conflict Ottomans were able to strengthen their authority on the island mainly due to the strong leadership of the great vizier of Köprülü family. All this resulted in a major offensive in 1666 against Venice. The offensive, which endured for two years is believed to be the bloodiest and most vicious part of warfare, and ended the peace negotiation, according to which the whole island and the urban center of Iraklion came under Turkish rule [10, 539–542]. For the most part the war was waged in the Levant and Venetian lands on the eastern coast of the Adriatic Sea. Just in 1665/66 Ottomans sent in significant military forces to Crete for the purpose of the occupation of the whole island [5, 292–203].

Alexander VII had the idea that the Swiss Catholic cantons, which have maintained excellent relations

with the Vatican, could provide military assistance to Venice, which was on the defensive in conflict with the Ottomans [1]. Venice was during the 16th century, almost completely driven out of the eastern Mediterranean and left with only one stronghold, Crete. That Venetian post was a thorn in the eye of the Ottomans, who wanted to completely suppress the Republic of St. Mark's to the west. Venice now remained only the holdings on the eastern Adriatic coast, and who have themselves been exposed to Ottoman pressure. Alexander VII supported the Jesuits at the time he sought help from Venice in Crete against the Ottoman Empire. The Pope in turn extorted a promise that the Jesuits will be able to return to the Venetian territory, where they were driven out in the early 17th century. Candian war was exhausting for the Republic and lasted from the year of 1645 until the 1669. Venetian trade was to a large extent focused on the business of with the Ottoman state and the war seriously jeopardized its economy [10, 543–547; 12, 30–35].

The circumstances that compelled Alexander VII to turn to the Swiss Catholics were practical. Switzerland, during the 16th century, was shaken by the process of the Reformation, which permanently divided its society. Then there was the time of the reforms of the Roman Catholic Church, the resistance against Protestant expansion and struggle with their own weaknesses. Swiss Catholics were trying to resist primarily Protestant expansion [13, 171–180; 8, 31–44]. In the historiography, this period is known as the Confederation of thirteen cantons de facto independent community and de jure part of the Holy Roman Empire, until the Peace of Westphalia in 1648. The Confederation of thirteen cantons, were the following cantons: Zurich, Bern, Lucerne, Uri, Schwyz, Obwalden, Zug, Glarus, Fribourg, Solothurn, Schaffhausen, Basel and Appenzell, as well as a certain number of federal states and cities. Divided Swiss society, turned to its traditional allies. Catholics were strongly influenced by the Vatican and Catholic countries. The Swiss were at that time still considered to be one of the best soldiers in Europe [13, 134–137]. The Swiss has traditionally been in the service of France and received significant funding and it's all accompanied by a separate pension system. So they poured significant funds into the Confederacy from outside [3, 54–63; 7, 235–236; 14, 73–87]. An unknown chronicle from the 18th century, referring to the Swiss mercenaries in the French army, saw them as a significant economic benefit to the Cantons because the French kings were paying considerable resources for mercenaries from the time of the 15th century. It says that Switzerland is a mountainous country and it does not provide sufficient household income from agriculture which is offset by revenues from military service [2].

Alexander VII in his letter addressed "a wise and beloved sons of the Church", expressing great appreciation to the Swiss Catholics, who were through Christian wisdom firmly attached to the Roman Catholic Church. They, according to him, have defended the essence of "Holy Church", keeping it from the onslaught of heresy. After that, the pope addressed the Assembly of Catholic cantons: Uri, Switzerland, Unterwalden, Lucerne, Zug, Fribourg and Solothurn. The letter was written with sophisticated diplomatic terms, and does not contain strictly concrete policy proposals [1]. Please note that during the 17th century, through the action of the so-called Golden League and the Spanish Catholic League, Catholic Switzerland became a separate entity which held separate assemblies in Lucerne. This entity comprised seven Catholic cantons, followed by Appenzell (internal Roden), the abbot of the monastery of St. Gallen, Vale and the Bishop of Basel. Support was sought from the Pope, Spain, the Habsburgs, Savoy and other Catholic centers of power [13, 211–212].

Alexander VII called Swiss Catholics "witnessed Catholics", asking them to support the rescue famous Venetians, threatened by Ottoman forces. He points out that other Christians at this moment have decided that with dignity and heroic stand in order to defend the glorious Christian republic, and thus to defend the holy faith. So he, as head of the Roman Catholic Church, addressed the Swiss as the greatest of Catholics who follow the church and accept each assignment that is focused on the defense of her being. Pope further illustrates great faith of Catholics, which comes from God, who strengthens them in defense of the Papal States, which has a "multitude of enemies." Pope emphasizes that there is no doubt in the commitment of Swiss Catholics in the Christian faith and its defense. It calls on them to join the alliance of Christians, which is necessary to protect the Republic of Venice, which is their friendly neighbor. Alexander VII announces to them, that from Veneta, will be sent apostolic messenger that will assist them in church matters. The letter ends with a prayer to the Creator, to strengthen them in the faith and is written in Siena on 25 December in1666 [1]. As can be seen from the letter, the Swiss Catholics were able to maintain precisely with the help of the Vatican.

Italy and Rome were not far from the Confederation, the papacy through the large urban and ecclesiastical center of Milan sought to strengthen its presence in the cantons. A century ago, such papal policy begun by Cardinal Carlo Boromeo, Papal Secretary of Milan who became a major opponent of the Reformation in Switzerland. Support for the catholic cantons has not ceased to come from Italy, not even during the 17th century [8, 127–128; 13, 205; 11, 383–385].

For the generous support of the Swiss Catholics, the Vatican expects that these fighters are eager for Catholicism and papal policy, which at the time sided with Venice in the war against the Ottomans. However, Alexander VII project was doomed to fail, Swiss Catholics were deaf to his initiative. As we pointed out, Europe has never recognized the danger which threatened her with the Ottomans, everyone hoped that they would not knock on their door. The Swiss were sure that the Ottomans will never cross the Alps. They were oriented mainly towards an alliance with France, with whom Alexander VII had bad relationships. The Ottomans once again triumphed, Venice is completely suppressed from the eastern Mediterranean. The Ottoman army through less than two decades, will be at the gates of Vienna, the imperial capital, which will be saved from falling precisely that Christian unity.

References:

1. National Archives Fribourg Switzerland (CH AEF) Geistlichen Sachen, 778, Pope's appeal for support of Venice against the Turks, 12/25/1666.
2. National Archives Fribourg Switzerland (CH AEF) Chroniques 63, Consideration of the alliance and the Swiss foreign service.
3. Bory, Jean-René, Les Suisses au service étranger et leur musée. Nyon: Courrier de La Côte, 1965.
4. Brodel, F. Materijalna civilizacija, ekonomija i kapitalizam od XV do XVIII veka: Vreme sveta, treća knjiga. Beograd: Službeni list SRJ, 2007.
5. Delumeau, J. Une histoire du monde aux temps modernes. Paris: Bibliothèque historique Larousse, 2013.
6. Kely, J. The Oxford Dictionary of Popes. Oxford: University Press, 1986.
7. Elezović, D. Hronika anonimnog autora o švajcarskom najamništvu. Prilog istoriji istoriografije ranog modernog doba, Zbornik radova Filozofskog fakulteta, 40 (2011): 231–238.
8. Weiss, D. Katholische Reform und Gegenreformation: ein überblick. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005.
9. Džons, Dž. Hrišćanstvo i islam, in: Oksfordska istorija Hrišćanstva, Beograd: Clio, 2004, 215–259.
10. Lane, C. F. Venise une république maritime. Paris. Flammarion, 1985.
11. Vocelka, K. Geschichte der Neuzeit: 1500–1918. Wien, Köln, Weimar: Böhlau, 2010.
12. Milošević, M. Boka Kotorska, Bar i Ulcinj od kraja XV do kraja XVIII vijeka. Podgorica: Cid, 2008.
13. Reinhardt, V. Geschichte der Schweiz: Von den Anfängen bis heute. München: C. H. Beck, 2011.
14. Schafroth, M. Der Fremdendienst: Kurzfassung eines Vortrages vor der Schweizerischen Vereinigung für Militärgeschichte und Militärwissenschaften, Schweizerische Zeitschrift für Geschichte, 23 (1973): 73–87.

Kruzhalina Anastasiia Alekseevna,
Irkutsk State University,
Ph. D. in History, the Faculty of History
E-mail: kliokru@gmail.com

Hermeneutical interpretation features polyethnicity Siberian society pages of newspaper presses in the region of the second half of the XIX century

Abstract: The article discusses problems and peculiarities of interpretation polyethnicity society Siberian regional newspaper press the second half of the XIX century. Conducted an intent-analysis of the publications of the regional press in order to identify specific features descriptions Siberian identity.

Keywords: the Periodic Law, humanities, interdisciplinary approach.

Кружалина Анастасия Алексеевна,
Иркутский государственный университет,
к. и.н., исторический факультет
E-mail: kliokru@gmail.com

Характерные герменевтические особенности интерпретации полиэтничности сибирского общества на страницах газетной прессы региона второй половины XIX века

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы и особенности интерпретации полиэтничности сибирского общества региональной газетной прессой второй половины XIX века. Проводится интент-анализ публикаций региональной прессы с целью выявления специфических особенностей описания сибирской идентичности.

Ключевые слова: полиэтничность, газетная пресса, герменевтический анализ, Сибирь.

Развитие гуманитарных наук и социума на протяжении XX–XXI вв. прочно укрепили в общественном сознании мысль о том, что газетная пресса представляет собой не просто ворох печатной продукции, основная цель которого донести до читателей актуальную информацию скорейшим путём. Пресса превратилась в мощную силу, оказывающую воздействие не только на формирование общественного мнения по тем или иным вопросам и проблемам, но, более того, ставшую модератором и регулятором общественных отношений. Современные методики исследования текстов, основанные на семиотическом подходе, вполне позволяют проанализировать трансформацию «мысли» в рамках коммуникации: автор — текст — читатель. Финал последней представляет собой интерпретацию читателем конкретного общественно-значимого продукта — текста (публикации), созданного автором на основе важных для него смыслов и акцентов. Читатель в свою очередь оценивает и интерпретирует продукт на основе имеющихся у него взглядов, актуализируя те аспекты, которые важны для него. В результате этого заложенные автором «коды-символы» могут как совпадать с интерпретацией читателя, так и восприниматься совершенно иначе, вследствие чего продукт имеющийся «на входе» и его интерпретация «на выходе» могут коренным образом отличаться. Кроме того, всякий коммуникационный акт перенасыщен социально и исторически обусловленными «кодами», от которых также зависит содержание и результат конкретной коммуникации.

Центральным понятием использованного нами метода анализа текста является герменевтический треугольник (автор — текст — читатель) или общественно-исторический контекст. Итак, читатель воспринимает текст и реагирует на него. Таким образом, возникает квази-диалогическое отношение. Здесь вступают в игру запутанные проблемы понимания, или герменевтический круг. Круг понимания вписан в схему дважды: сначала он возникает между автором (биография, интересы автора) и читателем; затем на завершающем этапе путем прохождения читателя от единичного к общему и от общего к единичному.

Целью данного исследования стала попытка выявить и проанализировать специфику интерпретации полиэтничности сибирского общества на материалах газетного дискурса Сибири второй половины XIX века в контексте обозначенного герменевтического треугольника. Предпринимается попытка классифицировать с помощью интент-анализа все материалы, отобранные в ходе контент-анализа газетной прессы региона по авторской ориентации, функциям текстов (публикаций) и использованным в них методикам воздействия на читателя, а также массовости и компетентности читателей, которым данные материалы были адресованы.

Основу источниковой базы исследования составляют газеты. Официальные издания: «Иркутские губернские ведомости» (1857–1899), «Иркутские епархиальные ведомости» (1863–1899), «Енисейские губернские ведомости» (1857–1899), «Забайкальские областные ведомости» (1865–1899), «Томские губернские ведомости» (1857–1899), «Томские епархиальные ведомости» (1880–1899), «Акмолинские областные ведомости» (1871–1899),, «Якутские областные ведомости» (1892–1899), «Приамурские ведомости» (1894–1899). И значительное число газет частного происхождения: «Амур» (1860–1862), «Сибирский вестник» (1864–1868), «Восточное Поморье» (1865–1866), «Сибирь» (1875–1887), «Сибирская газета» (1881–1888), «Восточное

обозрение» (1882–1900), «Владивосток» (1883–1899), «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (1885–1900), «Енисей» (1889–1900), «Сибирский листок» (1890–1899), «Дальний восток» (1892–1899), «Степной край» (1893–1899), «Сибирская жизнь» (1894–1899), «Амурская газета» (1897–1899), «Жизнь на восточной окраине» (1895–1897), «Восточный вестник» (1898–1899). Нами были просмотрены подшивки этих изданий за годы, хронологически совпадающие с исследуемым периодом. Сплошной просмотр и анализ годовых комплектов обозначенных изданий позволяет определить место национального вопроса в программе периодических изданий региона, степень его теоретической и практической разработки. Отметим, что максимальной информативностью по интересующим нас проблемам отличались частные общественно-политические газеты, которые очевидно дистанцировались от официальных изданий в виду того, что на последних «неизгладимо лежала печать «казённой важности» и «строжайшей умеренности» [6, 1]. В результате чего, официальные издания ограничивались лишь краткой хроникой событий, а также заметками этнографического характера по интересующим нас вопросам.

Исторические реалии, в которых формировалась и функционировала периодическая печать региона второй половины XIX столетия определили ряд особенностей, существенно значимых в контексте анализа интерпретации полиэтничности сибирского общества на страницах сибирской газетной прессы. Одной из таких особенностей, с которой мы столкнулись в процессе исследования, стала проблема установления авторства, так как большинство статей по такой острой и актуальной теме логично публиковались либо вообще без указания автора, либо под псевдонимами, а выявить подлинные имена в таких случаях не представляется возможным. Исходя из этого, стало интересно сопоставить общие и особенные черты, свойственные авторам публикаций по проблемам полиэтничности сибирского общества, представив, таким образом, исключительно на основе анализа текстов, типологию авторов, для которых данная тема представлялась актуальной. Далее рассмотрим наиболее яркие авторские типы, которые удалось выявить в ходе анализа, приведём их характеристики.

Национальный вопрос представляет собой сложную, многогранную проблему, при освещении которой важно соблюдение баланса: возможность критичного анализа действительности при отсутствие резко-негативных, провокационных суждений и призывов, которые могли бы вызвать общественный протест. В данной ситуации преимущественно важна позиция автора, те интенции, которыми последний руководствовался при создании коммуникационного акта. Следует заметить, что круг сибирских корреспондентов, не смотря на общее признание актуальности указанной темы, не отличался общностью подходов к её интерпретации.

Вместе с тем значительное количество корреспондентов смотрели на проблему либерально: принимая факт полиэтничного состава сибирского населения как неизменный, авторы не настаивали на стирании межэтнических границ. В данном случае создаваемые ими коммуникационные акты (статьи) в основе своей имели вполне очевидные мотивы: построение конструктивного диалога между представителями различных этнических групп, населявших регион, методом формирования непредвзятого, толерантного взгляда читателей на данную проблему, который мог бы способствовать при этом построению общесибирской идентичности. Суждения таких авторов основывались на интерпретации фактов, в отдельных случаях даже на глубоком анализе исторически сложившейся ситуации как в политической, экономической так и в культурной сферах. Статьи отличает использование таких выражений, как «потенциал наших отсталых собратьев», «важность сибирских аборигенов для будущности России», «китайский трудовой потенциал», «еврейская торговая сметка» и др. Через указание на важные доминантные черты представителей отдельных этнических групп, населявших регион, авторы статей такого рода стремились сформировать адекватный, антишовинистский взгляд общественности на окружающую действительность, считая наличие указанных черт объективным и необходимым принципом формирования общесибирской идентичности. Последняя, в авторском понимании, представляла макроуровень, вершину пирамиды, построение которой было невозможно без сохранения непрерывной связи с микроуровнем (этнической группой). Методики воздействия на читателя были различны: от обстоятельных, хронологически выверенных и основанных на фактах истории рассуждений («мы знаем из верных источников»), через противопоставление, сравнительный анализ ситуации с другими регионами и странами, до острой критики и побуждений к конкретным действиям. Последнее подтверждается такими формулировками авторов, как «следует прислушаться», «мы должны», «необ-

ходимы решительные действия», «требует безотлагательного вмешательства общественности» и тому подобное.

Другую часть авторов региональных газет объединяли радикальные стремления к полной и всесторонней ассимиляции многоликого сибирского населения и построению, таким образом, единой и монолитной наднациональной общности, при безусловном сохраннее лидирующей роли за «русским» (в значении «российский») населением.. Все их аргументы в основном сводились к многовековому опыту «русского народа» по ассимиляции и «окультуриванию» покорённых и добровольно вошедших в состав России народов. Аппелирую к понятиям «великодержавности», «могущества Отечества» (заложенного именно в руководящей роли «россиян» в процессе достижения его величия, путём смешивания разновеликих по численности и уровню развития этнических групп), культурного, политического и экономического «единства» (как главного принципа развития Российской государственности) авторы концентрировали внимание читателей на единственно верной, по их мнению, модели. В соответствии с ней специфику отдельных этнических групп Сибири следовало учитывать лишь постольку, поскольку это было важно для выработки методик их скорейшей ассимиляции, результативной работы с конкретным «этнографическим материалом» [10, 2].

Менее значительную группу авторов отличал исключительно прагматичный взгляд на проблему, в соответствии с которым они рассматривали её важность лишь с точки зрения экономической выгодности для региона и для отдельных её представителей, не принимая во внимание культурно-идеологическую и другие составляющие вопроса. В публикациях указанных авторов просматривается следующая картина: факт экономической эксплуатации сибирских аборигенов признавался в определённой степени допустимым, «дешевые» трудовые мигранты из Китая объективно необходимыми, а еврейская торгово-экономическая конкуренция опасной. Так, к примеру, акцентируя внимание на негативных последствиях последней, авторы стремились сгладить общественное недовольство по поводу присутствия в регионе китайских манз и хунхузов и творимых ими беззакониях (выводя на первый план пользу работоспособности, покорности, и дешевизне, в сравнении с «ленивыми русским работниками» [2, 2]).

В целом же, авторская палитра Сибирских изданий свидетельствует о том, что для них не было свойственно радикальное решение вопроса как с позиции этнического сепаратизма, так и промонархизма, не смотря на то, что многие их них были политическими ссыльными. Стремление лавировать между участниками остро стоящего процесса формирования и закрепления полиэтничной картины общественного устройства Сибири, моделируя таким образов адекватный, исторически обусловленный, не вырванный из контекста взгляд читателей на описываемые проблемы, способствовало применению авторами конкретных методик, средств воздействия на читателей, которые нашли своё прямое отражение в сформированных авторами «продуктах» — статьях.

Очевидно, что в рамках исследуемой нами коммуникационной триады, значение, принадлежащее самому тексту, неисчислимо велико. Именно через него мы попытались дать характеристику самих авторов, а теперь имеем возможность выявить смысловые акценты, расставленные им, определить функции публикаций, заложенные в них их создателями. И уже на основе соотнесения данных показателей с характеристикой общественной ситуации в регионе представится возможным смоделировать образ читателя, которому данный текст предназначался, а также реакцию последнего на прочитанное.

По функциональной составляющей все обнаруженные публикации, характеризующие полиэтничность сибирского общества, можно распределить в четыре группы. Так, статьи описывающих этнографические и культурные традиции различных этнических групп Сибири, их ритуалы, праздники, обряды и традиции несут в себе референтивную функцию. Цель таких публикаций заключается в ознакомлении читателей с конкретной информацией, ёмко и чётко сформулированной, как правило, на 0,5–2 страницах издания. В материалах, отнесённых к данной группе, нет скрытых побудительных мотиваций, текст логичен, его содержание гармонирует с заглавием, эмоциональные акценты очевидны и даже предсказуемы. Проиллюстрируем свою точку зрения заголовками публикаций, отнесённых к данной группе: «Киргизские суды» [7, 5], «Новый год у китайцев» [8, 302], «Цугольский дацан» [14, 5], «Шаманство православных остяков» [15, 2] и другие.

В очередную группу выделим публикации, объединённые эмотивной функцией. Цель указанных статей вызвать определённые эмоции, причём от крайне положительных до «общественного порицания». Такие публикации менее обширны (0,3–1 страница), но более контрастны, богаты эпитетами, аллегориям

и метафорами. Причём в данном случае не всегда эмоциональная нагрузка, заложенная в них автором, могла совпадать с читательской интерпретацией, так как сам текст строился в форме антитезы или скрытого сравнения, игры на контрастах, которые не всегда были понятны сибирскому читателю. Обратимся, например, к публикациям, посвящённым китайскому вопросу, а именно проблемам, связанным с присутствием в регионе «манз» — китайских трудовых мигрантов: «Жёлтые и белые» [12, 2], «Жёлтый вопрос в России» [3, 3–4] и тому подобные. Не мене ярко данная функция представлена и в других публикациях сибирских изданий: «Провинционализмы» [13, 3–5], «Инородческая школа и туркестанские руссификаторы» [5, 1–2] и другие.

Третью группу составляют публикации несущие в себе повелительную функцию. Эти статьи могли занимать от 0,3 до 2–2,5 страниц издания, но гораздо важнее в данном случае было содержание. Авторские мастерство и компетентность позволяли сформулировать задуманные «призывы» как обоснованно и лаконично в кратком сообщении, так и в пространной статье. В последнем случае существенное отличие заключалось в подробном описании «предыстории», фактов, сравнении различных точек зрения. Все это в конечном итоге служило единственной задуманной автором цели: грамотно и объективно обосновать свою точку зрения побудив читателей к конкретным мерам и действиям. Наиболее ярко это проявилось в таких публикациях, как «Гибель инородческих племён» [11, 9–11], «Ближайшие нужды Сибири» [1, 101–103], «Заботы об амурских инородцах» [4, 2], «Инородческий вопрос» [9, 9–10] и тому подобные.

Статьи четвёртой группы объединены фактической функцией, они наиболее краткие по объёму (0,1–0,7 страницы), в основном представлены в таких разделах изданий, как «Сибирская хроника», «Городская хроника», «Смесь» и т. п. Не неся в себе существенной подтекстовой основы, они являются статистическим материалом, свидетельствующим об остроте и актуальности для сибирского общества проблем, связанных с присутствием в регионе представителей тех или иных этнических групп.

Охарактеризовав функциональную составляющую исследованных публикаций, остановимся подробнее на содержательной. Любой письменный текст представляет собой законченное выражение мыслей, идей и побуждений автора. Использованный им категориальный аппарат даёт нам возможность расставить смысловые акценты, определив на основе этого функции, которые сам автор соотносил с данным конкретным текстом. Так использование слова «Отечество» максимально часто там, где можно было заменить его на «страна» или «государство» выдаёт не только патриотический настрой автора, а также великодержавный взгляд на национальные проблемы в стране и регионе. Как правило, указание на «Отечество» встречается в тех публикациях, основная идея которых заключается в приоритетности имперского подхода, высокой значимости налаживания конструктивного диалога с представителями различных этноконфессиональных групп региона для возможного построения единой, общесибирской идентичности на основе вливающихся в неё идентичностей.

Особое место занимает и терминология, использованная авторами. Как правило, в тех статьях, в которых делается акцент на законодательном бесправии представителей коренных народов Сибири, либо на их социально-экономических проблемах авторы обозначают последних термином «инородцы», стремясь подчеркнуть сословных характер происхождения описываемых вопросов. Там же, где авторы обозначают их как «сибирских аборигенов», акцент делается именно на этнонациональной принадлежности, а также стремлении показать культурно-образовательную дистанцию, разделяющую «русских цивилизаторов» и «отстающих от них младших братьев» — «полудикую расу», нуждающуюся в скорейшем вмешательстве в их быт и нравы «русских цивилизаторов».

Заметим, что влияние «русских цивилизаторов» сибирские корреспонденты рассматривали неоднозначно. В зависимости от сферы деятельности (культурно-образовательная, торгово-экономическая, поземельная, общественно-политическая и др.) на которой акцентировалось внимание читателей авторские оценки могли разниться от приветственных и побудительных («необходимость распространения благ прогресса и цивилизации», «прекращение животной борьбы», «обрусение с примесью сибирского оттенка», «скорее цивилизовать детей природы»,) до крайне негативных («деморализация», «хищническое мотивы»).

В отличие от интерпретации отдельных компонентов проявления национально вопроса в регионе (польского, еврейского, немецкого, китайского, инородческого и т. п.), на которые взгляд сибирских корреспондентов был двойственен, феномен формирующейся сибирской идентичности одинаково признавался абсолютным большинством авторов. Сам термин «идентичность», разумеется, не употреблял-

ся, но его смысл передавался замещавшими его формулировками, такими как «осибирячивание», «единая этнографическая форма», «сибирская раса». Таким образом, сам факт наличия сибирской идентичности признавался корреспондентами региональных изданий как объективно существующий; отличались лишь формулировки истории, каналов и методов её формирования.

Отметим ещё одну существенную особенность всех исследованных публикаций, которая заключается в активном использовании эпитетов. Через них авторы давали характеристику поведения «русских цивилизаторов и культуртрегеров»; подмечали яркие стороны быта и особенности культуры представителей различных этнических групп, населявших Сибирь; специфику взаимоотношений первых с последними. Наиболее часто употребляемыми были такие эпитеты, как «хищнически (ий)», «меркантильный интерес»/«материальная выгода», «бедственное положение», «беспощадно эксплуатируемые», «величайшее зло», «ужасный материальный ущерб», «характерные недостатки», «неизбежно обречённые на вымирание», «беззащитные», «забитые», «вымирающие», «развращающие нравы», «самобытность и оригинальность», «азиатское смирение», «угасание инородцев», китайская «разбойничья зараза», «сострадание к детям природы» (инордцам), «осибиряченные», «историческая роль областей» и т. п. Вместе с тем, нельзя не выделить в исследованных публикациях не часто встречаемые, но значительные и яркие по смысловой нагрузке высказывания, вроде следующих: «средневековая ненависть», «ветхие обычаи», «русские подданные», «закабалённое состояние», «дурные привычки и обычаи господствующей нации», «самолюбивый китайский народ», «отупевшее от голода и нужды население», «варначья кровь». Указанные суждения существенно дополняют авторский образ и, более того, именно они позволяют проанализировать типологию анонимных авторов, сгруппировав их тексты по ярким, индивидуальным признакам (в том числе по использованию подобных высказываний), и выделив вследствие этого основополагающие черты сибирской авторской аудитории.

Специфика сибирской читательской аудитории была такова, что основу её составляла формирующаяся интеллигенция края, городское население региона (купечество, мещане), военные, и, разумеется, политические ссыльные, выдворенные из европейской России на поселение в Сибирь. И если в случае с первыми, читателям зачастую могло недоставать компетентности по вопросам, освещаемым прессой, в результате чего «страдала» адекватность и объективность восприятия читаемых публикаций; то политическим ссыльным исследуемые нами темы были более чем близки и знакомы. В результате этого преимущественно последние становились участниками исследуемого акта коммуникации, причём одновременно на двух уровнях: в качестве авторов статей (корреспондентов сибирских изданий), и в качестве читателей.

Особенности читательской компетентности и адекватности восприятия газетных материалов определяются тем, что внутрисибирские проблемы логично волновали коренных сибирских читателей больше, чем общеимперские, которые, наоборот, в большей массе были близки политическим ссыльным, в силу их активной заинтересованности этими вопросами ранее (до ссылки в Сибирь), а также благодаря их пёстрому этническому составу. Именно этим может объясняться острая полемика по статьям, посвящённым, например, еврейской теме, развернувшаяся на страницах сибирских изданий в70-е — 80-е гг. XIX века. Кроме того, большой популярностью у читателей пользовались статьи, посвящённые проблемам инородческого населения края. Здесь сказалась как заинтересованность представителей самих коренных народов (владевших техникой чтения на русском языке), так и формирующейся сибирской интеллигенции, стремящейся подробнее познакомиться именно с внутрисибирскими проблемами, оценить степень их важности, обсудить перспективы на будущее.

Исходя из социального состава читательской аудитории, невзирая на малочисленность последней (в сравнении с Общероссискими масштабами), следует оценить степень её компетентности по проблемам, связанным с полиэтничным составом населения региона, как довольно высокую. Не исключая конструктивной критики, сибирские читатели были в целом настроены либерально, о чём свидетельствует отсутствие более или менее крупных столкновений сибиряков с пришлым населением на почве межэтнических противоречий. Указанные особенности соответствовали мотивационной ориентации авторских коллективов сибирских изданий, а следовательно публикуемые ими материалы находили преимущественно желаемый отклик у читателей, знакомя последних не только с текущим положением дел, но вынося на обсуждение перспективы развития и урегулирования описываемых ситуаций. Последнее увеличивало

степень сопричастность читателей к процессу активного обсуждения проблемы, что также способствовало позитивной реакции последних.

Таким образом, трансляция исследуемых нами проблем между авторами и читателями, посредствам газетных публикаций, представляла собой вполне адекватное, неискажённое движение актуальной для обоих участников коммуникации информации, основанное на открытом диалоге между авторами и читателями, допускающее поливариантность моделей развития ситуации и методов воздействия на неё. Критерием истинности восприятия проблемы, как в понимании авторов, так и читателей, становилась объективность исторического процесса развития и степень вовлечённости в него представителей тех или иных этнических групп, населявших регион. Отстранённость от общеимперских проблем способствовала актуализации вопросов связанных с положением в регионе представителей тех или иных этнических групп на столько, насколько это было значимо, а также соотносимо с вопросами формирования, описания и перспектив развития именно сибирской идентичности.

Список литературы:

1. Ближайшие нужды Сибири//Сибирская газета. – Томск, 1881. № 4, С. 101–103.
2. Владивосток, 10 декабря//Дальний восток – Владивосток, 1892. № 14. С. 2.
3. В-П. Жёлтый вопрос в России//Владивосток, 1889. № 3. С. 3–4.
4. Заботы об амурских инородцах//Томский листок. – Томск, 1896. № 246. С. 2.
5. Инородческая школа и туркестанские руссификаторы//Восточное обозрение. – Иркутск, 1884. № 33. С. 1–2.
6. Иркутская пресса//Сибирский вестник, 1865. № 29. С. 1.
7. Киргизские суды//Сибирь. – Иркутск, 1877. № 28. С 5.
8. Новый год у китайцев//Сибирская газета. – Томск, 1882. № 11. С. 302.
9. П. Инородческий вопрос//Восточное обозрение. – Иркутск, 1884. № 33. С. 9–10.
10. Панов В. Хунхузы//Дальний восток – Владивосток, 1898. № 75. С. 2.
11. Папор Я. Гибель инородческих племён//Восточное обозрение. – Иркутск, 1883. № 14. С. 9–11.
12. Р. Жёлтые и белые//Дальний восток – Владивосток, 1895. № 41. С. 2.
13. С. Провинциализмы//Восточное обозрение. – Иркутск, 1882. № 8. С. 3–5.
14. Цугольский дацан//Сибирь. – Иркутск, 1883. № 36. С 5.
15. Шаманство православных остяков//Томский листок. – Томск, 1897. № 207. С. 2.

Kuzhilna Oksana Oleksandrivna,
National Taras Shevchenko University of Kyiv,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: anasko2016@mail.ru

Ukrainian statehood idea in the cultural and educational activity of the Society «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle» (1925–1939)

Abstract: The article deals with cultural and educational activity of the Society «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle» in Prague and its role in the preservation of the idea of Ukrainian statehood. Special attention is paid to the creation of the Museum, as well as to the activity carried out by the Society together with various scientific institutions abroad, including their activities related to the promotion of Ukrainian statehood abroad.

Key words: museum, statehood, MULS Society, struggle.

The establishment and the activity held by the Society «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle» in Prague is a clear indication of the active political position of Ukrainian emigration aimed at preservation of the national memory that proved its faith in the political future of the Ukrainian people. The lack of comprehensive studies dedicated to this institution makes contemporary scientists return to the history of its activity in order to recreate the scale of its work and to determine its role in preserving the idea of Ukrainian statehood.

The activity of the Society «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle» was not properly

covered in Ukrainian historiography. The very first general information related to some certain aspects of its work can be found in the papers of the representatives of Ukrainian emigration; mostly these are books that reflect the history of the museum. Among them, in particular, we distinguish the article of a member of the Society — professor S. Siropolk — that was published in the newspaper «Trident» in 1939. In 1942 the papers of the Museum's Deputy Director were published, later on — works of the director S. Narizhnyy «Ukrainian emigration. Cultural labor of the Ukrainian emigration between the two world wars» [1]. In 1959 in Zurich S. Narizhnyy published one more article: «How the Museum of the Ukrainian Liberation Struggle was saved» [2].

The first information about the work of the Museum appeared in early 1990s. These were Ukrainian scholars G. Boriak, E. Pshenychnyi, V. Ulyanovskyi, S. Ulyanovska, L. Lozenko, A. Kentia, L. Yakovleva, O. Fedoruk. The monographic study of the Slovak researcher M. Mushinka — «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle in Prague and the fate of its funds» [3] — was published in 1996. Its author reflects the chronology of the Society's work, particularly focusing on its work related to the establishment of the museum.

In 2008 the monographic study of M. Palienko — «The archival centers of the Ukrainian emigration» [4] — was published. It highlights the activities of Ukrainian cultural, educational and scientific centers of the interwar Europe, including the Museum of the Ukrainian Liberation Struggle.

The aim of this paper is an attempt to recreate the role of the idea of Ukrainian statehood within the frame of cultural and educational activity of the MULS Society during 1925–1939.

Czechoslovakia became one of the centers of Ukrainian emigration in Western Europe after the defeat of the struggle for liberation of Ukrainian people during 1917–1921. Prague hosted a large number of Ukrainian scientific societies, research institutions, various nongovernmental organizations: Ukrainian Historical and Philological Society in Prague, Ukrainian Law Society in Prague, Ukrainian Society of book admirers in Prague, Ukrainian Pedagogical Society in Prague and others [5, 145].

As a result, geographical proximity to Ukraine, great number of the autochthonous Ukrainian population, liberal policy of the authorities in respect to Ukrainian emigrants became a major premise for the significant concentration of Ukrainian political and scientific elite and its active national life in Czechoslovakia. One of the manifestations of such an activity was the creation of the Society «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle».

The premise for the creation of the Society was the idea of establishing a museum with the same name. On January 16, 1925 The Ministry of Foreign Affairs of Czechoslovakia approved the statute of the MULS Society, whose task was defined as «the scientific study of everything that touches upon the struggle for liberation by collecting, hiding, and describing all the items and materials related to these goals to enable the realization of the scientific work on their basis» [6, sh. 2]. To achieve this goal, the Society had to organize and maintain a museum and archive, where it was planned to collect the reminder signs of Ukrainian struggle for liberation — books, magazines, pictures, military clothing, weapons, documentary materials of historical and scientific value. Moreover, it was foreseen to organize exhibitions, promote scientific elaboration and investigation of the reminder signs, organize academic and popular readings, publish catalogs, magazines, books, reproductions [6, sh. 2].

The first general meeting of the Society was held on May 28, 1925. The Board was elected there and it was composed of Academician I. Gorbatchevskyi (the chairman), professor O. Lototskyy (Deputy Chairman), and other members: M. Omelyanovych-Pavlenko, A. Kolessa, V. Bidnov, V. Starosolskyy, M. Korduba and others. Therefore, the Board of the Society consisted of the prominent figures of science and culture, and this fact greatly enhanced the status of the Society and made a positive impact on the elaboration of the principles of its work.

From the very first days of its existence the Society launched its active work on the establishment of the museum, where it would be possible to keep all the historical documents related to the history of the struggle for liberation of the Ukrainian people. The museum was established in May, 1925; prof. D. Antonovych became its director. Creation of the Museum of the Ukrainian Liberation Struggle united everyone who was fighting for the ideals of the state and defended them, as well as those, who were to come afterwards and find the documents of the true story. Each founder could consider himself to be a patriot and a representative of the supreme idea of the state.

An active process of completing its collection started right after the founding of the Museum. As it was stated in the document: «there was not a single day that

the museum did not receive new materials, sometimes more, sometimes less, sometimes they were brought by carts or trolleys … » [7, sh. 1].

The Board of the Society urged Ukrainians not only to collect and send materials to MULS, but also to write down the experienced events on paper, to write memoirs. «As time goes by, documents perish, the bygones are forgotten, … that's why not only there is a need to preserve and pass every object and little paper to the Museum, but also to record everything experienced and seen, regardless of the position occupied … » [7, sh. 1].

However, in April, 1926 the Society faced the problem of closing the museum. Czech authorities insisted that the building allocated to the museum had to be vacated and all the documents had to be passed to the archives of the MFA of Czechoslovakia. At the meeting of June 17, 1929 the Board of the Society decided: «Until the Society still has its strength to hold an independent work, it should conduct it on its own authority, enjoying the confidence of the citizens, who many times donated all their treasures to the museum for free just to preserve them, very often converting those into a gift to the museum» [8, sh. 3]. Consequently, the Society assumed responsibility to find a building for the museum and to carry out its activity without any help of the authorities.

In this desperate situation American businessman K. Lysyuk helped the Museum. In 1929 he visited Prague on his own business [9, sh. 1–2]. He was surprised by the number of documents and understood their importance for the history of Ukraine. When he became acquainted with the nature of the collected materials and, concurrently, with the poor financial condition of the Museum, K. Lysyuk agreed to finance it. The maintenance of the Museum at the time cost 300–350 dollars annually. This regular financial support helped encourage the activity carried out by the MULS.

In 1930 on the initiative of K. Lysyuk the department of the Society «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle» was founded in New York. Its aim was to collect materials and donations for the Museum in North America. In the appeal to the Ukrainians it was said: «The Board is appealing to all the Ukrainians in America with its fervent call to support the Museum of the Ukrainian Liberation Struggle to join forces and create a monument worthy of the heroic struggle of the Ukrainian people for their independence and to enable future generations to know what had happened and what the mistakes had been. As on the basis of the museum collections and archives future leaders would not only be able to investigate the history of the Ukrainian struggle for independence, but also to gain experience to continue their fight to the victorious end» [9, sh. 2].

The MULS Society declared a national holiday of the reunion of Ukrainian lands — January 22 — as a Day of the Museum of the Ukrainian Liberation Struggle [10, p. 1] on its general meeting on June 27, 1933. Addressing the Ukrainians on the occasion of the creation of this holiday, prof. I. Gorbatchevskyi wrote: «The day of the holiday of proclamation of two major historical acts — of January 22, 1918 and January 22, 1919 — is the day of the MULS. Let on this day every Ukrainian male and female serve the national Ukrainian cause by making a donation according to their abilities … By doing this work Ukrainian citizens will do their best to guarantee the existence of the Museum, whose collections do not only prove the evidence of the difficult path passed by the Ukrainian people, but also call them for the further struggle for independence of Ukraine. Let us all fully execute this duty as a respect to the memory of unforgettable fighters for freedom and independence of Ukraine» [11, sh. 16]. Therefore, according to the documents, the main goal of the Society and its members was to preserve the idea of Ukrainian statehood and national unity. All the leaflets with such appeals were sent to various institutions and organizations, uniting in this way a great circle of like-minded people and fighters for independence.

On April 21, 1934 on the occasion of his 80-th birthday anniversary the MULS library was named after its most outstanding patron — Professor I. Gorbachevskyi [12, p. 9]. In 1935 the Board of the Society solemnly celebrated its tenth anniversary by organizing a jubilee exhibition in the center of Prague — at the Industrial Museum with the Ukrainian yellow-blue flag wavering on its roof. The exhibition presented the photographs of Ukrainian Sich Riflemen life, works of Ukrainians, captured during the First World War, as well as many other showpieces [12, p. 9–10]. The Solemn Academy on the occasion of the 10th anniversary of the MULS was held at the Great Hall of the Faculty of Philosophy of Charles University in the presence of the representatives of 35 Ukrainian institutions and organizations.

The global economic crisis slowed down the inflow of funds to the Museum, but did not stop it. MULS's donors were not only wealthy Ukrainians, but also very often they were people from the poorest layers of society. P. Turchyk, a pensioner, wrote from the USA: «I'm old and I cannot work. I live now not off my work, but rather off God's will and charity of good people as I reside in the house for poor elders. Sometimes I help

the mortician to carry out a decedent, and he throws me a few cents. In such a way I have made a dollar, and I am sending it to the Museum of Ukraine's struggle for independence in Prague» [12, p.15]. There were many similar letters.

Ukrainian Women's Union in Czechoslovakia accompanied its financial donation by such an optimistic letter: «We are sure that the time when our dreams come true is close; and the Ukrainian flag on the Ukrainian House in Prague will waver in front of strangers telling them about our unbending will and the ultimate goal of our struggle for liberation — Ukrainian state independence» [13, p. 11].

As far back as June 9, 1927 at the general meeting of the MULS Society V. Starosolskyy proposed the idea of constructing a separate building for the Museum. This reasonable proposal passed to an active phase at the general meeting of the Society on October 7, 1932 when Ukrainian philanthropist Ya. Makogin agreed to cover half of the cost of its construction (to every hundred dollars from the Ukrainian community he added the same amount). Subsequently, it was decided to build a whole complex — Ukrainian house, whereas the Museum had to become a part of it. The emigrant press was notified about it. Thousands of Ukrainians send their donations to Prague responding to the call of the board of the Society of MULS. The greatest contribution was made by the Ukrainian Bureau in London, which was headed by Ya. Makogin and W. Kysilewskyj. Zakarpattya (Transcarpathian Ukraine region), where the financial fund raising became widespread, was not left behind too.

The announcement about the creation of the Ukrainian house and calls for the financial donations for the construction of the building were published in almost every Ukrainian emigrant newspaper. These appeals often contained calls for the unity, for the creation of an independent state; and these brought some real results. Such an activity united Ukrainians all over the world in the name of one idea — the idea of the Ukrainian statehood.

In May of 1937 the «Visti» published a preface «Our museum has to have its own home» where it was stated: «The Board of the Society hopes that at the twentieth anniversary of the proclamation of the independence of Ukraine the separate house for the Museum of the Ukrainian Liberation Struggle will rise up in Prague where all the reminder signs of our struggle for liberation will be preserved for the future generations» [14, p. 1–2]. In one year MULS's Board wrote: «The construction of the Museum of the Ukrainian Liberation Struggle is the emblem of the creation of the independent Ukraine which should be supported by everyone depending on their means» [15, p. 6]. In their appeals to various organizations there were constant calls for unification, national solidarity, e. g.: «The opening of the Ukrainian House in Prague will be a great national holiday, it will be a triumph of Ukrainian national work, our national unity, sacrifice, it will be a significant achievement for all the Ukrainians, especially in the eyes of foreign friends. At the same time, it will be a big shock to our enemies who are willing to see us separated and powerless» [11, sh. 24].

Museum materials, including books, could be consulted only on the spot at certain hours. Different meetings, lectures and reports were often held in the hall of the museum, life was actively pulsating there. There was no charge for admission to it. Not only Prague residents, but also guests from the Czech Republic, Moravia, Slovakia, particularly the Transcarpathian Ukraine visitors, as well as some guests from abroad attended it. Ukrainian immigrants considered it an honor to present some exhibit item to the only museum of the native culture outside Ukraine. MULS cooperated with almost all Ukrainian organizations in emigration.

In 1936, to commemorate the 75-th anniversary of the death of Taras Shevchenko, the Museum established a Shevchenko department where all the materials were systematically focused on the cult of Shevchenko outside Ukraine. The documents state: «it was crucial to dedicate a place to Taras Shevchenko in MULS, all our modern struggle for liberation had started with him, it came out of his poetry» [16, sh. 6]. On February 10, 1936 the Board of the Society decided to establish a separate Shevchenko department at the Museum, and to collect all the materials that reflect his influence on the struggle for liberation of Ukraine.

Many Ukrainians abroad supported the activity held by the MULS Society. The director of the S. I. Petlyura library in France, I. Rudychiv, sent a letter to the Board of the Society saying: «There was a time when we were armed fighting on our territory. Today we organize our fight in foreign lands and among strangers, but this is another fight — a cultural one. I want to hope and I believe that we will all go together in this cultural crusade helping each other and creating in such a way a united front. Younger generation, seeing the above-mentioned united front, will create the same one and will throw itself into the fight for the liberation of the Ukrainian nation. The remembrances collected in the Museum of the struggle for liberation of Ukraine will tell about it» [4, p. 184].

On March 16, 1938 the Board of the MULS Society bought a three-storey building on the street Horymyrova in Nusle district [3, p. 76]. During 1938–1939 it was reconstructed for the purposes of the museum. A new exhibition at the Museum in the new building was inaugurated on June 29, 1939 [18, p. 47].

Therefore, cultural and educational activity of the Society «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle» in Prague was fruitful and brought great results. Its main achievement was the establishment of the Museum of the same name. Creation of such a museum became a notable social and political phenomenon of the interwar era and was the result of the activity of the Ukrainian emigration in Czechoslovakia, as well as the entire Ukrainian diaspora in the West. All the work carried out by the Society was aimed at unification and preservation of the Ukrainian statehood if not in Ukraine, then at least in emigration. All the materials collected in the Museum testify that it was the center of Ukrainian statehood, an emblem of the independent and free Ukrainian state.

References:

1. Наріжний С. Українська еміграція. Культурна праця української еміграції між двома світовими війнами. – Прага, 1942. – 372 с.
2. Наріжний С. Як рятували Музей визвольної боротьби України в Празі. – Цюрих, 1959.
3. Мушинка М. Музей визвольної боротьби України в Празі та доля його фондів – Прага, 2005. – 119 с.
4. М. Палієнко. Архівні центри української еміграції (створення, функціонування, доля документальних колекцій). – К., 2008. – 688 с.
5. Мушинка М. Музей визвольної боротьби України в Празі та доля його фондів. – Прага, 2005. – 119 с.
6. Центральний державний архів вищих органів влади і управління України (ЦДАВО України). – Ф. 4026, оп. 1, спр. 19.
7. Вісті Музею визвольної боротьби України (Вісті МВБУ). – Прага, 1925. – Ч. 2.
8. ЦДАВО України. – Ф. 4026, оп. 2, спр. 4.
9. Вісті МВБУ. – Прага, 1930. – Ч. 3.
10. Вісті МВБУ. – Прага, 1934. – Ч. 4.
11. ЦДАВО України. – Ф. 4026, оп. 2, спр. 5.
12. Вісті МВБУ. – Прага, 1935. – Ч. 8.
13. Вісті МВБУ. – Прага, 1935. – Ч. 9.
14. Вісти МВБУ. – Прага, 1937. – Ч. 15.
15. Вісти МВБУ. – Прага, 1938. – Ч. 20.
16. Вісті МВБУ. – Прага, 1936. – Ч. 11.
17. Пеленська О. Український портрет на тлі Праги. – Нью-Йорк– Прага, 2005.

Kulyk Zhanna Ivanivna,
Kiewer Nationalen Taras Schewtschenko-Universität
Dissertantin, Fakultät für Geschichte
E-mail: sonce-99@ukr.net

Olena Teliha: Sozial-schöpferische Tätigkeit der Dichterin auf dem Posten der Vorsitzenden des ukrainischen Schriftstellerverbandes und der Redakteurin der Wochenzeitschrift für Literatur und Kunst „Lytawry“ (1941–1942)

Annotation: In dem Artikel wird sozial-schöpferische Tätigkeit der Dichterin, der Teilnehmerin des „Marschverbands“ der OUN-M auf den Posten der Vorsitzsenden des ukrainischen Schriftstellerverbandes und der Redakteurin der „Lytawry“ abgehandelt. Die Autorin widmet ihre Beachtung der Tätigkeit des Schriftstellerverbandes, seinem Einfluss auf die damalige ukrainische Gesellschaft, der Beteiligung der Dichterin an dem ukrainischen Theater in den Zeiten der Okkupation Kiews, der Gründung der Kooperative „Slowo“ („Das Wort“). Erwähnt wird die Tätigkeit der Dichterin im Roten Kreuz.

Schlüsselwörter: Olena Teliha, Zeitung „Ukrajinske Slowo“ („Ukrainisches Wort“), Wochenzeitschrift für Literatur und Kunst „Lytawry“, Ukrainischer Schriftstellerverband, Organisation Ukrainischer Nationalisten (OUN), Rotes Kreuz, Gestapo, Babyn Jar.

Die bedeutende ukrainische Dichterin Olena Teliha ist leider sowohl dem europäischen als auch dem großen Kreis noch nicht sehr bekannt. Aber sie ging in die Geschichte nicht nur als Künstlerin, sondern auch als aktive Politikerin der OUN-M, Vorsitzende des Ukrainischen Schriftstellerverbandes und Redakteurin des Feuilletons „Lytawry“ von der Zeitung „Ukrajinske Slowo“ («Ukrainisches Wort») ein. Um ukrainisches Leben auf den Gebieten, die in den Jahren 1941–1942 besetzt wurden, zu erneuern, kam die Dichterin als Beteiligte der „Marschverbände“ der OUN-M mit ihren Mitbrüdern aus der OUN-M zusammen aus dem Ausland mit. Diese Aspekte möchten wir gerade in unserem Artikel streifen sowie sozial-schöpferische Tätigkeit der Dichterin in diesen ruhelosen Kriegszeiten zeigen, die im Jahr 1942 ihren Tod von Hand der Gestapo verursachte.

Die Politikerin gehörte zu den Anhängern der OUN-M, der sie im Jahre 1939 in Krakau beitrat. [5, 7]. Im Herbst 1941 unter Leitung von Oberst Andrij Melnyk und auch unmittelbar von Oleh Olzhytsch, der damals auf der Muttererde die Organisation leitete, kam Olena Teliha mit der Anweisung der Organisation Ukrainischer Nationalisten in die Ukraine zurück. [25, 7].

Wir möchten gerade den Begriff „Marschverbände“ erläutern:

Die Marschverbände der OUN, der Feldzug der OUN nach Osten, der von zwei Fraktionen der OUN unter der Führung von S. Bandera und dem Oberst A. Melnyk organisiert wurde, die Beorderung der Nationalkader und Bediensteten aus der Westukraine, aus den Ländern und Weiten ukrainischer Emigration in Europa in die von den Deutschen besetzten Länder der Mittel- und Ostukraine mit der Absicht eine Selbstverwaltung in den Besatzungsgebieten der deutschen Armee einzurichten, um nach der Flucht der sowjetischen Behörden die Lokalverwaltung in den ukrainischen Händen zu konzentrieren, bis die Deutschen die besetzten Gebiete erschließen. [6, 2285–2286].

Also, am 22. Oktober 1941 erfolgte die Heimkehr der Dichterin nach Kiew zusammen mit ihrem Begleiter Ulas Samchuk. Aus dem Brief von Ulas Samchuk ist uns bekannt, auf welche Weise das verlief: „Wir fuhren in Kiew an genauso einem herbstlichen und klaren Tag wie im Olena's Gedicht hinein. Als wir fuhren am Polytechnischen Institut vorbeifuhren, war Olena so aufgeregt, dass sie fast aus dem Auto rausgefallen wäre.“ [19, 387].

Es ist betonenswert, dass die Heimkehr von Olena Teliha und ihren Mitkämpfern, nicht nur wegen der deutschen Verwaltung, sondern auch wegen des Unverständnisses der Absichten von Emigranten seitens der Lokalbevölkerung nicht besonders fröhlich war. Das bezeugt uns die deutsche Dokumentation: „Die bekannten ukrainischen Persönlichkeiten äußerten ihre Überraschung bezüglich der weitreichenden und abenteuerlichen Pläne der Emigranten, mit den sie auf ukrainisches Land und besonders nach Kiew nach der Okkupation zurückkamen. Sie wurden als Menschen gesehen, die, indem sie das Rad der Geschichte zurückdrehten, keine Veränderungen in den Manieren und dem Charakter des ukrainischen Volkes akzeptieren wollten, die den Ukrainern innerhalb von 23 Jahren von Sowjetherrschaft passierte“. [12, 12].

Oleg Lashchenko, einer der Mitbrüder von Olena Teliha, führt folgende Erinnerungen anlässlich des Herkommens vom Marschverband nach Kiew an:

„Das Heim des künstlerischen Referats, — ein seit alters her verwahrlostes Haus mit dem Möbel verschiedener Herkunft und Zeit und auch mit dem von einem seiner neuen Besitzer insgeheim versteckten Gewehr, — war die erste Unterkunft von Teliha. Später ziehen sie (Mychailo und Olena Teliha — Z. K.) in ihre eigene Hausung um, die letztendlich genauso hungrig, kalt und dunkel ist, wo die Temperatur auf Null fällt, man Elektrizität ausschaltet, das Wasser in der Wasserleitung einfriert …“ [9, 311].

Trotz aller dieser Umstände und alltäglichen Schwierigkeiten entfaltete die OUN eine aktive Tätigkeit. Eine bedeutende Leistung der Organisation Ukrainischer Nationalisten wurde die Ingangbringung des ukrainischen Kultur- und Gemeinschaftslebens in Kiew, an dem gerade Olena Teliha mitwirkte. [26, s.44–46]. Die Bestätigung dafür finden wir auf den Seiten der Zeitung „Ukrajinske Slowo“ unter dem Titel „Die Gründung des Ukrainischen Schriftstellerverbandes“: „Am 8. Oktober 1941 gründete die Initiativgruppe von Vertretern ukrainischer Literatur in Kiew den Ukrainischen Schriftstellerverband. Es wurde der Vorstand des Verbandes gewählt, darunter Olena Teliha als Leiterin*, Borys Vinnytskyi als stellvertretender Leiter und Ivan Irliavkyi als Sekretär*“. [21, 4]. Am 15. November wurde die erste provisorische Satzung des Verbandes bestätigt. Die Idee, die sich in der Satzung verwirklichen musste, war die ukrainische Nationalidee. Der Verband lehnte den Kern und die Form

der sowjetischen Schriftstellerorganisation ab. Nach der neuen Satzung wurde der Leiter des Verbands vom Gesamtbeirat gewählt. Die verantwortlichen Mitarbeiter des Verbandes, den Mitgliederbestand und das Kommissionsbüro wurden vom Leiter des Verbands ernannt, dem alle berichteten. Den alten Weg bezüglich der Frage der Abteilungen (Sektionen) schlug der Verband auch nicht ein. Nach der Schablone teilte sich ein Schriftstellerverband in vier Abteilungen auf — Dichtung, Prosa, Dramatik und Kritik. Es wurden also 4 andere Sektionen gegründet: Periodika, Dramatik, Verlagsabteilung und Klub. Um die Tätigkeitsbereiche der neugegründeten Sektionen zu erklären, führen wir den Arbeitsinhalt der Abteilung für Periodika an. Ihre Aufgabe war die Knüpfung der ständigen Kontakte mit aller laufenden ukrainischen Presse und die Ermöglichung der dauernden kooperativen Versorgung von den Verbandsmitgliedern in den periodischen Druckausgaben, die Auswahl und die Einordnung der Materialien für die Druckausgaben unter den Verbandsmitgliedern und, insgesamt, die Ansammlung der ganzen Arbeit des Verbands für die laufende Presse. Auf dieselbe Weise wurde auch die Arbeit der anderen Abteilungen aufgebaut.

Was das eigentliche künstlerische Leben des Verbands angeht, ballte es sich im Klub zusammen, wo systematisch (ein Mal pro Woche) die Werke von Schriftstellern aller Genres sowie literarische und literarisch-philosophische Fragen besprochen wurden. An der Arbeit des Klubs nahmen alle Mitglieder des Verbandes teil, aber auch die Arbeiter mit der Kunst verwandter Gebiete [13, 1].

Es ist bemerkenswert, dass der Ukrainische Schriftstellerverband wichtige gesellschaftliche Fragen aufwarf, wie Bagaziy (Stadtbürgermeister — Z. K.) betonte, und nämlich „die Frage der Jugend, die in der Presse diskutiert wird, der Schriftstellerverband wirft diese Frage auf — als die Jugendfrage. Ohne vorbereitete Jugend gibt es keine Zukunft für die Nation und es kann sie auch nicht geben". [3, 48–49].

Man darf nicht vergessen, dass die ukrainische Presse eine große Rolle in der Sache des kulturellen und nationalen Erwachens der Ukrainer auf der Anfangsetappe des Kriegs spielte, die von der ukrainischen Bevölkerung, nach der Alternative dem bolschewistischen Gedanken durstend, begehrlich ausgekauft wurde. Es sind mehr als dreihundert Namen der ukrainischen Zeitungen bekannt, die in den Zeiten der Okkupation erschienen, darunter hatten mehr als hundert eine ziemlich anständige Auflage (eine der Zeitungen war die Kiewer „Ukrajinske Slowo"). [14, 199].

Also, trotz der starken deutschen Zensur, drucken die Mitarbeiter von „Ukrajinske Slowo" die Materialien, die in den Ukrainern ein Nationalbewusstsein wecken und auch die Antio*kkupationsstimmung heben. Der Zeitung gehörten einige Beilagen. Das waren drei Ausgaben vom Zeitungsverlag „Literatura i Mystetstwo" („Literatur und Kunst"). Die Zeitungsbeilage von „Ukrajinske Slowo" am 19., 29. Oktober und 4. November. In zwei ersten Ausgaben wurde der Name des Redaktors nicht angegeben, aber in den folgenden wurde „redigiert von M. Sytnyk" gedruckt. Die Tatsache, dass die ersten zwei Ausgaben auch Sytnyk redigierte, darf man nur indirekt behaupten. Im Logo von „Literatura i Mysteztwo" («Literatur und Kunst») wurde der Staatsdreizack gesetzt, der sowohl der „Ukrajinske Slowo" («Ukrainisches Wort») als auch später der „Litawry" fehlte.* [15, 5]. *Die Ausgaben vom 16., 23., 30. November und vom 7. Dezember kamen unter dem Namen „Litawry" heraus, ihre Redaktor war schon Olena Teliha. Auf den Seiten der Zeitung druckten O. Stuhl-Zhdanovych, O. Teliha, M. Sytnyk, U. Samchuk, O. Ogloblyn, J. Sheveliov ihre Werke. Hier wurden auch die Werke von Mitgliedern des Schriftstellerverbandes und den verfolgten Schriftstellern gedruckt.* [22, 3]. *Olena Teliha selbst druckte auf den Seiten der „Literatura i Mystetstwo" («Literatur und Kunst") den publizistischen Artikel «Prapory duchu» („Flaggen des Geistes")* [20, 1] *und auf den Seiten der „Litawry" solche publizistischen Artikel wie «Braterstvo v narodi" („Bruderschaft im Volk")* [17, 2], *«Narozstizh vikna!» („Fenster auf!")* [18, 1]. *Durch das Prisma dieser Artikel ist die Zivilposition von Olena Teliha deutlich sichtbar, sie legt die Betonung auf die Bruderschaft im Volk und auf die nationalistische Position, denn Nationalismus ist für die Dichterin ein Synonym der höchsten Kultur. Insbesondere in dem Artikel „Fenster auf!" macht die Dichterin auf die Zerstörung der ukrainischen Kunst von den Bolschewiken aufmerksam, sie betont, dass Moskau alle ihm nachteiligen Schriftsteller vernichtete (wie es z. B. Hvyliovyi passierte).* [18, 1].

Einen große Aussagewert über die damalige Ereignisse und die Rolle darin von Olena Teliha können wir den Erinnerungen ihrer Zeitgenossen entnehmen. Folgende Erinnerungen führt uns M. Sytnyk darüber an, wie die Dichterin die Materialauswahl traf: „Aufmerksam las sie jedes Material von neuem, Einiges markierte sie mit dem roten Bleistift und legte es beiseite, die anderen legte sie schon ungeordnet allzuhauf und reichte sie danach mir:

— Ich bitte Sie dieses Unzeug in den Papierkorb zu schmeißen, — sagte sie, — das ist eine volksdeutsche Graphomanie. Das sind wahrscheinlich dieselben Schmierer, die auch so Stalin zwitscherte. Was denken Sie? Schauen Sie sich mal diesen Unsinn an– „Das Herz des deutschen

Kriegers". Das schrieb eine Frau N. K. So schnell ist sie, sie hat schon geschafft auch das Herz des deutschen Kriegers zu knacken! Arme Frau, ich kann sie nur bemitleiden, aber nicht helfen. Möge sie es in ihrem Album aufbewahren. Die „Litawry" ist nur für das ukrainische Herz".

Also, die Politikerin war streng bei der Materialauswahl, ihre ganzen Taten auf dem Posten des Redaktors richteten sich auf die Aufhebung des ukrainischen Bewusstseins. Das zeugt nochmals von ihrer auf nationalistische Ideale gerichteten gesellschaftlichen Position.

Auf den Anfangsetappen der Okkupation begriffen die Deutschen die Folgen von Tätigkeit der ukrainischen Intelligenz noch nicht. Selbstverständlich ändert sich die Situation grundlegend, wenn die Okkupanten verstehen, dass keiner ihnen die „Lobreden" in den Zeitungen singen wird und dass das Hauptziel der Nationalisten nicht die Ukraine als Teil „Neuen Europas" ist, sondern die Ukraine als selbstständige Staatseinheit [4, 13].

Es ist bemerkenswert, dass sich die Dichterin nicht nur mit der „Wort-Aussaat" beschäftigte — sie schaffte es beim Verband die Kooperative „Slowo" („Das Wort") zu gründen, die unter den Bedingungen der harten Nahrungskrise die Versorgung der Schriftsteller mit zusätzlichem Brot einrichtete, abgesehen von der Lebensmittelkarte. Mehrmals ging Olena Teliha zum ukrainischen Roten Kreuz, um dem einen oder dem anderen Schriftsteller zu helfen [24, 37–38].

Was sozial-schöpferische Tätigkeit von Olena Teliha in den Zeiten der Okkupation angeht, muss man über ihre Teilnahme am Theaterleben von Kiew hinzufügen. Davon zeugen die Erinnerungen vom Schauspieler Ivan Kolosiv: „Den 6. Februar 1942 werde ich nie vergessen. Zusammen mit dem Dramatiker Ivan Hupal erfuhr Frau Olena, dass die Schauspieler das Stück „Myna Masailo" vorbereiteten und wünschte, „wir seien so nett, ihnen das Theaterstück vorzuführen". Nach dem Auftritt sagte Olena Teliha annähernd das Folgende: „Mit Interesse schauten wir uns ihr ganzes Stück an. Mir gefiel es sehr. Sie wissen gut, unter welchen schrecklichen politischen Umständen Mykola Kulish (bekannter ukrainischer Schriftsteller — Z. K.) seine Stücke schrieb. Ich wusste auch ein bisschen darüber. Ausführlich machte ich mich mit allem aus verschiedenen Materialien vertraut, die mir meine Kollegen und andere gute Leute brachten. Mykola Kulish wusste, dass er in seinen Werken solches heißes Eisen wie Nationalproblem umgehen sollte. Aber ungeachtet der Gefahr, — sagte Olena Teliha, — blieb Kulish bei der nationalen Thematik für den Rest seines Lebens, bis die Okkupanten (Bolschewiken) ihn vernichteten. Man musste dafür eine große Tapferkeit haben". Danach äußerte Olena Teliha ihre eigene Meinung, dass im Stück „Myna Masailo" die Rolle von Mokij als Träger der Nationalidee zu schwach sei. Sie bemerkte, dass man in der Ukraine eine etwas stärkere Dosis von der Nationalidee für die Rolle von Mokij brauche, sie schlug einige Änderungen in dieser Rolle vor. Ebendann schlug Dichterin Ivan Hupal vor, die Gestalt von Mokij auf den neuesten Stand aus der nationalen Sicht zu bringen. „Mach das für uns alle und für das Wohl der ganzen Ukraine", — sagte die schöne Olena und lachte". [7, 217–221].

Olena Teliha beschäftigte sich also mit der Aufhebung des Niveaus vom Nationalbewusstsein, zusammen mit ihren Kollegen aus OUN-M half sie der Bevölkerung auf jede Art und Weise. Und das blieb nicht unbeachtet von den Okkupanten. In einer der Meldungen von Einsatzgruppe «C» aus Kiew wurde später berichtet: „In Raum von Kiew nimmt der Schutzkampf gegen Kommunisten immer mehr die Gestalt des Kampfs gegen nationale ukrainische Einheiten an". [8, 134].

Die aktive Tätigkeit von Olena Teliha und ihren Mitbrüdern diente als Grund weiterer Arreste, die im Februar 1942 geschahen. Über die letzten Tage von Olena Teliha in Kiew und die Umstände ihres Arrests erzählte außer J. Haivas und O. Stuhl-Zhdanovych unter anderem O. Skorupska [19, 398] (damals war sie Leiterin der Frauenuntersektion). [2, 72]. Aus den Erzählungen geht hervor, dass Olena Teliha bewusst in den Tod ging: „Wenn ich nicht zurückkomme… wenn ich ums Leben komme, dann wisst ihr, dass ich meine Pflicht bis zum Ende getan habe". Teliha wurde mehrmals darauf eingesprochen, den Verband nicht zu besuchen, weil man wusste, dass dort ein Hinterhalt von Nazis geplant wurde, aber sie war kategorisch: „Das erzählt ihr alles gut. Aber wenn der Schlag auf den Verband gerichtet wird, wie kann der Vorsitzende ihn denn verlassen? Zu viele Menschen habe ich reingezogen. Das wird ihren Glauben an unsere Sache zerstören, wenn man sie im entscheidenden Moment allein lässt". [16, 4].

Die Gestapo lag im Gebäude des Verbandes im Hinterhalt bereits am Sonntag, dem 8. Februar, am Morgen. Wer am 9. Februar das Haus des Verband (Triohsviatytelska Straße) betrat, konnte nicht mehr hinausgehen. Alle versammelten sich wie gewohnt. Gegen 15 Uhr sagte die Gestapo: „Es ist genug. Alle, die nicht zum Vorstand oder dem Personal des Verbands gehören, können nach Hause gehen". Der Rest wurde in Korolenka-Straße, 33 hingebracht. Es wurden aber zwei Ausnahmen ge-

macht. Jurij Muzychenko gehörte zum Vorstand des Verbands und wurde freigelassen und Mykhailo Teliha, der zum Verband nicht gehörte, wurde festgenommen. [23]. Olena Teliha und alle ihre Verbandskollegen wurden hingerichtet, das waren etwa 40 Menschen. [1, 84].

Die meisten Forscher stimmen darin überein, dass die Dichterin mit ihren Mitbrüdern am 21. Februar 1942 in Babyn Jar hingerichtet wurden. Aber es gibt noch andere Versionen: Nach den Worten von Dr. Karel Berkhoff, mit wem wir die Ehre hatten, auf der Konferenz in Kiew zur Rolle der Frau im Krieg zu diskutieren, stellt sich zum Beispiel heraus, dass die Hinrichtung sowohl auf Babyn Jar als auch in dem Gebäude der Gestapo stattfinden konnte. Illia Levitas beachtet das Folgende: „Die Gefangenen von Gestapo wurden ebenda im Keller erschlossen und die Leichen der Erschossenen wurden am Ende der Zentralen Allee auf dem Lukianivskyi Friedhof begraben. Ebenda liegen höchstwahrscheinlich auch die Leichen der ukrainischen Nationalisten. Daher ist es zweckmäßig, sich mit den Sucharbeiten zu beschäftigen, um ihre Begräbnisstelle genauer zu festzustellen. Laut dem Akt des staatlichen Sonderausschusses von 1943 gibt es auf dem Lukianivskyi Friedhof ein Ehrengrab, in dem 400 Personen ruhen. Aller Wahrscheinlichkeit nach befindet sich in diesem Grab auch die Leiche von Teliha". [10]. In jedem Fall wurde die Politikerin wegen ihrer Kompromisslosigkeit und nationalen Position hingerichtet, der sie bis zu letzten Minuten ihres Lebens treu blieb.

Schlussfolgernd kann man Folgendes feststellen: Auf dem Posten der Vorsitzenden des Ukrainischen Schriftstellerverbandes führte die Dichterin eine aktive gesellschaftlich-künstlerische Tätigkeit, beschäftigte sich mit der Auswahl nationalistischer Materialien für die Publikation auf den Seiten der „Lytawry". Ungeachtet der Gefahr seitens der Okkupationsregierung lehnte sie bewusst die Artikel ab, die ihren nationalistischen Positionen zuwiderliefen, indem sie keinen Kompromiss mit der Okkupationsregierung einging. Sie schaffte es, bei dem Verband die Kooperative „Slowo" zu gründen, die unter den Bedingungen der harten Nahrungskrise die Versorgung der Schriftsteller mit zusätzlichem Brot einrichtete; sie nahm die Hilfe des ukrainischen Roten Kreuzes in Anspruch. Auch wirkte die Dichterin im künstlerischen Leben mit. Davon zeugen ihre Kontakte mit dem ukrainischen Theater und Publikationen ihrer nationalistischen Artikel mit der bewussten Zivilposition auf den Seiten der „Lytawry". Ausgerechnet für ihre aktive sozial-schöpferische Tätigkeit bezahlte die Persönlichkeit von OUN-M mit ihrem Leben — sie wurde im Jahre 1942 erschossen.

Olena Teliha gehört zu solchen Helden und Heldinnen, die unser Staat bisher offiziell nicht anerkannt hat, zu denjenigen, die unsere Gesellschaft deswegen nicht bis zum Ende anerkennt, weil die Prozesse der nationalen Selbstidentität in der Gesellschaft noch dauern. Aber dank ausgerechnet solchen Gestalten haben wir unseren heutigen unabhängigen Staat, denn Olena Teliha und ihre Mitbrüder starben nicht für ihre eigenen Ambitionen oder Dividenden, sondern für unsere Zukunft.

Referenz:

1. Armstrong John.Ukrainian nationalism/Armstrong John. – 3d ed. – Englewood: Ukrainian Academic Press, 1990. – 271p.
2. ДАКО – Ф.Р-2412.Музей-Архив переходного периода. –Оп. 2. – Спр.4 Постановления Киевской Городской Управы. (6 октября 1941–16 декабря 1941). – 234 арк.
3. ДАКО-Ф.Р-2412.Музей-архів перехідного періоду.–Оп. 2-.Спр.41.Стенограммы пленумов Шевченковской райуправы г. Киева от 8, 15, 22, 29 декабря 1941 и 25 февраля 1942 г. /№№ 437, 463–466/-145 арк.
4. Документи і матеріали з історії Організації Українських Націоналістів [Текст]/редкол. В. Верига [та ін.]; НАН України, Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського, Організація Українських Націоналістів, Архів Організації Українських Націоналістів, Фундація ім. О. Ольжича, Бібліотека ім. О. Ольжича. – К.: Видавництво ім. Олени Теліги, 2002.Т. 10, ч. 2: Газета «Українське слово» 1941 року/упоряд. О. Кучерук. – [Б. м.]: [б. в.], 2004. – 304 с.
5. Дороговказ. Поезії О. Теліги та О. Ольжича/О. Теліга, О. Ольжич; передм. Г. Шиманська. – К.: Фундація ім. О. Ольжича: Видавництво ім. О. Теліги, 1994. – 48 с.: фотогр.
6. Енциклопедія українознавства: Словникова частина/Гол. ред. Володимир Кубійович; Наукове товариство ім. Шевченка. – [Paris; New York]: Молоде життя.Том 6. – 1970. – с. 2001–2400: іл.
7. Колосів І. Театр в Києві за німецької окупації і несподівана зустріч з Оленою Телігою//Альманах Українського Народного Союзу –Парсіпанні-Нью-Йорк –1998 – Річник 88-й – 288 с.
8. Кот С. Підпілля ОУН в окупованому Києві. 1941–1943.//Друга світова війна і доля народів України: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – К.: Сфера, 2005. – 220 с.

9. Лащенко О. На київських верхах//Теліга О. Збірник/О. Теліга; Редакція, примітки О. Жданович. – Детройт та ін.: Видання Українського Золотого Хреста в ЗСА, 1977. – 473 с.
10. Левитас Илья. Мифическая могила, мифическая надпись, мифические цифры//Режим доступу: http://varjag-2007.livejournal.com/5249698.html
11. М. С. Кров на квітах//Самостійна Україна-Винипег – Чікаго – Лютий-Березень 1948-Ч. 1–2-33 с.
12. Миронець Н. Німецька поліція про націоналістичне підпілля//Українське слово – Київ – 16 жовтня 1997. –16 с.
13. Музиченко Ю. До вірних берегів//Літаври – Київ-30 листопада 1941-Ч. 3.-4 с.
14. Патриляк І. К., Боровик М. А. Україна в роки Другої світової війни: спроба нового концептуального погляду/І. К. Патриляк, М. А. Боровик. – К.: Лисенко М. М., 2010. –590 с.
15. Р. Ш. Останні дні Олени Теліги//Самостійна Україна –Чікаго-Нью-Йорк-Січень-лютий 1953 – Ч. 1–2 (60–61) –32 с.
16. Т. Б. Б. Крізь полум яні межі//Наше життя –Філадельфія- Лютий 1962 – Ч. 2–33 с.
17. Теліга О. Братерство в народі//Літаври –Київ – 23 листопада 1941 –Ч. 2–4 с.
18. Теліга О. Нарозстіж вікна!//Літаври – Київ –30 листопада 1941 – Ч. 3–4 с.
19. Теліга О. О краю мій … : Твори. Документи. Біографічний нарис/Олена Теліга; НАНУ; Ін-т укр. археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського; Фундація ім. О. Ольжича в Канаді; Упорядник: Н. Миронець. – 2-ге вид., випр.. – Київ: Видавництво ім. Олени Теліги, 2006. – 496 с.
20. Теліга О. Прапори духу//Література і мистецтво – Київ-4 листопада 1941 – Ч. 3–2 с.
21. Українське Слово. – Київ – 14 жовтня 1941. – Ч. 30. – 4 с.
22. Українське слово: історія і сьогодення//Українське слово – Київ – 1–7 травня 2013-№ 18 (3629) – 16 с.
23. Фігурний Юрій. Державотворча діяльність Олени Теліги в українознавчому вимірі (до 65-річчя її героїчної смерті). – Режим доступу – http://www.ualogos.kiev.ua/fulltext.html?id=928
24. ЦДАЗУ – Ф.38. Світова координаційна рада ідеологічно споріднених націоналістичних організацій (СКР ІСНО). – оп. 1. – спр. 44.Документи (листи, маніфест, статті, прокламація, довідки, повідомлення та ін.. від громадських організацій та окремих осіб, надіслані до редакції) про діяльність ж. «Самостійна Україна» (м.Чікаго, США).Англ, укр. Гектогр., друк типогр., маш. Копії з прав. рук. 21 лютого –5 грудня 1992, 245 арк.
25. Центральний Державний Архів Зарубіжної Україніки (ЦДАЗУ) – Ф.38. Світова координаційна рада ідеологічно споріднених націоналістичних організацій (СКР ІСНО). – оп. 1 – спр.30.Звернення та інформаційний бюлетень Президії СКР ІСНО до проводів членів складових організацій, усіх українців світу, про вшанування пам`яті Петлюри С. В., Коновальця Є. М., Ольжича О. О., Теліги О. І., а також про укладення нового союзного договору. Гектогр. 1984 – березень-серпень 1991. – 13 арк.
26. Червак Б. О. Уроки націоналізму/Б. О. Червак. – К.: Видавництво ім.Олени Теліги, 2002. – 112 с.

Savinova Tatiana Nikolaevna, Institute of the Steppe
of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Orenburg),
candidate of historical sciences
E-mail: anaitat2009@yandex.ru

Pages of history of horse breeding of the Orenburg edge of XIX — of the beginning of the XX century

The publication is prepared within supported RGNF of the scientific project No. 14–13–56002

Abstract: In the article is shown influence of military on a solution of the problem of improvement of local breeds of horses. The short history of development of horse breeding in the Orenburg region is reported. Sources of the publication are archival materials and articles from magazines mainly the XIX century, found the author.

Keywords: the history of steppe horse breeding, the history of horse breeding of the Orenburg edge, are military researchers.

Савинова Татьяна Николаевна, Институт степи Уральского отделения РАН (Оренбург), кандидат исторических наук
E-mail: anaitat2009@yandex.ru

Страницы истории коневодства Оренбургского края XIX — начала XX в.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14–13–56002

Аннотация: В статье дается краткая история развития коневодства в Оренбургском крае. На основе выявленных автором архивных материалов и опубликованных источников преимущественно XIX в. показано участие военных в решении проблемы улучшения местных пород лошадей.

Ключевые слова: история степного коневодства, история коневодства Оренбургского края, военные исследователи

В XIX в. лошадь была, если не краеугольным камнем, то одной из основных частей народного хозяйства и военного дела.

Проблемы количества лошадей в крае практически не было. Но для длительных и тяжелых по климатическим условиям степных переходов нужны были сильные, выносливые животные. На улучшение местных пород лошадей был направлен целый ряд мероприятий, проводившихся в течении XIX — начала XX в. Решить проблему пытались путем создания конных заводов и случных конюшен в Оренбургском казачьем войске и на гражданской территории по инициативе военной администрации.

Преимущества местных пород лошадей в условиях степных походов перед другими породами лошадей, а также верблюдами были оценены еще в XVIII в., но наглядно это продемонстрировала зимняя экспедиция В. А. Перовского 1839–1840 гг. «Лошади, употребленные для Хивинского похода, — писал полковник М. И. Иванин (1801–1874), участник тех событий, — были почти все киргизской, башкирской и уральской пород, содержимые и зиму и лето в степях на открытом воздухе. Малая гибель их в походе (204 лошади из 2430) показывает, что военных лошадей полезнее держать постоянно или на пастьбе или на коновязях, под открытым небом, и только в крайних случаях под крышей; к теплым же конюшням их не следует приучать» [7, 156]. В то же время «из 10400 верблюдов, бывших в начале похода при отряде [поход начался 26–29 ноября], к 1-му апреля осталось в живых менее полутора тысяч» [7, 153] и погибли все верховые лошади элитных пород. Воспоминание об этом походе многие десятилетия хранилось в памяти оренбуржцев.

Одной из первых попыток организации селекции местных лошадей было учреждение в 1831 г. в Оренбургском казачьем войске войскового конного завода с целью распространения улучшенной породы лошадей в среде казаков [9, 247]. Для этого по распоряжению императора из Почаевского и др. заводов в Оренбург были отправлены 14 кровных жеребца и два аргамака из числа подаренных бухарским эмиром. В марте 1832 г. войсковой завод был окончательно устроен на выбранном для него месте, на Общем Сырте, и поступил под управление войскового офицера при штате из 14 казаков [9, 262]. (В 1861 г. он был признан «совершенно бесполезным» и упразднен) [9, 247].

В 1840-е гг. в России была предпринята очередная попытка реформирования коннозаводства. Указом от 7 января 1843 г. предписывалось «Императорские военно-конские заводы со всеми их способами предназначить для улучшения коннозаводства в государстве». Следующим указом от 10 марта того же года «О нормальном расписании земских случных конюшен в губерниях» было объявлено об утверждении 24 земских конюшен, в каждой из которых должно было стоять по 60 жеребцов-производителей. 10 апреля 1843 г. было учреждено Управление государственного коннозаводства, на которое возлагалось руководство всеми государственными конными заводами и случными земскими конюшнями, а также надзор за проведением скачек и бегов и назначением призов на них. Конюшни создавались с 1843 по 1849 гг. [8, 50–51]. В Оренбургской губернии земская случная конюшня была организована в 1846 г. Ее Центральный пункт находился в Уфе, имел 60 жеребцов верховых пород, которые ежегодно на сезон передавались в создававшиеся в различных местах случные пункты [11].

По данным В. М. Черемшанского (1821–1869), количество лошадей в Оренбургской губернии

с 1842 по 1850 гг. увеличилось с 1407871 до 2070741. Господствующей породой он называл башкирскую, которая была «мелкорослая и некрасивая, с большой головой, но мускулистая, крепкая и быстрая» [154, 347]. Казахские лошади «статьями и свойствами весьма похожи на башкирскую и отличаются от последней особенной рьяностью и дикостью». На оренбургских ярмарках и рынках можно было купить и помесные породы лошадей. В целом же, по словам В. М. Черемшанского, в начале 1850-х гг. «коневодство Оренбургской губернии находилось в неудовлетворительном состоянии, хотя по обилию трав и пастбищных мест могло бы быть одной из важнейших отраслей сельского хозяйства» [15, 348]. Главную причину этого он видел в небрежности ухода за лошадьми [15, 349].

В 1850 г. в крае по конному заводу и случной конюшне имели Оренбургское и Уральское казачьи войска, кроме того В. М. Черемшанский насчитывал в губернии 23 частных конных завода, принадлежавших помещикам, лучшими из которых считались: в Мензелинском уезде — ротмистра Обухова, князя Мустафина и чиновника Султанова, в Бугурусланском — заводы помещиков Городецкого и Карамзина, в Бузулукском — помещиков Анненкова, Шишкова и Панаева, в Оренбургском — господ Истьевых [15, 352].

В 1851 г. полковник Н. П. Беклемишев (1811–1893) составил для В. А. Перовского (1795–1857), в 1851–1857 гг. оренбургского и самарского генерал-губернатора, записку «О возможности ремонтировать регулярную кавалерию в Оренбургском крае». «Император создал комитет, — писал он, — который решил собрать мнения частных заводчиков и лиц давно служащих в кавалерии по решению вопроса о ремонтировании регулярной кавалерии и артиллерии». Н. П. Беклемишев в 1849–1850 гг. был командующим Башкиро-мещерякским войском и, как он пишет, «имел понятие о беспредельных богатствах Оренбургского края в табунных лошадях» и поэтому «невольным образом думал ежедневно о том, что один Оренбургский край может в настоящем случае принести России наибольшую пользу и сделаться надежным источником для ремонтов» [12, 2]. В то время «почти у всякого русского помещика в Оренбургском краю был свой небольшой заводец. Многие из них разводили лошадей улучшенных пород и на ярмарках Оренбургской губернии можно было найти лошадей очень хороших полукровных за весьма умеренную цену, произведенных на частных заводах помещиков. Но в не достаточном количестве для того, чтобы ремонтиры туда решились поехать, тем более, что провоз оттуда обошелся бы слишком дорого» [12, 6–6 об.]. К тому же «с искони башкирцы занимаются разведением конских табунов, но с водворением жителей русских на земли башкир, их табуны значительно изменились. В настоящее время <…> коренной чистый тип башкирской лошади сохранился только в Бурзянской волости и по рекам Дёме и Току, хотя кроме того лошадей разводят в большом количестве преимущественно в 3, 6, 10, 11, 12 и 13 кантонах». Далее полковник предлагал меры по улучшению пород и организации коневодства. В частности, «ввести должность начальника коннозаводства и ремонтирования, по примеру начальника горнозаводства. В четырех пунктах края учредить временные депо для ремонтов, которыми будут заведовать четыре помощника начальника» [12, 17]. В то время, по его данным, уже существовали заводы в Башкирском, Оренбургском и Уральском войсках. К этим заводам он предлагал организовать еще один в Башкирском войске, расположив его около Челябинска или Шадринска, в Букеевской орде и один в казахской степи. «Я не довольно знаю степь, — писал он далее, — чтобы с точностью определить лучшее для завода место, но мне кажется, что удобно и соответственно своему назначению завод мог бы находиться на отлогостях Мугоджарских гор, около верховья реки Эмбы, Илека или Хобды [12, 33–33 об.].

Но это были только предложения. В действительности коневодство продолжало оставаться на прежнем уровне.

В 1868 г. в Оренбургской губернии было 550795 лошадей [14, 45], которые содержались на 836 частных заводах, включая в это число и «крестьянские косяки, в которых не менее пяти маток» [14, 71]. Причем больше всего «заводов», а следовательно и лошадей, имели башкиры (499 заводов) и казаки (315 заводов) [14, 72].

В 1873 г. Иван Мердер опубликовал статистическое исследование «О коневодстве в России» [10, 290–330]. В приведенных в статье таблицах отражены различные аспекты коневодства, в том числе есть данные о количестве лошадей по губерниям в 1846, 1856, 1860, 1864, 1867, 1871 гг. [10, 307–308] (Таблица 1). В Оренбургской губернии колебания численности лошадей скорее всего были незначительными. Поскольку в 1851 г. три ее уезда вошли в состав вновь образованной Самарской губернии, а в 1865 г. выделилась Уфимская, то резкое снижение количества лошадей, отраженное в таблице, не показывает реального положения коневодства.

Таблица 1. – Движение коневого населения в России (1846, 1856, 1860, 1864, 1867, 1871 гг.).

Губернии	1846	1856	1860	1864	1867	1871
Оренбургская	1,913,796	1,350,821	1,150,292	1,092,000	560,963	580,559
Самарская	Организо-вана в 1851	706,574	754,363	791,000	710,212	811,639
Уфимская	Входила в состав Оренбургской				560,426	586,767
Пермская	697,981	847,174	858,678	852,000	824,792	835,377
Вятская	494,907	661,785	534,900	670,000	328,396	407,153
Астраханская	87,399	230,260	173,886	204,000	188,972	146,777
Губернии Европейской России						
Харьковская	191,744	206,332	204,403	230,000	202,387	292,736
Херсонская	300,192	150,800	99,983	123,000	182,506	285,249
Черниговская	356,627	411,088	402,725	420,000	359,149	395,786
Эстляндская	39,381	46,060	64,126	68,000	64,834	67,260
Ярославская	288,949	227,461	204,212	200,000	193,369	163,354

Не менее интересны цифры, приведенные в других таблицах. В них не только дается количество лошадей по губерниям, но и их соотношение к числу жителей, количеству пахотной и луговой земли и др. По Оренбургской губернии на 1871 г. данные приведены в Таблице 2:

Таблица 2. – Отношение количества лошадей в Оренбургской губернии в 1871 г. к другим показателям сельскохозяйственной статистика: [10, 294–295, 297–303, 305].

Число лошадей	580559
Число заводских лошадей	617
Число жителей	840704
1 лошадь на число жителей	1,45
Количество десятин пахотной земли	563000
На одну лошадь приходится десятин	0,97
Количество десятин луговой земли	2640000
На одну лошадь приходится десятин	455
Сенокосной земли на 100 десятин пахотной	4689
Число заводов	29
Преобладающий сорт лошадей	Верховой

По цифрам, приведенным в таблице, видно, что число заводских лошадей значительно уступает общему их количеству в губернии. Если сравнить число заводов в 1868 г. с данными, которые приведены в цитируемой статье, то получается, что за три года в губернии стало на 807 заводов меньше. Скорее всего в этом случае мы имеем дело с различными подходами к термину «завод». Как было сказано выше, в 1868 г. сколько-либо значительные косяки лошадей авторы составленной статистики также считали заводом.

В 1874–1878 гг. разрабатываются проекты по улучшению степного коневодства на Дону [6] в Оренбургском крае.

В «Военном сборнике» в этот период публикуются статьи, в которых офицеры делятся своими мыслями по поводу степных пород лошадей, в частности — казахской. В 1873 г. в «Военном сборнике» вышла статья старшего адъютанта Оренбургского окружного артиллерийского управления капитана С. К. Вогака [13]. Прожив десять лет в степи, он решил донести до читателей свои наблюдения. «Достоинство киргиз-

ских лошадей лучше всех оценены соседями-казаками, которые употребляют их под верх и в упряжку, — писал он в своем исследовании.– Конечно, у многих казаков есть, так называемые, доморощенные лошади, происшедшие от русских маток и жеребцов, и которых казаки иногда берут во фронт на службу, желая щегольнуть их красотою; но большинство все-таки предпочитает киргизскую лошадь за ее неутомимость, выносливость и способность к быстрым и большим переездам. На службе в степи у казаков резко отличается киргизская лошадь. Сотни, снабженные такими лошадьми, часто делают изумительные переезды. Войсковой старшина Бобров в последние три года <…> со своими казаками <…>, делал от 120 до 150 верст за сутки; причем на тех же лошадях <…> он часто на другой же день скакал опять в погоню» [2, 96]. В своей работе С. К. Вогак, как на авторитетнейшее мнение, ссылается на лекции о степной войне, прочитанные в Оренбурге начальником оренбургского юнкерского училища подполковником В. А. Потто (1836–1911), который коснулся в них достоинств казахских лошадей, могущих служить для комплектования частей артиллерии и кавалерии, расположенных в Оренбургском и Туркестанских военных округах [2, 87]. К тому же Оренбургская конно-казачья батарея, — писал С. К. Вогак, — «имея киргизских и башкирских лошадей, по своей быстроте в движениях, не уступит ни одной полевой конной батарее. Что касается артиллерии, то оренбургские конно-казачьи батареи давно уже определили годность киргизских лошадей для артиллерийской запряжки, и если они ремонтируются частью башкирскими, то собственно потому, что формируются они в Башкирии, да к тому же лошади эти по своему кругокостному телосложению весьма благодарны в хозяйственном отношении. На почтовом тракте от Орска до Оренбурга употребляются преимущественно киргизские лошади» [2, 98–99].

5–15 августа 1877 г. полковник великий князь Николай Константинович (1850–1918) в сопровождении полковника генерального штаба граф Н. Я. Ростовцева (1831–1897) совершил «высочайше назначенную первую ученую поездку» по казахским степям Оренбургского генерал-губернаторства «с целью изучения коневых средств края для пополнения армии лошадьми при мобилизации в случаях войны», «изучения Оренбургского конного завода, расположенного в Оренбургском уезде» [4, 5].

Проблему оренбургского степного коневодства, в частности использования казахской породы лошадей в кавалерии, рассматривал в статье полковник Оренбургского казачьего войска И. Ф. Манснер (1841-?) [1, 89]. Особое внимание он уделил частным конным заводам Оренбургского края, сообщив сведения из их истории. Так, он пишет об основанном в 1878 г. в 35 верстах от Оренбурга, в пределах Тургайской области, управление которой осуществлялось из Оренбурга, конного завода князя М. Долгорукова. Но спустя почти десять лет, как он пишет, на заводе «обращает на себя внимание то обстоятельство, что все матки — киргизской породы, к тому же весьма посредственного сорта [9, 247–249]. В дальнейшем «Михайловский» завод Долгорукова перешел в государственное управление.

В 1880-е гг. заводские конюшни (30–70 жеребцов в каждой) в крае были в Оренбурге (организована в 1886 г.), «Тургайская» в Орске (1887 г.) и в Кустанае (1888 г.).

В начале XX в. «лошадиное население России не избегло общей участи разгрома, — писал Фаатц в 1920 г., — и из тех миллионов голов, насчитывавшихся в 1914 г., ныне осталось сравнительно незначительное число. Особенно сильно пострадал кровный материал с государственным значением, с которым совершенно не считались в течение 1917 и почти всего 1918 г. Оренбургская губерния не избегла общей участи и, быть может, пострадала больше других благодаря близости фронтов, а также переходов из одних рук в другие. Достаточно сказать, что весь кровный, а также беговой материал уплыл из наших рук, а в настоящее время почти нет возможности собрать его в организованные рассадники губземотдела. <…> Достаточной характеристикой момента будет, если указать лишь на одно Михайловское коннозаводство (рассадник верховых лошадей, а также улучшенных киргизских, в 35 верстах от г. Оренбурга), где в 1914 г. насчитывалось до 3500 голов населения племенных жеребцов (назначавшихся на случные пункты было около 200 голов), и из этого количества лошадей в губземотдел попало только 3 и то не из классных» [16].

До 1918 г. в губернии насчитывалось 27 частных конезаводов с общим поголовьем в 15600 лошадей. «В 1919 г. племенные лошади бывшей Тургайской заводской конюшни с рассадником киргизских лошадей и Оренбургской заводской конюшни были перегнаны в Кустанайский завод, куда в это же время были согнаны и реквизированные лошади частных владельцев, причем при эвакуации заводов часть лошадей погибла, другая же часть, а именно донские жеребцы, были обменены на 23 головы чистопородных орловцев.

Из-за многочисленных перебросок заводских табунов и перераспределений конезаводов между республиками, к 1922 г. на Петропавловском государственном конном заводе (переданном с частью территории Омской губернии Киргизской (Казахской) республике), скопилось весьма значительное количество лошадей, кормить которых было нечем. Чтобы разрядить ситуацию, Киргизский Наркомзем распорядился часть лошадей (104 головы) перегнать из Петропавловска в Оренбург, организовал Орский конезавод (к началу февраля 1923 г. сюда прибыл табун из Кустаная), а в 1924 г., когда был восстановлен Михайловский конезавод, перевел сюда из Орска верховой состав» [3].

Таким образом, во время Гражданской войны и первых лет советской власти пропали практически все усилия, предпринимаемые целое столетие по улучшению местных пород лошадей, коневодство Оренбургского края пришло в упадок. Начатая в конце XIX в. селекционная работа завершилась лишь в 1951 г. утверждением кустанайской породы.

Список литературы:

1. Адрес-календарь личного состава служащих в Оренбургской губернии по всем ведомствам на 1884 год/Изд. Оренб. губ. стат. ком. – Оренбург: тип. Б. Бреслина, 1884. – VI, 169 с.
2. Вогак С. Киргизская лошадь//Воен. сб. – 1873. – № 9. – С. 87–100.
3. Годовой отчета Народного Комиссариата земледелия за операционный 1923/24 г. – Оренбург, 1925. – С. 60-62.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 1155. Оп. 1. Д. 2371. Л. 2–3.
5. ГА РФ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 2471.
6. ГА РФ. Ф. 1155. Оп. 1. Д. 3073.
7. Иванин М. И. Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г. – СПб. 1874.
8. Кожевников Е. В., Гуревич Д. Я. Отечественное коневодство: история, современность, проблемы. – М., 1990. – С. 50–51.
9. Манснер Ив. Киргизская лошадь, как материал для ремонтирования кавалерии. Степное коневодство//Воен. сб. – 1887. – № 6. – С. 229–282.
10. Мердер Ив. О коневодстве в России//Воен. сб. – 1873. – № 12. – С. 290–330.
11. Мурсалимов В. С., Сатыев Б. Х. Башкирская лошадь. – Уфа, 1988. – С. 62.
12. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 12.
13. Справочная книжка Оренбургской губернии на 1869 год/изд. Оренб. губ. стат. ком. – Оренбург, Б. г. – С. 71.
14. Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 год/изд. Оренб. губ. стат. ком. – Оренбург: [б. и.], [1869]. – [5], 3–70, XV, 31, 29–235, 28, 13, 13–26, 25, 12 с, [2] л, табл.
15. Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. – Уфа: Тип. Оренб. губерн. правления, 1859. – 472 с.
16. Экономическая жизнь Южного Урала. – 1920. – № 8/9. – С. 35.

Samoilenko Oleksandr Hrygorovych, Nizhyn Gogol State University,
Vice-Principal, Candidate of Historical Sciences, assistant professor
E-mail: sam_alex17@mail.ru

Vacant Professorship Filling in Ukrainian Higher Education Institutions in the 19-th-early 20-th centuries: Professional and Interpersonal Aspects

Abstract: The article discusses the problem associated with the vacant professorship filling at historical sub departments of universities, institutes and schools of Ukraine in the 19-th — early 20-th centuries. It delivers the analysis of election procedure, the impact of professional skills and interpersonal relations on the ordinary professor election.

Keywords: professor, sub department, vacancy, department council, trial lecture

Самойленко Александр Григорьевич, Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя, проректор, кандидат исторических наук, доцент
E-mail: sam_alex17@mail.ru

Замещение вакантных профессорских должностей в высших учебных заведениях Украины в XIX — начале XX вв.: профессиональный и межличностный аспекты

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с замещением профессорских вакансий на исторических кафедрах университетов, институтов и лицеев Украины в XIX — начале XX вв. Проводится анализ процедуры избрания, а также влияние профессиональных качеств и межличностных отношений на процесс выборов ординарных профессоров.

Ключевые слова: профессор, кафедра, вакансия, совет факультета, пробная лекция

Крылатая фраза известного автора — «Кадры решают все!», по нашему мнению, наиболее емко и точно выражает потребности общества в квалифицированных работниках во всех сферах его жизнедеятельности. Не составляет исключение и научно-образовательная отрасль, где учитель, преподаватель, профессор играет ключевую роль не только в передаче информации, но и в формировании у слушателей умений и навыков, необходимых для дальнейшей деятельности. Поэтому подбору кадров государство и общество во все времена отводило достаточно пристальное внимания.

В XIX в. в Российской империи была разработана целая система подготовки и отбора научных кадров, регламентирован процесс избрания на соответствующие должности и т. п.

Открытие университетов в начале XIX в. заставило правительственные круги решать довольно сложный для того времени вопрос о профессорских кадрах. Согласно «Предварительным правилам народного просвещения» и Уставу университетов преподавателей набирали путем избрания на соответствующую кафедру. Но проблема состояла в том, что не было из кого выбирать. Министр народного просвещения П. Завадовский с разрешения императора Александра I предложил ректорам университетов приглашать на работу профессоров-выходцев из славянских земель, входивших в состав Австрийской империи.

Ректору Харьковского университета И. Рижскому необходимо было согласно Уставу университета 1804 г. набрать 28 профессоров, 12 адъюнктов, 3 лекторов, 3 учителей. Кроме этого, в штат входило 12 магистров и 12 кандидатов Педагогического института, который функционировал при университете. Профессора делились на ординарных (защитивших докторские диссертации) и экстраординарных (могли занимать и магистры; согласно Уставу 1885 г. в номенклатуре университета они значились как доценты).

7 февраля 1803 г., еще до официального открытия первого в Украине университета были зачислены первые 4 профессора — юрист И. Тимковский, филолог И. Рижский, математик Т. Осиповский, ботаник Ф. А. де ля Винь. Со временем было набрано еще 12 преподавателей. Но штаты и после этого не были заполнены. Ректор университета обратился к зарубежным профессорам. Согласились приехать сербы — физик А. Стойкович и юрист Ф. Филипович. Но и «славянский» путь подбора профессоров не оправдал надежду, и ректор обратился к профессорам французских и немецких вузов. Именно из Германии и были набраны основные научные кадры.

В 1803 г. было привлечено 7 профессоров, 7 адъютантов и 2 учителя, из которых — 8 немцев, 3 француза, 3 русских, 1 украинец и 1 серб. В следующем 1804 г. в коллектив преподавателей влилось еще 9 человек: 2 профессора, 4 адъютанта, 1 лектор и 2 учителя, среди них — 5 немцев, 1 француз, 1 русский, 1 серб и 1 поляк. Всего в университете работало 25 преподавателей, из них 9 профессоров, 11 адъютантов, 1 лектор, 4 учителя [1, 151].

Для обеспечения учебного процесса не хватало почти половины преподавателей, из них 17 профессоров.

Близким к Харьковскому университету было формирование кадров в Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине, которая начала функционировать в 1820 г. Первым ее директором был доктор права, философии и свободных искусств, профессор В. Кукольник (1820–1821), получивший образование в европейских университетах.

В связи с тем, что Гимназия высших наук — это достаточно уникальное учебное заведение, где обучение проходило 9 лет и распределялось на начальное, гимназическое и высшее образование, в начале

существования были приглашены т. н. «младшие профессора». Это были, как свидетельствует докладная директора попечителю Харьковского учебного округа З. Корнееву, к преподавательской работе были привлечены учителя различных гимназий [2, 224]. В 1821 г. В. Г. Кукольник умер и на его место был назначен известный ученый, магистр словесных наук и философии, доктор медицины и хирургии, ординарный профессор кафедры медицины И. Орлай.

В течение первой половины 1820-х гг. формировался штат преподавателей для чтения предметов для всех категориях классов. Архивные материалы, в частности, ведомость 1825 г. о штате свидетельствует, что в Гимназии были: директор — 1, законоучитель — 1, старших (политических, исторических, физико-математических наук и русской словесности) и младших профессоров — по 4, учителей — 3.

Большинство из них — опытные педагоги, которые хорошо знали свой предмет. Это были выпускники Петербургского и Харьковского университетов и Петербургского Педагогического института. Профессором истории и статистики стал К. Моисеев (1820–1837).

Для того, чтобы директор И. Орлай допустил к работе на кафедре политических наук М. Билевича (в Нежин направлен Министерством профессором немецкой словесности), необходимо было по требованию Министерства сдать соответствующий экзамен. Соискатель обратился к руководству Харьковского университета с просьбой разрешить сдать экзамен по политическим наукам, и успешно справившись с задачей, занял кафедру политических наук.

Профессорами Гимназии был и ряд иностранцев. Некоторые из них имели основательное образование и были хорошо подготовлены. Среди них выделялся воспитанник Львовского и Венского университетов Ф.-И. Зингер, который в Нежине преподавал немецкий словесность. Как вспоминал студент того времени Нестор Кукольник, который со временем стал известным писателем, преподавания предмета Ф. Зингером было настолько захватывающим, что «не прошло и года, как у нового профессора были ученики, которые переводили «Дон Карлоса» и другие драмы Шиллера, а за ним и Гете, Кернера, Виланда, Клопштока и всех, которых называли классиками немецкой литературы…» [3, 262].

Таким образом, формирование преподавательского состава в Гимназии проходило тем же путем, что и в университетах, хотя и имело свою специфику. Старшие и младшие профессора не имели степени магистра или доктора, а профессора-иностранцы преимущественно занимали должности преподавателей иностранных языков.

В каждом из университетов формирование научных и преподавательских кадров проходило посвоему, что зависело от времени их возникновения и условий, в которых происходило становление и функционирование учебного заведения. Так, в Харьковском университете в первое десятилетие штаты формировались за счет профессоров зарубежных университетов, а также подготовки собственным кадрам.

В Университете св. Владимира на начальном этапе его функционирования (1833–1835 гг.) кадровое обеспечение осуществлялось за счет профессоров Волынского лицея, на базе которого был основан университет. Кроме того, штат университета пополнялся и профессорами, переведенными из других университетов. 30-е годы XIX в. — это было уже другое время, когда зарубежных профессоров почти не приглашали на работу в университеты Украины.

Архивные документы и статистические данные свидетельствуют, что в первой половине XIX в. профессоров-иностранцев, которые читали исторические дисциплины было не много. Так, в Харьковском университете согласно Уставу 1804 г. на 2 исторических кафедрах (всемирной истории и русской истории) работали доктор философии Кенигсбергского университета Б. Рейт (1804–1813), который читал на латыни курс истории европейских государств и статистику, и преподаватель философии Йенского университета А. Рейниш (1805–1811), который читал на немецком языке другие курсы всемирной истории.

Кроме преподавателей-немцев по кафедре всемирной истории в 1806 г. был избран на должность ординарного профессора всемирной истории, географии и статистики преподаватель истории Парижских центральных школ А. Дегуров, который читал свои учебные дисциплины на французском и латинском языках.

В 1-й пол. XIX в. штат кафедр состоял в основном из одного, редко двух преподавателей, которые обеспечивали чтение того или иного предмета. Согласно Уставу учебных заведений на кафедрах работали профессора ординарные и экстраординарные, адъюнкты, а позже, доценты, лекторы. Например, по Уставу университетов (1804) на словесное отделение выделялось 7 профессоров, 12 адъюнктов, 3 лектора. При необходимости или появлении талантливых выпускников количество адъюнктов могло увеличиться

(§ 26). Этим уставом предусматривались и два профессора: всемирной истории, статистики и географии; истории, статистики и географии Российской.

Университетский Устав (1835) на первом отделении философского факультета определял 9 профессоров, среди них всемирной и русской истории (п. 11). Кроме того, в Уставе было сказано, что в университете предусматривались лекторы 4-х иностранных языков, а также 4 учителя искусств. О адъюнктах речь не шла. Лишь в п. 76 сказано, что для получения звания адъюнкта требовалось иметь степень магистра, хотя были и отступления от правил. Таким образом, Устав 1835 г. предусматривал в штате кафедр и адъюнктов.

Среди преподавателей кафедры всемирной истории Харьковского университета работали адъюнктами не магистры, Д. Адамович (1812–1819), читавший историю средних веков и новую историю, и И. Сливицкий (1838–1842), на кафедре русской истории первым в университете читал курс истории российского государства бывший учитель статистики и географии Воронежского главного народного училища, Г. Успенский, который был избран на должность адъюнкта советом университета в 1807 г. после того, как отказался приехать в Харьков М. Карамзин.

Гавриил Петрович Успенский окончил семинарию в Севске и учительский институт в Петербурге. Работал в Воронежском главном народном училище, где раскрылся его талант. Во время инспекции учебных заведений Воронежской губернии с ним познакомился профессор Харьковского университета И. Тимковский, который способствовал его переводу старшим учителем в Слободско-Украинскую гимназию в Харькове, а в 1807 г. его пригласили читать лекции в университете и присвоили звание адъюнкта (1808 г.). После выхода книги «Опыт повествования о русских Древностях» в 1812 гг. Успенский был назначен на должность экстраординарного профессора и читал лекции по русской истории и русскому праву, а уже в 1813 г. утвержден в должности ординарного профессора. Такое быстрое продвижение по научной и служебной лестнице было возможно только на начальной стадии развития университетского образования.

Нетипичным был путь и профессора Харьковского университета Петра Петровича Гулака-Артемовского, который после семинарии продолжил обучение в Киевской духовной академии. По семейным обстоятельствам он оставил учебу и начал работать учителем в польских семьях г. Бердичева. В 1817 г. П. Гулак-Артемовский переехал в Харьков и поступил в университет, однако он был настолько подготовленным, что его пригласили лектором для преподавания польского языка, а после смерти Г. Успенского поручили читать русскую историю, географию и статистику, хотя он и не имел еще аттестата об окончании университета. В 1821 г. П. Гулак-Артемовский сдал кандидатский, а затем магистерский экзамен и защитил магистерскую диссертацию «О пользе истории вообще и преимущественно отечественной и о способе преподавания последней», получив степень магистра. Через 2 года он был назначен на должность адъюнкта русской истории и статистики. Правда, на начальном этапе его поддерживали попечители Харьковского учебного округа С. Потоцкий и А. Перовский. Именно последний способствовал П. Гулак-Артемовскому получить должность экстраординарного профессора в 1825 г., а через три года и ординарного. Он был также деканом и ректором университета [4, 323].

Во второй половине XIX в. общая картина штатных единиц преподавателей в университетах изменилась в сторону увеличения. В середине XIX в. на факультетах пяти университетов работало 300 профессоров и преподавателей [5, 54], в 1875 г. — 387 [6, 190] и в 1899 г. — 1130 [7, 207]. Подобная динамика наблюдалась и в Харьковском университете: в 1864 г. было 35 преподавателей (28 профессоров, 4 доцента, 2 приват-доцента, 1 внештатный преподаватель), в 1873 г. — 52 преподавателя (37 профессоров, 12 доцентов, 3 приват-доцента), в 1895 г. — 128 преподавателей [8, 160].

Уставом 1884 г. была упразднена должность доцента, поэтому большинство перевели на должность экстраординарного профессора. Практика защиты докторских диссертаций была настолько сложной, что подавляющее большинство профессоров университетов на рубеже XIX–XX вв. были экстраординарными, имея только магистерскую степень. Как показывает сама система защит диссертации в течение всего XIX в., в университетах Российской империи не было плановой подготовкой квалифицированных кадров, поэтому их постоянно не хватало. Профессорские должности замещались не докторами наук. Были случаи, когда профессору поручалось читать учебные курсы по различным предметам, или привлекались учителя гимназий для чтения лекций.

Статистика штатных единиц показывает, что с 1863 г., согласно университетскому уставу появляется новая штатная единица — приват-доцент, которую могли замещать кандидаты без защиты диссертаций. За счет введения института приват-доцентов произо-

шло увеличение преподавателей, которые вели занятия при недостаточном количестве профессоров и доцентов. Кроме этого, университеты рассчитывали, что приват-доценты, работая в вузе, смогут быстрее сдать экзамены, защитить диссертации на степень магистра. После того, как Уставом 1884 г. было отменено должность доцента и лучших из них перевели в экстраординарные профессора, должность приват-доцента сохранилась и их количество стало увеличиваться. Если в 1884 г. в Харьковском университете было 4 приват-доцента, то в 1894 г. — 50.

Уже первые Уставы университетов предусматривали принцип выборности профессоров на соответствующие штатные должности кафедры путем публичного конкурса. Например, п. 22 Устава Киевского университета определял такой порядок избрания:

1. Сообщается об освобожденном профессорском месте, на которое должен быть избран профессор.

2. Каждый, кто претендует занять место, должен представить в университет свои произведения рукописные или печатные, а также общее мнение о той науке, кафедру которой хочет занять претендент, о ее состоянии, настоящем положении, методах его преподавания.

3. Университет после рассмотрения документов и научных трудов соискателя, а также сведений о нем из других источников приступает к его выборах на должность профессора путем баллотировки.

4. Об избрании профессора университет доносит попечителю, который подает документы для утверждения министру народного просвещения. Об этом сообщается в «Журнале Министерства народного просвещения» в соответствующем разделе.

В связи с открытием вакантной должности на кафедре совет учебного заведения рассылал руководству университетов, а также в газеты «Русские ведомости», «Новое время» сообщения об этом, а также программы на ее замещение с просьбой к преподавателям принять участие в конкурсе [8, 48]. Так, 6 июня 1878 г. из Харьковского университета поступила программа из Харьковского университета о замещении кафедры русской истории. В ней говорилось: «Желающий занять указанную кафедру обязан представить до 1 октября 1878 г. в Совет Харьковского университета: 1) диплом о степени доктора или на крайний случай магистра русской истории; 2) рассуждения, на основе которых предоставлено ученая степень, а если есть другие печатные или рукописные произведения, служащие доказательством о его способностях и свидетельство о предмете кафедры, на соискание; 3) подробную программу для университетского курса русской истории; 4) соискатель в соответствии с Уставом императорских университетов должен прочитать публично в присутствии историко-филологического факультета одного из российских университетов две пробные лекции и одну на собственно выбранную тему, а вторую — определенную факультетскими собранием» [9, 1].

Помимо указанных выше условий, связанных с избранием, пунктом 70 Устава определялся порядок приема штатного преподавателя. Когда открывалась вакантная должность, то каждый член факультета мог предложить свою кандидатуру. Все претенденты вносились в списки и допускались к баллотированию. Декан факультета собирал собрание, на котором присутствовали ординарные и экстраординарные профессора. Могли участвовать, и другие преподаватели университета с ограниченным голосом. Тогда претендент, за которого тайно проголосовало более половины собрания факультета, считался избранным. Профессора избирались на 5 лет. Если никто из кандидатов на должность не получил соответствующего большинства, то для повторного голосования предлагались две кандидатуры, набравшие наибольшее число голосов избирателей. Однако встречались в практике избрания профессоров бывали и иные случаи.

Так, 17 декабря 1883 г. в Историко-филологическом институте кн. Безбородко в Нежине после перевода ординарного профессора кафедры философии М. Грота в Новороссийский университет, на вакантную должность подали заявление экстраординарные профессора института А. Добиаш и М. Бережков. Хотя они оба имели только степень магистра, но могли участвовать на замещение должности ординарного профессора. После голосования оба попали в необычную ситуацию, так как за А. Добиаша было обнаружено 4 шара «за» и 4 — «против», а за М. Бережова 3 шара «за» и 5 — «против», то есть оба не получили необходимое количество шаров.

Директор института Ф. Гельбке обратился к попечителю Киевского учебного округа решить с помощью министра народного просвещения вопрос, кому отдать предпочтение.

Попечитель предложил провести переголосование. Но результаты оказались прежними. Документы были переданы в Министерство народного просвещения [10, 1–6] и 4 октября 1886 г. на должность ординарного профессора министром был утвержден М. Бережков [11, 41].

Устав предусматривал также дальнейшие действия факультета при условии, когда результаты баллотиро-

вания не дали результатов и должность оставалась вакантной. Если же дополнительно никого не оказалось из кандидатов на примете, тогда объявлялся конкурс по программе, которая складывалась на вакантный предмет факультетом. Устав определял также порядок избрания претендента и дальнейшее его утверждения. Лица, которые претендовали на соответствующую должность и были неизвестны коллективу факультета, должны были продемонстрировать свои преподавательские способности и прочитать две пробные лекции: одну на тему по собственному выбору, а другую — по предложению факультетских собраний. Так, Н. Костомаров, приехав из Харькова в Киев в конце мая 1846 г. подал заявление на кафедру русской истории, которая была свободна после смерти профессора В. Домбровского. Через некоторое время он получил согласие с условием прочитать на Совете историко-филологического факультета пробную лекцию. 4 июня 1846 г. состоялась лекция, после чего совет проголосовал за Костомарова единогласно, и он был принят в университет. Через несколько месяцев Костомаров был арестован по делу Кирилло-Мефодиевского общества и выслан из Киева.

Подобный процесс избрания на должность проходил и в других университетах. Так, на кафедре русской истории Харьковского университета появился Г. Карпов, окончивший Московский университет и работавший в Московском военном Александровском училище. Сдав магистерский экзамен и защитив диссертацию «История борьбы Московского государства с польско-литовским», отмеченную Уваровской премией, 11 марта 1867 г. Карпов был утвержден в степени магистра русской истории. После этого он подал документы на конкурс в Харьковский университет и был избран доцентом по кафедре русской истории.

Совет факультета нарушил правила и назначил чтение вступительной лекции не перед избранием на должность, а после. Лекция была прочитана 6 сентября 1867 г., а затем напечатана. Именно она показала «консервативность» этого преподавателя [4, 332–333].

Достаточно громким стало избрание М. Грушевского на кафедру русской истории Университета Св. Владимира, на которую был объявлен конкурс после смерти известного историка П. Голубовского. Грушевский в марте 1907 г. подал все необходимые на конкурс документы, желая переехать из Львова в Киев. У ученого были свои планы, связанные не только с научными проектами, но и политическими соображениями, которым последние годы много уделял внимания ученый [12, 175]. Одновременно с ним заявление на участие в конкурсе подал профессор Историко-филологического института кн. Безбородко В. Савва. Львовский ученый рассчитал на поддержку университетских профессоров М. Довнар-Запольского и В. Перетца. Однако дело приняло значительно более широкую огласку, чем предполагалось. Против Грушевского выступила в лице ее редактора Б. Юзефовича киевская газета «Закон и Правда», ее поддержала газета «Киевский голос». В этих изданиях были опубликованы фельетоны, статьи, в которых подвергался несправедливой и язвительной критике М. Грушевский как ученый и общественный деятель [13, 92]. Было немало и других обвинений. Авторы статей, опубликованных в киевских газетах, призывали ученых университета не допустить самостийника Грушевского к преподаванию в вузе. Грушевский подал на Б. Юзефовича в суд и выиграл дело. Но редактор подал на апелляцию в Киевский судебную палату и тоже выиграл. В ходе этой судебной волокиты состоялось заседание совета Историко-филологического факультета, и кандидатура Грушевского не прошла.

Избранные профессора утверждались министром народного просвещения, а доценты, адъюнкты, лекторы попечителем учебного округа. При условии не замещения вакантной должности, министр мог назначить на эту кафедру профессора или адъюнкта самостоятельно при условии, что его научные степени соответствовали специальности. Должность профессора кафедры мог занимать только ординарный или экстраординарный профессор, имевший степень доктора наук, которая соответствует профилю кафедры. Адъюнктом, а с 1863 г. доцентом кафедры мог работать ученый, имевший степень магистра. К 1884 г. приват-доцентами могли работать и кандидаты, которые своими диссертациями соответствовали профилю кафедры.

Таким образом, на протяжении XIX в. в Российской империи сложилась достаточно четкая и регламентированная система избрания профессоров и замещения вакантных должностей в университетах.

Список литературы:

1. Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX века. Кн. 2. – М., 1998.
2. Государственный исторический архив Украины, г. Киев, фонд 2162, оп. 1.
3. Гимназия высших наук и Лицей князя Безбородко. – СПб., 1881.

4. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905): Биографический словарь профессоров и преподавателей/Под ред. М. Халанского и Д. Багалея. – Х., 2007.
5. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. – М., 1985.
6. Щетинина Г. И. Университеты России и Устав 1884 г. – М., 1876.
7. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX-нач. XX века. – М., 1991.
8. Харківський національний університет ім. В. Н. Казаріна за 200 років. – Харків: «Філіо», 2004. – С. 160.
9. Государственный архив Черниговской области в Нежине, ф. 1105, оп. 1, ед. хр. 107.
10. Верба І. В. «З 1906 р. діяльність Грушевського стала все більше переноситися на велику Україну до Києва» (Микола Грушевський у 1906–1913 роках»//Віче. 2011.
11. Alma mater. Університет Св. Володимира напередодні та в добу української революції 1917–1920. Матеріали, документи, спогади/Упор. В. Ульяновський. В. Короткий: У 3-х кн. – Кн. 1. – К., 2000.

Soltanova Nazila Bagir, Institute of Physics,
National Academy of Sciences of Azerbaijan
Leading Researcher, Ph. D./Ph. D.
E-mail: Muzeyfizika@yahoo.com

Renaissance in Azerbaijan

Abstract: The article considers the medieval period, the development of science in Azerbaijan. Some ideas, discoveries made then recognized ahead of the world of science for centuries.

Keywords: motion, structure of matter, sound, Earth, Sun

Солтанова Назиля Багировна, Институт физики НАН Азербайджана
Ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук/доктор философии
E-mail: Muzeyfizika@yahoo.com

Ренессанс Азербайджана

Аннотация: в статье рассматривается средневековый период развития науки в Азербайджане. Некоторые идеи, открытия, сделанные тогда, опередили признанную мировую науку на столетия.

Ключевые слова: движение, строение вещества, звук, Земля, Солнце

Человечество имеет свои определенные революционные периоды развития, которые названы Ренессансом. В этот период происходит Возрождение, перерождение былого.

Рождается мир, зреет до цивилизованного состояния и разрушается.

Исследуя историю развития научной мысли, мы сталкиваемся с проблемами, где за каждым вопросом стоит куча вопросов. Был Ренессанс Античности, Ренессанс Востока, затем Запада. Ренессанс Азербайджана относится к Ренессансу Востока. Мало изученность последнего и не изученность Ренессанса Азербайджана не является поводом считать существование Возрождения лишь на Западе.

Многие памятники материальной и духовной культуры древней эпохи исчезли бесследно, а дошедшие до нас еще не изучены с необходимой научной строгостью, объективностью и обстоятельностью. Чтобы добраться до первозданной формы наследия древности требуется снятие с него позднейших наслоений. Современный ученый не располагает тем достаточным литературным материалом, который позволил бы ему ставить вопросы, связанные с особенностями азербайджанской древности и античности. Материал есть, но, опять-таки, он не в наших руках.

Современная азербайджанская нация является наследником тех культурных ценностей, которые создавались ее предками на протяжении тысячелетий.

Территория Азербайджана была заселена человеком более миллион лет тому назад. Это подтверждено результатами комплексного изучения, открытой

в 1960 г., Азыхской пещеры и целого ряда стоянок каменного века.

Согласно археологическим изысканиям, Азербайджан являлся одним из очагов древней культуры обработки металла. Производство железа стимулировало общественное развитие, в частности, разложение первобытно — общинного строя.

Найденные в Нахчыване бронзовые браслеты (Нахчыванский Государственный музей истории) относятся к концу эпохе бронзы. Точность их массы, с определенной погрешностью, говорит о существовании на этой территории уже тогда весовой и денежной системы. Браслеты эти использовались в качестве денежных эквивалентов. Обнаружены солнечные и водяные часы с возрастом в 2–3 тыс. лет. В Нахчыване была одна из древних оросительных систем.

Уже к концу III-началу I тыс. до н. э. на территории Азербайджана создаются предпосылки для развития городской жизни и ранних государственных образований. История таких древних государств, как Манна, Мидия, Атропатена, Албания (IX — конец I вв. до н. э.) — это история азербайджанской античной культуры. Хронологически эта эпоха совпадает с периодом греческой античности.

Одна из древних религий зороастризм является основной религией древних азербайджанцев. Сложилась она в Мидии, идеологическое и господствующее положение получила в Атропатене, затем была принята во многих странах Востока. Святая книга Зороастра «Авеста», как и азербайджанская мифология, явилась источником многих философских учений. Она не только свод религиозно-идеологических догм, в ней нашли свое отражение природе и общественные отношения.

Человек удовлетворив свои необходимые бытовые потребности, постоянно интересовался окружающим миром (небо, звезды, Солнце, Луна, природа, животный мир). В процессе общественной практики сложились представления о существовании взаимосвязи и взаимовлияния предметов и явлений природы.

В книге об истории Зодиака, изданной в 1807 г. Карл Шварц указывает место и дату появления первого Зодиака — это святой город огней Баку (40° северной широты) и 1400 г. до н. э. [1, 257]

Сказанное подтверждается наскальными изображениями Гобустана, Умидгая и Гямигая.

У предков азербайджанского народа в эпоху палеолита и неолита уже существовали определенные понятия о жизни и смерти. Судьба древней культуры Азербайджана сложилась иначе, нежели судьба древнегреческой.

Азербайджанскому народу присущ богатый интеллектуальный потенциал. В нашей стране наука, образование и просвещение получили своё развитие с древнейших времён. Медресе, университеты Востока, Азербайджана были прогрессивными для того времени очагами науки, просвещения и культуры. Десятки выдающихся представителей науки и искусства, деятели общественной и философской мысли, выросшие в богатой просвещённой среде средневековых школ, такие как Бахманйар, Низами, Туси, Аджами, Сухраварди, Урмави, Шабустари, Физули и др. возвысились до уровня корифеев мировой культуры, обогатив общечеловеческую сокровищницу ценностей редчайшими жемчужинами.

В истории развития мировой науки на Средневековом Востоке возникла самостоятельная, так называемая арабская наука — это наука исламского Средневековья. Арабские завоеватели не разрушали древней цивилизации. Они оказались хранителями, спасителями древней науки и, в свою очередь, последующей ячейкой в истории развития науки. Античная наука дошла до нас в большей степени в переписанных рукописях и переводах античной литературы. «Дом мудрости» (832 г. Багдад) ал-Ма`муна — факт сказанному. В странах ислама наряду с медресе, где кроме религии занимались предметами математики, астрономии, были созданы университеты, библиотеки, академии — научные центры. Объединенные политически и экономически, связанные единством религии и языка (арабский язык стал государственным и языком науки и культуры), народы стран Ближнего и Среднего Востока получили возможность свободного обмена духовными ценностями.

Во дворцах дальновидных правителей Азербайджана были созданы научные меджлисы (собрания), куда были вхожи выдающиеся учёные, где обсуждались актуальные проблемы науки и культуры того времени. В личной библиотеке государственного деятеля Азербайджана Узун Гасана (Муин ул-Хилафа ва-с-Салтанэ Нусрат уд-Дин Абу Наср Узу́н) (1423–1478) десятки учёных проводили научные исследования.

Энциклопедические трактаты того времени разделялись на изложение теоретических и практических наук. Теоретические науки — это логика, физика (естествознание), математические науки и метафизика (философия и теология). К практическим же наукам относятся этика, экономика и политика.

В итоге переводческой и комментаторской деятельности уже в IX в. складывается своеобразная на-

учная тенденция, в которой греческие методы применялись к решению широкого круга теоретических и практических проблем. Далее, рождались свои учения, теории, методы, применение которых давало результаты максимального значения для того времени. Бывали и случаи, когда результат мог опередить науку того времени на столетия (труды Бируни, Туси …)

Стиль сочинений средневекового Востока был очень интересен, в определенной степени чувствуется влияние античного, но была своеобразная, уже сформулированная форма труда. Все это относится к сочинениям по механике, астрономии, статике. Серьезное значение придавалось систематическому изложению материала, его полноте, чёткости и строгости формулировок и доказательств. Эта тенденция усиливается в течение X –XI вв.

Научные труды выдающегося Бахманйара (Абу-л-Гасан Бахманйар ибн Марзбан ал-Азербайджани) (993–1065) — любимого ученика великого Ибн Сины (980–1037) — были написаны в форме современных научных работ, скорее диссертаций.

Коронным трудом Абу-л-Гасан Бахманйара ибн ал-Марзбан ал- Азербайджани считается трактат "Ат-Тахсил" ("Познание"). Эта энциклопедическая работа состоит из 3 книг: I- "О логике", II- "О Метафизике", III –"О конкретно существующих вещах".

Бахманйар в своем труде освещает ряд вопросов, относящихся к физике:

1 Строение вещества; опровержение утверждения о том, что тело состоит из неделимых частиц.

2 Движение и покой. Виды движения по природе и траектории.

3 Пространство и время, их особенности.

4 Световые явления, природа солнечных лучей и механизм созерцания.

5 Звуковые явления; процесс происхождения, распространения, восприятия звука.

В главе "Об обретении посылок" Бахманйар рассматривает ряд проблем, куда входят также вопросы оптики. "Зрячие… становятся способными видеть окружающее только при наличии света". Говоря о лунном затмении, он пишет: "Земля иногда занимает промежуточное положение между Луной и Солнцем, а у всякого (светила), получающего свет от Солнца, свет исчезает, когда Земля занимает промежуточное положение между ним и Солнцем. …Светило, у которого свет исчезает, затмевается. Луна затмевается". Луна ночью для человека была в образе светила. Бахманйар же здесь тонко отмечает, что "у всякого (светила), получающего свет от Солнца, свет исчезает…". То есть Луна не светило, она получает свет от Солнца. [2, II, 25]

10 глава I части II книги написана под названием "Об опровержении утверждения, что тело состоит из неделимых частиц", где идет изложение нескольких вариантов опровержений отмеченного утверждения. Бахманйар в XI веке приходит к весьма удивительному заключению, что частицы, из которых состоит тело, сами делимы. Действительно, научные открытия, полученные начиная с XX века и по сей день, подтверждают предсказание Бахманйара о том, что тело не может состоять из неделимых одинаковых частиц.

В первой главе II раздела автор пишет: "… фигуры простых естественных тел должны быть простыми, т. е. сферическими…". Дальше Бахманйар утверждает: "Знай: земля требует для себя сферической фигуры…"

В результате своих исследований Бахманйар приходит к заключению, что во Вселенной единственным движением является вращательное и тем самым делает новое предположение о свойствах пространства и времени. Бахманйар пишет: "… движения прямолинейного и уходящего в бесконечность, не бывает". Из этого заключения становится так же зримым искривления пространства.

Пространство в теории тяготения Ньютона носит евклидовый характер, т. е. предполагается наличие абсолютных прямых линий. Однако в общей теории относительности, созданной Эйнштейном в начале XX века, показано, что пространство носит неевклидовый характер — все линии являются замкнутыми и отсутствуют абсолютные прямые линии.

Уравнения Эйнштейна в общей теории относительности устанавливают связь между распределением материи и геометрическими свойствами пространства и времени — частицы и поля, находясь в пространстве, искривляют его. То есть, искривленные пространство и время, являются символом общей теории относительности. Бахманйар еще в XI веке принимает наличие кривизны пространства, он не приемлет понятия бесконечности. Он пишет "… бесконечное имеет природу небытия". [2, II, 150]

Наука и научные знания являются движущей силой Человечества.

Низами Гянджеви (1141–1209) — великий азербайджанский мыслитель, воспевал и романтизировал силу науки, научной истины, ее законов.

Энциклопедически образованный поэт — философ Низами призывает человеческий род быть разум-

ным, вникать и изучать тайны материи, пространства и всего окружающего видимого, невидимого мира. Он пишет:

…Разум — главный наш помощник, наш защитник он,

Муж разумный всем богатством мира наделен.

…Вникни, мудрый, в суть растений, почвы и камней

Вникни в суть существ разумных, в суть природы всей.

…Тот, кто учится упорно, тот рукой своей,

Из скалы рубин добудет, жемчуг из морей. [3, 45]

В своих трудах этот выдающийся ученый — философ давал высокую оценку ученым, мудрецам:

…В учености вижу ума торжество,

Никто не может превзойти его.

Тот муж, перед которым мир знанья открыт,

На лестнице жизни всех выше стоит.

…Даже к двери, затвор которой незрим,

Есть у ученого ключ. Все раскроется им. [4, 70]

Морально богатый, эрудированный Низами считает, что люди, глубоко знающие законы природы и общества — ученые, обладают высокими моральными и духовными качествами. Поэт в своих бейтах пишет, что люди, достигшие совершенства в науках, никогда не поддаются низменным страстям, не унижают свое мудрое Я, не боятся трудностей, им не страшны неразрешимые проблемы. Он пишет:

…Зрелые мужи, достигшие совершенства

Не склоняют головы перед иррациональным корнем. [3, 20]

На Древнем Востоке одной из трудных проблем считалась проблема иррационального корня, не поддающаяся точному извлечению. Низами считает, что ученые люди могут раскрыть считавшиеся не раскрываемыми проблемы, как он отметил, проблемы иррационального корня.

Он был учителем, педагогом, который мастерски раскрывал и развивал пути и методы обучения, освоения научных знаний. В частности, он показывал, что при освоении научных знаний о естественном мире необходимым и достаточным методологическим условием является путь от известного к неизвестному, от простого понятия, атрибута к сложному, емкому понятию и, наконец, анализ и обобщение полученных научных знаний.

Основными проблемами его произведений являются проблемы сотворения материи, Вселенной и живого.

Низами Гянджеви сотворение Вселенной, материи связывает непосредственно с возникновением движения.

С древних времён учёные задумывались над тем, каково же строение материи, занимает ли она пространство сплошь или состоит из отдельных частиц, расположенных на некотором расстоянии друг от друга.

Детальный анализ поэм Низами Гянджеви показывает, что еще в XII веке поэт-философ пришел к заключению о том, что вся материя и подвижные небесные тела состоят из находящихся в движении атомов. Он писал:

…Все, что было и чистым и ясным в Земле,

Все телами небесными всплыло во мгле. [4, 37]

…И с этих куполов какое излученье,

Что видим мы с Земли, что ясно нам — вращение.

…Ведь каждый атом в мастерской Вселенной

Каким-то делом занят непременно. [5, 17]

Великий поэт-философ еще в XII- веке приходит к мысли, что в природе, во Вселенной действуют законы сохранения, носившие фундаментальный характер.

Основные законы естественных наук, требующие глубокого мышления, Низами Гянджеви описал красивым поэтическим языком.

XII в. можно отнести ко второму этапу развития механики Средневековья. В механических и астрономических сочинениях этого периода авторы широко использовали достижения современной им математики: вычислительно–алгоритмических, арифметических и алгебраических методов, плоской и сферической тригонометрии.

В XIII–XV вв. меняются требования эпохи — идет развитие — необходимы новые, более точные методы для астрономических расчетов, основанных на приемах кинематико–геометрического моделирования движения небесных тел. Это требовало дальнейшего развития приближенных методов решения уравнений второй и более высоких степеней. К XIII–XV вв. относится деятельность двух крупнейших научных школ Восточного средневековья: Марагинской, возглавляемой ат-Туси и Самаркандской под руководством Улугбека.

Механики Средневекового Востока не только проявили интерес к фундаментальным вопросам теории, но и сами получали результаты, имеющие серьезное теоретическое значение, и некоторые из них оказали существенное влияние на европейскую науку XIII — XVII вв.

Изучение процесса формирования восточной механики позволяет проследить тенденцию к аксиома-

тизации и геометризации в духе Евклида и Архимеда (статика), к разработке качественных теорий в рамках общего философского учения о движении и падении тел в различных средах и источнике этого движения, к выделению учения о простых машинах и механизмах.

Динамическое направление на средневековом Востоке складывалось прежде всего на основе перевода и комментирования и обработки сочинений Аристотеля. Это породило целую серию трактатов, посвященных проблемам причины, источника и сущности движения, а также специальных разделов в трактатах философского содержания. Впрочем, эти вопросы затрагивались и в чисто механических сочинениях, чаще всего в трактатах по статике. Поэтому в них не всегда можно четко отделить друг от друга проблемы статики и динамики и изучать их изолированно друг от друга. В то же время можно достаточно четко отметить круг проблем динамики того времени. Это проблемы существования пустоты и возможности движения в пустоте, проблема движения в сопротивляющейся среде, механизм передачи движения, свободное падение тел и движения тел, брошенных под углом к горизонту. Именно эти вопросы были основным предметом изучения и комментирования.

Важное место среди физических вопросов, изучавшихся Ибн Синой и его учеником Бахманйаром, занимали проблемы оптики и особенности зрения. Наиболее подробно они обсуждаются в «Книге исцеления» Ибн Сины и «ат-Тахсиле» Бахманйара. Исследуется вопрос о сущности света и прозрачности, о цвете, обсуждаются различные оптические теории.

Оптика исследовалась и Марагинской школой. Об этом говорят труды ат-Туси: «Трактат об отражении и преломлении света», «Оптика Евклида», «Трактат об изучении радуги», «Абстракция слова». Ат-Туси в «Трактате об отражении и преломлении света» пишет: «… угол подения равен углу отражения и они должны находиться на одной плоскости», «Отражения и преломления конкретны и их существование несомненно». В трактате «Абстракция слова» ат-Туси говорит о корпускулярной теории света.

Объяснение радуги, сходное с теорией немецкого автора Теодорика была предложено несколько раньше на мусульманском Востоке. Анонимный труд, считающийся ал-Фариси, где излагается эта теория представляет собой комментарий к «Сокровищу оптики» Альхазена и дошёл до нас в единственной рукописи, хранящейся в Лейдене. Автор комментария ссылается на сочинение Кутб ад-Дина аш-Ширази из марагинской школы, которого он называет автором теории радуги.

На Средневековом Востоке создание методов кинематико–геометрического модулирования движения небесных тел можно считать основной задачей кинематики. Источником развития кинематических представлений была греческая астрономия. Развивалась «небесная кинематика» того времени. Математическим аппаратом методов кинематико –геометрического моделирования были сферическая геометрия и сферическая астрономия. В античном мире кинематика была фактически неотделима от астрономии. Эта тенденция прочно сохранилась и в науке Средневекового Востока.

Основатель Марагинской школы, ученый — энциклопедист Насир ад-Дин ат-Туси кроме вопросов наблюдательной астрономии занимался и теоретическими проблемами движения планет. Это четко отмечено в «Памятке астрономии». В этом направлении имеется ряд других трудов ат-Туси. Основная масса источников по астрономии Средневекового Востока — зиджи, т. е. собрания тригонометрических и астрономических таблиц и правил решения задач практической астрономии, которым обычно предшествует более или менее краткое теоретической введение, содержащее описание картины Мира и необходимые сведения из математики и главным образом тригонометрии и сферической астрономии. Правила часто сопровождаются геометрическими доказательствами. Таблицы вычислены в шестидесятеричной системе. Сферико-астрономические основы кинематико–астрономического моделирования входят как необходимый элемент в состав всех без исключения средневековых зиджей. Ат-Туси тригонометрию выделяет как самостоятельную науку. [6, 57]

«Зидж Ильхани» — астрономический каталог, составленный коллективом Марагинской обсерватории, под руководством ат-Туси. Во всех теоретических вопросах ат-Туси придерживался теории геоцентрической системы планет. Эти труды и в Новое время не теряли своего значения. Известный специалист по небесной механике М. Ф. Субботин пишет о ат-Туси: «… Насереддин составляет знаменитые «Ильханские таблицы». Эти таблицы останутся лучшим памятником его славы. Создавая эти таблицы на основе специально поставленных наблюдений и критической переработки математических теорий Птолемея, Насереддин блестяще выполнил ту программу, которую триста лет спустя сделал целью своей жизни Тихо Бра-

ге. Уже это показывает, насколько глубоко Насиреддин понимал потребности науки и как правильно он ставил её очередные задачи». [6, 59].

Известная «Марагинская революция» — это созданные школой ат-Туси теории движения планет, отрицающие эквант и другие элементы теории Птоломея как фундамент математической астрономии (ат-Туси, аш-Ширази, ал-Орди, аш-Шатир, ал-Каши, ал-Кушчи, ал-Хафри). Широко обсуждался также вопрос о возможности вращения Земли вокруг оси.

При создании своей гелиоцентрической системы мира Николай Коперник видимо был знаком с трудами учёных Марагинской обсерватории, создающими «Марагинскую революцию». Для решения проблемы экванта Коперник применяет те же математические построения, что и марагинские учёные (ат-Туси, аш-Ширази, ал-Орди), часто используя те же обозначения точек в геометрических чертежах, что и ат-Туси. Он пользовался именно теми же терминами, говоря о вращении Земли вокруг своей оси, что и ат-Туси.

Исследуя движение небесных тел, затрагивается и проблема формы небесных тел. Ал-Бируни высказывает мысль о том, что Земля не шарообразна, а имеет форму яйца или чечевицы (вытянутого или сплюснутого эллипсоида вращения). Это говорит о чём? Ясно, что ученые X века уже говорили о шарообразности Земли. А в Европе подобная идея появилась только XVI веке. Именно ученые стран Ислама впервые выдвинули фундаментальные требования: астрономическая теория является частью физики. Европейская астрономия вышла на уровень мусульманской только в XV веке, благодаря деятельности венских астрономов Пурбаха и Регимонтана. Причина этого рассвета связана с тем, что европейским ученым стали доступны труды астрономов Марагинской и Самаркандской школ.

Наука стран Ислама плодотворно воздействовала на развитие европейской науки и обогащала ее как собственными открытиями, так и открытиями, которые перешли в мусульманскую культуру от греков, индийцев, сирийцев и т. д.

Мы должны уважать и ценить свое прошлое.

Список литературы:

1. Researches of the Origin and Signification of the Zodiac (Исследование по истории возникновения и значения Зодиака, с. 257–270) в сборнике «The Literary Panorama National Register: A Review of Books of Events, Magazine of Varieties: Comprising Interesting Intelligence from, in America, the East Indies, Western» (Литературный Альманах и Национальный Журнал: Обзор Книг, Фиксатор Событий, Журнал Неординарных Событий) Лондон, октябрь 1814 г. Стр. 257–270
2. Бахманйар ал-Азербайджани. Ат-Тахсил. I — III т.Баку (1983–1986). Стр. 196, 260, 297.
3. Низами Гянджеви «Семь красавиц». Перевод с фарси В. Державина. Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1959, 95 с.
4. Низами Гянджеви «Искендернаме». Перевод с фарси Е. Э. Бертельса и А. К. Аренде. Баку, 1983, 285 с.
5. Низами Гянджеви «Лейли и Меджнун». Перевод с фарси П. Антокольского. Гослитиздать, Баку, 1959, 227 с.
6. Солтанова Н. Б. Такого сына мать времени не родила … //Азербайджан и азербайджанцы. Президиум НАН Азербайджана. Баку № 11–12. 2001. с. 55–60.

Tabeykina Elena Konstantinova,
Kazan State Power Engineering
University, Associate Professor of «History»
E-mail: climy123@mail.ru

Cultural policy of the soviet power in 1920–1930

Abstract: The article says that despite all the negative ideological Cost Soviet censorship and strict party control of all cultural processes and Phenomena culture in this period developed in breadth and depth.

Keywords: Culture, the Cultural Revolution, indoctrination, emigration, censorship, totalitarianism

Табейкина Елена Константиновна,
Казанский государственный энергетический
Университет, доцент, кафедра «История»
E-mail: climy123@mail.ru

Культурная политика Советской власти в 1920–1930 гг.

Аннотация: В статье говорится, что несмотря на все негативные идеологические издержки советской цензуры и строгого партийного контроля всех культурных процессов культура в данный период развивалась вширь и вглубь.

Ключевые слова: культура, культурная революция, идеологическая, обработка, эмиграция, цензура, тоталитаризм

Советский период — это сложное и противоречивое явление в развитии отечественной культуры, где особо выделяются 20–30-е годы XX века. Их специфика состояла в многообразии форм социально-экономического развития (введение нэпа), в динамичности и еще открытости политической жизни, в небывалом для последующих времен духовном богатстве, с одной стороны, и формированием тоталитаризма, с другой. Отсюда и отсутствие монолитности советской культуры, ее противоречивость, как в отдельных своих проявлениях, так и в целом. В данном ключе ее и необходимо рассматривать.

В основу культурной политики советского государства в данный период легли важнейшие принципы отношения партии большевиков к художественно-творческой деятельности, сформулированные В. И. Лениным в работе «Партийная организация и партийная литература» (1905 г.).

Основной целью культуры, по мнению Ленина, является не служение «… перенасыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее будущность».

Культуре в новой России отводилась роль, связанная прежде всего с уничтожением культурного неравенства. Поэтому взятый курс на «культурную революцию» предусматривал решение трех (как минимум) важнейших задач: ликвидацию неграмотности в стране (известно, что более 70% населения к октябрю 1917 г. было неграмотно); постепенное приобщение народа к духовному богатству, выработанному человечеством; формирование новой советской интеллигенции из трудящихся, способной создавать и развивать достижения социализма в области культуры.

В программе партии оговаривались меры по широкой демократизации культурной жизни и обеспечению доступа для трудящихся к сокровищам искусства. Программные положения большевиков стали реализовываться сразу же после победы Октябрьской революции 1917 года.

Уже в первые месяцы революции в собственность государства и народа перешли Третьяковская галерея, Эрмитаж, Русский музей, Оружейная палата, Останкинский дворец графа Шереметева и др. Кроме того, были национализированы и переданы музеям частные коллекции С. С. Щукина, Мамонтовых, Морозовых, В. И. Даля, И. В. Цветаева.

В целях реализации основных положений программы осуществлялись конкретные шаги, в частности были изданы декреты «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины» (октябрь 1918 г.).

Однако в процессе национализации был нанесен огромный ущерб отечественной культуре: началось массовое переименование улиц, площадей, городов, имевших богатейшую историю, разрушались памятники, символизировавшие (по мнению большевиков) власть старого режима; началось массовое разграбление дворянских усадеб, расхищались бесценные библиотеки, уничтожались архивы, шедевры зодчества и живописи, разрушались и расхищались православные храмы, монастыри, сжигались иконы и богослужебные книги и т. д. Следует указать и на положительные факты: в период с 1918 по 1923 г. возникло 250 новых музеев, в 1918–1919 гг. было отреставрировано более 60 историко-художественных памятников, а к 1924 г. — 227.

Необходимо признать и огромные достижения в образовательной сфере: грамотность населения возросла с 38% в 1916 г. до 62,6% в 1931 г.; было введено всеобщее начальное образование, положено начало советской системе образования, приоритетные позиции и достижения которой признаются по сей день большинством цивилизованных стран мира.

Однако в силу утверждения в сознании основной массы населения узкоклассового подхода к культуре, в обществе распространялась классовая подозрительность к старой духовной культуре, антиинтеллигентские настроения. С первых дней Советской власти ограничивались возможности интеллигенции участвовать в жизни страны, в 1922 г. учреждается Главлит, осуществляющий контроль за творчеством писателей, основывается Госиздат, начинается период строгой идеологизации культуры и искусства. Но это не означало падения художественного уровня произведений культуры.

Достаточно вспомнить поэму А. Блока «Двенадцать» (1918); спектакль «Мистерия-буфф» В. Маяковского в постановке В. Мейерхольда (1918); картину Б. Кустодиева «Большевик» (1920); фильм С. Эйзенштейна «Броневик Потемкин» (1925) и др. Мастера культуры активно включались в создание культа советского государства, формирование образа мощной, непобедимой, гуманной страны.

Гипертрофирование задач борьбы за светлое будущее, за нового человека вело к настоящим гонениям на все, что, по мнению новых властей, мешало делу построения социализма в стране. Результатом такой политики была массовая эмиграция представителей интеллигенции, не принявшей Октябрьской революции. По данным опроса, проведенного Русским научным институтом в Белграде в 1931 г., за рубежом работали более 500 русских ученых, в том числе 5 академиков, около 140 профессоров российских университетов и институтов, возглавивших кафедры и целые научные направления (химики — академики В. Н. Игнатьев, А. Е. Чичибабин, специалист в области аэродинамики Д. П. Рябушинский, авиаконструктор И. И. Сикорский, специалист по электронной физике, один из создателей телевидения В. К. Зворыкин, агробиолог С. Н. Виноградский и др.).

Не менее внушительным был список уехавших деятелей литературы и искусства (Ф. И. Шаляпин, С. В. Рахманинов, К. А. Коровин, Ю. П. Анненков, И. А. Бунин и др.). Такая утечка умов не могла не привести к существенному понижению духовно-интеллектуального уровня в стране. Окрики и проработки «несознательных» интеллигентов стали нормальной практикой с начала революции. С конца 1920-х годов они сменялись другими методами — «шахтинское дело», процессы «Промпартии»», «Трудовой крестьянской партии» и другие стали сигналом к запугиванию и прямому уничтожению дореволюционного поколения интеллигенции.

Параллельно шел процесс формирования советской интеллигенции. Интеллигенция лишалась независимого мышления, свободного творческого проявления личности.

Необходимо учесть, что новая советская интеллигенция создавалась интенсивными методами (через «выдвиженчество» — когда вчерашний рабочий становился директором завода, или рабфаки — ускоренную подготовку рабоче-крестьянской молодежи в вузы, где использовался «лабораторно-бригадный метод» — когда один из учащихся отчитывался перед преподавателем за всю группу. Число студентов росло и за счет так называемой демократизации приема. Декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения» (август 1918 г.) разрешал свободный прием в вузы. Упразднялась не только плата за обучение и вступительные экзамены, но и не требовался даже диплом об окончании средней школы.

В результате, уже в 1933 г. по количеству студентов СССР превзошел Германию, Англию, Японию, Польшу и Австрию вместе взятых.

Таким образом, при всей своей противоречивости 1920-е годы сохранили тенденцию к диалогу культур, были весьма плодотворны для развития отечественной культуры.

Однако со второй половины 1920-х годов начала проявляться разрушительная деятельность тоталитаризма, которая усилилась в 1930-е годы. Было покончено с относительным плюрализмом предыдущего времени. Под флагом консолидации культурных сил распускаются литературные и художественные группировки, научные и философские общества. Вся культура стягивается в один тугой узел, политически контролируемый и жестко управляемый партией и государством (единый Союз писателей, единая Академия наук и т. д.).

Наступил период унифицирования и шаблонизации творчества в заданных идейно-политических границах. В качестве «основного творческого метода» советской культуры был рекомендован «социалистический реализм».

Однако художественная практика 1930-х годов оказалась значительно богаче рекомендуемых партийных установок. В эти годы появились интереснейшие произведения Л. М. Леонова («Скутаревский», «Дорога на океан» и др.), В. П. Катаева («Время, вперед!»), М. А. Шолохова («Поднятая целина»), М. А. Булгакова («Дни Турбиных»), Н. А. Островского («Как закалялась сталь») и др.

В это время творили С. Прокофьев и Д. Шостакович, С. Эйзенштейн и С. Довженко, К. С. Станиславский и Вс. Мейерхольд — деятели русской культуры, снискавшие ей мировую славу.

Таким образом, несмотря на все негативные идеологические издержки советской цензуры, и строгого партийного контроля всех культурных процессов и явлений культура в данный период развивалась вширь и вглубь.

Список литературы:

1. Арсланов В. Г. Ответы культуры на вызов времени. СССР 30-е годы: Очерки. – М., 1995.
2. Бердяев Н. А. Судьба России. – М., 1990.
3. Кондаков И. В. Культура России. – М., 1999.
4. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. Полн. собр. соч. Т. 41.
5. Неизвестный Э. Катакомбная культура и власть.//Вопросы философии. – 1991. – № 10.

Section 5. Cultural studies
Секция 5. Культурология

Borsh Kristina Olegovna,
South Federal University, First year graduate.
Faculty of philosophy an cultural studies
E-mail akunamatatabg@yandex.ru

The image of superhero in American culture of a 20–21st century

Abstract: This article is dedicated to superhero image in American culture. We can find that superhero image is a quintessence of American values on each step of it's evolution by following the story of its' formationand story of development of comic book culture. It also matters that these values were transmitted and are still transmitted on every generation of American teenagers by the image of a superhero. American superhero has a number of characteristics. Double identity, superpower, bright and identifiable outlook etc. As a history shows a comic book and its' superhero are powerful instruments of ideological and political propaganda. A superhero image is important element of self-identity for American.

Key words: superhero, comic book, national archetype, American hero, ideological propaganda, political propaganda.

Борщ Кристина Олеговна,
Южный Федеральный Университет, Магистрант 1 года обучения
Факультета философии и культурологи
E-mail akunamatatabg@yandex.ru

Образ супергероя в американской культуре 20–21 века

Аннотация: Данная статья посвящена феномену супергероя в американской культуре. Проследив историю формирования образа супергероя, а также историю развития комиксной культуры, мы обнаруживаем, что образ супергероя на всех этапах своего развития является квинтэссенцией американских национальных ценностей. Так же важно, что посредством образа супергероя эти ценности транслировались и продолжают транслироваться на многие поколения американских тинейджеров. Американский супергерой имеет ряд характеристик. Например: двойная идентичность, суперспособности, узнаваемая внешность и т. д. История показывает, что комикс и его супергерой являются мощными инструментами идеологической и политической пропаганды. Образ супергероя для американца есть важный элемент самоидентичности.

Ключевые слова: супергерой, комикс, американский герой, национальный архетип, идеологическая пропаганда, политическая пропаганда.

«В наше время основным путем формирования стереотипов по праву можно назвать средства массовой информации: газеты, радио и телевидение. Кроме того, никак нельзя забывать о кино, которому сегодня принадлежит огромная роль в вопросах массового воздействия на национальное сознание. Кинематограф дает как бы зрительное воплощение национальных образов» [4, 24]. Согласно статистике, около 80 процентов американских фильмов — это фильмы о супергероях.Можем ли мы утверждать, что в образе супергероя сосредоточилась вся американская система ценностей? Является ли супергерой инструментом пропаганды этих ценностей, идеологии и политических воззрений?

Американские супергерои активно проникают в нашу жизнь вместе с голливудским кино, отсюда, возникает интерес к первоисточнику — самим комиксам.

Сегодня американская культура активно внедряет своих комиксных героев в пространство общемировой культуры, потому не случайно все чаще на экранах кино герои с суперспособностями спасают наш мир от различного рода потрясений.

Следует сказать, что супергерой для Америки является синонимом понятия «американский герой». В культурной традиции Америки образ героя возник вместе с зарождением американской культуры. Именно классический тип американского героя тиражирует комикс. Обратимся к истории формирования супергероя в американской действительности.

Прототипом американского героя в современном виде явился образ так называемого «американского Адама», позаимствованный из библейского писания. Под американским Адамом подразумевался образ человека, стоящего на пороге новых знаний и открытий. Первоначально он именовался «героем фронтира», когда фронтиром называлась та «линия», которая отделяла коренных американских индейцев от завоевателей. Завоеватель прибывал в дикую местность, чтобы установить там новый порядок. [1, 166–167]

В середине XIX в. американский герой приобретает новые черты. После речи одного из самых авторитетных американских философов Р. У. Эмерсона «Американский Ученый» 1837 г. в американской культуре возникает идея, что спасти мир от катастроф и разрушений сможет только герой-ученый. Таким образом, сложившийся образ американского героя обогатился за счет науки.

Вместе с идеями спасителя ученого образ американского героя обогатился концепцией Фридриха Ницше о сверхчеловеке. Такой гибридный американский герой возник во всей культуре, наиболее ярко он воплотился в литературе и комиксной культуре XX в., определив развитие данного направления в искусстве.

Первоначально комиксы представляли собой графические юмористические новеллы, пока не появился главный персонаж комикса — супергерой. В 1938 г. произошла революция жанра комикс. В этот год героем журнала «Action Comics» стал Супермен, который определил дальнейшее развитие комикс-индустрии. Супермен стал прототипом для целой плеяды героев.

Одним из самых ярких героев комикса стал Капитан Америка и одноименного комикса 1941 г. На пороге Второй мировой войны герой комикса, Стив Роджерс, из болезненного подростка превращается сверхчеловека и вступает в борьбу с нацистским режимом.

В 50-х гг. интерес общественности к комиксам накалился до такой степени, что актуальным стал вопрос о судьбе комикса на государственном уровне, так как комиксы породили множество подражателей среди мирного населения. В результате чего была создана комиссия, изучавшая влияние комиксов на психику подростка и связи комиксов с подростковой преступностью, и введена жесткая цензура. Так закончился «золотой век» комикса, открытый Суперменом. [5, 123–127]

Новая волна супергероев и «серебряный век» комикса ознаменовали 60–70 гг. XX в., которые призвано называть в честь ведущей компании, выпускавшей комиксы, — эпохой «Marvel Comics». Художники Marvel стали законодателями мод в индустрии комиксов. Особенностью комикса Marvel стала опора на научную стезю, актуальную на момент появления комикса, а также супергерои из фантастического мира «переселились» в реальность, прописавшись в городское пространство Нью-Йорка, Лос-Анжелеса и др. городов. Черты супергероя стали более человеческими. Таким образом, для американской культуры супергерой является воплощением национального архетипа, который американскому читателю понятен, близок и выступает основным символом для идентификации со своей культурой.

При анализе образа супергероя, обнаруживается ряд типичных характеристик. В отличие от русского героя, который всегда должен заслужить избранность и пройти нравственный путь преобразования, чтобы стать героем, американский супергерой становится таковым при случайных обстоятельствах. Следует сказать, что образ героя весьма схематичен и клишированный. Далее выделим пять составляющих образа супергероя:

1) Современный мегаполис как место действия.

2) Узнаваемая внешность (обтягивающий костюм, подчёркивающий крепкое телосложение, запоминающаяся эмблема, скрывающая лицо маска и т. д.).

3) Двойная идентичность.

4) Суперспособности. Американский фольклор конца XIX — начала XX века хранит немало историй о необыкновенных силачах (Поль Баньян, Джон Генри и пр.), в XX веке, после триумфа Супермэна, эти истории трансформировались и перешли в журналы и комиксы.

5) Борьба против конкретного зла — для протестантской этики очень характерен частный характер действий, а не глобальное мышление «о всеобщем благе».

Интересно то, что традиционно комикс и его герои не воспринимаются обществом как нечто серьезное, однако именно они являлись мощнейшим инструментом пропаганды в американской истории. Рассмотрим несколько таких примеров:

1) Идеологическая пропаганда присутствует во многих комиксах (зачастую опережая события). Так, Капитан Америка в первом же выпуске мощным ударом сбивает с ног Гитлера; при этом происходит всё в марте 1941 года, то есть более чем за полгода до официального вступления США во Вторую Мировую войну в декабре 1941 года.Мы видим, что Гитлер падает на стол с картой США, под которой надпись «Планы на США»; на заднем плане телеэкран демонстрирует действия немецкого подрывника, разрушающего американский завод.

2) Прямая пропаганда. Яркий образчик — комиксы периода Холодной войны; например, На обложке апрельского выпуска «Detective Comics» 1959 года (№ 266) мы видим последствия истерии по поводу первого в истории запуска советского спутника в 1957 году: Бэтман и Робин не знают, как спастись от нового супер-оружия, форма которого повторяет форму спутника.

«Этот безбожный Коммунизм» (This Godless Communism) 1961–1962 годов. Комикс «Битва за Луну», показывающий глобальный конфликт в рамках гонки вооружения и покорения космоса. Комикс даёт четкое представление о том, КАК должно быть и КТО должен победить в противостоянии США и СССР при освоении космического пространства. Американские исследователи в фигуре прячущегося за лунным холмом красного астронавта с пистолетом усматривают самого Сталина.

Множество комиксов во время Второй мировой войны, а затем и на протяжении Холодной войны формировали мнение о непобедимости американской нации, о том, что необходима максимальная бдительность против советских шпионов, а также формировали патриотизм и положительное отношение к локальным конфликтам, апофеозом которых стала война во Вьетнаме.

Мы проследили формирование образа супергероя от «американского Адама» до Супермена и других героев комиксов. Обратились к истории комикса и его персонажей, выделили основные характерные черты супергероя. Образ супергероя является важнейшим элементом в системе американсой идентичности. Однозначно, комикс и образ героя не раз являлись инструментами пропаганды национальных ценностей и политических убеждений в американской культуре.

Список литературы:

1. Бурстин Д. Д. Американцы: национальный опыт. – М.: Наука. 1999 г. –621 с.
2. Гаджиев К. С. Американская нация: национальное самосознание и культура. – М.: Наука, 1990 г. –240 с.
3. Михельсон О. К. Археология поп-культуры: новая религиозность и мифологический код в семантическом поле блокбастера//Религиоведение. – 2010 г. – № 4. – С. 56–62.
4. Теплиц Е. Кино и телевидение в США. М.: Искусство. 1966 г. –304 с.
5. Шестаков В. П. Америка извне и изнутри: очерки американской культуры и национального характера. – М.: Духовное возрождение. 1996 г. –176 с.
6. Япп Н., Сиретт М. Эти странные американцы. – М.: Эгмонт Россия. 2001 г. –72 с.

Mesheryakova Anna Vladimirovna,
Vladimir State University,
postgraduate student, the Faculty of Philology
E-mail: knigojor7@yandex.ru

The doctrine by J. Ruskin as the religion of Beauty

Abstract: The religious aspect of the aesthetic doctrine by J. Ruskin is examined in the article. The author focuses his attention on the general postulates of this theory and the Oxford Movement as the main factor of it's origin.

Key words: nature, beauty, the aesthetic taste, imagination, the Anglican Church, Catholicism, the Oxford Movement.

Мещерякова Анна Владимировна,
Владимирский государственный университет,
аспирант, филологический факультет
E-mail: knigojor7@yandex.ru

Учение Дж. Рёскина как религия красоты

Аннотация: В статье рассматривается религиозный аспект эстетического учения Дж. Рёскина. В центре внимания автора находятся основные положения этой теории и Оксфордское движение как ведущий фактор ее возникновения.

Ключевые слова: природа, красота, эстетический вкус, воображение, Англиканская церковь, католичество, Оксфордское движение.

Дж. Рёскин (1819–1900) — художественный критик, искусствовед, идеолог и вдохновитель английского эстетизма. Уже современники Рёскина усматривали в английском эстетизме не просто литературно-художественное течение, но некое подобие религии. Неслучайно французский биограф Рёскина Р. Сезеран озаглавил свою монографию «Джон Рёскин и религия красоты» [5]. Очерк русского публициста Л. А. Богдановича носил название «Джон Рёскин, апостол религии красоты» [1]. Наконец французская исследовательница жизни и творчества английского искусствоведа Г. Брюнгес опубликовала монографию под заглавием «Джон Рёскин и Библия» [2]. Правда, все эти авторы употребляют словосочетание «религия красоты» исключительно в метафорическом значении. Ни одна из работ не дает четкого представления о религиозной составляющей учения английского искусствоведа. Задача данной статьи заключается в том, чтобы выявить религиозный аспект философско-эстетической системы Рёскина и обнаружить религиозные факторы, способствовавшие ее формированию.

Рёскин родился в 1819 году в семье зажиточного виноторговца. Родители его принадлежали к Евангелической церкви (течение внутри Англиканской церкви, тяготевшее к кальвинизму). Евангелическая церковь признавала неоспоримый приоритет Священного Писания, индивидуальное благочестие, право на личное толкование Библии, упрощенную обрядность [3, 78–79]. В семье царила суровая пуританская атмосфера. Согласно евангелическим представлениям, единственным источником божественной благодати признавалось Священное Писание. Все прочие предметы христианского культа (ладан, свечи, иконы) в доме отсутствовали. С ранних лет Рёскин читал Священное Писание под руководством матери. Система занятий была построена так, что в течение года Библия прочитывалась от начала до конца, причем наиболее важные фрагменты заучивались наизусть. Мать питала надежду, что со временем сын займет должность пастора Англиканской церкви.

В 1836 году Рёскин поступает в Оксфордский университет. Время обучения совпало с активизацией так называемого Оксфордского движения (трактарианства), возникшего как реакция на отмену Парламентом ограничительных статутов против католиков и протестантских диссентеров, которая уравняла в правах представителей Англиканской церкви и других конфессий. В результате разгораются споры о том, какая церковь является истинной и в чем заключаются критерии истинности. Оксфордские теологи (Дж. Ньюмен, Дж. Кибл, Э. Пьюзи) выступили за отмену опеки государства над церковью. Они полагали, что отделение Англиканской церкви от Единой церкви явилось результатом произвола, допущенного королем Генрихом VIII, и ратовали за сохранение апостольского преемства и вероучение Единой церкви, а также за сближение с католицизмом и православием. Позднее приверженцы Оксфордского движения стремились востановить некоторые элементы католической обрядности, касающиеся устройства алтаря и совершения евхаристии, возродить таинства литургии и исповеди, а также использования свечей, ладана и праздничных риз во время богослужения [3, 72]. Таким образом, Католическое Возрождение в Англии представляло собой попытку реставрации старинных церковных обрядов.

Оксфордское движение оказало значительное влияние на мировоззрение Дж. Рёскина. По выходе из университета он активно изучает католическую живопись и архитектуру. Его тяготит сектантская ограниченность и антиэстетичность пуританства. В 1858 году в жизни Рёскина наступает глубокий духовный кризис, результатом которого стал разрыв с евангелизмом и переход в католическую веру. Од-

нако, в строгом смысле слова, мировоззрение Рёскина в равной степени отличалось как от англиканства, так и от католицизма. Центральным понятием для него является природа, которая мыслится как визуальный аналог Священного Писания, чья красота становится зримым выражением божественного духа. Неслучайно Г. Брюнгес отмечает: «Рёскин видит в природе Библию и видит в Библии природу» [2, 25]. Поскольку красота воспринимается в качестве высшего проявления божественной благодати, природа подчиняется эстетическим законам. Например, Рёскин полагал, что цвет является отражением божественной сущности предмета: «Все высшие создания Вселенной богато одарены цветом; в нем признак и печать их совершенства; им обусловливается жизнь в теле человеческом, свет в небе, чистота и твердость почвы; смерть, мрак и грязь не имеют цвета» [6, 205]. Существование зла и несправедливости объясняется им следующим образом: «..красота, лишенная необходимых контрастов и нарушений, перестает быть ощутительной, точно так же как свет, лишенный тени, перестает производить впечатление света <…> Природа всюду перемешивает высшие свои элементы с низшими, точно так же как она перемешивает свет с тенью, давая обоим надлежащее место и значение…» [6, 118]. По всей вероятности, в в своей интерпретации природы Рёскин основывается на средневековом католическом представлении о двух священных книгах: книге Господней (Библии) и книге природы. Кроме того, эстетические элементы, присущие обрядовой стороне католицизма, дают предпосылки к пониманию красоты как высшей формы проявления божественного духа, восприятие которой вызывает в душе верующего, помимо чувственного наслаждения, любовь, радость и благоговение перед Всевышним.

Основным мерилом нравственности человека Рёскин считает эстетический вкус: «Вкус не только часть или признак нравственного достоинства, это единственная нравственность <…> Скажи мне, что ты любишь, — и я тебе скажу, что ты такое» [6, 15]. С его точки зрения, эстетический вкус заключается в способности наслаждаться добром. Истинно праведным является не тот человек, который совершает нравственный поступок всилу определенных запретов и предписаний, а тот, который способен узреть в нравственном поступке красоту и насладиться им в полной мере.

Приобщение к Богу происходит не только с помощью восприятия красоты, но и путем ее созидания, которое осуществляется благодаря воображению. Воображение, подобно искре божией, присуще каждому живому существу. По мере усложнения органических форм, возрастает сила воображения. В основе человеческого воображения лежат три врожденные способности: «инстинкт сооружения мелодий», «способность к видениям или грёзам», умение осознанно отбирать художественные формы [7, 92]. Стимулом к работе воображения становится благоговение перед Всевышним, потребность в его прославлении. По словам Рёскина: «Резвящийся козленок радуется только собственной жизни, — он не художник; но пастух этого козленка, вырезая из бревна фестоны для дверей своей избы, тем самым выражает, хотя и бессознательно, свое одобрение законам времени, меры и порядка, по которым движется земля и солнце светит с неба» [6, 18].

Искусство, согласно Рёскину, призвано служить истине и практической пользе. Первая его функция заключается в том, что искусство обликает божественную истину в визуальные образы. Поскольку глаз — наиболее чуткий и восприимчивый из всех человеческих органов, то произведения визуальных искусств становятся наиболее эффективным средством постижения истины. Вторая функция связана с преобразованием земного существования человека. Эстетизированный быт оказывает облагораживающее воздействие на человеческую душу. Человек, с ранних лет окруженный красивыми вещами и посвятивший жизнь их созданию, невольно подчиняет эстетическому закону и собственную душу. Неслучайно один из последователей Рёскина, У. Моррис, развивая его идеи, говорил, что для воспитания идеального человека необходима идеальная книга и идеальный дом [4, 78]. Конечной целью искусства, согласно Рёскину, должно стать превращение земли в обитель красоты, своеобразное возвращение к земному Раю. На это должен быть направлен труд и усилия многих поколений людей.

Таким образом, эстетическое учение Дж. Рёскина содержат в себе существенный религиозный компонент, в основе которого лежат католические представления о природе как о некоей священной книге, созданной Богом, а также обращение к эстетическому восприятию верующих как каналу общения с божеством, характерное для католической обрядности.

Список литературы:

1. Богданович Л. А. Джон Рёскин «апостол религии красоты». – М.: т-во А. И. Мамонтов, 1900. –.
2. Брюнгес Г. Рёскин и Библия: к истории одной мысли/Пер. с фр. Л. П. Никифорова. – М.: Посредник, 1902.
3. Козыренко Л. В. Англиканская церковь как конфессиональный феномен: дис. канд. философ. наук. – М., 2006.
4. Седых Э. В. Проблема синтеза искусств в истории и теории литературы и искусства. – СПб.: Знание, 2009.
5. Сизеран Р. Рёскин и религия красоты/Пер. с фр. Л. П. Никифорова. – М.: Книжное дело, 1900.
6. Рёскин Дж. Искусство и действительность/Пер. с англ. О. Л. Донских. – Новосибирск: Сова, 2006.
7. Рёскин Дж. Лекции об искусстве/Пер с англ. П. Когана. – М.: Б. С.Г. -Пресс, 2011.

Section 6. Linguistics
Секция 6. Лингвистика

Bagiyan Alexander Yrievich
Pyatigorsk state linguistic university
English philology department teacher, postgraduate student
E-mail: alexander.0506@mail.ru

Cognitive and philosophical aspects of specific and common lexis correlation

Annotation: The article focuses mainly on the interrelation of scientific and common lexis. The problem is discussed form philosophical, psycholinguistic and cognitive points of view, thus giving a deeper understanding of terminological processes, dealing with lexical migration.

Key words: specific lexis, common lexis, term, word, cognitive linguistics, psycholinguistics, terminological process, lexical migration.

In our opinion, the resort of the science of terminology to the ideas of cognitivism was inevitable as at a certain point of its development of the science about terms experienced a pressing need to get into the essence of the processes taking place in modern terminology [1, 6]. After all it is known that at a turn of XX and XXI centuries in linguistics certain serious changes connected directly with the metamorphoses of scientific knowledge paradigms in linguistics took place. All this, as one would expect, led to allocation of a new, cognitive approach (direction) in the science of terminology.

The most important and necessary in this approach is the fact that in cognitive science the human cognition is brought to the forefront, thereby in focus of research there are not simply observed phenomena (as it often occurs in the traditional approach), but their internal mental representations [2, 7]. In other words, the correlation of language and mental structures comes into focus. And considering the fact that language forms a speech and cogitative basis for any human activity, it is simple to assume that from the positions of cognitivism it is regarded as one of the main and most important cognitive abilities of a person, inseparably linked with his mental and physical activity [1, 6].

Now let us have a closer look at the reasons of the "diffuseness" of borders between special and common lexicon.

To our mind, it would be appropriate to start first with the understanding of the ordinary and scientific knowledge differentiation parameters.

For several decades polemic concerning the relationship of term and word does not stop. As a result of it, the problem of notion and concept differentiation has also become actual recently. All this is some kind of reflection of such a relevant problem in the humanitarian sphere as that of the correlation or opposition of scientific and ordinary knowledge [3, 66]. This opposition initially goes back to philosophy, so it would be appropriate to give a philosophical definition of scientific and ordinary knowledge, as well as to designate the criteria of their differentiation.

According to V. A. Kanke, the science represents activities of an individual for development, systematization and examination of knowledge. And only the knowledge that is well-checked and proved can be called a scientific one. The ordinary knowledge, from his point of view, is consciousness of people in their everyday life which is characterized by spontaneity [4].

One of the main differences of the two indicated types of knowledge is that the scientific knowledge has a consecutive and systematic character. The science is a certain system of knowledge, not a simple set of "data" on the world.

One of the most important characteristics of ordinary knowledge consists in subordination to the solution of empirical, immediate tasks, as well as unsystematized character and, often, subjectivity. Therefore, this type of knowledge cannot represent the strong basis for the models and theories of high level of abstraction, allow-

ing to experience particular qualities and to penetrate deep into internal regularities of different phenomena.

Thus, the difference between scientific and ordinary knowledge is defined by the character and degree of importance of the reflected signs of objects and phenomena, along with various ways of knowledge of reality [5, 22].

However one should not forget the fact that, despite the qualitative distinctions of scientific and ordinary knowledge, there is an indissoluble connection between them. After all, the science in itself, with its methods of perception, came from ordinary knowledge [6, 25–27].

This opposition, in our opinion, is the basis and a peculiar philosophical foundation of differentiation of common word and term, as well as of notion and representation.

Now, having a more or less clear idea of the philosophical base of the differentiation under discussion, let us come directly to the merits of the matter of this article, i. e. to the "term-word" correlation.

Speaking about term status, one of the most important questions is the correlation of term (which in fact represents the main special lexical unit), and word (which is the main unit of language). In our opinion, it would be pertinent to begin directly with the consideration of various definitions of the term offered by various scientists.

The initial meaning of term (from Latin "terminus") is defined as "border", "limit". The definition itself already speaks about the ultimate accuracy and unambiguity as about one of the main functions of term.

The statement of K.Ya. Averbukh, according to whom term exists only as long as it appears to be an element of the system of terms, is very interesting and deserves attention [7, 11]. Does it mean that, first of all, term belongs to the general class of lexical units, whereas its belonging to the special lexicon is secondary? S. V. Grinev-Grinevich adheres to this point of view, claiming that the specificity is first of all are caused by the correlation and, in particular, opposition with common lexicon. [8, 24].

As already mentioned, term status had quite a debatable character throughout a long period of time (till 1970s). Attempts were made both to output terms out of language borders, opposing them to the common layer of lexicon, and to identify them with each other. However, the disputes concerning this question started losing the relevance to the middle of the 1970s because by this moment term began to be understood as a word (or a phrase), inseparably linked with the notion belonging to this or that field of knowledge (or activity).

V. P. Danilenko and T. L. Kandelaki agree on the point of term definition, claiming that it is a word or a phrase ("lexicalized word group" in Kandelaki's definition) in the special sphere of usage, representing the name of a special notion, and demanding a definition for the establishment of its value in the corresponding system of notions [9, 15; 10, 7].

B. N. Golovin's definition also indicates the connection berween term and notion, denoting term as a word or a combination of words which is functioning in professional area and being used in specific conditions, verbal reflection of notion, being the component of a conceptual system of a particular sphere of professional knowledge [11].

H. Felber understands term as a linguistic symbol assigned to one or several notions which are defined by adjacent notions. Term can represent a word or a phrase, and also an alphabetic and graphic sign, an abbreviation, an acronym, a set of conventional signs, etc. [12, 168]

Yu. N. Revina considers that the term is a word or a phrase which designates a scientific or technical notion of special area of knowledge or activity [13, 8].

As D. L. Bronnikova claims, term is a special lexical unit accepted for designation of notions of a certain sphere of knowledge and appearing in the text for exact and compact transfer of specific information and notions which do not have the name in everyday speech. Term possesses such qualities as accuracy, unambiguity, existence of accurate scientific definition, and such qualities as emotionality, expressivity and modality are not inherent to it. In other words, it is system-defined and stylistically neutral. Terms are connected with a certain scientific conception, the results of scientific discoveries and researches, their theoretical conceptualization are reflected in them. Moreover, terms are means of communication in special scientific and technical spheres and description of the scientific and technical conceptions and phenomena [14].

According to V. M. Leychik's definition, it is pertinent to call term a lexical unit of language for special purposes, denoting general — concrete or abstract — notion of the theory of a certain special field of knowledge or activity. [15, 31–32].

Considering the matter from the positions of cognitive science of terminology, E. I. Golovanova claims that term is a verbalized result of professional thinking, significant linguo-cognitive means of orientation in professional sphere and the most important element of professional communication [1, 58].

In our opinion, the definition given by Z. S. Hasanova is quite interesting as it understands term as "a word

or a phrase representing a specialized scientific notion of scientific discourse, relating to a certain subject domain, and thus carries out functions of nomination and definition" [16, 227].

In the article "Once Again about the Notion of "Term" Definition" S. D. Shelov, having set as the purpose specification of the nature of term and having analysed 30 definitions of term, offers his own (and, in our opinion, quite successful) definition of this: "Term is a language sign (a word, a phrase, a combination of word or phrase with special symbols, etc.), expressing the notion of a certain area of knowledge and, due to this fact, having a definition (interpretation, explanation) which those using this language sign, are consciously guided by". [17, 796].

Analyzing all the abovementioned definitions of term, it becomes obvious that term is inseparably connected with notion, representing it. There can also be no doubt that term is a word presented, however, in a special meaning. Let us try to get into the nature of similarities and distinctions of term and common word in more detail.

V. N. Yartseva's Linguistic Encyclopaedic Dictionary defines word as the main structural-semantic unit of language serving to name the subjects and their properties, the phenomena, the relations of reality and possessing a set of phonetic, semantic and grammatical features, individual for each language. V. N. Yartseva also emphasizes that in word the process of formation, expression and transfer of notion takes place, and in word meaning itself the results of cognitive activity of people are fixed. [18, 464].

At the basis "word — term" differentiation lie the main signs and requirements imposed both to word and to term. However, here, as practice shows, the evidential base is not flawless either. As already mentioned, in the traditional approach term possesses such qualities as unambiguity, brevity, accuracy, systemacity, emotional and expressive neutrality, absence of a synonymy and homonymy within the borders of one terminological system. But B. N. Golovin calls in question the legitimacy of presenting the abovementioned requirements to terms as "the considerable part of really functioning terminology does not meet these requirements, but, nevertheless, continues to serve the corresponding branches of knowledge" [19, 28].

Especially interesting and deserving attention appears to be N. P. Kuzmin's statement, according to which neither in shape, nor in content is it possible to find substantial difference between word of all-widespread, nonspecific lexicon and word of terminological lexicon [20, 145].

Thus, we come to the conclusion that one of the most significant parameters in "term and not-term" differentiation is the sphere of word usage, and not logical, but purely functional criterion [21, 29]. A. A. Reformatsky adheres to the similar point of view, speculating on the idea of terminological field: "… term is semantically paradigmatic, i. e. in each terminology it is correlated (and it is surely correlated if it is term) with various concepts. In this sense each term has the field within this terminology that is possible and needed to be fixed precisely. The field for term is the given terminology, out of which word loses its characteristic as term" [22, 51].

It is also worth mentioning the so-called consubstantial terms which are undoubtedly causing some difficulties at differentiation of terminological lexicon from the general lexis structure of language. Lexical units which can be found both in everyday and professional speech are considered to be such terms. [8, 25].

Theoretical calculations of G. A. Dianova also deserve attention. Proceeding from the sign nature of the word (according to Ferdinand de Saussure), she claims that unmotivated, spontaneous nature is inherent in the word. Term, in this case, is a sign of a special semiotic system, and possesses the functions of nomination and definition. Nominative function is inherent in term (as well as in word) as it represents a designation of the whole complex semantic fragment from the general constructed (structured) system of meanings ("intentionals"). With the function of definition everything is even more interesting: term represents the replacement of a definition which, in turn, consists (both explicitly and implicitly) of a number of statements. At the use term means the corresponding definition, i. e. represents a secondary formation in relation to it. Thus, "relation of the pair "definition — term" is opposite to relation of the pair "word — definition". This different orientation causes distinction in terminological and lexicological activity. The first one is onomasiological: the denomination is investigated from the point of view of notion; whereas the second one is semasiological: the research goes from a form to semantics of word" [21, 31].

The fact that terms have the same formal and semantic signs, as the word [15], allows us to come to the following conclusion: the term, being, first of all, a word, takes a certain place in classification of lexical units of language on account of its functional orientation, "intentionality" [23]. Intentionality is understood as the aspiration of term to be used in a certain situation and with definite purposes which, by the way, in itself already speaks not only about relevance, but also necessity of

using the cognitive approach while considering the essence of term [24].

The notion is often identified with a word meaning. To be more exact, they are considered as ideas of one level, viewed, however, in different systems of communications: meaning corresponds to language system, and notion — to the system of logical relations and forms which represent the object of research in linguistics as well as in logic.

On the one hand, meaning in itself is wider than notion, as it includes not only evaluative, but some other components as well. On the other hand, however, meaning is narrower than notion, as it includes only distinctive characteristics of objects while the notion covers deeper and more essential properties of objects. Meaning is, nevertheless, compatible to the formal, proximate mundane notions, standing in counterbalance to substantial, scientific notions. And only term has the combination of lexical meaning of the word with scientific notion.

Now let us deal with the opposition of notion and representation.

Considering such characteristic of term as the presence of definition, at scientific school of Moscow State University was developed the criterion of terminological nature, according to which it is offered to compare scientific definitions to the interpretations presented in common-literary explanatory dictionaries. As a result it becomes possible to reveal the difference between identification of one and the same lexical form in common-literary and special dictionaries.

This type of analysis suggests an idea that the difference of definition and common-literary interpretation is the reflection of the difference between notion and representation. Representation is understood as a generalized, sensual and evident image of a subject or phenomenon, which remains and is reproduced in consciousness (with that subjects and phenomena themselves do not affect directly sense organs of the recipient). What is also important is that representation, being an image, does not reveal internal, deep relation of subjects. First of all the external relations and communications of subjects and the phenomena are displayed. In other words, the essential has not abstracted yet, has not allocated from the mass of insignificant. The closed nature of internal relations and existence of insignificant signs indicate a direct connection between the common-literary word interpretation and representation.

Consequently, we once again come to the conclusion that the distinction of word and term is caused directly by the reflection of different levels of cogitative activity, namely scientific thinking (concerning term) and mundane operating of representations (concerning common-literary word).

In this regard especially accurate seems the statement that the requirement of accuracy from term is illogical, as the accuracy of meaning of each term is defined first of all by the notion it evokes. In other words, it is precisely the notion that should be restricted from a range of other notions.

References:

1. Golovanova E. I. Introduction to cognitive science of terminology. – Moscow: FLINTA: Nauka, 2011. – 224 p.
2. Maslova V. A. Cognitive Linguistics. – 2nd Ed. – Minsk: TetraSystems, 2005. – 256 p.
3. Zalevskaya A. A. Word in human lexicon: psycholinguistic research. – Voronezh: Voronezh University Press, 1990. – 204 p.
4. Kanke V. A. Philosophy. Historical and systematic course. – 4th Ed. – Moscow: Logos, 2002. – 344 p.
5. Perevozova Y. E. Scientific and ordinary knowledge representation in language units denoting chemical substances: PhD thesis in Philology. – Tambov, 2004. – 189 p.
6. Lazarev V. V. On the theory of ordinary/cognitive perception (from Copernicus to Ptolemy)//The Scientific Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. – Pyatigorsk: 1999. – № 2. – P. 25–34.
7. Averbukh K. Y. General theory of term. – Ivanovo, 2004. – 252 p.
8. Grinev-Grinevich S. V. Science of terminology. – Moscow: "Academia" Publishing House, 2008. – 304 p.
9. Danilenko V. P. Russian terminology (Experience of linguistic analysis). – Moscow, 1977.
10. Kandelaki T. L. Semantics and motivation of terms. – Moscow, 1977.
11. Golovin B. N. On some problems of term studies.//Semiotic problems of the languages of science and information. Part I. – Moscow, 1971. – P. 64–67.
12. Felber H. Terminology manual. – Paris, 1984.
13. Revina Y. N. Automobile terminology in German and Russian: Structural-semantic and functional approaches: Synopsis of PhD thesis in Philology. – Ekaterinburg, 2011. – 22 p.

14. Bronnikova D. L. Contrastive-comparative analysis of the alternative fuel and electronics terminological corpus: according to the data from frequency dictionaries: Synopsis of PhD thesis in Philology. – Moscow, 2009. – 29 p.
15. Leychik V. M. Science of Terminology: subject, methods, structure. – 4th Ed. – Moscow, 2009.
16. Hasanova Z. S. Sublanguage and terminological system: correlation and specific character of terminological units//Young Scientist. – 2013. – № 2. – P. 224–232.
17. Shelov S. D. Once again about the notion of "term" definition//The Scientific Bulletin of Nizhny Novgorod University after N. I. Lobachevsky. – 2010. – № 4 (2). – P. 795–799.
18. Yartseva V. N. Linguistic Encyclopaedic Dictionary. – Moscow, 1990.
19. Golovin B. N. Types of terminological systems and grounds of their differentiation//Term and word: interacademic compilation. – Gorky, 1981.
20. Kuzmin N. P. On the question of the nature of term//The Scientific Bulletin of LSU. – 1962. – № 20. – Issue 4. – P. 136–146.
21. Dianova G. A. Term and notion: problems of evolution (to the basics of historical science of terminology). – 2nd Ed. – Moscow: R. Valent, 2010. – 160 p.
22. Reformatsky A. A. What is term and terminology?//Terminology matters. – Moscow: USSR Academy of Sciences, 1961. – P. 46–55.
23. Alimuradov O. A. Meaning. Concept. Intentionality: Monograph. – Pyatigorsk University Press, 2003. – 312 p.
24. Bagiyan A. Y. The process of determinologization and its cognitive-stylistic relevance//3rd International Conference on Science and Technology ISPC 2013. – London: SCIEURO. – P. 257–264.

Berikkhanova Ayzhan Ezhenkhanovna, Zhunussova Zhaniya Myrzhakhmetovna
Mukhametzhanova Zhanna Aktayevn, Semey State MedicalUniversity,
teachers of English, masters od phylology
E-mail: zhankatai80@mail.ru

Russian and kazakh equivalents of the english proverb labour

Abstract: This article discusses the English equivalents of Russian and Kazakh proverbs labor. We have an opportunity to get acquainted not only with culture of the people of the target language, but also with psychology, worldview of representatives of a country on the material of proverbs of the Russian, Kazakh and English languages.

Keywords: proverbs, labor, culture.

Берикханова Айжан Еженхановна, Жунусова Жания Мырзахметовна,
Мухаметжанова Жанна Актаевна, Государственный медицинский университет г. Семей Казахстан,
преподаватели кафедры русского и иностранных языков, магистры иностранной филологии
E-mail: zhankatai80@mail.ru

Русские и казахские эквиваленты английских пословиц о труде

Аннотация: В статье рассматриваются английские эквиваленты русских и казахских пословиц о труде. На материале пословиц русского, казахского и английского языков, отражающих трудовую деятельность человека, мы имеем возможность познакомиться не только с культурой народа изучаемого языка, но и психологией, мировосприятием представителей той или иной страны.

Ключевые слова: пословицы, труд, культура.

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах и поговорках, а знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа. Известный собиратель пословиц и поговорок В. И. Даль в сборнике «Пословицы русского народа» так определял поговорку: «Поговорка — окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения; это одна первая половина пословицы. Поговорка заменяет только прямую речь окольною,

не договаривает…» [1, 3]. Как видим из первого определения, зачастую поговорки рассматриваются в тесной связи (сходства/различия) с пословицами. Главной особенностью пословицы является ее законченность и дидактическое содержание. Поговорка же отличается незавершенностью умозаключения, отсутствием поучительного характера. «Разница между поговоркой и пословицей заключается в следующем: поговорка — это обычно такое сочетание слов, которое выражает понятие, т. е. обладает лишь номинативной функцией. Пословица, в отличие от поговорки, выражает законченное суждение. Общее в поговорках и пословицах то, что они в большинстве случаев образны по своей природе» [2, 25]. Поговорки, таким образом, в отличие от пословиц, которые в первую очередь содержат в обобщенном виде народную мудрость, больше пригодны для выражения эмоций и оживления речи, им присущ, скорее, конкретный и частный смысл.

Сравнение пословиц и поговорок разных народов показывает, как много общего имеют эти народы, что, в свою очередь, способствует их лучшему взаимопониманию и сближению. В пословицах и поговорках отражен богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Соответственно, знание пословиц и поговорок, их уместное употребление является необходимым условием успешного процесса межкультурной коммуникации, что актуально в условиях процессов глобализации и интернационализации в современном обществе.

Необходимо отметить, что многие английские, русские и казахские пословицы и поговорки многозначны, что делает их трудными для толкования и сравнения. При отборе, например, казахских соответствий английской пословицы обязательным критерием было совпадение одного из значений (как правило, главного). Тем не менее, важно помнить, что, складываясь в различных исторических условиях, английские, русские и казахские поговорки и пословицы для выражения одной и той же или сходной мысли часто использовали различные образы, которые, в свою очередь, отражают различный социальный уклад и быт, трудовую деятельность народов и часто не являются абсолютными эквивалентами.

Изучение пословиц и поговорок любого народа всегда было чрезвычайно важным как для литературоведов, так и для культурологов и лингвистов. Являясь своеобразными накопителями и трансляторами народной мудрости, опыта и знания людей, они несут в себе богатейшую информацию об особенностях мировосприятия народа, особенностях его отношения к жизни и к нетрадиционному решению одной из важнейших в человеческом обществе проблем — отношения к труду [6, 26].

Культура Англии и России, а также страны, в которой мы живем — Казахстана — удивительно многообразна, каждая имеет глубокие корни и яркие особенности. Тем интереснее сопоставить три языка в плане пословиц, отыскивая как прочные связи, так и неповторимую окраску. У каждой культуры свои ключевые слова, отражающие базовые ценности [1, 86] народа-носителя языка. Например, для немцев это порядок, точность, для англичан — щепетильность, чопорность, сдержанность, для русских — широта души, доброта, неагрессивность, отзывчивость и — очень часто называемые — лень, бесшабашность, безответственность, казахов отличают гостеприимство, добродушие, а также такие пороки как зависть, беззаботность. Такие ключевые слова культуры формируют в сознании представителей той или иной культуры особые ментальные структуры — концепты, содержащие в себе ценностные представления людей о познанной действительности. Для того, чтобы слово обрело статус концепта, нужно, чтобы оно стало общеупотребляемым, т. е. национальным, активно включалось в состав фразеологических единиц, пословиц и поговорок, приобрело номинативную плотность [3, 47]. Безусловно, одним из таких концептов в английской, казахской и русской культуре, как показывает анализ пословиц и поговорок, является ТРУД и его слово-спутник ЛЕНЬ.

Труд присутствует в нашей жизни постоянно (Воскресный день не нам, а господам. Были бы руки, а молотило дадут. He who would eat the nut must first crack the shell. Such carpenters, such chips. Кім еңбек етсе — сол тоқ. Ұстаның жұмысы ісінен көрінеді.) Эта логема даёт понять, что работа никогда не закончится, она может сменяться, но не прекращаться. Труд не просто является постоянным спутником человека, он заполняет почти всё время.

Труд требует усилий (Лёжа не работают. Лес сечь — не жалеть плеч. Better to do well than to say well. Сөзін дәлел денбесе іспен көрсет). Мысль об интенсивности труда переплетена с мыслью о его нескончаемости: процессы труда везде обозначены с помощью глаголов.

Труд носит подневольный характер (Не куплен — не холоп, не закабалён — не работник. Мужик за спасибо семь лет работал. He that would eat the fruit must climb the tree). Труд не доставляет человеку удовлет-

ворения и не даёт материального достатка, поскольку носит вынужденный характер.

Труд имеет свои следствия, как положительные, так и отрицательные (Где работно, там и густо, а в ленивом дому пусто. Не отрубить дубка, не надсадя пупка. He who would catch fish must not mind getting wet. Қазанға не салсаң, қасығына сол ілінер.).

В зависимости от характера труд может приносить либо улучшение быта, либо не нести никаких улучшений, а только болезни вследствие физического истощения [7, 59].

Следует выработать отношение к труду (На дело не набивайся и от дела не отбивайся. Не покидай в запас дела, а покидай в запас хлеба). Непомерная затрата сил и прогнозирование отрицательных последствий отвращают человека от труда, подталкивают его к отказу от работы, однако не стоит забывать о ценности труда, его первоочерёдностью перед бездельем. (Еңбек бейнет емес, зейнет. Труд не мучение, а наслаждение)

На основе данных логем можно сделать вывод: во все времена ценились люди трудолюбивые, так как труд — нравственная ценность.

Если понятийный слой концепта содержит указания на общие представления народа-носителя языка на тот или иной объект, то образная и оценочная составляющие концепта всегда культурно нагружены. Именно характер образности и оценочности позволяет выделить культурно маркированные элементы семантики языкового знака.

Пословицы о труде так же, как и многие другие пословицы, включают оценочную лексику.

1. there is no bad work
2. плохой работы не бывает
3. жұмыстың жаманы жоқ

Часто противопоставляется «работа» и «праздность»:

Труд человека кормит, а лень портит.

Работе время, а досугу час.

После дела и гулять хорошо.

Business before pleasure.

Еңбек ет те, мақтан; ойнап күл де, шаттан.

Пословицы, связанные с понятием «работа», в сборнике Даля можно разделить на 3 группы: пословицы, определяющие место труда в жизни человека; пословицы, говорящие о последствиях труда, как положительных, так и отрицательных; пословицы, ориентирующие человека в жизни.

Пословицы **первой группы** прямо говорят о значимости работы для жизни каждого человека, например:

На ниве потей, в клети молись, с голоду не помрёшь.

Хочешь есть калачи, так не сиди на печи!.

На бога уповай, а без дела не бывай.

No song, no supper.

Еңбек етсең ерінбей, толды қарның тіленбей.

Вторая группа пословиц рассматривает понятие праздность как антипод понятию работа, например:

Труд человека кормит, а лень портит.

Ранняя птичка носок прочищает, а поздняя глаза продирает.

Где работно, там и густо, а в ленивом дому пусто.

Что напрядёшь, то и протрясёшь.

An idle brain is the devil's workshop.

Жалқаулық — жаман ауру

Третья группа пословиц констатирует грешную природу человека, не позволяющую ему всегда быть трудолюбивым, жить праведным трудом, всегда поступать по совести, например:

Всех работ не переработаешь.

Легко пришло, легко и ушло.

Easy come, easy gone

Видно мастера по работе.

Не по словам судят, а по делам.

Actions speak louder than words.

Such carpenters, such chips.

Сөзіне қарама, ісіне қара.

Ердің атын еңбек шығарады.

Ұстаның жұмысы ісінен көрінеді. — говорят о том, что о человеке судят по его делам, например:

Пословицы призывают человека отдыхать не думая о деле только после того, как оно закончено, например:

Мешай дело с бездельем, проживёшь век с весельем

All work and no play makes Jack a dull boy.

Шевелись, работай — ночь будет короче

Работать — день коротать; отдыхать — ночь избывать.

The tongue of idle person is never idle.

Good words and no deeds.

Praise is no pudding.

Таким образом, можно сделать вывод, что отрицательное отношение к труду преобладает в пословицах и поговорках народов, иследумых языков.

Язык, являясь составной частью культуры, отражает её базовые ценности, например, труд.

Группировка паремий по логемам и их анализ даёт понять, что труд воспринимался как непосильная и малорезультатная деятельность.

Социальные изменения оказали очень большое влияние на сознание людей и, как следствие, на отношение к труду, отразившееся в паремиологическом фонде.

Формирование отношения к труду у русских и англичан отличалось в силу гармоничной и быстрой модернизации Англии, обеспечившей выход на качественно новый уровень жизни населения.

До конца XX века к труду было практически повсеместное отрицательное отношение, однако с переходом на путь рыночной экономики оно стало меняться в лучшую сторону, труд перестал характеризовать лишь материальную сторону быта, ему стало придаваться большее духовное значение. Со временем это новое отношение отразится в паремиях, но для этого общество должно полностью избавиться от ощущения полной зависимости от государства. В данной статье освещается именно вопрос взаимосвязи ценностей общества и его языка.

Будучи ярким образным выражением, несущим в себе непреложную истину и народную мудрость в емкой и доступной форме, пословица обладает высокой воспроизводимостью в речи. На протяжении веков некая мысль выражалась людьми по-разному, пока содержание не обрело оптимальную форму, узнаваемую и принятую всеми членами данной языковой общности, в соответствии с их мировосприятием. Поэтому пословицы нередко понимаются носителями языка «с полуслова» и могут воспроизводиться эллиптически, то есть не полностью [4, 101].

Выдержав оценку временем, пословицы органично слились с речью; всегда будут украшать ее остроумием, способностью метко и точно охарактеризовать все многообразные проявления жизни.

На основе вышеизложенного можно заключить, что именно благодаря таким своим характеристикам, как образность, обобщенность и воспроизводимость, пословица выполняет свою назидательную функцию и является специфичным средством отражения картины мира носителями определенного языка [5, 57].

Пословицы и поговорки, являясь частью культуры данного народа, всегда оставались и останутся актуальными, несмотря на развитие экономики и техники, на прогресс и т. д. В любое время пословицы и поговорки будут характерной чертой данного народа, объектом внимания и исследования.

Проанализировав около 100 пословиц и поговорок, мы пришли к следующим выводам:

1) пословицы и поговорки многозначны и ярки. Они находятся вне времени и вне классового деления, т. е. их произносят как богатые люди, так и люди низших слоев общества;

2) пословицы и поговорки английского языка довольно-таки трудны для перевода на другие языки;

3) почти в любом языке можно подобрать эквиваленты английским пословицам и поговоркам;

Из всего вышесказанного следует, что любой переводчик должен владеть навыками перевода единиц устного народного творчества, уметь не просто их дословно переводить, а складно и грамотно передавать их основное содержание.

На материале пословиц русского, казахского и английского языков, отражающих трудовую деятельность человека, мы имеем возможность познакомиться не только с культурой народа изучаемого языка, но и психологией, мировосприятием представителей той или иной страны.

Список литературы:

1. Даль В. И. Пословицы русского народа – М.: Художественная Литература, 1989
2. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Изд. лит-ры на ин. яз., 1958. – 171 с.
3. Вежбицкая А. Н. Понимание культур через посредство ключевых слов. Пер. с анг.
4. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1972. – 269 с.
5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1985.
6. Захарова М. А. Стратегия речевого использования образных фразеологизмов английского языка. – М., 1999.
7. Модестов В. С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М., 2003.

Dzhunusov Turgan Sadykovich,
Institute for Basic Education A. Mashani KazNTU K. Satpayev, Associate Professor
E-mail: dturgan@list.ru

The ideal person in the ideal space in the Nile Sorskii's moral vision, viewed through 'love' concept

Abstract: In the article there are considered the questions of the evangelical love, reflected in Nile Sorskii's works through `love` concept, being viewed by singular and plural verbs of 1, 2, 3 Person. Also there are considered the questions the meaning of which is the ideal mood, that embodies the ` love` concept, establishes the relation of action to reality, where a speaker absolutely irresponsibly expresses the most difficult scale of shadows, that characterizes action. In Nile Sorskii's representation love is an unearthy sense, which is manifestation of the ideal essence, the love for God.

Keywords: concept, the ideal mood, imperative mood, kind act, the morality, perfection, expressing.

Джунусов Турган Садыкович,
Институт базового образования им. А. Машани
Казахский национальный технический университет им. К. И. Сатпаева
E-mail: dturgan@list.ru

Идеальный человек в идеальном пространстве в нравственном видении Нила Сорского, передаваемом через концепт 'любовь'

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы евангельской любви, отраженные в работах Нила Сорского через концепт 'любовь' передаваемые посредством глаголов 1, 2, 3 лица единственного и множественного числа, отражены представления Нила Сорского об идеальном человеке в идеальном пространстве. В статье представлены точки зрения В. Колесова, В. Никитевича, В. Соловьева на концепт 'любовь' и способы репрезентации этого концепта в работах Нила Сорского.

Ключевые слова: концепт, идеальный человек, повелительное наклонение, императив, нравственность, мораль, совершенство.

Российский ученый В. В. Колесов в своей работе «Язык и ментальность» отмечает, что концепты «любовь» и «свобода» являются основными в этическом осмыслении всякого сознания и познания. По слову апостола: «Вера, надежда, любовь — и более всех Любовь» — русская ментальность осмыслила этот концепт как символ единения, близости и дружеской симпатии [1, 37]. Словарь Владимира Даля определяет «любовь» следующим образом: «состоянье любящего; страсть, сердечная привязанность, склонность; вожделенье; охота, расположенье к чему-либо» [2,875]. Из четырёх обозначенных состояний важны три последние: привязанность от склонности до страсти; сильное желание; избранье или предпочтенье по воле (не рассудком), иногда вовсе безотчётно и безрассудно. Эти со-значения — культурного происхождения, христианская этика вложила в славянское слово значения слов греческих: φιλιά 'привязанность в дружбе', έρως 'страсть в наслаждении', άγάπη 'христианская любовь к ближним (в оценивании их качеств)'.

Как указывает Колесов, «в своей многозначности, не сводимой к внутреннему развитию значений от одного к другому, любовь — это символ: «идеальное начало общественных отношений, по христианству, есть не власть, а любовь» [1, 78]. Собирательно-общее представление о любви как символе подтверждается тем, что в русских говорах сохраняется множество слов, обозначающих частные проявления данного чувства, именно как конкретного чувства, а не идеи концепта. Среди таких слов дроля 'возлюбленный', дрочить 'нежить', 'баловать', жалеть 'любить', ласка, милый, 'любимый', миловаться, рачительный 'заботливый', страдание и страсть как проявление любви и т. д.

Колесов в своей монографии «Язык и ментальность» отмечает: «Подвижник средневековой Руси Нил Сорский описал это чувство как борьбу со страстью, опустив за ненадобностью два момента: завлечение и сомнение. Монах-аскет не приемлет их вовсе. Учёный развивает точку зрения, согласно которой «доступными ему средствами язык последовательно вырабатывал новое представление о любви. Не только

в изменении форм (любы > любовь) с особым произношением и ударением, но и с помощью новых производных слов, которые множили мысль об оттенках и формах любви. Винительный, падеж прямого объекта любовь, заменил собою старую форму именительного падежа любы — показательный факт: в любви важен тот, которого любишь, а не ты сам. По значению и по форме идеально-абстрактная сила любы превратилась в земную любовь» [1, 104].

Иными словами, любовь — земное чувство. Другое дело — божественная любовь, когда человек, преодолевая пороки, стремится стать духовно, нравственно чище, приближая тем самым себя к Богу, к мечте «идеальный человек в идеальном мире».

Как далее отмечает исследователь, «в земной любви развитие чувства идёт от действительного «предмета» к образу и идеалу, который строится в мысли с помощью личных оценок и признаков, извлечённых влюблённым из помысленных определений и свойств. В момент идеализации (кристаллизации чувства) возлюбленному приписываются признаки идеального существа, что, на наш взгляд, выражается в идеальных наклонениях глагола.

По утверждению ученого В. М. Никитевича, именно формы наклонения по существу делятся на две группы: к первой группе относятся формы изъявительного наклонения (как выражающие реально существующее действие); ко второй группе — формы условно-желательного и повелительного наклонения (как выражающие нереальное — возможное, предположительное или желательное действие). Как далее отмечает исследователь, форма условно-желательного наклонения содержит (вне контекста) непосредственное указание лишь на то, что действие не существовало и не существует (читал бы), а форма повелительного наклонения выражает побуждение к действию «собеседника» со стороны «говорящего» (читай). В этом смысле абстракция форм повелительного наклонения более конкретна, и с условно-желательным их объединяет лишь общий признак нереального действия, то есть то, что противопоставляет их формам изъявительного наклонения. Как справедливо утверждает учёный, характер абстракции в формах наклонения заставляет задуматься над тем, почему формы прошедшего и будущего времени относят к изъявительному наклонению. Ведь они также, на первый взгляд, не выражают совершающегося действия. Исследователь, со ссылкой на А. А. Потебню отмечает что, изучая происхождение «идеальных» (то есть обозначающих не существующие в действительности явления) наклонений, Потебня указал на логическую близость с ними форм прошедшего и будущего времени.

Иными словами, в своей основе формы времён выражают реальное действие в настоящем, прошлом, будущем. Всё это (наличие парадигмы времён, общность значений, реальный характер обозначаемого действия) объединяет формы времён как формы одного наклонения — изъявительного. Форма же повелительного наклонения, например, работай, не является формой времени, так как ей не могут быть противопоставлены в значении повелительного наклонения формы с другим временным значением. Повелительное наклонение (как и сослагательное) не имеет категории времени. Именно поэтому оно относится к «идеальным», «косвенным» наклонениям и принципиально отличается от «прямого» — изъявительного наклонения. Независимо от того, насколько точно мы определяем границы грамматического содержания между отдельными наклонениями, совершенно ясно формулируется определение наклонения в целом. Обозначая реальное, нереальное или возможное действие, категория наклонения, тем самым, выражает отношение действия к действительности.

Значимым является тот факт, что идеальное наклонение, воплощающее концепт ‘любовь’, устанавливает отношение действия к действительности, где говорящий совершенно несознательно выражает всю сложнейшую гамму оттенков, характеризующих действие. Любовь в представлении Нила Сорского — это энергия душевного порыва, человек сам растит в своем сердце такое чувство. В первую очередь — это любовь к ближним, затем к Богу. Когда Нил изредка покидал скит ради какого-нибудь значительного церковно-общественного дела, он и в миру демонстрировал эту свою способность к любви, состраданию и милосердию по отношению к братьям-христианам. Именно в этом ключе христианской любви строилась его позиция в защите тех русских богоискателей, которых иосифляне называли «жидовствующими».

Нилу удавалось без затруднений исполнять евангельскую заповедь: «возлюби ближнего твоего, как самого себя». Секрет бестягостности этой любви был для него прост: любовь к Богу наделяла его способностью любить людей и, наоборот, — любовь к людям способствовала возрастанию его любви к Богу. Отмеченный печатью Божьих благословений, Нил Сорский служил светочем любви в мире жестких нравов народа, пребывавшего еще только в поиске цивилизован-

ных форм государственного общежития. По словам Нила, нельзя любить Бога, которого не видишь, если не любишь брата своего. Любовь, в понимании русской ментальности — это преображение форм свободы. Не случайно Колесов подчеркивает: «Энергия духовного порыва в описании Нила также развивается, отражая идеальные формы любовного чувства, в последовательности тех движений, что и у земной. Развитие любовного чувства идет как бы к горизонту — к цели, в пространственном размещении. Это жар души. Духовный экстаз статичен, он воспаряет вверх на одной и той же точке человеческого сердца. Это горение духа.

На протяжении всего Средневековья противопоставление мирской и божественной любви осознавалось на уровне языка: любовь и любы, в определениях любой и любый, любимый и любезный.

В русской ментальности любовь понимается как свободное личное чувство, доступное вольному избранию, поэтому и слово любой значит какой угодно любый. По исходному смыслу корня это приветствие целованием, откуда метонимическим переносом последовательность значений 'целовать' > 'соединяться (в поцелуе)' > 'обещать' нечто. Любовь как действие предстает страстным желанием, окрылённым надеждой, в которую верят, — вера, надежда и любовь даны в слиянном единстве созревшего в сердце чувства».

Как чувство природное, любовь не знает национальных различий и предстаёт в единстве своих проявлений; но как идеальная сущность, как концепт народной ментальности любовь предстаёт по-разному. В частности, у отцов церкви, у Нила Сорского она — неземная, к Богу. Нил Сорский с восторгом передаёт слова Симеона Нового Богослова, писавшего об этом чудесно-восторженном состоянии, что выражается в анализируемых текстах при помощи глаголов 1-го, 3-го лица единственного числа постоянного настоящего времени и глаголов будущего времени: «Кіи языкъ изречетъ! кіи же ли умъ скажетъ? кое слово изглаголетъ? Страшно бо, въ истину страшно, и паче слова. Зрю свѣтъ, его же миръ не имать, посреди келіа на одрѣ сѣдя; внутрь себе зрю Творца миру, и бесѣдую, и люблю, и ямъ, питаяся добрѣ единымъ бо видѣніемъ и съединився ему, небеса превъсхожду. И си вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, не вѣмъ. И о Господѣ бесѣдуа, рече: любить же мя онъ, и в себѣ самомъ пріемлетъ мя и на обіятіяхъ съкрываетъ, на небеси будущи, и въ сердци моемъ есть, здѣ и тамо зритъ ми ся» [3, 29–30].

В древнерусской религиозно-философской мысли, а именно в учении Нила Сорского, показана идея евангельской, Христовой любви. Высшая задача — познание любви к Богу. Ведь ради любви к Богу преподобный Нил и покинул мир, полностью сосредоточился на постижении Божественных тайн, достигая таинственных глубин религиозно-мистических учений. Вторая задача — любовь к ближним, без чего не может быть любви к Богу: «ко ближнимъ нашымъ… любовь имети, и аще близъ насъ обрящутся, словомъ и деломъ показати, аще возможемъ сохранити и Божию, о нихъ же извѣстуемся, яко къ съзиданію и и справленію душамъ творити бесѣдованіе, имущее силу с художьствомъ слышати и рещи полезна. Сіа же вся, яже написахъ, аще суть къ благоугодженію Божію и ползе душамъ, тако творимъ; аще ли ни, лучьшее да бываетъ, еже угодно Богу и полезно душамъ» [3, 9].

В приведённом материале использованы глаголы 1-го лица множественного числа с оттеноком призыва, инфинитив, глаголы 3-го лица единственного числа в сочетании с частицей да с позитивным началом, что подчёркивает позицию Нила Сорского в плане проповедования им идей евангельской, Христовой любви. Кроме того, любовь к ближнему, согласно позиции Нила Сорского, является условим объединения людей и избавления их сердец от многих грехов.

В толковании Нила Сорского, евангельская любовь приобретает характер универсальной мировой силы и главного средства преображения человека. Ведь Нил Сорский был глубоко уверен, что человек обязан сам себя держать в руках и исправлять свою природу исключительно нравственными средствами, самовоспитанием, полным проникновением в заповеди Христовой любви. Никакой силой, никакими принуждениями невозможно заставить человека верить истинно, если сердце его не озарено любовью. И даже страх Божий, о котором тоже пишет Нил Сорский, служит лишь импульсом к духовному очищению, к тому, чтобы человек всем сердцем возжелал познания великих евангельских истин Христовой любви: «В началѣ же подобно умыслихъ положити о вѣре. Вѣрую въ единаго Бога, въ Троици славимаго Отца и сына и Святаго Духа, единусущну и нераздѣлну. Такоже и въплощеніе Сына Божіа вѣрую, и съвершенна Бога, и съвершенна человѣка, того исповѣдую, и прочее исповѣданіе православныа вѣры все приемлю и исповѣдую всею моею душею. Такоже и Госпожу мою святую, пречистую, сущую Богородицу съ многою вѣрою и любовію исповѣдаю и величаю, и славлю. И вся святыя почитаю и пріемлю, и прославляю,

и съединяюся благодатію Христовою, и прибѢгаю вседушно къ святѢи съборнѢи апостолстѢи церкви; и вся ученіа, яже пріятъ отъ Господа и отъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ вселеньскыхъ съборъ и помѢстныхъ, и прочихъ святыхъ отецъ свята церкви пріемши, намъ предастъ о православнеи вѢре и о дѢлныхъ завѢщаніи; сіа вся пріемлю и почитаю съ многою вѢрою и любовію» [3, 4].

В приведённом отрывке использованы глаголы 1-го лица единственного числа, помогающие распознать концепт 'любовь' в текстах Нила Сорского. Глаголы вѢрую, приемлю, исповѢдую, величаю, славлю, почитаю, пріемлю, съединяюся, прибѢгаю, пріятъ, заключающие созидательное начало, показывают глубокую веру и убежденность Нила Сорского в том, что только настоящая вера в Бога, только лишь самовоспитание и самосовершенствование, любовь к ближним приведут, в конечном итоге, к истинной евангельской любви, морально-нравственному совершенствованию.

Таким образом, посредством концептов 'умное делание', 'любовь' в картине мира Нила Сорского передаётся идея о том, что вера в истинную евангельскую любовь позволяют человеку достигнуть состояния истинной, полной «внутренней свободы», когда человек зависит лишь от Бога и ни от кого более.

Список литературы:

1. Колесов В. В. Язык и ментальность. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 403–415.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 3 П-Р. – М.: Терро, 2000. – 1782 с.
3. Устав скитского жития «О жительствѢ святыхъ отецъ сіе преданіе старца Нила пустынника ученикомъ своим и всѢмъ прікладно имѢти сіе». – М.: Изданіе книгопродавца И. А. Морозова. 1889. – 112 с.

Kolobkova Natalia Nikolaevna, Plekhanov Russian University of Economics,
Volgograd Branch, associate professor, social humanitarian and mathematical disciplines department
E-mail: kolobkovanatalia@yandex.ru

Cross cultural communication in business

Abstract: Cross cultural interaction of business people from the point of view of linguistics is examined in the article. Verbal and non-verbal behavior of representatives of West and East culture is analyzed for the purpose of revealing their national business peculiarities.

Keywords: cross culture, business communication, context, communicative behavior, negotiations, non-verbal communication.

Колобкова Наталья Николаевна, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Волгоградский филиал, доцент, кафедра социально-гуманитарных и математических дисциплин
E-mail: kolobkovanatalia@yandex.ru

Кросс-культурные коммуникации в бизнесе

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы межкультурного взаимодействия людей в сфере бизнеса с лингвистической точки зрения. Анализируется вербальное и невербальное поведение представителей западной и восточной культур с целью выявления их национальных деловых особенностей.

Ключевые слова: кросс-культура, бизнес-коммуникации, контекст, коммуникативное поведение, переговоры, невербальная коммуникация.

Под кросс-культурными коммуникациями мы понимаем общение и взаимодействие людей — представителей различных культур. Термин «кросс-культура» пришел из английского языка (Cross Culture), дословно обозначает «пересечение культур» и рассматривается, как правило, в бизнес-контексте, так как в условиях глобализации именно кросс-культурные коммуникации составляют основу бизнеса.

В современных деловых отношениях очень важно соблюдать социальные нормы поведения, соответствующие бизнес-культуре той страны, в которой ведется бизнес. На переговорах часто возникают сложности, обусловленные именно национальным менталитетом

и особенностями культуры партнеров. Принято различать культуры с низким и высоким уровнем контекста [3, 97]. В низкоконтекстных культурах как, например, американской и немецкой, смысл произнесенных слов лежит на поверхности, его не нужно выводить, анализируя сказанное. Американцы и немцы очень прямолинейны, говорят все что думают, даже в тот момент, когда следовало бы промолчать. Об этом не следует забывать при общении с ними, потому что в противном случае их можно счесть грубыми, высокомерными и бестактными. Для немца является в порядке вещей выдать Вам в лицо все, что он действительно думает. И если ему не нравится Ваша рубашка, он посчитает своим долгом высказать о ней свое мнение, а не делать вид, что она ему нравится. К этому нужно быть готовым, не воспринимать подобные мелочи близко к сердцу и помнить, что главная цель — это заключение нужного Вам договора.

В других же культурах, таких как арабской, персидской, французской, японской, значение контекста очень велико. Зачастую скрытый в словах смысл меняет сказанное на противоположное. Одной из распространенных сложностей, которая может возникнуть в общении с арабами и представителями других восточных культур, является непонимание идеи «сохранения лица» [3, 101]. Большинство арабов никогда прилюдно не выскажут ничего похожего на критику, не проявят открытого несогласия и не скажут «нет». Вместо этого они переведут разговор на другую тему или даже сделают вид, что согласны, таким образом, «сохранив вам лицо», то есть не дадут вам повода расстроиться. Проблема состоит в том, что вам может показаться, что вы пришли к взаимопониманию, в то время как на самом деле не пришли. Многие русские бизнесмены допускают прямолинейность в общении с восточными партнерами, выражают открытое несогласие, предпочитают, чтобы их позицию очень хорошо поняли, и не отдают себе отчета в том, что причиняют «потерю лица» своим арабским коллегам и звучат очень грубо. В общении с восточными бизнесменами необходимо формулировать мысли пространно и очень вежливо.

Своеобразие коммуникативного поведения англичан проявляется в том, что они крайне осмотрительны в словах и поступках. Предпочитают сохранять неопределённость в высказываниях, прибегая к оговоркам. Как правило, избегают категоричных и безапелляционных утверждений в ходе беседы. Стараются не злоупотреблять отрицательными предложениями, т. к. считают, что это может привести к столкновению мнений. Более того, считают некорректным демонстрировать собственную эрудицию. Проявление такой психологической характеристики британцев как «некатегоричность» [2, 117] нашло отражение на языковом уровне: существует широкая палитра средств выражения модальности, разделительные вопросы и т. д.

У каждого европейского бизнесмена есть свой «фасад» — внешний имидж, четко простроенный и выверенный до мельчайших деталей. За ним скрываются реальная мотивация, интересы и цели. Общаясь с французским деловым партнером, необходимо учитывать, что он будет дозировано выдавать информацию в соответствии с тем, кто перед ним. Русская деловая культура строится «от противного»: с первых же минут знакомства с бизнес-партнером русские бизнесмены полностью «раскрываются», а уже после этого начинают постепенно отвоевывать свои границы обратно.

Даже такая незначительная вещь как приветствие в каждой стране имеет свою национальную окраску. Считается, что рукопожатие является общепринятым приветствием. Но в некоторых странах (например, в восточных) пожимать руку женщине неприлично, поэтому при деловой встрече с представительницей иной культуры, лучше подождать, пока она сама протянет вам руку. В странах Средиземноморья, например, Италии и Франции распространены поцелуи в щеку, а в Индии национальным приветствием считаются две прижатые друг к другу перед грудью ладони. В Японии традиционным приветствием является поклон, причем, чем ниже поклон, тем большее проявляется уважение к собеседнику.

Немецкий деловой протокол требует того, чтобы люди приветствовали друг друга крепким непродолжительным рукопожатием, как при встрече, так и при расставании. Это в равной степени относится и к мужчинам, и к женщинам. Обычный кивок головы или легкий приветственный поклон в Германии недостаточен.

Англичане, приветствуя друг друга, избегают физического контакта, крайне редко обмениваются поцелуями и вообще в общении соблюдают достаточно большую физическую дистанцию не менее 1,5 метров [1, 87]. Искусственное сокращение дистанции может рассматриваться как проявление невоспитанности, посягательство на личное пространство.

Согласно общепринятой норме делового этикета в Испании при приветствии мужчины целуют и обнимают друг друга, а иногда даже малознакомых женщин. Такая поведенческая норма испанцев, отражающая их гиперэмоциональность, может быть неправильно декодирована носителями другой линг-

вокультуры, и привести партнёров по общению в состояние фрустрации («культурного шока») [1, 203].

В отличие от американцев, которые обращаются по имени независимо от возраста, в диалоге с японским и французским коллегой обращение по имени недопустимо. В немецкой деловой среде приняты обращения по фамилии с непременным указанием соответствующего звания. Такое обращение на формальном уровне принято даже среди коллег, знающих друг друга не один год.

Самое первое впечатление, которое складывается у россиян, работающих с арабами это гораздо более медленный темп работы и переговоров, чем на западе, и чем порой ожидают русские бизнесмены. Арабы ведут дела в более расслабленном режиме, а встречи, кажется, могут длиться вечно [3, 110]. Главная черта арабской бизнес-культуры: посидеть, покушать, поговорить о жизни, о семье. Деловая беседа с представителями американской или немецкой культуры всегда насыщена, они не отвлекаются на посторонние темы, для них главное — качество и выгода. Что за человек их иностранный партнер, их особенно не интересует. Происходит короткая светская беседа, как небольшой элемент этикета, и сразу переходят к делам, пытаясь разработать наиболее четкий план сотрудничества. С арабами же все иначе. Они предпочитают вести дела с людьми, которых знают лично, которых порекомендовали родственники, или же с проверенными партнерами. Так что на этапе завязывания контактов, нужно быть готовым к тому, что вас захотят очень хорошо изучить, узнать, что вы за человек, можно ли с вами вести дела в долгосрочной перспективе.

Японцы также не любят суеты. Деловую беседу с японцем стоит начинать на абстрактные темы, не имеющие отношения к повестке дня, чем серьезнее деловой вопрос, тем дольше принято общаться о незначительных деталях. Это необходимо для создания «атмосферы сотрудничества», установления контакта и создания «приятного климата» разговора. Следует быть сдержанным в беседе с японцем, нельзя пытаться торопить его медленные высказывания, это может шокировать его.

Не стоит общаться с японцами о философии и религии — это считается бескультурьем. В американской и европейской культуре в короткой светской беседе принято избегать вопросов личного характера. «Невмешательство в частную жизнь друг друга — вот краеугольный камень английской этики». Правилом дурного тона для немцев считается вопрос о деньгах в любом контексте, считается, что это личное дело каждого. Кроме того, в Германии не принято заводить споры о трех вещах — музыке, животных и цветах. Эти области занимают значимые места в жизни каждого немца, и негативное высказывание о них может привести даже к конфликту. У англичан, напротив, в перечень тем для бесед входят погода, хобби, спорт и путешествия.

Что касается ключевой информации, составляющей суть переговоров, то для японцев важно, чтобы она была из официальных источников, поэтому заранее необходимо перевести все официальные документы на японский язык. Японец должен иметь всю информацию о вашей организации, ее историю, имена и фамилия основных сотрудников, вплоть до их биографии.

Немцы также ценят честность и прямоту. Они любят факты и примеры, неравнодушны к цифрам, схемам и диаграммам. Во время переговоров с ними, надо быть логичным в аргументации и точным в изложении фактов.

Французы всегда стараются быть точными в беседе, говорят фактами, поэтому следует занимать такую же позицию при разговоре с представителями данной культуры. Французы всегда убеждены в своем интеллектуальном превосходстве над любой иной национальностью, поэтому имея дело с представителями Франции, необходимо вести себя более официально, чем обычно на встречах такого рода.

Чтобы добиться и заслужить доверие коллеги из США необходимо показать стабильность и прочность своей организации в осуществлении профессиональной и финансовой деятельности. Так же партнеру-представителю американской культуры, необходимо видеть, что вы, представляя интересы компании, заинтересованы не только в корыстной выгоде и финансовом обогащении своей организации, но также для вас имеет значение ответственность перед обществом. Данная заинтересованность является основополагающей в бизнесе американской культуры [2, 217]. Крупные компании в США занимаются благотворительностью, помощью социально не защищенным слоям населения, участвуют в благоустройстве города.

У арабов вызывает восторг торг. Это целая церемония, исход которой зависит целиком от вашего умения общаться и от глубины установившихся отношений [3, 105]. Если вы не торгуетесь, то это может быть расценено как незаинтересованность в сотрудничестве, в результате чего вы просто совершите разовую покупку по самой высокой цене.

В восточной бизнес-культуре решения принимаются медленно, а спешка может быть воспринята

как давление на партнера, что может подпортить вам отношения. Если вам удалось установить отношения и бизнес начал развиваться, то не забывайте в дальнейшем поддерживать эти отношения. Их могут подкрепить регулярные визиты, теплые приемы, всяческое проявление внимания к местным традициям, подарки и очень вежливое общение в любой ситуации.

У немцев в деловых переговорах подход к принятию решения основан на логике и анализе предоставленной информации, а не на интуиции или личных связях и знакомствах. В процессе работы немцы стремятся максимально сконцентрироваться на решении проблемы. Основное внимание концентрируется на целях, которых следует достичь в строгом соответствии с установленными сроками и ключевыми этапами. Однако процесс принятия решения, как правило, проходит медленно. Но если контракт удалось подписать, не следует пытаться продолжить переговоры и что-то еще уточнять. Такое поведение может показаться немецкому коллеге, по меньшей мере, странным.

Во французской бизнес-культуре разговор всегда строится на логике, если ваша речь будет нелогичной, то представитель французской культуры будет обсуждать каждое слово, и таким образом, встреча может затянуться. Не стоит торопить партнеров из Франции с принятием решения, для них деловая беседа — небыстрая процедура. Они, как правило, никогда не принимают решение в процессе переговоров, не нужно удивляться тому, что человек, который отвечает за принятие решений, вообще будет отсутствовать при встрече, а с вами будет вести беседу его представитель.

Не смотря на знания о национальных деловых особенностях, следует помнить и об общечеловеческих правилах и нормах поведения. Каждый деловой партнер — это человек со своими слабостями и недостатками не важно какой национальности он является.

В кросс-культурных коммуникациях нередко именно нюансы играют решающую роль в определении как положительного, так и отрицательного результата. Одна ошибка может и не изменит ситуации, но систематическое проявление незнания культурных особенностей местного бизнеса в какой-либо части света, не даст вашим попыткам увенчаться успехом. Поэтому наряду с подготовкой бизнес-плана или делового предложения, необходимо найти время, чтобы узнать больше о культуре и менталитете интересующей вас страны.

Список литературы:

1. Мельник А. Язык жестов. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2003.
2. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США. Канады, Австралии. Новой Зеландии. – М./СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004.
3. Стерлин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры//Этнокультурная специфика языкового сознания: РАН. Ин-т языкознания. – М., 1996.

Hatschmafova Zaineta Ruslanovna, Adygeische Staatsuniversität,
Doktor der philologischen Wissenschaften,
Leiterin des Lehrstuhls für die deutsche Philologie.
E-mail: zaineta@nextmail.ru

Efremov Alexandr Alexandrovitsch
Kandidat der philologischen Wissenschaften,
Dolmetscher in der Öl und–Gasgesellschaft der Republik Adygeja.
E-mail: vibesbringer@yandex.ru

Bersirova Safiat Aminovna, Adygeische Staatsuniversität,
Kandidat der philologischen Wissenschaften,
Dozentin des Lehrstuhls für die deutsche Philologie.

Syntaktische Modelle der Zusammensetzung der metaphorischen Begriffe in der Terminologie der amerikanischen Öl –Gasindustrie

Inhaltsangabe: Im vorliegenden Beitrag werden die Hauptarten der syntaktischen Explikation der metaphorischen Begriffe in der Terminologie der amerikanischen Öl–Gasindustrie analysiert. Es werden die produktivsten syntaktischen

Modelle der Zusammensetzung der metaphorischen Begriffe beschrieben: substantivische, verbale, adjektivische und adjektivisch-substantivische.

Stichwörter: Metapher, metaphorischer Terminus, konzeptuelle Integration, syntaktische Modelle, amerikanische Erdöl–Gasindustrie.

Хачмафова Зайнета Руслановна, Адыгейский государственный университет,
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии,
E-mail: zaineta@nextmail.ru
Ефремов Александр Александрович, кандидат филологических наук,
переводчик в нефтегазовой компании в республике Адыгея.
E-mail: vibesbringer@yandex.ru
Берсирова Сафиат Аминовна, Адыгейский государственный университет,
кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии

Синтаксические модели образования метафорических терминов в терминологии американской нефтегазовой отрасли

Аннотация: В статье анализируются основные способы синтаксической экспликации метафорических терминов в терминологии американской нефтегазовой отрасли. Описываются наиболее продуктивные синтаксические модели: субстантивные, глагольные, адъективные и адъективно-субстантивные.

Ключевые слова: метафора, метафорический термин, концептуальная интеграция, синтаксические модели, американская нефтегазовая отрасль.

В современной науке метафора выполняет роль когнитивного механизма, с помощью которого в конкретных терминах осмысливаются абстрактные понятия. Так, по мнению Э. МакКормака, сама природа науки определяет для учёного востребованность метафоры в качестве мостика между старыми и новыми теориями и только при помощи метафоры возможно создание новых смыслов в новых теориях [1]. А. П. Чудинов определяет метафору как «ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [2, 43]. Всякая метафора является продуктом «творческого когнитивного процесса, на который оказывают непосредственное влияние язык и свойственный данной культуре способ концептуализации действительности» [3, 66]. Функционируя в профессиональной сфере общения специалистов, метафора становится уникальным инструментом узконаправленной коммуникации, позволяя построить диалог между специалистами за счёт диалогичности, лежащей в основе метафорических терминов. Метафора в науке выполняет не только функцию номинации нового знания, когда в результате научных открытий возникает необходимость в том, чтобы донести научное знание в доступной форме до целевого реципиента, но и познавательную функцию, являясь, таким образом, средством приобретения нового знания или расширения уже существующего.

Процесс метафоризации играет огромную роль в терминообразовании. Использование слов общеупотребительного языка в функции терминов является одним из наиболее распространённых способов формирования научных терминологий. «Метафоризация — это процесс, приводящий к получению новых знаний о мире в ходе его оязыковления путем использования уже имеющихся в языке наименований» [4, 46]. Специфика терминологической метафоризации заключается в представлении научного «неизвестного» через «известное» за счёт использования знакомой, освоенной лексической единицы в новом переосмысленном значении. Объяснение нового процесса или явления через уже знакомую по опыту информацию является эффективным средством познания научного мира. Метафорический термин — термин, построенный путём метафорического переосмысления лексической единицы, привлечённой из определённой области-источника.

В терминологии американской нефтегазовой отрасли терминологическая метафоризация служит когнитивным механизмом образования новых терминов. В процессе метафоризации осуществляется концептуальная интеграция разных типов знания, которая предполагает переосмысливание знаний с учётом фоновой информации и новой области специального знания. Структурный анализ нефтегазовых

метафорических терминов (далее НГМТ) направлен на определение эффективных способов синтаксической экспликации метафоризации в исследуемой терминологии. Установление наиболее продуктивных синтаксических моделей, участвующих в создании метафорических терминологических единиц, позволило с достаточной точностью спрогнозировать наиболее перспективные структурные модели для дальнейшего развития корпуса метафорических терминов американской нефтегазовой отрасли.

В ходе анализа нефтегазовых метафорических терминов выявлены различные способы синтаксической экспликации метафоризации в терминологии американской нефтегазовой отрасли, которые выражены субстантивными, глагольными, адъективными и адъективно-субстантивными моделями. По внутренней структуре НГМТ делятся на однословные и многословные: двух-, трёх-, четырёхсловные термины. В совокупности многословные термины составляют 1341 единицу (69%) метафорической части терминологии американской нефтегазовой отрасли, тогда как на долю однословных терминов-метафор приходится лишь 603 единицы (31%).

Доминирующим структурным образованием в исследуемой терминологии являются двухсловные метафорические сочетания, в составе которых как минимум один из компонентов является метафорической номинацией. В исследуемом корпусе метафорических терминов двухсловные метафорические сочетания составляют 1244 метафорические единицы, что соответствует 64%. Из этого количества 751 термин (38,6% от общего количества метафорических терминов) образован по субстантивной модели N+N (*Christmas tree*; *attic hand*), 236 (12,1%) — по адъективно-субстантивной модели A+N (*barefoot completion*; *blind hole)*, 83 метафорические единицы (4,3%) — по глагольной модели V + послелог (фразовые глаголы) (*to ball up; to dress off*, 60 метафорических единиц (3,1%) по глагольной модели — V + Obj (переходные глаголы) (*to get a bone*; *to harness a well*, 39 метафорических единиц (2%) — по модели причастие I + существительное (Part. I + N) (*bleeding core*; *screaming monkey*), 38 метафорических единиц (2%) — по модели N's + N (*cat's ass; crow's nest*), 19 единиц (1%) — по модели Part. II + N (*baldheaded derrick*; *honeycombed cement)* и 18 единиц (1%) — по модели N+of+N (*life of well; shoulder of hole)*.

Следует отметить, что первый компонент модели N+N выполняет атрибутивную функцию, являясь отражением характерной черты английского языка. Данная особенность проявляется в отсутствии в английском языке полноценного разряда относительных прилагательных. Как следствие, в атрибутивных словосочетаниях, состоящих из двух существительных, первое выполняет атрибутивную функцию, являясь определением ко второму. На втором месте по распространённости следуют однословные термины, на долю которых приходится 603 (31%) метафорические единицы, из которых 486 (25%) представлены существительными N (*barker*; *doodlebug*), 40 (2%) — прилагательными A (*dead, puking)* и 77 (4%) — глаголами V (*to fart*; *to strip)*.

Из 486 метафорических единиц, выраженных существительными, на долю простых слов приходится 314 единицы (*rabbit, worm*), на долю производных (образованных аффиксальным способом) — 90 единиц (*stripper*; *killer*), 82 единицы (*wildcat*; *headache*). Трёхсловные метафорические термины представлены 78 терминологическими единицами (4%), из которых наиболее активна субстантивная модель образования — 63 единицы (3,2%) (*possum belly tank*; *boll weevil corner*). На долю четырёхсловных метафорических сочетаний приходится 19 единиц (1%) (*oil and gas window, to be on the big sprocket*).

Резюмируя итоги проведённого нами структурного анализа НГМТ, можно сформулировать следующие выводы. Анализируемый материал представляет собой 1341 многословный метафорический термин, что составляет 69%, в то время как на долю однословных метафорических терминов приходится 603 единицы (31%). Соотношение между однословными и многословными метафорическими терминами не противоречит тенденции, выявленной при исследовании других терминологий. Доминирующим структурным образованием являются двухсловные метафорические терминосочетания — 1244 единицы (64%). На втором месте по распространённости следуют однословные термины — 603 единицы (31%). Практически все метафорические термины, состоящих из трёх компонентов, построенных на основе двухсловных терминов (*boll weevil — boll weevil corner, boll weevil stunt*; *Christmas tree — wet Christmas tree, dry hole — dry hole money, live well — live well workover*). Наиболее продуктивными являются субстантивные модели (1362 единицы — 70%): однословные — N; двухсловные — N+N; N's+N; N+of+N; трехсловные и четырёхсловные. Роль конечного элемента в структуре НГМТ преимущественно выполняют имена существительные, что свидетельствует о развёртывании процесса терминообразования в направлении

от имени существительного к имени существительному.

Терминологическую цепь отличает её преимущественно открытый характер, что указывает на наличие высокого терминоообразовательного потенциала. Данная особенность проявляется в том, что конечные звенья представлены производными, от которых система способна образовать новые единицы (*mouse hole — mouse hole connection, slim hole — slim hole drilling*). Метафорические термины формируются в соответствии с типичными синтаксическими моделями, характерными для английского языка, что свидетельствует о системности метафорических терминов терминологии американской нефтегазовой отрасли.

Список литературы:

1. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры/Э. МакКормак//Теория метафоры. – М., 1990. – С. 358–386.
2. Чудинов А. П. Политическая лингвистика/А. П. Чудинов. – М.: Флинта, 2006. – 255 с.
3. Lipka L. Words, metaphors and cognition: A bridge between domains/L. Lipka//Words: Proceedings of an International Symposium, Lund, 25–30 August 1995/Ed-d. by J. Svartvik. – Kungl. Vitterhets Historie och Antikviets Akademien. – Konferenser 36. – Stockholm, 1996. – P. 49–71.
4. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция/В. Н. Телия//Метафора в языке и тексте. – М., 1988. – С. 26–52.

Khodak Oksana Vasylivna, Precarpathian Vasyl Stephanyk National University,
postgraduate student, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: kow2008@ukr.net

Extra-linguistic influences on the development of Middle English motion verbs

Abstract: The article considers the extra-linguistic factors of semantic development of Middle English motion verbs. It is stated that the changes in the Middle English lifestyle led to the evolution of motion verbs. The additional factor was the contact with the other languages.

Key words: Middle English, motion verbs, language contact, borrowing, substitution, extension/narrowing of a synonymic row.

Every language is an open system able to interact with other systems including politics, economy, and state. It comes under outer influences which change processes running within a language. Being an inherent component of the language, semantics is influenced by the extra-linguistic factors together with other subsystems. This interdependence of the language development and outer influences has been studied by many prominent linguists since the very beginning of linguistic studies.

The problem drew the attention of W. Humboldt, R. Rask, U. Weinreich, M. Muller, K. Leipzig, H. Sweet, G. Paul, F. de Saussure, A. Schleicher and others. These scientists singled out the culture and language mixing as one of the main ways of language development. Later outer factors of the language evolution were studied by E. Sapir, L. Bloomfield, E. Meillet, and B. Whorf. The great research was carried out by E. Haugen and U. Weinreich. The latter developed the theory of semantic interference of the languages in contact. The new approaches to the problem were proposed by R. Appel, P. Misken, E. Moravchik, E. Traugott, S. Tomason, E. Kaufman, U. Slagle, and C. Myers-Scotton.

Most of the researches on language contact deal with modern languages while the works on the history of the language cover structural changes more than their reasons. Our paper attempts to connect the semantic development of a certain word class with the changes in political and cultural life. The choice of motion verbs is important as this class of verbs is available in every language of the world. So, in our opinion, any changes in the sphere of motion verbs are to be caused by an extremely powerful mix of influences. With this research we shall try to explain relation of the semantic change with the developments in the life of the nation. The above-mentioned statements form the **actuality** of our research.

The **aim** of our research is to study the change in semantics of motion verbs from Old to Middle English.

Semantic change is the continuous process in the language evolution. The reasons, ways and stages

of this process are under constant observation of scholars. U. Slagle studied the peculiarities of semantic change in the English language. The author named three types of semantic change, including borrowings. By mentioning that the author states that outer influx took an important part in the developing of the English semantics [1, 25]. The chief driving force in the semantic development is pragmatics. U. Slagle states that pragmatics links the inner and outer processes in language change, because during a conversation a meaning of the word evolves. It is constructed collaboratively and depends on the purpose of a speech act [1, 25]. Achieving this purpose presupposes using elements of a collocutor's speech, especially in the situation of a cross-lingual language contact. So, the successful act of communication requires certain pragmatic strategies.

Describing the mechanisms of the contact-induced language change S. G. Thomason mentioned the strategy of negotiation. The essence of this language phenomenon is purely pragmatic, as speakers try to make their speech similar to that of the collocutor. This is tightly bound with the non-linguistic phenomena. As it was mentioned by U. Slagle "the connection of language with non-linguistic facts … gives meaning to words and significance to sentences. None can understand the word "cheese" unless he has a non-linguistic acquaintance with cheese" [1, 27]. Basing on this we may state that any changes in outer reality cause shifts in the meaning of words and sentences. People react to them with the purpose of reaching the best possible outcome of any communication act. So, pragmatics of intercourse is the platform, where reality and semantics of the utterance clash.

C. I. Lewis shows the connection between pragmatics and the outer reality. He states that psychologically and cognitively, meaning altogether is derivative from the sensuous criteria of recognition. We have certain matters before our minds presented in experience, or as represented; and the whole business of language and thinking is the necessity of signalizing empirically presented and presentable items. Any usefulness of a linguistic item consists in its ability to render consistently our experience [3, 141].

New experience people acquire in the course of their historic development influences the way the reality is represented in human mind. Thus every new event brings changes to the semantics of a certain language. That is proved by the development of the motion verbs in the Middle English period.

We have examined 102 motion verbs in Middle English. The etymological analysis showed that 53% of them are of foreign origin. 32% of the motion verbs came from the French language. The adoption of such a big amount of foreign verbs was brought about by both extra- and intra- linguistic factors. C. Millword in his research of the history of phrasal verbs stated that there were certain reasons for such evolution:

1) inner trends in the language development, i. e., the system was overloaded functionally and semantically which created a space for new forms;

2) the empty space was filled with new borrowed items which were less complicated and served better in the conditions of the intensive language contract [4, 157].

These reasons had an influence on all the lexical classes of verbs including verbs of motion. The latter changed in form and meaning.

Formal changes were produced by substitution of old items by new ones respectively. For example Old English *acreopian* was replaced by the word *creulen* of Scandinavian origin. These words were close in semantics, so the substitution brought no loss or widening of a corresponding notion.

The case of a word substitution is a simple type of the contact-induced language change the system of motion verbs underwent. The more complex ones are as follows:

1) narrowing of a synonymic row;
2) narrowing of meaning;
3) borrowing a concept.

The loss of synonyms was a well spread type of semantic shift. It presupposed the loss in shades of meaning.

Complex notions in the Old English were represented by a couple of synonyms expressing different semantic hues. Within a couple of centuries the invariants disappeared. The corresponding notions came to be expressed by a smaller number of words. In course of our research we have found the following examples of such a phenomenon: the Middle English word *abandon* (Old Fr. *abandoner*) substituted for Old English *forlætan, anforlætan, ofgiefan*; the word *bendan* survived from Old English, but has lost most of its Old English synonyms, such as: *abegan, abugan, ahieldan, bugan, gebugan, onbugan;* the word *caccen* (Old Fr. *cachier*) substituted *gefon, fon, berœpan, gehœftan, gelœccan, lœccan*; the word *depart* (Old Fr. *departer*) had variants *afaran, forþletan, geleoran, gewitan*; the word *drive* (Old Eng. *drifan*) had variants *adrifan, adrœfan, fordrifan, cnossian, oþþringan, afliman*; the word *leave* (Old Eng. *lœfan*) had the synonyms *afaran, forlœtan, geleoran, lœftan, lœtan*; the word *move*

(Ang.-Fr. *mover*) corresponded to Old English *astyrian, hweorfan, onhreeran, onstyrian, æthrinan*; the word *rush* (Ang.-Fr. *russer*) substituted Old English *astellan, ræsan, geþpreingan, þpringan, ætspringan*; the word *seize* (Old Fr. *seisir*) ousted Old English *cepan, begietan, fon, gefon, gelæcan, genimman, geræcan, læccan, oferfon*.

If we examine the verbs in question, we would see that all of them (*to abandon, to bend, to catch, to depart, to drive, to leave, to move, to rush, to seize*) referred to semantic fields of nomadism and hunting. The evident loss in the means of expression suggests that these notions reduced their importance in the Middle English period.

As we see it, this process was caused by the change of political and economic circumstances. The development of trade and manufacturing led to the rise of cities. The old types of activities were substituted by the new ones which were less dynamic. Farming and manufacturing became main trades among people. It could not but be reflected in the English language. This might be explained by the theory of linguistic determinism suggested by B. L. Whorf. According to this theory the world is presented in kaleidoscopic flux of impressions which have to be reflected in our minds, i. e., by the linguistic system in our minds [5, 212]. P. Kay adds that the structure of anyone's native language strongly influences or fully determines the world-view he will acquire during learning the language [6, 67]. On the other hand, non-linguistic factors, such as the change of the lifestyle lead to the change of experience, concepts and, after all, words rendering these concepts.

Applying the Whorfian theory to the situation in the Old and Middle English we may state that within a couple of centuries some distinctions between different kinds of meaning became less noticeable for the speakers of the language and, thus, disappeared. For example, the word *move* replaced *astyrian (to remove, to move violently, to raise violently), hweorfan (to move in spiral trajectory), onhreeran (disturb sb. in motion), onstyrian (to excite, to raise), æthrinan (touch sb. in motion)*. This loss of synonyms suggests that such notions as *to move violently* became used less often and lost their urgency.

The number of borrowings among the verbs of motion shows that the change of lifestyle coincided in time with the strong intercultural influence. Eliminating distinctions between motion verbs left the empty space to be filled with the borrowings from other languages.

The contact with speakers, who did not differentiate between the types of motion as precisely as English people, boosted the obliteration of distinctions. Here the following phenomena took place. The negotiation strategy, described by S. Thomason, made the speakers of Old English try to sound, behave and look more similar to the conquerors who took the upper hand [2, 142]. The contact was so intensive that they borrowed not mere words, but borrowed them with the concepts altogether. Here the Whorfian linguistic determinism theory comes in action. The newly acquired language influenced the way of Old English speakers' thinking. The new language did not have the same distinctions of motion verbs as the Old English had. So, the speakers of the Old English reduced such distinctions to conform to the new language patterns.

The other phenomenon in the sphere of motion verbs was the narrowing of the meaning of Old English verbs. Polysemantic lexemes were often substituted by the borrowed verbs with narrower meanings. The new items did not share the semantic shades of the old ones. For example, the Old English word *geferan* had the following meanings: *to avoid, to finish, to get, to boost, to suffer, to subdue*. In Middle English it was substituted by the French *avoider*. But the newly borrowed word did not share all the shades of meaning of its predecessor and was used in the contexts close to modern.

E. g.: *of v. marcs, graunted for terme of her lyff of the Manor of Drayton, and advise them, as they woll* ***avoid*** *our grevouse displeasure, to see her aswele?erof yerely contented as of?at she is behinde un …* (Peter Langtoft's Chronicle, d. 1307)

In this example the word *avoid* is used in the meaning of *to keep off some problem*. It is plain to see that the variants *to finish, to get, to boost, to suffer, to subdue* cannot be used in this context.

Another example of the narrowing of the meaning is an Old English verb *dugan* which had the meanings: *to achieve, to be useful, to be able to do smth., to be honest, to be kind*. In the Middle English period it was substituted by the word *achiever*, that meant *to achieve, to fulfill, to finish*.

E. g.: *… was seid/To slepe upon the bedd is leid,/In hope that sche scholde* ***achieve****/Thing which stod thanne upon bilieve,/Fulfild of alle holine/…*

ce falle/That he hire love myhte grieve,/Which he himself mai noght ***achieve****/This Galathee, seith the Poete,/Above alle othre was unmete/…* (The Stonor Letters, d. 1325–1408).

In these examples the meaning of the word *achieve* is obvious, as the context does not allow us to use it in the sense *to be able to do smth., to be honest, to be kind.*

As we can see the borrowing of foreign words resulted in the shift of semantics. The notions that were rendered with the help of one lexical item had to split to be expressed by different words and phrases. That shows

that the bearers of Middle English did not borrow new words to express existing concepts, but borrowed separate concepts unchanged.

It was already mentioned that the period under study was characterized by the great changes in political and economic life of the nation. The names of the new activities found no correspondences in the Old English language. So the new words were borrowed altogether with the notions they rendered. The examples of such words are: *elevate, evade, skim, and vibrate*. The same thing refers to the words bound in phrases. The Middle English *caccen* (PDE *catch*) extended its meaning in the phrases like *caccen hete, caccen cold, caccen name*. As a part of a phrase the word *caccen* acquired the meanings *to warm up, to get ill, to earn a good name*. The same changes happened to other motion verbs. W. Sypferd states that the Middle English verbs *beren*, *nimen* and *taken* formed the phrasal units after the pattern of the French words *prendre* and *porter* [7,92]. The author gives the example of word combinations with the word *taken*: *taken fulluht* (take baptism, e. g.: *And taken well wiþ his fulluhht*), *taken flésh* (take flesh — *And he toc flæsh*), *taken bissne* (*take example*). W. Sypferd states that these phrases had the correspondences in French [7, 94]. As we see it, using words in the new collocations changes semantics of a certain verb adding the new shades of the meaning.

Borrowing of a meaning is a classic example of the contact-induced change in semantics. It is a language mechanism that enables intercultural contact, and the constant competition between the recipient and donor languages. The result of this process may be a birth of a new language or a death of an existing one. If a language does not die it changes profoundly, like it happened to the Old English.

So, the development of the Middle English motion verbs depended on the changes in the life of the language bearers. In the Old English period the lifestyle of British tribes was close to nomadic. According to the theory of linguistic relativity, their life connected with constant moving, travelling and hunting determined the number of words, used for certain types of motion. The comparison showed that in some cases one Middle English verb replaced from two to six verbs of Old English. The notion of moving was actual for the bearers of language, so they differentiated between different semantic shades of the notion.

The evolution of trades, growing cities and war conflicts brought the changes to the British lifestyle. The categories that were important formerly lost their urgency. On the other hand new notions appeared in the course of cultural development or foreign influences. To conform to the demands of reality, the language should have changed.

It should be mentioned that the English language underwent a strong influence during the Norman Conquest. The Britons came into contact with people who thought through other categories. The conquerors brought new concepts differing from the existing ones in the shades of meaning. Trying to conform to the speech of conquerors, the British people accepted their patterns both in form and meaning. There are cases when they substituted their national variants by the borrowed ones, keeping the meaning of the national variant. In other cases they borrowed the whole concept and used it instead of their own one, losing the peculiarities of the Old English motion verbs. So, the language contact and the natural development of lifestyle were the factors that shaped the development of the semantic system of motion verbs.

References:

1. Slagle, U. Language, Thought and Perception: A Proposed Theory of Meaning. – Mouton, 1974.
2. Tomason, S. Language contact. – Edinburg, 2011.
3. Lewis, C. I. An analysis of knowledge and valuation. — La Salle, 1941.
4. Millward, C. M. A biography of the English language. – Boston, 2012.
5. Whorf, B. Language, thought and reality. – Massachusetts, 1956.
6. Kay, P. The linguistic significance of the meanings of basic color terms//Language. – Berkerley, 1978.
7. Sypherd, W. Old French Influence on Middle English Praseology. – Chicago, 1907.

Shevchenko Alexander Ivanovich
Candidate of philological sciences, associate professor of the department of theory and practice of translation from the English language of Zaporozhye National University, Zaporozhye (Ukraine)
E-mail: shevch.alex@gmail.com

Teleological explanation as a discourse phenomenon (based on the English language publicistic discourse)

Abstract: This critique is focused on teleological explanations as a language means of actualisation of teleological aspects of meaning in the English language publicistic discourse. Relying on various criteria and on expansive empirical material the author analyses the types, subtypes and functions of teleological explanations in the actualisation of the textual concept, which is viewed by the author as an equivalent of the final purpose.

Keywords: teleological explanation; teleological sentence; teleological description; disposition; textual concept; publicistic discourse; final purpose.

Шевченко Александр Иванович
Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода с английского языка, Запорожский национальный университет, г. Запорожье (Украина)
E-mail: shevch.alex@gmail.com

Телеологическое объяснение как дискурсивный феномен (на материале англоязычного публицистического дискурса)

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению телеологических объяснений как языковых средств актуализации телеологических аспектов смысла в англоязычном публицистическом дискурсе. На основании различных критериев и на широком эмпирическом материале автор исследует типы, подтипы и функции телеологических объяснений в актуализации текстового концепта, рассматриваемого с определенной долей условности в качестве эквивалента финальной цели.

Ключевые слова: телеологическое объяснение; телеологические “предложения”; телеологическая дескрипция; диспозиция; текстовый концепт; публицистический дискурс; финальная цель.

Целью данного исследования является рассмотрение телеологических объяснений как языковых средств актуализации телеологических составляющих смысла в англоязычном публицистическом дискурсе. Телеология сосредоточена прямо или опосредованно на сопряженных с понятием цели деятельностных сторонах бытия, связаных с процессуальными аспектами действительности. Процессуальность (kinesis) как сущностная характеристика жизнедеятельности проявляется в виде динамичных процессов: трансформации объектов реальности, их изменении, росте, передвижении в пространстве [1, с. 103; 5, с. 447]. Мы исходим из того, что понятие цели (purpose) может включать цель деятельности или действия (goal), природную функцию (natural function), функцию, предписанную искусственно созданному объекту (artificial function) [См. 7, с. 218].

Понятие телеологичности, обозначающее поведение целесообразное и отвечающее природе [7, с. 5], применимо как к неживым объектам, так и одушевленным. Внутренне присущей (intrinsic) целью человека как биологического вида является “рациональная деятельность” [3, с. 56]. Необходимо подчеркнуть, что среди живых существ человек выделяется тем, что удовлетворение универсальных для всего живого биологических потребностей и достижение связанных с ними целей осуществляется с опорой на морально-этическую составляющую сознания с учетом категорий добра и зла [См. 2; 7, с. 5]. Включение морально-этической составляющей в процесс целеполагания предопределяет специфику так называемой “телеологии

человека" (human teleology) [8, с. 58]. Именно данный фактор обусловливает релевантность телеологии в лингвистической парадигме, и, в частности, в дискурсе как воплощении коммуникативной деятельности человека. Анализ эмпирического материала дает основания утверждать, что рассмотрение языковой личности в парадигме телеологии возможно:

а) как материальной субстанции с физической и психологической предрасположенностью (disposition) к определенным алгоритмам поведения: *The next US president might be another Bush or another Clinton but both could* ***lack the energy to inspire voters*** [41]; *European officials* ***have been hesitant to go further*** [44];

б) как субъекта, формально принадлежащего к определенному классу и осуществляющего эффективное воздействие, реализуя деятельностную (efficient) функцию. Данная функция в свою очередь обусловливает последующее состояние объекта, что в свою очередь предопределяет специфику целесообразной деятельности субъекта: ***The chancellor****… steps up a long-running campaign* ***to crack down on tax dodging*** [20]; *UN* ***climate panel urges action*** *on emissions* [13]; **Gove's** *(education secretary)* ***bid to limit*** *free schools fallout* [34]; *If you are going to try to read a woman through her wardrobe, then the outfit* ***the Duchess of Cambridge*** *wore … looked like* ***a statement of intent*** *(for high royal status)* [38];

в) как самодостаточную эндоцентрично направленную финальную цель, отражающую предполагаемую функцию субъекта речи: *clarity about* ***how we will achieve these objectives*** *is vital* ***for our credibility*** [9]; *… T****o broaden his party's appeal****. … Cameron* ***has developed*** *what many consider* ***a pleasing manner in public*** [38].

Чтобы выявить и объяснить детерминанты динамики каких-либо процессов телеологически, используя телеологические объяснения, необходимо указать на причинный фактор, обусловливающий изменения или способствующий им. Данные телеологические объяснения (teleological explanations) имеют лингвистическую специфику и эксплицируются в придаточных предложениях (так называемых ""because" clauses"). Явление, которое обретает телеологическое объяснение, обозначают термином "*эксплананд*ум" (explanandum), а поясняющий телеологический фактор представлен термином "*эксплананс*" (explanans); во всех случаях поясняющий фактор — это *telos* (конечная цель) [7, с. 4–5]. *Эксплананд*ум выступает действием, *telos* — целью, для достижения которой *действие* является средством: *George Osborne* ***plans to strengthen criminal law****… Chancellor* ***wants to make it easier to impose fines and jail terms on tax avoiders*** *exploiting offshore havens* [20]. В данном примере предикативная конструкция " *(he) plans to strengthen criminal law"* является телеологически объясняемым явлением (эксплананд*ум*), высказывание "*to make it easier to impose fines and jail terms on tax avoiders*" выполняет функцию поясняющего телеологического фактора (эксплананс*а*). Тот факт, что объясняемое явление (эксплананд*ум*) рассматривается как приводящее к благу, в свою очередь постулируется как причина его осуществления: *Blair was justifying* ***wars*** *in the Middle East* ***on the grounds that they would launch a democratic revolution and sweep away Arab despots*** [21], где "*wars*" выступает в качестве эксплананд*ума*, а придаточное причины "*on the grounds that they would launch a democratic revolution and sweep away Arab despots*" в функции эксплананс*а*.

Деятельность как предмет нашего исследования представлена в виде коммуникации в рамках публицистического дискурса. В дискурсе как рациональной коммуникативной деятельности телеологические объяснения объективируют причинно-целевую подоплеку текстового концепта и сообразность текстового концепта финальной цели. Они могут быть явными или латентными. Эксплицитные телеологические объяснения обретают форму сложноподчиненных предложений, выражающих причинные отношения (because clauses). Приведем пример: *The loss of the aid supplies… appears in this year's accounts* ***because*** *the investigation was only completed in the past* [40]; *The student opportunities allocation is extremely important* ***because****… it is some kind of compensation* [30]; *The Ministry of Sound wanted a nearby residential development stopped* ***because*** *it feared occupants would complain* [12]; *We will not just work for anyone* ***because*** *it 'pays'* [12]; *Freedom of movement was in place '****for*** *very good* ***reasons****'* [9]; *Financial challenge is one of the* ***reasons*** *why students drop out of their courses* [30].

Объективация телеологических аспектов семантики текста, отражающих динамику мира через призму целеполагания, предполагает использование так называемой "телеологической лексики", "телеологических предложений", "телеологических дескрипций", соотносящих высказывание с поставленной целью. Под понятием "телеологические предложения" (teleological sentences) понимают устойчивые словосочетания, включая частицу "to", в сочетании с глагольными конструкциями, вербализующими концептосферу целеполагания: *in order to, to, so as to, so that, in order that, for the sake of, for the purpose of*; к средствам объективации феномена целеполагания относят также

телеологические дескрипции, которые представляют собой перифразы, включающие "телеологические предложения" [7, с. 19].

Устойчивые телеологические сочетания, которые подпадают под достаточно условное понятие телеологических предложений (teleological sentences), широко представлены в англоязычном публицистическом дискурсе: *NSA blows its own top secret program* ***in order to*** *propagandize* [26]; *Early years provision must be protected* ***for the sake of*** *our children* [18]; *Are NGOs fit* ***for the purpose*** *of advocacy and campaigning?* [17]; *The ratio had reduced* ***so that*** *those from affluent areas were just 4.3 times more likely to apply to the most selective institutions* [30]; *As with any sponsorship advertising, some assets remain in market —* ***to that end*** *we are diligently working to remove all sponsorship assets* [11].

Помимо упомянутых выше устойчивых словосочетаний функциональную телеологичность обнаруживают лексические единицы и свободные словосочетания, актуализирующие телеологическую концептосферу в англоязычном публицистическом дискурсе. Они имеют высокую рекуррентность и отражены в различных языковых репрезентациях:

а) в виде собственно телеологической лексики, обозначающей понятия смыслового поля целеполагания, т. е. в форме номинаций, принадлежащих ядру номинативного поля концепта "цель": *Foreign governments would wonder about the Lesser Britain's identity and* ***purpose*** [30]; *To meet the 2-degree* ***target*** *the world may have to deploy new technologies* [13]; *They acknowledged the political difficulty in the changes needed to reach that* ***goal*** [44];

б) в виде лексических единиц, актуализирующих телеологичность с опорой на контекст и принадлежащих периферии номинативного поля концепта "цель": *Theresa May (is)* ***suggesting*** *an annual cap of 75,000 entrants; The kind of changes repeatedly* ***hinted at*** *by Conservative MPs* [24]; *Pierre Peladeau… had* ***ordered*** *fashion writers at the Journal de Montreal in 1990 not to write about Jewish designers* [12]; *Free movement … is a fundamental principle and it's not* ***up for*** *negotiation* [33]; *Public* ***support for*** *a change in the UK's relationship with the EU* [33]; *Six of the eight countries … are* ***looking to implement*** *space programmes* [40]; ***It is important*** *to negotiate a new deal for Britain in the EU* [9]; *MPs …* ***recommended*** *that a national veto be introduced* [9]; *President of European parliament says UK* ***has 'no chance*** *of curbing basic principle of free movement* [33]; ***There was no question*** *of the parliament agreeing to reopen the rule-book on free movement* [33]; *The Prime Minister is …* ***committed to*** *giving the British people an in-out referendum* [9];

в) в виде описательных конструкций, подразумевающих наличие устремления к цели и содержащих лексику волеизъявления: *Backbenchers led by Bernard Jenkin* ***want*** *the government to reverse the spread of human rights law* [33]; *UK for* ***trying to*** *alter the EU's fundamental principles; There was a "growing groundswell of* ***concern about*** *benefit tourism" among key EU members; He had* ***spoken positively*** *… about changing the rules; Sources …* ***were keen to stress*** *that he was expressing* ***hopes*** *for the future; Nick Clegg said he* ***backed*** *plans to tackle benefit tourism; We would* ***urge*** *you* ***to back*** *the European Scrutiny Committee proposal* [24]; *Germany, Italy and the Netherlands who were* ***supportive of*** *the idea* [33]; *MPs* ***demand*** *Cameron changes law; Mr Schulz also* ***objected*** *the UK* ***pressing for*** *reform* [9]; *He was expressing* ***hopes for*** *the future* [24]; ***Determination*** *within the EU (is) to respond robustly to the UK's* ***demands for*** *a new deal on immigration* [33];

г) в виде лексических конструкций, опосредованно соотносимых с концептосферой целеполагания на основе индуктивных инференций: ***My job is to fix*** *the problems of the past* [10]; *Judges* ***told to get tough*** *on migrants* [36]; *A current vice-president,* ***tore into*** *Cameron for failing to counter a "myth"* [33]; *Osborne* ***steps up*** *as Cameron stumbles; Consumers are more* ***confident*** *than at any time in the current parliament; The coalition is* ***preparing for*** *a showdown* [37]; *We* ***are working hard to*** *win back your trust* [10];

д) в виде изотопии как рекурренции сем целеполагания и рекуррентного ряда однотипных лексических единиц номинативного поля концепта "цель": *Martin Schulz… took UK* ***demands for reform*** *of the EU "very seriously"; He would like to see …* ***plans for*** *EU* ***reform****; I would rather see the UK making its* ***case for reform*** [33]; *House prices in England and Wales have reached their highest ever level, which is great news for the wealthy, the government and the forgetful.* ***Because*** *in 2008… we learned quickly that booms go bust; Shelter has launched a campaign imploring the government to build more new, affordable homes,* ***because*** *the current situation, it says, is unsustainable; private landlords are turning down tenants on benefits, simply* ***because*** *they won't be able to afford the rent* [31];

е) в виде монадоподобных агрегаций, основывающихся на схематических (нелинейных) принципах мышления и представляющих собой такую организацию объектов или фактов реальной действительности и отношений между ними, которая отражает специфику причинно-следственных отношений в соответствии с принципами так называемой "объектной" или "объективной" телеологии (objective teleology [См. 6, с. 103; 7, с. 213]): higher interest charges → signs

of distress → call for more regulation → self correction → the market cleans up its mistakes → the government has a lousy record → заявленный текстовый концепт как финальная цель: trust in the markets, not the politics [15]; mortgaged home ownership → problems in the rental market → uncertainties over rent levels → home ownership continuing to fall → renting becomes a way of life → pressure on the rental market → the housing crisis → (has led) to a crunch situation; → the chronic shortage of housing → заявленный текстовый концепт как финальная цель: building new homes will help ease our housing crisis [29]; 40% of university language departments are likely to close → a deepening crisis in language learning → the rate of attrition is expected to continue → a further 20 departments will be vulnerable to closure → reducing the number of language teachers → fewer students are available for struggling departments → заявленный текстовый концепт как финальная цель: safeguarding modern language provision across the country [32]; "Institutional barriers" for African-Americans and other minorities → the legacy of slavery → divisions across racial and class lines → discrimination → the economic troubles → suspicion between groups of Americans → заявленный текстовый концепт как финальная цель: it easier for young Americans to afford a college education [27];

ё) в виде синтаксических конструкций в форме будущего времени как проявления природы телеологичности, соотносимой с категорией будущности: The people of Gibraltar, he said, would not allow complaints from Spain to dampen their spirits [14]; Rules on freedom of movement were completely non-negotiable, and (he) made clear that attempts to change them would be blocked [33];

ж) в виде модальных глаголов как лексических средств объективации целесообразного действия: I would rather see the UK making its case for reform from within the EU [33]; MPs had written to the prime minister demanding parliament must be given the power to veto [33]; The BBC lost its way on pay but we must put that right [10]; Parliament should have the authority to veto laws; Commons should be able to block EU legislation; we need to look at what it would mean in practice; more power for national parliaments must be a key part of a new settlement [9]; We need to make changes to how the BBC is run [10]; You need to give people the right to look for work [9];

з) в виде конструкций, содержащих сему отрицания как проявление негативных характеристик объекта или явления, выражающих необходимость в изменении существующего положения дел и соотносимых с текстовым концептом как финальной целью: British workers have suffered one of the biggest falls in real wages … with only crisis-hit Greece, Portugal and the Netherlands doing worse; not only was Britain worse off under the Conservative-led coalition, but the UK was doing much worse than most other EU countries; life is getting harder for ordinary families, as prices continue rising faster than wages; failing badly over the past three years; working people paying a heavy price; the fall in real wages in the UK as "stunning"; the weak performance reflected poor growth and linked it to falling GDP and national income, "which is now 3.5 per cent smaller" → текстовый концепт как финальная цель: if the Government had pursued better policies … then growth would have been better and living standards higher [23]; Europe on brink of another financial crisis; Austerity has made things worse, not better; Europe is in the eye of an economic cyclone, with a fresh storm about to hit; Europe remains in a "fragile situation" and that the crisis is far from over; part of the problem with Europe is that a lot of them took the view that that this crisis is now behind us, therefore this is a time to visit austerity; we're in a lull in Europe at the moment; it's rather like going through cyclones; urged the British government to do more to stimulate the economy → текстовый концепт как финальная цель: the Government should support the economy through stimulus [22].

Соотнесенные с целеустановкой характеристики явлений и объектов, объясняемые телеологически и выступающие как причинные факторы, подразделяются на следующие категории: материальные, формальные, деятельностные (efficient) и финальные [См. 7, с. 5]. Материальная причина с определенной долей условности отражает свойства материальной субстанции объекта: The water … is extremely contaminated … it will surpass even the leaks that occurred in the disaster's early days [27]; The easiest palliative — more money — to ease the discomfort [37]; формальная причина – принадлежность к классу объектов: £500m … to head off problems [37]; E=MC2: Einstein's equation that gave birth to the atom bomb [35]; Universities … had done more … to encourage disadvantaged children [30]; деятельностная причина (efficient cause) — эффективное воздействие, которое обусловило настоящее состояние объекта: If the Government had pursued better policies … then growth would have been better [23]; Army kills 10 insurgents in Nasarawa [19].

Финальная цель (финальная причина) тесно связана с формальной и по своей сути отражает предполагаемую функцию [См. 7, с. 5]. Telos как финальная

цель или финальная причина может представлять собой объект, явление, состояние или совокупность данных категорий, соотносимых с определенным объясняемым феноменом (эксплананадумом) и рассматривается нами как воплощение текстового концепта. Он, как правило, выносится в заголовок или подзаголовок. Например, заявленный в подзаголовке текстовый концепт как финальная цель: Rapid social change and assertive voters will improve Indian democracy [16]; Focus … more on investing in programs like education [27].

Телеологические объяснения целенаправленного поведения в широком смысле являются диспозиционными, т. е. способом объективации природной склонности, предрасположенности объекта или живого существа вести себя определенным образом сообразно с целью [См. 8, с. 57]. А. Вудфилд явление предрасположенности к определенному поведению или функционированию рассматривает как "материальный причинный фактор" [7, с. 5]. Физическая, интеллектуальная, психологическая предрасположенность субъекта речи к определенному целесообразному поведению связана с базовыми диспозиционными категориями, к которым относят интенции, побуждения, желания, настроения (mood), мотивы, входящими в свою очередь в понятийную систему моральной телеологии [См. 4]. Моральные категории искренности, неискренности, правдивости, лживости, порядочности, непорядочности, лицемерия, лукавства постулируются в телеологии как высокодиспозиционные и крайне важные при анализе и осмыслении алгоритмов человеческой деятельности, включая коммуникативную [8, с. 118, 147].

Исследованный фактический материал позволяет утверждать, что объяснение действий, их последствий и их сообразности цели основываются на феномене физической, интеллектуальной, психологической диспозиционости:

— физическая диспозиционность: *A 30-year career detective, said that his work* ***had brought him into confrontation*** *with hardened criminals* [25];

— интеллектуальная диспозиционность: *A diverse population with different ideas* ***has led to*** *a lack of cohesive policies* [43];

— *психологическая диспозиционность: It is a drilling boom that has upended the energy industry and* ***spurred billions of dollars of investment*** [28].

Поведение (как реализация диспозиционности), к которому предрасположены субъекты речи, проявляется в контекстах, указывающих на устремленность на цель, на осуществление действия во имя финальной цели (the end): *We're only unified for limited* ***purposes****; It was always* ***intended that the states would have more power*** [28]; *Medium and small businesses are going to start* ***the huge task of enrolling their employees into pension schemes*** [42].

Таким образом, телеологические объяснения, как языковые средства актуализации аспектов смысла, концептуально связаных с целеполаганием, представлены в публицистических текстах в ипостасях дескрипций, придаточных предложений причины, синтаксических конструкций в будущем времени, модальных глаголов, рекурренции лексем, прямо или опосредованно сопряженных с категорией цели, монадоподобных конструкций, предполагающих процедуру индуктивной инференции и диспозиционных конструкций. В дискурсе они имеют телеологическую обусловленность, будучи функционально подчиненными финальной цели в виде актуализации текстового концепта.

Дальнейшее исследование языковых средств, актуализирующих телеологическую составляющую семантики англоязычного публицистического дискурса, может быть сосредоточено на типологии монадоподобных телеологических конструкций, их лексико-семантических и структурных характеристиках.

Список литературы:

1. Аристотель. Физика//Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. – С. 60–262.
2. Auxter T. Kant's Moral Teleology. Macon, Ga.: Mercer University Press, 1982. – 212 p.
3. Charles D. Aristotle//The Oxford Companion to Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 53–57.
4. Kant I. The Groundwork of The Metaphysics of Morals. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 120 p.
5. MacIntosh J. Kinesis//The Oxford Companion to Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1995. – P. 447.
6. Tyler S. A. The Said and the Unsaid. Mind Meaning and Culture. New York San Francisco, London: Academic Press, 1978. – 487 p.
7. Woodfield A. Teleology. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – 232 p.
8. Wright L. Teleological Explanations. An Etiological Analysis of Goals and Functions. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1976. – 153 p.

9. Mail Online, January 12, 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2537959/Tory-MPs-write- Cameron-saying-Commons-authority-block-new-EU-legislation.html
10. Mirror, August 24, 2013.
11. Politico, April 28, 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.politico.com/story/2014/04/amtrak-clippers-donald-sterling-sponsorship-106102.html
12. Private Eye, August 9, 2013.
13. The Boston Globe, April 13, 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.bostonglobe.com/news/world/2014/04/13/climate-panel-urges-actions-emissions/NUc6bkREu5s9QF0Uf5dtGP/story.html
14. The Daily Telegraph, June 12, 2012.
15. The Economist, September 8, 2007.
16. The Economist, April 5, 2014.
17. The Guardian, March 26, 2013.
18. The Guardian, February 21, 2014.
19. The Guardian, April 6, 2014.
20. The Guardian, April 12, 2014.
21. The Guardian, April 24, 2014.
22. The Independent, April 1, 2012.
23. The Independent, August 11, 2013.
24. The Independent, January 12, 2014.
25. The Independent, April 11, 2014.
26. The//Intercept, March 31, 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: https://firstlook.org/theintercept/2014/03/31/nsa-worlds-blows-top-secret-program/
27. The New York Times, August 23, 2013.
28. The New York Times, April 11, 2014. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.nytimes.com/2014/04/12/business/international/china-takes-on-big-risks-in-its-push-for-shale-gas.html?hp
29. The Observer, June 9, 2012.
30. The Observer, August 10, 2013.
31. The Observer, August 11, 2013.
32. The Observer, August 17, 2013.
33. The Observer, January 12, 2014.
34. The Observer, April 6, 2014.
35. The Observer, April 6, 2014.
36. The Sunday Times, June 10, 2012.
37. The Sunday Times, August 11, 2013.
38. The Sunday Times, April 13, 2014. [
39. The Sunday Times, April 13, 2014.
40. The Times, August 11, 2013.
41. The Times, April 12, 2014.
42. The Times, April 13, 2014.
43. US News and World Report, April 10, 2014.
44. US News and World Report, April 12, 2014.

Section 7. Pedagogy
Секция 7. Педагогика

Avchinnikova Galina Dmitrievna,
Uman State Pedagogical University, postgraduate student,
E-mail: galinaavchinnikova@rambler.ru

Development of profile education student system in the USA

Abstract: The article deals with the questions of US high school education system formation, the process of school programs and curriculum reformation is also touched upon. The author studies factors and processes which influenced the fact that modern system of education in the United States of America is one of the best and one of the most effective in the world.

Keywords: US high school, learning instruction, differentiated study.

Авчинникова Галина Дмитриевна,
Уманский государственный педагогический университет, аспирант
E-mail: galinaavchinnikova@rambler.ru

Становление системы профильного образования учащихся в США

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы формирования американской системы школьного профильного образования, анализируется процесс реформирования школьной программы, учебных планов, описываются изменения и основные этапы, которые прошла профильная дифференциация в США. Автор исследует факторы и процессы, которые повлияли на то, что современная американская система профильного образования является одной из самых эффективных в мире.

Ключевые слова: старшая школа США, профильное обучение, профильная дифференциация.

Постановка проблемы. Необходимость профилизации обучения школьников средней и старшей школы обусловлена темпами развития научно-технического процесса. В Соединенных Штатах Америки системе профильного обучения учащихся уделяют значительное внимание на государственном уровне и на уровне штатов, его эффективность проверена многолетним опытом.

Для формирования четкой системы допрофильного и профильного обучения очень важным является изучение опыта страны с успешной системой профильного образования — США.

Целью нашей статьи является изучение предусловий становления и развития системы профильного обучения старшеклассников в США.

Анализ последних исследований и публикаций свидетельствует, что предусловия становления профильного обучения учащихся старшей школы США не изучались глубоко. Сформировано только общее представление о профилизации от того времени, когда появились первые профильные классы, до становления современной системы профильного обучения.

В наше время проблемой профильного обучения продолжают заниматься украинские педагоги-компаративисты: Н. Лавриченко, О. Локшина, О. Матвиенко, Л. Пуховская, А. Сбруева. Общим теоретическим вопросам профилизации учебного процесса в старшей школе посвящены работы В. Алфимова, Г. Балла, Н. Бибик, М. Бурды, Т. Гордиенка, М. Гузыка, Л. Жовтан, В. Кызенка, В. Мадзигона, И. Осадчого, В. Рыбалкы, Н. Шиян.

Этими вопросами заинтересовались также ученые из других стран: С. Броневщук, В. Ворошилов, М. Губанова, В. Гузеев, Г. Дорофеев, К. Мешалкина, В. Монахов, В. Ревякина, С. Рягин, О. Петунин, В. Фирсов (Россия); Г. Бунтовская, Н. Огурцов (Белоруссия); Х. Лийметс, И. Унт (Эстония).

Поскольку США является страной с достаточно укорененными традициями профильного обучения школьников, в современной научной литературе усиливается интерес к соответствующему американскому опыту. Изучению этой проблемы посвятили свои работы Р. Беланова, П. Белянин, О. Дацкив, О. Желюк, Л. Кремин, Г. Орфилд, Т. Цирлина и др.

Изложение основного материала. Система профильного обучения в Соединенных Штатах Америки остается успешной уже более 200 лет, при выборе будущей специальности принимаются во внимание наклонности, интересы и пожелания учащихся, а также потребности государства в тех или иных специалистах [1, 16].

Но следует заметить, что становление системы образования США длилось почти полвека. Профессионально ориентированное направление в американских школах прошло достаточно сложный путь развития, тесно связанный с историческими событиями и социально-экономическими условиями, в которых пребывала страна. Поэтому необходимо подчеркнуть, что периодизация развития профильного обучения учащихся старшей школы в США основывается именно на сочетании социально-экономических и исторических факторов.

Мы можем выделить 4 основные периода становления системы профильной дифференциации обучения (1500–1780 года; 1780–1990 года; 1900–1950 года; 1950–2014 года (современное состояние системы профильного обучения учащихся в США)).

Первый период отображает начало становления системы образования от ее зарождения на территории США к появлению идеи дифференциации обучения. В это время только происходит освоение новых земель и создание первых школ. Анализ этого периода помогает определить, какие сложились предусловия для зарождения профильной дифференциации обучения.

История фактического становления школьного обучения началась в первые десятилетия XVII века, когда началась колонизация Северной Америки англичанами. Первые английские колонии появились в 1607 году. Когда прибыли первые колонисты с Европы, американцы стали решать, как им сберечь и приумножить свое культурное наследие. Для разрешения этого вопроса первые европейские поселенцы открыли городские школы.

В XVI–XVII веках больше внимания уделялось развитию сельского хозяйства, нежели образованию. В селах и городах не хватало элементарных школьных принадлежностей. Часто школы были открыты лишь несколько месяцев в год. Для обучения доступными были доска, мел и лишь несколько книг. В учебных заведениях хорошо известной была «система 3 R» (reading, writing, arithmetic), то есть обучение чтению, письму, начальной арифметике и «хорошим манерам».

Все же американское общество ценило и возлагало большие надежды на образование детей. Об этом свидетельствует то, что именно родители поддерживали школы в то время: они обеспечивали топливо для печи зимой, мастерили парты. Учителя жили в семьях, где были дети школьного возраста.

В XVII-XVIII веках школа не только обеспечивала классическое образование, но и обучала школьников ремеслам, которые были необходимы для становления будущей нации. Экономика страны возрастала быстрыми темпами и, соответственно, возрастало капиталистическое производство, которое нуждалось в специалистах, квалифицированных работниках. Роль образования была переосмыслена, постепенно возрастало значение школы.

Система профильной дифференциации построена на основе идеи дифференциации, которую впервые высказал известный американский деятель Т. Джефферсон (1743–1826) в работах «Билль об общей передачи знаний» (1779) и «Заметки о Виргинии» (1782). Педагог теоретически обосновал идею дифференциации содержания образования, делая акцент на введении обязательного народного образования. Учёный предлагал организовать 2 отделения в академиях: первое — для детей с наклонностями к сельскому хозяйству, а второе — для тех, кто интересуется наукой и желает продолжать обучение в колледже [1, 28].

Ко второму периоду мы относим 1780–1800 года. На рубеже XVIII-XIX веков сформировались 3 основные государственные организации общества: суд, церковь и школа. Постепенно образование начало ставать доступным всем американцам, но лишь после окончания гражданской войны оно стало доступным для всех американцев, без деления на классы [3, 75].

Когда учащиеся средней школы желали овладеть специальностью в сфере ремесел, производства, торговли или сельского хозяйства, выбирали обучение в школах с профессиональной программой обучения. Школьники, которые обучались по технической и профессиональной программам, получали узкую специальность. Выпускники школ с академической программой получали более глубокие знания со всех предметов и чаще продолжали образование в колледжах и университетах.

Во второй половине XIX века началось интенсивное введение «открытого обучения» (open curriculum), которое на первое место ставило индивидуализацию обучения и предусматривало, что учитель не ведет детей по планам и программам, управляет не ими, а их индивидуальными интересами и потребностями. Открытое обучение предусматривало отсутствие обязательного курикулума, выбор содержания обучения самими школьниками; гибкие расписания в школе, отсутствие классно-урочной системы и оценивания знаний учащихся. В этот период наблюдается значительное снижение уровня знаний выпускников, поэтому школы вернулись к прежним требованиям.

Очень важными для становления системы профильного обучения являются 1892–1893 года, когда Национальная ассоциация образования назначила «Комитет десятерых» для изучения вопросов курикулума, который постановил, что школы должны иметь единственный академический курикулум и все учащиеся должны следовать неизменному учебному плану [2, 95].

В 1900–1950 годах появляется необходимость в подготовке населения к высококвалифицированной технической деятельности, начинается третий период становления и развития дифференцированного обучения в США. Для введения профильной дифференциации обучения сложились определенные условия и даже необходимость. Это произошло из-за ряда факторов: неустанно рос объем знаний и умений, которыми должны были овладевать учащиеся, особенно старшеклассники, начали появляться численные педагогические объединения, научные и исследовательские центры, педагоги стали активнее обмениваться опытом в национальных и международных отношениях.

В начале XX века педагогическое сообщество США поддержало педагогов-прагматиков, согласившись, что в центре учебного процесса должен быть именно учащийся, а не учитель. Старшие школы начали разбивать учащихся на треки (потоки).

Американский психолог Г. Мюнстерберг впервые разработал тесты для оценивания профессиональных способностей человека. А в 1908 году Ф. Парсонс открыл целое бюро по выбору специальности учащихся, проводил диагностирование школьников с помощью тестирования, изучал результаты и составлял их с требованиями той или другой профессии [1, 65–70].

Система потоков была основной в практике американской старшей школы до средины XX века. Для всех школьников был определен минимальный уровень знаний [3, 72–80]. В конце 1940 годов потоковую дифференциацию было усовершенствовано до уровневой, а также учащиеся имели возможность выбирать элективные курсы и направления обучения. С этого времени начинается следующий период становления и развития дифференциированого обучения в США.

Хотя сторонники социального направления делали всё возможное, чтобы в начале XX столетия поддержать и закрепить учебный процесс, в центре которого пребывает учитель, всё же под влиянием взглядов Дж. Дьюи, А. Маслоу и К. Роджерса школьное обучения начало воплощать принципы уважения к учащимся, учитывать их интересы и индивидуальные особенности.

Современное состояние профильной подготовки учащихся американской старшей школы относится к четвертому периоду, который предусматривает, что все старшеклассники поддаются профильной дифференциации на основе диагностирования учащихся средней школы.

Выводы. Образование в первую очередь обеспечивает потребности американских граждан, а профессиональные знания являются для американцев приоритетными. Поэтому во второй половине XX — начале XXI веков система профильного обучения учащихся старшей школы сложилась как необходимое условие успешного развития государства. При её становлении значительную роль имела необходимость дифференциирования поликультурного населения, более ранней специализации, качественной подготовки старшеклассников к обучению в высших учебных заведениях, интенсивное развитие науки. Система профильного школьного обучения дает возможность школьникам изучать более глубоко те предметы, которые их интересуют.

Список литературы:

1. Белянин П. С., Гусейнова Н. А. Система образования в США. – М., 1976. – 76 с.
2. Кошманова Т. С. Развитие педагогического образования в США (1960–2000 гг.): Дис. … д-ра пед. наук: 13.00.04/Институт педагогики и психологии профессионального образования АПН Украины. – К., 2002. – 214 с.
3. Орфилд Г. Реформы системы образования США в 60–90-х годах//Экономика образования. – 2001. – № 5. – С. 72–80.
4. Spring J. American education. – New York: Mc Graw-Hill, 1996. – 303 p.

Badashkeev Mihail Valerevich
Bokhanskij Branch Buryat state University teacher of psychology,
Educational psychologist of Tarasa school
E-mail: badashkeevm@mail.ru

Features of personal and professional self-determination of pupils of rural schools

Abstract: In this article it is considered features of personal and professional self-determination of pupils of rural schools. Also the components influencing development of personal and professional self-determination of rural school students are considered.

Keywords: personal and professional self-determination, development of the personality, professional interest.

At the present stage of development of the state as defining factors of its sustained economic growth high technologies and the knowledge-intensive production which innovation depends on quality of scientific and intellectual potential of society, level of professional competence of experts, their creativity and development of research skills act. Therefore development of professional competence has the paramount value, as one of the main which ways of the decision personal and professional self-determination of future experts during school training acts. It is confirmed by the directions of educational policy reflected in the new Law on education, the Federal target program of a development of education for the period till 2020, a national educational initiative "Our new school".

Process of personal and professional self-determination of seniors is influenced by various factors, including negative which are fully shown in rural areas, namely unsatisfactory financial position of families, seasonal nature of work, alcoholism of parents and their disinterest in receiving by children of professional education, backwardness of the social sphere, insufficient information support. It is cornerstone of an inadequate self-assessment, legal, information and psychological illiteracy, low results of Unified State Examination, lack of clear ideas of opportunities of vocational training and further employment.

Overcoming of these difficulties has to be promoted by the purposeful psychology and pedagogical preparation focused on development of practical, basic competences and mastering the general professional competences; formation of a position of the subject of personal and professional self-determination; correction of the valuable and motivational sphere. However existing models of development of personal and professional self-determination of graduates of rural schools possess insufficient adaptive potential that inevitably leads to that the huge army of young villagers is left in the basket of full-fledged professional life.

In this regard an important task is creation of the educational environment focused on development of personal and professional self-determination of seniors. Today the graduate of school has to be able in activity in a complex to apply knowledge of various disciplines that results in need of interdisciplinary integration on the basis of strengthening of interdisciplinary communications. In particular, it is necessary to form understanding of interrelation of studied disciplines and application of knowledge of one discipline when mastering another, to create conditions for increase of volume and intensity of interrelations and interaction between the content of various disciplines, to show communications of studied disciplines with future professional activity. It is necessary to create also in extracurricular activities a number of the conditions focused on successful personal and professional self-determination. Thus, there is a need of design of pedagogical model of development personal professional self-determination of seniors in the conditions of the educational environment of rural school.

Relevance of a problem of personal and professional self-determination is caused soktsialno-economic, social by psychological factors of social development which directly influence process of personal and professional self-determination of school students. Various factors, including negative which are obviously shown in rural areas — the low financial position, insufficient information support generate a complex of problems: the personality doesn't realize the potential opportunities; society loses the maximum contribution to own development, unfairly reducing future social status of certain young people. The main problem of the introduction of young people in independent life is their insufficient readiness for the comprehended, predicted process of personal and professional self-determination as to one of the most significant components of complete formation of the personality. Existing models on development of

personal and professional self-determination of younger generation possess insufficient adaptive potential concerning the pupils who aren't "fitting" into a framework of these models that inevitably leads to decrease in efficiency of development of personal and professional self-determination. The huge army of rural young people is left in the basket of full-fledged professional life because of insufficient low efficiency of the actions aimed at the development of their personal and professional self-determination.

The problem of personal and professional self-determination of pupils gained in the pedagogical theory and educational practice special relevance for the last decade. It is caused by requirement of society, life, practice of training and education, need of preparation of younger generation to a choice of future profession. In modern pedagogics and psychology a set of inconsistent opinions, and also absolutely different image of a practical embodiment of this idea in teaching and educational process.

The law of the Russian Federation "About education" notes that soderzhakny educations "… has to be focused on providing a samoopkredeleniye of the personality, creation of conditions for her self-realization" [2]. Therefore, interest of researchers to a problem of personal and professional self-determination increased recently.

In the conditions of dynamically changing realities of the modern world traditional and habitual valuable norms and stereotypes can't serve as a reference point for the developing personality putting considerable efforts for search of the course of life. For realization of so complex challenge it is necessary to develop special valuable and semantic installations to life, to the experience, to build the personal position dictating requirement for judgment of an event number of the past and the future. In studying of personal and professional self-determination of pupils we defined factorial dependences on the educational environment, psychology and pedagogical preparation and personal features of pupils. Therefore, personal and professional self-determination — rather independent stage of the socialization, which essence consists in development in the individual of understanding of the purpose and meaning of the life, readiness for independent activity on the basis of correlation of the desires, cash qualities, opportunities and requirements imposed to it from people around.

In search of universal typology it is possible to address to historians, in particular to L. N. Gumilev who, leaning on passional аттрактивный the principle allocated 12 types of people [1].

E. Fromm's typology is of interest to our research, especially in that part where he considers types of «aloof character» [4].

The analysis of the presented types shows that — most to choose the right of the self-defined person whom to be and what to be. Even if the person voluntary chooses for himself a position of «slave» or «consumer» we has no right to deprive of him such pleasure. Unfortunately, people very different and society exists thanks to their variety. And how many the best minds of mankind fought, they didn't manage to make all people equally wise, fine and worthy. Probably, in the opportunity to choose for itself a primitive way of development the main idea of self-determination — a freedom of choice is concluded.

Depending on age stages of life the problem of personal and professional self-determination is most fully developed by JI. I. Bozhovich. At a certain stage of ontogenesis — at a boundary of the advanced teenage and younger youthful age according to the logic of lichknostny and social development of the teenager there is a special personal new growth which can be designated the term «self-determination» [2, 31]. JI. I. Bozhovich defined characteristics of self-determination of the teenager: understanding of as the member of society and a specification in the nokvy socially significant position, being accompanied aspiration за¬нять new, more «adult» position.

Self-determination, based on the developed interests and aspirations of the subject, assumes the accounting of the opportunities and external circumstances and relies on being formed outlook of the teenager.

The need for self-determination is considered as need for formation of a certain semantic system in which ideas of the world and of are merged. Two-planned character of personal self-determination заключает¬ся that it is carried out at the same time, on the one hand, as concrete definition of future profession and life planning, and from the drukgy — as inconcrete searches of sense of the existence.

We support opinion L. I. Bozhovich that original self-determination, that is self-determination as the system new growth connected with development of an internal position of the adult, воз¬никает and is much later the final stage of development of a lichknost of the child [2, 116].

Understanding of as the member of society and a specification in nokvy socially significant position is accompanied by aspiration за¬нять new, more «adult» position.

Self-determination, based on the developed interests and aspirations of the subject, assumes the accounting of the opportunities and external circumstances and relies on being formed outlook of the teenager.

Thus, we defining essence of personal and professional self-determination, we draw a conclusion that personal professional self-determination represents, on the one hand, development at rural school students of own position causing conscious choice of profession on the basis of the accounting of features of personal development and requirements, imposed by its specifics; on the other hand, — as a certain level of formation of knowledge, abilities, motives, values, the self-assessments characterizing readiness of the personality to a profesksionalny choice.

In our opinion, exactly the sense defines essence of self-determination, self-implementation and a samotranstsendention. All this allows to define essence of personal and professional self-determination as search and finding of personal sense in chosen, mastered or already carried out work, and also — finding of sense in the process of self-determination of meaning of the life.

On the basis of the above it is possible to concretize concept: personal and professional self-determination is a set of the social (external) and individual (internal) factors, allowing to choose work, depending on own interests and surrounding conditions.

In our opinion a certain specification of concept of personal and professional self-determination will allow the subsequent researchers of this perspective to narrow a range of theoretical views and more specifically to approach to a methodological basis of development of personal and professional self-determination of rural school students.

References:

1. Gumilev L. N. From Russia to Russia. – M.: Ayres press, 2003. – 318 c
2. The law of the Russian Federation «About education» [Text]: [10.07.1992 No. 3266–1] is accepted. – M.: Eksmo, 2010. – 80 pages.
3. Bozhovich L. I. Problems of formation of the personality Tekst./Under the editorship of D. I. Feldstein. 2nd prod. M.: Inst-t практ. психол. Voronezh: NPO MODEK, 20.1997. –352 pages.
4. Fromm. E. Chelovek for itself. Мн.: oh "Popuri", 1998. – 320 c.

Beliakina Irina Vasilievna,
Municipal budget educational institution «Lyceum № 3 named K. A. Moskalenko»
technology teacher, Deputy Director for Research and Methodology
E-mail: irinabelyakina@rambler.ru

The need for self-actualization senior research Russian and foreign psychologists

Abstract: in the article the researches of the need of self-realization (self-actualization) are presented. The sense of the phenomena of self-realization is explored. In the presented research the self-realization is defined as a need and as an activity both. The conditions of the self-realization of the late adults are formulated.

Keywords: self-realization, self-actualization, late adulthood, activity, communication.

Белякина Ирина Васильевна, Муниципальное бюджетное
общеобразовательное учреждение "Лицей № 3 имени К. А. Москаленко",
учитель технологии, заместитель директора по научно-методической работе
E-mail: irinabelyakina@rambler.ru

Потребность в самореализации старшеклассников в исследованиях русских и зарубежных психологов

Аннотация: В статье дается исследование феномена потребности в самореализации, раскрывается ее сущность, а также различные подходы в к ее определению в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Подчеркивается многоаспектность понятия потребности в самореализации, ее потребностная

и деятельностная стороны. Формулируются необходимые условия развития потребности в самореализации у старшеклассников.

Ключевые слова: самореализация, старший подростковый возраст, деятельность, общение.

Становление и общее состояние общества неразрывно связано со становлением и гармоническим развитием личности каждого отдельного его члена.

В настоящее время особый интерес вызывают проблемы воспитания и развития личностных качеств, способствующих успешной самореализации человека в жизни, его самоосуществлению, выступающему конечным результатом развития [4].

При этом следует учитывать, что самореализация и как следствие ее — самоудовлетворенность возможна в различных сферах жизнедеятельности человека: личной (в семье, дружеских отношениях), творческой (различных видах творчества, искусстве и т. д.), профессиональной (в той или иной профессии).

Большинство авторов, исследующих феномен саморазвития человека, в качестве его ведущего компонента выделяют самореализацию. Под самореализацией понимается исследование себя, обнаружение и, в последующем, развитие своих способностей и возможностей: обогащение смыслов, направляющих деятельность и поведение, удовлетворение имеющихся потребностей, углубление вкусов, расширение свободы собственного индивидуального развития и творческих способностей и пр. (Л. Н. Куликова). Самореализация личности — наиболее явное и полное выявление ею своих индивидуальных и профессиональных возможностей [1]. С точки зрения философии, самореализация — это осуществление смысла и реализация ценностей (В. Франкл, Н. Бердяев).

Термин «Самореализация» достаточно распространен в литературе и трактуется по-разному. В работах К. Маркса «Экономическо-философские рукописи» (1844) и «Немецкая идеология» (1846) самореализация означала развитие родовой сущности человека и его сущностных сил в ходе деятельного присвоения мира и преодоления отчуждения; в «Словаре по философии и психологии», изданном в 1902 году в Лондоне [9] под самореализацией понималось осуществление возможностей развития своего Я [10].

Особое внимание самоактуализации и самореализации личности уделяется в гуманистической психологии. К. Роджерс указывал на то, что общим законом живой природы является ее глобальное стремление к развитию, совершенствованию. В связи с этим целью и главной движущей силой развития личности человека можно считать его желание стать самим собой, полностью реализовать себя в каждый момент жизни, проявить свои возможности и способности. Это стремление есть в каждом человеке и «ждет» лишь определенных условий для его реализации [3].

А. Маслоу рассматривал самореализацию с точки зрения самоактуализации — наивысшей потребности человека, которая выступает на передний план, когда удовлетворены все другие, «низшие» потребности. По его мнению, самореализация — это желание человека стать именно тем, кем он мог бы стать, реализуя наиболее полно все свои возможности. При этом, по мнению ученого, самоактуализация часто затруднена из-за наличия большого количества нереализованных человеком «низших потребностей» и серьезных временных затрат на их реализацию, не знания ими своих возможностей, способностей и талантов, неверия в свои силы, а также подавления социумом стремления человека к самоактуализации наложением определенных норм и запретов [3].

С точки зрения К. Юнга, конечная жизненная цель — это полная реализация своего Я в результате сознательной реализации человеком своей уникальной психической реальности, полного развития и выражения всех элементов личности за счет интеграции всех противодействующих внутриличностных сил и тенденций.

Функцию центра, механизма уравновешивания различных сторон личности в этом случае выполняет Архетип самости. Равновесие всегда предполагает высвобождения энергии, которая раньше использовалась личностью для процесса поиска этого центра равновесия, а после его нахождения будет использоваться для дальнейшего личного роста [7].

Э. Фромм считал, что самореализация есть непосредственный результат активности человека: о продуктивной самореализации стоит говорить тогда, когда сам человек активен, стремится к наивысшим достижениям. По его мнению, «у жизни нет иного смысла, кроме того, который человек придает ей сам, раскрывая свои способности» [4, С. 32].

Итак, определим *основные признаки потребности в самореализации*, выделяемые зарубежными исследователями:

- стремление человека стать собой, происходящее в направлении от бессознательного к нравствен-

ным идеалам через выработку системы ценностных ориентаций;

• самоосуществление, то есть психический рост и созревание, пробуждение и реализация скрытых возможностей человека, которые содержится в качестве потенций;

• фундаментальный процесс организма, который может иметь как позитивные, так и негативные последствия для индивидуума;

• потребность в самореализации — высшая в иерархии потребностей;

• локализация в бессознательном слое человеческой психики и проявление в «стремлении к удовольствию»;

• социально детерминированный характер, поскольку среда дает средства для самоактуализации, а также может содержать препятствия;

• осуществление через постижение себя, переживание и осознание себя как синтезирующего центра, через свободный выбор путем принятия решений;

• реализация в непосредственном взаимодействии с окружающими.

В современной отечественной психологии самореализация трактуется как познание себя, процесс реализации себя, успешное освоение ролевых функций в трудовой, социальной и семейной жизни, основной способ реализации личности, практическое осуществление человеком его задатков, способностей, дарований и черт характера, наиболее полное выявление личностью своих индивидуальных профессиональных возможностей [5]; наиболее полное раскрытие способностей, талантов, потенций и возможностей человека, путем включения его в социальные структуры; специально организованная субъектом деятельность с целью воплощения своего объективно ощущаемого предназначения; одна из целей и результат педагогического процесса, заключающиеся в помощи личности осуществить свои позитивные возможности, раскрыть задатки и способности [8].

Анализ различных подходов и определений самореализации (Л. А. Коростылева, Е. А. Никитина) позволяет сделать вывод, что данный процесс включает в себя обязательную возможность личностного развития в деятельности, раскрытие врожденных и личностных возможностей.

С точки зрения И. Б. Котовой и Е. Н. Шиянова, потребность в личностноом самовыражении формируется в процессе взаимодействия учителя и учащихся. Процесс обучения происходит на основе заданного учебного содержания, преобразуемого педагогогом в содержание обучения, стимулирующее к активизации уже наличествующий у школьников опыт, интересы, знания и побуждающий их к преобразованию прежних представлений [9, 145].

Эта точка зрения связана и с психологическим подходом рассмотрения самореализации. Наиболее распространенный способ описания процесса самореализации в психологических исследования — представление ее в трех взаимосвязанных аспектах: как потребность, деятельность и как объективный и субъективно воспринимаемый результат осуществления деятельности.

Потребность в самореализации представляет собой одно из высших устремлений человека реализовать свои врожденные способности. В результате удовлетворения этой потребности человек становится тем, кем он может стать, исходя из имеющихся у него задатков, способностей и талантов (Л. А. Коростылева, Н. Н. Михайлов, Л. Н. Коган).

Л. Н. Коган характеризует потребность в самореализации следующим образом: «… самореализация как сознательный и активный процесс возможна тогда, когда человек осознает свои интересы, потребности и способности, которые она и воплощает, опредмечивает в практической деятельности» [3, 134].

В результате, исключительно как потребность самореализация существовать не может. Любая потребность должна проявлять себя в целенаправленной деятельности. Потребность в самореализации — не исключение.

Анализ психолого-педагогической литературы (Н. П. Аникеева, С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, Э. Фромм, В. В. Давыдов и др.) говорит о том, что большинство исследователей сходятся во мнении, что наиболее полная самореализация человека может проявиться только в деятельности. Причем важно обратить внимание на тот факт, что для развития человеческой личности, ее самореализации важна не любая деятельность, а общение с другими людьми. С. Л. Рубинштейн об этом писал так: «Человеческая личность в целом формируется лишь через посредство своих отношений к другим людям» [6, 36].

Таким образом, одним из существенных условий формирования и удовлетворения потребности в самореализации у старшеклассников будет в том числе ее включенность в совместную деятельность с другими людьми.

Психолого-педагогическими основами процесса самореализации в учебной деятельности являются: процесс взаимодействия участников образовательно-

го процесса; совместная деятельность учителя и учащихся в учебной деятельности; эмоциональные переживания, ощущение успеха, в которых заключаются мотивы и потребности в учебной деятельности.

Как показывают исследования, на самореализацию оказывают влияние различные факторы и условия, среди которых выделяют зависящие от человека (ценностные ориентиры, готовность к самостроительству, гибкость мышления, воля и пр.) и не зависящие (социальная среда, уровень жизни, материальная обеспеченность, средства массовой информации, экологическая среда) [6].

Многими учеными подчеркивается значимость социальной составляющей. Так, И. П. Смирнов отмечает, что к решающим факторам, влияющим на самореализацию личности, можно отнести сформированные внешней средой личностные качества. Е. В. Селезнева указывает на то, что человек может самореализовываться как уникальная целостная личность только во встрече с другими людьми. По мнению Л. А. Коростылевой, основными условиями самореализации являются наличие у человека определенных интересов и ценностей, развитого само- сознания и рефлексии с актуализированной способностью познавать и совершенствовать себя, свои реальные и потенциальные способности и возможности, окружающий мир [6].

Самореализация личности теснейшим образом связана с ценностными ориентациями, которые, выступая содержательной стороной направленности личности, представляют собой сжатую программу развития человека. Самореализация, с этой точки зрения, выступает как процесс воплощения модели личности, заложенной в системе ценностей, которая подвержена влиянию социума и достаточно изменчива под воздействием внешних факторов и, в конечном счете, влияет на формирование структуры личности [1].

Как видим, в рамках психологической науки многообразно понимание самореализации (и как процесса, и как способа познания, выявления, раскрытия, реализации задатков, потенциальных возможностей человека, и как цели деятельности, и как совокупности всех этих характеристик), а также факторов и условий ее осуществления.

На наш взгляд, наиболее отвечающим современным требованиям системного подхода к рассмотрению психических явлений и наиболее перспективным является понимание самореализации в рамках концепции системно- диспозиционного изучения личности и ее свойств А. И. Крупнова как совокупности инструментально-стилевых и мотивационно-смысловых характеристик, обеспечивающих постоянство стремлений и готовность к самовыражению личности в различных сферах в процессе онтогенеза [6].

Под воздействием неблагоприятных условий могут выявляться повышение агрессивности поведения, снижение жизненного тонуса и другие проявления, мешающие самореализации личности. Указаны внешние и внутренние формы, направленные соответственно на социум и на свой внутренний мир, и виды (социальная, деятельностная и личностная), связанные с социальным, профессиональным и духовным развитием личности [6]. Учитывая вышеизложенные особенности процесса самореализации, главными условиями для ее проявления и развития у старшеклассников будут:

- активизация познавательной деятельности учащихся интерактивными методами обучения;
- создание ситуации успеха на уроке;
- освоение нового опыта
- совместная деятельность старшеклассников;
- опосредованное деятельностью общение старшеклассников между собой.

Согласно мнению Н. В. Шрамко важными условиями развития потребности в самореализации учащихся являются [15]:

1. Решение учебно-исследовательских заданий, реализующих творческий потенциал обучающихся, а также самостоятельный поиск путей и решений проблемы, средств и ресурсов, таким образом, повышающих реализацию имеющихся ресурсов и активизирующих поиск новых.
2. Моделирование личностно и профессионально значимых ситуаций взаимодействия, активирующих дальнейшее развитие способностей, личностных и коммуникативных ресурсов обучающихся в процессе взаимодействия с другими, что способствует как удовлетворению потребности в самореализации с одной стороны, так и ее дальнейшему развитию с другой.

Таким образом, правильно организованная развивающая среда дает возможности для личностно-профессионального становления. Это свобода принятия обучающимся решения об его вхождении в эту среду, выбор деятельности, которая позволила бы ему достичь наибольшего успеха, наивысшего самовыражения; построение диалоговых отношений с людьми различных возрастов и социальных групп; более интенсивное проживание различных ролей; освоение различных сред, образующих образовательное пространство [15].

Вместе с тем, опыт изучения реального становления потребности в самореализации у школьников в исследованиях Ю. В. Заводовой [2] показал, что:

- существует противоречие между требованием общества формирования потребности в саморазвитии и самореализации и действиями педагогов и родителей в реальности;
- основным условием развития потребности в самореализации являются субъект-субъектные отношения между школьниками и взрослыми, в то же время в большинстве случаев превалируют субъект-объектные отношения, затрудняющие развитие потребности в самореализации;
- существует тенденция к избирательности в становлении и реализации у детей потребности в самореализации в зависимости от склонностей к изучению различных предметов в школе и занятиям в свободное время;

По нашему мнению необходимо согласиться с точкой зрения В. В. Серикова о том, что самореализация как стремление к признанию своего образа «Я» окружающими относится к основным личностным функциям. Потребность утвердить себя, добиться признания называется фундаментальной человеческой принадлежностью. Ее удовлетворение является необходимым условием и источником нормального развития старшеклассника, в ходе самореализации формируется положительный образ «Я» [11, с. 16–19].

Таким образом, мы пришли к следующим основным выводам.

Потребность в самореализации является одной из высших потребностей человека. Основными ее характеристиками являются появление стремления человека к самоосуществлению, быть собой, развивать себя, реализовать имеющиеся ресурсы и получить новые.

К важнейшим условиям формирования потребности в самореализации можно отнести возможность активного освоения субъектом самореализации жизненного пространства, нового опыта и социальных связей путем участия в целенаправленной творческой и профессиональной (в нашем случае, учебной) деятельности.

Важным моментом в формировании потребности в самореализации старшеклассников является опыт их взаимодействия со взрослыми, наличие со стороны последних желания и возможности вступить с подростком в субъект-субъектные отношения, являющиеся одним из основных условий самореализации и саморазвития старшеклассников.

Вместе с тем, как отмечают исследователи, в существующей педагогической и воспитательной традиции предпочитается субъект-объектный подход во взаимодействии со старшеклассниками, что существенно затрудняет развитие потребности в самореализации последних, перенося ее на более поздние сроки.

Список литературы:

1. Багина В. А. Личностное самоопределение старшеклассников в условиях учебной деятельности//Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – М.: АНО «НИЦ «Теория и практика физической культуры и спорта». 2007. № 2. – С. 7–13.
2. Заводова Ю. В. Формирование потребности в саморазвитии у учащихся: социологический анализ. Автореф. дисс. … канд. соц. н. Екатеринбург, 2009.
3. Зиглер Д. Хьелл Л. Теории личности: основные положения, исследования и применение. – СПб.: Питер, 2011. – 607 с.
4. Егорычева И. Д. Самоотношение, самореализация, самоактуализация как феномены, определяющие способность человеческого роста-развития//Мир психологии. – М.: МПСИ, 2005. № 3. – С. 11–32.
5. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984. 252 с.
6. Коротаева Е. В. Обучающие технологии в познавательной деятельности школьников. М.: Сентябрь, 2003. 176 с.
7. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А. Ю. Педагогический словарь: Для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений. – М.: Академия, 2000. – 176 с.
8. Кудинов С. И., Крупнов А. И. Системная модель самореализация личности//Вестник РУДН. – М., 2008. № 1. – С. 28–37.
9. Мельник С. Н. Психология личности: учебное пособие. – Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. – 96 с.
10. Муха В. М. Понятие самореализации личности и его сущность в гуманитарных науках//Веснік ГрДУ імя Янкі Купалы. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – Гродна: ГрДУ, 2010. № 2. – С. 112–118.

11. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 485 с.
12. Сериков В. В. Личностно ориентированное образование//Педагогика. 1994. № 5. С. 16–19.
13. Талызина Н. Ф. Формирование познавательной деятельности учащихся. М.: Знание, 1983.
14. Шиянов Е. Н. Развитие личности в обучении. М.: Академия, 1999. 288 с.
15. Шрамко И. В. Условия самореализации личности в образовательной среде вуза//Педагогическое образование в России. 2011. № 4. С. 34–38.

Zhumabayeva Aziya Eleupanovna, Head of early years and primary school education department, Doctor of education, Professor,
Ospanov Tolegen Karazhanovich, Candidate of education, Professor,
Kdyrbayeva Azatkul Ahmetovna, Candidate of physics and mathematics, Professor,
Omarova Gulnar Joldasovna, Master of education, senior lecturer,
Yerkebayeva Saule Jomartovna, Master of education, senior lecturer,
Tajiyeva Marzhan Kadirbayevna, Master of education, lecturer
Abay Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: m.tajiyeva@gmail.com

The comparative analysis of early years practitioner's training in the Republic of Kazakhstan and abroad (England, Russia, Latvia)

Annotation: The article considers tasks of EY practitioner's training in Kazakhstan and abroad. It analyses an experience of early years institution's development in these countries.

Key words: early childhood education, kindergarten, early childhood institution, curriculum, national standard of early childhood education, bachelor, master degree.

Жумабаева Азия Елеупановна, зав. кафедрой теории и методики дошкольного и начального образования, доктор пед. наук, профессор,
Оспанов Толеген Каражанович, кандидат пед. наук, профессор,
Кдырбаева Азаткуль Ахметовна, кандидат физ.- мат. наук, профессор,
Омарова Гульнар Жолдасовна, магистр педагогики, старший преподаватель,
Еркебаева Сауле Жомартовна, магистр педагогики, старший преподаватель,
Таджиева Маржан Кадирбаевна, магистр педагогики, преподаватель
(Казахский Национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Казахстан)
E-mail: m.tajiyeva@gmail.com

Сравнительный анализ подготовки специалистов дошкольного образования в Республике Казахстан и за рубежом (Англия, Россия, Латвия)

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы профессиональной подготовки специалистов дошкольного образования в Республике Казахстан и странах ближнего и дальнего зарубежья. Проводится анализ опыта развития дошкольных организаций образования в этих странах.

Ключевые слова: дошкольное образование, детский сад, дошкольная организация образования, программа обучения, государственный стандарт дошкольного образования, бакалавриат, магистратура.

В современных условиях инновационных преобразований образовательной сферы меняется стратегия подготовки специалистов, в том числе и будущих специалистов дошкольного образования. В связи с этим становится необходимым обратить внимание на использование позитивного опыта, накопленного

в истории отечественного дошкольного образования, у истоков которого были такие видные педагоги и общественные деятели как Н. Кулжанова, О. Д. Мухля, Е. Л. Романова, М. Г. Солдатова. К. Д. Травина, М. Ф. Покровский, Ш. Бегимбетова и другие.

История развития дошкольной системы Казахстана восходит к началу XX века. С 1917 года в республике стали создаваться дошкольные организации в виде детских площадок. Одними из первых они открылись в городах Семипалатинск и Верный (ныне г. Алматы). В Семипалатинске в 1921 году насчитывалось 5 детских площадок: по одной для мусульманских и еврейских, три — для русских детей. В Верном функционировала одна детская площадка на 300 детей, которую вскоре преобразовали в детский сад по инициативе слушательницы Петроградских фребелевских курсов О. Д. Мухля. Для организации работы детского сада в помощь воспитателям О. Д. Мухля издает первую книгу методического характера «Детский сад и его работа» (1919), в которой излагает рекомендации по работе с детьми дошкольного возраста с учетом местных условий. В ряде областей создавались дошкольные юрты по обучению матерей правильному уходу за ребенком, дошкольные библиотеки, проводились «недели ребенка» [1].

Выдающийся вклад в развитие системы дошкольного образования и воспитания, расширение сети детских садов, в разработку научных начал дошкольного воспитания внесла Назипа Кулжанова (1887–1934). Автор известных работ « Дошкольное воспитание» (1923), «Мать и дитя» (1927) и других статей по дошкольному воспитанию и другим общественно-педагогическим проблемам, которые оказали позитивное влияние на их развитие., Большую роль в развитии дошкольного воспитания в Казахстане сыграл также М. Ф. Покровский, который организовал дошкольные учреждения в г. Акмолинске.

В 1922 году в целом в республике работали 22 детских сада и площадки. С начала 30-х годов были открыты несколько учительских и педагогических институтов в областных центрах страны, ряд педучилищ, а также создан научно-исследовательский институт педагогических наук (1933 г.).

К 1940 году во всех областях функционировало 517 дошкольных организаций с охватом более 21 тысячи детей дошкольного возраста Примечательно, что за годы Великой Отечественной войны было открыто еще 188 яслей-садов Основная задача дошкольных организаций до 1961 года в основном состояла в присмотре и уходе за детьми занятых на работе родителей, в то же время большое внимание уделялось их физическому развитию и охране здоровья. Работали в дошкольных организациях в основном выпускники педагогических училищ [2].

К 1990 году число дошкольных организаций достигло своего пика и составило 8881, их посещало 47,8% детей страны от 2 месяцев до 7 лет.

Начиная с переходного периода в 1991 году сеть дошкольных организаций в республике снизилась на 80% в результате передачи детских садов в негосударственный сектор за счет их приватизации (1997–2000 г.), в итоге к 2001 г. потеряно 82% яслей- садов. Охват детей от 0 до 7 лет снизился до 10% и функционировало лишь 1158 дошкольных организаций

В 1998–1999 гг., в результате специально принятых мер стали происходить положительные изменения: процесс закрытия дошкольных организаций прекращается, постепенно открываются ранее закрытые дошкольные учреждения. Детский сад действительно становится основной формой дошкольного воспитания и обучения детей, эффективной моделью первой ступени непрерывного образования и ранней социализации детей. В дошкольных организациях воспитывалось 146,4 тысяч детей или 15% от общего количества детей дошкольного возраста.

В ноябре 1999 г. правительство Казахстана приняло постановление № 1762 «О вопросах обязательной предшкольиой подготовки детей», согласно которому в образовательных учреждениях могут открываться одногодичные предшкольные классы для подготовки детей к школе. Это постановление позволило охватить до 70% детей 5–6 — летнего возраста. Норма обязательной предшкольной подготовки стала одним из достижений страны в пользу детей дошкольного возраста..

Республика Казахстан — единственная из стран СНГ законодательно закрепила право ребенка на предшкольную подготовку. В этом же году президент страны Н. Назарбаев определил, что восстановление и развитие системы дошкольного образования является одним из национальных приоритетов в образовании.

В современных условиях развитие системы дошкольного образования в значительной степени обусловлено тем, насколько эффективно осуществляется подготовка и переподготовка педагогических кадров. Важным шагом стало введение в 2000 году специальности «Педагогика и методика дошкольного воспитания» в «Классификатор специальностей высшего образования», то есть была восстановлена подготов-

ка кадров с высшим образованием по дошкольным специальностям. В эти годы разработаны и прошли апробацию 19 учебно-методических комплексов из 82 наименований на государственном и русском языках. Уже в 2003–2004 учебном году более 220 тысяч воспитанников предшколы были обеспечены первым поколением учебников. В течение последующих 10 лет эти показатели непрерывно возрастали [3].

В 2006 году был утвержден государственный общеобязательный стандарт высшего профессионального образования (бакалавриат) для специальности «Дошкольное обучение и воспитание», в 2009 году этот стандарт был переработан, дополнен определением общих и специальных профессиональных компетенций выпускников. Компетентностный подход выступает основой обновления содержания профессионального образования. Таким образом, были созданы условия для подготовки специалистов с высшим образованием для дошкольных организаций. Этому способствует открытие в каждом областном педвузе факультетов ПМНО и дошкольного обучения и воспитания. Расширяется прием в магистратуру по данной специальности.

В настоящее время в 22 вузах республики осуществляется подготовка специалистов данного профиля. Действующий государственный общеобразовательный стандарт высшего образования Республики Казахстан по специальности 5 В010100 — «Дошкольное воспитание и образование» предусматривает получение студентами общекультурного уровня и профессиональной подготовки. В нем определены следующие направления деятельности преподавателей вуза в формировании профессиональной компетентности студентов: применение педагогических технологий в преподавании предметных дисциплин (эмпирический уровень); реализация комплексной программы подготовки студентов к профессиональной деятельности (теоретический уровень); организация практической и исследовательской деятельности студентов в инновационных дошкольных организациях (практический уровень).

Таким образом, модернизация системы высшего педагогического образования напрямую связана с возросшими требованиями к уровню компетентности бакалавра по дошкольному обучению и воспитанию.

Большой интерес вызывает система подготовки педагогов для дошкольных организаций в России, так как здесь решаются похожие проблемы: определение содержания, методов и средств дошкольного образования, наиболее подходящих для гармонического, психофизического и социального развития детей; перестройка деятельности дошкольных учреждений с целью наиболее полного удовлетворения нужд семьи. Обзор российского опыта дошкольного образования позволяет максимально возможно учесть специфику профессиональной деятельности будущего специалиста дошкольного образования и определить перечень специальных педагогических компетентностей, необходимых для ее успешного осуществления.

В 60-е годы XIX века в российском педагогическом образовании произошли важные преобразования, обусловленные интенсивным развитием капиталистических отношений, активным общественно-педагогическим движением, законодательной деятельностью Министерства народного просвещения. Последствием этих изменений явилось пробуждение у широкой общественности (педагогов, родителей, врачей, молодежи и других) интереса к проблемам дошкольного периода детства и возникновение нового для России воспитательно-образовательного учреждения — детский сад.

Первые российские дошкольные учреждения создавались по образцу фребелевских детских садов Германии. Автор системы общественного дошкольного воспитания Ф. Фребель как важную составляющую педагогической системы рассматривал организацию подготовки воспитателя детского сада, в которую включал знание физиологии ребенка, психологии и педагогики, общекультурных дисциплин. Отношение к системе Фребеля в России было двояким: одни считали необходимым внедрять ее в том виде, как она применялась в Германии, другие стремились брать из нее идеи для последующей доработки и реализации в российских условиях.

В начале XX века российская педагогическая общественность горячо поддерживала идею общественного дошкольного воспитания, детские сады назывались лучшей школой социального воспитания. Знакомство с различными педагогическими системами, теоретическая разработка проблем воспитания русскими педагогами (К. Д. Ушинский, Е. Н. Водовозова, А. С. Симонович, И. А. Сикорский и другие), собственный опыт организации дошкольных учреждений позволили в достаточно сжатые сроки заложить концептуальные основы самобытной национальной системы общественного дошкольного воспитания в России.

В первые годы XX века наблюдался численный рост дошкольных учреждений, которые характери-

зовались видовым разнообразием: приюты, детские сады — частные, общественные (народные), семейные, ясли, детские колонии, площадки, очаги. Во всей России до 1917 г. существовало 285 дошкольных учреждений (яслей, детских очагов, детских садов), общее число детей в них было около 5 000 [4].

Первые русские детские сады создавались в помощь семье, стремящейся дать полноценное воспитание своим детям. Цель воспитания по Фребелю –развитие природных способностей детей — как нельзя лучше соответствовала запросам прогрессивных родителей того времени.

Увеличение количества дошкольных учреждений обусловливалось социально-педагогическими причинами. Школа предъявляла определенные требования к уровню подготовленности ребенка. Родители не всегда могли подготовить детей к школе. Развитие промышленности, особенности жизни во время первой мировой войны повлияли на процесс активного привлечения дееспособных матерей в производственную сферу. Деятельность по созданию народных детских садов, очагов, детских площадок и других учреждений выполнялась как социальный заказ общества.

Инициаторами создания первых детских садов выступали частные лица и общественные организации — педагогические общества и кружки. Среди первых: Московское общество воспитательниц и учительниц (1870 г.), Санкт-Петербургское Фребелевское общество (1871 г.).

В связи с революционными событиями 1905–1907 гг. наметилась динамика роста педагогических и общественных объединений. Увеличение сети детских дошкольных учреждений вызвало создание в России педагогических курсов по подготовке детских садовниц.

Одним из первых вопрос о специальном педагогическом образовании поставил К. Д. Ушинский, который дал научное обоснование значения этого вида подготовки. «А почему же и не быть педагогическому факультету? Целью было бы изучение человека во всех проявлениях его природы с специальным приложением к искусству воспитания» [5].

Проблема подготовки руководительниц и воспитательниц детских садов становится одной из актуальных. Считалось, что не только воспитатели, но и содержательница детского сада должна иметь ценз не ниже учительницы начального училища, т. е. обязательное педагогическое образование. Таким образом, специальная подготовка педагогических работников для общественного дошкольного воспитания выделилась из системы женского образования и являлась частью общепедагогической подготовки.

В советское время в 20-е — 30-е годы XX века государственное профессиональное образование дошкольных работников было представлено разными типами учебных заведений, содержание учебных планов которых было направлено на квалификационную подготовку и обеспечение кадрами всех ступеней системы дошкольного воспитания и образования (детские сады, курсы, педтехникумы — педучилища, вузы).

Особую роль в подготовке специалистов дошкольного образования сыграл старейший педагогический вуз России, известный как второй МГУ — Московский государственный педагогический институт (МГПИ).

Преподавательским коллективом педагогического факультета МГПИ были разработаны организационные и теоретические положения построения учебного процесса подготовки специалистов для учебно-воспитательных учреждений страны, определены и развиты направления научного изучения проблем общественного дошкольного воспитания, послужившие основой для государственной педагогической системы.

В настоящее время этот вуз переименован в Московский государственный педагогический университет и является центром подготовки научных и педагогических кадров для системы образования страны.

Одним из мировых лидеров в сфере образования является Англия, наиболее крупная историческая и административная часть Великобритании, в которой сложилась и эффективно функционирует многоступенчатая система подготовки педагогических кадров. Многочисленные британские реформы и инновации последние трех десятилетий в этой сфере опираются на уходящие в многовековую историю традиции этого европейского государства и являются их дальнейшим развитием. Их изучение позволяет не только переосмыслить накопленный поколениями опыт и понять истоки многих происходящих в стране процессов, но и вывести всю систему педагогического образования на качественно новый уровень.

Быстрое развитие сети дошкольных учреждений в Англии началось в годы Второй мировой войны. В этот период основным видом дошкольных учреждений стали платные круглосуточные ясли, куда принимали детей в возрасте от нескольких месяцев до 5 лет. В соответствии с «Актом об образовании» 1944 года дошкольное воспитание должно было стать

всеобщим, где было предусмотрено, что дети 2–5 лет должны посещать начальную школу, для малышей от 2–5 лет предназначены специальные классы, которые могут быть государственными (бесплатными) или частными. В связи с тем, что власти больше внимания уделяли развитию среднего и высшего образования, положения, изложенные в законе, не были реализованы.

В 60-е годы увеличилось число частных учреждений, среди которых распространение получили игровые группы. В 1962 году была создана Ассоциация дошкольных игровых групп. В 1970–1980-е годы хотя и были предприняты попытки укрепить государственную систему дошкольного воспитания, но выделяемые средства были явно недостаточны, чтобы решить эту проблему.

В 1989 году в Великобритании принят «Закон о детях», который вступил в силу в октябре 1991 года. Основные положения предусматривали усиление государственного контроля за учреждениями дошкольного воспитания. Подлежали регистрации все дошкольные службы, няни, родители, организующие семейные детские сады, дневные ясли, работающие свыше шести недель в году. В 1996 году лишь более половины детей в возрасте до 5 лет посещали различные типы дошкольных учреждений.

В 2000 году британское правительство ввело так называемую базовую ступень, которая включает дошкольные учреждения, находящиеся на бюджетном финансировании и предоставляющие образование детям 3–5 лет. Базовая ступень распространяется и на негосударственные учреждения, если они получают определенные правительственные субсидии. Все эти учреждения обязаны следовать единой государственной образовательной программе («Программа — руководство для базовой ступени», 2000) и реализовать цели раннего обучения, установленные Законом 2002 года. Предпринятые меры способствовали усилению контроля над дошкольным образованием, приведению его к единой системе, повышению статуса и качества. Образовательные программы для разных ступеней носят название «Куррикулум».. Введение единого программного документа в значительной степени регламентировало и структурировало учебно-воспитательный процесс в дошкольных учреждениях Великобритании. В 2002 году была выпущена программа для детей от рождения до 3 лет «От рождения до трех — это важно» и принято кардинальное решение объединить базовую ступень (3–5 лет) с ранним возрастом (0–3 лет) и разработать единую образовательную программу [6].

Количество детей, получающих бесплатное образование, постоянно увеличивается. Это происходит в результате внедрения с 1998 года специальной правительственной программы. Согласно ей, дети 4-х летнего (а с 2004 года и 3-х летнего) возраста имеют право на бесплатное дошкольное образование в объеме 12,5 часов в неделю на протяжении 38 недель в год. Это право их родители могут реализовать не только в государственных, но и частных и некоммерческих дошкольных учреждениях, если таковые участвуют в данной программе.

В настоящее время в Англии функционируют дошкольные учреждения разных типов. Они различаются по источникам финансирования, целям, содержанию и режиму работы, контингенту детей, особенностям организации своей деятельности. Это ясельные школы (англ. Nurseryschools, учреждения образовательного типа для детей 2/3–5 лет) и классы, дневные ясли, семейные, игровые и ясельные центры, клубы матери и ребенка, игровые группы, библиотеки игрушек. Дошкольное образование обеспечивают также нулевые или подготовительные классы школ (приемные классы) и частные няни, многие из которых стремятся получить государственную аккредитацию.

Наибольшей популярностью у родителей пользуются игровые группы, делающие акцент на социальном развитии ребенка, а также ясельные школы и подготовительные классы, как заведения, прежде всего образовательного типа.

Таким образом, концепция английского детского сада, сложившаяся за длительную историю развития характеризуется, прежде всего, личностным направлением и индивидуальным подходом к детям. Важное место отводится игре, созданию предметно-развивающей среде, причем акцент делается на его развивающем аспекте.

В Англии нет официальных, документов, регламентирующих содержание работы дошкольных учреждений. Работники дошкольных учреждений самостоятельно составляют программы в соответствии с указаниями, получаемыми на специальных конференциях и курсах. Однако в последнее время ученые и практики поднимают вопрос о необходимости создания национальной программы воспитания для дошкольных учреждений. Разнообразие типов учреждений привело к разнообразию содержания работы с детьми. Характерной особенностью, объединяющей практически все программы дошкольных учреждений,

является всестороннее развитие детей, при усилении личностной направленности воспитания и обучения. В практике английских дошкольных учреждений активно используются методы М. Монтессори [6].

Профессиональные стандарты для педагогов, в том числе для воспитателей (Professional Standards for Teachers), разработанные Департаментом образования и Агентством по подготовке и развитию педагогических кадров (TDA), используются в Англии с 1998 г. На протяжении десятилетия эти документы неоднократно уточнялись (последняя версия — 2007 г.)

Особенностью стандартов для учителей в Англии является то, что к ним прилагается руководство, которое обеспечивает процедуру выявления сформированности профессиональных компетенций и предполагает взаимосвязь требований стандартов. Согласно требованиям стандартов, каждый вуз обязан: разработать программу курса обучения, содержание которой обеспечит достижение стандарта для получения статуса квалифицированного учителя; оценить сформированность каждой из компетенций стандарта; подготовить каждого студента к преподаванию на двух основных ступенях Государственного учебного плана; предоставить возможности реализации индивидуальных образовательных потребностей студентов; ознакомить всех студентов с требованиями стандарта и помочь им выстроить образовательный маршрут оптимально, чтобы все требования стандарта были выполнены; организовать партнерство со школами и детскими садами и совместно осуществлять подготовку и оценивание детей; координировать теоретическую подготовку в вузе с практической на рабочем месте.

На наш взгляд, именно в этот период были заложены основы практико-ориентированной модели подготовки будущих специалистов на рабочем месте, которая играет ведущую роль в современном высшем профессиональном образовании страны.

Список литературы:

1. Жарикбаев К. Б. История развития педагогической мыслив Казахстане.- Алма-Ата, 1968.- 167 с.
2. Баймуратова Б. Б. Дошкольным учреждениям Казахстана- 60 лет//Бастауыш мектеп.- 1980.-№ 3
3. Джадрина М. Ж., Байжасарова Г. З. Теоретико-методологические аспекты развития школьного и дошкольного образования в условиях ориентации на результат. Алматы. 2006.- 255 с.
4. Жундрикова С. В. Подготовка специалистов дошкольного воспитания в РСФСР (1917–1941 гг.). — М.,2006
5. История дошкольной педагогики в России\Под ред. С. Ф. Егорова, Хрестоматия.- М., 1999
6. Gillard D. Education in England: a brief history.- 2012 (электронный ресурс)

Ishkova Elena Ivanovna, Eletski State University IA Bunin,
assistant preschool department and correctional pedagogy
E-mail: eihkova48@mail.ru

Television as a component of the educational activities of preschool children

Abstract: the article describes the capabilities and features of the television as a component of the educational activities of preschool children. The article provides guidelines for the parents for the organization of watching TV in the family.

Keywords: Television, preschool child, information, TV culture.

Ишкова Елена Ивановна, ассистент кафедры дошкольной и
коррекционной педагогики ЕГУ им. И. А. Бунина
E-mail: eihkova48@mail.ru

Телевидение как компонент образовательной деятельности детей дошкольного возраста

Аннотация: в статье раскрываются возможности и особенности телевидения как компонента образовательной деятельности дошкольника, даются методические рекомендации родителям для организации просмотра телепередач в семье.

Ключевые слова: телевидение, дошкольник, информация, телевизионная культура.

В соответствии с Федеральным законом (статья 64) «Дошкольное образование должно быть направлено на формирование общей культуры, развитие физических, интеллектуальных, нравственных, эстетических и личностных качеств, формирование предпосылок учебной деятельности, сохранение и укрепление здоровья детей дошкольного возраста».

В период с 2004 по 2013 г. под патронатом Министерства образования и науки РФ неоднократно были проведены семинары экспертов по российскому детству. Одной из целей являлось — создание методов профессионального контроля детского телевидения, наполнением его образовательным содержание, так как за последние 10–15 лет в современном мире произошли существенные изменения, затронувшие все сферы жизни. Нарастающая информационная нагрузка, преобразования традиционных каналов социализации, общее ускорение темпа жизни — все это не могло не отразиться на детях. Сегодня дети с легкостью пользуются сложнейшими техническими устройствами, растут и развиваются в условиях расширенного информационного пространства и нового типа взаимодействия социальных институтов. Детское телевидение стало таким же глобальным, как и мировая экономика.

В настоящее время большинство детей получают дошкольное образование в семье. В этой связи возникает необходимость изучения роли семьи в использовании телевидения как компонента образовательной деятельности детей. И здесь следует говорить о той роли родителей, которую они должны играть в ограничении негативных воздействий этих средств воспитания на детей. «Родители, — как записано в упомянутом выше документе, — должны обеспечить правильный отбор телевизионных программ для детей, и в связи с этим в соответствии со статьёй 64 Федерального закона «имеют право на получение методической, психолого-педагогической, диагностической и консультативной помощи без взимания платы, в том числе в дошкольных образовательных организациях и общеобразовательных организациях, если в них созданы соответствующие консультационные центры. Обеспечение предоставления таких видов помощи осуществляется органами государственной власти субъектов Российской Федерации».

В настоящей статье покажем, какова роль телевидения в семейном воспитании.

Средства массовой информации по выполняемым функциям являются социальными институтами, обеспечивающими духовное, нравственное, воспитательное и образовательное становление подрастающего поколения [11].В ряду разнообразных средств массовой информации немаловажная роль принадлежит телевидению, оно привлекает: яркими красками, ритмичной музыкой, броскими фразами, неожиданными анимационными эффектами. Благодаря названным характеристикам телевизионные программы надолго сохраняются в памяти, формируют у дошкольника знания о социальной действительности. Однако следует заметить, что воздействие телевидения на детей не изученная проблема, хотя попытки в решении имеют место в современной науке.

Итак, известный итальянский детский писатель и журналист Джанни Родари считал, что «порой не знаешь, чему учится ребёнок, сидя перед экраном телевизора. Никогда не следует недооценивать способность ребёнка творчески реагировать на увиденное» [8].

Н. В. Рыжова освещая проблему телевидения, рассматривает рекламу, как часть образовательной деятельности дошкольников, как особый жанр искусства, которому присущи такие характеристики как краткость, образность, «привлекательность». Она подчёркивает, что «словесная» часть рекламы сродни пословицам и поговоркам, с которыми мы знакомим детей, подчёркивая их «афористичность, краткость ». По её мнению, рекламные ролики привлекают внимание детей, и «вряд ли запретами в её просмотре можно чего-то достигнуть» [8].

Н. М. Казаковой был сделан вывод о том, что «уже в дошкольном возрасте реклама вызывает у детей большой интерес и может быть воспринята как явление социальной жизни и использована как средство экономического воспитания» [4].

В. Д. Сыч, С. Р. Фейгинов, Э. Флеминг, считают, что телевизионная информация воспринимается и усваивается лучше печатной и устной, и дольше сохраняется в памяти дошкольника. Это связано с тем, что во время просмотра телепередач, телевизионной рекламы у детей увеличивается количество ассоциативных связей с прошлым опытом, с ранее приобретёнными знаниями, с явлениями реальной жизни, как результат, познавательная деятельность органически переплетается с эмоциональной, что и способствует созданию целостного представления об увиденных предметах и явлениях. Запас этих представлений значительно обогащается ещё и в связи с тем, что изо-

бражение всегда подкреплено словом, что приводит к большей устойчивости образа в сознании [8].

Исследования В. Д. Сыч показали, что если в телепередачи воссоздана обстановка жизненной среды, определённых ситуаций, близких пониманию ребёнка, то при её восприятии он заряжается мыслями, чувствами, переживаниями героев, и «входит» в эти образы, творчески отражая их в играх [9].

О. Маховская в своей статье «Проблемы психологического обоснования и экспертизы содержания телепрограмм для дошкольников », отмечает, что «все большее число детей растут (живут, взрослеют, развиваются) перед экранами телевизоров и компьютеров, таким образом, последнее поколение получило название «экранного». Экран становится основным проводником ребенка в мир, диктует законы и предлагает модели поведения детям, у которых еще нет критического отношения к миру. Обучение построено на имитации и прямом копировании того, что они видят перед собой. Как и герои большинства мультфильмов и фильмов, содержащих элементы эксцентрики и преувеличений, дети приобретают повышенную возбудимость, синдром гиперактивности, зависимость от внешних факторов, готовность отвлечься от первоначального замысла. Дети привыкают воспринимать информацию с экрана «в чистом виде», без переживаний и сопротивления, без эмоций, на которые просто не хватает времени из-за быстрой смены кадров.Они растут холодными и равнодушными — такими, какими сегодня являются телевидение и компьютерный мир» [5, 83–91].

Как свидетельствуют приведённые выше высказывания исследователей, для детей дошкольного возраста телевидение выступает источником достоверной информации о реальном мире и его функционировании, а так же как явление, которое может нанести значительный ущерб как физическому так психическому здоровью дошкольника.

В то же время, по статистическим данным, за последние 20 лет резко увеличилось количество детей, которые воспринимают только зрительную информацию, а слуховую воспринимают слабо. Кроме того доказано, что в общении с другими детьми они часто испытывают затруднения, это объясняется тем, что во время просмотра телепередач ребёнок не задействует механизмы активной речи, он только слушает, а это негативно влияет на развитие речи детей.

Авторами отмечается ещё одна негативная сторона телевидения: передачи построены стереотипно, что не побуждает ребенка развивать творческие способности, дошкольник не учится мечтать и фантазировать, играть в ролевые игры со своими сверстниками, что способствует деперсонализации. Размножились и потеряли свою особость персонажи кино. Сказочные герои и предпочтения детей 30 лет назад были понятны. Силы Добра и Зла олицетворялись однозначно, и ролевые игры превращались в игры в «своих» и «чужих». Сегодня дети ориентируются не на поступки героев, а на их внешность. Их занимают не хорошие, добрые герои, которые совершают достойные поступки, а красивые и «навороченные» («богатые и успешные»). С экрана, как и из жизни, исчез целый ряд важных ценностей, которые позволяли оптимистично смотреть в будущее: дружба, взаимопомощь, творчество. Современное телевидение меняет образ жизни ребенка [5].

В нивелировании отрицательного влияния телевидения на детей особая роль принадлежит родителям. Замечено, что родители все меньше уделяют времени детям: в среднем у матери для разговора с ребенком остается примерно двенадцать минут в день, тогда как перед телевизором дети проводят по несколько часов в день [2, 37–39].

Английский логопед Салли Уорд в результатах десятилетних исследований установила, что 20% детей к девяти месяцам отстают в развитии, если родители пользовались телевизором, как нянькой. Но, если они ограничивали телевизор и начинали усиленно общаться с ребенком, то малыш мог нагнать своих сверстников всего за 4 месяца.

Современная дошкольная педагогика рекомендует ограничить просмотр телевизора, для детей дошкольного возраста рекомендуется смотреть не более 1 часа, для школьников — до 2 часов в день.

В качестве же компенсации уменьшения времени просмотра телевизора можно рекомендовать: совместные занятия с ребенком, такие как рисование, лепка, чтение, подвижные игры, домашние дела или просто совместная прогулка.

Необходимо создать ребенку как можно более благоприятные условия для творческих игр, приобретения живого чувственного опыта и энергичной активности в разнообразных видах деятельности. Главное — разбудить в ребенке естественную тягу к деятельности.

Родителям можно порекомендовать по руководству детьми за просмотром телепередач следующее:

— обсуждение увиденного на экране с выделением существенного, значимого в содержании телепередачи;

— побуждение детей к собственным оценкам и суждениям по просмотренным материалам;

— стимулирование у детей интереса к переносу полученных знаний в различные виды детской деятельности (игровую, конструирование, рисование, аппликацию и т. п.).

При правильном руководстве просмотром телепередач со стороны взрослых телевидение приобретает позитивную роль: ребенок «впитывает» новую информацию, знакомится с разнообразными видами искусств, получает эстетическое, нравственное, умственное воспитание, у него формируется способность ориентироваться в окружающем мире.

Вышесказанное позволяет сделать вывод: на сегодняшний день несформированность телевизионной культуры у детей, является одной из актуальных проблем дошкольной педагогики, её отсутствие не позволяет детям сделать осознанный выбор нужной информации, выделить главное, формировать вывод из увиденного. Правильному восприятию телевизионного искусства нужно учить так же, как и восприятию произведений музыкального и художественного творчества. Главное это чёткий и продуманный контроль со стороны взрослых.

Список литературы:

1. Авдеева, Н. Н., Фоминых, Н.А Психологическое воздействие телерекламы на детей//Психологическая наука и образование. 2004.-№ 4. [Электронный ресурс].
2. Балаховская, Т. Н. Три назначения мультимедиа//Компьютер пресс. 1995. – № 2.- С. 37–39.
3. Бойко, Е. И. К постановке проблемы умений и навыков в современной психологии//Советская педагогика. 1955. – № 1 – С. 41 –54.
4. Казакова, Н. Мы любим рекламу!//Обруч. 1999. -№ 1. -С. 29–30.
5. Маховская, О. Проблемы психологического обоснования и экспертизы содержания программ для дошкольников//Дошкольное воспитание.2010.-№ 12.- С. 83–91.
6. Мишанина, В. И. Развитие познавательной активности дошкольников средствами телевидения в условиях семьи//диссертация кандидата педагогических наук: 13.00.01. – Москва, 1996. – 152 с. [Электронный ресурс].
7. Подковко, Е. Н. Особенности духовно-нравственного воспитания младших школьников в условиях перехода на новые образовательные стандарты//Психология, социология и педагогика. – 2012. – № 5 [Электронный ресурс].
8. Рыжова, Н. Играем в. рекламу//Обруч. 1998. – № 3. -С. 28–29.
9. Сыч, В. Д. Технические средства обучения в детском саду//Книга для работников дошкольных учреждений. – М., 1989 г. -С. 95.
10. Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации»/Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
11. Чумичева, Р. М. Взаимодействие искусств в формировании личности старшего дошкольника. – Ростов-на-Дону, 1995.С.-275.

Ilakavichus Marina Rimantasovna, Institute of Pedagogical and Adult Education of Russian Academy of Education (St. Petersburg), candidate of pedagogical sciences, senior researcher
E-mail: rim_9921@rambler.ru

Multi-age practices cultural practice of non-formal education as an environment of personal development of adult

Abstract: The article examines the effects of multi-age educational communities non-formal education are important for personal development adult. The problem is considered in the context of the task of consolidation of modern society, the establishment of cultural continuity.

Keywords: non-formal education, adult education, personal development, multi-age community, cultural continuity.

Илакавичус Марина Римантасовна,
Институт педагогического образования и образования взрослых
Российской академии образования (Санкт-Петербург),
кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник
E-mail: rim_9921@rambler.ru

Разновозрастные практики неформального общекультурного образования как среда личностного развития взрослого человека

Аннотация: В статье рассматриваются образовательные эффекты разновозрастных сообществ неформального образования, значимые для личностного развития взрослого человека. Проблема рассматривается в контексте задачи консолидации современного общества, налаживания культурной преемственности.

Ключевые слова: неформальное образование, образование взрослых, личностное развитие, разновозрастные сообщества, культурная преемственность.

Современный человек входит в самые разные социальные общности: принадлежность к одним воспринимается как тяжкая обязанность; иные становятся кругом единомышленников, третьи предоставляют среду для личностного развития, раскрытия полноты самореализации. Образовательные общности могут быть отнесены к каждой из перечисленных разновидностей. Их значимость общепризнанна и закреплена в триаде непрерывного образования — формальном, неформальном и информальном его секторах. Россия третьего тысячелетия выстраивает свою систему образования на основании принципа непрерывности. Одним из ориентиров данного процесса является государственная поддержка частных образовательных инициатив, целой области неформального образования. В данной статье рассматривается разновозрастность в неформальных образовательных практиках общекультурного направления как фактор личностного развития взрослого человека.

В научном сообществе нет единого мнения по поводу определения термина «неформальное образование». Приставка НЕ — интенция описать данный феномен как оппозицию, противоположность формальному образованию. Фиксируя запрос на человекоцентрированность современного образования, понятие «неформальное образование» отталкивается от всего технократического, максимально открыто запросам своих участников. Их высокая мотивация — непреложная характеристика неформального образовательного взаимодействия, наиболее ярко проявляющаяся в курсах общекультурного направления. Востребованность личностно значимых образовательных эффектов, проявляющихся в них, обусловливает активацию социальной самоорганизации, являя частные инициативы самого широкого спектра предметной направленности. Современное европейское государство крайне заинтересовано в их поддержке.

Стремление наладить социальные связи, консолидировать общество, восстановить доверие между его стратами реализуется на двух идеологических платформах: традиции и либерализма. Исторически первая основывается на знании о традиции как способе жизнеустроения всякой устойчивой во времени историко-культурной общности, обеспечивающем продление ее в веках (Е. Шацкий, Г. -Г. Гадамер). В Новое время произошло переосмысление традиции, ее переоценка. Курс на модернизацию обусловил интерпретацию традиции как *прошлого, прошедшего*, подлежащего преодолению (К. Маркс). Был взят курс на максимальную автономизацию индивида от сообщества, ее законодательное закрепление. В прошлом веке пришло понимание опасности подобного упрощенного противопоставления традиции и модернизации, традиционализма и либерализма для самой природы человека. Т. Адорно, Ж. Делез, Ю. Хабермас, М. Элиаде, Г. -Г. Гадамер — эти мыслители акцентировали значимую для общества регулятивную функцию традиции, ее роль в налаживании культурной преемственности. С ее помощью проходят становление сложнейшие процессы самоидентификации, самопонимания как личности, так и человеческой общности (Э. С. Маркарян, Ц. Б. Будаева, Ю. М. Лотман, К. В. Чистов, М. В. Захарченко). Именно традиция кодирует и транслирует все жизненно значимое как для личности, так и для общества, чем налаживает социальный порядок, воспроизводит легитимированное социальное поведение.

Анализ современной социокультурной практики позволяет говорить о предпринимаемых попытках интегрировать данные идеологические платформы: на рациональной основе конструируются площадки

для диалога поколений, диалога представителей разных социальных страт. Заинтересованность России в этом процессе определяет ее участие в ряде европейских образовательных проектов. После вхождения в Болонский процесс наряду с участием в программах ЕС «Tempus», «Erasmus Mundus» и «Erasmus Mundus External Cooperation Window», россияне задействованы в движениях «Молодежь в Действии» («Youth in Action»), «Гражданское общество и Местные инициативы» [1]. Все эти программы реализуют идеи коммуникативного и социального действия на основе морального сознания для достижения всеобщего благоденствия (в классическом понимании Ю. Хабермаса). Каждое осуществленное социальное действие рассматривается шагом в длинном пути становления гражданского общества. Объектная направленность области самоорганизации социального действия позволяет говорить о гражданских инициативах как инструменте своеобразного «самосканирования» общества на предмет выявления «точек недостач» социального развития и их ликвидации.

Показателен опыт социального действия, предъявленный в рамках национальной премии «Гражданская инициатива». «Градус» социальной самоорганизации в современной России можно оценить по их количеству: оргкомитет зарегистрировал более 500 претендентов из 72 регионов. Открытое интернет-голосование привлекло внимание около полумиллиона человек. Анализ предъявленных к общественной экспертизе практик позволяет отметить некоторые тенденции. Во-первых, на определенном этапе деятельности организаторы подавляющего числа проектов осознавали необходимость конструирования образовательного взаимодействия. Во-вторых, образовательные инициативы реализовывались как неформальные. В-третьих, они были связаны с осмыслением проблемы разрыва межпоколенческих связей, что активировало усилия по формированию площадки для диалога между поколениями. В-четвертых, подобная самоорганизация диалоговых площадок — попытка воссоздать генеральный метод традиции — *личную встречу*, в пространстве которой возможно нелинейное многоканальное протекание рефлексии и переживания объекта «передачи» идеалов и ценностей для нескольких поколений [подробнее — 2].

В психолого-педагогической литературе проблематика разновозрастных (детско-взрослых) сообществ достаточно разработана (В. А. Бахвалов, И. А. Зимняя, М. Р. Илакавичус, Т. Г. Калугина, О. Е. Лебедев, С. Б. Узденова, Г. А. Цукерман, И. Ю. Шустова, М. С. Якушкина). Объектом внимания стали разнообразные образовательные эффекты юных участников взаимодействия. Однако взрослые описываются как «большой маяк на море детей» (Г. С. Виноградов). Кроме того, в данной сфере продолжают доминировать представления о «психологической окаменелости» (Б. Г. Ананьев) взрослого человека как однажды и навсегда «ставшего», что входит в явное противоречие с человековедческими открытиями религии и искусства.

Все жизненные периоды связаны воедино устремлением к самосовершенствованию, ориентацией на культуросообразные идеалы. Эта вертикаль позволяет говорить об онтологической цели личностного развития — достижения полноты *человеческого качества*. Данное качество как результат процесса «делания» человеком самого себя — сакральное знание, хранимое мировыми религиями и искусством. Оно было предметом размышления классиков отечественной культуры, мыслителей А. А. Ухтомского, о. П. Флоренского, М. М. Бахтина, М. М. Мамардашвили. Развивая оформившуюся в их трудах традицию, современное знание о человеке определяет *человеческое качество* как взаимосвязь духовности и нравственности, проявляющемся в социальном взаимодействии возрастании личности по направлению к идеалам Истины, Добра и Красоты.

Разновозрастность является социальным микрофактором личностного развития, оказывающем непосредственное влияние в процессе тесного взаимодействия в микросоциуме — в семье, соседских отношениях, разнообразных организациях. В их среде происходит становление и развитие *человеческого качества*. Под влиянием негативных тенденций современной социокультурной ситуации претерпевает изменения традиционная модель системы агентов социализации. В течение жизни человек последовательно приобщается к разнообразным видам и типам отношений в основных сферах жизнедеятельности. Отчуждение представителей разных поколений как в социальном, так и в ценностном пространстве приводит к блокированию личностного развития, независимо от возраста индивида. Смена позиций, обусловленных возрастом, онтологически раскрывается как процесс освоения опыта предыдущих поколений (передачи опыта потомкам). Данная смена поддерживает культурную преемственность. Разновозрастная среда для взрослеющего — место социализации и самоидентификации. Для взрослого — место поддержа-

ния «помехоустойчивости» уже освоенных идеалов и ценностей культуры; место сверки личностного ценностно-смыслового континиума с ценностно-смысловым континиумом культуры. Взаимодействие с представителями иных возрастных страт актуализирует рефлексию собственной жизни субъекта, оживляя образы себя в аналогичных периодах развития.

Практики неформального общекультурного образования для разновозрастных сообществ предоставляют взрослым участникам возможность актуализировать потребность самореализации в воспитательном взаимодействии, пусть и не с кровными потомками. В подобных практиках осуществляется другодоминантность — нерастраченные в кругу своей семьи тепло и нежность, желание бескорыстно заботиться. В них человек получает возможность осуществлять личностные вклады в другого человека (А. В. Петровский), являя свою нравственность. «В разных точках эволюции человека не существует двух разных мудростей. Надо принять, стало быть, в качестве принципа нашей жизни то, что всегда было и будет принципом: выходя за пределы своего Я, отдавая добровольно и обязательно, мы не рискуем ошибиться. Пословица маори гласит: отдавай столько, сколько берешь, и все будет хорошо» [3, с. 208]. Поддержка частных инициатив по созданию образовательных разновозрастных сообществ — вклад государства в свое будущее.

Список литературы:

1. Стратегия сотрудничества ЕС с Россией (2007–2013)//[Электронный ресурс] http://www.delrus.ec.europa.eu. (дата обращения – 25 мая 2014 г.)
2. Илакавичус М. Р. Самоорганизация в неформальном образовании для разновозрастных сообществ как ресурс налаживания культурной преемственности//Вестник ПСТГУ. Педагогика. Психология. – 2014. – № 2. – С. 33–42.
3. Мосс М. Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. – М.: «Восточная литература» РАН, 1996. – 360 с.

Ilyashenko Marina Vladimirovna
Associate Professor of preschool and correctional pedagogy of
Eletskii State University I. A. Bunin.
E-mail: iv.sushkova@mail.ru

Narrative speech development of senior preschool children in the process of organizing their perception of genre-painting

Abstract: This article discusses the issues of development of coherent monologues of older preschoolers and the peculiarities of perception of genre — painting of children. In this in this article suggests a special method of training preschool children compiling descriptive stories in the perception of genre painting.

Keywords: monologue, connected speech, description, descriptive speech, descriptivq story, genre-painting.

Ильяшенко Марина Владимировна
доцент кафедры дошкольной и коррекционной педагогики
ЕГУ им. И. А. Бунина
E-mail: iv.sushkova@mail.ru

Развитие описательной речи старших дошкольников в процессе организации восприятия ими жанровой живописи

Аннотация: В данной статье рассматриваются вопросы развития связной монологической речи старших дошкольников. Раскрываются особенности восприятия детьми жанровой картины. Предлагается специальная методика обучения детей старшего дошкольного возраста составлению описательных рассказов в процессе восприятия ими жанровой живописи.

Ключевые слова: монолог, связная речь, описание, описательная речь, описательный рассказ, жанровая живопись.

Одно из важнейших условий осуществления учебной деятельности дошкольников — полноценное владение родным языком, навыками и умениями устной и письменной речи. В связи с этим, существенно повышаются требования к уровню развития их речи, к разработке содержания и методики обучения родному языку. Это представляет собой многоаспектную проблему, является предметом изучения разных наук — психологии, лингвистики, психолингвистики, социальной психологии, общей и специальной методики (А. А. Леонтьев, Н. И. Жинкин, И. А. Зимняя, Н. А. Стародубова, О. С. Ушакова и др.).

Монолог (от греч. monos 'один' + logos 'речь') — форма речи, обращенная говорящим к самому себе, не рассчитанная на словесную реакцию другого лица. В данном случае роли адресанта и адресата информации остаются постоянными, а в качестве реципиента (принимающего) информации может выступать как один человек, так и группа людей [2, 205].

Как отмечала Н. А. Стародубова тип речи, который является моделью монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков объекта называется описанием. Постоянные признаки в объекте — это признаки, которые вообще свойственны тому или иному времени года, местности, данному человеку, предмету и т. д. Они могут обозначать как внешние черты (размер, цвет, объем и т. д.), так и внутренние качества предмета или явления (характер, увлечения, повадки и т. д.). Описание обладает рядом особенностей, отличающих его от других типов связной монологической речи [3, 89].

О. С. Ушакова предлагает учить дошкольников описывать игрушки, предметные или сюжетные картинки, собственные рисунки или их замысел, явления природы, людей и животных. Построение текстов — описаний помогает сформировать у детей элементарные представления о структуре и функциях описательного текста [4, 90].

Развитие умения у старших дошкольников составлять описательные рассказы — это первая ступень в формировании навыков связной монологической речи. В процессе составления описательных рассказов старшие дошкольники учатся выделять и сопоставлять существенные признаки предмета, осмысливают их соотношение с другими предметами. У них развивается наблюдательность, умение анализировать и сравнивать. Для этого в ДОУ используется жанровая живопись, которая помогает детям старшего дошкольного возраста в развитии описательной речи [1, 84].

Жанровая живопись (от фр. *genre*) — художественное изображение сцен повседневной жизни как отображение форм жизни народа и окружающей его действительности. По мнению Р. М. Чумичевой, детям старшего дошкольного возраста доступны темы, отраженные в жанровой живописи: социальная активность людей в труде, любовь их к своей Родине, гуманные отношения людей (забота, внимание, чуткость, радушие, преданность, доброта, отзывчивость, взаимопомощь, действенная любовь и бережное отношение человека к земле, природе) [5, 34].

Таким образом можно отметить, что работа по развитию описательной речи старших дошкольников является актуальной и значимой на современном этапе. Описательная речь оказывает разностороннее влияние на познавательное развитие детей и формирование их речемыслительной деятельности, способствует активизации зрительного, слухового и тактильного восприятия, памяти, воображения.

Цель нашего исследования — выявить уровень развития описательной речи старших дошкольников и показать особенности использования жанровой живописи с целью повышения уровня развития описательной речи.

Опытно — экспериментальное исследование проводилось на базе дошкольного образовательного учреждения № 10 г. Ефремова Тульской области. В эксперименте участвовало 13 детей старшего дошкольного возраста.

Цель констатирующего эксперимента — выявить уровень развития описательной речи детей старшего дошкольного возраста.

Для выявления уровня развития описательной речи у старших дошкольников мы использовали методику М. М. Алексеевой, В. И. Яшиной. Уровень развития описательной речи мы оценивали по следующим критериям:

количество выделенных признаков;

структура и последовательность описания;

связность;

языковые средства;

информативность высказывания;

плавность.

Данные критерии позволили определить уровни развития описательной речи у детей старшего дошкольного возраста.

Высокий уровень.

Ребенок может составить связный рассказ по жанровой картине, отмечает важные и второстепенные признаки, использует все доступные языковые сред-

ства (существительные, прилагательные, образные средства языка, глагольную лексику), соблюдает структуру и последовательность в описании, речь информативна, количество пауз незначительное.

Средний уровень.

Ребенок испытывает незначительные затруднения при описании, выделяет определенные признаки, в речи использует разнообразные языковые средства, полученный рассказ достаточно информативен, но само описание может быть не всегда развернутым и плавным.

Низкий уровень.

Ребенок не умеет выстроить описательный рассказ, связные высказывания короткие, с трудом вычленяет в жанровой картине важные признаки, нет определенной структуры и последовательности в описании, в речи использует не все доступные языковые средства, информативность рассказа низкая, отсутствует плавность описания.

На основе проведенной работы, мы получили следующие результаты:- 24%детей –высокий уровень развития описательной речи;

— 30% детей — средний уровень;

— 46% детей — низкий уровень.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что уровень развития описательной речи у детей старшего дошкольного возраста недостаточно высокий и поэтому необходимо активизировать работу в этом направлении.

Для повышения уровня описательной речи у детей старшего дошкольного возраста мы провели формирующий эксперимент, который предусматривал решение следующих задач:

— развивать у детей старшего дошкольного возраста интерес к разным жанрам живописи;

— закрепить у детей представления о жанровой картине;

— повысить уровень развития описательной речи у детей старшего дошкольного возраста на основе использования жанровой живописи.

Для реализации намеченных задач мы провели следующую работу. Нами была организована развивающая речевая среда с целью обогащения речи старших дошкольников, а также непосредственно образовательная деятельность, направленная на развитие описательной речи в процессе организации восприятия ими жанровой живописи.

Мы провели предварительную работу, включающую беседы, игровые упражнения по обогащению и активизации словаря, формированию выразительности речи, развитию описательной речи, развлечения, чтение художественных произведений, сюжет которых был созвучен с темой картины.

Нами была организована беседа с применением слайдов на тему «Кто такой художник?» с целью ознакомления старших дошкольников с профессией художника.

Заключительным этапом беседы о жанровой живописи был искусствоведческий рассказ по картине А. Пластова «Летом».

Для активизации и обогащения словаря дошкольников образными выразительными средствами нами проводились словесные игры и упражнения, которые заняли достаточно большое место в нашей работе по развитию у старших дошкольников описательной речи: «Художественный салон», «Выставка картин», «Найди ошибку», «Музыка и картина». Игровые приемы помогали детям сосредоточить внимание на определенной части жанровой картины, активизировали мыслительную деятельность детей, создавали интерес к произведению, формировали положительное эмоциональное отношение к жанровой живописи.

Для того чтобы детям старшего дошкольного возраста более четко воспринять состояние людей, изображенных на картине, мы использовали мимические упражнения: «Кто забавнее покажет жестами как он шел по дороге и вдруг увидел что — то неожиданное», «Покажи, как ты обрадовался, испугался, расстроился, заплакал, обиделся и т. д.». После проведения данных упражнений результаты работы обсуждались совместно с детьми, отмечалось, у кого получилось интереснее, выразительнее, забавнее.

В своей работе мы использовали метод музыкального сопровождения. При восприятии детьми жанровой картины звучала музыка, характер и настроение которой был созвучен настроению картины. Таким образом, происходило воздействие на зрительный и слуховой анализаторы. Это облегчало процесс восприятия, делало его более глубоким, утонченным.

На следующем этапе нашей работы мы провели развлечения для детей «Разноцветные краски» и «Как прекрасен этот мир».

Далее нами было организовано повторное возвращение к ранее просмотренным картинам для того, чтобы закрепить у старших дошкольников полученные от первичного восприятия эмоциональные впечатления, углубить осмысление содержания жанровых картин, вызвать новые ассоциации и стимулировать повторное их возникновение.

Чтение художественной литературы и игры — драматизации так же оказали большое влияние на развитие описательной речи, обогащение и активизацию словаря, формирование выразительности речи.

В вечернее время с детьми старшего дошкольного возраста мы рассматривали слайды с жанровыми картинами (от 5–8 слайдов). Во время просмотра мы старались углубить понимание детьми произведений жанровой живописи, уточнить их знания о средствах выразительности, закрепить умение высказывать положительное эмоциональное отношение к понравившейся картине, побуждать их к самостоятельному рассматриванию произведений жанровой живописи. Слайды выбирались по желанию детей или по нашему усмотрению.

Итогом проведенной работы была организация непосредственно образовательной деятельности, направленной на развитие описательной речи, формирование умения составлять описательный рассказ на тему картины, использовать в речи выразительные средства, выделять нужное количество признаков на картине, сохранять структуру и последовательность описания, строить связные, информативные и плавные высказывания.

Таким образом, в ходе формирующего эксперимента была проведена работа, направленная на повышение уровня развития описательной речи старших дошкольников в процессе организации восприятия ими жанровой живописи. По результатам проведенной работы можно констатировать, что уменьшилось количество детей, которые не могли справиться с заданиями.

На заключительном этапе нашего исследования был проведен контрольный эксперимент, который показал, что у большинства детей старшего дошкольного возраста значительно повысился уровень развития описательной речи в процессе специально организованной деятельности.

Список литературы:

1. Алексеева, М. М., Яшина, В. И. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников: Учебное пособие для студ. высших и средних учебных заведений [Текст]/М. М. Алексеева, В. И. Яшина – М., 2000.
2. Русский язык и культура речи [Текст]/В. И. Максимов. – М., 2001.
3. Стародубова, Н. А. Теория и методика развития речи дошкольников [Текст]/Н. А. Стародубова. – М., 2008.
4. Ушакова, О. С. Развитие речи дошкольников [Текст]/О. С. Ушакова. – М., 2001.
5. Чумичева, Р. М. Дошкольникам о живописи [Текст]/Р. М. Чумичева. – М., 1992.

Cueva Dávila Luis Sócrates, South Ukrainian National Pedagogical University
postgraduate student, the Faculty of Pedagogy
E-mail: luigiscr1@yahoo.com.ar

Reflexive competence in the sphere of professional training teachers

Abstract: The article deals with the concept of «reflexive competence» and its interpretation in interdisciplina ry teaching. The impact of reflexive components in the training of teachers.

Keywords: reflexion, reflexive competence, teacher training.

Куева Давила Луис Сократес, Южноукраинский государственный
педагогический университет аспирант, педагогический факультет
E-mail: luigiscr1@yahoo.com.ar

Рефлексивная компетентность в координатах профессиональной подготовки учителя

Аннотация: В статье раскрыто понятие «рефлексивная компетентность» в междисциплинарных дисциплинах. Указано на влияние рефлексивной компетентности на профессиональную подготовку будущих учителей.

Ключевые слова: рефлексия, рефлексивная компетентность, учитель, профессиональная подготовка.

Актуальность темы. Подготовка высококвалифицированных специалистов в системе высшего образования осуществляется ныне на основе инновационных подходов, которые направляют

будущего специалиста не только на системное качественное усвоение фундаментальных знаний, формирование практических умений, а и на развитие у них способностей к рефлексии, самореализации, творчеству [3,77]. Для этого студентов, будущих учителей необходимо направлять на постоянное формирование профессионально значимых личностных качеств, которые будут давать возможность приобретать опыт, достигать профессионального акме. Важное значение в подготовке специалистов любого профиля имеет развитие профессиональной компетентности как качества личности, необходимой для осуществления адекватной самооценки, самоопределения, самосовершенствования, творческой самореализации.

Междисциплинарная панорама исследования феномена «рефлексия» дает возможность определить с учетом специфики предмета изучения и целей данного исследования. Такая ситуация свидетельствует о значимости рефлексии в процессе обеспечения функциональной жизнедеятельности человека и его многомерности как объекта исследования.

В философии — в контексте решения проблемы приобретения человеком знаний о себе и окружающей среде (В. Библер, И. Ладенко, В. Лекторский, А. Огурцов, А. Спиркин, Б. Юдин и др.); в психологии — в аспекте исследования механизмов и закономерностей функционирования рефлексивных процессов; обращение назад; размышлений, самонаблюдения, самопознания (А. Анисимов, М. Найденов, И. Семенов, Ю. Степанов и др.) в теории управления — в контексте раскрытия специфики управления системами, которым присущи рефлексивные свойства анализа рефлексивных закономерностей и механизмов управленческой деятельности и управления в целом (А. Карпов, Н. Коломинский, Семенов и др.).

В педагогических исследованиях, посвященных проблеме рефлексии, даются различные ее толкования, в которых выделяются различные аспекты этого феномена.

Во-первых, рефлексия рассматривается в рамках понятия «способности», когда, рефлексия определяется как способность учителя мысленно представить себе картину ситуации для ученика и на этой основе уточнить представление о себе как о педагога, корректируя собственное поведение и деятельность «глазами других», осмысливая собственные действия через восприятие других лиц благодаря перцептивно — рефлексивным способностям [6,413].

Во-вторых, исследователи трактуют рефлексию в педагогической деятельности как разновидность последней, отводя ей главную роль в самоанализе собственной профессиональной активности.

В-третьих, понятие «рефлексия» ученые часто отождествляют с понятием «саморефлексия», акцентируя на механизмах саморазвития личности благодаря рефлексии как процесса понимания личностных смыслов, исследовательского акта изучения себя как субъекта жизнедеятельности, обеспечивая его творческое мышление или стимулируя нравственное самосовершенствование личности, понимают рефлексию как совокупность отношений индивида к себе, собственных действий и поведения в целом [3; 6].

Таким образом в педагогике рефлексия определяется в процессе раскрытия закономерностей и механизмов индивидуализации обучения и воспитания, личностного развития учащихся и личностного профессионального развития учителей (Б. Вульфов, В. Лефевр, В. Краевский, В. Сластенин и др.).

Наиболее распространенным является подход, согласно которому рефлексию трактируют как осознание субъектом средств и основ деятельности, то-есть как одномоментный акт, результатом которого является быстрое рассмотрение субъектом решения проблемной ситуации. Так, И. Бех, отмечает, что на сегодняшний день понимание феномена «рефлексия» связано со сферой мышления, направленного на выполнение учебных задач в ходе формирования учебной деятельности; «…рефлексию целесообразно понимать как средство осознания субъектом подоплека таких собственных действий, как направленность мышления на себя, на свои процессы и продукты деятельности. Конкретнее, субъект должен ответить, почему он использует определенные операции, которые включают к теоретическому способу выполнения задач, и в какой последовательности он это делает [3, 37–38].

Согласно другому подходу, рефлексия — процесс переосмысления и преобразования субъектом своего опыта, который отражает разграничения проблемно-конфликтных ситуаций и порождает действенное отношение целостного «Я» к собственному поведению и общению, к осуществляемой деятельности, социокультурного и предметного пространства. При таком подходе подчеркивается необходимость развития собственной индивидуальности через постоянную рефлексию способов действенного самоопределения и самостроения в контексте идеалов и ценностей, которые формируются. Поэтому говорят о саморефлексии как процессе осознания и оценки всех аспектов своего бытия с позиций определения

его успешности и возможностей дальнейшего развития [2, 216].

Итак, сложность феномена «рефлексия» обусловлено многовекторностью изучения рефлексивных процессов и механизмов их проявления. Ученые исследуют: рефлексивное мышление как феномен культуры; гносеологию, логику и семиотику рефлексии; методологию и праксеологию рефлексии; модели рефлексии в историческом познании, прогнозировании и диагностике; рефлексию индивидуальной и коллективной деятельности; рефлексию в педагогической и научной деятельности; рефлексию в управленческой практике; рефлексию в обучении и воспитании и т. д.

Проведенный нами анализ научно-педагогической литературы позволил выделить три вида рефлексии: элементарную, что приводит к рассмотрению и анализу знаний и поступков, к размышлению об их границах и значениях; научную, которая предусматривает критику и анализ теоретического знания, методов, приемов, свойств определенной области научного исследования, и философскую рефлексию, а именно, рефлексию, которая приводит к осознанию и осмыслению бытия и мышления человеческой культуры в целом.

Исходным положением, как видим, для понимания всех видов рефлексии является ее философская (гносеологическая) трактовка. Существенной особенностью философского понимания рефлексии является рассмотрения самого знания (в том числе научного), критический анализ его содержания и методов познания в научном поле рефлексии. Философия рассматривает рефлексию личности как форму отражения окружающей противоречивого мира и форму самовыражения в контексте категорий: субъект, свобода, саморазвитие, целостность, диалог, игра. В этом смысле рефлексии отводится функция выделения человеком себя (своего «вместо») из окружающей среды. Л. С. Выготский определил теоретические подходы к изучению рефлексии как важного компонента самосознания с позиции теории психического развития [4,232]. По мнению рефлексия помогает человеку наблюдать себя «в свете собственных чувств, внутренне дифференцировать «Я» действующее, и «Я» оценочное» [4,245]. Однако, главная ее функция в том, чтобы противостоять редукции целостного человека к отдельным «частям» его бытия — функционального развития свойств личности, значимых для каких-либо утилитарных целей. В данном контексте личность выступает как целостное «образование» во взаимодействии с другими. На эту особенность неоднократно указывали, Г. С. Батищев, Г. П. Щедровицкий. Несколько другое мнение выразил С. Л. Рубинштейн: «Отношение другого «Я» к моему «Я» выступает как условие личностного существования [5, 334].

С позиции психологии, рефлексия рассматривается в контексте развития личности. Психологи в смысл этого понятия, обычно, включают в первую очередь развитие духовной сферы — мировоззренческие, нравственные, эстетические и другие ценности, которые выражаются в форме мотивов, установок и способностей.

А. В. Брушлинский, развивая это свойство рефлексии, подчеркивает, что рефлексия помогает целостно и системно раскрыть специфическую активность человека как субъекта во всех видах взаимодействия с миром. Ученый подчеркивает, что по мере взросления, в жизни человека рефлексия занимает все большее значение в контексте саморазвития, самовоспитания, самоформирования. При этом возможность рассмотрения самоактивности и саморазвития связана с исследованием способности человека выйти за пределы собственной деятельности для ее анализа, оценки и последующей организации. По сути процесс формирования умений рефлексии в таком подходе рассматривается как саморазвитие человека в течение всей жизни, а профессиональное назначение учителя состоит в том, чтобы превратить объекты и ценности «в предмет специальной рефлексии и коммуникации».

При определении роли и значения рефлексии в становлении «Я — концепции» педагога И. С. Кон, В. В. Столин выделяют несколько оснований. Во-первых, понимание и осознание самого себя, своей педагогической деятельности, общения и личности (когнитивный аспект). Во-вторых, эмоциональное отношение и оценивание учителем особенностей самого себя (эмоциональный аспект). Именно здесь начинается «концепция» учителя. Постепенно у учителя на основе представлений о себе в отдельных педагогических ситуациях, на основе мнений учащихся и коллег складывается устойчивая «Я — концепция», что придает ему чувство профессиональной уверенности или неуверенности. На основе этой концепции учитель оценивает все происходящее в школе в отношении самого себя. При этом авторы различают: оценку учителем своих сегодняшних возможностей (актуальную самооценку), вчерашних (ретроспективную) и будущих достижений (потен-

циальные и идеальные), оценку со стороны других (рефлексивная самооценка).

Если актуальная оценка выше за ретроспективную, а идеальная — выше актуальной, то это говорит о росте профессионального самосознания. Оптимальной структурой самооценки учителя является такая, в которой существуют минимальные различия между актуальной рефлексией и рефлексией самооценки, и максимальные различия между ретроспективной и актуальной, между актуальной и идеальной самооценкой.

В-третьих, способность к действиям на основе самосознания (поведенческий аспект), что свидетельствует о конструктивности и действенность профессиональной самооценки.

Е. В. Бондаревская, поддерживая мнение предшественников, утверждает, что рефлексия — это системообразующая функция профессиональной компетентности учителя. Функция (аналитико-оценочная) рефлексии требует от учителя владения умениями и навыками анализа, осознания и оценки хода и результатов деятельности по развитию способностей учащихся.

Учитель должен уметь находить в своей работе положительные стороны и недостатки, сравнивать полученные результаты с намеченными целями и задачами, реально осознавать свои профессиональные возможности и в связи с этим строить программу своего дальнейшего профессионального роста, повышать квалификацию и профессионализм.

Предметом специального исследования рефлексия выступает в трудах А. В. Карпова, А. В. Коржуева, В. А. Попкова и Е. Л. Рязановой.

Авторы доказывают о необходимости включения рефлексии во все компоненты образования. В этом контексте, прежде всего, знания о рефлексии как о способе деятельности является неотъемлемым элементом образования. В простейшем случае элементарной рефлексии говорится о необходимости постановки себе вопросов типа: «Что я делаю? Как я это делаю? Почему (зачем) я это делаю?». Осуществление теоретической рефлексии предполагает формирование знания о том, как можно и нужно работать с теоретическим знанием, осуществлять ее всесторонний анализ.

М. М. Карнелович отмечает, что «именно способность к рефлексии обеспечивает индивиду возможность интегрировать в себе одновременно две функции: функцию субъекта поведения и функцию объекта управления. Возможность интеграции указанных функций неразрывно связана со способностью индивида к достаточно полного отражения в собственном сознании себя и других людей, своих актуальных и потенциальных возможностей, степени адекватности и эффективности реализации этих возможностей, осознание своего взаимодействия с другими людьми и этих последних как личностей, субъектов взаимодействия, осознание характера восприятия окружающими его (индивида) как личности».

Сейчас проведен ряд исследований, в которых изучается процесс становления и формирования компетентностной рефлексии учителя. Так, А. П. Гуреева, А. А. Веремеева, А. М. Максимов исследовали проблему формирования рефлексивной компетентности у будущих педагогов физической культуры и иностранного языка; Н. Б. Крашенинникова, Ю. В. Кушеверская изучала особенности формирования рефлексивной компетентности студентов педагогических колледжей. По определению многих исследователей профессиональная рефлексия — это соотношение себя, возможностей своего «Я» с тем, чего требует выбранная профессия, в том числе с существующими о ней представлениями. Она представляет собой единство человеческого (способность к самообучению, анализ причинно- следственных связей, сомнений, реализации ценностных ориентаций, работе над собой) и профессионального (т. е. применение этой способности к тяжелым условиям и обстоятельств профессиональной жизни). Эти представления развиваются и помогают человеку сформулировать полученные результаты, предусмотреть цели дальнейшей работы, скорректировать свой профессиональный путь.

Анализ определений понятия компетенции, которые встречаются в педагогической литературе позволяет выделить ключевые слова, которые характеризуют феномен компетенции: принадлежность по праву, т. е. круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом, что позволяет судить о чем-либо; круг полномочий, предоставленных законом, уставом или другим актом конкретному органу или должностному лицу; это предметная область, в которой индивид хорошо осведомлен и в которой он проявляет готовность к выполнению деятельности; знания, опыт в той или иной области; особый информационный ресурс индивида, организации; опыт, знания и навыки о способе организации и управления деятельностью для достижения поставленной цели (т. е. речь идет о метазнаниях, которые управляют другими знаниями); интегрированная совокупность

характеристик (знания, умения, навыки, способности, мотивы, убеждения, ценности), что обеспечивает выполнение профессиональной деятельности на высоком уровне и достижения определенного результата; базовая характеристика личности; некоторые внутренние, потенциальные психологические новообразования, которые затем проявляются в деятельности; интегративная характеристика качества подготовки выпускника, категория результата образования; открытая система, прежде всего, процедурных и ценностно- смысловых знаний, которые включают взаимодействующие между собой компоненты, которые активизируются и обогащаются в деятельности по мере возникновения реальных жизненно важных проблем, с которыми сталкивается носитель компетенции.

Таким образом, способность к рефлексивной компетенции можно рассматривать одновременно в трех смыслах:

1) как круг вопросов, в которых личность является осведомленной; круг полномочий, которые делегирует субъекту (ученику, группе и т. п.);

2) как опыт, информационный ресурс, знания в определенной предметной области, которыми владеет субъект;

3) социально заданное требование к подготовке личности в определенной сфере.

Отметим, что в одних определениях акцент сделан на внешних действиях, в других на внутренние особенности личности; знания обозначены как предпосылка умений; некоторые определения компетенции включают систему ценностей и отношений.

Общим для подавляющего большинства определений является понимание ее как свойства или качества личности, потенциальной способности личности справляться с различными задачами, как совокупность знаний, умений, навыков и способов деятельности, которые взаимосвязаны между собой, необходимых для осуществления качественной продуктивной деятельности и заданные по отношению к определенному кругу предметов и процессов. При этом наблюдается взаимодействие когнитивных и аффективных навыков, наличие мотивации и соответствующих ценностных установок.

Итак, исследования данных авторов подтверждают положение о том, что в образовательном процессе рефлексия является одним из основных компонентов деятельности, а следовательно, рефлексивная компетентность выступает как необходимая составляющая профессиональной педагогической деятельности.

Рассматривая рефлексивную компетентность у учителей Г. А. Бизяева (на основе исследований Ю. М. Кулюткина, Г. С. Сухобской) определяет ее как способность:

— отражать внутреннюю картину мира ученика;

— занимать исследовательскую, основанную на рефлексивном свойстве сознания, позицию относительно своей практической деятельности и к самому себе как ее субъекта, может служить критерием в определении профессионализма учителя;

— умение анализировать, осмысливать и конструировать ценностные основы своей деятельности, основанные на отражении себя как субъекта деятельности, личности и индивидуальности в системе общественных отношений [2, 216].

Итак, рефлексивная компетентность — это интегративное качество личности, которое характеризует степень усвоения совокупности рефлексивных компетенций, включая характеристику рефлексивной деятельности с использованием знаний, умений, навыков профессионального и жизненного опыта; позволяет педагогу найти свой индивидуальный стиль, достичь адекватной профессионально-личностной самооценки, прогнозировать его дальнейший профессиональный рост и самосовершенствование.

Список литературы:

1. Бабаян Ю. А., Нор, К. Ф. Формирование рефлексивной компетентности будущего учителя начальных классов/Формирование профессиональной компетентности будущего учителя: Научный пособие/Под общ. ред. профессора С. И. Якименко. – К.: Издательский Дом «Слово», 2011. – С. 231–266.
2. Бизяева А. А. Психология думающего учителя: педагогическая рефлексия/А. А. Бизяева. – Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2004. – 216 с.
3. Бех И. Д. Психологические механизмы восхождения личности к духовным ценностям/И. Д. Бех//Педагогика и психология. – 2011. – № 2. – С. 37–44.
4. Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т./Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 3. – 328 с.
5. История философии: энциклопедия/состав. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2002. – 1376 с.

6. Карпов А. В. Психология рефлексии/А. В. Карпов, И. М. Скитяева. – М.: Ин- т психологии РАН, 2002. – 413 с.
7. Лефевр В. А. Рефлексия/В. А. Лефевр. – М.: Когито -Центр, 2003. – 496 с.
8. Семенов И. Н. Рефлексия в организации творческого мышления и саморазвития личности/И. Н. Семенов//Вопросы психологии. – 1983. – № 2. – С. 35–42.

Kuznetsova Valentine Igorevna,
Kaluga branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
associate professor «Business informatics and information technologies»,
candidate of pedagogical sciences,
E-mail: vi-205@mail.ru

Key approaches to development of test tasks on disciplines of a natural-science cycle

Abstract: In article the questions connected with key approaches to development of test tasks on disciplines of a natural-science cycle are considered, the forms of test tasks allowing most fully to reflect specific features of the content of disciplines of a natural-science cycle are allocated, requirements imposed to test tasks are described.

Keywords: test task, test, computer testing, form of a test task, requirement to test tasks, informatics, mathematics.

Кузнецова Валентина Игоревна,
Калужский филиал ФГОБУ ВПО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
доцент кафедры «Бизнес-информатика и информационные технологии»,
кандидат педагогических наук,
E-mail: vi-205@mail.ru

Ключевые подходы к разработке тестовых заданий по дисциплинам естественнонаучного цикла

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с ключевыми подходами к разработке тестовых заданий по дисциплинам естественнонаучного цикла, выделяются формы тестовых заданий, позволяющие наиболее полно отразить специфические особенности содержания дисциплин естественнонаучного цикла, описываются требования, предъявляемые к тестовым заданиям.

Ключевые слова: тестовое задание, тест, компьютерное тестирование, форма тестового задания, требования к тестовым заданиям, информатика, математика.

В настоящее время тестирование используется на всех ступенях общего и профессионального образования. Это обусловлено многими причинами, в числе которых стремление к повышению объективности оценки уровня учебных достижений обучающихся, быстрый темп роста информации, углубляющаяся индивидуализация и дифференциация учебного процесса, активное распространение дистанционных форм обучения.

Наряду с этим немаловажной проблемой является подготовка компетентных специалистов в области создания и использования тестовых материалов. Применение дидактических тестов, имеющих существенные недостатки, неверная интерпретация результатов проведенного тестирования оказывают существенное влияние на объективность полученной информации и приводят к негативному отношению к методу тестирования в целом.

Данная статья посвящена ключевым подходам к разработке тестовых заданий по дисциплинам естественнонаучного цикла, и направлена на решение проблемы грамотного использования тестирования в обучении.

Особенности содержания дисциплин естественнонаучного цикла, таких как: математический анализ, линейная алгебра, теоретические основы информатики и т. д., обуславливают специфические подходы к разработке тестовых заданий по этим учебным предметам.

На основе проведенного анализа содержания различных дисциплин естественнонаучного цикла нами были выявлены следующие значимые при разработке тестовых заданий особенности:

— большое количество числовой и формульной информации;

— изучение материала посредством решения определенного класса задач;

— обилие специальной терминологии;

— изучение специализированных компьютерных программ как средства решения определенного класса задач;

— формирование умений по написанию эффективных алгоритмов решения задач программирования.

Современными исследователями: [2, 125–126], [5, 49] и др. выделяется несколько этапов в разработке тестового задания:

1. Определение цели тестового задания.
2. Отбор содержания учебного материала на основе разработанной спецификации теста.
3. Выбор формы (типа) тестового задания.
4. Составление тестового задания.
5. При необходимости коррекция тестового задания на основе результатов экспертизы и апробации теста.

На основе перечисленных выше особенностей выделим типы (формы) тестовых заданий, которые наиболее эффективно использовать при разработке дидактических тестов по дисциплинам естественнонаучного цикла.

В настоящее время существует множество различных классификаций форм (типов) тестовых заданий, однако, большинством современных исследователей: [1, 441–449]; [2, 127]; [3, 118–120]; [6, 121–122] и др. выделяется два основных типа тестовых заданий: *открытый* — ответ вводится тестируемым самостоятельно, и *закрытый* — предполагает наличие ряда предварительно разработанных вариантов ответа. Каждый из выделенных типов подразделяется на несколько видов.

К закрытому типу относятся тестовые задания:

— *Множественного выбора с одним верным вариантом ответов* — тестовые задания, в которых обучающийся должен выбрать из предложенных вариантов ответа один верный.

— *Множественного выбора с несколькими верными вариантами ответов* — тестовые задания, в которых обучающийся должен выбрать из предложенных вариантов ответа все верные.

— *На установление соответствия* — тестовые задания, в которых необходимо установить соответствие между элементами двух множеств.

— *На восстановление последовательности* — тестовые задания, в которых необходимо расположить указанные элементы в правильной последовательности.

Открытому типу соответствуют тестовые задания:

— *На дополнение* — предполагают свободный ответ обучающегося по сути тестового задания, представляющий собой слово или словосочетание.

— *Свободного изложения ответа* — предполагают свободный ответ обучающегося по сути тестового задания, представляющий собой фразу, предложение или несколько предложений.

— *На конструирование* рисунков, схем, формул — тестовые задания, в которых обучающемуся необходимо дорисовать требуемый элемент чертежа, построить схему классификации, восстановить формулу и т. п.

На наш взгляд, для проверки знания формул и умений применять их на практике целесообразно использовать следующие формы тестовых заданий:

1. Множественного выбора с одним верным вариантом ответов: студенту необходимо выбрать из предложенного списка правильную формулу.
2. На конструирование: обучающийся должен дописать необходимый элемент или элементы формулы. При этом не следует исключать из рассматриваемой формулы более трёх элементов, т. к. в противном случае тестовое задание станет слишком сложным для восприятия, и потребуется значительное количество времени, чтобы ответить на него.
3. На установление соответствия — студенту необходимо установить соответствие между задачей и формулой, по которой она может быть решена. Следует помнить, что количество элементов первого множества всегда должно быть меньше количества элементов второго множества.

Приведем пример тестового задания на конструирование.

Восстановите формулу для вычисления дисперсии по выборке:

$\sigma^2 = \frac{\sum_{i=1}^{n}(x_i - \quad)^2}{n}$, *где n-количество элементов выборки,*

x_i — *i-тое значение случайной величины.*

Ответ: $\sigma^2 = \frac{\sum_{i=1}^{n}(x_i - \bar{x})^2}{n}$

Для работы с числовой информацией, с нашей точки зрения, наиболее эффективно использовать тестовые задания:

1. Множественного выбора с одним или несколькими верными вариантами ответов: например, обучающийся должен выбрать число (числа), являющееся решением данной задачи.

2. На дополнение: студент должен записать число, являющееся решением данной задачи.

Рассмотрим пример тестового задания на дополнение.

Сумма накопленных частот ряда равна …

Ответ: 1.

Для формирования умений по решению задач того или иного класса, с нашей точки зрения, целесообразно использовать тестовые задания:

1. На восстановление последовательности: обучающемуся необходимо выстроить указанные шаги алгоритма решения данной задачи в верном порядке.

2. На дополнение: студент должен заполнить пропуски в решении задачи или доказательстве теоремы.

На наш взгляд, не следует использовать для формирования умений по решению задач того или иного класса тестовых заданий свободного изложения ответа, т. к. при этом практически невозможно разработать единственный эталон решения задачи, и как следствие, возникают сложности в выделении критериев оценивания предложенного студентом решения, снижается объективность тестового задания.

Для проверки знания специальной терминологии, на наш взгляд, следует применять тестовые задания:

1. Множественного выбора с одним верным вариантом ответов: студенту нужно выбрать термин, определение которого указано формулировке задания.

2. На установление соответствия: обучающийся должен установить соответствие между термином и его определением. При этом не следует включать в тестовое задание больше трёх терминов, т. к. в противном случае оно будет слишком сложным для восприятия, и потребуется значительное количество времени, чтобы ответить на него.

Мы не рекомендуем при проведении компьютерного тестирования использовать для проверки знания специальной терминологии тестовые задания на дополнение, т. к. велика вероятность, что при написании ответа студент допустит орфографическую ошибку. В этом случае компьютерная программа посчитает, что задание выполнено неверно, что снизит объективность результатов тестирования.

При изучении специализированных компьютерных программ как средства решения определенного класса задач возникает необходимость включения в тестовые задания большого количества графической информации, а также проверки правильности выполнения алгоритмов типовых действий, поэтому для реализации данной цели мы рекомендуем использовать следующие формы тестовых заданий:

1. Множественного выбора с одним или несколькими верными вариантами ответов: студенту необходимо выбрать результат выполнения операции, описанной в формулировке тестового задания соответствующим скриншотом программы.

2. На восстановление последовательности: тестируемый должен расположить шаги алгоритма выполнения типовой операции в верном порядке. При этом шаги алгоритма выполнения типовой операции могут быть представлены в графической форме.

3. На установление соответствия: обучающейся должен установить соответствие между изображением кнопок программы и операциями, которые они реализуют.

Рассмотрим пример тестового задания множественного выбора с одним верным вариантом ответов.

Укажите формулу, которую нужно ввести в ячейку C3, чтобы её можно было копировать (растянуть) на другие ячейки столбца C:

	A	B	C
1	Налог	5,00%	
2	**Наименование**	**Закупочная цена**	**Цена с налогом**
3	Дискеты	**$14,21**	
4	Джойстик	**$8,47**	
5	Клавиатура	**$7,12**	
6	Мышь	**$4,25**	
7	Картридж	**$10,36**	

Рис. 1. Фрагмент электронной таблицы MS Excel 2010

1) =$B$3+$B$3*B1
2) =B3+B3*B1
3) =B3+B3*$B$1
4) =$B$3+$B$3*$B$1
5) =$B3+$B3*$B1
6) =B3+B3*$B1

Ответ: 3).

Приведем пример тестового задания на восстановление последовательности.

Восстановите последовательность действий, которые нужно выполнить в MS Excel 2010, чтобы защитить от изменения заголовки столбцов и ячейки с формулами:

1) на ленте выбрать вкладку *Главная*, группу *Ячейки*, команду *Формат*, и в раскрывшемся списке выбрать команду *Защитить лист*

2) выделить диапазон ячеек с изменяемыми данными

3) на ленте выбрать вкладку *Главная*, группу *Ячейки*, команду *Формат*, и в раскрывшемся списке сделать неактивной команду *Блокировать ячейку*

Ответ: 2), 3), 1).

Для формирования умений по написанию эффективных алгоритмов решения задач программирования, с нашей точки зрения, целесообразно использовать тестовые задания:

1. Множественного выбора с одним верным вариантом ответов:

— студенту нужно указать алгоритмическую конструкцию, использование которой позволит решить рассматриваемую задачу программирования оптимальным способом;

— тестируемый должен выбрать диапазон принимаемых значений для переменной, описанной в формулировке тестового задания.

2. На восстановление последовательности: обучающийся должен расположить в верном порядке шаги алгоритма решения задачи программирования, описанной в формулировке тестового задания.

3. На дополнение:

— студенту нужно вписать результат выполнения компьютерной программы, представленной в формулировке тестового задания;

— тестируемый должен заполнить пропуски в коде программы.

4. На конструирование: обучающемуся необходимо достроить блок-схему алгоритма.

Рассмотрим пример тестового задания множественного выбора с одним верным вариантом ответов.

Укажите диапазон значений переменной i, объявленной в VBA следующим образом:

Dim i As Integer

1) Для отрицательных значений: от –3,4 E38 до –1,4 E-45

Для положительных: от 1, E-45 до 3,4 E38

2) От –2147483648 до 2147483647

3) От 0 до 255

4) Для отрицательных значений: от –1,79 E308 до –4,94 E-342

Для положительных: от 4,94 E-324 до 1,79 E308

5) От –32768 до 32767

Ответ: 3).

Приведем пример тестового задания на установление соответствия.

Установите соответствие между объектами языка VBA и их свойствами:

1) Label	A) Picture
2) CommandButton	B) Delay
3) OptionButton	C) Caption
	D) GroupName

Ответ: 1) — C), 2) — A), 3) — D).

При составлении тестового задания необходимо также учитывать ряд требований. В рамках проведенного диссертационного исследования [4, 52–54] на основе анализа требований к тестовым заданиям, выделенных различными авторами и их дальнейшего обобщения, нами были сформированы четыре группы.

Первую группу составляют *базовые требования* к тестовым заданиям, заключающиеся в том, что:

1) каждое тестовое задание должно иметь определенную цель;

2) содержание и форма тестового задания должны соответствовать его цели;

3) в тестовом задании все элементы должны располагаться на четко определенных местах, фиксированных в рамках выбранной формы;

4) инструкции должны быть адекватны форме и содержанию тестового задания, доводить до сознания обучающегося все требования, заложенные в его содержании;

5) каждое тестовое задание должно сопровождаться специальной системой оценивания, общей для всех тестовых заданий одной формы;

6) ответ на данное тестовое задание не должен зависеть от предыдущих ответов тестируемого.

Ко второй группе относятся требования к *формулировке тестового задания*, а именно:

1) текст тестового задания должен иметь форму краткого логического утверждения, которое становится истинным или ложным в зависимости от указанного ответа;

2) в формулировке тестового задания следует избегать обобщающих слов: «всегда», «иногда», «никогда»;

3) формулировка тестового задания не должна начинаться с предлога, частицы, союза;

4) формулировка тестового задания не должна содержать повторов, двойных отрицаний и сленга;

5) если в формулировке тестового задания используется частица «не», она должна быть особым образом выделена.

Третья группа включает в себя требования *к вариантам ответов* к тестовым заданиям, а именно:

1) все дистракторы (неверные варианты ответов, привлекательные для выбора) к одному тестовому заданию должны быть одинаково правдоподобны,

приблизительно одинаковы по длине и конструироваться в соответствии с типичными ошибками обучающихся;

2) при формулировке дистракторов не рекомендуется использовать выражения «ни один из перечисленных», «все из перечисленных» и т. п., т. к. они способствуют угадыванию правильного ответа;

3) варианты ответов тестового задания *не должны* содержать повторов, двойных отрицаний и сленга.

Четвертая группа отражает *требования к тестовым заданиям, реализуемым с помощью компьютера*:

1) обязательно соблюдение единого стиля шрифтового и цветового оформления тестовых заданий, входящих в один дидактический тест;

2) при конструировании тестовых заданий, реализуемых с помощью компьютера, необходимо применять различные формы тестовых заданий, а также графические и мультимедийные компоненты с целью рационального предъявления содержания учебного материала;

3) во время предъявления тестового задания с использованием компьютера на экране не должно присутствовать никаких графических и мультимедийных элементов, не имеющих прямого отношения к пониманию его содержания.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что конструирование тестовых заданий по дисциплинам естественнонаучного цикла — достаточно сложная и трудоемкая задача, требующая специальных знаний из области тестологии.

Список литературы:

1. Васильев, В. И. Основы культуры адаптивного тестирования [Текст]/В. И. Васильев, Т. Н. Тягунова – М.: ИКАР, 2003. – 584 с.
2. Звонников, В. И. Современные средства оценивания результатов обучения: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст]/В. И. Звонников, М. Б. Челышкова. – 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 224 с.
3. Крокер, Л. Введение в классическую и современную теорию тестов: Учебник [Текст]/Под. общ. ред. В. И. Звонникова, М. Б. Челышковой//Л. Крокер, Дж. Алгина; пер. с англ. Н. Н. Найденовой, В. Н. Симкина, М. Б. Челышковой. – М.: Логос, 2010. – 668 с.
4. Кузнецова, В. И. Формирование тестологической компетентности будущих учителей в процессе профессиональной подготовки в вузе [Текст]: дис. канд. пед. наук./В. И. Кузнецова. – Калуга, 2011. – 263 с.
5. Майоров, А. Н. Теория и практика создания тестов для систем образования. (Как выбирать, создавать и использовать тесты для целей образования) [Текст]/А. Н. Майоров. – М.: Народное образование, 2000. – 352 с.
6. Магомедова, М. А. Лингводидактическое тестирование как средство управления процессом овладения русским языком как иностранным [Текст]: дис. канд. пед. наук./М. А. Магомедова. – Москва, 2007. – 205 с.

Lazarev Gennady Alexandrovich, PhD (Forestry), Natural Science,
Social and Humanitarians Department Head,
The Far East Branch of Russian Foreign Trade Academy
E-mail: gennl_16@mail.ru

Korotaevskiy Anatoly Gennadievich, PhD (Economics),
Professor of Natural Science, Social and Humanitarians Department
The Far East Branch of Russian Foreign Trade Academy
E-mail: t200157@mail.ru

E-tests “Skyscraper-2” in basic education bachelor

Abstract: the article gives a brief analysis of the automated information system of management of educational process on the base of multimedia complexes used in the University. The scheme of development of new multi-level e-tests.

Keywords: complex, multimedia, technology, histogram

Лазарев Геннадий Александрович,
Дальневосточный филиал Всероссийской академии внешней торговли,
заведующий кафедрой естественных и социально-гуманитарных наук
E-mail: gennl_16@mail.ru

Коротаевский Анатолий Геннадьевич
Дальневосточный филиал Всероссийской академии внешней торговли
профессор кафедры естественных и социально-гуманитарных наук
E-mail: t200157@mail.ru

Электронные тесты «Небоскреб-2» в базовом образовании бакалавриат

Аннотация: В статье дается краткий анализ автоматизированной информационной системы управления учебным процессом на базе мультимедийных комплексов, применяемой в вузе. Приводится схема разработки новых многоуровневых электронных тестов.

Ключевые слова: комплекс, мультимедиа, технология, гистограмма.

Эффективность управления любой системой, можно определить лишь в случае достижения поставленной цели. Качество управления, с одной стороны, будет определяться критерием поставленной цели, а с другой стороны — оценкой значений составных параметров функционирования самой системы. Таким образом, если система ограничена во времени, и количественная оценка параметров функционирования системы счетна, то, большинстве случаев, можно без труда дать эту оценку. Проведя анализ основных параметров системы и критерия (показателя качества), и изменив их в соответствии выбранной стратегией или тактикой, в зависимости от уровня управления, можно скорректировать дальнейшее поведение системы для ее оптимального функционирования.

Но, как оценить уровень современного высшего Российского образования, если в этой сфере деятельности за последние 5 лет произошли колоссальные перемены. Нужны ли ему еще реформы, или следует ограничится тем, что оно будет однотипно европейскому?

На наш взгляд, чтобы решить — положительными или отрицательными являются сдвиги в сфере образования, следует оценить экономическое положение страны. Без сожаления уже можно сказать, что наша страна взяла курс на развитие свободного предпринимательства (совершенной конкуренции) и частной собственности. С каждым годом, экономика нашей страны становится все более схожей с экономиками «классических» капиталистических стран. Поэтому, предпринятые изменения в высшем образовании России, можно сказать, были необходимы.

Итак, критерий (показатель качества) в сфере высшего образования был выбран аналогичным развитым европейским странам. Однако, проблемой остается пока способ достижения данного критерия (европейского уровня образования). Каким должен быть этот способ — однозначного ответа нет. Авторы данной статьи, являясь учеными и педагогами высшей школы, подошли к данному вопросу с помощью «комбинированных», т. е. разнообразных методов преподавания в вузе.

В Дальневосточном филиале Всероссийской академии внешней торговли, г. Петропавловск-Камчатский, на кафедре естественных и социально-гуманитарных наук, была разработана автоматизированная информационная система управления учебным процессом на базе мультимедийных комплексов (АИСУ УП МК), упрощенная схема которой представлена на рис. 1 [1,125–128].

Основным элементом АИСУ УП МК, как следует из блок-схемы рис. 1, является блок № 1 «Мультимедийные комплексы». В этом блоке выделяются три подблока, каждый из которых отвечает за подготовку групп по ступеням образования магистратура, бакалавриат, специалисты. Изучение дисциплин производится на базе мультимедийных комплексов (МК), входящих в состав подблоков: 1.1 магистратура (содержит 4 МК), 1.2 бакалавриат (содержит 11 МК), 1.3 специалисты (содержит 8 МК).

Каждый МК представляет собой унифицированный целостный программный комплекс по соответствующей дисциплине [3,198–200]. Пример главного меню МК «Теория вероятностей и математическая

статистика» (ТВиМС), представлен на рис. 2. Любой МК из данной АИСУ имеет следующие возможности:

– автоматизированный доступ к лекциям, заданиям;

– проверка усвояемости теоретического материала на базе тестов по темам лекций;

– автоматизация расчетов лабораторных работ и практических заданий с применением программных средств комплекса;

– унифицированный доступ к написанию самостоятельных работ и контрольных заданий;

– копирование необходимой информации комплекса на внешний носитель;

– представление контрольных заданий в виде тестовых работ, где предусмотрен выбор решения, ввод расчета и исправление ошибок в записях выражений;

– проверка знаний формул по дисциплине;

– кодирование информации для проведения рейтинговой системы успеваемости студентов;

– апробация новых компьютерных технологий в преподавании, и т. д.

Рис. 1. Функциональная блок-схема АИСУУПМК

Каждый МК (например – по дисциплине «ТВиМС»), имеет вид, представленный на рис. 2 [2,156–163].

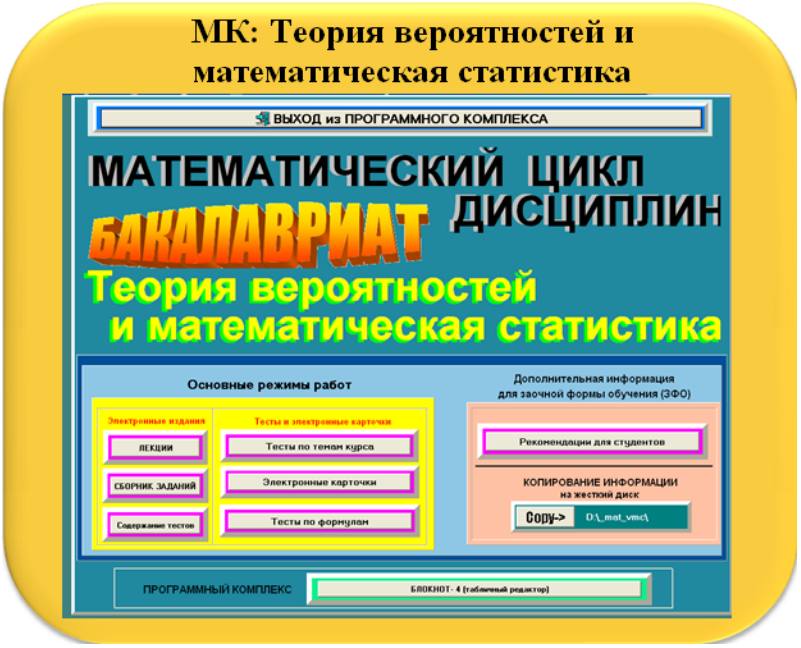

Рис. 2. Вид главного меню МК «Теория вероятностей и математическая статистика»

Функциональная блок-схема данного комплекса, представлена на рис. 3. Из рис. 3–4 видно, что в МК особое место занимает проверка изучаемого материала на базе тестов и контрольных заданий [4, 20–21].

Рис. 3. Функциональная блок-схема МК «ТВиМС»

Контрольные задания представлены в виде электронных карточек (ЭК). Примерный вид одного из вариантов ЭК, представлен на рис. 4.

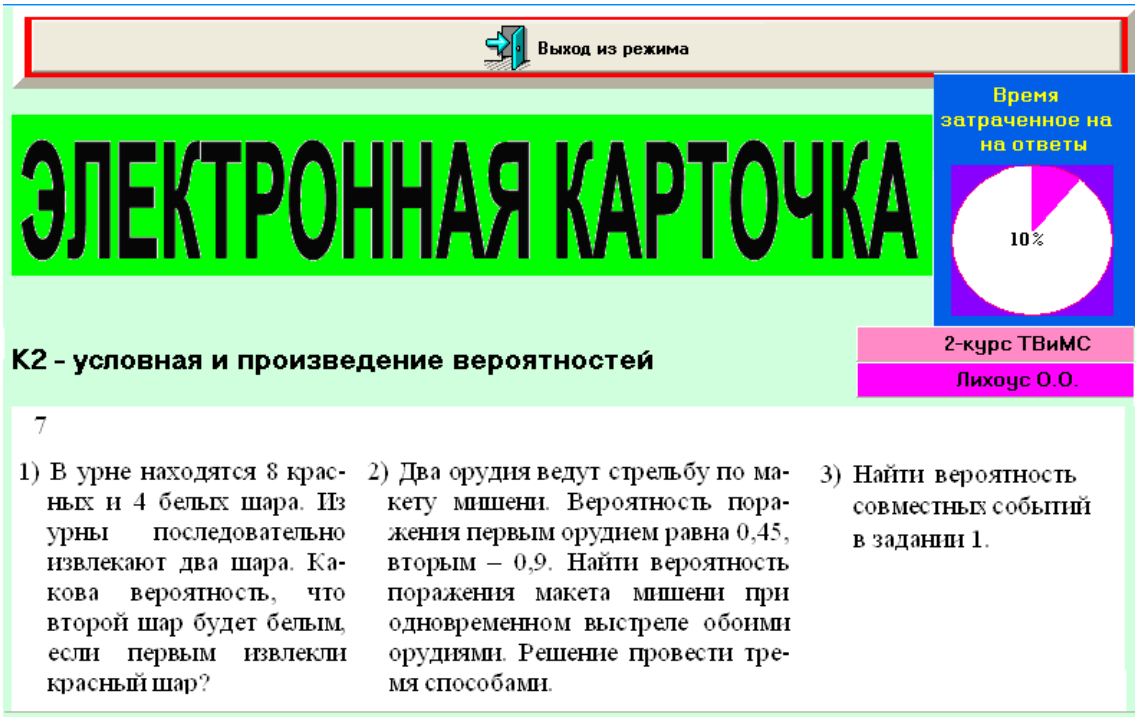

Рис. 4. Электронная карточка по основным формулам теории вероятностей

За 5-летний период использования в учебном процессе АИСУ УП МК, были разработаны и применены на практике 6 видов тестов:

— по проверке знаний теоретического материала;

— с выбором решений;

— по проверке знаний формул курса;

— с вводом решений;

— комбинированные на базе дигитайзеров;

— многоуровневые семестровые тесты «Небоскреб».

При этом, тесты 1-й, 3-й и 4-й групп, позволяют указать правильность или ошибочность ответа студента на экране монитора непосредственно при выполнении теста. В дальнейшем, если есть необходимость, можно отсеивать верные ответы, и работать повторно в тесте только с ошибочными. Примеры таких тестов приведены на рис. 5–7.

Рис. 5. Фрагмент теста с выбором решений

Рис 6. Фрагмент теста по формулам курса ТВиМС

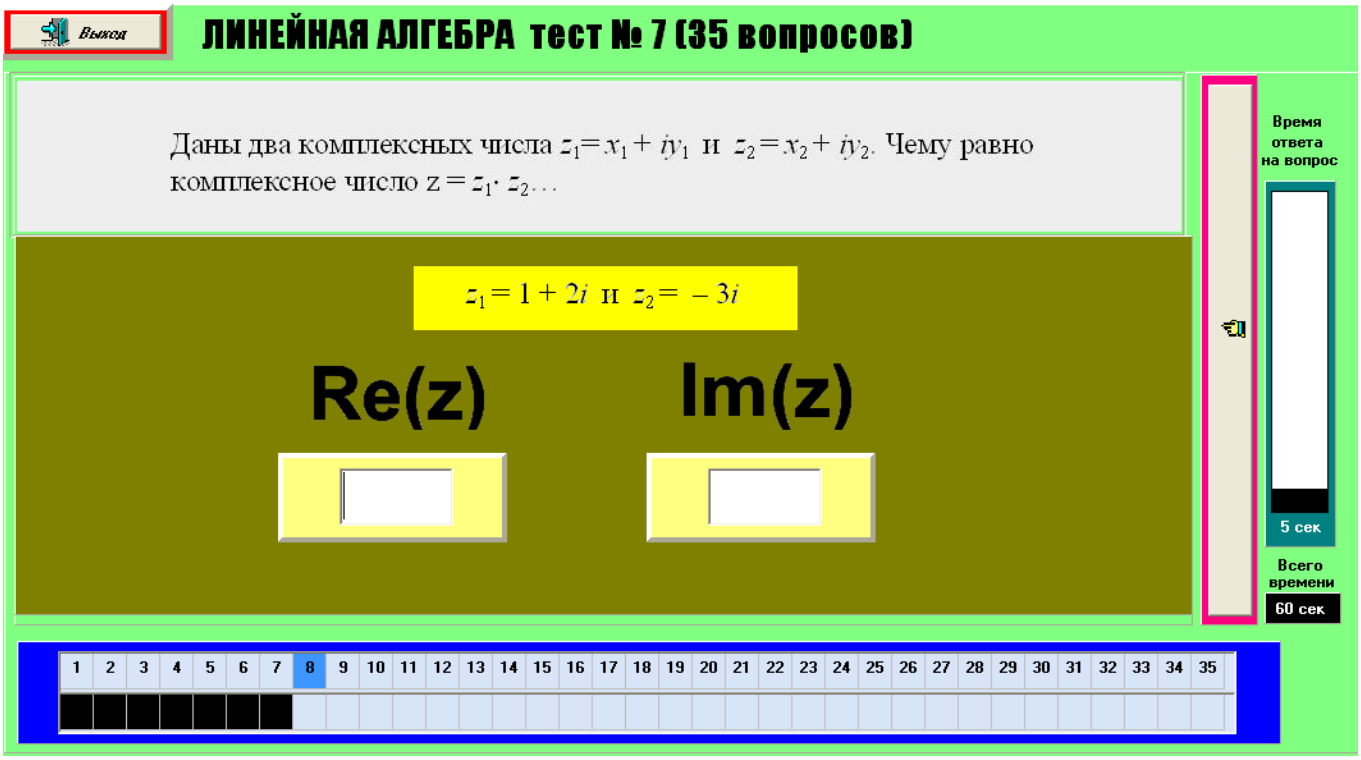

Рис. 7. Контрольные тесты с вводом решений

Но, особую роль среди тестов играют многоуровневые, семестровые тесты «Небоскреб» [4, 21–24]. В настоящий момент, закончена разработка 2-ой очереди программного комплекса «Электронные тесты на базе Небоскреб–2» (ЭТН–2).

Упрощенная блок-схем «ЭТН - 2» имеет следующий вид:

Рис. 8. Упрощенная функциональная блок-схема «ЭТН - 2»

Характерной особенностью «ЭТН-2» является автоматизация настройки параметров и содержания вопросов и ответов теста по любым дисциплинам.

На первом этапе, в Блоке № 1 «Определение основных параметров теста», определяются:

1. Наименование небоскреба-теста.
2. Количество этажей небоскреба.
3. Наименование темы каждого этажа небоскреба.
4. Количество квартир на этаже, т. е. групп вопросов.
5. Количество вопросов в группе.
6. Вид группы вопросов: графический или текстовой.

Все эти пункты представлены на рис. 9.

Кроме этого, в данном Блоке № 1 имеется возможность предварительно просмотреть схему полученного «Небоскреба», чтобы узнать количество квартир-вопросов в небоскребе.

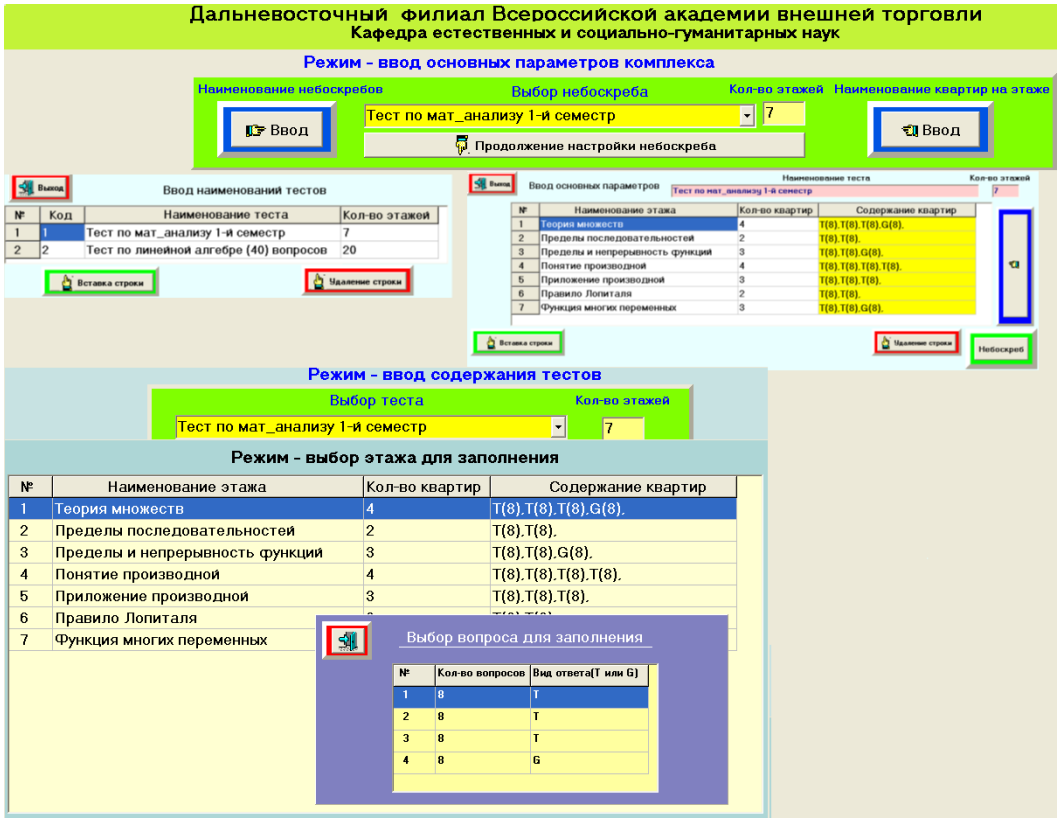

Рис. 9. Виды основных меню Блока № 1 «ЭТН-2»

Примерная схема «Небоскреба» представлена на рис. 10 - тест за 1-й семестр по дисциплине «Математический анализ».

Рис. 10. Предполагаемая схема небоскреба теста 1-го семестра математический анализ

Блок № 2 программного комплекса (ПК) «ЭТН-2» предназначен для ввода содержания вопросов и ответов по тесту. Режим ввода представлен на рис. 11. Вопрос теста может быть как текстовом, так и в графическом виде. Используется либо «G»-графика, либо «T»-текст. На первом этапе данного режима, копируется эталон, который имеет пустой шаблон для вида «G» или «T». Для указания правильного ответа, заполняется соответствующая клетка красным цветом. Оформление данного фрагмента осуществляется в любом графическом редакторе, например PAINT.

Графическая трактовка ответов, рис. 11.

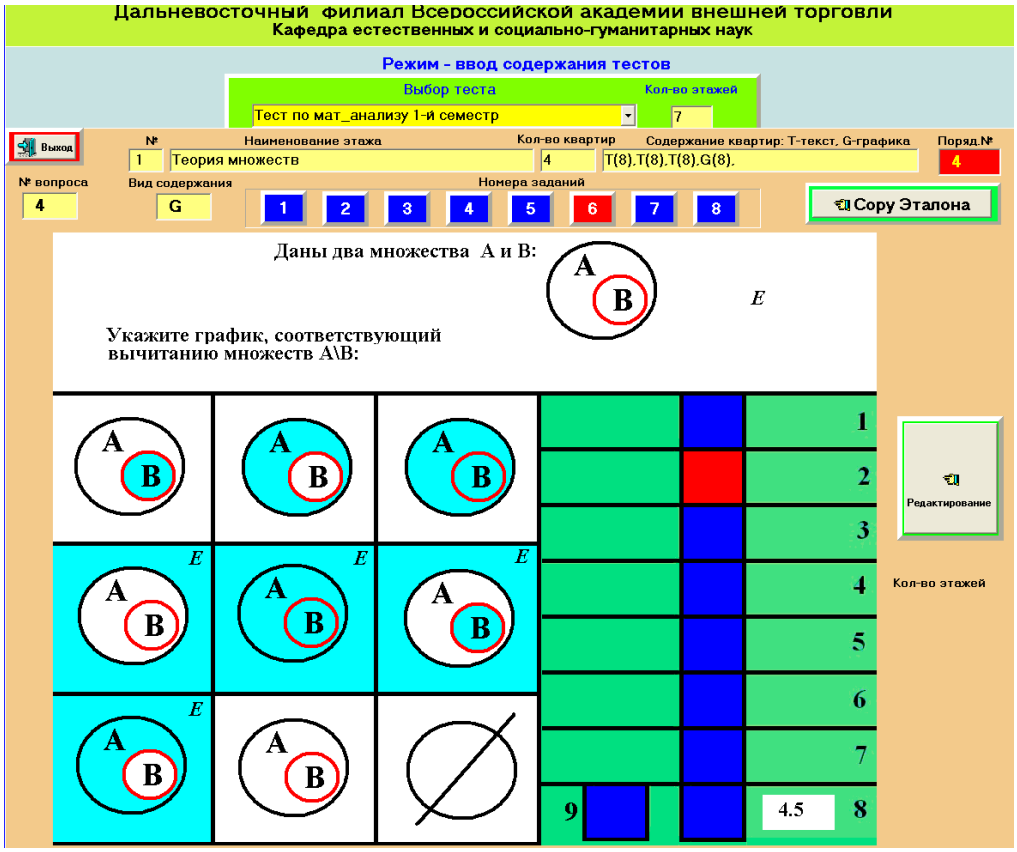

Рис. 11. Фрагмент вопроса и ответов теста графического представления

Текстовая трактовка ответов, рис. 12.

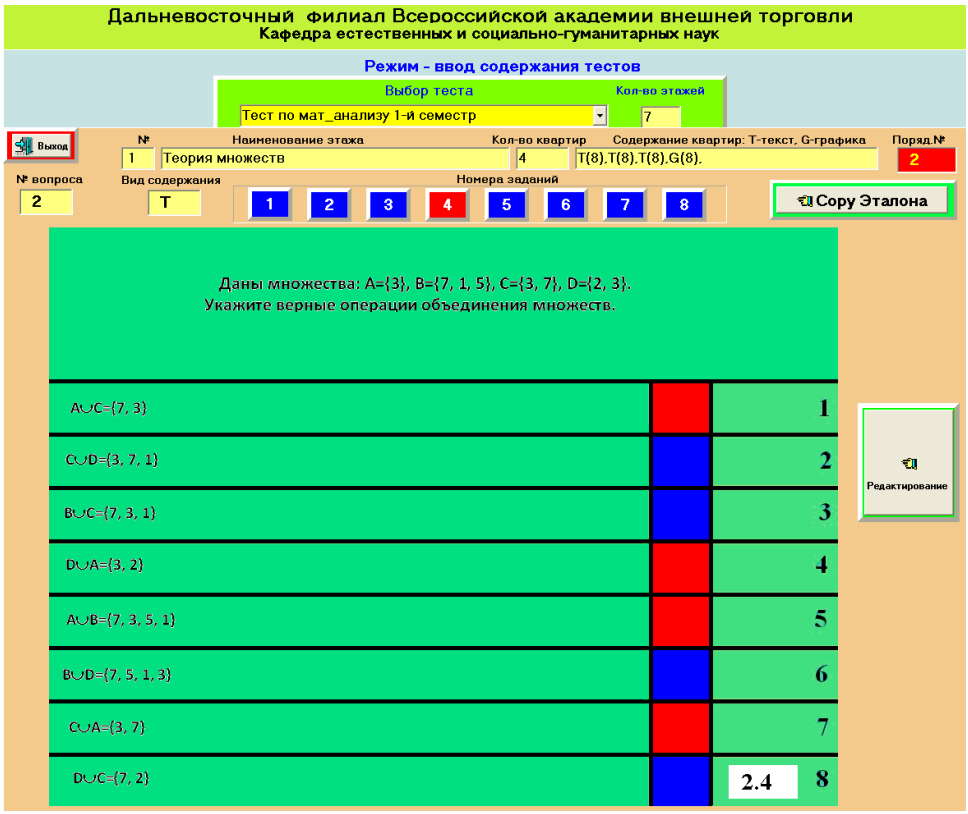

Рис. 12. Фрагмент текстового содержания ответа

Блок № 3 ПК «ЭТН-2» предназначен для оформления раздела, где будет находиться тест, и выполнения копирования в данный раздел всех необходимых исходных данных. Схема основного меню данного блока представлена на рис. 13.

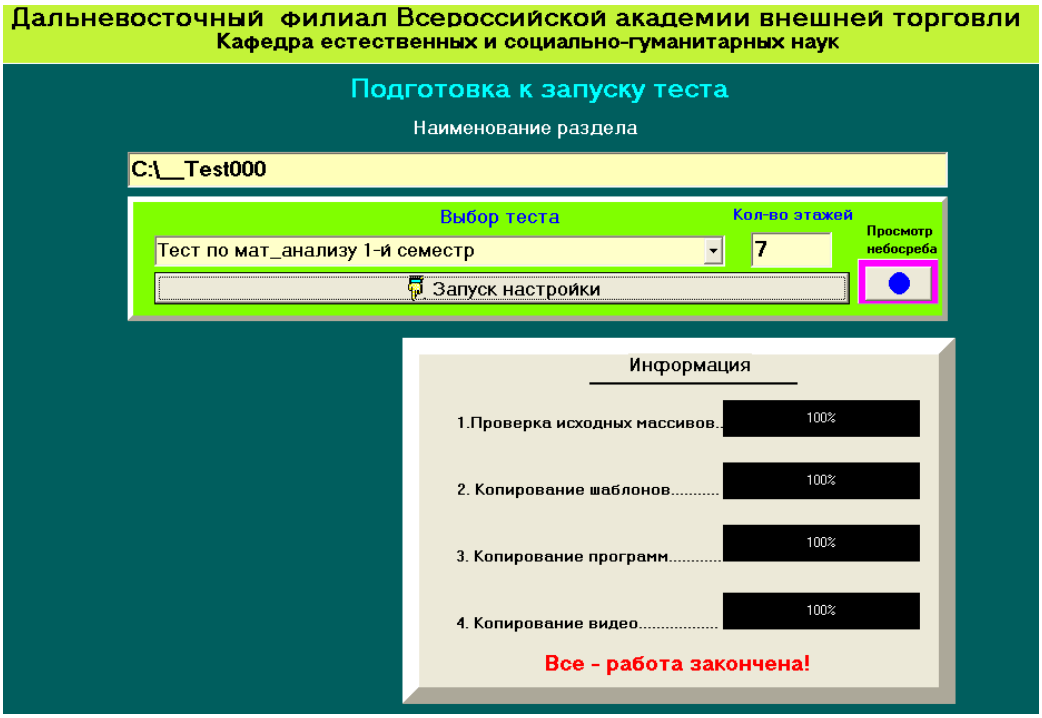

Рис. 13. Основное меню Блока № 3

По окончании установки соответствующего теста в раздел, производится запуск из этого раздела самого модуля программы «НЕБОСКРЕБ-2». В результате запуска, на экране дисплея появится изображение, примерно соответствующее рис. 14.

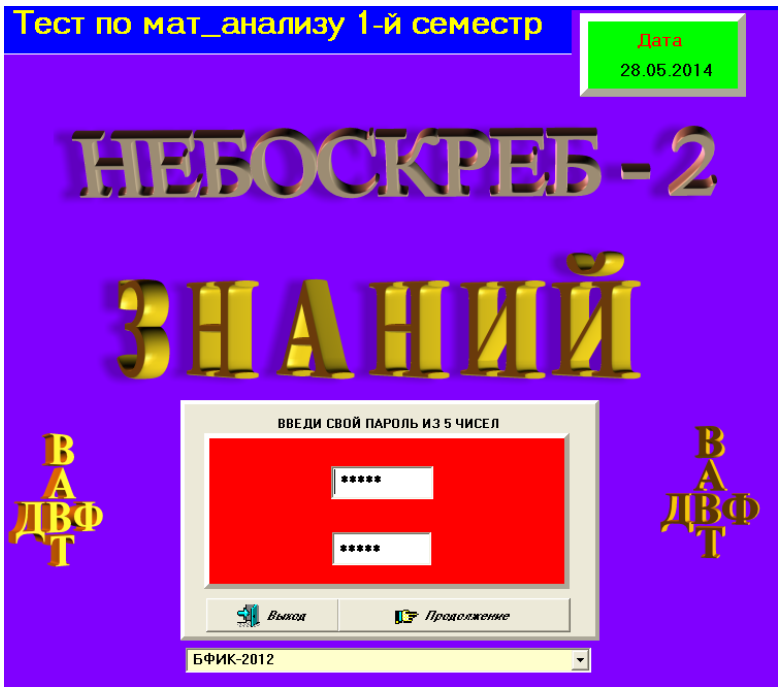

Рис. 14. Меню запуска теста «НЕБОСКРЕБ-2»

Указав дважды личный пятизначный код, который выдается студенту на весь период обучения, на экран будет выдана следующая информация:

№	Дата	№ вопроса - выход из теста	Кол-во верных ответов	Кол-во ошибок	Варианты ответа 1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	Оценка за тест
1	25.05.2014	12	13	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	2									2.14
2	26.05.2014	2	2	3	1	2																				4.76
3	26.05.2014	9	9	3	1	0	1	0	0	0	0	0	1													3.10

Рис. 15. Предварительная информация по предыдущей сдаче теста

Нажав кнопку «Продолжение», происходит запуск первого вопроса, представленного на рис. 16.

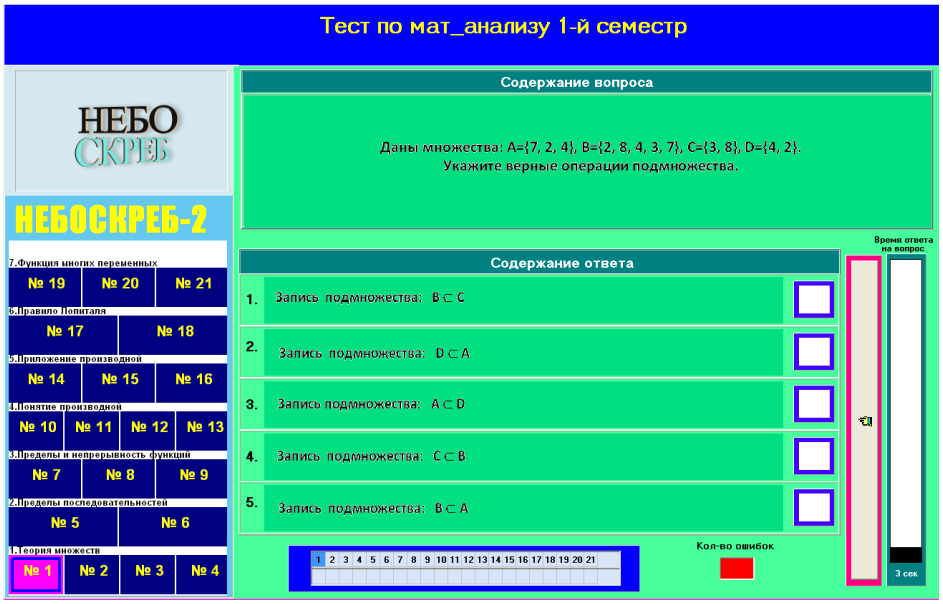

Рис. 16. Фрагмент первого вопроса теста

По окончанию выполнения теста, на экран выдается соответствующее изображение. Например, итог сдачи теста студенткой Гужовой Д. А. представлен на рис. 17:

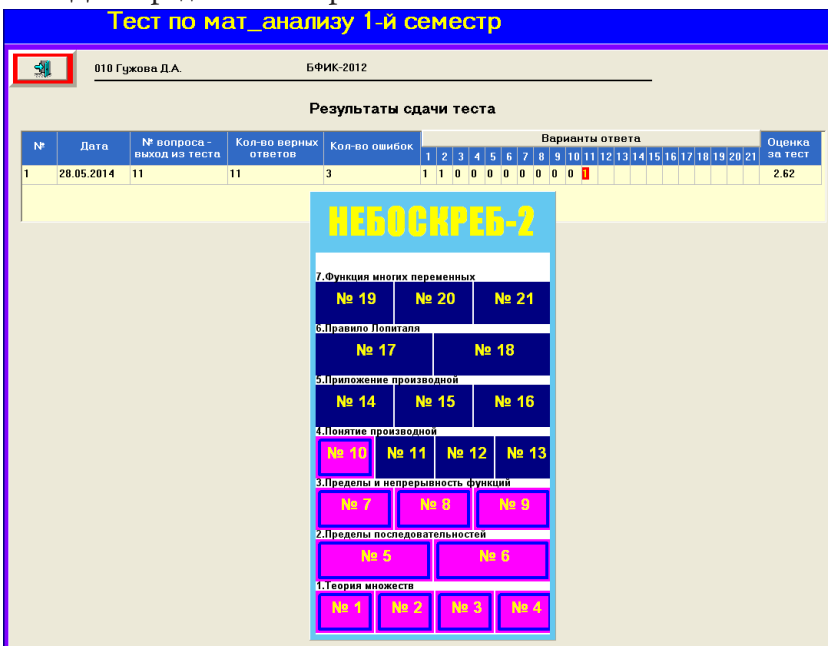

Рис. 17. Фрагмент результата сдачи теста студентом

В данном модуле, кроме этого, предусмотрен режим выявления типичных ошибок при сдаче теста. Запуск данного режима, приведет к следующему изображению на экране монитора рис. 18.

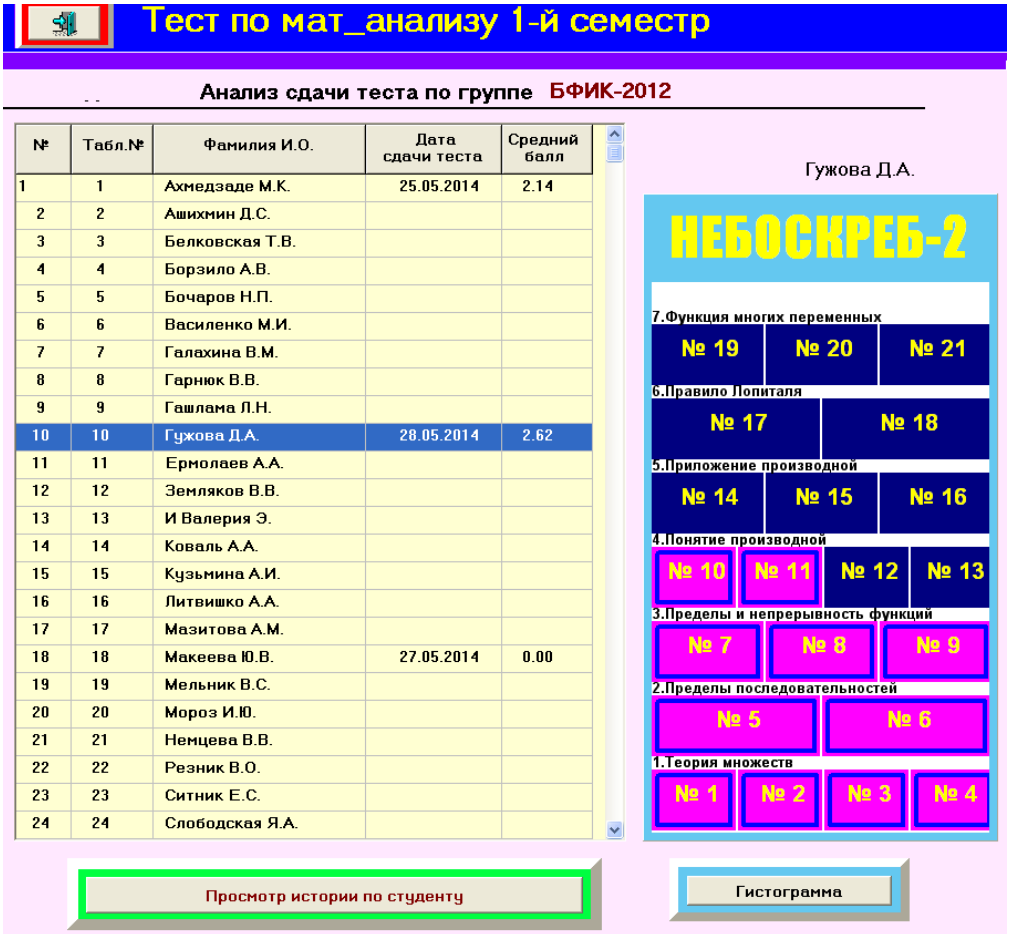

Рис. 18. Фрагмент результатов сдачи теста всей группой

Нажатие кнопки «Гистограмма» на рис. 18, приводит к появлению следующего изображения, рис. 19.

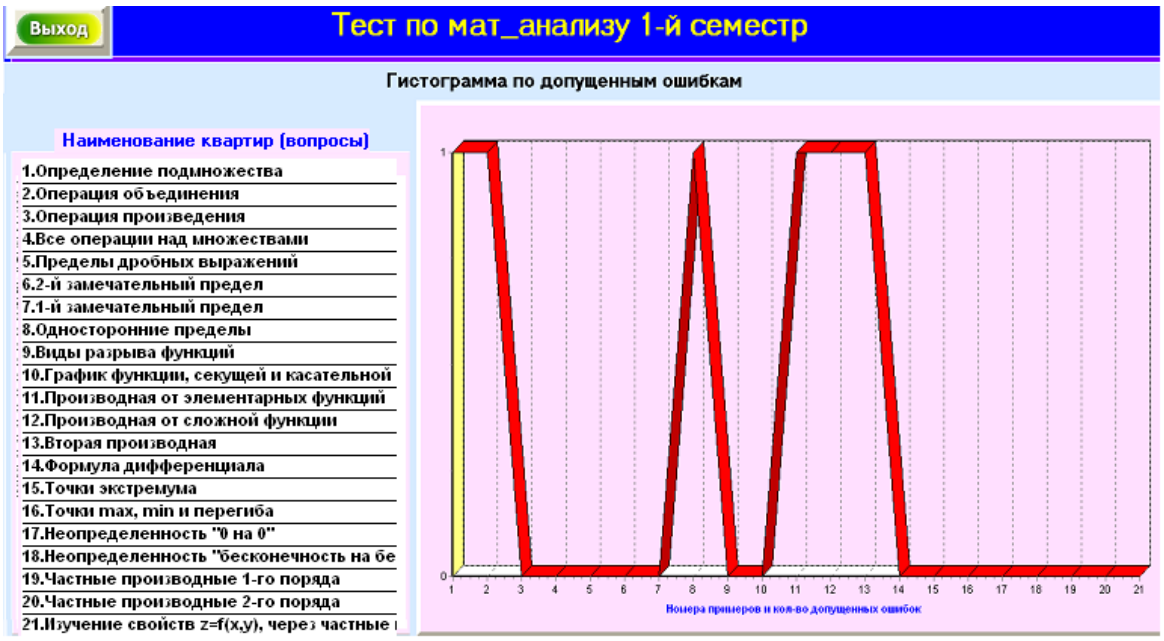

Рис. 19. Гистограмма по вопросам, по которым были допущены неверные ответы

Таким образом, ПК «ЭТН-2» позволяет создавать разнообразные тесты в режиме реального времени, производить их отладку, готовить программы для запуска соответствующих тестов. Количество возможных «Небоскребов» более 100, количество этажей в небоскребе — более 200. Анализ ошибочных вопросов позволяет выявлять слабые места при изучении дисциплин. Рассмотренный ПК «ЭТН-2» наиболее удобен при наличии сенсорного монитора, для решения задач как индивидуально, на рабочем месте, так и коллективно, с помощью аудиторной интерактивной доски.

Данный ПК был опробован, в качестве эксперимента, на олимпиаде по математике, проведенной в нашем вузе среди учащихся. Результат — студенты смогли покорить 6 этажей, что показывает, безусловно, хороший уровень знаний по данной дисциплине.

В настоящий момент, разрабатывается третья очередь ПК «ЭТН-3», позволяющая тесты-небоскребы наращивать друг на друга. Например, «Небоскреб» по математическому анализу за 1 семестр, можно нарастить «Небоскребом» за 2 семестр, и получится новый «Небоскреб» с увеличенной этажностью.

Список литературы:

1. Лазарев Г. А., Коротаевский А. Г. Автоматизированная информационная система управления учебным процессом на базе мультимедийных комплексов [Текст]/Г. А. Лазарев, А. Г. Коротаевский//Приволжский научный вестник»: научно-практический журнал (№ 6 (22) июнь 2013 г.). – Ижевск: 2013. – С. 125–134.
2. Лазарев Г. А., Коротаевский А. Г. Инновации в базовом образовании «Бакалавриат» [Текст]/Г. А. Лазарев, А. Г. Коротаевский//Педагогика и психология: тренды, проблемы, актуальные задачи: материалы III Международной научно-практической конференции (28 февраля 2013 г.) – Краснодар: 2013 г. – С. 156–163.
3. Лазарев Г. А., Коротаевский А. Г. Компьютерные технологии в базовом образовании «Бакалавриат». [Текст]/Г. А. Лазарев, А. Г. Коротаевский//1st International Scientific Conference «European Conference of Education and Applied Psychology (February 20, 2014) »//« East West» Association for advanced studies and Higher Education Gmbh. Venna. 2014. – С. 196–211.
4. Лазарев Г. А., Коротаевский А. Г. Новые компьютерные технологии для повышения знаний студентов [Текст]/Г. А. Лазарев, А. Г. Коротаевский//«Психология и педагогика: актуальные проблемы и тенденции развития»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (6 марта 2013 г.). – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. – С. 18–24.

Marchuk Maryna Vitaliivna, Chernivtsi National University,
postgraduate student, Faculty of Pedagogy, Psychology and Social Work
E-mail: Laila_196625@rambler.ru

Problems of social care for children and youth in Bukovina social, political and educational publications (the end of the 19th to the Thirties of the 20th century)

Abstract: This paper analyzes the problems of the organization of Bukovina social care institutions from the end of the 19th to the first third of the 20th century and characterizes the views of Bukovina social activists and teachers to the need for educational work with orphans and other defenseless categories of children and youth. The activity of local public organizations in the field of public care has been considered.

Keywords: social care for children and youth, social care institutions, educational work in shelters and orphanages, public organizations, educational media.

Марчук Марина Витальевна, Черновицкий национальный университет,
аспирант, факультет педагогики, психологии и социальной работы
E-mail: Laila_196625@rambler.ru

Проблемы общественной опеки детей и молодежи на страницах общественно-политических и педагогических изданий Буковины (к. XIX — 30-е гг. XX века)

Аннотация: В статье проанализировано освещение проблем организации учреждений опеки на Буковине в конце XIX — первой трети XX веков; охарактеризовано взгляды буковинских общественных деятелей и педагогов на необходимость образовательной и воспитательной работы с детьми-сиротами, другими категориями незащищенных детей и молодежи. Рассматривается деятельность общественных организаций края в обустройстве заведений общественной опеки.

Ключевые слова: опека детей и молодежи, учреждения общественной опеки, образовательная и воспитательная работа в приютах, общественные организации, педагогическая пресса.

Опека нуждающихся категорий граждан, прежде всего детей, подростков и молодежи, — одна из наиболее важных социальных функций государства, общества в целом. Она имеет глубокие исторические корни, прошла длительный путь от родоплеменных и общинных форм помощи и взаимопомощи, церковно-монастырской поддержки нуждающихся до оформления государственного общественного и частного призрения и обеспечения в XIX — XX веках. Сегодня общественная опека — это форма охраны личных и имущественных прав и интересов недееспособных граждан, кризисных категорий, прежде всего детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в целях их содержания, воспитания и образования, защиты прав и интересов. В ее сферу входит деятельность государственных учреждений, благотворительная работа обществ и организаций, частных лиц.

Реформирование системы общественной опеки происходит и в современной Украине. Одним из источников кардинальных изменений является, по нашему мнению, позитивный исторический опыт, накопленный в ее разных регионах на протяжении столетий. Таким своеобразным историческим регионом является Буковина — исконно украинский край, который на протяжении второй половины XVIII — 40-х гг. XX века был в составе сначала Австро-Венгрии, а с 1918 г. — Румынии. В крае сформировалась специфическая система образования, опеки, культуры, отражавшая, с одной стороны, европейские устремления жителей, а с другой — борьбу за сохранение украинской нации, ее культуры, языка. Многонациональный край — Буковина — на протяжении столетий являлась образцом мирного сосуществования и взаимодействия представителей более чем 20 наций и народностей, основными среди которых были украинцы, румыны, евреи, поляки, русские.

Специальные исследования проблем развития общественной опеки на Буковине отсутствуют, важная информация обобщена в исторических трудах (В. Бо-

тушанский, А. Добржанский, А. Жуковский, И. Поддубный и др.), работах историков педагогики области (Л. Кобылянская, И. Петрюк, Д. Пенишкевич, Л. Платаш, Л. Тымчук и др.), однако требует отдельного историко-педагогического анализа, в частности и с точки зрения освещения проблемы в периодической прессе исследуемого периода. Это задание и является основной целью нашей публикации.

В обозначенный исторический период Буковина была преимущественно сельскохозяйственным регионом, большинство населения которого — малообеспеченные и бедные крестьяне, пытавшиеся дать образование детям, обеспечить их будущее. Источники свидетельствуют, что социально-экономические проблемы развития области, специфика региона (наличие значительной части горной местности и связанных с этим проблем), сложности с медицинской помощью, санитарно-гигиеническим просвещением народа влияли на наличие значительного числа граждан, особенно детей и молодежи, нуждавшихся в поддержке и опеке. Речь идет о детях-сиротах и оставшихся без родительского присмотра, беспризорных и бездомных, а после 1918 г. — детях, ставшими таковыми после окончания первой мировой войны; подкидышах, незаконнорожденных и др. В связи с этим на Буковине в исследуемый период функционировали учреждения общественной опеки, которые дифференцировались за вероисповеданием ребенка (причем их основывала как православная и католическая церковь, так и конфессиональные общины, например евангелисты), полом (для мальчиков и девочек, как правило, отдельно), основателями и содержателями (государство, благотворительные и общественные организации, частные лица), за категориями детей (сироты, беспризорные и бездомные, дети-инвалиды).

Источники свидетельствуют о том, что в крае работали такие виды опекунско-воспитательных учреждений: детские дома, приюты и сиротские дома, дома младенцев, благотворительные учреждения для сирот, бурсы (учреждения типа общежитий-интернатов, где проживали сироты и бедные учащиеся), воспитательные дома для подкидышей и внебрачных детей, частные сиротские приюты, учебные опекунские заведения для беженцев в период первой мировой войны и после нее, детские приюты для беспризорников и бездомных. Существовала и особая форма общественной опеки — организация школьных объединений учеников, которые помогали (прежде всего, материально: одеждой, учебниками, школьными приборами) своим малоимущим товарищам или учащимся-сиротам, которые жили в семьях опекунов. Кроме того, для опеки детей дошкольного возраста — сирот или тех, чьи матери вынуждены были работать — национальными сообществами создавались так называемые "захоронки" (от слова охранять — М. М.), прототипы современных дошкольных учреждений, в которых дети получали необходимый уход и воспитание.

Именно поэтому вопросы обустройства этих опекунско-воспитательных учреждений, развития форм опеки, воспитания детей и молодежи находились в центре внимания общественных деятелей, педагогов Буковины. В исследуемый период в крае печаталось значительное количество газет и журналов на украинском, румынском, немецком, польском языках, что соответствовало этническому составу населения. В так называемый "австрийский период" (1774–1918 гг.) выходило 55 изданий, а в "румынский" — 34 газеты и журнала на украинском языке, наиболее крупными из которых были газеты "Буковина", "Каменярі" ("Каменщики"), "Промінь" ("Луч"), "Рідний край" ("Родной край"), журналы "Українська Ластівка" ("Украинская ласточка"), "Самостійна Думка" ("Самостоятельная мысль") и др. Их обобщенный анализ свидетельствует о том, что в статьях, заметках, объявлениях часто поднимались вопросы помощи детям-сиротам, малоимущим учащимся средних школ, освещалась деятельность общественных и религиозных организаций в этом направлении, предлагались пути реформирования опеки в целом и деятельности опекунских заведений разных типов в частности.

Наиболее часто поднималась тема участия национальных общественных организаций в поддержке разных кризисных категорий юных граждан края. Украинские национальные общества ("Українська Школа", "Народний Дім", "Буковинське Товариство православної шляхти"), религиозные и женские организации ("Мироносиці", "Жіноча Громада") содержали бурсы для малообеспеченных учащихся средних школ, поддерживали их материально. Так, общество "Народний Дім" удерживало бурсу для мальчиков, которая носила имя выдающегося буковинского поэта и общественного деятеля Юрия Федьковича. В статье в газете "Каменярі" речь шла о том, что в бурсе имелась должность "управителя педагогического", который "… заботился о науке и поведение бурсаков" (перевод — М. М.) [7, 9]. Члены общества искали на эту должность человека с соответствующим образованием, моральными принципами, национально сознательного.

Общество "Буковинської Руської православної шляхти" содержало бурсу для девочек, которая занималась "... воспитанием сознательных, искренних руських (украинских — М.М.) женщин". Статья в газете повествует о том, что в 1910/1911 уч. году в бурсе проживали и обучались 70 девиц, из них — 10 бесплатно, более половины — за полцены пансиона. Контингент учениц представлял все слои буковинского общества: 25 девушек из благородных семей, 30 крестьянок, 5 учительских детей, 2 — дочери священников, 4 — ремесленников. Они обучались в таких учебных заведениях Черновцов, как в государственной учительской семинарии (11), в частной семинарии общества "Українська Школа" (44), в высшей греко-православной женской школе (15), в городской народной школе (1). Автор заметки — известный педагог, общественный деятель Буковины и председатель общества Е. Попович подчеркивал, что бурса — это своеобразный воспитательный институт [3, 15], поэтому он должен всячески поддерживаться обществом.

Целый ряд статей по вопросам опеки опубликовал известный украинский педагог и общественный деятель Иван Герасимович (1876–1942), который до 1914 г. работал учителем в сельских народных школах края, был главным редактором педагогического издания "Промінь", с 1922 г. после оккупации Буковины Румынией работал во Львове (редактором журнала общества "Рідна Школа" (1932–1939). Наше внимание привлекла серия статей "Про заведеня для опіки над дітьми" ("Об учреждениях опеки над детьми"), в которых автор рассматривает причины появления детей, нуждающихся в разных формах опеки; дает им обобщенную характеристику; анализирует зарубежный опыт работы опекунских заведений. Одна из статей этого цикла посвящена освещению буковинского опыта опеки, прежде всего работе бурс. И. Герасимович представляет основные направления работы бурс края в 1912/1913 уч. году. В это время работало 6 бурс для мальчиков (самыми большими из них были "Бурса имени Осипа Федьковича общества "Народний Дім"; "Українська Бурса" в Кицмане; "Православна бурса" в Вижнице) и 3 для девочек (бурса "Товариства рускої православної шляхти на Буковині"; бурса "Товариства Православних русинок" і бурса "Товариства Жіночої Громади"). К системе общественной опеки относит педагог и захоронки для дошкольников, которых было всего три.

Интересными кажутся размышления И. Герасимовича о том, что следует сделать на Буковине для улучшения дела общественной опеки. Педагог пишет: во-первых, собрать статистические сведения о нуждающихся детях; отправить для обучения и изучения опыта роботы опекунских заведений за границу нескольких учителей; реформировать систему опеки в крае, создав новые типы учреждений, соответственно возрасту детей и молодежи. И. Герасимович делает вывод, что "... выполнение этого задания возможно при условии объединения усилий государства и общества в целом" (перевод — М.М.) [2,7].

Его коллега — Илларий Карбулицкий (1880–1961) — педагогический и общественный деятель, публицист, писатель, который закончив в 1903 г. черновицкую учительскую семинарию, работал на протяжении жизни учителем; в 1904–1907 гг. редактировал журнал "Промінь", был членом редколлегии газеты "Каменярі", издавал серию популярных книг "Крейцарова бібліотека", был автором первого исторического исследования о развитии народного образования в крае ("Розвій народного шкільництва на Буковині"), считал, что опека начинается с хорошего образования девочек — будущих матерей, поэтому для крестьянских девушек необходимо получать образования в народных школах, а не искать лучшей жизни в городе [6, 13–14]. Безусловно, эта мысль кажется спорной, однако мы понимаем, что педагог имел в виду не просто губительное влияние города на неокрепшую душу юной крестьянской девушки, а те искушения, которые несла в себе жизнь вне родительского дома. Публикация И. Карбулицкого вызвала широкий резонанс в обществе — вслед за ней появились статьи Леси Буковинки "Проблеми виховання" ("Проблемы воспитания"), Леси Гнидкевич "Як виховати свої дочки?" ("Как воспитать своих дочерей?"), Талии Задурович "Як виховати наші дочки?" ("Как воспитать наших дочерей?"). Вопросы воспитания, эмансипации женщин как будущих матерей и жен, следовательно — ответственных за семейную опеку, постоянно обсуждались на страницах дополнения к журналу "Самостійна Думка" — "Самостійна думка Української Матері" ("Самостоятельная мысль украинской матери").

Константина Малицкая (1872–1947) — украинская поэтесса, прозаик (литературные псевдонимы Чайка Днестровая, Вера Лебедова), педагог, общественно-культурный деятель, редактор имела собственную точку зрения на вопросы опеки детей и молодежи. У нее был значительный педагогический опыт — после окончания Львовской учительской семинарии она работа в народных школах Букови-

ны, брала активное участие в учительском движении, основывала народные хоры, читальни общества "Просвіта" ("Просвещение"), была одной из основательниц "Жіночої громади" Буковины, работала в педагогических обществах "Рідна Школа", "Крайове товариство охорони дітей і опіки над молоддю". В одной из своих публикаций она писала, что общественная опека должна развиваться в двух направлениях: создание для детей и молодежи с первых минут жизни благоприятных условий для физического и духовного развития; и — "охрана человеческого материала, чтобы ни одна единица для нас не пропала, чтобы каждый (ребенок — М. М.) стал достойным членом украинского народа" (перевод — М. М.) [9, 130]. Важными звеньями общественной опеки она называла ясли, захоронки, приюты, на помощь школьному воспитанию и опеки должны прийти детские и молодежные объединения (например, "Пласт" — украинская скаутская организация). Особое внимание К. Малицкая уделяла так называемым "уличным детям" — беспризорным — опеку над которыми, по ее мнению, следует поручить церкви (священникам, монашеским орденам), так как моральное очищение является непременным условием духовного развития.

Руководители национально-культурных и религиозных обществ часто публиковались в прессе. Например, Ванда Лукашевич — председатель общества "Жіноча Громада" в одной из заметок информировала, что в марте 1925 г. деятельность украинской захоронки, которую содержало общество, была возобновлена, в ней живут, воспитываются, получают все необходимое преимущественно дети-сироты, а сама захоронка работает благодаря жертвенности сознательных граждан. В. Лукашевич напоминает читателям, что захоронка работала еще до войны несколько десятков лет, а "Общество Руський Народний Дім" через 7 лет после ее закрытия 1918 г. помогло ее открыть снова, для того, чтобы учить детей разговаривать и молиться на родном языке. Сначала детей было все 13, а теперь — более 40. Воспитанники и воспитанницы "… каждое утро радостно бегут в захоронку, где получают обучение, воспитание, поют, играют, имеют хорошее питание" (перевод — М. М.). Автор статьи благодарит всех сознательных буковинских женщин и подчеркивает, что поддержка такого заведения способствует утверждению всего украинского в крае [1, 2].

Признавая, что захоронка работает достаточно эффективно, в одной из последующих публикаций В. Лукашевич говорит о необходимости основания Сиротского Дома. Ее основной аргумент — еще два года тому назад количество сирот в крае составляло более 500; эти дети ночуют по дворам, во рвах, каналах, вырастают "на позор и тяжесть обществу" (перевод — М. М.). Именно поэтому автор статьи обращается к известным в крае политическим деятелям, чиновникам, интеллигенции жертвовать на построение Сиротского Дома (к слову, она первая вкладывает 1 тыс. лей на это благородное дело) [8, 2]. Кроме того, она информирует, что Министерство здоровья и социальной опеки Румынии позволило членам "Жіночої Громади" собирать пожертвования на строительство сиротского дома официально, например, через выпуск специальных почтовых марок.

Газета "Каменярі" — прессовый орган украинского учительства на Буковине постоянно извещал читателей о работе национальных организаций и институций для детей и школьной молодежи. В одной из типичных статей читаем, что "Украинская православная женская бурса принимает на новый учебный год бедных и достойных девушек, которым будет предоставлено жилище и надзор" (перевод — М. М.), кроме того, речь шла о педагогическом сопровождении, обучении игре на фортепиано. Извещалось также, что в прошлом году в бурсе содержались 33 ученицы. Они получали надлежащую образовательную и воспитательную поддержку, и результаты их были превосходными: из 33 воспитанниц 3 учились на отлично, 23 — "хорошистки", только 2 ученицы остались на повторный курс обучения [11, 7].

Редактор газеты "Каменярі" Е. Иваницкий в передовице "Наші діти, то наша будучність" ("Наши дети — это наше будущее") детально описал деятельность бурс. В них содержалось примерно 500 детей, в основном — ученики средних школ. Бурсы работали на частные пожертвования, поэтому отчаянно нуждались в средствах. Так как задание бурс не просто приют, помощь для малоимущих учеников, а "… взращивание украинской интеллигенции" (перевод — М. М.), то педагоги края обязаны поддержать их. Это … "мерило их национального сознания, национальных чувств и обязанностей учителей…", поэтому автор статьи предлагает педагогам "… наложить на себя добровольный национальный налог (1–2 короны в зависимости от ранга и заработной платы учителя), из которых половина будут направлены на активизацию работы общества "Украинская Школа" в Черновцах, вторая — на основание бурс в своем округе" [5, 1–2].

Деятельность бурс регулярно обсуждалась передовым учительством, в газете публиковались отче-

ты о их работе. Например, в 1911 г. в крае работало 9 бурс, из них 3 — для девочек, остальные для мальчиков. В бурсах было раздельное обучение, из 9 бурс — общества содержали 4 бурсы, 1 была частная, еще 4 были бурсы, работавшие в уездных местечках, которые содержались за счет учебных заведений (например, "Руска бурса" в городке Кицмань, "Гімназійна бурса" в Вижнице, "Бурса" в Серете, "Православная бурса" в Вижнице). В 1911/1912 уч. г. в них получали необходимый кров, опеку, воспитание и обучение 490 мальчиков и 129 девочек, причем — 38 бесплатно [12, 7].

В газете "Рідний край" (1926–1930) постоянно печатались отчеты о деятельности национально-культурных обществ в организации массовых мероприятий в помощь нуждающимся детям, в том числе и "Жіночої Громади". Наиболее популярными были заметки о праздниках, устраиваемых для детей-сирот, беспризорных и детей из бедных семей. Традиционными были мероприятия в честь святого Николая (19 декабря), день Цветов (в марте), так называемые "чайные вечера" (благотворительные собрания членов общественных организаций, интеллигенции города), во время которых воспитанники захоронки выступали с концертами: пели, танцевали, показывали гимнастические номера. Меценаты, члены общества, простые горожане одаривали их конфетами, теплой одеждой, обувью, школьными приборами.

Еще одна категория детей, которые требовали особенного внимания, были дети с функциональными ограничениями. В "Каменярах" активно обсуждалась необходимость создания для них учреждений опеки, так как они "… вырастали до недавних времен без школьного обучения; росли в основном дома, либо слишком обласканные, либо без всякого присмотра" [4, 2]. В 1908 г. в Черновцах открылась специальная школа-интернат для слепых и глухонемых детей, однако общественные деятели края считали, что национальные организации должны внести свой посильный вклад в помощь детям-инвалидам.

На Буковине в исследуемый период печатались также журналы для детей и молодежи, например, "Українська ластівка" ("Украинская ласточка") — иллюстрированный журнал, который выходил в печать в 1933–1938 гг., помещал на своих страницах рассказы, стихи, небольшие повести для детей школьного возраста. Тематика их разнообразна, часто встречались рассказы на морально-этические темы, как, например, "Для тих, що не мають мами" ("Для тех, у кого нет мамы"). В нем речь идет о мальчике Петре, который озаботился судьбой своих школьных товарищей — сирот, и решил своим трудом заработать деньги, которые пожертвовать на строительство сиротского дома [10, 4–6]. Сиротский Дом (по словам автора рассказа) строила одна из национально-культурных организаций, а значит, мальчик принимал активное участие общественной жизни края.

Таким образом, на страницах буковинских периодических изданий в исследуемый период поднимались вопросы воспитания и опеки детей и молодежи разных категорий — сирот, малоимущих, детей-дошкольников, которых работающие матери оставляли без присмотра, беспризорников и др. Педагоги, общественные деятели, члены национально-культурных обществ считали дело призрения и опеки чрезвычайно важным для развития нации, воспитания подрастающего поколения, одним из показателей цивилизованности общества в целом.

Список литературы:

1. В. Л. Наші діти наша будучність/В. Л.//Рідний край. – 1926. – № 1. – С. 6.
2. Герасимович І. Про заведеня для опіки над дітьми/І.Герасимович//Каменярі. – 1912. – Ч. 17–18. – с. 7–8; Ч. 23. – С. 8–10.
3. Загальні збори буковинської рускої православної шляхти//Каменярі. – 1911. – 10.07. – С. 15.
4. Заклад для сліпих і глухонімих//Каменярі. – 1914. – Ч. 5–6. – С. 2.
5. Іваницький О. Наші діти, то наша будучність/О.Іваницький//Каменярі. – 1911. – Ч. 21. – С. 1–2.
6. Карбулицький І. Рятуйте наших селянських дівчат від великоміської моральної і тілесної загибелі/І.Карбулицький//Самостійна думка української матері. – 1931. – № 3–4. – С. 13–14.
7. Конкурс//Каменярі. – 1911. – Ч. 12. – С. 9.
8. Лукашевич В. Український народе!/В. Лукашевич//Рідний край. – 1929. – 28.04. – Ч. 17. – С. 2.
9. Малицька К. Суспільна опіка над дітворою і молоддю/К. Малицька//Наш світ. – 1927. – С. 128–130.
10. Максимів М. Для тих, що не мають мами/М. Максимів//Українська ластівка. – 1933. – Ч. 5. – С. 4–6.
11. Ріжні вісти//Каменярі. – 1922. – Ч. 23–24. – С. 7.
12. Стан українських бурс на Буковині//Каменярі. – 1911. – Ч. 23. – С. 7.

Svetlychnaya Elena Ruslanovna
Dnepropetrovsk Alfred Nobel University, senior lecturer
E-mail: hedrusv@hotmail.com

Psycological aspects of two way consecutive translation

Abstract: The article characterizes the mechanisms of memory, ensuring the process of two way consecutive translation, describes how they interrelate and work. The author singles out interpreting skills formed on the basis of the memory mechanisms.

Key words: memory, two way consecutive translation, interpreter, skills.

Светличная Елена Руслановна
Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля,
старший преподаватель
E-mail: hedrusv@hotmail.com

Психологические аспекты устного последовательного двустороннего перевода

Аннотация: В статье рассматриваются характеристики, взаимосвязь и действие механизмов памяти, обеспечивающих процесс устного последовательного двустороннего перевода. Автор выделяет переводческие умения, формирующиеся на основе механизмов памяти.

Ключевые слова: память, последовательный двусторонний перевод, устный переводчик, умения.

Согласно определению, сформулированному В. Н. Комиссаровым [6], устный перевод — это вид перевода, при котором оригинал и его перевод выступают в нефиксированной форме, что предопределяет однократность восприятия переводчиком отрезков оригинала и невозможность последующего сопоставления или исправления перевода после его выполнения. Таким образом, важнейшим механизмом обеспечения процесса устного перевода является память. При этом, согласно классификации В. И. Ермолович, память относится к общепсихологическим механизмам, обеспечивающим процесс устного перевода наряду с восприятием и осмыслением [2, 50].

Согласно утверждению Р. К. Миньяр-Белоручева, «память нужна всем, нужна постоянно, а переводчику — профессионально» [7, 51].

Механизмы памяти — это важнейшие механизмы, обеспечивающие осуществление процесса перевода в целом и процесса устного последовательного перевода в частности. По мнению многих исследователей, для достижения высоких результатов при обучении устному последовательному переводу необходима тренировка и развитие различных видов памяти, которые позволяют правильно и эффективно сформировать механизмы, обслуживающие деятельность переводчика, а именно: механизм усвоения необходимых знаний, базирующийся на модели «адаптивного управления процессом мышления» — декларативную, процедурную и исполнительную память [9], механизм сохранения полученной информации, до момента выдачи ее на языке перевода — оперативную память, механизм продолжительного сохранения знаний, умений и навыков — долговременную память, механизм безассоциативного запоминания — образную память [1], механизм смысловой группировки текста при запоминании — смысловую память [7].

Начнем с механизма усвоения знаний на основе модели «адаптивного управления процессом мышления», предложенной Э. А. Носенко и С. В. Чернышенко [7, 44]. Согласно этой модели, механизм овладения знаниями и навыками можно представить в виде трех основных блоков: блок декларативной памяти, блок процедурной памяти и блок исполнительной памяти.

При этом, под декларативной памятью понимают память, которая сохраняет знания определенной сферы, которые могут быть репродуктированы изолированно, не обязательно в связи с конкретной ситуацией. Процедурная память может быть охарактеризована как память на процедуры выполнения конкретных действий, которые базируются на осознании знаний, представленных в декларативной памяти. Исполнительная память — это память на то, что, для чего и как нужно делать в конкретных ситуациях деятельности, в которых нужно применять полученные декларативные и процедурные знания [9, 44–45].

С точки зрения обучения последовательному

переводу, Д. Робинсон [11] считает, что переводчику для обеспечения процесса устного перевода одинаково необходимы все три вида памяти. Процедурная память необходима для подсознательной обработки текста переводчиком, а декларативная — для сознательной. Процедурная память помогает переводить быстро, а декларативная требуется в тех случаях, когда возникшие проблемы делают быстрый перевод невозможным. Что касается функционирования исполнительной памяти в соответствии с уровнем компетентности в определенной сфере знаний, то именно от нее зависит выбор стратегии поведения или выполнения действий в конкретных ситуациях.

Оперативная память в процессе устного последовательного перевода необходима для сохранения полученной информации с момента ее получения до момента выдачи на языке перевода. Наиболее важной характеристикой оперативной памяти для процесса устного последовательного перевода является ее емкость. Под емкостью оперативной памяти понимается та информация, которую человек имеет перед своим мысленным взором в данный момент. Единственное хранилище кратковременной памяти имеет ограниченные объем и время хранения, а приоритет поступления информации определяется направленностью внимания в данный момент. Время хранения информации в оперативной памяти составляет примерно 20 секунд, а ее объем составляет 5–9 структурных единиц информации — в среднем 7 единиц (правило Д. Миллера). Этот объем индивидуален, он характеризует природную память человека и имеет тенденцию сохраняться в течение всей жизни. Он может быть увеличен в случае использования ассоциативных связей, укрупнения структурных единиц, но не за счет увеличения их количества. Дж. Миллер говорит о возможности расширения объема памяти через построение все больших и больших отрезков, содержащих больше информации, чем раньше [10, 176]. Как отмечает Р. К. Миньяр-Белоручев, это может быть 7 лексических единиц, представленных словами, а может — 7 смысловых единиц, каждая из которых заключена в нескольких словах, но содержит один квант (порцию) информации [7]. При этом в процессе перевода происходит уменьшение объема текста перевода по сравнению с объемом текста оригинала, т. е. переводчик применяет речевую компрессию.

Другая характеристика памяти — точность воспроизведения, отражает способность человека точно сохранять, а самое главное, точно воспроизводить запечатленную в памяти информацию. В процессе сохранения в памяти часть информации утрачивается, а часть — искажается, и при воспроизведении этой информации человек может допускать ошибки. Поэтому точность воспроизведения, по нашему мнению, является весьма значимой характеристикой памяти при обучении устному последовательному переводу.

Еще одна важная характеристика памяти — длительность, отражает способность человека удерживать определенное время необходимую информацию. Данная характеристика оперативной памяти особенно важна для обучения последовательному переводу, так как процесс последовательного перевода предполагает наличие весьма продолжительных промежутков «накопления информации» переводчиком, который ожидает окончания речи говорящего для выполнения перевода.

Нельзя не согласиться с утверждением Г. Э. Мирама о том, что одной из характерных черт последовательного перевода является то, что он «неполный по определению». По его мнению, «даже уникальная память немногих легендарных переводчиков едва ли в состоянии сохранить все детали длинного выступления, не говоря уже о памяти «простых смертных» [8, 103]. При этом, несмотря на «неполноту» последовательного перевода, главной задачей переводчика, по нашему мнению, должно быть полное выполнение поставленной перед ним коммуникативной задачи. Это возможно благодаря актуальному членению текста.

Актуальное членение — это структура текста на логико-коммуникативном уровне, в которой каждое высказывание состоит из темы (того, о чем говорится), переходного элемента и ремы (того, что говорится о теме). И хотя, по мнению Г. Э. Мирама, выделение тем и рем вещь довольно субъективная и переводчик может увидеть в тексте логико-тематическую структуру, отличную от той, которую видит в нем автор этого текста, все же опора на эту структуру служит «определенной гарантией выполнения основной коммуникативной задачи» [8, 107–108].

После того, как информация была получена, она обрабатывается в оперативной памяти, в результате чего выделяется смысловая составляющая сенсорных стимулов, т. е. происходит семантическое кодирование, что делает возможным долговременное запоминание информации. Продуктивность этой смысловой обработки информации, по мнению Р. Лурия [6], зависит от стратегии запоминания, правильной последовательности операций, уровня внимания. Согласно характеру участия воли в процессе запоминания раз-

личают непроизвольную и произвольную память.

Эффективность произвольной памяти зависит от целей запоминания и приемов заучивания. При этом, приемы заучивания бывают: механические дословные — многократное повторение материала; логический пересказ, который включает логическое осмысление материала, систематизацию, выделение главных логических компонентов информации, пересказ своими словами; образные приемы запоминания — перевод информации в образы, графики, схемы, картинки (обеспечивается за счет работы образной памяти) [1;6; 7; 11].

Как отмечают психологи, использование механической памяти является самым неэффективным способом запоминания информации, в отличие от логических (смысловых) и образных приемов запоминания. Образные приемы запоминания эффективно увеличивают емкость оперативной памяти. Это более стойкая форма памяти, разрушить которую почти невозможно, так как она исходит из интересов и профессиональных знаний самого человека и уже неотделима от его личности. Согласно утверждению И. С. Алексеевой, при обучении устному переводу, применение механизмов образной памяти, ассоциативного и безассоциативного запоминания является необходимым условием для развития памяти на различные виды прецизионной информации, способность «привыкнуть» к неожиданной информации и умение запомнить ее в общем ряду, соблюдая требование сохранения порядка следования [1, 36].

По утверждению Р. К. Миньяр-Белоручева, наиболее эффективным способом развития памяти переводчика является смысловая группировка текста [7, 53]. Смысловая группировка представляет собой выделение опорных пунктов, облегчающих запоминание. Кроме того, при устном последовательном переводе невозможно запомнить все слова в предложении, учитывая тот факт, что все языки являются избыточными. Избыточность языка, особенно в устной речи, необходима человеку для того, чтобы его хорошо понимали, однако, для процесса последовательного перевода она зачастую становится камнем преткновения, так как перегружает оперативную память и усложняет процесс запоминания информации.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что переводчику для осуществления процесса последовательного перевода необходимо уметь выбирать из потока речи те слова, которые несут на себе ключевую информацию с последующим умением сжимать полученную информацию при переводе, сохраняя содержание и все ключевые элементы смысла. Выделение ключевой информации или смысловых опорных пунктов происходит при использовании механизма внимания. В процессе последовательного перевода внимание переводчика приковано поэтапно сначала к процессу восприятия оригинального текста, а затем к адекватности своего перевода.

И, наконец, необходимо рассмотреть вопрос роли механизма долговременной памяти в процессе устного последовательного перевода. Прежде всего, необходимо дать определение этому виду памяти. Долговременная память — подсистема памяти, обеспечивающая длительное, соизмеримое с продолжительностью жизни сохранение временных связей (умений и навыков). Считается, что объем долговременной памяти практически не ограничен. Несмотря на эти ценные качества долговременного хранилища, человек часто не получает доступа к хранящимся там знаниям, когда в них возникает необходимость. Для уменьшения забывания необходимо: понимание, осмысление информации, периодическое повторение информации, создание условий заинтересованности обучаемого в запоминании информации [12].

Прежде всего, для описания действия механизма долговременной памяти в процессе последовательного перевода, следует упомянуть, что ряд авторов прямо указывают на непрерывную циркуляцию информации из оперативной памяти в долговременную память и обратно. Н. И. Жинкин полагает, что в долговременной памяти образуются решетки фонем и морфем, на которых базируются речевые умения и навыки. По его мнению, всплывающая в сознании модель, тут же заполняется материалом из решетки морфем, получая в речи соответствующее ее ситуации оформление [3]. Л. К. Велитченко считает, что взаимодействие оперативной памяти и долгосрочной памяти сводится к сличению поступающих в оперативную память сведений с соответствующей информацией, хранящейся в долговременной памяти [4, 122]. Кроме того, по словам Л. Ю. Зиновьевой, любые изменения содержания долговременной памяти, неизменно влекут соответствующие изменения в работе оперативной памяти [4, 122–124]. В свою очередь мы хотим подчеркнуть тот факт, что на базе долговременной памяти происходит не только сравнение хранящейся в ней речевых единиц, долговременная память хранит гораздо больше информации, помогающей обеспечивать процесс последовательного перевода за счет функционирования механизма антиципации.

На основе вышеперечисленных механизмов памяти должны формироваться умение прогнозирования, умение удерживать в памяти большие отрезки информации, умение сохранять полученную информацию до момента выдачи ее на языке перевода, умение ассоциативного запоминания, умение смысловой группировки текста при запоминании. Помимо этого, в число умственных механизмов, обеспечивающих процесс последовательного двустороннего перевода, входят механизмы восприятия текста оригинала, оформления перевода, синхронизации переводческих действий и механизм переключения — перехода от одного языка к другому.

Список литературы:

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: Учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. – СПБ.: Издательство «Союз», 2008. –288 с.
2. Ермолович В. И. Проблемы изучения психологических аспектов перевода/В. И. Ермолович//Тетради переводчика. – 1999. – В.24. – С. 45–62.
3. Жинкин Н. И. Внутренние коды языка и внешние коды речи/Н. И. Жинкин//To Honour Roman Jacobson. – Paris, 1967. – С. 236–237.
4. Зиновьева Л. Ю. Взаимодействие оперативной и долговременной памяти при овладении иностранным языком/Л. Ю. Зиновьева//Лингвистика и лингводидактика. Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – Вып. 6. – С. 122–124.
5. Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу/Комиссаров В. Н. – М.: РЕМА, 1997. – 112 с.
6. Лурия А. Р. Маленькая книжка о большой памяти/А. Р. Лурия//Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти; под. ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. – [3-е издание, переработ. и доп.]. – Москва: АСТ, 2008. – С. 193–207.
7. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? – М.: «Готика», 1999. – 176 с.
8. Мирам Г. Э. Профессия: переводчик. – К.: Эльга, Н.-Центр, 2006. – 160 с.
9. Носенко Е. Л. Методологічні аспекти забезпечення запам'ятовування інформації при розробці дистанційних навчальних курсів. Метод. посіб./Е. Л. Носенко, С. В. Чернишенко. – Д.: Вид-во Дніпропетровського університету, 2003. – 88 с.
10. Психолингвистика/Д. Слобин. Психолингвистика. Хомский и психология/Д. Грин: Пер. с англ.; под общей редакцией и с предисл. А. А. Леонтьева. – [изд. 2-е, стереотипное]. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 352 с.
11. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода/Пер. с англ. – М.: Кудиц – Образ, 2005. – 304 с.
12. Светличная Е. Р. Механизмы памяти, обеспечивающие процесс усного последовательного перевода/Е. Р. Светличная//Язык и культура в эпоху глобализации: сборник научных трудов по материалам первой международной научной конференции «Язык и культура в эпоху глобализации». В 2-х томах. – СПб.: Издательство СПбГЭУ, 2013. – Выпуск 1. – т. 2. – С. 179–187.

Fedirchyk Tatyana Dmitrievna, Chernovtsy National University,
docent, the faculty of pedagogy, psychology and social work
E-mail: fedirchyk-tanya@yandex.ru

The scientific and methodological system of the development of pedagogical professionalism of novice lecturers of the high school

Abstract: the article justifies the scientific and methodological system of the development of pedagogical professionalism of novice lecturers of the high school in the course of their research and teaching activities.

Keywords: the scientific and methodological system, a pedagogical professionalism of lecturer, conceptual foundations, components, blocks of the system of the development of pedagogical professionalism of the lecturer.

Федирчик Татьяна Дмитриевна, Черновицкий национальный университет,
доцент, факультет педагогики, психологии и социальной работы,
E-mail: fedirchyk-tanya@yandex.ru

Научно-методическая система развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей высшей школы

Аннотация: в статье обосновывается научно-методическая система развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей высшей школы в процессе их научно-педагогической деятельности.

Ключевые слова: научно-методическая система, педагогический профессионализм преподавателя, концептуальные основы, компоненты, блоки системы развития педагогического профессионализма преподавателя.

Система высшего образования на современном этапе претерпела определенные изменения, которые проявляются в ее содержании и структуре, имеют глубинный характер и требуют решения многих проблем. Высокие показатели качества высшего образования обеспечиваются действенностью целой системы факторов, а именно: кадрового потенциала учебного заведения, его материально-технической базы, учебно-методического обеспечения педагогического процесса, системы управления и т. п. Считаем, что определяющим из них является уровень развития педагогического профессионализма кадров, которые, в свою очередь, достаточно существенно влияют на действенность других факторов, что в конечном итоге определяет уровень качественных показателей подготовки студентов [7, 261–269].

Учитывая актуальность проблемы, считаем, что система развития педагогического профессионализма научно-педагогических кадров ВУЗа должна способствовать не только созданию организационно-педагогических условий для эффективного протекания данного процесса, но и обеспечивать качественные изменения в показателях педагогического профессионализма.

Отмечаем, что разработке модели системы способствовало непосредственное участие автора в исследовании путей и механизмов обеспечения качества образования в вузе в рамках проекта Европейского Союза TEMPUS «Национальная система обеспечения качества и взаимного доверия в системе высшего образования — TRUST». В результате изучения опыта обеспечения качества высшего образования в развитых европейских странах-участницах проекта (Финляндия, Португалия, Словакия) и отечественного опыта Черновицкого национального университета, одним из факторов, влияющих на повышение качества высшего образования определены профессионализм преподавателя, а путем достижения его высокого уровня обоснованно развитие академического персонала вуза в процессе научно-педагогической деятельности, что отражено в публикации «Обеспечение качества высшего образования: европейский опыт и реалии украинского классического университета», соавтором которого является автор статьи [1, 90–147].

Предлагаемая нами научно-методическая система развития педагогического профессионализма молодого преподавателя высшей школы является попыткой снять противоречия между объективной необходимостью изменения управленческой деятельности по профессионально-личностному развитию начинающих преподавателей в первые годы их профессиональной деятельности в ВУЗе и недостаточностью разработки этой проблемы в условиях непрерывного профессионально-педагогического образования научно-педагогических кадров как на теоретическом, так и на методическом уровнях.

В основе построения модели развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей положен принцип системности, что позволяет рассмотреть этот процесс как многоуровневую, многоаспектную систему и ориентирует на раскрытие её внутренних и внешних связей. При разработке системы развития педагогического профессионализма мы ориентировались на трудности, возникающие у начинающих преподавателей в процессе научно-педагогической деятельности, их реальные потребности в профессионально-личностном росте.

Научно-методическая система развития педагогического профессионализма начинающего преподавателя содержит: концептуальные основы и функционально-деятельностные компоненты. Каждая группа компонентов представлена соответствующими блоками, содержащие соответствующие элементы.

Концептуальные основы включают детерминирующий, базовый и структурно-содержательный блоки развития педагогического профессионализма начинающего преподавателя.

Детерминирующий блок предполагает выявление предпосылок и детерминант развития педагогического профессионализма молодого преподавателя ВУЗа.

К предпосылкам развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей высшей школы в современных условиях, с нашей точки зрения, относятся:

— идеи и механизмы непрерывного образования, как процесса, который ориентирован на профессионально-личностное развитие;

— изучение мотивации профессионально-личностного развития начинающих преподавателей, что позволит определять степень заинтересованности педагогов в собственном профессиональном развитии и при необходимости подключать механизмы стимулирования;

— создание единого научно-методического образовательного пространства как открытой развивающей образовательной среды;

— реализация личностно-ориентированного подхода, учитывающего образовательные запросы и потребности преподавателей, индивидуальный уровень развития их педагогического профессионализма и др. [8, 328–336].

Кроме предпосылок данный блок разработанной системы предполагает выявление детерминант развития педагогического профессионализма молодого преподавателя вуза, к которым, на основе проведенного исследования относим:

— организационно-педагогические детерминанты как совокупность социально-экономических, культурно-исторических и других условий, объединенных общностью территории, что дает возможность сформировать единую внутривузовскую образовательную среду и обеспечивать включение личности в процессы взаимодействия, прямо или косвенно, определять успешность его социализации и развития;

— психолого-педагогические детерминанты как совокупность ситуаций, которые актуализируют личность, и способствуют возникновению и осознанию противоречий, как основных движущих сил развития и формированию мотивов деятельности по их устранению;

— социально-педагогические детерминанты как совокупность противоречий между отношением, позицией педагогов, на которых строится выполнения ими профессиональных функций, и представлениями, потребностями основных заказчиков образовательных услуг (государства, студентов, их родителей), которые выступают с социально обусловленными требованиями к личности и деятельности преподавателя и выступают механизмом самоактуализации преподавателя как движущей силы развития [3, 250–253].

Базовый блок системы предполагает обоснование целей и задач, принципов и функций развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей.

Целью системы развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей определено разработку научно-методического сопровождения, создание и реализацию организационно-педагогических условий для поэтапного повышения уровня педагогического профессионализма в процессе научно-педагогической деятельности в высшей школе на основе диагностики уровня их профессионально-личностного развития.

Для достижения цели, то есть эффективного функционирования системы выдвигаем ряд задач:

— выявление предпосылок и анализ детерминант развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей;

— определение цели, принципов и функции развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей в современных условиях деятельности вуза;

— обоснование критериев, показателей и определения уровней развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей;

— создание в ВУЗе многоуровневой методической службы, в компетенции которой будет входить управление процессом профессионально-личностного развития начинающих преподавателей;

— проведение мониторинговых исследований для выявления состояния и отслеживания динамики развития педагогического профессионализма;

— разработка научно-методического сопровождения управления процессом развития педагогического профессионализма преподавателя;

— составление индивидуальных программ развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей;

— реализация научно-методической работы вуза как среды для профессионально-личностного развития начинающих преподавателей;

— стимулирование преподавателей к планированию и реализации их саморазвития в условиях деятельности вуза;

— создание и обеспечение реализации организационно-педагогических условий поэтапного развития педагогического профессионализма преподавателя.

Как составляющую системы нами определены основные принципы развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей ВУЗа:

— диверсификации, предусматривающий разнообразие и вариативность форм, содержания развития педагогического профессионализма в зависимости от потребностей преподавателя;

— личностно-ориентированного подхода, учитывающего запросы, интересы, а также индивидуальный уровень педагогического профессионализма каждого преподавателя;

— оптимальности содержания, форм, методов развития педагогического профессионализма преподавателя;

— открытости и доступности, что предусматривает добровольность участия и свободу выбора программы и образовательной траектории развития педагогического профессионализма.

Динамический характер научно-методической системы развития педагогического профессионализма молодого преподавателя отражается в ее функционировании, что вызывает необходимость на концептуальном уровне обоснования функций, которые будет выполнять система с последующей реализацией их на деятельном уровне. В процессе исследования мы выделили следующие функции управления процессом развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей вуза: управленческую, диагностическую, психолого-педагогическую, социально-экономическую, рефлексивную.

Структурно-содержательный блок в модели направлен на определение компонентов педагогического профессионализма преподавателя вуза, критериев и уровней его развития.

На основе системного подхода, нами выделены в качестве составляющих педагогического профессионализма преподавателя: профессионализм деятельности и профессионализм личности, находящиеся в диалектическом единстве. Деятельностными составляющими педагогического профессионализма преподавателя определены профессионально-педагогическая компетентность и профессионально-педагогическое мастерство, а личностными — профессионально значимые качества и индивидуальный имидж преподавателя.

Под профессионально-педагогической компетентностью преподавателя понимаем теоретическую и практическую готовность к осуществлению научно-педагогической деятельности, которая предусматривает овладение профессиональными (предметными), психолого-педагогическими, методическими (технологическими) компетенциями, что определяют уровень его подготовленности к выполнению обязанностей в пределах своей компетенции (должностных полномочий преподавателя), предусматривающие организацию педагогического процесса в высшей школе, осуществление научно-педагогической деятельности и выбор оптимальных способов и приемов реализации данной деятельности [12, 166–176].

Профессионально-педагогическое мастерство преподавателя нами определено как качественную характеристику субъекта деятельности (преподавателя), что отражает высокий уровень владения профессионально-педагогическими навыками, технологиями вербального и невербального взаимодействия, реализации научно-педагогической деятельности, саморазвития и эмоционально-волевой саморегуляции [10, 25–257].

Профессионально значимыми качествами преподавателя высшей школы нами определено совокупность личностных качеств, которые: заложены от природы; сформированы во время профессионального становления преподавателя в условиях магистратуры, аспирантуры и развиты в процессе научно-педагогической деятельности, выступающие субъективным фактором, который влияет на успешность выполнения профессиональной деятельности и ее результативность в высшей школе [9, 77–83].

Под индивидуальным имиджем преподавателя понимаем целенаправленно сформированный целостный, динамичный образ, обусловленный соответствием и взаимопроникновением внутренних и внешних индивидных, личностных и индивидуальных качеств субъекта, который призван способствовать эмоционально-психологическому воздействию с целью выработки определенного мнения, что обеспечивает гармоничное взаимодействие субъекта с природой, социумом (образовательной средой) и самим собой [4, 376].

Отметим, что каждый из данных структурных компонентов педагогического профессионализма преподавателя имеет собственную подструктуру как совокупность компонентов, представляющих собой целостное образование показателей научно-педагогической деятельности.

В процессе моделирования системы развития педагогического профессионализма начинающего преподавателя ВУЗа, считаем, что весьма существенным для дальнейшей ее практической реализации, является определение критериев и уровней данного раз-

вития, поскольку именно они позволят обоснованно определять состояние профессионально-личностного развития каждого педагога и планировать и отслеживать динамику данного процесса.

Основными компонентами развития педагогического профессионализма были определены: когнитивно-мотивационный компонент, критерием которого есть профессионально-педагогическая компетентность преподавателя; процессуально-результативный компонент, где критерием выступает профессионально-педагогическое мастерство преподавателя; рефлексивный компонент, критерием которого выступают профессионально значимые качества преподавателя; индивидуально-идентичный компонент, критерием которого определен индивидуальный имидж преподавателя [5, 180–191].

При определении в процессе моделирования системы уровней развития педагогического профессионализма начинающего преподавателя определяющими для нас стали исследования Н. Кузьминой, А. Марковой, Ю. Кулюткина, И. Харламова и др.

Опираясь на предложенные подходы различных авторов и учитывая особенности профессиональной деятельности контингента участников нашего исследования, а именно, категорию «начинающий преподаватель» и процесс его профессионально-личностного развития, нами выделены следующие уровни развития педагогического профессионализма: интуитивно-исполнительный уровень; репродуктивный уровень; системно-продуктивный; интегративно-творческий уровень [11, 83–87].

Считаем, что при применении предложенной нами системы развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей через использование мер, которые представлены деятельностно-функциональными компонентами указанной системы, переход от одного к другому уровню профессионально-личностного развития преподавателя происходит при возникновении изменений в компонентах педагогического профессионализма.

Количественные показатели профессионально-личностного развития начинающих преподавателей дают возможность по математическим подсчетам (по методике А. Сидоренко [2, 21]) и принадлежностью их к той или иной зоны развития (номинальная; потенциальная; перспективная или оперативная), отнести респондентов к определенному уровню развития его педагогического профессионализма.

Научно-методическая система развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей предполагает наличие также функционально-деятельностных компонентов, которые включают: организационно-методический блок развития педагогического профессионализма молодого преподавателя и блок саморазвития.

Организационно-методический блок предусматривает:

— организацию многоуровневой методической службы ВУЗа [6, 254–261];

— проведение мониторинговых исследований состояния и динамики развития педагогического профессионализма молодого преподавателя высшей школы [13, 214–218];

— разработку и реализацию научно-методического сопровождения указанного процесса;

— формирование и реализацию индивидуальных программ профессионально-личностного развития преподавателей начинающих.

Данный блок, с нашей точки зрения, является определяющим с позиции действенности самой системы и эффективности ее функционирования, вместе с тем, обеспечивая преимущество разработанной нами модели, поскольку деятельностная составляющая является не просто совокупностью определенных мероприятий, а определенной последовательностью действий в управлении ВУЗа, обеспечивающих поэтапность повышения уровня развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей, а также возможность осуществления данного развития по собственной траектории в соответствии с потребностями, запросами и интересами самих преподавателей. Отметим, что каждый из предложенных элементов данного блока является определенной системой, которая, вместе с тем, что составляет единый блок в нашей модели, может действовать автономно, поскольку состоит из подсистем низшего порядка. На наш взгляд также важно, что указанные элементы организационно-методического блока могут дополняться при необходимости дополнительными элементами, что будет способствовать совершенствованию предложенной модели, ее не только функционированию, но и развитию в соответствии с потребностями и требованиями, которые меняются.

Блок саморазвития педагогического профессионализма начинающих преподавателей высшей школы, что представлен в предлагаемой нами системе, предусматривает осуществление преподавателем самопознания (личностной рефлексии, самоидентификации) и реализацию преподавателем форм саморазвития.

Охарактеризовав систему развития педагогиче-

ского профессионализма начинающих преподавателей высшей школы, отмечаем, что ее действенность и эффективность будет зависеть, по нашему мнению, от создания и соблюдения соответствующих педагогических условий, которые являются важным элементом общей модели.

Учитывая особенности нашего исследования к педагогическим условиям развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей ВУЗа относим:

— нормативно-правовые условия, связанные с созданием комплекса нормативной базы, регулирующей обозначенный процесс;

— организационно-управленческие условия, обеспечивающие управление процессом профессионально-личностного развития начинающих преподавателей;

— кадровые условия, направленные на создание кадрового потенциала и повышение его квалификации;

— мотивационные условия, связанные с мотивацией и активизацией научно-педагогической деятельности преподавателей;

— научно-методические условия, способствующие реализации научно-методического сопровождения и применения системы методической работы для профессионально-личностного роста начинающих преподавателей;

— информационные условия, создающие информационное обеспечение преподавателя в процессе развития его педагогического профессионализма;

— материально-технические условия, представляющие комплекс научно-технического обеспечения образовательного пространства, где происходит развитие профессионализма;

— финансово-экономические условия, создающие возможности для поддержки инновационных процессов в образовательном учреждении, где происходит становление и развитие начинающего преподавателя.

Таким образом, учитывая вышеизложенное утверждаем, что предложенная нами научно-методическая система развития педагогического профессионализма начинающих преподавателей вуза, которая построена на основе системного подхода, по нашему мнению, является целостной и способной обеспечить эффективный профессионально-личностный рост начинающего преподавателя.

Список литературы:

1. Забезпечення якості вищої освіти: європейський досвід та реалії українського класичного університету: навч. посібник/укл.: Р. І.Петришин, О. Г. Ушенко, М. Г. Іванчук, Т. Д. Федірчик, М. Б. Зушман, О. В. Мартинюк. – Чернівці: Чернівецький нац.. ун-т, 2013. – 208 с.
2. Сидоренко Е. М. Методы математической обработки в психологии/Елена Васильевна Сидоренко. – СПб.: Речь, 2004. –350 с.
3. Федірчик Т. Д. Детермінанти розвитку педагогічного професіоналізму викладача в умовах внутрівузівської системи//Науковий часопис національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія: Історико-педагогічні студії: Збірник наукових праць. – Вип. 5. – К.: Видавництво НПУ імені М. П. Драгоманова, 2011. – С. 250–253.
4. Федірчик Т. Індивідуальний імідж викладача вищої школи як складова його педагогічного професіоналізму//Gdanska wyzsza szkola humanistyczna Edukacia Przedskolna i wczesnoszkolna wyzwaniem dla nauczycieli i wychowawcow nowego wieku/redakcia naukowa eugeniusz bielicki mieczyslaw ciosek. Torun 2012. –470 с.- С. 376–390.
5. Федірчик Т. Критерії та показники розвитку педагогічного професіоналізму викладача вищої школи/Тетяна Федірчик//Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. – Вип. 637. Педагогіка та психологія. – Чернівці: Чернівецький національний університет, 2012. – С. 180–191.
6. Федирчик Т. Д. Многоуровневая методическая служба ВУЗа в системе управления развитием педагогического профессионализма молодых преподавателей//Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014.– № 03 (62). Часть 2.– С. 254–261.
7. Федірчик Т. Д. Педагогічний професіоналізм викладача ВНЗ як чинник управління якістю вищої освіти//Науковий часопис національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Серія 5. Педагогічні науки: реалії та перспективи: Збірник наукових праць. –Вип. 18. – К.: Видавництво НПУ імені М. П. Драгоманова, 2009. – С. 261–268.
8. Федірчик Т. Д. Передумови розвитку педагогічного професіоналізму викладача в умовах сучасної вищої освіти/Тетяна Дмитрівна Федірчик//Вища освіта України. – Тематичний випуск «Вища осві-

та України у контексті інтеграції до європейського освітнього простору – Т.V (23).- 2010.- 572 с. – с. 328–336.
9. Федірчик Т. Професійно значущі якості викладача вищої школи як особистісна складова його педагогічного професіоналізму//Науково-педагогічний журнал «Молодь і ринок».-2013. -№ 5 (100). – С. 77–83.
10. Федірчик Т. Д. Професійно-педагогічна майстерність в структурі педагогічного професіоналізму викладача вищої школи/Тетяна Дмитрівна Федірчик//проблеми сучасної педагогічної освіти. Серія: Педагогіка і психологія: Збірник статей. – Ялта: РВВ КГУ, 2011. – Вип. 33. – Ч. 2. – С. 250–257.
11. Федірчик Т. Рівні розвитку педагогічного професіоналізму викладача вищої школи/Тетяна Федірчик//Освіта на Луганщині. – 2013. –№ 1 (38). – С. 83–87.
12. Федірчик Т. Фахово-педагогічна компетентність як складова педагогічного професіоналізму викладача вищої школи/Тетяна Федірчик//Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наукових праць. – Вип. 530. Педагогіка та психологія. – Чернівці: Рута, 2011. – С. 166–176.
13. Федірчик Т. Д. Технологія моніторингу професіоналізму викладача як інструмент забезпечення якості вищої освіти//Science and Education a New Dimension. Pedagogy and Psychology, I (7), Issue 14, 2013. – С. 208–214.

Dejneka Elena Nikolaevna,
Graduate student of NPU named after N. Drahomanova.
Shyshkin Gennadiy Aleksandrovich,
Ph. D. Candidate of NPU named after N. Drahomanova,
E-mail: ur3qugs@gmail.com

Formation of the fundamental physical and technological knowledge in formation of teachers in the field of technology

Annotation: The article analyzes the problem of formation of fundamental knowledge in the study of physics students' educational area "Technology". Attention is paid to improving of the efficiency of the educational process through interdisciplinary communication of the natural, mathematics sciences and practical vocational disciplines. The article justifies the necessity to improve the structure and content of the course in physics for this specialty.

Keywords: physics, fundamental knowledge, integration, training, technology teacher.

Statement of the problem: In the new economic environment, society requires new approaches to teacher training system. High professionalism of the young generation is the guarantee of economic development.

Higher pedagogical education focuses on individual interests and personality traits of the student, professional competence, capacity for physical and technical creativity, creation of a common culture and erudition of the future teacher.

This approach to teacher training in the field of technology is possible in the implementation of the concept of fundamental nature of professional knowledge. Only specialist who has freedom of thought, profound theoretical knowledge can improve the technique, technology and production.

Level training specialist determined by the character and structure of the relationships between scientific and special professional knowledge.

Analysis of recent researches and publications shows that modern education is beyond the scope of intra-national education and requires educational strategies in the global educational space. Practice-oriented concept of the Bologna model is based on competency paradigm. Bologna reforms act as a tool for strategic development and contribute to the mobility of teachers and students at the European level.

In modern models of specialists the fundamental component of training is becoming increasingly import ant. Fundamental knowledge contributes to a more rapid perception of the techniques and technologies by youth and this knowledge is a fundamental factor in the further professional development of young professionals.

The fundamental nature of education serves as the leading trend of training. Modern educational strategy is based on the Memorandum of UNESCO International Symposium "Fundamental University education" (1994) [5].

Transforming the concept of fundamental knowledge on the system of the future experts in the field of technology, we believe that they should be deep and be a basic framework for the study of the disciplines of technical and technological training cycles.

Providing professional mobility of graduates by fundamental knowledge is a priority way of the education [1].

In our opinion, in the modern educational researches not enough attention is paid to the relationship between the fundamental components and professional training of future teachers in the field of technology. Some scientists recognize the fundamental nature of knowledge as more in-depth training in this area [3]. The fundamental aspect includes discipline, basic concepts and laws which are primary and not a consequence of other disciplines or sciences. This approach allows us to rank disciplines and to determine the role of each in the formation of the fundamental base of professional knowledge.

In the scientific and methodological literature they discuss the issues of fundamental training of future specialists and development of the concept of the creation of the fundamental natural science courses in the light of the new paradigm of education [2]. Fundamental education is focused on the deep-rooted relations between different phenomena and processes faced by the specialist.

The main material: Problem of the fundamental nature of the vocational education arose as a consequence of the increasing amount of technical information and the tendency to update it every two or three years.

Unfortunately, the decline in production in Ukraine has reduced the requirements for theoretical training. This situation is caused also a significant reduction in the number of hours of classes, which were allocated to the study of natural and mathematical sciences in training of graduates in pedagogical Universities.

The level and quality of knowledge defined ability to use them in the new conditions that are constantly changing. Contemporary social and economic conditions of the development of society have changed the goals and objectives of training specialists with higher education. The main priorities of training focused on the interests of the student's personality, the formation of cognitive activity and independence, the ability to improve their professional skills.

According to the new educational paradigm, schools tend to form the students' generalized ideas about the nature and processes taking place in it, the effect of human activities on it. Dialectical basis of integrity of the disciplines of natural and mathematical training is the commonality of the methodical and methodological approaches to the construction of the educational process. Discipline training should reflect the unity of the various areas of knowledge and promote their interdisciplinary synthesis.

The result of the study of natural and mathematics disciplines cycle should become the formation of naturalistic worldview. This approach is important from the standpoint of the students' knowledge of fundamental nature, but its implementation is difficult because of insufficient development of single technical and methodological approaches to their teaching.

The fundamental nature of education is focused on the identification of the essential relationship between the various processes of the surrounding world. Learning process becomes integral when natural, mathematical disciplines and training combined by the common target fundamental nature, the object of study, the methodology for constructing oriented on the interdisciplinary communication [4, 23].

Basic unifying factor of natural, mathematical and practical vocational disciplines in the training of future teachers in the field of technology is physics. The fundamental nature of education is a basic principle of physics teaching. Fundamental physical education involves the formation of a basis for the study of the vocational training disciplines. The physical course of the pedagogical Universities content should promote the physical and technical picture of the world. From this perspective, we overview physics as an integrated discipline, combined with the general methodological principles of natural science and vocational practical disciplines through the interdisciplinary integration.

Teaching physics, which is based on the relationship with the professional disciplines, includes practical issues related to the study of the laws, processes and phenomena that directly refer to the future professional activity of teachers in the field of technology. The building of the physics course on the principles of practice-based learning is connected with objective difficulties: increased volume of educational material in conditions of limited number of hours of classes; possible violation of the logic in the construction of the course; difficulty in the formulation of educational problems.

Our analysis of the practice of organizing and conducting of the physics classes in Universities which form the future teachers in the field of technology, academic curriculum and programs, qualification characteristics and the questioning of teachers revealed

a number of problems:

— Programs in physics for technological specialties do not reflect sufficiently professional orientation course.

— Course content of physics for the teacher of the field of technology is not significantly different from the content of the corresponding rates for non-physical specialties of the other areas of training.

— Not enough textbooks, reflecting the practical application of physics in engineering and technology.

— The problems of the methodology of teaching physics for the students of the technological specialties are poorly developed.

— The constructing methodology of the physics course for the correspond specialties on the basis of interdisciplinary connections with the disciplines of practical training is absent.

The results of our research show that many students do not realize the importance and role of physics in their future career. The level of practical skills in engineering and technology is not sufficiently formed.

In today's professional education, there are certain contradictions between the demands of society in the preparation of specialists under the new social and economic conditions and the lack of the concept of methodical system of training future teachers of physics technology. The concept must correspond to the educational paradigm, which is characterized by such features as: solidity, integrity and focus on the interests of the individual student.

In methodical system of teaching physics of the teachers in the field of technologies three principles must be implemented: fundamental nature, technical and technological focus and focus on teaching. The interrelation of these principles suggests the need for their integration and revision of the content, aims and objectives of the discipline.

Teaching physics in the preparation of future teachers in the field of technology is based on a complex, systemic principle and is directed on the final result — the future profession. Based on the requirements of a specialist in the field of technology education which are laid down in its qualifying characteristics, we include in the goals of teaching physics, in addition to deep fundamental preparation, formation of physical knowledge which is needed to study objects of technology, process and organization of technical creativity of students. When designing a methodical system of teaching physics, defining the scope, methods, forms and means of training the fundamental principle should be considered as a basis of qualitative formation of graduate training. In this regard, there is a need to develop methods of this principle in each component system. Physics course as an basis of the fundamental training should include additional sections systematizing knowledge of various academic disciplines.

The implementation of the principles of fundamental and professionally-directed training are based on the selection of appropriate educational material that can be made on the basis of logic and genetic analysis of the physical and technical knowledge.

Conclusions: The main objects of Basic Training based on the integration of disciplines are:

— Production of integrated interdisciplinary courses that contain the most generalized knowledge and serve as a basis for the formation of professional knowledge;

— Introduction of the material of a practical nature to the discipline of natural, mathematical training which orients the student for future professional activities;

— Overcoming the contradictions between the basic and vocational education.

References:

1. Бідюк Н. М. Розвиток змісту та форм організації підготовки бакалаврів інженерів в університетах Великої Британії: дис. кандидата пед.. наук: 13.00.04/Бідюк Наталя Миколаївна. – К. 2001. – 179 с.
2. Голубева О. Н. Теоретические проблемы общего физического образования в новой образовательной парадигме: автореф. дис. на соискание науч. степени док. пед. наук: спец. 13.00.02 «Теория и методика обучения физике»/О. Н. Голубева. – Санкт-Петербург. 1995. – 40 с.
3. Кузнецов В. С., О соотношении фундаментальных и профессиональных составляющих в университетском образовании/В. С. Кузнецов, В. А. Кузнецова//Высшее образование в России. – 1994. – № 4. – С. 35–40.
4. Суханов А. Д. Целостность естественнонаучного образования//Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Фундаментальные естественнонаучное образование» – 1995. – № 1, вып. 1. – С. 23–28.
5. Меморандум международного симпозиума ЮНЕСКО//Высшее образование в России. – 1994. – № 4 – С. 4–6.

Section 8. Political science
Секция 8. Политология

Avksent'eva Tatyana Gendievna,
V.N. Karazin Kharkov National University
Phd, associated professor, political science Department, the Faculty of Philosophy,
E-mail: tageav@mail.ru

Fate of concept "democracy" in an informative epoch

Abstract: The calls of modern times are reflected on understanding of democracy: procedure's aspects are prevails over substantial side. Today this is reflected in actualization of the problems of right and freedom of the personality as basis of democracy's model of organization of society.

Key words: democracy, information society, institutional aspects, axiology, life's senses.

Авксентьева Татьяна Геннадиевна,
Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии философского факультета
E-mail: tageav@mail.ru

Судьба концепта «демократия» в информационную эпоху

Аннотация: Вызовы современности отражаются на понимании демократии: процедурные аспекты превалируют над содержательной стороной. Сегодня это проявляется в актуализации проблемы прав и свобод личности как первоосновы демократической модели общественного устройства.

Ключевые слова: демократия, информационное общество, институционально-технологические аспекты, аксиология, жизненные смыслы.

Современное общество в мировом масштабе входит в новую эпоху благодаря очередной информационной революции. Новые качественные изменения начались с возникновением микропроцессорной технологии и вхождением в нашу жизнь компьютерной техники. Практически с середины прошлого столетия важным объектом внимания исследователей становится информационное общество как социальная, экономическая и культурная система. С появлением интернета процессы изменения парадигмальной модели эпохи, её моральных, ценностных оснований приобретают всё более чёткие очертания. Сегодня в научный оборот входят понятия сетевого, постинформационного общества. Соответственно изменяются кардинальным образом наши представления о мире, и эти изменения мировоззренческого плана связаны с развитием информационных технологий.

М. Кастельс определяет информационное общество как специфическую форму социальной организации, в которой благодаря новым технологическим условиям генерирование, обработка, передача информации стали фундаментальными источниками производства и власти [1, 42–43]. Глобальная информационная революция чрезвычайно стимулировала развитие интеллектуальных и творческих способностей человека. Такие возможности, особенно технологического содержания (как сегодня) требуют адекватного ответа в возрастании чувства ответственности, в формировании механизмов сдерживания и контроля как нормативного, так и социокультурного плана. Для будущего человечества вопросы соотношения цивилизации и культуры имеют принципиальное значение. В современном мире, к сожалению, все чаще прослеживается следующая тенденция: цивилизация (как технология деятельности), определенный спо-

соб жизненных смыслов, вместо того, чтобы служить культуре, отрывается от нее, начиная господствовать своими средствами над высшими ценностями. Искажается сама логика процесса духовно-практического освоения мира человеком, когда системообразующее ядро культуры — жизненный смысл, который реализуется при помощи определенных средств — подчиняется этим средствам. Аксиология деятельности человека (её ценностноориентированная почва, система творения жизненных смыслов) становится, таким образом, «бедной родственницей» в системе целей и средств, т. е. технологии деятельности.

Д. Белл выделил три сферы современного общества — общественные структуры, политические организации и культурные ориентации — и утверждал, что культурный сектор общества начинает входить в более напряженные отношения с экономикой, которая в свою очередь подчиняется действию технократически регулируемых социальных структур [2, 330–342]. Однако именно культура придает человеку уникальность, делает его индивидуальностью. В современных условиях культура все чаще становится враждебной существующим социальным институтам и законам, обращаясь против всевластия и стандартизации политических и технико-экономических тенденций общественного развития. Такой же мысли о негативном влиянии техники и технологий на культуру придерживался Х. Ортега-и-Гассет. Чем сложнее цивилизация, тем труднее проблемы, которые она ставит перед нами, поэтому прогресс неизбежно влечет за собой одну из угроз: жизнь становится лучше, но сложнее [3, 117].

Новые технологии требуют изменений или упорядоченности наших представлений о том, что есть здравый смысл и безумие, справедливость и несправедливость, рациональность и иррациональность и т. д. Важное значение имеет и выяснение ценностных установок, упорядочение управления общественными делами, которые еще со времен Древней Греции определяли политическую сферу. Благородная демократическая идея равноправия перестала быть далеким идеалом и превратилась в бессознательно неосуществимое желание [3, 52]. Проблема свободы и несвободы, права и бесправия сегодня требует особого внимания. Так же, как и вопрос о судьбе демократического концепта и возможных форм его воплощения требует нового уровня научной рефлексии.

Идея демократии в новейшей политической истории оказалась вдохновляющим фактором великих социально-политических сдвигов во многих обществах и даже способом принуждения, поводом для посягательств определенных могущественных политических акторов на мировое господство. Сегодня существует огромное количество определений демократии, однако результаты ее реализации в разных регионах мира до сих пор, мягко говоря, неоднозначны, более того — демократия начинает отрицать себя. В политологическом дискурсе все чаще отмечаются поиски выхода из кризиса демократии как научно-теоретической модели, практики ее существования и возможного дальнейшего развития в новых информационно-технологических условиях.

Научная мысль пытается осмыслить проблему «развития» концепта демократии, его соответствия/несоответствия практике воплощения. Все четче раздаются голоса о кризисе демократии как научно-исследовательской программы и практической модели воплощения цели и способов реализации жизненных смыслов современного человека. Следует вспомнить идею английского философа XVII ст Ф. Бэкона о господстве разнообразных идолов над человеческим сознанием, которая сегодня как никогда актуальна для будущего демократии. Ф. Бэкон указывал, что для реформирования науки следует очистить разум от ошибок познания. Он выделил четыре преграды («идолы») на пути познания «рода», «пещеры», «рынка» и «театра». Они, соответственно, обусловлены природой человека, когда человек ложно судит о природе, исходя из собственных качеств или проявляет телеологической представление о природе; ошибками субъективных предпочтений в представлениях отдельных субъектов познания; преградами, проистекающими от некритично усвоенных неправильных мыслей, когда разум подчиняется этим ошибочным мыслям. И, конечно, большое значение имеет борьба с идолами рынка, когда общение людей с помощью слов искажает сущность предмета в процессе словоиспользования, интерпретации понятия изменяют смысл, формируются на основе случайного впечатления от предмета. То есть заданием научного поиска является выяснение соответствия понятия демократии предмету, а именно: права и свободы человека являются конечной формой и одновременно первоосновой демократии как модели общественного устройства.

К сожалению, к понятию «демократия» апеллируют различные политические силы, ориентированные на использование позитива демократического декора в своих политических программах и заявлениях, прикрывающих реальные частные политические

амбиции и масштабные геополитические цели, имея при этом в виду откровенный передел мира в пользу попытки удержания ситуации однополярности в интересах глобальной корпократии. В этом русле демагогические толкования итога соперничества тоталитаризма и демократии и проповеди о глобализации очень напоминают тезис марксистского обществоведения о главном содержании эпохи — переходе от капитализма к коммунизму.

Страны-лидеры в геополитическом пространстве, принадлежащие к западноевропейскому типу цивилизации, используют либерально-демократические модели общественно-политического устройства как методологическое основание для продвижения своего приоритетного влияния на страны периферии и откровенного вмешательства во внутренние дела этих стран, грубо попирая само понятие национального суверенитета, не заботясь при этом ни о судьбе этих стран, ни о гармонизации сложившейся послевоенной системы международных отношений, ни о судьбе самой демократии, теряющей в результате такой политики свою былую привлекательность как ценностный концепт целеполагания государственного строительства стран «третьего мира» (и не только).

Подобное продвижение демократии, точнее «принуждение к демократии» свидетельствует, во-первых, о размывании понятия «демократия», во-вторых, о произвольном использовании демократического концепта без очевидного соответствия качественному содержанию феномена, в-третьих, о применении демократического концепта для реализации целей, которые являются прямым отрицанием его ценностной основы — то есть о кризисе сущности демократии. Этот кризис связан с выхолащиванием сущности через амбивалентность использования понятия.

Однако, полагаем, все же сохраняется притягательная сила демократического идеала, и процессы разочарования в демократическом концепте, не приобрели еще необратимого характера. Этому способствуют несколько причин: 1) наличие глубоких исторических традиций, связанных с демократическими ценностями у народов, которые жили на своих землях, столетиями отстаивали право на свободу как свободу от любого произвола; 2) недавний в историческом плане сознательный отказ бывших советских социалистических республик от тоталитарного прошлого с последующим более объективным пересмотром его оценок. Все это, можем повторить вслед за Ф. Фукуямой, дает основание утверждать, что «у развитых стран мира не осталось иной перспективной модели политической и экономической организации, кроме демократического капитализма» [4].

Между тем тенденции на негативизм в понимании демократии могут искусственно усиливаться как с помощью пропаганды заинтересованными политическими силами идеализации прошлого, так и создания имидж-маркеров «сильной руки» — эффективной власти. Таким образом, в рамках демократического концепта следует осознать, что постоянное расхождение понятия и сущности демократии может привести к крайне негативным последствиям, а именно складываются основания для утверждения авторитарных моделей управления обществом, когда даже не будет необходимости прикрываться демократическим декором, а также для углубления и без того достаточно стойких политико-режимных черт неопатримониализма.

Кризис восприятия демократии в информационную эпоху отражает общий конфликт между аксиологией деятельности и технологией, что с особой силой проявляется на определенном этапе развития человечества. В понимании понятия «демократия», как можем удостовериться сегодня, преобладают именно те черты, которые связаны с технологией внедрения процедурной демократии наряду с обеспечением её институционального основания, то есть соответствующей организации. Институционально-технологические аспекты постепенно начинают превалировать над изначальной аксиологической сущностью демократии. В процессе становления демократического содержания парадоксальным образом обесценивается, нивелируется сущностный смысл, заложенный в нем. Нередким явлением становится преувеличенное внимание к процедуре выборов, высказываниям популярных экспертов и т. д. — и все это на фоне нестабильности институционально-конституционной модели и полного пренебрежения правами и свободами человека (и, соответственно, практическими механизмами их защиты). К сожалению, институты и процедуры в современных постсоветских обществах и политикумах оказались намного важнее человека. Как справедливо указывает российский экономист М. Делягин, для эффективности управления необходима не формальная, а содержательная демократия, под которой понимается не набор тех или иных средств в различных ситуациях и при разных степенях развития общества, а «достижение результата: обеспечения максимально полного учета управляющей системой интересов и мнений, существующих в управляемой структуре» [5, 173].

В ином случае отрицается культуросозидательное содержание демократии. Внедрение и развитие жизненных смыслов как на личностном, так и общественном уровне на пути формирования демократического качества социума (как, например, в украинских, так и других постсоветских пространствах) для большинства населения деактуализируются в силу большей остроты для него проблемы физиологического и социального выживания. В противовес этой реальности в экспертном сообществе активно навязывается мысль о том, что технологии могут быть самодостаточным фактором совершенствования общественной жизни. Всевластие и стандартизация политических и технико-экономических тенденций социального развития в информационную эпоху негативно влияют на культурные аспекты общественной жизни, чему свидетельством и одновременно результатом этого процесса является судьба демократического концепта. Как подчеркивает К. Мэй, хотя новые ИКТ (информационно-коммуникативные технологии — Т. А.) могут потенциально ускорить процесс демократизации общества, сегодня далеко не все граждане имеют желание сильнее приобщиться к политической деятельности. «Информационная эра не привела к глубокому преобразованию политической жизни» [6, 140]. Это касается прежде всего усиления контроля со стороны управляемых над управляющими и перспектив формирования сущностно-демократического культурно-ценностного пространства взаимодействия власти и общества. Содержание этого пространства — в приоритете управляемых над управляющими или по крайней мере в равенстве сторон. Именно в этом состоит глубинное отличие демократического содержания управления общественными делами от недемократического.

Именно духовно-культурные составляющие сегодня являются ключом к инновациям и общественному развитию. Культура должна быть определяющим критерием общественного прогресса всех социальных индикаторов и показателей роста. Социальные изменения в информационную эпоху должны приоритетно получать именно культурную мотивацию, а состояние культурного потенциала общества определять темпы и характер процессов информатизации и, соответственно, обретения качеств нового информационного общества. На наш взгляд, демократический концепт в своем духовно-культурном содержании является важной составляющей новой эпохи. М. Кастельс и П. Химанен так раскрывают социальные направления формирования новых качеств эпохи: «Концепция информационного государства благоденствия включает идею обновления структур государства благоденствия благодаря более динамичной сетевой организации, экономической организации с высокой степенью социальной справедливости и коллективной защиты трудящихся… Государство сознательно развивает применение информационных технологий для решения социальных задач» [7, 115–116]. Такое государство благоденствия оказывается не только залогом гарантированного выживания и источником легитимации национального государства, но и основой проекта построения национальной идентичности. Однако для этого необходим именно учет интересов народа. Защита прав и свобод личности должна диалектически взаимодействовать с усилением реализации интересов на уровне социальных групп и народа в целом.

Таким образом, важно избегать чрезмерной индивидуализации социального пространства ради предотвращения новой варваризации и атомистического разрывания общественно-интегративных идентификаций. Сегодня же мы видим почти левиафановскую силу современных компьютерных технологий, которые, наряду с виртуализацией реальности с ложными характеристиками правдоподобия, создаваемой средствами массовой информации, формируют широкие возможности для манипулирования индивидуальным и общественным сознанием. В конечном счете даже благополучные, имеющие устоявшиеся демократические традиции, общества могут постепенно и трудно осознаваемо воспринимать тоталитарные парадигмы общественного развития, беспечно считая, что высокий уровень ИКТ, наличие стойких основ процедурной демократии и индивидуалистическая этика являются залогом предотвращения тоталитарных тенденций. И тогда необходимой порой становится немалая доля личного мужества, чтобы не только на индивидуальном уровне осознать опасность перехода «красной черты» некоторыми политическими институтами, призванными стоять на страже закона и безопасности граждан демократического государства, но и просигналить всему демократическому сообществу о его возможном переходе точки невозврата в сторону, противоположную от демократии.

С возрастанием угрозы жизнеустойчивости общества возникают новые требования к демократии. «Общество риска, — говорит У. Бек, — с целью защиты от опасности несет в себе тенденцию к «легитимному тоталитаризму», который, чтобы избежать худшего, давно и известным способом творит наихудшее» [8, 97].

Следует, пожалуй, прислушаться к критике содержания и самой представительной демократии, которая социально неравных людей трактует как равных по статусу «владетелей собственников избирательного голоса». Для того, чтобы последние были готовы отречься от своего социального опыта и отказаться от своей групповой лояльности, необходимо одно из двух: либо они должны поверить в то, что политика в состоянии перечеркнуть последствия действия экономики, истории, культуры и на самом деле подарить им «новую жизнь», либо они принимают участие в политике как представители особой «культуры развлечений», которой безразличны реальные социальные проблемы [9]. Но в любом случае, как утверждает Дж. Кин, прелложивший плюралистическую интерпретацию демократии в философском и политическом смысле, «Граждане, живущие совместно при демократии, обязаны подчиняться политической власти, без которой им грозят неспокойствия и беспорядки» [10, 102–103].

Таким образом, новая информационная эпоха ставит перед человечеством новые проблемы и вызовы. Наряду с проблемами, связанными с выживанием в новых условиях, порожденных негативными последствиями бездумной человеческой деятельности, новый технологический уровень, которой оказался не в силах их предотвратить, на повестку дня с новой силой встал вопрос о судьбе демократии, о наполнении ее новыми смыслами и возможном возвращении к некоторым истокам. Каким именно? Каким образом новые информационно-технологические возможности человечества могут быть использованы на его благо, не ущемляя прав и свобод всех и каждого, как наиболее оптимально (и возможно ли) сочетать гипертрофированный индивидуализм и коллективные усилия для уменьшения социального неравенства, устрашающие размеры которого демонстрируют как страны, идущие по пути ускоренной технологической и социально-политической модернизации, так и безнадежно отставшие в эпоху глобализации и потому испытывающие все «прелести» деиндустриализации с неизбежным возвращением к сословной иерархии с вытекающими отсюда последствиями. При этом «неофеодальная власть» для сохранения и поддержания рычагов властвования использует как новейшие методы ИКТ, так и демократическую риторику, понимая, что она уже стала частью общественного сознания, а на поиски новых форм манипулирования также нужно приложить и собственные усилия, и собственные средства. Впрочем, в результате «революции менеджеров», как указывает М. Делягин, именно к ним — владельцам уникальных знаний и умений, прежде всего в сфере управления (профессиональным менеджерам, руководителям крупных корпораций и значимых государственных структур) — переходит из рук владельцев капитала контроль за процессами общественного развития [5, 189]. Таким образом, базовым социальным противоречием эпохи глобализации стало противоречие между «информационным обществом», участвующим в разработке и применении технологий формирования сознания и остальными социальными группами современного общества как объектами применения этих технологий. Другими словами, при любом уровне информатизации, технологических прорывах и пр. социальный разрыв не только не обещает уменьшится, но предсказуемо увеличится именно в обществах с высокой степенью результатов информационно-технологической революции. Подтверждением тому является наблюдаемые нами стимулирование, поддержание и расширение глобальными монополиями маргинального типа потребления, оборачивающегося социальной маргинализацией и последовательным дроблением социума. И хотя в подобные процессы диктуются прежде всего интересами развития бизнеса в условиях углубления специализации, можно утверждать, что прямо или косвенно это имеет отношение к судьбе концепта демократии, который в данном случае вульгаризируется, что выражается в том, что понятия прав и свобод личности, превращаются в права и свободы потребителя удовлетворять разнообразные, материальные и культурные потребности (которые в свою очередь целенаправленно формируются и маргинализируются). При этом практически одни и те же информационные инструменты манипуляции сознанием используются как для формирования вкусов потребителей (в сфере быта, культуры, спорта, моды и т. п.), так и для формирования в целом политической культуры общества, включая и культуру высшего эшелона правящей элиты. Следует подчеркнуть необходимость воспитания политической ответственности за принятие общественно значимых решений и сознательное поддержание в обществе как уважения к демократическим процедурам, так и к народу как источнику власти.

Так каково же будущее концепта демократии в условиях продолжающейся глобализации и информатизации? Однозначного ответа вряд ли можно ожидать в ближайшем будущем. Дальнейшая экспликация его будет продолжена. Важно выделить то ядро, которое не может, точнее, не должно изменяться ни при каких

обстоятельствах, пока большинство общества будет желать видеть себя демократическим, — это права и свободы личности. Последнее слово будет за тем, какой будет эта самая личность.

Список литературы:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура; [пер. с англ. под научн. ред. О. И. Шкаратана]. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества [Електронний ресурс] – М.: Прогресс, 1986. – Режим доступа: http://alt-future.narod.ru/Future/bell.htm.
3. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и др.работы. Эссе о литературе и искусстве; [пер. с исп.]. – М.: Радуга, 1991.
4. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ./Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. [Электронный ресурс] – режим доступа http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm
5. Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации: курс лекций. – 3-е изд., перераб. и доп./М. Делягин. – М.: ИНФРА-М, 2003.
6. Мей К. Інформаційне суспільство. Скептичний погляд/К. Мей; [пер. з англ.]. – Київ: „К. І.С", 2004.
7. Химанен П. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель/П. Химанен, М. Кастельс; [пер. з англ.]. – М.: Логос, 2002.
8. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну/Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова.- М.: Прогресс-Традиция, 2000.
9. Панарин А. Стратегическая нестабильность XXI века [Электронный ресурс]/А. Панарин. – Режим доступа: http://www.gramotey.com/?open_file=1269009380
10. Кин Джон. Демократия и гражданское общество/Пер. с англ.; Послесл. М. А. Абрамова.- М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Shmatko Ivan Vladimirovich, National academy of science of Ukraine,
postgraduate student, Institute of the world history
E-mail: dimyla_philolog@ukr.net

The logic of scientific interpretation of the "rational subject" category: politological aspect

Abstract: The article touches upon the problem of the various scientific approaches to the "rational subject" category. The author in the discourse of political science proposes interpretation of logic of sequences in the classical and modern epistemes.

Keywords: politological argumentation, rational subject, social responsibility, free will, homo economicus, the problem of choice, theory of games, the legitimation of law.

Шматко Иван Владимирович, Национальная академия наук Украины,
аспирант, Институт всемирной истории
E-mail: dimyla_philolog@ukr.net

Логика научных интерпретаций категории «рациональный субъект»: политологический аспект

Аннотация: В статье рассмотрены различные научные подходы к категории «рациональный субъект». В дискурсе политологии предложена интерпретация логики последовательностей в классических эпистемах и новом времени.

Ключевые слова: политологическая аргументация, рациональный субъект, социальная ответственность, свободная воля, homo economicus, проблема выбора, теория игр, легитимизация права.

Традиционная метафизическая дискуссия относительно свободы воли имеет непосредственное отношение к легитимизации правовых институтов. Полифония аргументов основывается на определении «свободной воли» как постулата христианской эпистемы (Ф. Ницше, М. Онфре и др.), обосновании сущности вопроса о смертной казни и наказании вообще (А. Кестлер и др.), рассмотрении поведения человека в контексте идеологичности и легитимности правовых институций (Р. Коллинз, А. Мережко и др.), аргументации этики наказания данными нейробиологии, где интеллектуальное развитие личности соотносимо со свободой воли (С. Харрис и др.).

Одновременно дискуссия о свободе воли не исчерпывается предложенными постулатами и может расширяться в других исследовательских направлениях, в частности политологическом. Речь идет о рассмотрении личности, являющейся рациональным субъектом.

Вспомним в этом контексте Иммануила Канта и его «Ответ на вопрос. Что такое просвещение?». Просвещение, по И. Канту, — это выход человека из состояния несовершеннолетия. Несовершеннолетие характеризуется неспособностью пользоваться своим собственным разумом. Причина такого состояния — отсутствие решительности и мужества мыслить самостоятельно, а отсутствие решительности — следствие «вины» самого человека [6, 25–36].

Обратим внимание, научный язык И. Канта — язык уже нового времени, XVIII века, со сформировавшимися категориями и определениями. Исследователь может наблюдать высокую частотность таких понятий, как «вина» и «ответственность».

В изучаемом ракурсе И. Кант несовершеннолетие соотносит с отсутствием рациональности и автономии. Следовательно, несовершеннолетним является тот, кто не пользуется собственным разумом. Приведенное утверждение очевидно предполагает дихотомию, в которой несовершеннолетию противопоставлена зрелая личность, имеющая автономный от других разум, «мыслящая самостоятельно». Логично, что несовершеннолетие и отсутствие рациональности предполагает и отсутствие ответственности, наступающий только вследствие «осознанных» действий.

Важно отметить, что И. Кант обвиняет самого человека за такое его состояние. Именно человек «виноват» в том, что «не мыслит собственным разумом». Отсутствие же надлежащего мужества и решимости «мыслить своим разумом» — это выбор конкретного человека, а не обусловленная определенными обстоятельствами данность. И человек в состоянии свободно изменить ситуацию, но не хочет этого. Именно в сказанном и состоит «вина» человека.

Немецкий философ расширяет аргументацию, утверждая, что «лень и трусость» являются причинами, не позволяющими людям мыслить «своим разумом». Возникает вопрос: почему же люди должны отвечать за лень и трусость? Разве эти психические феномены легко преодолеть?

Скорее всего, И. Кант оставляет без внимания тот факт, что наше мышление *a priori* является социальным, результатом взаимодействия индивидов и никогда — совершенно автономным, «собственным», «моим». Другими словами, разум не может рассматриваться в проекциях мыслящего совершенно обособленно зависимого. На наш взгляд, разум всегда зависим, но не от определенного внешнего субъекта, руководящего нами, а от объективных обстоятельств социального и биологического характера (такое утверждение коррелирует и с данными нейробиологии).

Иной локус проблемы наблюдаем у Джереми Бентана, последовательно обосновывающего идею о рациональном индивиде. Исследователь считает, что преступник всегда оценивает негативные и позитивные последствия своих потенциальных действий. И в случае, если считает, что преступление принесет больше выгоды — человек нарушает закон. Структура общества и другие обстоятельства не являются принципиально важными для проекта Д. Бентама, соотносимого с просвещением. Д. Бентам верит, что при помощи искусственных и рациональных решений можно преодолеть определенные социальные явления и в конечном итоге достичь «господства разума над разумом» (“obtaining power of mind over mind”) [2].

Иную позицию в обосновании рационального субъекта занимает А. Шопенгауэр, утверждающий, что посредником мотивов действий человека является интеллект. Задача права в этом случае (как у Давида Юма) состоит в том, чтобы противопоставить стимулам к преступлению более сильные противоположные стимулы в виде наказания. Криминальный кодекс в данном случае представляется ничем иным, как списком противоположных мотивов по отношению к преступным действиям.

Важным, на наш взгляд, является замечание, сделанное А. Шопенгауэром в отношении случаев психических заболеваний и аффектов. Ученый доказывает, что описанные случаи являются такими, в которых интеллект не может осознать мотивы и подчинить их

воле. В такой ситуации они просто не существуют для воли, а право, по мнению немецкого философа, имеет дело с волей, а не с интеллектом. Таким образом, в аналогичных ситуациях человек не выявляет свой истинный характер, поскольку совершает действия исходя из ложных мотивов или просто в силу определенных причин не обдумывая последствия (поскольку недоступен для стимулов).

В конце концов А. Шопенгауэр подходит все к той же гипотезе о рациональности индивида: ведь если представить себе, что разум человека, его интеллект обусловлены обстоятельствами и стимулами, если допустить также, что наша рациональность основана на иррациональном — то и все основания для наказания индивида, как утверждает А. Шопенгауэр, исчезают. Мыслитель предполагает существование абсолютно рационального индивида, который всегда способен осознавать последствия своих действий, в отличие от людей в состоянии аффекта или лиц с психическими проблемами.

Важным дополнением А. Шопенгауэра является поминание о том, что наказание было бы несправедливостью в том лишь случае, если бы моральный характер преступника был не его собственным творением, а творением кого-либо другого. Заметим, данное утверждение с точки зрения политологии, как и в целом социальных наук, не коррелирует с действительностью: характер человека, как известно, является психосоциальным феноменом, обусловленным как специфической социализацией каждого индивидуума, так и биологическими причинами. Человек не создает свой характер по собственному желанию.

Обратим внимание на следующее: интеллектуальные источники представлений о человеке как рациональном субъекте настолько многочисленны и разноаспектно мотивированы, что каждый исследователь самостоятельно определяет анализируемый сегмент научных идей и текстов, исходя из обозначенной проблемы.

Очевидно, что представления о человеке как рациональном субъекте активизируются в эпоху становления модерных национальных государств вместе с: значительным и увеличивающимся бюрократическим аппаратом, централизацией власти, становлением единой иерархической судебной системы, кодификацией законодательства, распространением единого языка обучения и другими характерными признаками формирования современных государств. Обратим внимание: особенности их формирования достаточно полно описан авторами, исследующими формирование наций и национализмов (в частности, Бенедиктом и Перри Андерсоном, Эриком Хобсбаумом, Пьером Бурдье и др.).

Обращаясь к нашему времени, отметим, что сегодня прежде всего экономические науки и факультеты являются проводниками представлений о рациональном субъекте. В этом контексте показательным является открытие, сделанное для себя гарвардским экономистом Стивеном А. Марглином. Он следующим образом описывает свой опыт работы в Индии: «… я узнал о чем-то намного более ценном: об абсолютно ином способе понимания и существования в мире, по сравнению с тем, что я мог когда-то себе представить. Как и каждый из нас, я был продуктом родной культуры; я никогда не поддавал сомнению идею о том, что общество состоит из эгоистических индивидов, которые рационально вычисляют способ продвижения к получению большего» [7].

«Родная культура», о которой говорил А. Марглин, в данном случае как раз и является доминирующей идеологией, где не поддающаяся сомнению идея об эгоистических индивидах постулирует вывод о рациональном вычислении способа продвижения к получению большего. Обратим внимание и на то, что характерной чертой доминирующей идеологии является то, что она определяет себе не как один из возможных вариантов мышления, а как единовозможный способ познания и оценки существующего мира. Таким образом достигается эффект, когда сама идеология и ее основания не проблематизируются, а следовательно не ставятся под сомнение.

Показательно и то, что названные идеологемы являются общими как для автора — экономиста, так и для каждого из нас, всех носителей «родной культуры». Таким образом экономическая дисциплина с ее верой в автономного и рационального индивида, всегда руководимого логикой максимализации прибыли, неожиданно пересекается с общими основаниями «родной культуры».

Не случайно наиболее известный современный вариант представления об индивиде как рациональном субъекте, на которого указал С. А. Марглин, находим у другого известного экономиста — Г. Беккера, предлагающего распространить экономическое видение рационального индивида и на феномен преступления. Г. Беккер считает, что преступник всегда размышляет над тем, какую выгоду он получит и какие издержки он/она понесет от нарушения закона: вероятность задержания, суда и того, какое потенциальное наказание его ожидает. Впрочем, в отличие от Д. Бентама, считающего, что с помощью паноптикона мож-

но полностью преодолеть проблему преступности, Г. Беккер не верит в такую возможность [1].

В основе аргументов, проводимых Г. Беккером, находятся допущения о человеке как «homo economicus». Таким образом homo economicus рассматривается как концепт, характерный для экономики. Возникает представление об индивиде, являющемся «рационально мыслящим субъектом, который строит свои планы и действия, следуя принципу получения максимальной выгоды [8]. Идеологический, социальный, культурный и др. уровни анализа в такой постановке вопроса либо подчинены доминанте экономической целесообразности, выгоды, либо рассматриваются как общий контекст для выявления ракурса homo economicus.

Особенный аспект в современных подходах к рациональному субъекту представляет теория игр. Игнорируя социальный контекст наших решений, теория игр постулирует, что каждый индивид прежде всего стремится к максимальной реализации собственных интересов. Более того, индивид руководится рациональным расчетом собственных, эгоистических преимуществ. Отсюда дилемма заключенного, как и дилемма бесплатного пассажира предусматривает, что индивид, находящийся под следствием или пользующийся преимуществами бесплатного транспорта, не является объектом действий различных социальных норм, интернализирующихся в процессе социализации и влияющих на его решения.

Социальное давление определенных социальных групп, выражающееся в эмоциях и рефлексии индивида, приобретает форму моральных и этических норм, имеющих огромное влияние на решения индивида. Так же, как и специфика социального контекста формирования конкретного индивида, его социального происхождения, принадлежности к определенной культуре, других особенностей биографии. К примеру, социальные связи подозреваемых имеют влияние на возможность/невозможность их сотрудничества со следствием. Можно предположить, что люди, имеющие родственные связи, с меньшей вероятностью будут свидетельствовать против соучастника преступления, чем отдаленные в социальном измерении личности. В частности, Дональд Блэк не случайно указывает на то обстоятельство, что наше решение применять право и аппелировать к полиции зависит от степени близости между людьми. Чем больше социальная дистанция — тем скорее человек будет аппелировать к формальным правилам, а не социальным нормам.

Изложенные выше различные подходы к вопросу о рациональном субъекте предполагают ряд допущений о природе человека — допущения о рациональном и автономном индивиде, о свободе воли личности и др. В легитимизации права личности доминирует одно из допущений, либо их комбинаторика. Однако для политолога важно, что предложенный ряд не является исчерпывающим, так как поведение человека обусловлено различными причинами социального и биологического характера. Действия рационального индивида в таком случае мотивированы только его разумом (иначе сложно говорить о рациональности), автономный же индивид является прежде всего автономным от зависимостей — самодостаточным. Политологический аспект аргументации предложенной для анализа категории состоит, на наш взгляд, в познании сущности рационального субъекта как социального и институциального носителя целенаправленной деятельности в различных социальных общностях.

Список литературы:

1. Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach [Ел. ресурс]/Gary Becker. – Режим доступу: http://www.nber.org/chapters/c3625.pdf
2. Bentam, Jeremy. The Panoptican Writings. Ed. Miran Bozovic. – London: Verso, 1995.
3. Black D. J. Mobilization of Law, The//J. Legal Stud. – 1973. – Т. 2. – С. 125.
4. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства/Перри Андерсон. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. – 512 с.
5. Бурдьє П. Сутність неолібералізму [Ел. ресурс]/П'єр Бурдьє. – Режим доступу: http://commons.com.ua/?p=9295
6. Кант И. Сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1966. – (Философ. наследие). – Т. 6. – 1996. – С. 25–36.
7. Марглін С. А. Економіка: гнітюча наука. Як економічний спосіб мислення розхитує засади спільноти/С. А. Марглін. – К.: Темпора, 2012. – 520 с.
8. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь/Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. – 2-е изд., испр. – М.: ИНФРА, 1999. – 479 с.
9. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление/А. Шопенгауэр. Томи 1–2. – М, 1993.

Section 9. Psychology
Секция 9. Психология

Valieva Anar Biralovna, candidate of psychological Sciences,
associate Professor, Kazakh humanitarian law University, Astana, Kazakhstan
E-mail: anarabv@mail.ru

Dependence of personal self-determination's values of ethnic identity's type

Abstract: The article presents the results of a study of the values of students' personal self-determination. Comparative data of value orientations among students of Russian and Kazakh nationalities with a conscious expressed ethnic identity were analysed.

Keywords: ethnic identity; socialization; self-identification; the traditional type of culture; modern type of culture; dynamically-developing culture.

Валиева Анар Бираловна, кандидат психологических наук, доцент,
Казахский гуманитарно-юридический университет, Казахстан, Астана
E-mail: anarabv@mail.ru

Зависимость ценностей личностного самоопределения от типа этнической идентичности

Аннотация: представлены результаты исследования ценностей личностного самоопределения студентов. Проанализированы сравнительные данные ценностных ориентаций студентов русской и казахской национальностей с осознанной, выраженной этнической идентичностью.

Ключевые слова: этническая идентичность; социализация; самоопределение; ценности; традиционный тип культуры; современный тип культуры; динамически-развивающаяся культура.

Со второй половины 90-х годов в Казахстане, как и во многих постсоветских государствах, отмечена актуализация потребности в осознании своей этнической идентичности, в поиске своих корней. У данного явления две стороны: с одной стороны, этническая идентификация является частью социализации личности, с другой стороны — она же может стать причиной межэтнического напряжения. Представитель каждого народа имеет собственный взгляд на духовный и материальный мир, у каждого есть свои ценности личного самоопределения. И эти различия в истории становились причинами межэтнических конфликтов, религиозных споров, даже военных столкновений.

Исследование зависимости личностного самоопределения от этнической идентичности актуальна на сегодняшний день. Этническая идентичность рассматривается в психологии как часть самоконцепции индивида, происходящая из осознания собственного членства в этнической группе, вместе с ценностным и эмоциональным значением, приписываемым этому членству [1, с.37].

В процессе своего становления этническая идентичность проходит ряд этапов, соотносимых с этапами психического развития ребенка. На осознание людьми своей этнической принадлежности значительное влияние оказывает тот факт, живут ли они в полиэтнической или моноэтнической среде. Ситуация межэтнического общения дает индивиду больше возможностей для приобретения знаний об особенностях своей и других этнических групп, способствует развитию межэтнического понимания и формированию коммуникативных навыков [1, с.124].

Целью данного исследования было изучение ценностей личностного самоопределения у студентов с разным типом этнической идентичности. В каче-

стве респондентов выступили студенты 1 курса Национального университета г. Астаны. Общее количество студентов, принявших участие в исследовании, 103 человека. Все студенты — городские жители, русской и казахской национальностей, средний возраст 18 лет.

В данном исследовании были использованы следующие методы и методики: интервью, тест М. Куна, Т. Макпартленда «Кто Я?» в модификации Т. М. Румянцевой; методика «Определение жизненных ценностей личности» П. Н. Иванова, Е. Ф. Колобова; методика «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубнова; тест культурно-ценностных ориентаций Дж. Таусенд, Л. Г. Почебут; методика «Экспресс диагностика социальных ценностей личности» Г. В. Резапкиной. Для статического анализа данных был использован коэффициент ранговой корреляции rs Спирмена.

По результатам интервью и данных по методике «Кто Я?» были выделены респонденты с выраженной и не выраженной этнической идентичностью. 45% представителей русской национальности имеют значимую осознанную идентификацию с представителями своей нации; 55% имеют не выраженную, неосознанную идентичность со своей этнической группой. Среди представителей казахской национальности — 51,6% имеют осознанную идентичность, 48,3% имеют не значимую или не осознанную этническую идентичность.

Среди представителей русской национальности, имеющих осознанную (значимую) положительную идентификацию со своей нацией, 40,8% имеют культурно-ценностные ориентации, характерные для традиционной культуры, у 29,6% выражены ценности современной культуры, 29,6% выбирают ценности динамически-развивающейся культуры. У представителей русской национальности, имеющих не выраженную (неосознанную) идентификацию со своей этнической принадлежностью, были выявлены следующие результаты: 36,3% выбирают ценности традиционной культуры, у 30,3% преобладают ценности современной культуры, у 33,4% — ценности динамически-развивающейся культуры.

Среди представителей казахской национальности, имеющие осознанную идентичность со своим этносом, были выявлены следующие результаты: у 29% выражены ценности, характерные для представителей традиционной культуры, 25,8% выбирают ценности современной культуры, у 45,2% преобладают ценности динамически-развивающейся культуры. У представителей казахской этнической группы, имеющих неосознанную (не выраженную) идентичность со своим этносом были выявлены результаты: 31% имеют схожие ценности с представителями традиционной культуры, 37,9% выбирают ценности современного типа культуры, 31% склоняются в выборе к ценностям динамически-развивающейся культуры. Результаты теста отображены в таблице 1.

Таблица 1. – Выбор ценностей различных типов культур

Тип культуры	Русские с осознанной идентичностью	Русские с неосознанной идентичностью	Казахи с осознанной идентичностью	Казахи с неосознанной идентичностью
Традиционная культура	40,8	36,3	29	31
Современная культура	29,6	30,3	25,8	37,9
Динамически-развивающаяся культура	29,6	33,4	45,2	31

Далее были изучены особенности ценностей самоопределения у представителей обоих этногрупп с выраженной этнической идентичностью.

Для представителей русской национальности, со значимой, осознаваемой положительной этнической идентичностью, с выраженной ориентацией на ценности традиционной культуры, значимыми ценностями в личностном самоопределении являются: автономность, межличностные контакты и общение, привязанность и любовь. Наименьшую ценность имеют: здоровье, известность, свобода, открытость и демократия в обществе, безопасность и защищенность, а также богатая духовно-религиозная жизнь.

У представителей казахской национальности, со значимой, осознаваемой положительной этнической идентичностью, выбирающих ценности традиционной культуры, наиболее значимы следующие ценности: богатая духовно религиозная жизнь, материальный успех и личностный рост. Наименее ценны: власть и влияние, известность.

Для представителей русской этногруппы с выраженной этнической идентичностью, имеющих ори-

ентации, характеризующие современную культуру, наиболее важными ценностями в жизни являются — материальный успех, привлекательность, привязанность и любовь. Наименее ценны: автономность, личностный рост, чувство удовольствия.

Для представителей казахской национальности с выраженной ориентацией на современные культурные ценности важны богатая духовно-религиозная жизнь, здоровье, чувство удовольствия и богатство духовной культуры. Меньшую ценность представляют: межличностные контакты и общение, привязанность и любовь, материальный успех.

У представителей русского и казахского этноса, с выраженными культурными ориентациями динамически-развивающейся культуры, явных различий не выявлено, единственная ценность, по которой возникло расхождение, — это высокий показатель значимости богатой духовно-религиозной жизни для казахской этногруппы, в то время, как для русских эта ценность не имеет большой важности. В остальных ценностях различий практически нет.

По методике «Диагностика реальной структуры ценностных ориентаций личности» С. С. Бубнова были получены следующие результаты: для представителей русской национальности с выраженными ценностными ориентирами традиционной культуры характерны такие ценности личностного самоопределения, как «помощь и милосердие к другим людям», «помощь и наслаждение прекрасным», «любовь», «признание и уважение людей», и «влияние на окружающих». Наименьшую предпочтительность представляют: «здоровье», «общение», «социальная активность для достижения позитивных изменений в обществе», «познание нового в мире, природе, человеке».

У представителей казахской национальности с более выраженными ценностями традиционной культуры выявлены следующие ценности: «высокое материальное благосостояние», «общение», «здоровье», «любовь». Наименьшую ценность представляют: «поиск и наслаждение прекрасным», «приятное времяпрепровождение и отдых», и «помощь и милосердие к другим людям».

Проанализировав данные исследования испытуемых русской и казахской этногрупп, с выраженными ценностями современной культуры, было выявлено, что расхождения между группами существует. Для русских характерны ценности: «помощь и милосердие к другим людям», «познание нового в мире, природе, человеке», «высокое материальное благополучие». Наименьшую ценность представляют: «любовь», «социальная активность», «поиск и наслаждение прекрасным».

Для представителей казахского этноса данной подгруппы ценны: «познание нового в природе, мире, человеке», «приятное времяпрепровождение, отдых», «общение». Наименее ценными для представителей данной группы являются: «любовь» и «высокое материальное благополучие».

Между представителями русской и казахской этногрупп, имеющих ценности динамически-развивающейся культуры отличий не выявлено.

По методике «Экспресс-диагностика социальных ценностей личности» представители русской этногруппы, выраженными ценностными ориентациями традиционной культуры, были выбраны такие ценности личностного самоопределения, как «профессиональные и финансовые», для них менее важны «социальные ценности», «ценность общения» и «семейные ценности». Наоборот, для представителей казахской этногруппы эти ценности очень важны, а также же можно и отнести «духовные ценности».

Проанализировав результаты исследования у двух этногрупп испытуемых, с более выраженными ценностями современной культуры, можно сделать выводы о том, что для представителей русской национальности важны ценности профессиональные, финансовые, семейные. Наименьшую ценность представляют духовные ценности и ценности физические. У представителей казахского этноса напротив, ценности физические и духовные выступают на первый план, далее идут ценности общения и интеллектуальные ценности. Семейные ценности для них тоже важны, но по важности они уступают семейным ценностям русской этнической группы. Последнее место у представителей казахского этноса занимают профессиональные ценности и финансовые.

Для представителей русской национальности, имеющих ценности динамически-развивающейся культуры, важны: семейные ценности, финансовые, профессиональные и интеллектуальные. Для представителей казахской национальности этой группы на первый план выступают духовные ценности и общение, за которыми следуют ценности семейные.

На основе результатов и дальнейшей проверки их с помощью коэффициента Спирмена, можно сделать следующие выводы: отличия в ценностях личностного самоопределения между представителями русской национальности с положительной идентичностью со своей этнической группой и представителями ка-

захского этноса с осознаваемой Я-идентичностью существуют. Выявленные различия между группами можно объяснить, в первую очередь, отличиями в особенностях воспитания, традициях, моральных принципах каждого из исследуемых этносов.

Следует отметить большая часть респондентов обоих этногрупп с выраженной и осознанной этнической идентичностью выбирают ценности современного и динамически-развивающего типов культур. Данная особенность обусловлена культурнополитическими обстоятельствами жизнедеятельности государства, и популяризацией среди граждан определенных ценностных ориентаций через СМИ. Так незаметно происходит изменение традиционного сознания этноса. В современных условиях этнос должен создать абсолютно новую культурную традицию, ценности, обладающие более адаптивными свойствами, чтобы сохранить свою этническую культуру. Адаптивность и мобильность механизма переструктурирования этнической картины мира обеспечивает новый качественный этап развития любого этноса.

Список литературы:

1. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. – М.: Институт психологии РАН, «Академический проект», 1999. –320 с.

Section 10. Regional studies and socio-economic geography

Секция 10. Регионоведение и социально-экономическая география

Smochko Nataliya Mihailovna, Mukachivo State University
Candidate of geographic sciences, associate professor,
Department of Tourism and recreations
E-mail: sms11111@rambler.ru

The concept of monodevelopment in BRICS countries

Abstract: In this article is stated that the monodevelopment areas inherent in the majority of countries, including a group of five emerging countries. Namely there are: Brazil, Russian Federation, India, China and Republic of South Africa. At the same specificity monodevelopment is a most pronounced in the economic and social trends in Brazil, the Russian Federation and China.

Keywords: monodevelopment areas; BRICS countries; the concept.

Смочко Наталья Михайловна,
Мукачевский государственный университет
к. г. н., доцент кафедры туризма и рекреации
E-mail: sms11111@rambler.ru

Концепции моноразвития в странах БРИКС

Аннотация: В рамках данной статьи констатировано, что моноразвитие территорий присуще большинству стран мира, в том числе и группе из пяти быстроразвивающихся стран. А именно: Бразилии, Российской Федерации, Индии, Китайской Народной Республике, Южно-Африканской Республике. При этом специфика моноразвития наиболее выражена в экономико-социальных тенденциях Бразилии, Российской Федерации и Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: моноразвитие территорий, страны БРИКС, концепции

1. Моноразвитие стран БРИКС

В процессе проведенных нами исследований констатировано, что «моноразвитие» присуще большинству стран мира. Не исключение и группа из пяти быстроразвивающихся стран (далее — БРИКС): Бразилия, Российская Федерация; Индия; Китайская Народная Республика; Южно-Африканская Республика. Специфика моноразвития интерпретируется как феномен моноспециализации экономики, предполагающий наличие жестких зависимостей между возможностями, темпами и направлениями развития всех элементов входящих в систему расселения. Она наиболее выражена в экономико-социальных тенденциях Бразилии, Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Так, с целью дифференцированного изучения специфики моноразвития стран БРИКС нами выделен ряд концепций промышленного развития и возрождения территорий особого типа (далее — ТОТ).

2. Концепции промышленного развития ТОТ Бразилии

Концепции «Селективного промышленного развития ТОТ» Бразилии можно проиллюстрировать на примере аграрно-ориентированной монотерритории г. Манаус [1] (в Западной Амазонии). Так, с целью регионального развития здесь была применена программа достижения социально-экономического

равновесия, которая основывалась на программно-целевых методах бюджетного финансирования (в рамках селективной поддержки некоторых регионов штата Амазонас).

Основой концепции можно считать создание в 1957 г. свободной экономической зоны (далее — СЭЗ) (на территории порта и городской агломерации «Манаус»), выступающей сегодня аналогом:

— зон свободной торговли;

— территории специальных финансовых льгот;

— территории специальных режимов до 2073 г. Так, с 2003 г. на территории СЭЗ субъекты экономической деятельности [2]:

а) освобождены от уплаты налога:

— на ввоз импортных товаров (предназначенных для потребления внутри СЭЗ);

— на промышленную продукцию потребительских и промышленных товаров (при условии, что они произведены в СЭЗ);

— на экспорт и налога на оборот товаров и услуг, потребляемых предприятиями, выпускающими моторную технику в СЭЗ;

в) уплачивают сниженные ставки налога на импортные товары (при условии, что они использующиеся для производства промышленных товаров в СЭЗ с последующей их реализацией в других районах страны).

Констатируем, что концепция «Промышленного развития ТОТ» Бразилии позволила создать уникальную «анклавную модель» моноразвитой территории с дифференцированной экономикой.

Основу модели составляют ресурсно-экспортные отрасли: электроника, нефтехимия, деревообработка, металлургия, аграрный бизнес.

3. Концепции промышленного развития ТОТ Российской Федерации

Концепция промышленного развития ТОТ «Новая отрасль — новое место», применяется в Северном полярном круге Российской Федерации.

Основными ее особенностями являются:

1) создание качественно новых монопоселений, обеспечивающих:

— жизнеспособность страны:

— культивацию процесса освоения и оптимизации использования уникальных ресурсов территорий в Северном полярном круге (характеризующихся удаленностью от крупных населенных пунктов);

2) прямое субсидирование новых монопоселений и представление ряда налоговых льгот субъектам экономической деятельности (действующих в отраслях рыболовства);

3) инвестиции государства в инфраструктуру.

Так, в данный момент уже построена федеральная автомагистраль «Кола» и открыт мост через Кольский залив. Кроме того, данная концепция уже обеспечила культивацию территорий особого типа в Серверном полярном круге, а именно [3]:

1) г. Мурманска, с предприятиями городами: «Мурманское морское пароходство»; «Союз рыбопромышленников Севера»; «Мурманский судоремонтный завод Минморфлота»; «Севморпуть»; «Арктикморнефтегазразведка»; «Моргео»; «Мурманский траловый флот»;

2) г. Норильска (центра цветной металлургии), с градообразующими предприятиями: Заполярный филиал горно-металлургической компании «Норильский никель»);

3) г. Воркуты, с градообразующим предприятием по добыче угля Воркутауголь. Здесь девствуют, также, предприятия пищевой промышленности: Воркутинский Молокозавод, Воркутинский Хлебный комбинат, Оленьсовхоз; кондитерские цеха «Элли», «Чародейка», «Кофейня»;

4) г. Тромсё (научный центр). Здесь находятся университет Тромсё, ботанический сад, пивоваренный завод.

Вместе с тем, констатируем, что положительный эффект от нового монопоселения, проявиться в долгосрочной перспективе — предположительно после полного запуска предприятий и окупаемости затрат на инфраструктуру.

Отметим, что механизмы стимулирования инвестиций и целевые инвестиции государства в инфраструктуру не всегда выступают решающим аргументом для бизнеса (при выборе мест локализации активов). Поэтому альтернативной концепции «Новая отрасль — новое место» может стать управление монотерриториями на основе непрерывного совершенствования образовательной среды моногородов. Это предполагает решение проблем моногородов Российской Федерации с позиции следующих рычагов:

1) социальной роли капитала, как держателя свободной ликвидности. Данный рычаг основан на положительной роли «прибавочного продукта» с накоплением, которого исчезает эксплуатация наёмного труда, и, как следствие, минимизируются риски нарастания кризисных процессов (при прямо пропорциональном влиянии судного процента).

Если учесть, что основная причина работы предприятия ниже порога рентабельности состоит в дополнительных расходах на уплату ссудного процента

(контрагентам кредитно-финансовой системы). Закономерным является положения о том, что стоимость судного капитала не зависит от макро- и микропоказателей. Она привязана, исключительно, к уровню нравственности и целям держателя свободной ликвидности. Потому именно эти составные формируют социальную роль капитала;

2) контроля открытости границ и перелива капитала (который проявляется в мониторинге финансовых операций дочерних компаний градообразующего предприятия в оффшорных юрисдикциях). При этом если продукция экономического субъекта реализуется на уровне себестоимости (приводящей к убыточности бизнеса на местном уровне) — можно констатировать высокую вероятность перелива капитала в оффшорные зоны;

3) баланса экономической и социальной сферы.

Их метрологичность идентична (по действию) с физическими законами природы и правилами Кирхгофа в электротехники («ничто из пустоты не возникает, ничто в пустоту не уходит»).

Так, упадок монопрофильной отрасли должен интегрировать формирование новой — взаимно заменяющей (с целью сохранения существующих систем расселения) [4].

4. Концепции Промышленного развития ТОТ Китайской Народной Республики

Концепции «Промышленного развития ТОТ, с помощью привлечения иностранных инвестиций», Китайской Народной Республики наиболее интересны (в связи с их высокой эффективностью).

Так, депрессивные территории особого типа (монотерритории) характеризуются здесь стандартными признаками в структуре хозяйствования, а именно:

а) несбалансированностью и инерционностью развития секторов экономики;

б) узкой специализацией и не диверсифицированным производством;

в) недостаточностью внедрения достижений научно-технического прогресса.

Поэтому основной упор, при «лечении» депрессии ТОТ, основан на специальных экономических или зонах экспортных районов — как средства привлечения иностранных инвестиций.

Закономерно, можно отметить ориентацию концепций на максимальную открытость экономики территорий особого типа.

Так, 15 июля 1979 г. ЦК КПК и Госсовет Китайской Народной Республики приняли решение о создании особых экспортных районов в границах территорий особого типа — городов субпровинциального значения Шэньчжэне, Чжухае, Шаньтоу (провинцию Гуандун), Сямэне (провинция Фуцзянь) и Хайнань (охватывающий всю провинцию Хайнань). Следует отметить, что данные меры способствовали развитию рыночной экономики.

Так, например, г. Шэньчжэнь занимает 2-ое место среди китайских городов по:

1) объёму промышленного производства электронной и электротехнической продукции;

2) расширению внешних экономических контактов и экономическому развитию;

3) укреплению систем расселения провинции Гуандун (на юге Китайской Народной Республики).

Это провинция, в данный момент, одна из наиболее развитых и густонаселенных (в 2011 г. население провинции составляло 104 303 132 чел.).

Интересен опыт специального административного района Гонконг, где развитие основывалось на аналогичной политико-экономической функции зон (как инструментов регенерации депрессивных территорий Коулунского полуострова). Фактически, концепция была применена в изолированных территориях особого типа, непригодных для ведения сельского хозяйства. В результате Гонконг трансформировался в центр международных финансов и торговли (по показателям душевого ВВП это наиболее богатый город Китайской Народной Республики).

С 1984 г. данная концепция успешно внедряться для ускорения экономического развития других приморских районов Китайской Народной Республики. К таким районам можно отнести города: Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Лянъюньган, Наньтун, Шанхай, Вэньчжоу, Гуанчжоу, Фучжоу, Чжаньцзян и. т.д.

Так, с 1985 г., для привлечения иностранных инвестиций, созданы свободные экономические зоны и зоны свободной торговли:

1) в приморской провинции Хэбэй;

2) в автономном районе Гуанси-Чжуанском;

3) на юге приморской провинции Фуцзянь, в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян;

4) на Шаньдунском и Ляодунском полуостровах.

Как результат применения концепции можно выделить:

1) формирование открытой моно территории с развитыми экспортными техникоемкими и наукоемкими отраслями полного цикла в открытых приморских городах;

2) создание 53-х зон развития высоких и новых технологий (на долю которых приходятся 4% национального ВВП);

3) создание 70-ти научно-технических зон (основной специализации которых является: программное обеспечение, электроника и промышленный дизайн).

4) уменьшение диспропорций в экономическом развитии прибрежных районов страны.

5. Выводы.

Выделенные положения позволяют констатировать, что, в странах БРИКС, открытые экономические районы и свободные экономические зоны рассматриваются как:

1) основные инструменты ускоренного моноразвития территорий особого типа;

2) средства решения проблем:

— дефицита финансовых средств на развитие территорий особого типа;

— научно-технического отставания территорий особого типа;

— интеграции территорий особого типа в мировое хозяйство.

Список литературы:

1. Estatuto da Fundação IBGE [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ibge.gov.br/home/disseminacao/eventos/missao/estatuto.shtm?c=6
2. Информация о свободных (особых) экономических зонах: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/br/about_br/laws_ved_br/special_area_br/
3. Газета «Вечерний Мурманск» Выпуск, 2005 (№ 93 от 28 мая)
4. Павлов П. В. Совершенствование образовательной среды моногородов и разрешение проблем моногородов с позиции КОБ/П. В. Павлов//[Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kpe.ru/sobytiya-i-mneniya/ocenka-sostavlyayuschih-jizni-obschestva/ekonomika/3880-um-relatorio-da-conferencia-para-abordar-cidades-da-industria

Section 11. Sociology
Секция 11. Социология

Filimonova Galina Aleksandrovna,
student of the 1st year of training
The Belgorod state university
E-mail: filimonovaga29@mail.ru

Social networks as instrument of increase of efficiency of the assessment of activity of the civil servants of the Belgorod region

Abstract: Article is devoted to a question of use of technologies of social networks in executive authorities, government bodies of the power for increase of objectivity of an assessment of results of office activity of the civil servants of the Belgorod region.

Keywords: Civil servant, technologies of an assessment, social networks, criteria of an assessment of office activity.

Филимонова Галина Александровна,
аспирант 1-го года обучения
Белгородского государственного исследовательского
университета «НИУ БелГУ»
E-mail: filimonovaga29@mail.ru

Социальные сети как инструмент повышения эффективности оценки деятельности государственных гражданских служащих Белгородской области

Аннотация: Статья посвящена вопросу использования технологий социальных сетей в органах исполнительной власти, государственных органах власти для повышения объективности оценки результатов служебной деятельности государственных гражданских служащих Белгородской области.

Ключевые слова: Государственный гражданский служащий, технологии оценки, социальные сети, критерии оценки служебной деятельности.

В процессе реформирования системы государственной гражданской службы Российской Федерации совершенствование кадровых технологий, обеспечивающих объективную оценку достижений в профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, является одним из основных направлений повышения эффективности всего государственного управления [4]. Поэтому в настоящее время особое внимание уделяется совершенствованию процедур оценки деятельности гражданских служащих, направленных на формирование эффективного кадрового состава государственной гражданской службы.

В связи с этим актуальным становится рассмотрение применения социальных сетей в деятельности кадровых служб органов исполнительной власти, государственных органов Белгородской области, направленных на повышение объективности оценки результатов профессиональной деятельности государственных гражданских служащих

Традиционной технологией оценки служебной деятельности гражданских служащих является аттестация и квалификационный экзамен, порядок проведения которых определён в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Аттестация совместно с квалификационным

экзаменом представляют собой технологии оценки соответствия государственных гражданских служащих занимаемой должности с учетом результатов их профессиональной деятельности, а также оценки с целью получения классного чина гражданской службы.

В рамках реализации Указа Президента РФ № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» [9] для повышения объективности оценки профессиональной деятельности гражданских служащих необходимо внедрение современных оценочных технологий, в том числе, таких как социальные сети.

Одно из понятий, дающих объяснение, что такое социальная сеть определяет её как услугу, способствующую образованию и поддержанию социальных кругов и сетей и работающая посредством Всемирной сети. Социальные сети делятся на: неспециализированные (не имеющие определённой тематики и ограничений в допуске к информации), специализированные (преследующие практические цели и объединяющие в себе сообщества практиков), корпоративные, направленные на обеспечение взаимодействия различных филиалов и персонала компаний [1].

Внедрение и использование социальных сетей на государственной гражданской службе позволит повысить эффективность оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих, для повышения объективности всей оценки.

В процессе внедрения и использования социальных сетей возникают определенные проблемы, связанные с:

1. Появлением дополнительного субъекта оценки — населением, которое необходимо научить использовать социальные сети для оценки результатов служебной деятельности.

2. Психологическая неготовность гражданских служащих к оценке их служебной деятельности со стороны населения.

В рамках минимизации указанных проблем необходимо подготавливать гражданских служащих к общественному контролю за их деятельностью, а также информировать общественность об источниках получения информации о результатах деятельности гражданских служащих и способах оценки их деятельности.

3. Долгосрочная разработка и определение показателей и критериев оценки профессиональной деятельности гражданских служащих.

На процесс внедрения и использования социальных сетей негативно будет сказываться отсутствие механизма работы с рынком предоставления услуг в сфере обеспечения проведения оценки результатов профессиональной деятельности за различные промежутки времени отдельного гражданского служащего на всей территории Белгородской области. А также защиты информации от её искажения и неправомерного доступа к ней. Для решения данной проблемы необходимо открыто говорить о том, кому будет дано право давать комментарии, какая информация будет отслеживаться, и как будут составляться рейтинги [11].

В Белгородской области получение информации от населения о деятельности государственных, муниципальных и коммерческих структур, а также обеспечение обратной связи между населением, работниками данных структур обеспечивает «Чёрный список», размещённый на сайте информационного агентства «Бел.РУ». Основная цель портала — получение информации от ответственного лица по действиям или бездействиям подчиненного лица, а также нарушениям предоставления определенных видов услуг.

Так же в области функционирует портал, размещённый на официальном сайте Правительства Белгородской области «Оценка населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления муниципальных образований области, предприятий и учреждений, осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований области».

Портал направлен на получение объективной оценки об уровне удовлетворенности населения деятельностью органов МСУ, предприятий и учреждений, осуществляющих оказание услуг населению региона на основе системы электронного учёта мнений граждан [10]. На сегодняшний день данный Портал является единственным примером в области, на основе которого население региона при использовании технологии социальных сетей оценивает деятельность чиновников различных уровней власти.

Для эффективного использования социальных сетей в процессе оценки профессиональной деятельности гражданских служащих необходимо разработать нормативно — правовую базу, определяющую:

1. Категории групп должностей государственных гражданских служащих, работу которых будет оценивать население.

2. Ресурсы при внедрении социальных сетей.

Основной задачей по использованию социальных сетей в оценке профессиональной деятельности необходимо выделить показатели и критериев оценивания, для того, чтобы создать систему показателей и критериев, позволяющих объективно оценить профессионально — деловые, личностные качества гражданских служащих и результаты их работы со стороны населе-

ния. На основе разработанных показателей, критериев и системы оценки, в Белгородской области возможно создание единого информационного портала, направленного на использование технологий социальных сетей для получения объективной оценочной информации о результатах служебной деятельности государственных гражданских служащих Белгородской области.

Показатели и результаты, полученные в процессе использования технологий социальных сетей, необходимо учитывать при разработке должностных регламентов определенных групп и категорий должностей государственной гражданской службы с целью реализации Указа Президента Российской Федерации № 601 в части установления особого порядка оплаты труда государственных гражданских служащих в зависимости от достижения показателей результативности профессиональной служебной деятельности.

Наряду с этим необходимо заранее информировать поступающих на государственную службу об оценке их профессиональной деятельности населением.

Таким образом, внедрение и использование технологий социальных сетей для объективной оценки профессиональной деятельности гражданских служащих в Белгородской области необходимо:

1. Разработать нормативно — правовую базу, определяющую порядок внедрения социальных сетей для оценки профессиональной деятельности государственных гражданских служащих, в том числе регламентирующую особый порядком оплаты труда на основе показателей эффективности их деятельности на основе мнения населения.

2. Выделить способы получения информации от населения для использования полученных оценочных результатов.

3. Организация проведения консультаций для гражданских служащих и населения для информирования о работе с социальными сетями для проведения оценки.

Список литературы:

1. Бондаренко Е. Социальные сети как инструмент развития: виды и возможности [Электронный ресурс]. URL: http://www.trainings.ru (дата обращения 23.03.2014).
2. Валинуров И. Подбор сотрудников через социальные сети [Электронный ресурс]. URL: http://hr-portal.ru (дата обращения 11.04.2014).
3. Климентьев В. Социальные сети: от реальности к веб-сервису [Электронный ресурс]. URL: http://lmatrix.ru (дата обращения 11.04.2014).
4. Концепция реформирования системы государственной службы российской федерации [Электронный ресурс]: распоряжение Президента РФ от 15.08.2001 г. № Пр-1496 URL: http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения 25.04.2014).
5. Методический инструментарий по внедрению системы комплексной оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих (включая общественную оценку) [Электронный ресурс]: материалы министерства труда и социальной защиты населения URL: http://rosmintrud.ru.ru (дата обращения: 09.03.2014).
6. О государственной гражданской службе Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79 — ФЗ URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=161253 (дата обращения: 30.04.2014).
7. О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 01 февраля 2005 г. № 110 URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW; n=160474 (дата обращения: 30.04.2014).
8. О проведении аттестации государственных гражданских служащих [Электронный ресурс]: распоряжение Губернатора Белгородской области от 07 ноября 2006 г. № 936-р URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW404; n=35029 (дата обращения: 02.03.2014).
9. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129336/(дата обращения: 30.04.2014).
10. Оценка населением эффективности деятельности руководителей [Электронный ресурс]: офиц. сайт. Губернатор и Правительство Белгородской области URL: http://ocenka.belregion.ru (дата обращения: 05.03.2014).
11. Тонкин С. Корпоративные социальные сети как инструмент для поиска талантливых сотрудников [Электронный ресурс]. URL: http://hr-portal.ru (дата обращения 19.05.2014).

Section 12. Philology
Секция 12. Филология

Garashchenko Liliya Borysivna
Kharkiv National Pedagogical University after G. S. Skovoroda,
Ph. D. student, Ukrainian language and literature department
E-mail: liliya.garashenko @ mail.ru

Varieties of propositional and dictum motivation analytical terms of scientific- technical terminology

Abstract: The article focuses on cognitive-onomasiological analysis of analytical terms of scientific-technical terminology. The motivational features of terminological construction predicate-thematic and hyperonym varieties are defined.

Keywords: cognitive-onomasiological analysis, analytical terms, propositional and dictum motivation, predicate-thematic form, hyperonyms.

The study of motivation phenomenon in cognitive-onomasiological aspect allows to set constant connection of the language signs means with the ways of human environmental internalization, reality of the world combining mental and psyhonetycal considering the collective unconscious.

Traditionally the motivation was analyzed on the line of derivation and linguistic semantics and regarded as the process of forming semantic and formal connection between the derived and compound word. In the context of the cognitive paradigm, motivation is treated as a pass-through model for the getting of the sign linguopsyhomental operation onomasiological representation of the structure of certain psyhocognitive reports of consciousness [4, 158]. There is no only approach to the identifying varieties of motivation in linguistic literature. Pretty original models of motivation that reflect semantic derivational aspect of nominative process are offered by O. I. Blinova, V. G. Hak, V. O. Gorpynych, T. R. Kyyak, I. S. Uluhanov and others. In modern cognitive onomasiology O. O. Selivanova has developed a new classification of motivational relations based on a single parameter: the fragment of knowledge structures designated which are elected as motivator's original name [4, 162–179].

According to O. O. Selivanova's conception, depending on the conceptual status of motivators which are selected from the structure of mental-psyhonetycal corpus to form onomasiological structures analytical terms of scientific and technical terminology, there is a distinguish of three kinds of motivation: propositional-dictum, associative-metaphorical and mixed. According to the cognitive onomasiological analysis of studied material in the process of analytical terms the most common type is of propositional-dictum type of motivation.

The aim of the proposed article is to study the scientific and technical analytical terms related to propositional-dictum motivation, examining the connection of the onomasiological structures, semantics and conceptual basis for their creation.

Propositional-dictum motivation is based on the clarifying in the process of internal motivational programming base and the choice of motivators from the relatively true sphere, consistent information presented in the mental- psyhonetycal complex system of propositions that include nuclear and verbalized part of the concept [4, 162–163]. The structure of proposition defines a predicate that indicates on the character of the situation (denotes action, process, condition or quality of the object) and the appropriate places for items — participants of a situation (arguments) and determines its number and semantic functions [1, 122].

Depending on the motivator's status as part of propositional-dictum motivation in science and technology terminological construction presented in two varieties: the predicate-thematic and hyperonymical. In the massif of analytical terms the most common kind of motivation are predicate-thematic and propositional-dictum.

Predicate-thematic kind is presented by motivators choice of predicate-propositional structures propositional core of mental-psyhonetycal complex. In onomasiological structure scientific and technical terms the motivator name may denote different types of predicates and terms of subject, object, locative, temporative, instrumentive, mediative, fabrikative and so on. In dictum except the correlative arguments of predicate, there is also distinguish of qualitative and quantative. In this propositional structure these levels are connected with each other and with predicates and arguments.

Motivators are predicates, including:

1) a specific physical action: ***blowing*** *the collector, turbine* ***drilling****, rivet* ***bonding****,* ***twisting*** *the wire, automatic* ***control****.* Motivator predicate's of physical action in onomasiological structure of scientific and technical analysis is able to correlate with the motivators of object (*eyeletting of pipes*), destinative motivators (*clamping*), motivators of instrumentive (*formatting*), motivators of locative (*surface hardening*), motivators of mediative (*potting*) motivators way of the action (*mechanized unloading*). In onomasiological structure analytical terms are presented as components of quality (*hard bonding*);

2) predicates of process which characterize the dynamic situation, connected with conditions changes or other subject's characteristics: *autoclave* ***fuse****, industrial coal* ***gasification****, spontaneous* ***crystallization****, film* ***distillation****.* Predicate process motivator in the onomasiological structure of terms is integrated with motivators of object (*peat coagulation*), temporative motivators (*instant destruction*), motivators locative *(underground gasification),* causative motivators (*destruction from landslide*), the components of quality level (*elastic loading*), the components of quantities which characterize the computing (*repeated distillation*), motivators way of the action (*vibration cultivation*), components that represent physical phenomena (*isothermal loading*), the components with the meaning of the action (*spontaneous coagulation, intermittent crystallization);*

3) predicates-motivators which reflect the functional properties of objects: *anchor* ***stay****,* ***arm*** *of knife,* ***slider****,* ***and jetliner****.* In analytical terms of scientific and technical terminology predicates-motivators which reflect the functional properties of objects are combined with destinative motivators (*adjustable riser*), with components that indicate on certain characteristics (*slider press*) components, indicating the structural features (*anchor stay*), components which indicate on the principle, ways of the action (*rotating latch*);

4) mediative as an auxiliary material or indirect means of action: *soil* ***bituminous****, diffusion* ***metallization****, rubber* ***powdering****, wood* ***preservation****, electrochemical* ***cobalt plating****.* Onomasiological structures of analytical terms reflect the correlation of mediative motivators and object motivator (*concrete structures iron, chlorination*), a component which shows the affiliation to a certain object (*carded padding*), a component of quality *(wet enamelling*), a component which is an indicator of the structure (*porous chromium plating*);

5) locative — the component means the place of action: *auto assembly* ***shop****, welded* ***joint****, hand* ***anvil****, salt* ***mines****,* ***the condition*** *of the wheels, drift* ***pothole****.* Locative motivator structure in onomasiological structure of scientific and technical analytical terms is capable to combine with destinative motivator (*mucking stope*), temporative motivator (*fast construction*), locative motivators (*aboveground construction*), and motivators of object (*joint rail*). Onomasiological structures of analytical terms reflect the correlation of the locative motivator and quality component (*large-block construction*), a component, which is an indicator of the type and similarity (*plicate pothole*). Onomasiological structure of scientific and technical analysis of nominations in which locative motivator is combined with destinative motivator may expand by introducing object-motivator (*heat with burn the dust*);

6) instrumentive — means and tools which help to do: *forging* ***weave****, mounted* ***stacker****, oxygen* ***cutter****, scale* ***ruler****, coal* ***plow****, keyway* ***broach****.* In onomasiological structures of analytical terms instrumentive motivator can integrate with destinative motivator (*measuring ruler, lubricant distributor*), locative motivator (*garden mower*), fabricative motivator (*acetylene cutter*). Onomasiological structures of analytical terms also reflect the correlation instrumentive motivators and the component which expresses an affiliation of certain objects (*alidade rule*), component which is an indicator of the type and similarity of objects (*hammer-headed soldering iron*), a component with the character meaning of the action (*self-propelled mower*);

7) transhesive — result of causation transformation: *multiply start* ***cutting****, sloping* ***cut****, stone block* ***coasting****,* ***and mineralization*** *of pollutants.* Transhesive motivator in onomasiological structure can be combined with locative motivators (*left thread, pipe thread*), object motivator (*mineralization of water*), a component with the means of the type and similarity (*acme thread*).

In predicate-thematic type of motivation the motivator of the subject is a significant, in the case is the

figure-not being and is represented by the names of machines, equipments and devices: *automatic* ***breaker***, *lever-actuated* ***igniter***, *hydraulic* ***pusher***, *vibrating* ***rectifie***, *radiation* ***detector***. This motivator in onomasiological structure of analytical terms of scientific and technical terminology is integrated into object motivators (*dusting machine*, *fuel distributor)*, locative motivators (*final clip*), destinative motivators (*grounding clip*), quantitative motivator (*two-pass assembler*), components which indicate on certain constructional means (*clip retainer*), components, indicating the structural features (*blade-paddle mixer*), components, which are indicators of the type and similarity of objects (*dished*), components of value method/principle of (*percussion igniter*), the components with the means of character of the way of action (*jet agitator*).

In the scientific and technical analytical terms object motivator denotes a substance which is created, changed or deleted: *concrete* ***wall***, *proof* ***print***, ***cropping***, *antiseismic* ***structure***, *chill* ***casting***, *and tractor* ***trailer***. Object motivator in onomasiological structure of scientific and technical terms can be combined with fabricative motivators (*gypsous*, *brass castings*), destinative motivators (*ventilation bridge*, *spray structure*), mediative motivators (*rustic wall*), motivators of an action of the predicate pointing to the object (*shore protection structures*), components, indicating the structural features (*pile bridge*).

Hyperonymical kind of propositional-dictum motivation is based on the motivators choice from the compound of hyperonyms (gender terms), which are mainly serve as main components of the motivational basis of analytical terms, which have more generic meaning and define the notion of belonging to a certain categorical hierarchy. In hyperonymical organization essential is that each upper class consists of fewer units with larger quantity of meanings.

Hierarchical constructions of scientific and technical terminology system based on the contrast higher to lower, concrete and abstract and provide the existence of several levels. There are different approaches to the selection and description of levels of knowledge categorization. George Lakoff distinguishes three levels: 1) the highest level — the level of categorical concepts; 2) basic level — the level of ghostly concepts; 3) a lower level — the subordinate level of sensor concepts [6]. This approach makes it possible to represent all scientific concepts which are available terminology as a whole system, in which the separate element serves as part of some larger. The famous cognitive psychologist E. Rosh also distinguishes subcategorial level which determines the possibility of the final hyper-hypomonical relations [7]. According to the researcher's thought, at this level a person can save and transmit information in the most productive way.

The central element in this levels sequence there is a basic level, within the largest part of human's knowledge is structured [2, 35]. Basic conceptual concepts determine of high level of synthesis and expanded definitions. Such fundamental concepts easily perceive on similar common features and distinct mental image reproduces the entire category in a whole. In this structure the basic names can contain both specific objective and abstract scientific meaning, which determines the latitude of its semantic potential.

Perception and reality categorization at the basic level is gestalt that is undifferentiated, as we perceive objects and operate their concepts without mind control dealing. Basic level has the following nominative units: *automatic, analysis, valves, block machine, brakes, alternator, engine diagram, wire, emissions, diagrams, isolation valve, lamp, engine, pump, coil, bearing rotary mode switch system, temperature, pipe cutter etc…* It should be noted that the basic terms can include both the actual terminology vocabulary (interdisciplinary and narrow specialization terms) and other lexical layers (general scientific and general technical units). Some researchers [5, 101; 3, 55] characterize the general scientific and technical vocabulary as nonterminological, motivating that this terminology does not name the specific realities and explains gender terms to describe processes and objects. However, such nominative units can significantly narrow and specify its semantics, denoting the fundamental concepts of certain fields of science and technics.

Considering the basic approaches formed in the modern science as for describing the hierarchical classification of knowledge we distinguish the following levels of knowledge presenting about science and technology concepts in onomasiological structure of analytical terms: the higher, the base, the lower and subcategorial. In the scientific and technical analytical terms motivator represents as hyperonyms of a basic level. The process of creating analytical terms can be represented as follows: *machine* (basic level) → *caster* (lower level) → *molding* (subcategorial level); *pump* →*vacuum pump* → *booster vacuum pump*.

In the process analysis it was revealed that hyponyms can act as hyperonyms as for other terms-hyponyms, consistent subordination levels of detail. So, motivators can act as hyperonyms of subcategorial level which we divide into three types: *the mechanism* (basic level) → *maltese mechanism* (lower level) → *maltese combined mechanism* (subcategorial level and type) → *maltese com-*

bined mechanism with thin jet (subcategorial level II type) → *maltese combined mechanism with thin jet on the pusher* (subcategorial level III type).

Hyperonymical kind of propositional-dictum motivation of analytical terms is actualized in combining with the predicate-thematic variety. This is because of the nominator, calling this or that object, process or action aims to verbalize the most common amount of information. Hyperonyms are correlated with argument positions: 1) destinative: *blocking mechanism, adjusting valves, sorting automat*; 2) locative: *roof crane, external switch, mine lamp*; 3) mediative: *enameled wire*; 4) fabrikative: *diamond tip, iron core, copper wire*; 5)quantitative: *multipump, three phase motor, two net lamp*; 6) component which indicates on the action doing on an object: *woodworking machine*; 7) component which indicates on the action, which aims to object: *cargo crane, flax machine*; 8) component with a meaning of mode/operating principle: *vibration machine, hammer mechanism*; 9) peculiarities of construction: *hose spring, brush machine*; 10) component, which indicates on the object belonging (device, details): *the lug of soldering copper, transformer winding, transistor generator*; 11) component of the character meaning: *self-lubricating bearing, fast engine*; 12) component, which is a measure of shape: *double elliptic spring.*

Thus, the study of predicate-thematic kind of motivation of scientific-technical terminology analytical terms demonstrates relevant regularity and the usage of object features that depends on the processes of categorization and conceptualization in mind, psychological and cultural stereotypes, as well as the specifics of the language system. Perspectives for future are defining the peculiarities of motivational components research appears to find out the actual features of motivation components of analytical terms in scientific and technical terminology with secondary metaphorical meaning.

References:

1. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис: підр. – К.: Либідь, 1993. – 368 с.
2. Манерко Л. А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике//Вестник Московского университета. Сер. 9: филология – 2000. – № 2. – С. 29–42.
3. Пристайко Т. С. Функционально-семантическая стратификация лексики специального текста: [монография]. – Днепропетровск: ДГУ, 1990. – 60 с.
4. Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология (монография). – К.: Издательство украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
5. Чупилина Е. И., Преображенская О. А. Лексический состав терминологии вычислительной техники//Тезисы докладов науч.-мет. конф. "Современные проблемы терминологии". – Владивосток, 1989. – С. 100–101.
6. Lakoff G. Metaphors We Live By/G. Lakoff, M. Jonson. – Chicago: CUP, 1980. – 242 p.
7. Russel B. An inquiry into meaning and truth. – Harmondsworth: Penguin, 1963. – 333 p.

Dibrova Olga Vitaliivna,
Kharkiv National Pedagogical University,
Ph. D. student the department of Ukrainian language
E-mail: chasnik-olga@mail.ru

Language image of mother as a dominant of Borys Oliynyk's linguopoetics

Abstract: The article focuses on the analyzes of the language image of mother and the specific of its language dominant is defined. The symbolic meaning of image and the specific of its functioning peculiarities in the poetic texts of Borys Oliynyk is studied. Linguo-cognitive actualization mechanisms of verbal and poetic images which have archetypical semantics are analyzed. The attempt of linguistic interpretation of the language units to describe the image of the mother is made.

Key words: dominant, language image, semantics, linguopoetics, language world picture.

An image of the human belongs to the basic images of any nation, it was said since the days of antiquity, that the human — is the measure of all things. "The conception of the human — is the basis, the moving beginning of art, culture, language, the inner core of the artistic image. The other components are concentrated around this prob-

lem. "Anthropocentrism is a major paradigm in which today's linguistic investigations are made" [1, 66]. Contemporary linguistic anthropology has a great experience in studying of the language image of human. It is the works of N. D. Arutyunova, K. Y. Holoborodka, S. J. Ermolenko, A. O. Pikalova, Y. S. Stepanova, H. M. Syuta and others. In the scientific picture of the world the human is considered as a unique being that has the gift of thought and language. During the evolution of artistic consciousness and poetic thinking, the artists gradually moved from the image of a human to expressing his inner world, his thinking in connection with nature and society. Concepts of human's inner world, as well as the body, its parts and functions, life, death, destiny always have been at the center of metaphorizational processes of Ukrainian poetry of the twentieth century [2, 172–173].

An important recipient area of the language projections in poetry was a human. D. S. Lyhachov said: "Human always is the central subject of literary art. In relation with the image of the human being all other things are existed: not only the image of social reality, way of life, but also nature, historical variability of the world and so on. In cooperation with the way how human is represented, the all artistic means are found" [3, 3].

As the K. Y. Holoborodko said, "general philosophical interpretation category of HUMAN is polysemantic. This concept appears in the following basic ways: 1) the human individual; 2) the species Homo sapiens; 3) socially organized humanity" [4, 218]. The image of the human dominates in many literary texts, and as one of the priorities of modern linguistics is the study of language image, idiostyle of masters of artistic expression, language of writer's works, it seems appropriate to pay attention to the lingual expression of a key image, as mother in a literary practice.

Actuality of the work is caused by increasing of interest in modern Ukrainian linguistics in cognitive aspect of the study of language, figuring out how it interprets the world, realizing mental peculiarities of the nation and the system of its values. According to this the important and necessary task is to compose an idea about language picture of the mother's world that is only possible the detailed research of specific fragments.

The aim of study — analysis of the mother's language image and defining the specific of its language dominant, which is based on the concept "*motherhood*", an attempt of linguistic interpretation of language units to describe the image of the mother.

The object of study is the linguistic units in Borys Oliynyk's works.

The novelty of the work lies in the fact that the linguistic interpretation of linguistic units to describe the image of the mother has not been a subject to a complex study.

Borys Oliynyk's creative development was pretty fast. The poet can say about himself with the pride — he is from Poltava region. From there he is, where the ("чорнозем плодючий, наче жінка")"black soil is fertile like a woman" [5, 18], where the history is deep clear depths, where the people have ("на золоті обжинки завжди напохваті зі сміху литий серп) "in golden harvest is always laughing sickle" [5, 18].

Borys Oliynyk perhaps the only in modern Ukrainian poetry writer who has created not a few verses, poems or cycles but wrote a book about his mother. Borys Oliynyk dedicated the collection of poems ("Syva lastivka") "Grey swallow" in loving memory to his parents Martha Nikonivna and Ilya Ivanovich. The mother's death forced the son to think about her fate, remembering all their life. From the poem's lines, which are included in the collection, slowly raises the image of a simple peasant woman. The difficult fate was destined for his mother: during the war she was living in poverty with a little child, early widowed, getting funerals of her husband. The whole burden of post-war reconstruction has fallen on her shoulders, with endless work and solicitude she never had to look up. The mother for the poet is a bearer of ordinary and at the same times the eternal moral truths.

Borys Oliynyk said that "Truly God and Mother in any nations and tribes were honored as the most precious thing — life. The sanctity of mother for Ukrainians is untouched".

Actually the concept *motherhood* as a semantic core of linguistic personality of mother in the mind of woman gradually acquires new conceptual layers, volume is increasing, content is concretizing and structure is transforming. Such conceptual spheres (CS), which are directly related to the childbirth: CS care, CS maternal love, CS worry are dominated in the thematic mother's repertoire. Thus, listed CS can be considered as dominant individual cognitive linguistic personality of the mother, because they take an important place in a motivational system of linguistic personality and serve as the guides of its behavior. As communicative and cognitive factors of individual discourse are closely connected with key emotions and their complexes — feelings, with emotive dominant language personality [6, 36].

Mother presents a life for human, inspires for good deeds, and gives everything she has: the warm of her soul, her heart and endless love. Her lullabies are accompanied us throughout life and wisdom word helps us to overcome difficulties.

In the language poetic area of B. Oliynyk distinguishes ornithonyms which are representing a language image of mother through existing symbolic value. *("Ти від лютої зими/Затуляла нас крильми,/Прихилялася/Теплим леготом,/Задивлялася білим лебедем… ») "You're from fierce winter/screened us wings/Bending/Warm soft wind,/White swan …"* [7, 5] Mother swan — symbolizes rebirth, purity, wisdom, clairvoyance, perfection, the symbol of divine; White swan — a symbol of the Sun and the Good. *("Дивом-казкою/За віконечком, —/Сива ластівко,/Сиве сонечко") "Miracle-tale/by the window —/Grey swallow/Grey sun"* [7, 5]. Mother swallow — a symbol of spring, the harbinger of good. It is believed, where swallow has weaved a nest — will be a luck. That's the greatest happiness for the son to be near his mother. *("Наша мати — сивая горлиця") "Our mother — gray turtle-dove"* [7, 50], mother turtle-dove — is used to appeal to woman caressing *("О мамо, моя голубко… ") "Our mother — gray turtle-dove" "Oh Mom, my dove…"* [7, 35]. Mother dove — according to popular conceptions is pure, holy and God bird. Dove is the bird of peace and love.

The phenomenon of motherhood is one of the main in Ukrainian literature. Mankind has always addressed and address in songs and prayers, verses and poems to their guardians — his mother, glorifying her blessed name. The same thought B. Oliynyk has in his poems. The love of word, for native land is given to us in childhood through the lullabies which our mother sings for us ("*А вона до всіх до них — піснею, "And she for all of them with song «, through the tale..*" [7, 50]. Through the tales we *«ми вертаєм… у вічну казку… до матерів») "return to the eternal tale of mothers …"* [7, 59] and that the care and kindness she gives us. In the culture of every nation there are concepts that can provide insight about all culture, to provide the most basic features of the ethnic group; they are called the key concepts of culture. Some phytonyms are able to show Ukraine because of the structure of existing concepts of imaginative, conceptual and symbolic meaning. *("Старіють важко: матері — як верби») «Hard to get old: the mothers — as willows»* [7, 78]willow is often used with the epithet "old gray", symbolizing the sad old woman, mother, widow, who went through a hard life, full of pain and loss, turned gray with grief, a tragic fate.

But not only these concepts present Ukraine, also the important are: cherry, oak, poplar, apple, rose, rye, wheat: *("Похитнулася, мов колос,/Без ридання і молитв,/Тільки сивим квітом коси/Материні зацвіли… ") "Swinging like an eye,/Without weeping and prayer/Only gray braids/Mother's bloom …"* [7, 32] ear in the sense of majesty that is exceptional importance, the son of the mother.

There are poetic conceptualization of astronyms, namely the sun and the stars: *("Дивом-казкою/За віконечком, —/Сива ластівко,/Сиве сонечко" «Тільки ж ти, немов зоря,/Даленієш в небеса") "Miracle-tale/by the window —/Grey swallow/Grey sun" "Only you like the star/Go to the heaven"* [7, 5], the sun — a source of life, joy, happiness. Mother illuminates the way, like the sun, and lead to the life.

The author represents a language image as a mother — stethoscope, because the mother's heart reflects the wisdom of the senses, as opposed to the wisdom of the head. No accurate device that can sense and feel the condition of the child, wherever she is, even in space, *("Мати вірить не дуже професорським викладам: Ще ж немає од серця точнішого приладу"). "The mother believes not really professors outlining: There is no exact instrument than the heart yet"* [7, 13].

Creating language image of a mother poet uses metaphorical comparison turnover with epithets. There is a smiling mother in front of the reader. *("Вона усміхнулась, красива і сива, як доля")"She smiled, a beautiful and gray like a fate»* [7, 26].

Borys Oliynyk raises a question of symbolic immortality in the poetry which is developed in a new way: the poet reminds readers that immortality can be achieved not only by masterpieces of art or scientific discoveries, but also doing good deals. So, mother remains immortal forever for her children becoming *("замисленим полем на цілу планету, на всі покоління й віки") "thoughtful field on a planet for all generations and ages"* [7, 26].

Conclusions. As a result of the conducted scientific observations we concluded that a language image of the mother can be represented multifaceted. Analyzed linguo- cognitive actualization mechanisms of verbal and poetic images have archetypical semantics. This is especially valuable because of the artistic and poetic poetry filling and the matrix combination of "physical" and "spiritual" in a language image of a mother if it has not the leading but at least very important role.

So, for the poet mother there was and there is the most holy image, eternal star and warm sunshine, gentle swallow and hardworking bee.

References:

1. Пікалова А. О. Вербалізація концепту людина в поетичних текстах М. Стельмаха: дис. … канд. філол. наук: 10.02.01/Пікалова Анна Олексіївна. – Х., 2008. – 233 с.
2. Кравець Л. Динаміка метафори в українській поезії ХХст.: монографія/Лариса Кравець. – К.: ВЦ «Академія», 2012. – 416 с.
3. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси/Д. С. Лихачев. – [3-е изд.]. – М.: Наука, 2006. –202 с.
4. Голобородько К. Ю. Ідіостиль Олександра Олеся: лінгвокогнітивна інтерпретація: [монографія]/Костянтин Юрійович Голобородько. – Х.: Харк. іст.-філол. т-во, 2010. – 527 с.
5. Олійник Б. І. Вибрані твори: У 6 т. – К.: ПТФ «Просвіта», 2007–Т. 2: Камінь з душі. – 223 с.
6. Бондаренко Я. О. Дискурс акцентуйованих мовних особистостей: комунікативно-когнітивний аспект: Дис… канд. филол. наук: 10.02.04/КНЛУ – Київ, 2002. – 248 с.
7. Олійник Б. І. Вибрані твори: У 6 т. – К.: ПТФ»Просвіта», 2007–Т. 4: Сива ластівка. –96 с.

Kotelewskaja Wera Wladimirowna, Kandidat der philologischen Wissenschaften
Das Institut für Philologie, Journalistik und interkulturelle Kommunikation (Südliche Föderale Universität),
Dozentin am Lehrstuhl für Theorie und Geschichte der Weltliteratur
E-mail: luga17@rambler.ru

Die Selbstreflexion des Subjekts im deutschsprachigen Künstlerroman der literarischen Moderne

Zusammenfassung: Die Selbstreflexion des Subjekts im deutschsprachigen Künstlerroman der Spätmoderne und Postmoderne wird als grundlegend für die Entwicklung des Genres des Romans einerseits und für die Selbstreflexion des künstlerischen Ichs andererseits betrachtet. Die Transformation des reflektierendes Ichs wird von Ursprung des Genres im 18. Jahrhunderts bis zur gegenwartige Literatur dargestellt.

Schlüsselwörter: Selbst, Andere, Selbstheit, Künstlerroman, literarische Moderne, Spätmoderne, Postmoderne

Das Thema des Artikels lautet «Die Selbstreflexion des Subjekts im deutschsprachigen Künstlerroman der literarischen Moderne». «Die literarische Moderne» wird als eine «Makroepoche» verstanden, die in der Kultur der Aufklärung ihren Ursprung nahm und der Selbstbestimmung in der Kunst und Philosophie der Romantik erreichte [8]. Die *klassische* Moderne umfängt den Zeitraum erster Hälfte des 20. Jahrhunderts, die *späte* Moderne — den der Nachkriegsliteratur und *Gegenwartsliteratur* [5], die Michael Braun z. B. mit der Periode von 1968 bis Heute einschränkt [2]. Die Frage über die Grenzen der *späte* Moderne und der *Postmoderne* im deutchsprachigen Literatur ist diskutabel. Es geht vielmehr um die verschiedene Modifikationen der Selbstbestimung des Subjekts, bzw. um seinen Skepsis und Scheitern in der *späte* Moderne (bei A. Schmidt, I. Bachmann, P. Handke, Th. Bernhard, G. Grass) und um den symbolischen Tod, d. h. der Dekonstruktion in der *Postmoderne* (H. Krausser, Ch. Kracht, Ch. Ransmayr, R. Schneider, P. Süskind, R. Jirgl, E. Jelinek u. a.). Außer dem Begriff der «literarischen Moderne» gibt es auch eine kulturell-philosophische Tradition, die Periode von dem zweiten Drittel des 17 Jahrhunderts bis zur Krise der Metaphysik, vertreten durch Nietzsche, Schopenhauer, Kierkegaard, Heidegger, Sairtre, Camus, Adorno und Horkheimer, als «die rationalistischen Moderne» betrachten. Demgemäß setzt das Projekt der Moderne eine Erfindung der Subjektivität voraus — im Rahmen der rationalistischen Philosophie und der experimentalen Wissenschaft, sowie im Rahmen der Kunst und der Literatur, die von vornherein ein Problematisierungssfeld für neuzeitliche Subjektivität, ihre utopischen und tragischen Merkmale entdeckend und darstellend schafften.

Es ist relevant, dass an der Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert ein neuer Heldentyp entwickelt wurde, *das selbstreflektierende «Ich»*. Die Befreiung des Subjekts von der totalen Gewalt der religiösen, korporativen und familiären Beziehungen [1] verwirklichte sich in dieser Epoche dramatisch, als eine Art der «Theatralisierung», buchstäblich und figürlich. Nicht von ungefähr ist es, dass die Fabeln der Künstlerromane oft mit der «theatralischen Sendung» sowie mit der Prüfung der Ansichten und Ideale des Protagonisten durch das Theater verbunden ist (z. B. Goethe, Moritz, Keller,

Bernhard, Jelinek). In einigen Fällen dient die Bühne zur Metapher der Sozialisierung eines Helden.

Das Theatermodell als mimethisches Rollenspiel ermöglicht dem Subjekt gleichzeitig sich selbst und ein Anderes sein. Ambivalenz der Selbstbehauptung und Selbstverweigerung ist ein grundsätzliches Prinzip des modernen Subjekt. Es ist bemerkenswert, dass für künstlerischen Subjekt keine strenge Grenze zwischen Leben und Fantasie, zwischen empirische und imaginäre Welt, zwischen verschiedene Ich-Projektionen des Ich ist. Diese Verschmelzung der inneren und äusseren Seins sowie Sehnsucht nach anderen Ich ist aktuell z. B. für Moritz's «Anton Reiser», Keller's «Der grüne Heinrich», Jean Paul's «Flegeljahre», Thomas Mann's «Felix Krull» und «Doktor Faustus», Günter Grass's «Die Blechtrommel», «Hundesjahre», «Bei Häutem der Zwiebel», «Die Box», Reinhard Jirgl's «Hundsnächte», Rober Schneider's «Schlafesbruder». Im Thomas Mann's «Felix Krull» representiert sich das Versuch sein Leben als fremde erleben und gleichzeitig die fremde Biographie als eigene Existenz projezieren. Kann mann diesen Roman als die modifizierte Künstlerroman interpretieren, und die Abenteuer des Protagonisten als sui generis mimethisches Verwandlung- und Maskierungskunst, in der die Sehnsucht des modernen Subjekts nach dem «Anderen» Ich sich verwirklicht.

Am anschaulichsten wird dieser ambivalente Prozess der Selbsterfindung und Selbstverlieren im deutschsprachigen Bildungsroman und Künstlerroman dargestellt. Das Metafabel des Künstlerromans, d. h. die Geschichte des Lebens und der Karriere/oder Scheitern der Karriere einer künstlerischen Persönlichkeit wird in den Werken von Goethe, Moritz, Tieck, Keller, Hoffmann u. a. representiert [6].

Es ist bemerkenswert, dass diese zwei Komponenten der Metafabel als Paradigma, und zwar — sozialer (Karriere) und psychologischer (Biografie, Existenz), sich verschmelzen und/oder widersprechen und schließlich ethische und ästhetische Ideale des Autors bestimmen. So relevant war es für Goethe, die künstlerische Persönlichkeit mit dem Leben in ihrer Ganzheit und der praktischen Zweckmäßigkeit zu harmonisieren, auch wenn es zum Scheitern als Künstler führt. Bei K. Ph. Moritz und G. Keller sehen wir eine Variation der Fabel über die falsch verstandene künstlerische Berufung, während bei Ludwig Tieck das Sujet als etwas offenes, unvollendetes dargestellt wird («Franz Sternbalds Wanderungen») [6].

Ich möchte das Entstehen des genrehaften Paradigmas im Künstlerroman sowie die Entwicklung der Metafabel zum Leben und Karriere eines Künstlers in der Epoche der frühen und klassischen Moderne (an Beispielen aus literarischen Werken von Goethe, Moritz, Keller, Rilke, Hesse, Mann u. a.) verfolgen. In der frühen Moderne entwickelten sich bereits die Hauptthemen des Genre, die später durch Literatur der Modernismus und Postmodernismus verspielt und parodiert wurden: *Wandern, Flucht von der Wirklichkeit, Wege der Kunstentwicklung, Freiheit/Unfreiheit, Berufung, Krankheit und Talent, Opferbereitschaft, Genie, künstlerische Begabung, Künstler und Menschenmenge, Kunst und Kulturbetrieb* u. a. [7]. Im europäischen naturalistischen und realistischen Künstlerroman kommt der Aspekt der sozialen Existenz einer schöpferischen Persönlichkeit zum Vorschein, indem er alle genrehaften Elemente des Künstlerromans in einen Roman der Karriere, einen sozialen-philosophischen Roman (Zola, Balzac, Rolland, Feuchtwanger) inkorporiert. Die Forschung wird dabei in Bezug auf europäischen Künstlerroman sowie verwandte Genres, beispielweise Bildungsroman, Ich-Roman, literarische Beichte (Rousseau, Chateaubriand, Constant, Balzac, Joyce, Proust, Sairtre) durchgeführt.

Die verschiedene romanhafte Formen der fiktionalen Interpretierung der Kunst und der Künstler kann man aus der Perspektive der Selbsterkenntnis und Selbstverwirklichung eines Subjektes typologisieren. Der moderne und postmoderne Künstlerroman representiert Stufen des neuzeitlichen Subjektes: die Erfindung — die Apotheose — der Skepsis — das Scheitern — der Tod — das Wiederbeleben [3]. Doch muss man bemerken, dass diese Stufen bei der Selbstfindung des Subjekts in jedem Roman oder im Poetik eines (post) modernen Autoren nicht isolierbar sind, sondern verschlingen sich und bilden eine komplizierte ambivalente Einheit. Das ist sehr aktuell für solche Modernisten wie Hoffmann, R.M Rilke, Th. Mann, I. Bachmann, Th. Bernhard, G. Grass, R. Jirgl.

Zum Zentralbegriff der Moderne wird der Begriff von «Selbstheit» als eine bewusste Entwicklung der Selbstidentität und der Weltanschauung durch Individuum. Das Konzept der «Selbstheit» findet in einer künstlerischen Persönlichkeit nämlich einen fruchtbaren Boden [4]. Mein Interesse an der späten Moderne sowie Postmoderne ist durch Situation der Krise eines Subjekts geweckt: Entfremdung des Subjekts (Adorno, Fromm, Marcuse), Re-interpretierung des Subjekts (Riceur: Ich-Selbst als Andere), «Tod des Subjekts» (Fucault), «Tod des Autors» (Bartes). Diese epochale Situation ist nämlich außerordentlich symptomatisch für den Künstlerroman, weil sie eine paradoxe, absurde Zulassung beinhal-

tet. Das Selbstbewußtsein ist ohne Subjekt unmöglich. Zersplitterung, Zerstörung sowie Zerfall des Subjekts werden zur Fabel des spätmodernen und postmodernen Romanes. Es ist an Beispielen der Romane von Ingeborg Bachmans (die Trilogie «Todesarten»), Thomas Bernhards («Der Untergeher», «Holzfällen», «Die Ursache. Eine Andeutung», «Alte Meister» u. a.), Günter Grass («Hundesjahre», «Beim Häutem der Zwiebel», «Die Box»), Elfriede Jelineks («Die Klavierspielerin»), Reinhard Jirgls («Hundesnächte») offensichtlich. Trotz der Unterschiede im nationalen und politischen Weltbild werden diese Autoren durch Poetik der Groteske, stilistischen Spiel, Problematik des Gedächtnisses sowie Selbsterkenntnis des Subjektes vereinigt.

Die postmoderne Modifikation der Gattung wird im Werken von Süskind, Schneider, Jelinek, Jirgl verwirklicht. Die Methoden einer weichen, aber zugleich totalen Einwirkung «der repressiven Gesellschaft» (G. Marcuse) in Form einer Konsumgesellschaft werden im Jelineks Roman «Die Klavierspielerin» dargestellt und sarkastisch prepariert. Im Roman handelt es sich um die gescheiterte Karriere einer Musikantin, die pathologische Geschichte einer Klavierlehrerin. Die Autorin erzählt über die Destruktion der Persönlichkeit, und die Kunst wird als Sphäre der Krankheit erläutert. In Theaterstücken von Jelinek, die der Kunst gewidmet sind, wird das romantische Problem des Wahnsinns und des Schaffens untersucht, sowie es werden die Genderbesonderheiten der Karriere des Künstler, das weibliche Schaffen als sozial und psychologisch unterdrückt von den Künstler-Männern (das Stück «Klara S.») geöffnet. Die Poetik des Roman von Reinhard Jirgl «Die Hundsnächte», ich glaube, muss man als komplizierte ästhetische und literarische Erscheinung interpretieren, in der die strenge Grenze zwischen spätmoderne und postmoderne Tendenzen verschwindet. Auf einer Seite problematisiert Jirgl das Einigkeit des künstlerischen Subjekt — als existierenden, erinnernden und schreibenden. Auf anderer Seite stellt der Autor die Zersplitterung des Ich im tragischen Modus dar und auf der postmoderne totale Ironie verzichtet.

Zu einem gewissen Vorteil postmodernen Periode in der Entwicklung des Künstlerromans wird die Tatsache, dass «der Tod des Subjekts» es ermöglicht, selbstreflektierendes, narzisstisches, gleichzeitig selbstschaffendes und selbstzerstörendes (in Bezug auf die Persönlichkeit) Wesen der Kunst im vollen Ausmaß darzustellen. Die Selbstreferenzialität eines Kunstwerks wird im Künstlerroman an der Wende vom 20. zum 21. Jahrhundert zum Gegenstand der Untersuchung sowie zum ästhetischen Spiel in Formen des Gattungsselbstparodierens, der retrospektiven Stilisierung und der Dekonstruktion.

Zu beachten ist auch, dass in der frühen Moderne und in der späten Periode der Moderne bzw. das sentimentalische Poetik des Ichs und das «negative» Ich-Poetik sich befinden. Aus diesem point of view kann mann das Werk von K.Ph. Moritz und Th. Bernhard vergleichen. Diese Autoren werden die zwei Pole der Modernen dargestellt — ihren Ursprung in der späten Aufklärung und ihren Untergang in der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts. Ich meine, bei vergleichender Interpretation zwei dieser Schriftsteller kann man magistralische Linien eines modernen fiktionalen und autofiktionalen romanhaften Ich entdecken.

Ein Überblick über einige Aspekte dieser vergleichenden Interpretation ermöglicht uns grundsätzliche poetische und kulturell-philosophische Merkmale des Künstlerromans — aus Paradigma des Bildungsromans und psychologisch-biographischen Romans — zu verstehen.

Erstens, beide Autoren thematisieren die Ich-Suche und der «Existenzmangel» [3, 5–10]; zweitens, repräsentieren sie die Erziehung und Begabungsselbstreflexierung des Protagonisten; drittens, stellen sie die Leiden des sogenannten hegelschen «unglücklichen Bewusstseins» dar. Beide Schriftsteller untersuchen der Begriff des Alleinseins, das Eingeschlossenseins in sich selbst. Der Moritz's Held Anton Reiser und die Figuren von Bernhard's Werken, die ich als *existenzielle Künstlerromane* bezeichne («Frost», «Das Kalkwerk», «Korrektur», «Der Untergeher», «Holzfällen», «Alte Meister»), beschäftigen sich mit dem ständigen narzistischen Selbstbeobachtung, als ob das Ich das liblings sowie gehässte Buch ist. Bei Moritz und Bernhard problematisiert ist auch die Sprache selbst als das Komunikations- und Existenzmittel. K.Ph. Moritz entwickelte die epochentypische «psychologische Fallgeschichte» zum neuzeitliche Roman als Synthese des Bildungs-, Erziehungsroman und Geschichte des scheiterten Künstler. Diese Synthese ist grundsätzliche genrehafte Merkmale der moderne und postmoderne Künstlerroman.

Also Typologie des Künstlerroman erhält sich die ästhetische, intermediale, poetologische und die poetische Aspekte (fabelhafte, erzählstrukturelle, stilistische u. a.), die seine genrehafte und individuelle Spezifik erkennen lassen.

Referenz:

1. Berghahn C.-F. Das Wagnis der Autonomie. Studien zu Karl Philipp Moritz, Wilhelm von Gumboldt, Heinrich Gentz, Friedrich Gilly und Ludwig Tick. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2012.
2. Braun M. Die deutsche Gegenwartsliteratur. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2010.
3. Dobstadt M. Existenzmangel und schwankendes Ich. Georg Christoph Lichtenberg und Karl Philipp Moritz im Kontext einer Krisengeschichte neuzeitlicher Subjektivität. – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2009.
4. Feulner G. Mythos Künstler. Konstruktionen und Destruktionen in der deutschsprachigen Prosa des 20. Jahrhunderts. – Berlin: Erich Schmidt, 2010.
5. Koopmann H. Klassisch-moderne Roman in Deutschland: Thomas Mann, Alfred Döblin, Hermann Broch. – Stuttgart, Berlin, Köln, Mainz: W. Kohlhammer, 1983.
6. Marcuse H. Der deutsche Künstlerroman//Marcuse H. Schriften. Bd. 1. Der deutsche Künstlerroman. Frühe Aufsätze. – Springe: zu Klampen, 2004. S. 7–546.
7. Meuthen E. Eins und doppelt oder vom Anderssein des Selbst. Struktur und Tradition des deutschen Künstlerroman. – Tübingen: De Gruyter, 2001.
8. Vietta S. Die literarische Moderne: Eine problemgeschichtliche Darstellung der deutschsprachigen Literatur von Hölderlin bis Thomas Bernhard. – Stuttgart: Metzler Verlag, 1992.

Kusanova Ugiloy Madiyar qizi,
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami,
3rd year student, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: ugikusanova@gmail.com

Peculiarities of control and assessment the level of proficiency in foreign (English) oral and written language

Abstract: The article describes the peculiarities of continuous assessment evaluating knowledge and the level of language skills. The article deals with the new approaches to assessing level of language skills during group and pair work.

Keywords: control and assessment, monitoring, spontaneous speech, organization of control, group work, role play, written language, self-evaluation

Кусанова Угилой Мадияр қизи,
Ташкентский Государственный Педагогический Университет
им. Низами, студентка 3 курса, факультет иностранных языков
E-mail: ugikusanova@gmail.com

Особенности контроля и оценки уровня владения иностранной (английской) устной и письменной речью

Аннотация: В статье рассматриваются особенности контроля и оценки знаний и уровня владения языковыми навыками во время текущего контроля. Здесь отражены новые подходы к оценке владения видами речевой деятельности в процессе групповой и парной работы.

Ключевые слова: контроль и оценка, текущий контроль, спонтанная речь, организация контроля, групповая работа, ролевая игра, письменная речь, самооценка.

Разработка новых стандартов и программ обучения иностранным языкам на всех уровнях, внедрение новых подходов в обучении — первоочередные задачи сегодняшнего дня. Они должны включать последние исследования в лингвистике, методике обучения, а так же множества смежных наук, которые формируют уровень знаний современного ученика, студента.

Немаловажной частью в процессе обучения является контроль и оценка знаний и уровня владения языковыми навыками. Основное внимание в обуче-

нии иностранным языкам уделяется изучению таких аспектов языка, как фонетика, грамматика, лексика, но еще более важным является развитие навыков четырех видов речевой деятельности: говорения, аудирования, чтения и письма. Поэтому кроме внедрения современных методик и технологий обучения, должны быть введены и новые стандарты контроля приобретенных знаний и навыков.

Есть такие языковые навыки (например, говорение), которые трудно бывает проверить в полной мере при помощи стандартных тестов и заданий. Говорение является к такому виду речевой деятельности, при помощи которого, совместно с аудированием можно осуществить устное общение [1, 223].

То, как будет вести себя студент, изучающий иностранный язык в ситуации, близкой к реальной, отличающейся от формального экзамена помогает провести текущий контроль [2, 127]. Лучше всего эти навыки раскроют устные коммуникативные задания, когда создаётся необходимость достижения определенных целей, используя изучаемый язык.

Чаще всего на стандартных экзаменах, которые проводятся по окончанию цикла занятий, или учебного года, у студентов спрашивается тот материал, с которым он уже знаком, он отвечает на вопросы экзаменаторов, при этом отсутствует спонтанная речь, в наличии контроль со стороны, такая ситуация очень неестественна, даже искусственна. Самое же важное в овладении языком — умение говорить на нем спонтанно, в соответствии с создавшейся ситуацией.

Важно дать студентам возможность говорить, для чего необходимо продумать задания, подходящие для этой цели. К таким заданиям можно отнести следующее: студентам дается только часть информации, которой они должны обменяться друг с другом, при этом можно организовать работу в паре или групповую работу. В этой ситуации студенты задают друг другу вопросы, чтобы добыть отсутствующую часть информации. Источником информации может стать незаконченный текст, диаграмма и т. д. Выполняя данное задание, студенты будут внимательно слушать, о чем говорит их собеседник, а так же рассказывать ему свою часть информации.

Ролевая игра так же является хорошим способом проверки уровня владения спонтанной речью на этапе текущего контроля. Студентам задается определенная ситуация, её необходимые детали, которые им следует разыграть. Важно заранее точно пояснить, кого и как необходимо изобразить, что необходимо делать, но должна оставаться возможность говорить спонтанно, реагировать на неожиданные ситуации [3, 462].

Во время выполнения этих заданий преподаватель должен наблюдать за процессом, обходя аудиторию, и записывать замечания о каждом из студентов, при этом не демонстрировать открыто то, что он наблюдает и оценивает их. Если группа большая, то можно наблюдать не за всеми студентами одновременно, а за несколькими, остальных можно проверить на следующих занятиях. Важно систематически записывать работу студентов, их прогресс.

В научной литературе, отражающей взгляды методистов на обучение, разграничивают понятия письмо и письменная речь, где в первом случае подразумевается написание слов из букв и письменных сообщений из слов. Во втором случае, который нас интересует, под письменной речью имеется в виду вид речевой деятельности, порождающий речь в графическом исполнении [4, 239]. Прогресс в навыках письменной речи так же следует проверять регулярно. При проверке навыков письменной речи, при написании письменного экзамена часто нет возможности перепроверить и исправить написанное, но требуется идеально правильное написания хорошего сочинения без единой ошибки.

Письменная речь, так же как и устная требует постоянного наблюдения в условиях работы в аудитории. Чаще всего все письменные экзамены включают задания по написанию сочинений, писем, докладов и т. д. и имеют ограничение во времени, в которое необходимо уложиться. Текущий контроль письменных навыков намного лучше отражает реальную картину в их овладении и здесь так же можно применять групповую работу.

Если говорить об организации такого контроля, то в этом случае каждый член группы пишет абзац или определенную часть сочинения, после чего, объединив все части, вместе работают над всем сочинением. Работая таким образом, они видят и исправляют ошибки в каждой из частей, обсуждают все сочинение, а результаты такой работы наилучшим образом показывают их реальный прогресс в развитии письменных навыков.

Кроме перечисленных выше способов проведения текущего контроля можно так же применить опрос студентов, при этом как уже говорилось выше, не обязательно опрашивать всех на одном занятии, а выбрать три-четыре студента для этой цели.

Опрос помогает выявить сильные и слабые стороны студентов, оценить подготовку студентов, про-

верить их знания. Западные методисты считают, что при проведении опроса студентов, и вообще на этапе текущего контроля не следует показывать, что преподаватель выставляет какие-то оценки или делает записи, чтобы студент не чувствовал себя скованно и мог показать все, на что он способен. Методисты так же советуют задавать вопросы доброжелательным тоном, а так же следует варьировать сложность задаваемых вопросов в зависимости от уровня отвечающего.

Вопросы должны быть разного типа, альтернативные вопросы, вопросы, раскрывающие детали, вопросы на осмысление текста или информации, вопросы, определяющие мнение по проблеме и т. д.

Лучше всего отражает реальную картину развития проверяемых во время текущего контроля знаний, умений и навыков у студентов сочетание всех видов контроля — оценки за курсовые работы, проекты, групповые работы, выполнение домашних заданий, опросы и тестирование. Вся работа может найти свое отражение в создаваемых студентами портфолио, в которых собираются и накопляются все задания, которые необходимо было выполнить в определенный период времени.

Самооценка так же необходима, так как когда студенты проводят самооценку, можно провести сравнение преподавательской оценки и самого студента. Лучше всего проводить самооценку раз в неделю по одному виду речевой деятельности или аспекту языка, при этом заранее раздать вопросник, продуманный преподавателем заранее. В вопроснике также может стоять графа для преподавателя, который оставит свой комментарий.

В наших университетах результаты текущего контроля объединяются с результатами итогового контроля. Правильно организованный текущий контроль и справедливая оценка текущей работы студентов поможет им чувствовать себя уверенными на итоговом контроле в конце семестра или учебного года.

Список литературы:

1. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
2. Heaton J. B. Classroom testing. – London: Longman, 1997. – 127 p.
3. Harmer J. The practice of English language Teaching. – London: Longman, 1991. – 462 p.
4. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. – М.: Просвещение. – 2002. – 239 с.

Kutuza Natalya Valerijvna, Odessa I. I. Mechnicov National University,
candidate of philological sciences, associate professor, the Faculty of Philology
E-mail: kutuza@i.ua

Advertisement discourse`s suggestive formula

Abstract: In the article the phenomenon of influence, specific of emotions, is considered both basis of influence, the row of formulas of influence of advertisement is described in general and suggestive charts/of formula of every genre of advertisement in particular. The generalized formulas of influence of positive/negative orientation of advertisement discourse offer.

Keywords: emotions, advertisement discourse, suggesting, formula of influence.

Кутуза Наталья Валерьевна, Одесский национальный университет
имени И. И. Мечникова, кандидат филологических наук, доцент, филологический факультет
E-mail: kutuza@i.ua

Суггестивная формула рекламного дискурса

Аннотация: В статье рассматривается феномен воздействия, специфика эмоций как субстрат влияния, описан ряд формул рекламного воздействия и суггестивные схемы/формулы каждого жанра рекламы. Предложены обобщённые формулы воздействия разновекторной (позитивной/негативной) направленности рекламного дискурса.

Ключевые слова: эмоции, рекламный дискурс, суггестия, формула воздействия.

Проблемой воздействия в разных жанрах рекламы интересуются многие учёные: И. А. Авдеенко, М. Р. Желтухина, Е. С. Попова, И. Ю. Черепанова, Т. Ю. Ковалевская, Л. Ф. Компанцева,

Н. В. Слухай и др. В рамках гуманитарного направления учёные предлагают схемы/формулы воздействия каждого вида рекламы с целью повышения суггестивного потенциала — коммерческой (А. С. Кармин), социальной (Ю. С. Бернадская, Л. М. Дмитриева, Т. А. Костылёва, С. С. Марочкина, Н. В. Ткаченко). В наших работах также была предложена формула лингвального воздействия слоганов социальной рекламы, которая в зависимости от вектора эмоциональной направленности (негативации/позитивации) содержала соответствующие языковые маркеры. Но обобщённой формулы воздействия коммерческого, политического и социального рекламного дискурса, учитывая его эмоциональную направленность, фактически нет, что и подчёркивает актуальность предлагаемой работы.

Объектом нашего исследования является воздействие рекламы, предметом — лингвистические маркеры рекламы как факторы суггестивности.

Цель статьи — предложить обобщённые формулы воздействия эмоциональной маркированности коммерческой, политической и социальной рекламы, которые реализуются на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях. Это, в свою очередь, предполагает решение ряда задач: описать характерные признаки влияния, рассмотреть существующие модели эффективного рекламного воздействия, выделить характерные показатели эмоциональной маркированности рекламного сообщения, синтезировать актуальные элементы рекламного воздействия коммерческой, политической и социальной рекламы, которые выявляются на уровне эмотивной лексики и контекстуально, в обобщённую формульную структуру.

В процессе достижения цели в работе применён ряд исследовательских методов. Благодаря описательному методу описаны особенности рекламы с отрицательной и положительной нагруженностью, поэтапное действие рекламных формул на реципиента. Компонентный и дистрибутивный анализы дали возможность соответственно выявить эмотивные компоненты лексем и их актуализацию в контексте. С помощью методов анализа и синтеза выявлены составляющие анализируемого явления и соединены в единое целое, метод моделирования дал возможность конструирования формулы лингвального воздействия рекламы в зависимости от её векторной направленности.

Современная реклама предлагает готовые решения определённых проблем, внедряет автоматическое стандартное поведение (в основном при покупке товаров, в процессе голосования, пропаганды ценностей), навязывает определённый стиль жизни (предлагая конкретные услуги/товары) и даже речевые шаблоны при общении (языковые штампы и клише в виде слоганов и отдельных выражений прочно «внедрились» в лексикон потребителей). Потому можно утверждать, что человек почти «живёт» в современном рекламном дискурсе, который функционирует в разных СМИ. Реклама коррегирует отношение людей к предметам/идеям/политикам, меняя его таким образом, чтобы мотивировать приобретение товара/услуги, голосования и т. д., сделать эту мотивацию актуализированной потребностью, которая основывается в большинстве случаев на иррациональных, неосознанных мотивах.

Рекламу определяют как «целенаправленную коммуникацию, целенаправленное стремление на влияние на продажу/покупку» [1, 9], что подчёркивает её суггестивную функцию. Собственно рекламное воздействие трактуют по-разному. Например, «Словарь рекламных терминов» предлагает такое определение: 1) изменение в сознании и поведении реципиентов вследствие проведения определённой рекламной акции; изменение в сознании адресата не сводится к обычной реакции купить определённый товар; 2) изменение в мышлении, в системе представлений, взглядов, помыслов и желаний не только отдельного адресата, а и всей микрогруппы; зависит от многочисленных факторов, которые взаимосвязаны и действуют одновременно или отдельно на адресата [2, 149–150], что реализовано во многих рекламных формулах и моделях, которые определяют воздействие на потребителя в целом: ACCA, DIBABA, DAGMAR, STASM, SABONE, VIPS, модели А. Амшуца, Роджерса, циркуляционных связей — модель потребительского спроса (Ф. Никозия), модель Хауерда и Шета и др. Но самой эффективной считаем AIDMA (модификация формулы AIDA), которая репрезентирует классическую схему поэтапного действия рекламного дискурса на психику человека (за первыми литерами), где I этап — привлечение внимания (attention); II этап — проявление интереса (interest) к содержанию информации; III этап — возникновение желания (desire) обладать предлагаемым; IV этап — мотив (motive) или память (memory), V — побуждение к действию (action), т. е. совершения покупки [4]. Итак, сначала реклама должна привлечь непроизвольное внимание потенциального потребителя, создавая доминанту восприятия. Далее она должна вызвать

интерес, воздействуя на интеллект и эмоции потребителя, учитывая при этом стереотипы, связанные с ментальными характеристиками.

Ученые отмечают, что вышеуказанные модели покупательского поведения основываются на теории «стимул — реакция» (S — R) или бихевиористской теории Дж. Уотсона, но требуют некоторых уточнений. Например, Е. Толмен ввёл в схему существенную поправку, поместив среднее звено — промежуточные переменные, и схема приобрела такой вид S — V — R. Под промежуточными переменными (V) понимались внутренние процессы (мотивы), которые влияли на внешнее поведение человека. Хотя эти переменные фактически являются элементами сознательного и несознательного, бихевиористы делали выводы о них только по окончательному поведению человека [см. 6, 108]. А. Дейян утверждал, что эти модели называют «иерархией обучения», которые принимают во внимание три стадии: стадию информации, или когнитивную; стадию отношения, или аффективную; стадию поведения, или конативную, которые потенциальный потребитель последовательно «проходит» перед тем, как сделать покупку. Реклама, которая содержит эти составляющие, называется суггестивной, или воздействующей [1, 16]. Таким образом, когнитивный (познавательный) компонент описывает то, как реклама воспринимается, насколько прочно запоминается её содержание; аффективный (эмоциональный) компонент выявляет отношение реципиента к рекламе, т. е. те чувства и эмоции, которые возникают при восприятии рекламированого продукта/фирмы. Конативный (поведенческий) компонент определяет действия человека под воздействием рекламы.

Мы считаем, что эмоциональный уровень является самым важным, потому что эмоции управляются в основном неосознанными процессами, направлены на недоминантное восприятие, а таким образом, характеризуются иррациональностью, которая и является субстратом суггестии. Суггестию же определяют как «способ коммуникативного воздействия, рассчитанного на некритическое восприятие информации» [8, 198], и «вызывающий не только желаемый отклик, но и заданные формы поведения» [там же]. Л. И. Рюмшина акцентирует внимание на том, что, конструируя определённые рекламные дискурсы с превалированием эмоций, обязательно нужно руководствоваться такими сведениями про их специфику: «Люди обращают внимание на то, что им нравится или пугает, страхи тесно связаны с инстинктами; интерес к информации повышается с ростом риска; положительные эмоции стимулируют, отрицательные ведут к избеганию объекта, их вызывающего, ожидание опасности при этом усиливает поиск соответствующей информации» [7, 65]. Активацию эмоций разного характера в разножанровых рекламных дискурсах объясняют их коммуникативной важностью, потому как реципиент не в состоянии обработать большой объём информации, с которым постоянно сталкивается: «Чем сильнее информационные перегрузки, тем больше человеческий мозг ориентированный на эмоциональную экспертизу информации, которая освобождает сознание от аналитических операций… Выбор можно сделать бессознательно, основываясь исключительно на эмоциональных предпочтениях, без участия умственной деятельности» [9, 40].

Вышеуказанные формулы описывают действие рекламы в общем, но существуют формулы, схемы, применяемые конкретно к каждому виду рекламы, которые повышают воздействие рекламного сообщения. В частности, сценарий «проблема — решение», представленный на примере коммерческой рекламы исследователем А. С. Карминым, соединяет позитивную и негативную стимуляции. В таком сообщении не подаётся собственно потребность потенциального потребителя, которую должен удовлетворить рекламируемый товар, а содержится только «намёк» на неё, т. е. на этом этапе формулируется проблема, которая может поставить под угрозу благополучие, здоровье, успех и т. д. [3, 159]. Так образуется негативный стимул, под влиянием которого у покупателя формируется потребность в решении проблемы. Обозначив проблему (которая в основном является искусственно созданной), реклама далее мгновенно предлагает средство для её решения: купить товар, образовывая тем самым позитивный стимул, который подталкивает покупателя к приобретению рекламируемого товара. В большинстве случаев такая схема применяется в рекламе лекарств, предметов гигиены, моющих средств и др. Схематически сценарий представляют так: *проблема — способ решения проблемы (рекламируемый товар) — описывание эффекта — внушение потребителю уверенности* в том, что рекомендованное средство решения проблемы действует эффективно [3, 159–160].

Таким образом, искусственно созданная проблема решается только с помощью рекламируемого товара, а реципиенту внедряется в сознание и подсознание идея про существование этой проблемы и возможность её наиболее оптимального решения.

Для повышения воздействия социальной рекламы на целевую аудиторию учёные предлагают схему: *неудовлетворение — решение проблемы — идеальный результат,* отмечая, что «рекламное обращение, выполненное в таком ключе, сначала должно напомнить о проблеме, гиперболизировать её, продемонстрировав отрицательные эмоции. Следующий акцент ставится на положительных эмоциях, связанных с выходом из проблемной ситуации, или на очевидный "идеальный" результат» [8, 88].

Можем утверждать, что вышеуказанные модели почти одинаковы и представляют только один «сценарный» тип рекламних текстов. Основываясь на массиве рекламных дискурсов, которые функционируют в массовоинформационном пространстве, и опираясь на существующие рекламные формулы влияния, а также учитывая результаты проведённых экспериментальных исследований, где стимулами стали слоганы коммерческой, политической и социальной рекламы [5], предлагаем обобщённые формулы воздействия, которые максимально будут выражать суггестивный потенциал сообщений коммерческой, политической и социальной рекламы, учитывая векторное направление воздействия, что существенно расширит спектр суггестивных эффектов: 1) **интенсификация позитива (позитивация):** $P \rightarrow P^2 \rightarrow P^3$; 2) **интенсификация негатива (негативация)**: $Nv \rightarrow Nv^2 \rightarrow Nv^3$; 3) **изменение вектора эмоциональной направленности (или полюса оценки)**: $Nv^2 \rightarrow N \rightarrow P$, где P — позитивация, Nv — негативация, N — нейтрализация.

1). **Интенсификация позитива (позитивация): $P \rightarrow P^2 \rightarrow P^3$.** В аспекте позитивного направления воздействия рекламного дискурса во всех видах рекламы (коммерческой, политической, социальной) используются лексемы с положительной семантикой или же они приобретают позитивность в контексте. Нагромождая дискурс позитивной эмотивной лексикой, можно усиливать положительный вектор воздействия, например, в коммерческой рекламе: *Сенсационное изобретение. Estée Lauder представляет. Новинка. TurboLash. Тушь с уникальной турбощёточкой. Решает все задачи одновременно. Придаёт ресницам сказочный объём, невероятную длину, пленительный изгиб и разделяющий эффект. Инновация мирового масштаба.* Использованные в коммерческой рекламе положительные лексемы *сказочный, невероятный* и т. д. подчёркивают высокое качество продукции, результат от использования именно этим продуктом. В политической рекламе указанная формула может создавать позитивный имидж кандидата/партии, в социальной — пропагандировать моральное поведение, патриотические чувства к городу, стране и т. д.

2). **Интенсификация негатива (негативация): $Nv \rightarrow Nv^2 \rightarrow Nv^3$.** В рекламном дискурсе с негативным вектором направления восприятия используется соответственно отрицательная эмотивная лексика, которая «нагромождается» в таких контекстах, и каждое следующее предложение/утверждение усиливает негативность предыдущего. Такая формула в основном используется в политической рекламе для негативизации имиджа политического конкурента, а также в социальной рекламе, которая кроме пропагандирования моральных поступков, должна демонстрировать и следствия девиантного поведения с целью формирования соответственного эмоционального отношения к таким случаям как сильной составляющей суггестивного воздействия, например: *Всё равно?! Курение вызывает рак лёгких, курение повышает риск смерти от инфаркта, курение приводит к импотенции, курение ведёт к астматическим болезням, курение — частая причина пожаров, курение — смерть.* Лингвистические показатели негативности *рак, инфаркт, смерть, болезнь* образуют негативное отношение, вызывают отрицательную реакцию реципиента.

Таким образом, интенсификация позитива или негатива происходит поэтапно, где следующее предложение/утверждение с соответственно маркированными лексемами усиливает предыдущее, максимализируя воздействующие эффекты таких контекстов.

3). **Изменение вектора эмоциональной направленности (или полюса оценки): $Nv^2 \rightarrow N \rightarrow P$** — целью такой формулы является изменить негативный контекст на позитивный. Тут сначала подаётся негативная информация (звено Nv^2), которая должна активизировать негативные эмоции (иногда — целый спектр этих эмоций) для привлечения внимания и создания более сильного напряжения. Далее звено N (нейтрализация) — ослабление напряжения, но иногда это звено может быть и исключено. Звено P (позитив) — положительные предложения, советы, рекомендации, вызывающие позитивные эмоции с помощью демонстрации морального поведения, или же показывают/призывают к определённым действиям, которые приведут к положительному эффекту, например: *Останавливаются предприятия, растет безработица, заморожены зарплаты, обнищание, развал экономики — это сегодняшние реалии. Только политика «открытых дверей» привлечет*

инвестиции в промышленность и сельское хозяйство. Это даст Украине сотни тысяч новых рабочих мест с высокой заработной платой. Успешный бизнес, работающие предприятия, стабильная гривна, высокая зарплата — залог экономического процветания в Единой стране. Михаил Добкин. Единая страна. В этой политической рекламе первая часть характеризуется напряженим, вторая — содержит позитивную иформацию. По мнению И. Ю. Черепановой, сообщения более действенные, если они не только стремятся убедить людей в безопасности и вероятности нежелательных последствий, но и предлагают эффективную стратегию защиты, построенную на позитиве [см. 10, 442]. Таким образом, употреблённая в рекламных дискурсах эмотивная лексика образует семантические комплексы с характерной положительной/отрицательной оценочностью, которая является вербальным управлением поведением людей.

Итак, применяя отрицательные/положительные эмоции, которые актуализируются в семантике лексем или контекстуально, можно спозитивировать/снегативировать вектор направления воздействия рекламного дискурса, вызывающий определённое эмоциональное состояние реципиента, соответствующий фон, который способствует реакциям на рекламное сообщение, и как следствие — приобретение товара, голосование на выборах, подражание моральному поведению и т. д. Перспективы совершенствования различных жанровых сообщений рекламы видим в дальнейших исследованиях её суггестивной реализации не только на лексико-семантическом и синтаксическом, но и на других языковых уровнях.

Список литературы:

1. Дейян А. Реклама. – М.: Сирин, 2002.
2. Іванченко Р. Г. Реклама: словник термінів. – К.: Патент, 1998.
3. Кармин А. С. Психология рекламы. – СПб.: ДНК, 2004.
4. Кеворков В. В., С. В. Леонтьев. Реклама и паблик рилейшнз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cfin.ru/marketing/kevorkov-11.shtml
5. Кутуза Н. В., Ковалевська Т. Ю. Короткий асоціативний словник рекламних слоганів. – Одеса: Астропринт, 2011.
6. Песоцкий Е. А. Реклама и психология потребителя. – Ростов н/Д: Феникс, 2004.
7. Рюмшина Л. И. Манипулятивные приёмы в рекламе. – М.: МарТ; Ростов н/Д: МарТ, 2004.
8. Социальная реклама/Л. М. Дмитриева, Ю. С. Бернадская, Т. А. Костылева, С. С. Марочкина, Н. В. Ткаченко. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
9. Ценёв В. В. Психология рекламы. Реклама, НЛП и 25 кадр. – СПб.: Речь, 2007.
10. Черепанова И. Стрела времени. Направленная энергия мира. – М.: Профит Стайл, 2009.

Stolyarova Nadezhda Nikolaevna, Altai State Technical University after I. I. Polzunov, assistant professor, Humanities Department
Email: nadezhda_stolyar@mail.ru

Khalina Nataliya Vasilevna, Altai State University, professor, the Faculty of Mass Communications, Philology and Politic Sciences

The formation of language vitality of russian and american society in the xviii century

Abstract: In the article the formation of language vitality of Russian and American society is described. Any viable system is recognized, if it meets the needs of the organization to survive in a changing environment.

Key words: vitality, artificial system, alive organism, existence.

The concept of vitality of the system gets its development in linguistics and especially in disciplines studying ecocentric model of consciousness. Ecocentric model of consciousness, according to S. V. Ionova is based on the recognition of the human as one of the centers full of nature [1].

A. Line also determines the vitality of the system rules, which include regulatory aphorisms, organization principles, axioms, and the law of the unity of recursion and the theorem of recursiveness [2]. Rules provide the necessary conditions for the

existence of diversity and, thus, matching resources requirements.

In general, the vitality of the property is understood as a living organism, an artificial system or ideas to preserve themselves and rebuild their capabilities in different environments. The discussion of a viable system model is interesting. It is understood as a model of the organizational structure of any viable or autonomous system. Any viable system is recognized, if it meets the needs of the organization to survive in a changing environment.

Vitality of a linguistic community and social order constructed by this community are manifested in the production of cultural texts representing axiological norms and patterns of linguistic reform of public relations.

Reform activities in Russia in XVIII. had to change the attitude to the Logos fundamentally as an element of the sacred, existence, giving it the status of a mandatory component of linguistic performance of everyday reality, and thus form a linguistic consciousness-oriented communication, communicative partner i. e. the other one. Communicative partner acts as the text, the meaning of a text is a presentation of the content of the communicative partner program.

Ordinary language is understood in this case as a performance, presentation of language in the tissue of specific language practice. Communicative speech practice is connected with the need to follow the grammatical organization of language, so great attention is given to the creation of grammars, designed to support communication activities of representative of Russian statehood. Communicative practice also creates within a limited space by rules an infinite number of deployment options, variety «semantic frames» that contradicts the rules of human existence in the ancient text space Orthodox culture (Slav Storyspact). In this case, as indicated by the developer of transcendental grammar K. O. Apel -language is recognized as transcendental value and the virtual status of a language is interpreted as a conditional possibility of dialogic understanding and self-understanding. [3]

Word is interpreted as the image and likeness of a man. Sound envelope («body») consists of four elements: water, air, ground, fire, which are connected to the hub concept of vital force, determine the different modalities of speech and different types of discourses. The word can be read and discussed in different codes: at the level of physiology the word is like a seed, at the «technological» level it is compared with weaving, blacksmithing, cooking. In accordance with the concept of world order of Dogons a small detail of the world contains the «word of the world» and therefore it can be deciphered. Russian Word Transcription will be made in the XIX century by V. V. Dalem while creating a mental thesaurus of communicative community «Russian people.»

Reform efforts in the XVIII century of Old World settlers in America, conducted with the creation of a text «Constitution of the United States», represented a «new fence» of the ancient words of the Law. Moreover, interpreters were in the status of a communicative partner in relation to the Biblical narrative.

In «The Constitution of the United States» attention is focused on the status of the locus for which Article II includes such semantic-cognitive constants: the executive Power, Each State, the Legislature, a Number of Electors, the State, the Electors, the Congress, No Person, the President Power, Misdemeanors.

Dedicated constants represent, in some sense, a description of reality (not the description of the Promised Land as a project, but as a real artifact created social, community), reflecting the relationship between sensations and images, between impressions and ideas which are, in turn, part of the «process of adaptation to the facts « [4], and that's what carried the device, according to R. B. Russell, appears as a medium of facts. All that there is in the universe, the famous British philosopher called facts, therefore, Wednesday facts (in this case the United States) — Wednesday is all that there is in the universe. Scale description of such an environment — Constitution is defined as «true» value proposition. The truth is a certain relationship between faith and one or more facts, other than faith itself « [4, 139].

Truth in The Constitution of the United States is correlated with the process of reconstruction of the collision visible and conceivable world based on establishing the disputed fact and indisputable. Correlation of the last two is primarily involving rhetorical enthymeme, epihiremy, apodeyksis. In accordance with the teachings of rhetoric Quintilian, epihirema is a complete syllogism with two premises and conclusion, enthymeme is short syllogism, and output apodeysksis is a short syllogism with one conclusion [5]. The basis of reasoning in Article II, and syntax rules that form along with meanings its constituent words meaning of the sentence, it should be recognized as apodeyksis

Linguistic facts Sect.3 (Article II) create cognitive images that schematically define partial truths, fixing the relation of man to the world, to isolate the argument goals of society as a communicative system and formulating idea of what is truth. The constructed cognitive map of the representative of the States does not

encourage it in the space state (the state), and the style of his thinking and behavior, the semiotics of his life and representation of «inner speech» in the communicative community (United States). Dedicated language quanta make true faith, and therefore in accordance with the concept R. B. Russell, can be called «verifiers» faith.

Verifiers of faith are identical to Leybnits' monads, which are expressed in the world that we exist as a series of inherent predicates. If the deployment of Russian semantic truth is provided with Logos and variability of «inner speech» (multiplicity of semantic frameworks, programmed by Cyrillic graphics and specially designed for fixing of mental activity, plasticity of Eastern Christians (Slavs), then the deployment of semantic, or existence of American truth is only possible when available series of predicates repeat in different sign systems and ethnic axiology. Series of predicates are presented in Article I.

It is created a special serial of model finding «I» by the individual reflexivity (focus on the experience to himself) in the social process, based on the production of the sign of the organization [6].

Coherent discourse XVIII century. is an abstract depiction of reality, in which the signs keep clean quantities among which sign of reflexivity should be recognized as dominant, which opens the access to semantic oppositions and the system of semantic-cognitive arguments.

Common to philosophical and linguistic views of the XVIII century. the need for greater awareness of access live speech within the scope of state-legal relations should be recognized, due to semiotization reality [7] inherent in the historical perception and transforms simple events in historical events, making them subject to review. State-legal relations take on the form of the communication process, mediating the relationship knowing the individual consciousness and reality. Stable correlation between language (text generation mechanism) and the consciousness of the addressee (vector deployment of mechanism events) is established through the speech, which.

References:

1. Ionov S.V. Approximation content of secondary texts. Volgograd, 2006.
2. Lane A. Brain of the Firm. London, Herder and Herder, 1972.
3. Apel K. O. Linguistic meaning and intentionality. The ratio of the a priori language and consciousness in the light of the a priori transcendental semiotics or linguistic pragmatics//Language, Truth, existence/Comp. VA Surovtsev. Tomsk, 2002. P.204–224.
4. Russell B. Human knowledge: its scope and boundaries. M. 2000.
5. Fabius Quintilian Mark. Twelve books rhetorical instruction. St. — Petersburg, 1834
6. Mead G. H. Mind, Self and Society. Chicago, 1963.
7. Assumption BA Sketches of Russian history. St. Petersburg, 2002.
8. Golovin B.V. Fundamentals of speech culture. M., 1980.

Yusukhno Svitlana Ivanivna, Korets Tetiana Vasylivna,
Chernihiv National University of Technology,
lecturers, the Faculty of Foreign Languages
E-mail: expectation2009@yandex.ru

The importance of terminological competence developing for business English learners

Abstract: The aim of the present paper is to deal with the main issues to the learning terminological collocations in business English. The main emphasis is laid on the importance of collocations for learners of English as a foreign language as well as the actuality importance of their use in the cross cultural business communication. The examples of some frequently used business collocation patterns are provided.

Keywords: communicative competence, collocation, intercultural communication skills, business environment.

In the modern business world of globalization, special attention is paid to the development of the intercultural communication skills. Intercultural communication takes place in the environment of major cultural differences in communicative competence of its participants. These differences have significant influence on the communication success. Communicative competence refers to a language user's knowledge of

grammar, morphology, syntax, phonology and social knowledge about how and when to use it appropriately according to the principles of communicative interaction.

These days, forming communicative competence is essential not only for the participants of international conferences, symposia or meetings, but also for every professional in any field of science and technology, and especially businesses. English, being an intermediate language for communication between representatives of different nations and cultures has a special role in the intercultural communication.

An important place in international communication in the business environment is given to commercial and business documentation, special scientific and professional literature, participation in negotiations and other international events. In order to have a stable and positive image, one should use vocabulary which is stylistically correct, i. e. lexical units corresponding to the appropriate subject, following rules, typical of the particular language environment. The knowledge of English terminological collocations in the field of business is considered to be an important condition for intercultural communication.

The use of stylistically correct lexical units in speech improves the speaker's status, shows the level of his awareness and competence, as well as contributes to the success of international business project implementation. The knowledge and well developed skills of business collocation use in practice contributes to bilingual and bicultural development of learners which facilitates the process of communication with other cultures.

Undoubtedly, in order to maintain diverse and multilevel contacts, learners should not only know the rules of a foreign language culture, but the value of language in culture can hardly be overestimated. Problems often arise in intercultural verbal communication due to the fact that the word is not confined to only one denotation, and to a large extent it depends on the lexical and phraseological compatibility and connotations. It is impossible to translate words only by using a dictionary, which gives a long list of possible meaning variations.

This article aims at studying lexical phrases (collocations) in the English language in the business sphere and making some recommendations on learning methods based on collocation combinations.

The term 'collocation' has been defined in various ways in the specialist literature. Thus, the Collins Cobuild Dictionary (1987) gives the following definition: "*collocation — the way that some words occur regularly whenever another word is used.* In a similar way, the Longman Advanced American Dictionary (2002) defines a collocation as "the way in which some words are often used together". The number of words in a collocation varies from two to seven. John R. Firth was the first British linguist who studied collocations. He actually popularized the term *collocation* which derived from the Latin word *collocare* which means "to assemble".

The term 'collocation' defines words which frequently appear together. It is a pair or group of words that are often used together. These combinations sound natural to native speakers, but learners of English have to make a special effort to learn them because they are often difficult to guess. Some combinations just sound wrong to native speakers of English. Learning collocations is an important part of learning the vocabulary of a language. Some collocations are fixed, or very strong, others are more open, where several different words may be used to give a similar meaning.

Collocations can be classified into grammatical and lexical collocations. Structurally speaking, lexical collocations consist of nouns, adjectives, verbs, adverbs and propositions. They can be divided into ten main types. The following table illustrates the most common patterns of collocations used in the language of business:

Collocation type	Collocation patterns	Example
Type 1	*Verb + Noun/Prepositional phrase*	to carry out/conduct/do research
Type 2	*Adjective + Noun*	fair/tough competition
Type 3	*Noun + Noun*	product development/launch
Type 4	*Noun + Verb*	a competitor outbids/outsells/undercuts
Type 5	*Noun + Adjective*	cost-effective
Type 6	*Link verb + Adjective*	to come expensive/cheap
Type 7	*Verb + Adverb*	to increase/rise/climb steeply/abruptly
Type 8	*Adverb + Adjective*	fiercely/keenly competitive
Type 9	*Preposition/Adverb + Noun*	at the bottom, at the market
Type 1	*Noun + Preposition + Noun*	return-on-investment

Here are some examples of the different collocation types used in the sentences.

Adjectives and nouns

Notice adjectives that are typically used with particular nouns.

- *We had a brief chat about the presentation but didn't have time to discuss them properly.*
- *Unemployment is a major problem for the government at the moment.*

Nouns and verbs

Notice how nouns and verbs often go together. The examples below are all to do with economics and business.

- *The economy boomed in the 2010s, [the economy was very strong]*
- *The company has grown and now employs 50 more people than last year. The company has expanded and now has branches in most major cities.*
- *The two companies merged in 2013 and now form one very large corporation. The company launched the product in 2012. [introduced the product]*
- *The price increase poses a problem for us. [is a problem]*
- *The Internet has created opportunities for our business, [brought new opportunities]*

Noun + noun

There are a lot of collocations with the pattern a … of….

As Sam read the lies about his business partner, he felt a surge of anger, [literary: a sudden angry feeling]

Verbs and expressions with prepositions

Some verbs collocate with particular prepositional expressions.

I was filled with horror when I read the newspaper report of the explosion.

Verbs and adverbs

Some verbs have particular adverbs which regularly collocate with them.

She smiled proudly as she looked at the training certificate she had just got.

Adverbs and adjectives

Adjectives often have particular adverbs which regularly collocate with them.

I am fully aware that there are serious problems. [I know well]

Translating English business collocations into Russian can sometimes arise certain difficulties which are caused by the lack of the grammatical and lexical knowledge. Therefore it is recommended for learners not to translate the words in a collocation separately but to memorize the meaning of the whole phrase. For example, the word *"agreement"* should be learned within the following collocation patterns:

Collocation patterns	Russian equivalent
Keyword: **Agreement (adj. + n)**	**договор/соглашение**
free (trade) agreement	торговый договор, соглашение о свободной торговле
labor agreement	трудовой договор
bilateral agreement	двусторонний договор
collective agreement	коллективный договор
operating agreement	договор на эксплуатацию
collateral agreement	дополнительное соглашение
Agreement (v. + n)	**договор/соглашение**
to conclude (an) agreement	заключить договор
to forge (an) agreement	подготовить соглашение
to negotiate (an) agreement	вести переговоры о соглашении
to ratify (an) agreement	ратифицировать соглашение
to reach (an) agreement	достичь соглашения
to secure (an) agreement	обеспечить соглашение
to sign (an) agreement	подписать соглашение
to come up to (an) agreement	прийти к соглашению

The following list includes adjectives and verbs that are commonly used with the noun 'money'. Those that are similar in meaning are grouped together:

Collocation sheet	Russian equivalent
1	2
Keyword: **Money (adj. + n)**	деньги
bonus money/extra money	бонусные деньги
earned money	заработанные деньги

1	2
public/taxpayers' money	деньги налогоплательщиков
pocket/spending money	карманные деньги
lunch/rent money	деньги на ленч/деньги за аренду
grant/scholarship money	грант/стипендия
stolen money	украденные деньги
bribe money	взятка
pension/retirement money	деньги по выходу на пенсию
counterfeit/fake money	фальшивые деньги
Money (v. + n)	
to coin/print money	печатать деньги
to count money	считать деньги
to earn/make money	зарабатывать деньги
to borrow money	занимать деньги
to lend money	давать деньги взаймы
to bank/deposit money	класть деньги на депозит
to take out/withdraw money	снимать деньги
to pay out/spend money	тратить деньги
to hoard/save money	экономить деньги
to contribute/donate money	пожертвовать деньги
to pay back/refund money	выплачивать деньги
to owe money	задолжать
to change/exchange money	обменивать деньги
to allocate/earmark money	выделять деньги

Learning collocations is a good idea because they can:

a. give the most natural way to say something

b. give alternative ways of saying something, which may be more colorful/expressive or more precise instead of repeating

c. improve the style in writing

d. provide "chunks" of English that are ready to use

e. give the text more variety and make it read better

f. save a lot of time and effort when trying to express the idea

It is not always easy to separate collocations, compounds and phrasal verbs.

In contrast to collocations compounds are units of meaning. They are formed with two or more words and they are nouns. Their meaning of compounds can often be guessed by knowing the meaning of each separate word.

However, collocations differ significantly from phrasal verbs. Collocation is considered to be a relatively free combination of words. 'Phrasal verbs' are formed from two or three words. Their distinctive feature is that they have a particular meaning. Phrasal verbs are words that consist of a verb and a participle. Participles can be prepositions or adverbs like: at, for, in, of, in and (a) round. Phrasal verbs don't have to stand directly next to each other. Therefore it's good to know the grammar patterns of phrasal verbs. Which means the subject or object related to the phrasal verb can stand between or at the end of the phrasal verb.

H. Jackson believes that "collocation refers to the combination of words that have a certain mutual expectancy". S. Johansson refers collocation to "habitual combinations of lexical items". H. Jackson underlines that "it is not a fixed expression, but there is a greater than a chance likelihood that the words will co-occur" is also a collocation.

Although both components of the collocation or their order can not be replaced, unlike phrasal verbs, the mean idea of the collocation can be derived from of the meanings of its components.

Stable non-idiomatic phrases exist in all languages. For example, the Ukrainian language has quite a lot of words, which are characterized by a kind of anomaly in compatibility: their syntax position can be replaced by the fixed group of semantically similar words. *(e.g. вести: преговоры, разговор, хозяйство, дела, etc.)*. For Ukrainians these collocations are rather common, unlike foreigners who find it quite difficult for foreigners to understand their meaning. This is one of the basic features of collocations in the Ukrainian language. Therefore, collocations belong to the peripheral units of both traditional lexicology which deals mainly with free compatibility

and phraseology, which focuses on idioms. Collocations occupy an intermediate position in the language system, appearing on the border between the phraseology and lexicology. Compatibility lexemes should make a special branch of linguistics.

At the present stage collocations are examined by one of the sections of lexical semantics called lexical syntagmatics. Lexical phrases or collocations consist solely of the most significant parts of speech, i. e. noun, verbs, adjectives and adverbs.

From the linguistic point of view, collocations are of a great importance.

Firstly, all languages are full of collocations. Due to this fact, they are of the relevant significance in any language as its grammar.

Secondly, collocations specify the meaning of the words they contain. The exact meaning of the word in any context is determined by its environment, its collocutors or words, surrounding them. Collocations always enrich languages and, as a rule, make them more specific.

Thirdly, the way of combining words in a collocation is fundamental to all languages; words in the language are not arbitrary and their options are limited.

Finally, collocations are important in all languages as they may help to predict the collocutor of the main word. For example, an English noun *market* has a predictable set of matching words: *developing domestic, down, established, expanding, mass, niche, overseas, shrinking, bond, commodity, equity, free, futures, illegal*, etc.

An important challenge for foreign language learners is learning a large number of words. It has been proved that a major part of our lexicon consists of so called 'prefabricated chunks of different kinds', or ready made blocks of different types of words. The most important of these blocks are collocations, which, according to many Western linguists should be a priority in the process of language learning.

The mental lexicon of any native speaker is huge; where collocations are the most important in the process of communication. Linguists state that when describing a situation, phenomenon or in communication, the priority is given to using word combinations instead of single words. The most commonly used combinations, collocations, are fixed in our mind and any person's vocabulary, his mental lexicon, includes all the words and their collocations, organized not alphabetically but thematically, and can be used according to the thematic situations. Therefore, native speakers do not make mistakes in speech because they know the correct words that should be used in the particular cases.

The every learner's purpose of language studying is forming his own mental lexicon of, which is constructed of a huge reservoir of vocabulary. It is a known fact that, the main difference between the learners of an intermediate and advanced level is not in the use of complex grammatical structures, but in creating a sufficiently large mental vocabulary, which simplifies the communication process. Consequently, one of the main purposes of forming mental lexicon should be the understanding of the importance of the collocation study.

The study of collocations has to be effectively focused on the so-called 'collocation field of words', revealing the differences in the meanings of their combinations. It is advisable to take into consideration the way how the words are combined and used in reality, but not what they mean separately. It leads to the conclusion that it is important for a language learner not only to enrich vocabulary by learning a large number of new words but also by using their new combinations.

For example, a foreign language leaner that has mastered 2,000 words and has a idea how to use them in different combinations immediately acquires communicative competence and improves his practical language skills. Many native speakers using very limited vocabulary are perfect communicators due to their high collocation competence.

Studying collocations is both useful and productive. It allows a foreign language learner to think and speak faster. It is known that native speakers use a range of ready-made vocabulary units available in their mental lexicon. It should be acknowledged that it makes it easier to use ready-made phrases than to build a phrase using single words. The main difficulty of understanding listening and reading lies in the presence of definite amounts of unrecognized collocations in the text. Learners assimilated a greater percentage of collocations, speak a foreign language easier and in more understandable way.

The knowledge of a large number of phrases improves speech fluency which is acquired with experience and contributes to the verbal expression of complex ideas simply and clearly. However, the correct use of collocations depends on the quantity and quality of their assimilation.

Thus, the main objectives of success communication should be oriented on developing understanding of different collocation types; expanding mental lexicon; studying various real life situations. To achieve tangible results in mastering a foreign language one should use collocation dictionaries, a relatively new resource in linguistics. These dictionaries contain multiple contexts

and a wider range of collocations than traditional ones. However, firstly, they can not include all collocations, especially themed, and secondly, they usually monolingual, which is often an obstacle to a language learner who cannot use them productively.

As researchers have revealed learners need to encounter a word/phrase about seven times in different contexts to be able to acquire it. Therefore vocabulary acquisition is a gradual process and it takes time and training. For instance, collocations associated with a situation familiar to students (e.g. a case study) will stimulate the students to use them.

The wrong choice of collocations can lead to incorrect perception of information, and often to the confusion that can complicate the communication and even affect the image of the speaker. It is especially important in the era of globalization due to the expansion of cooperation between foreign companies with a growing volume of business interaction.

Conclusion

In recent times it has become ever more obvious that a good knowledge of specialist vocabulary plays a crucial part in enhancing the learner's communicative competence and improving in this way the overall communication process. That is the main reasons why learners should be focused on forming their mental lexicon for effective intercultural communication in business. Intercultural communication and the effective exchange of information in the field of business is impossible without language competence.

References:

1. Benson, M., BBI Dictionary of English, Philadelphia, 2006.
2. Borisov E. G. Collocations. What is it and how to study them. Moscow, 2005.
3. Borisov E. G. Word in the text. Collocations dictionary, English- Russian dictionary of keywords. Moscow, 2008
4. Collins Cobuild English Language Dictionary, London and Glasgow, Collins, 2011.
5. The Concise Oxford Dictionary of Current English, Oxford, OUP, 1996.
6. Catelly, Y. M. The Teaching of Collocates — Some Proposals, vol. I, No 1/2005, 7–19.
7. Denisov P. N., Collocations Dictionary Russian language. Moscow, 2010
8. Farrall C., Lindsley M. Professional English in Use — Business, Cambridge, CUP, 2008.
9. Firth J. R., Modes of Meaning, Oxford, OUP, 1957, 190–215.

Polyakova Ekaterina Nikolaevna, Chernikova Marina Pavlovna
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
postgraduate student, the Faculty of philology
E-mail: rina-raznova@yandex.ru

The specific use of precedent onims as Conchita Wurst's nomination in the russian press

Abstract: The problem of a choice of the nominations for designation of the singer Conchita Vurst in the Russian press is considered in the article. The precedential onims is analyzed as an element of the nomination of a concept «Conchita Wurst». Onim «Conchita Wurst» is considered as new case antropony.

Keywords: nomination, intimate sphere, taboo, precedential onim, euphemism.

Полякова Екатерина Николаевна, Черникова Марина Павловна,
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия,
аспирант, филологический факультет
E-mail: rina-raznova@yandex.ru

Специфика использования прецедентных онимов как номинации Кончиты Вурст в российской прессе

Аннотация: В статье рассматривается проблема выбора номинаций для обозначения певицы Кончиты Вурст в российской прессе. Прецедентный оним анализируется как элемент номинации концепта «Кончита Вурст». Оним «Кончита Вурст» рассматривается как новый прецедентный антропоним.

Ключевые слова: номинация, интимная сфера, табу, прецедентный оним, эвфемизм.

Образ Томаса Нойвирта «Кончита Вурст» — один самых динамично формирующихся медиаобразов современности, как в мировых, так и в российских СМИ. В российской медиа среде этот образ оценивается неоднозначно: *«элемент успешного массового зрелища и возрождение средневековой площадной культуры»* [19]; *«высказывание в защиту толерантности и принятия»* [23, 14]; *«падение моральных ценностей в Евросоюзе»*; *«приемлемый сценический образ»* [26], *«Божья кара»* [21, 7]. Изучение языковой составляющей формирования данного медийного образа представляется актуальным.

Темой данной статьи являются прецедентные онимы, используемые для номинации образа «Кончита Вурст» в российских СМИ. Цель исследования — отразить специфику использования прецедентных онимов при номинации Кончиты Вурст в российской прессе. Задачи исследования: 1. рассмотреть прецедентные онимы как номинацию с оценочным потенциалом; 2. осуществить сравнение номинаций медиаобраза Кончиты Вурст с помощью прецедентных онимов в оппозиционных, правительственных и нейтральных печатных изданиях; 3. выявить примеры употребления онима «Кончита Вурст» как прецедентного антропонима в российской прессе. Материалом исследования послужили более ста пятидесяти журналистских текстов из российской медиа среды.

Анализ российской прессы, от официальных изданий до оппозиционных, позволяет представить как создается медиаобраз австрийской певицы Кончиты Вурст. Под медиаобразом в широком смысле понимается «выраженный в медиапространстве образ человека, создаваемый средствами массовой информации в сотрудничестве с разными сферами духовного творчества и отражающий особенности действительности» [12, 8], а в узком — «отражение объективной действительности в журналистском тексте через авторскую позицию, и это определяет его структуру» [7, 80]. Номинация является одним из средств создания медиаобраза некой личности, поскольку «содержит в себе оценку, положительную, отрицательную или нейтральную» [1, 15].

Как отмечает Г. Я. Солганик, одной из главных целей журналистики является воздействие на читателя, «оценка является компонентом влияния на реципиента» [13, 85]. Данное утверждение можно проанализировать на примере. Так, журналист «Независимой газеты», оппозиционного издания, приводит дословную цитату депутата Госдумы: *««Сегодня **этим темным силам в образе черного ворона** я бы хотел посвятить маленький куплет», — объяснил свое выступление Нилов»* [18, 6]. Автор публикации назвал статью *«Депутат Госдумы посвятил Кончите Вурст песню «Черный ворон»»* [18, 6], т. е. журналист перефразировал выражение ***«темные силы в образе черного ворона»*** [18, 6] и расшифровал его как вторичную номинацию, в основе которой лежит метафорическое переосмысление, Кончиты Вурст. Между тем, сам депутат Госдумы Нилов не «расшифровывал» адресат песни, таким образом, журналист оппозиционного издания дал оценку определенной личности, т. е. ставил целью воздействие на читателей, что доказывает вышеупомянутый тезис.

Интерес представляет и тот факт, что одним из элементов номинации сценического образа Томасса Нойвирта является оним «черный ворон», относящийся к группе «прецедентных имен собственных, обозначающих художественные или иные произведения, созданные интеллектуальным трудом человека» [8, 79]. Таким образом, можно сделать вывод, что прецедентный оним как номинация определенного явления действительности обладает оценочным потенциалом.

Стоит отметить, что акцент при формировании образа Кончиты Вурст изначально был сделан на интимной сфере жизни артиста Томаса Нойвирта, в результате чего перед авторами журналистских текстов стал вопрос о номинации табуизированной тематики. Как известно, интимная сфера «исторически была и остается одной из сфер языкового табуирования» [11, 107], поэтому для преодоления лингвистического запрета авторы прибегают к вторичной номинации. Таким образом, одной из специфических особенностей вторичной номинации Кончиты Вурст является эвфемизация.

Одним из средств создания медиаобраза Кончиты Вурст в российской прессе являются прецедентные онимы, использующиеся для номинации певицы. Под прецедентными онимами современные ученые понимают имена собственные, обладающие вторично развившимися созначениями [10, 11].

Ценность прецедентных онимов как элемента номинации интимной сферы в публицистике заключается в «ассоциативно-образной природе» [4, 61]. Прецедентные онимы стали объектом изучения не так давно, но многие исследователи (Д. В. Багаева

[3], Д. Б. Гудков [3; 4], И. В. Захаренко [3], В. В. Красных [3], Е. А. Нахимова [8; 9], Г. Г. Слышкин [14]) смогли убедиться в перспективности изучения этого феномена.

Для данного исследования актуальным становится изучение прецедентного онима как номинации в различных изданиях с точки зрения государственного влияния. Так в оппозиционной «Новой газете» авторы предпочитают наименовать сценический образ Томаса Нойвирта при помощи первичной номинации, например *Кончита Вурст, австрийский певец, сценический образ Томаса Нойвирта*. Одной из самых частотных метонимических номинаций в «Новой газете» является «*пример толерантности*», данный выбор продиктован информационной политикой издания как оппозиционного.

«Новая газета» позиционирует себя как оппозиционное издание и, как правило, ее выводы и оценки становятся диаметрально противоположными оценкам госаппарата России. Так, к примеру, если депутат Милонов называет сценический образ Томаса Нойвирта «***существом неопределенного пола***» [27, 12], то в «Новой газете» он номинируется как ***«пример толерантности и терпимости».*** В данном аспекте проявляется специфика выбора коннотативных онимов для номинации Кончиты Вурст в оппозиционных изданиях.

Но, несмотря на скромный номинативный потенциал, можно встретить примеры номинирования певицы с прецедентными антропонимами в составе. Приведем пример: «*10 мая Кончита Вурст стала победительницей ежегодного конкурса «Евровидение», проходившего в Копенгагене. «**Бородатой Афродите**» удалось набрать 290 баллов*» [24, 18]; «*На «Славянский базар» впервые не пригласили победителя «Евровидения», зато двое мужиков в бабских прикидах, так называемые «**Новые русские бабки**», были приглашены*» [25, 21]. Весьма любопытен выбор первого онима «бородатая Афродита», т. к. в Греции находится реально существующий памятник бородатой Афродиты, богини любви [2, 33]. Данный памятник стал причиной дискуссий о двуполости богини, можно предположить, что журналист «Новой газеты» сопоставляет Кончиту Вурст и Афродиту.

«Российская газета», самая известная правительственная газета, придерживается официально-делового тона, говоря о феномене «Кончиты Вурст», как правило, издание прибегает к прямой номинации певицы, но в некоторых случаях можно встретить примеры несогласованных словосочетаний-номинаций. Так, А. Александров назвал ее «***открытый гей Кончита Вурст***» («*на завершившемся в эти выходные в Копенгагене 59-м конкурсе победил открытый гей **Кончита Вурст** из Австрии*»), т. е. автор намеренно не согласовал определение и подлежащее, делая акцент на интимной характеристике.

«Радужные новости» — интернет-издание для людей с нетрадиционной сексуальной ориентацией — несколько иронично охарактеризовало первые испытания сценического образа Томаса Нойвирта в 2012 году: «*Кончита Вюрст (Conchita Wurst), **австрийская бородатая Верка Сердючка**, стала лишь второй в суперфинале национального отборочного тура «Евровидения» в Австрии*» [26]. Выбор прецедентного онима для сравнения не случаен «Верка Сердючка» — один из самых узнаваемых творческих образов российско-украинской эстрады. Основанием для сравнения послужил тот факт, что сценический образ Андрея Данилко — Верка Сердючка, женщина-проводница средних лет, говорящая на суржике, а сценический образ Томаса Нойвирта — бородатая девушка Кончита Вурст. Так, автор новости при помощи прецедентного антропонима ставит целью привлечение и удержание внимания читателя, в чем проявляется специфика выбора общеизвестного онима.

Интересен тот факт, что большая часть прецедентных онимов, использующихся для номинаций медиаобраза Кончиты Вурст, сконцентрирована в нейтральных изданиях. Так, к примеру, в массовом печатном издании «Комсомольской правде» журналисты достаточно часто обращаются к образу «Кончиты Вурст». Например: «*Теленачальников Китая шокировала участница из Австрии Кончита Вурст, которую позже здесь прозвали «**Мисс Борода**»*» [15, 19]; «***Черноокий ганимед** продемонстрировал свое семейное гнездышко и вторую половинку, танцора Жака Патриака*» [20, 14]. Можно заметить, что, к примеру, специфика прецедентных онимов, использующихся для номинации Кончиты Вурст, заключается в высоком информационном содержании. Так, мифоним «Ганимед» используется для обозначения «прекрасного юноши, возлюбленного Зевса, вознесенного им на Олимп и ставшего там виночерпием» [2, 54], в иносказательном смысле — «прекрасного юноши» [5, 39].

Для большинства журналистов стали проблемой определение и согласование рода в предложении, так, авторы в одной статье при наименовании Кончиты Вурст называли ее в одном предложении женщиной, а в следующем — мужчиной или употребляли субстантиват «*оно*», или не согласовывали род. Примером может служить следующее высказывание: «*у нас*

по-прежнему основу мировоззрения составляют ценности традиционных мировых конфессий — православия и ислама. У нас мужчина — это мужчина, а женщина — это женщина, пусть даже ***это голосистая Орфей»*** [22]. На данном примере можно проследить еще одну специфическую черту прецедентного мифонима как номинации австрийского певца — эмоционально-экспрессивную направленность оценки образа.

С сожалением, можно признать, что медиаобраз Кончиты Вурст в российской прессе получился достаточно односторонним и неполным. Так, образ «бородатой женщины» в последние месяцы стал активно эксплуатироваться на юмористических шоу, маскарадах, в СМИ. Между тем, справедливости ради стоит отметить, что сценический образ Кончиты Вурст не укладывается в образ «бородатой женщины», поскольку не учитываются другие факторы, в частности, вокальные данные Томаса Нойвирта, определенные культурные и исторические нормы среды, на которую ориентирован данный персонаж, но неприемлемые для российского зрителя.

Феномен «Кончиты Вурст» активно обсуждается в самых разных сферах жизнедеятельности российского читателя и за несколько месяцев превратился в общеизвестный феномен, а номинация сценического образа Томаса Нойвирта стала прецедентной. Приведем несколько примеров из российской прессы: *«**Своих Кончит** страна не различит»* [16, 8]; *«Теперь-то вековому засилью безусых, безбородых, бритых, гладких и эпилированных Джульетт, Дездемон и Анн-Карениных придет конец. Ой-ой-ой, оговорочка, не конец — **а Кончита!**»* [17, 10]; *«Еще при жизни Екатерины II европейская (но, в первую очередь, польская) пресса распространяла о ней всяческую похабщину, живописуя глупость, жестокость и развратность государыни. Именно такую Екатерину II Галустян и сыграл, подготовив тем самым российскую землю* ***к пришествию кончит»*** [19].

В данной статье была предпринята попытка проанализировать прецедентное имя как оценочное средство номинирования певицы Кончиты Вурст в российской прессе. В результате анализа языкового материала нам удалось установить некоторые специфические особенности, присущие прецедентному антропониму как средству номинации сценического образа Тома Нойвирта, — высокую степень информативности, частотность употребления, эмоционально-экспрессивную направленность, символичность, эвфемистичность, ассоциативно-образный потенциал онима.

Стоит отметить, что разнообразие номинаций Кончиты Вурст с отрицательной коннотацией распространено в российской блогосфере, главным автором которой является среднестатистический зритель «Евровидения», а не в российской прессе, авторы которой ограничены рамками информационной и культурной политики издания. Изучение формирования медиаобраза Кончиты Вурст в российской блогосфере посредством номинативных средств языка перспективно и актуально для дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов//Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 33. – Челябинск, изд-во ЧГУ, 2009. – № 22 (160). – С. 15–20.
2. Гиро П, Корш М. Краткий словарь античности. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 446 с.
3. Гудков Д. Б., Красных ВВ., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний//Вестник Московского университета. Серия 9.Филология. – М., Изд-во МГУ, 1997. – № 4. – С. 65–87.
4. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. – М.: Изд-во МГУ, 1999. … – Вып. 2. – 90 с.
5. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка: В 2 т./АН СССР, Институт русского языка. – М.: Астрель; АСТ, 2003–681 с.
6. 6. Ивашова Е. С. Использование прецедентных антропонимов в медиа-текстах: гендерный аспект//Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповецк, изд-во ЧГУ, 2012. – № 3. – С. 65–69.
7. Кивель Э. Ф. Особенности создания медиаобразов федеральной власти в отечественных СМИ//Сборник научно-исследовательских работ. – Казань, 2009. – С. 78–84.
8. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – 208 с.
9. Нахимова Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации Автореф. дис. на соиск докт. филол. наук: 10. 02. 19. – Екатеринбург, 2011. – 42 с.

10. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен.– М.: ООО «А Темп», 2006. – 440 с.
11. Порохницкая Л. В. Отмирающие тематические области английских эвфемизмов//Вестник МГЛУ. – Москва, изд-во МГЛУ, 2007. – № 532. – С. 106–111.
12. Рагозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. Автореф. дис. на соиск канд. филол. наук: 10. 02. 19. – Барнаул, 2003. – 19 с.
13. Солганик Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста//Вестник Московского университета. Серия 10. – М., Изд-во МГУ, 2001. – № 3. – С. 84–97.
14. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004.
15. Батанова А. Жители Китая так и не увидели бородатую женщину Кончиту Вурст//Комсомольская правда. – 16.05.2014. – С. 19.
16. Галкин М. Своих Кончит страна не различит//Комсомольская правда. – С. 8.
17. Вирабов И. Пришло время бородатых женщин//Российская газета. – 11.05.2014. – С. 10.
18. Елесин А. Депутат Госдумы посвятил Кончите Вурст песню «Черный ворон»//Независимая газета. – 13.05.2014. – С. 6.
19. Ельцов А. Волос долог//Взгляд. – 12.05. 2014.
20. Ивашкина Д. Кончита Вурст показала миру своего бородатого мужа//Комсомольская правда. – 19.05.2014. – С. 14.
21. Пятницкая С. На Балканах нашли «виновника» наводнения – Кончита Вурст//Комсомольская правда. – 24.05.2014. – С. 7.
22. Разуваев А. Чудесные метаморфозы – Взгляд. – 13.05.2014.
23. Сафронов Ю. Мальчики подняли юбки на флаг//Новая газета. – 17.05.2014. – С. 14.
24. Тарощина С. На передовой//Новая газета. – № 51. – 14.05.2014. – С. 18.
25. Халип И. Концепция изменилась//Новая газета. – № 63. – 11.06. 2014. – С. 21.
26. Новости – Австрийская бородатая Верка Сердючка пролетела мимо «Евровидения»//Радужные новости. – 27.02.2012.
27. Новости – Депутат Милонов хочет запретить Кончите Вурст въезд в Россию//Новая газета. – 12.05.2014. – С. 12.

Samosiuk Natalia Lvovna, ITMO St. Petersburg Docent
Candidate of Philology
E-mail: s. n.l@rambler.ru

Suspense principle through pattern of execution in science fiction genre (Jurassic Park by Michael Crichton)

Abstract: The article deals with the problem of synthesis of the arts. Creating a visual image in a movie based on a number of techniques that literature treats the system of its own models and structures, discovering new possibilities for creating images.

Key words: Suspense, science fiction genre, visual aids, close up, general plan, character, thriller

Наталья Самосюк Львовна, НИУ ИТМО г. Санкт-Петербург Доцент
Кандидат филологических наук
E-mail: s. n.l@rambler.ru

Принцип саспенса и литературная фактура настроения (На примере романа Майкла Крайтона «Парк Юрского периода»)

Аннотация: Статья затрагивает проблемы синтеза искусств. Создание визуального образа в кино опирается на ряд приемов, которые литература воспринимает в системе собственных моделей и структур, открывая для себя новые возможности создания образов.

Ключевые слова: Приключения, фантастика жанр, наглядные пособия, крупный план, общий план, характер, триллер.

Можно ли утверждать, что литература, получившая в конце XX начале XXI века множество новых тем и проблем для своего осмысления, оставила в стороне приемы киноискусства, которое обладает универсальным языком создания образов? Универсальный язык кинообразов интересен в нашем случае, прежде всего, открытостью и доступностью своих категорий. Он опирается на эмоциональную составляющую образа. Литература, которая имеет свою традицию создания образов, казалось бы не нуждается в дополнительных ресурсах для осмысления проблем современности. И тем не менее, создание единого культурного поля, основанного на общих категориях ценности информации, заставляет обратиться к возможностям, которые литература как вид искусства открывает для себя при обращении к формам и приемам, открытым кино.

Вопрос, который интересует нас, заключается в поиске путей и понимании приемов, которые литература может позаимствовать у киноискусства, создавая некий новый пример синтеза искусств, например, в таком жанре как триллер.

Роман Майкла Крайтона «Парк Юрского периода» (1990) интересен для анализа по нескольким причинам. Во-первых, он принадлежит жанру триллера, в природе которого заложены принципы максимально возможного воздействия на эмоции читателя. Во-вторых, писатель неоднократно являлся автором сценария к фильмам, то есть имеет опыт взаимоотношений с индустрией кино. Это не могло не отразиться на собственно его литературных произведениях.

Такое удачное сочетание творческих тенденций позволяет задаться вопросом, насколько визуальная эстетика кино и традиция литературного произведения способны к влиянию на структуру образов друг друга. Надо сказать сразу, что о нарративности кино здесь речи не идет и это несмотря на то, что по роману «Парк Юрского периода» в 1997 году был поставлен фильм, ставший определенной вехой в кинематографе. Гораздо интереснее, на наш взгляд, найти доказательства проникновения фундаментальных, базовых элементов, которые составляют основу эстетического мышления кино как искусства в литературное произведение. И кроме того осмыслить эти особенности с точки зрения образной системы романа.

Роман «Парк Юрского периода» является, на наш взгляд характерным явлением в своем жанре. Помимо принадлежности романа к традиции научной фантастики, он обладает динамичным сюжетом и острой социальной значимостью. Более того, для привлечения внимания к социальным проблемам, таким как ответственность ученых за предпринятые попытки проникновения в тайны жизни, а также проблемы коммерциализации научных достижений, автор прибегает к развлекательному жанру триллера. Жанру, одним из условий существования которого является создание напряженной атмосферы неопределенности, ожидания чего-то необычного и скорее всего опасного.

Жанр триллера, как никакой другой, позволяет автору романа расставить эмоциональные акценты, высветить идеи, необходимые для уяснения авторской позиции. Для этого используются собственно литературные приемы: персонажи, чьи системы ценностей приходят в столкновение во время развития сюжета, описание событий, последовательно и логично вытекающих из условий, заданных сюжетом. Неожиданные повороты событий также создают эффект напряжения от того, что герои принимают решения быстро и под давлением вынуждающих их к этому обстоятельств

С другой стороны, в жанре триллер понятие саспенса является одним из наиболее заметных приобретений кинематографа. С точки зрения кинокритики саспенс возникает благодаря определенным приемам операторской работы. Например, таким как неожиданные углы съемок, эффект подсматривающей камеры. Так же значимым для создания неопределенного напряжения является оформление кадра, как элемента визуального кода — необычность обстановки, подчеркивание значимых деталей.

При упоминании саспенса принято говорить о творчестве знаменитого классика европейского и американского кино Альфреда Хичкока, который использовал как минимум два пути для создания атмосферы напряженного ожидания. В одном случае создавал последовательность острых ситуаций со зрелищным драматическим напряжением, как, например, в фильме «Foreign Correspondent» (1940), в другом, — нагнетал напряжение постепенно, тонкими штрихами подготавливал финальную конфронтацию и развязку. («Suspicion» 1941).

Литература по сути своей лишена возможности непосредственного зрительного эффекта. И формы, которые она создает в рамках своих художественных

средств, имеют массу преимуществ, но не имеют зрительного фиксированного образа. Другими словами, каждый читающий свободен по-своему представлять те образы и драматические ситуации, которые предлагает ему автор.

Однако, это уже вторая часть проблемы. Первая связана с функцией и назначением саспенса, а не с его реализацией в конкретных приемах того или иного вида искусства.

Итак, саспенс необходим для поддержания зрительского интереса. Зритель получает информацию с экрана и чувствует некий дисбаланс, несоответствие составляющих элементов происходящего друг другу: например, на уровне изображения и комментария, портрета героя и его слов или несоответствия места и времени действия герою, который принимает участие в действии. Приемы создания ситуации несоответствия в кино могут быть разнообразны и интересны, достаточно проанализировать различные режиссерские находки. Однако саспенс имеет свою ограниченную форму.

Саспенсом нельзя назвать любой дискомфорт, возникающий от видимых несоответствий, поскольку в качестве приема искусства он имеет свои эстетические цели и задачи и подчинен общему замыслу произведения. Такой подход к данному понятию делает его концептуально значимым явлением по отношению ко всем произведению в целом, это же в свою очередь заставляет говорить о неоднозначности визуального образа и его смысловой насыщенности. Что приводит к возникновению понятий контекста, наррации, сюжета или его отсутствия, другими словами, всего того, что характерно для осмысления литературной традиции.

Один из способов создания саспенса в кино, как было сказано выше, выстроенная последовательно серия острых ситуаций со зрелищным драматическим напряжением. В прологе романа «Парк Юрского периода», рассказанном примерно на шести страницах описываются следующие события.

Проливной тропический дождь, которого сам по себе вызывает дискомфорт, уже потому что идет не одну неделю.

Воспоминания Роберты Картер, работающей в клинике на западном побережье Коста Рики в момент событий, о ее работе в Чикаго, ее сожаления по поводу погоды.

Появление вертолета с логотипом на борту «Ingen Constraction» и его посадка на пляже в непогоду, что само по себе говорит о неких вынужденных и неблагополучных обстоятельствах.

Просьба о медицинской помощи пациенту раны которого несовместимы с жизнью.

Диалог между Робертой Картер и Эдом Реджисом, из которого следует, что характер повреждений не соответствует причине. Соответственно возникают подозрения, что существуют некие серьезные опасения за жизнь людей, и не менее серьезные основания скрывать эти опасения.

Предсмертная агония пациента, его слова перед смертью, загадочные уже по тому, что произнесены на иностранном языке.

Интерпретация последних слов персоналом из местных жителей, которые связывают их с местными поверьями о демонических силах.

Роженица в соседней палате, которая мучается родовыми схватками.

Таким образом, смерть молодого человека от полученных травм и рождение ребенка привносят в сюжет идею о круговороте и необратимости событий человеческой жизни. Притом, что молодой человек не назван по имени, а ребенок еще только готов появиться на свет, анонимность их исполнителей придают универсальность происходящему.

Диалог между Еленой Моралес, сестрой милосердия, принимающей роды и Робертой Картер, из которого понятно, что слово «раптор» возбуждает суеверный страх у местных жителей. Елена Моралес налагает табу на произнесение этого слова в присутствии роженицы, чтобы не потревожить нечестивые духи и не навлечь на ребенка несчастье.

И наконец, поиск слова в словаре, предпринятый героиней, с целью установить значение.

Последние слова пролога имитируют словарную статью с толкованием значения слова. Визуальное выделение определенной части текста усиливает эффект эмоционального напряжения. Обращение к объективному источнику за разъяснением необходимо для снятия субъективного переживания, вызванного интенсивностью и драматизмом предшествующих событий, но поскольку источник не разъясняет неопределенность, а наоборот привносит дополнительные явно неожиданные моменты, эффект возникает совершенно противоположный. Словарная статья не только не проясняет значение слова, более того, она усугубляет напряжение. Раптор переводится как хищник «хищная птица».

Таким образом, история безымянного пациента перестает быть производственной случайностью, как ее хотели бы преподнести по официальной версии, и приобретает элемент трагической борьбы с неиз-

вестным противником, способным нанести человеку смертельные раны.

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод о целях и задачах текста пролога. Они сводятся к следующему. Пролог не знакомит читателя с главными героями романа: общим для событий, рассказанных в романе, и событий пролога является время и место произошедшего, а также образ таинственной и неподдающийся пока осмыслению опасности, в силу обстоятельств, которые эту опасность скрывают.

Интересно, что сама по себе проблема не названа. Она передана через череду событий интенсивно сменяющих друг друга. И в этом случае также проявляются законы аналогичные для создания саспенса в кино. «Саспенс связан с тем, насколько режиссер умеет растягивать или сжимать время, меняя его восприятие у зрителей». [1. 30]

События в прологе воссоздают работу кабинета интенсивной терапии не более чем за полчаса времени, с момента доставки пациента, осмотр его ран и смерть и не выходят за рамки одной ночи: начало дежурства Роберты Картер, происшествие с неизвестным пациентом, ожидаемые роды и время на поиск слова в словаре. Но они по характеру информации, созданию атмосферы недоверия и эффекта усугубления проблемы заставляют поверить в масштабность грозящей опасности.

Надо отметить еще одну деталь, которая свидетельствует о влиянии структуры построения образов кино на создание данного текста. Эпизоды, на которые делится пролог, их последовательность выстроена с учетом возрастания эмоционального напряжения. Интенсивность событий передается за счет формирования визуального кода, который имитирует чередование средних и крупных планов, как то возможно при монтаже фильма, и такого явления, которое принято называть «параллельный монтаж».

Аналогия с кино возможна благодаря соразмерному чередованию описаний в соотношении с идеальной мерой, которой в кинематографе является фигура человека. «В терминах величины: традиционно определяют различные «обрезы» плана, обычно по отношению к разным возможностям кодирования персонажа… Это более общая, теоретическая и идеологическая проблема в той степени, в какой эти величины определены по отношению к модели человека. И здесь возможно прочитывается некоторый отзвук проходивших в эпоху Возрождения исследований пропорций человеческого тела и правил его изображения» [1,31]

Другими словами автор романа чередует определенные отрезки текста таким образом, что возникает аналогия с крупным, средним и общим планом, как это представлено в кино. Возникает вопрос, за счет каких средств построения образа автору удается выстроить соотношение планов?

Если за идеальную меру принять фигуру человека, относительно которой строятся визуальные образы кино, то возможно стоит проанализировать элементы текста, найти их границы, обозначенные через начало и конец эпизода, а затем сопоставить их друг с другом, для того чтобы обнаружить аналогию.

Например, средний, крупный и дальний планы возникают при описании вида больницы, из окна которой Роберта Картер смотрит на пляж и открывающуюся перспективу океана. «The tropical rain fell in drenching sheets, hammering the corrugated roof of the clinic building, roaring down the metal gutters, splashing on the ground in a torrent. Roberta Carter sighed, and stared out the window. From the clinic, she could hardly see the beach or the ocean beyond, cloaked in low fog». [2,1] Таким образом, в двух первых предложениях романа уже присутствуют определенные координаты, в которых заданы величины, описывающие пространство соразмерно фигуре человека.

Любое описание пространства, либо его воспроизведение в кино или живописи соразмерно взгляду человека и соотносимо с точкой отсчета, данной относительно фигуры человека. В приведенном выше отрывке зрительный образ возникает именно от чередования соразмерных объектов и их фиксации относительно человека. Роберта Картер смотрит из окна клиники. Она находится внутри здания, по крыше которого барабанит непрекращающейся топический ливень. Роберта Картер смотрит на океан, перспектива которого скрыта в тумане.

Насколько это прямо соответствует тому видению пространства, которое возможно при переложении эпизода на язык визуальных образов кино в данном случае не имеет значения. Заданная система координат тем и хороша, что позволяет каждому читателю самостоятельно декодировать систему образов исходя из визуального опыта, насколько каждый себе представляет тропический ливень на побережье Коста Рики и больницу с окнами на пляж. Но система координат, формирующая определенный визуальный код уже задана, более того, она включает себя и такие понятия как статика и движение, которые передаются с одной стороны, видом здания клиники, с другой — тропическим ливнем.

Таким образом, создается пространство, в котором будут происходить события пролога. Это побережье океана, берег, очертания которого теряются в тумане, тропический ливень, навевающий с одной стороны, своим монотонным бесконечным существованием скуку, с другой — больница и человек на дежурстве, чья квалификация не вызывает сомнений, всегда готовый придти на помощь.

Организация пространства само по себе явление необходимое как в литературной традиции, так и в кино. Но эстетическая составляющая организации пространства связана непосредственно с эмоциональной окраской событий и романа, и любого фильма. Таким образом, тропический ливень и тем более туман, — это не просто характеристика климатических условий местности, куда помещены герои романа, это еще образ природной стихии, с одной стоны вполне мирной, поскольку речь идет о рутине, повседневной жизни врачей.

С другой стороны, именно из-за непогоды вертолет не в состоянии преодолеть расстояние и перевести пациента, вследствие чего Роберта Картер сталкивается с проблемой, которая становится экспозицией для романа. Есть еще один нюанс, туман всегда сопровождает таинственные и неоднозначные события. Это связано с метонимическим переносом особенностей природного явления, которое скрывает предметы, искажает их видения на его образ.

Появление вертолета представлено в романе через сцепление с тем пространством, в котором находятся персонажи эпизода, то есть представлено не само по себе, а опять-таки через персонаж, который в данном случае является субъектом, организующим мизансцену эпизода. Употребление термина мизансцена в данном случае более чем оправдано, поскольку эпизод выстроен в форме диалога, то есть с максимальной реализацией драматического эффекта. Сам диалог представляет серию императивов. «Manuel cocked his head» [2, 1] привлечение внимания через ряд императивов, как со стороны Мануэля, так и Роберты:

“Listen”, he said.

“Believe me, I hear it,” Bobbie said

“No. Listen.» [2,1]

Императив — как собственно лингвистическое средство выступает в данном случае в двух дополняющих друг другу функциях. С одной стороны, он необходим для придания динамики эпизоду и создания напряженного ожидания, с другой, — императив заставляет и читателя приобщиться к моменту повествования. Таким образом то, что в кино возможно при непосредственном влиянии на визуальное восприятие зрителя, в литературной традиции возможно через языковые средства, в данном случае через использование императивной формы глагола.

Звук приближающегося вертолета слышен сквозь шум дождя, однако подобный переход необходим для того чтобы перенести внимание с атмосферы психологического дискомфорта в область внешних сложных обстоятельств, в которых к образу дождливого дня прибавляется еще значение дождя как стихии, вносящей хаос в планы людей.

Вертолетом в клинику доставляют смертельно раненого человека, которому нужна экстренная помощь.

Атмосфера неопределенного напряжения, то есть саспенса возникает из противоречия между описанием характера ран и официальной версией инцидента. В реакции Эда Роджерса на замечания доктора Картер присутствуют жесты и мимические движения, которые сигнализируют о желании скрыть информацию, или, как минимум, о напряжении, возникающем от вопросов и предположений доктора.

«Mauled?» Ed said. «No, no. It was a backhoe, believe me». Ed licked his lips as he spoke. He was edgy, acting as if he had done something wrong. [2,3]

«Again she noticed how tense Ed Regis was». [2,3]

Кроме того, детальное описание ран пострадавшего создает эффект крупного плана. Чередование подробного описания повреждений с описанием действий людей вокруг и элементами диалога, создает эффект параллельного монтажа.

Описание ран дано как элемент осмотра, производимого доктором, то есть через описание видения одного человека и подчинено специфике взгляда этого человека. Поскольку раны осматривает врач, автор имеет возможность представить максимально объективный и точный отчет характера повреждений. Это особенность взгляда заложена в самом персонаже, в его функциональной необходимости для данного эпизода, в данном случае для всего пролога.

Таким образом, проявляется еще одна черта, характерная по многим параметрам для данного типа повествования. Персонаж интересен с некоей объективной стороны, его роль задана общей проблемой, но не прописана в характерных индивидуальных чертах личности.

Взгляд персонажа, так же как и взгляд на персонаж максимально объективизирован, и его характер раскрывается через серию реакций, фиксированных

в жестах. Нельзя сказать какой цвет глаз, форма носа и цвет волос у Роберты Картер, как она относится к тем или иным вопросам философского характера и вообще относится ли. Как устроен его внутренний мир, какие ассоциации рождает то или иное событие. В эпизоде даны воспоминания доктора Картер: первое, — о ее работе в Чикаго и второе, — опыт, подтверждающий, что раны, которые она видит перед собой, скорее всего, получены от укусов большого животного. Но это лишь общая точка зрения на типичного представителя данной профессии, принадлежащего к соответствующему явлению в целом.

Таким образом, взгляд, который представляет Роберта Картер, имеет иную функцию, нежели раскрытие ее характера, он сопротивляется происходящему, осмысливает события в необходимой автору системе координат и фиксирует нарастающее напряжение. Персонаж, его присутствие в романе может быть рассмотрен с точки зрения функциональности, другими словам, с точки зрения четко определенной роли, за пределы которой выйти ему не дано, в силу авторского замысла. Доктор Картер, также как и Мануэль и Елена Моралес необходимы в сюжете для создания атмосферы саспенса, которое заденет эмоциональное восприятие читателя.

Ярче всего и понятнее это произойдет, если будет выстроен необходимый читателю и простой для восприятия визуальный образ происходящего, для создания которого используются визуальные коды, характерные для кино. Хотя зрительное восприятие просмотренного и эффект от прочитанного являет собой разное отношения между субъектом и объектом, а также между означаемым и означающим, тем не менее уместно говорить о том, что возникает некое общее визуально-понятийное поле, в котором доминанты смысла выстроены в соответствии и с учетом законов обоих видов искусств.

Выявленные особенности построения текста романа «Парк Юрского периода» Майкла Крайтона позволяют говорить о необходимости дальнейшего анализа приемов, которые литература заимствует у кино, понимая принципы, заложенные в основу понятия синтез искусств.

Список литературы:

1. Жак Омон, Ален Бергала, Мишель Мари, Марк Верне Эстетика фильма, – М., Новое литературное обозрение, 2012.
2. Michael Crichton Jurassic Park, – London. The random house group, 2006.
3. Кристиан Метц Воображаемое означающее. Психоанализ и кино СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
4. Роберт Макки История на миллион долларов: Мастер-класс для сценаристов, писателей не только. – М., Альпина нон-фикшен, 2013.

Khalina Nataliya Vasilevna
Altai State University,
E-mail: nkhalina@yandex.ru

The deep sense of Russian life in idiomatic schemes of Siberian dialects

Abstract: The article is devoted to Siberian dialects in which idiomatic schemes contain giletic constructions. The giletic constructions demonstrate the representation of world forms in consciousness of Siberian people.

Key words: idiomatic schemes, language world form, experience in horizon of abilities, linguistic existence

Халина Наталья Васильевна,
Алтайский государственный университет,
E-mail: nkhalina@yandex.ru

Внутренний смысл русской жизни во фразеосхемах сибирских говоров

Аннотация: В статье рассматриваются фразеосхемы сибирских говоров, содержащие гелетические конструкции, которые демонстрируют способы представления форм мира в сознании представителей сибирских диалектов.

Ключевые слова: фразеосхемы, языковая форма мира, опыт в горизонте возможностей

Языковое бытие зависит от актов сознания — в языковой форме закрепляется бесконечное пространство того, что испытывается сознанием и как испытываемое имеет значение. Особую ценность в этом плане представляет диалектная языковая форма, форма народного говора, сообщающая, по утверждению В. В. Виноградова, русскому языку реалистическую живописность, разнообразие экспрессивных красок, свободу выражения, широту стилистических вариаций [1].

В XX веке особое внимание исследователей привлекают сибирские говоры, формы толкования мира представителями сибирской диалектной речи. Интересными в плане языкового существования являются фразеосхемы, представляющие гилетические конструкции в сознании представителя сибирской диалектной речи. Гилетические конструкции демонстрируют существование особого типа восприятия формы мира, при котором суммы впечатлений превращаются в понятийные множества. А. Ф. Лосев [2], описывая гилетические конструкции, иллюстрирует их существование в музыкальном материале: мотив развивается в тему, которая через развитие приходит или к центральному развитию или к конфликту, дающему циклическую форму, в дальнейшем переходящую в свободные формы развития. Именно гилетические конструкции являются основой национальной оригинальности и самобытности, которые так характеризуются Г. И. Успенским: «Оригинальность и самобытность народной речи… делает эту речь и это народное слово совершенно свободным, не знающим никаких стеснений, особливо если дело идет «промеждусебя». Это преимущество народного разговора, важное само по себе, приобретает особенную важность и интерес ввиду того огромного материала, взятого непосредственно из жизни, который имеет в своем бесконтрольном распоряжении эта свободная народная мысль, выражающаяся в свободном слове» [1, 96] Фразеосхемы, представляющие гелетические конструкции в сознании представителя сибирской диалектной речи, являются формами толкования мира, моделирующими языковую форму мира, расцениваемую, в соответствии с основными позициями теории языкового существования, в качестве одной из форм проявления жизни.

Развитие мотива в тему обнаруживается во фразеосхемах, составленных из субстантива и определяющего его атрибута: **ангельские крылышки, бабья свадьба, венчальный цвет, медвежьи ушки, гусиная лапка, тройная кобылка, кукушкины лапти, марьины корешки, мышья репка, отрезанный ломоть, язык толстый, худая голова, свинячьи картошки** и т. п. В подобных фразеосхемах определяются мгновения жизни мира (прежде всего цветы) и мира собственно человеческого, личностного, привлекающие вынимание представителя сибирской диалектной речи и помогающие ему придать событийную значимость собственному существованию: превратить повседневную человеческую реальность в составляющую природной архитектурной структуры.

Приближение к свободным формам развития, обустраивание человеческого существования в природно-циклическом бытии обнаруживаем во фразеосхемах, составленных из глагола и существительного в им. п.: **блуд напал, жажда берет, совет не берет, бутылка заставила, засуха взяла, года подошли, голова не варит, душа заходится, ноги спят, пуп трещит, пятки говорят, сердце прискажет, язык потерялся**. При отборе существительных учитывалась также позиция существительного — предшествование глаголу. Фразеосхемы, тождественные предикативной основе предложения: представляют собой первый методический шаг представителя сибирской диалектной речи в формировании смысловых и бытовых представлений — эпохе, приостановку мира. Эпохе, по утверждению Э. Гуссерля [3], будучи приостановкой мира, заключением в скобки, представляет мир в его бытии как конституированный мир конституирующего сознания. Благодаря эпохе, мир предстает как коррелят субъективности сознания. Фразеосхемы фиксируют конституирование своеобразной пространственно-вещной структуры мира, внутренний горизонт восприятия мира. Любое отдельное восприятие несет с собой антиципации, отсылающие к связи восприятия; ряд восприятий объединяется в единую связь опыта, пребывающую под тем же принципиальным условием возможности изменения лишь «относительных» истин. Мир дан нам в подобных рядах восприятий. Такого рода интенционально конструированная связь составляет наше представление о мире и реальности. Мировой опыт сознания конституируется в систематически связывающихся последовательностях фактического и возможного процессов восприятия, в которых все новые области мира способны восприниматься. Новой областью восприятия-осмысления диалектной сибирской речи предстает человек, ли-

неарная конструкция которого, или вариации схемы мироздания, выглядят следующим образом: **голова, волосы, кишки, ноги, глаза, руки, язык, сердце, пятки, пуп**. «Спутниками»-атрибутами человеческого существования оказываются **блуд, жажда, засуха, бутылка, присталь, чёрт, нужда, совет, стон, смех**. Систематическая связанность земного и неземного существования определяется знаками «душа»: «чёрт», «могила», «смерть». Условия возможности коррекции «относительных» истин определяется знаками засуха, годы, мороз, язык, след, калачики (преображенная метафора колеса жизни). В рассматриваемых фразеосхемах предложены секвенции, последовательности восприятий, которые в дальнейшем основанием опыта накопления восприятий мира в языковой форме. Актуальным в актах познания реальности представителями сибирской диалектной речи становится плотское сознание. Плотское сознание, нацеленное на непосредственный контакт с природными формами, изображает существование человека как явленность природного духа, пребывающего и убывающего в/из физической материи через информационно-энергийную систему «душа-память-нервы». Эта триединая формула согласования стиля мышления, языка и нормы представляет собой запись закона формального существования человека (существования в форме), мотивированного естественной установкой на мир.

Плотское сознание представителя сибирской диалектной речи актуализируется во фразеосхемах, составленных по формуле: сущ. в вин. п. 1 глагол, сущ. в тв. п. + глагол. Примеры подобных фразеосхем: **ноги задрать, жару давать, кожу дерет, глаза продавать, басни распускать, бока наломать, век коротать, кулак соплей намотать, путь давать, руки связывать, нервы трепать, уши развесить, щетину повыдергивать, язык ломать** и т. п. Плотское сознание, если оставаться в контексте феноменологии Э. Гуссерля, связано с опытом в горизонте возможностей. Опыт в горизонте возможностей имеет обратную связь с сознанием, чтобы она могла добывать для себя дальнейшие чувственные впечатления посредством телесной активности. В этом артикулируется, как считает П. Прехтель [4], сознание о теле как органе восприятия и ощущения, которым человек произвольно двигает: тело становится органом восприятия, телесные движения осуществляются с тем, чтобы обрести новые впечатления и связанные с ними новые способы видения (в этой целенаправленной телесной активности осуществляется соединение друг с другом отдельных сенсорных впечатлений). Добывание чувственных впечатлений обеспечивает поддержание резонансного взаимодействия человеческого мира с миром природным — миром форм.

Местом контактирования двух миров становится форма языковая в ее частной реализации — фразеосхеме, именно она поддерживает цикличность человеческого существования. Бытовое существование, сопрягаемое с высокой философской абстракцией, открывается во фразеосхемах: век коротать, концы схоронить, хомут надеть, венец принять. Идея бытия, соизмеренность существования с существованием других (сондзай) обнаруживает себя во фразеосхемах: **жару задавать, живым не пахнет, рога в землю воткнуть, щетину повыдергивать, брылы развесить** и т. п. Особенности сэймэй (жизни человека) характеризуются фразеосхемами **кисели хлебать, кашу заварить, воды не замутит, водой не разольешь** и т. п. Также открываются потенции заполнения внутреннего горизонта, определяется внутренний состав (наполнение) тела: **душой кривить, нервы трепать, память вышибить (нервы, душа, память)**, намечаются координаты внешней среды: **небо коптить, путь давать, собаку съесть, камушки считать** и т. п. **(путь, небо, собака, камушки)**.

Русская народная культура поражает своей целостностью, внутренним единством, утверждал В. В. Виноградов. К. С. Аксаков писал: «В русской земле (народе) единство во всех ее проявлениях; всюду проводится то же начало и тот же образ: язык, одежда, общественное устройство, песня (содержание), музыка (напев), поэтическая речь (стих), сказка, пословица, шутка, обычаи, пляска, — одним словом, все проникнуто тем же духом. Чрезвычайно замечательны обычаи, где вся жизнь, не переходя в мир искусства, а оставаясь вполне жизнью, проникается светом и мыслию, где слово также просветлено и становится поэтическим. Все разговоры, все действия, всё проникнуто значением высоким, внутренним смыслом жизни» [5, 597–598]. Внутренний смысл жизни, представленный в форме русского языка, открывается через декоративное чутье россиянина: именно эстетическое отношение к миру позволяет жителю России зрительно объединять в ансамбли отдельные предметы, а, следовательно, найти программу функционирования вещи, мира, человека, социальной системы.

Список литературы:

1. Виноградов В. В. Великий русский язык. М., 1946.
2. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики//Лосев А. Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995. С. 495–602.
3. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.
4. Прехтель П. Введение в феноменологию. Томск, 1988.
5. Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1889, Т. 1.

Section 13. Philosophy
Секция 13. Философия

Polishchuk Oleksandr Serhiyovych, candidate of philosophy,
associate professor, associate professor of the department
of social sciences of Khmelnytskyi Humanitarian-Pedagogical Academy, Ukraine.
E-mail: Prokurator2007@ukr.net

Influence of myths onto the collective activity

Abstract: Some historical aspects, which are of great importance for the formation or breaking up of collective activity of Ukrainian society have been studied. It is found out that in this process special role belongs to the myths, which are diversified by their content. Besides, it is proved that political forces use the myths or create them with the aim of fight for power. That is with the help of the myths they influence person's and society's consciousness. Several modern myths, which are important for Ukrainian society in the context of international relations, are offered.

Keywords: socium, myth, culture, religion, collective activity, manager.

Полищук Александр Сергеевич, кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры общественных наук
Хмельницкой гуманитарно-педагогической академии, Украина
E-mail: Prokurator2007@ukr.net

Влияние мифов на коллективное действие

Аннотация: Рассмотрено некоторые исторические аспекты, которые имеют важное значение в формировании или расформировании коллективного действия украинского общества. Установлено, что в этом процессе особенную роль отводят мифам, которые по своему содержанию являются разноплановыми. Кроме того, доведено, политические силы используют мифы ибо их создают с целью борьбы за власть. Тоесть при помощи мифов они влияют на сознание людей, общества. Наведено несколько современных мифов, значимых для украинского общества в контексте международных взаимоотношений.

Ключевые слова: социум, миф, культура, религия, коллективное действие, менеджер.

Presentation of the Problem in General Terms and its Connection with the Important Scientific or Practical Tasks. The question of collective activity in diversified societies has always been topical, because a person, due to its nature, is a social creature, and thus, collective. It is because the society is large social structure, where every element, institute appears as the assembled unit of the whole. That is, all present social formations, institutes, are a priory of their collective activity, which in totality with analogous to it, create collective activity of the society, state, continent in general. So, when speaking about collective activity as a result, we should understand the activity of every in particular.

Nowadays, when the world undergoes mass transformations, people, who form it, met mass difficulties. One of these is formation of collective activity. The process itself is not complicated. It seems that common goal is quite enough. In reality it isn't so, because every participant of one or other social groups, movements has his or her own goal, and in order to unite them into one, political managers apply to creation of the myths. Also myths play destructive role in collective activity. It proves that the myth is something constructing and in the same time destructive in collective activity.

Thus, Italian scientist V. Pareto calls such myths — myths of "liberation", "brought down idol", "eternal harmony". For example, Soviet person and representative of Western countries saw the same enemy, merciless, demonic, intellectually limited. For the contemporary American the enemy — is Arabic terrorist, representa-

tive of Al-Queda, and for the Russian — it is Chechen, Banderovite, for the Ukrainian — it is Russian, etc.

The role of myths grows in the periods of crisis, because they are connected with cardinal changes of world outlook. Period of social transformations free irrational accumulated energy of the society, destroys social feelings, emotions, which unite people and society. The myth to a certain extent, is the connection between the proper objects or phenomena, and it is grounded on the subjective experience. It can excuse anything: creation of new kinds of weaponry, annihilation of nations, introduction of new laws, total spying upon the citizens, inactivity of social processes, lagging of the country.

As the myth is the phenomenon of social life, which accompanies humanity during its whole history, this phenomenon was studied by many philosophers, beginning with Plato, who tried to understand its essence, sources, types, social role.

Analysis of the Latest Researches and Publications, in which Solving of this Problem was Initiated. During recent times more and more scientists apply to the question of functioning of myths in Ukrainian society in general. In particular: K. Jung, M. Popovych, V. Malakhov, N. Khamitov, O. Hrytsenko, H. Hrabovych, O. Zabuzhko, I. Hrabovska, A. Tykholaz, G. Pocheptsov, V. Tkachenko, V. Skurativskyi, V. Horskyi, M. Obushnyi, R. Barker, Y. Bauman, O. Donchenko, Y. Romanenko, Y. Shaihorodskyi, J. Federiko and other. They all tend to think that Ukraine, after receiving independence, for more than a decade has been trying to create new national mythology, which should become the instrument of Ukrainian society's integration. In the same time the questions, which were not earlier solved, should be distinguished, in particular, as for some aspects of the myth in the life of contemporary Ukrainian society and collective activity of its social structures.

The Goal of the Article: to comprehend the myth as a means of forming or breaking up collective activity.

The Tasks of the Article: to determine the factors, which serve for the myths formation and influence forming or breaking up collective activity.

Presentation of the Main Material. Paying attention to the above mentioned, we state that the myths, which were used by the politicians in constructing social life, generate two parallels: on one hand it is the wish of the society to be unitary, on the other hand — through political speculatings and manipulation historical past and the facts, to ensure dividends and victory in the fight for political Olympus.

Myth, translated from the Greek, means rendering or narration and, mainly, it becomes in the form of story about a number of connected between themselves events or objects, but it isn't reduces only to this form. As a mechanism of formation or breaking up of collective activity, it finds its realization in such social mechanisms of relations regulation, as ceremonies, rituals, rites, keeping to taboos. From the other forms of narration (everyday tales, fairy tales, didactic fables, legends, historical stories) the myth differs by the thing that it is a story, which received the status of sacred truth inside a social group (or a number of social groups) [5, p.31]. Historical stories or legends within a social group can be considered as the truth, but they, in contrast to the myth, don't carry sacred, higher sense, and that is why they cannot serve sufficiently legitimacy of various social practices.

Here we should mention that the important role in forming myths belongs to historical facts, figures, archaic symbolism is used, especially when it concerns politics and fight for the authority.

It is known that Ukrainian state, as well as Ukrainian society, originates from the breaking up of Kyiv Rus, which was formed with the help of force as semi-cultural medieval state with economically advantageous geopolitical disposition. But after its breaking up Southern Rus was created, — the territory where Ukrainian heritage for the first time appeared, and which was rather attractive for foreign countries: firstly Lithuania, then Poland, newly created Polish-Lithuanian Commonwealth in the result of conclusion of Union of Krewo. Then, after breaking up of these states, Ukrainian lands attracted Austro-Hungary, Russia and others. As we can see, Ukrainian territories were interesting for many states, empires. As a result of this interest Ukrainian society underwent different oppressions, which was detected in the mentality of Ukrainian society and reflected in revolutionary, transformation-modernization changes, which it underwent at the end of the XX — beginning of the XXI century.

In reality, Ukrainian society due to historic, political, social, religious, cultural processes, during the years of its forming, hasn't become one whole. We can speak about its unity only from the position of territory. It points us to the fact that territorial appliance of the individual is one of the causes of collective activity. It is clear that from this position the phenomenon of collective activity is extremely wide, and, as a rule, it doesn't always work. As an example of its inaction we can show the events in Ukraine, which roused the whole world and incite the world community to become thoughtful about the questions of security. But that's not the point. Speaking about collective activity from this position, we come across a number of difficulties, which impede its (collective activity) formation.

One of them is the problem of culture. This discussion in large measure is manifested on the Right Bank and Western territories of Ukraine. It is this territory, which for a long historical period of formation underwent the influence of cultures of Lithuania, Poland, Romania, Hungary, Slovakia and other countries. In this way on the mentioned territories on the basis of two cultures, on one hand — Ukrainian, and on the other hand — culture of the state, which in the certain period of historical development dominated on this territory, hypothetically, through the consanguinity of the carriers of one or other culture, new types were formed, which were not similar to their precursors. This situation proves that collective activity of individuals, which are carriers of proper cultures, will be directed to the support of the one, which is dominant in this case. But in spite of this, individuals, carriers of one or another culture, through the cultural situation which was formed, see themselves as part of Europe, and it is geographically proved. In this way the question of collective activity, grounded on the cultural foundation, is excluded. But in political attitude it plays an important role: these cultures are characterized by activity and risen patriotism. That is, it goes about activist culture.

This cannot be said about the Left Bank or Eastern Ukraine, where dominant among national minorities was Russian culture. Due to this circumstance, it during the whole period of historic development conducted monopolization in the region, that in some cases led to identification of Ukrainian and Russian cultures. Besides, it can be characterized as subjective one. It means that its carriers hope more for the will of the leader, than for their own forces. On one hand collective activity of the carriers of this culture could be more effective, as they are more concentrated. But in reality it isn't true. It is because the common goal doesn't always meet individual interests.

Analogous situation characterizes also collective activity, which is grounded on religious foundation. The only difference is that its geopolitical map will have another coloring.

Great influence over the forming collective activity of national character have also the processes of globalization and European integration. When globalization processes have the influence over the forming collective activity of all Ukrainian society in full measure, it cannot be said about European integration processes, which are supported by the central and western regions.

We couldn't mention the whole list, which is the material in hands of the state managers for myths' forming. But they too play significant role in ensuring dividends for your politicians. These are the factors, which break up the society. But we cannot avoid it. It is because myth making is immanent to Ukraine as to any other state of the world.

When analyzing domestic modern myths, we should mention that they appear and exist on several levels. First of all, they exist on theoretical level, which is closely connected with production and functioning in personalities' consciousness fundamental knowledge and values, which are the basis of state ideology, that is the myths, which are created on the state level. Study of mythology, as reflection of the most ancient conception of the world has more and more confidently received proper place in present-day scientific world. Those scientists, who study this phenomenon deeply, affirm that the myth should be treated not only as archaic form of world outlook, but also as a thing, phenomenon, which has always existed, exists today and which has extremely important influence over the processes that take place in the society. As the famous historian of religion M. Eliade affirms: "To know the myth — means to come closer to the secret of all things' origin. In other words, a person comes to know not only about how it all appeared, but also about how to determine and to reproduce it, when it all vanishes" [7, p.16]. Known psychologist K. Jung thought that the modern civilization, having reduced conception of the myth to the level of story for children, having deprived the myth its sacral meaning, finally, having affirmed about harmful influence of mythological thinking over the society, in reality just forced out the myth to the backyard of human subconsciousness [8]. There, in subconsciousness, mythological images and archetypes continue living and searching any opportunity to pour out with the force of compressed spring [4].

One would think that at the end of the XX century these questions could disappear in their own right, because the society itself determined for it the strategy of development, and during the period of independence new generation appeared, mentality of which has nothing in common with the mentality of previous generations. Young generation, born during the years of independence, is more resolute and radical. It was proved by the event in Ukraine that took place in December 2013 — March 2014.

But it is sad stating that all above mentioned factors are the subject of mythologization in the hands of politicians, who, persecuting their own interests, as a rule, material ones, make manipulation of consciousness. That is the question arises, what for is the myth needed.

Apropos of this an interesting idea was expressed by V. Burlachuk. On his opinion, it is not easy to answer this question using linguistic and semiotic analysis. By the example of African soldier, who salutes French banner, he mentions that there is French empire, to which with equal mood and wish serve African and Russian soldiers [2, p66]. Analogical situation we can see today in Ukraine: when on the territory of the Crimea and East under the Russian banner march the Russians, Caucasians and even Ukrainians. But can we in this case say that they all form collective activity, grounded on the Russia's interests? However this information can be understood from the other point of view, the author treats it in the following way: French empire is powerful, its armed forces are multinational, and in it with equal pride serve both French and African boys [2, p.66].

This example confirms the fact that in the armed forces of Russia, as federative, multinational country, serve the young men of different nationalities. It is grounded on the ideological bases. Besides, there is a part of individuals, who because of material interests protect the interests of Russia and in this way they strengthen its collective activity on the territory of Ukraine.

In this situation collective activity, formed under the banner of Russian Federation, is clearly determined in contrast to the European one. During the whole period in Europe were found points of tangency in order to form collective activity and to oppose it to Russia. The latter acts contrariwise.

Here we should mention that in the myths such judgments are encoded. Their activity reduces to the fact that decoding of these ciphers takes place at "unconscious level". Here is the force of influence of myth over the collective activity.

But in this context there is a contradiction. It turns out that the above offered vision and the real present-day state is not the myth, because nothing else is understood in it. It is the notion that cannot be the myth. That is the presented situation has clear form of meaning. At that we think that even in this case the myth cannot be excluded from the gist itself. When holding to this conception, we can come to the conclusion that in all our problems Russia, the USA, Europe or other countries are guilty. At that Russia acts, when the USA and Europe have lost their easiness in solving significant problems, they have lost, according to Y. Yevol, the centre of their activity. Bureaucracy, that grew in the societies, which chose democratic way of life, impregnated all social systems down the roots, — they are everywhere: in the law, in the science, in thinking [6, p.12]. These data indicate that the myth drops out of the ideology, which, in order to be effective, applies to mythological constructions. In this case the myth cannot be reduced only to the form, it is both the form and the context, which is perceived by the society.

This leads us to the thought, which was expressed in due time by K. Jung: the myth is the form of collective consciousness, where mythology appears as tribal consciousness. It isn't the illusion or fiction, but it is the necessity. The myths appear not only to explain the surrounding world, but also to establish the contact with this world. The scientist considers that owing to the myths archetypes of collective consciousness become topical — they are constant structures of collective not conscious socium, which are original storehouse of its secret dreams and strivings.

Thus, the myth (or mythology as a totality of the myths of social community) is archaic mechanism of forming or breaking up collective activity, which regulates interaction of a person with the surrounding world through image-symbolic determination of the reality, allotment it with the sense in its all manifestations and ascribing social behavior. Mythology appears in the primitive society as a system of conceptions of the world, like its peculiar model, which "transforms chaos into cosmos, creates the ability to comprehend the world as the organized whole" [1, p.53] and which confirms the models of collective and individual activity. The myths establish the rules of behavior, they warn, ground, legitimate convictions, views, they manage people in all significant manifestations of social activity. In the primitive society the myth was the main instrument of social behavior regulation, the active, efficient force in collective activity. It, according to B. Malinovskyi's words, was "the code of moral and even practical instructions, and also the means of social subordination support" [3, p.99].

That means that the myth is one of the ways of forming and constructing collective activity. Politicians in the country, using all possible means of influence, form their groups for the struggle and confrontation. Such mythologemas are understanding of "Banderovite", unequal economic development of regions, vagueness in forming historical conception, etc. Another myth, which was created in Ukraine, is the myth about the "Right Sector", invented from beginning to end and exaggerated by the Kremlin mass media, is that grounding, on which foreign policy of Russian Federation is built; because of it fatal mistakes are made and people die.

Rather interesting is the myth about the fact that on the territory of Ukraine, especially in the Crimea and in the Eastern regions, Ukrainian government suppresses

Russian-speaking people. This situation has nothing to do with reality. There was a plan in Ukraine to give the status of second official to Russian language. So, these myths, as many others, are the instruments in the struggle for authority.

We should mention that K. Flad points out to the mythology as to the field of fight for legality and power of different social groups and societies. He says: "The myth is able to ground the supremacy of one social group over the other; here we can talk about both, different segments of one society and about different societies… It can support equilibrium between groups, which are situated on one step of hierarchic ladder; it can also express active or passive resistance of lower hegemonies to the higher ones" [5, p.37–39].

Thence we can state that there is a great number of historic and social facts, which successfully entwine into the everyday life of individuals and make significant influence over the collective activity of the society, social group, region, country, etc.

General Conclusions. Modern myths are grounded on historic facts of variegated Ukrainian social environment and directed to fulfillment of the same functions as sacral myths. First of all they should put in good in good order perception of reality in social consciousness, restore hierarchic model of the world according to the principle of inequality of meanings, which are offered to its various components and which are in certain system connection. Using the myths in the arsenal of its influence, it aims at strengthening of collective activity depending on the interests of those social groups, which representatives initiate it. As the means of legitimating policy, the myths are called to form conviction as for the value of one or other events, decisions, active forces, ways of activity, images of existence, manifestations of social-political life and to cause proper social reaction.

Modern myths can have different forms, they are reflected in visual genres (painting, poster, monument), in fiction, as well as in collective ceremonies, rituals, especially respected holidays or geographical points. Besides, the myth is that mechanism which can favor its forming or destabilize it.

References:

1. Burd'ye P. Sotsiologiya politiki: Per. s fr./Sost., obshch. red. i predisl. N. A. Shmatko. – M.: Socio-Logos, 1993. – 336 p.
2. Burlachuk V. Simvol i vlast: Rol' simvolicheskikh struktur v postroyenii kartiny sotsial'nogo mira/V. F. Burlachuk. – K.: Institut sotsiologii NAN Ukrainy, 2002. – 226 p.
3. Malinovsky B. Magiya, nauka i religiya/B. Malinovsky. – M.: Refl-buk, 1998. – 304 p.
4. Parubii A. Polityka i Mif [Elektronnyi resurs]/A. Parubii – Rezhym dostupu: http://www.parubiy.org/index.php?id=221 – Nazva z tytul. ekranu.
5. Flad K. Politicheskii mif. Teoreticheskoye issledovaniye/K. Flad. – M.: Progress-Traditsiya, 2004. – 264 p.
6. Evola Y. Yazycheskii imperialism/Y. Evola. – M.: Arktogeya, 1994. – 172 p.
7. Eliade M. Aspekty mifa/M. Eliade. – M.: Akademicheskii Proekt, 2001. – 240 p.
8. Yung K. G. Dusha i mif. Shest arkhetipov/Karl Gustav Yung. – Mn.: Kharvest, 2004. – 400 p.

Section 14. Economics and management
Секция 14. Экономика и управление

Vladislav Vostrikov Sergeevich,
The Russian Presidental Academyof National Economyand
Public Administration, PhD Student
E-mail: vsvostrikov@list.ru

Socioeconomicpotentialofhigh-techcompaniesalliances

Abstract: article reviews socioeconomic potential of high-tech companies alliances potential, stating its leading role in Russian economy innovational development.

Keywords: alliance, high-techcompanies, innovation, competitiveadvantage, competitiveness

Востриков Владислав Сергеевич,
Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при президенте РФ, аспирант
E-mail: vsvostrikov@list.ru

Социально-экономический потенциал альянсов высокотехнологичных компаний

Аннотация: в статье рассматривается социально-экономический потенциал альянсов высокотехнологичных компаний, обосновывается их ведущая роль в инновационном развитии отечественной экономики

Ключевые слова: альянсы, высокотехнологичные компании, инновации, конкурентные преимущества, конкурентоспособность

Усиливающаяся глобализация и интернационализация, быстрое изменение экономической конъюнктуры на внешних и внутренних рынках, возрастающая конкуренция и необходимость обладания в ней передовыми знаниями и технологиями, увеличивающаяся сложность проектирования, производства, либерализация и дерегулирование рынков в мире и т. д., обусловили интеграционные процессы во всех, без исключения, социально-экономических системах. В этих условиях, компании вынуждены постоянно корректировать свои стратегии, сокращать издержки, использовать различные инструменты обеспечения конкурентных преимуществ и конкурентоспособности в целом через привлечение, комбинацию, рекомбинацию разнообразных ресурсов посредством целесообразных форм сотрудничества и партнерства на основе альянсов.Данное обстоятельство имеет отношение и к высокотехнологичным компаниям, которые призваны сыграть роль локомотивов по развитию отечественной инновационной экономики, её переводу на траекторию «инновационного прорыва» и лидерские позиции. Потребность высокотехнологичных компаний в межфирменной интеграции обусловлена сложным и наукоемким производством, поэтому их эффективное развитие на основе стратегии инновационного прорыва возможно через преодоление ограниченности ресурсов, объединение потенциала с равными и/или более сильными партнерами/конкурентами. Кроме этого, в настоящее время значительная их часть находится в кризисном состоянии, преодолеть которое способна синергия знаний, опыта, технологий посредством различных форм партнерства, позволяющих, оставаясь автономными, постепенно устранить асимметрию в инвестициях, продукции, технологиях, специалистах.

Необходимость преодоления низкой конкурентоспособности отечественной экономики, как глобального игрока, на основе формирования разнообразных форм альянсов, обозначена так же в качестве ведущей цели масштабной модернизации страны в целом ряде

появившихся в последние годы законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства, президента Российской федерации, в итоговом докладе о результатах экспертной работы ведущих отечественных экономистов по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия — 2020: Новая модель роста — новая социальная политика» [5].

Как показывает ретроспективный анализ, в высокотехнологичном производстве альянсы традиционно считаются менее рискованным инструментом рыночной экспансии. Консолидация ресурсов и их взаимодополнение позволяют получать экономический эффект за счет экономии на масштабах, совместного формирования отраслевых стандартов, преодоления кросскультурных барьеров, укрепления позиций с поставщиками, потребителями, расширения каналов сбыта, выхода на международные рынки, совместимости комплектующих и т. д. Большинство авторов (Д. Блейки, Д. Эрнст, К. Гон, Е. А. Карпухина, М. В. Грачев и др.) называют их относительно новым и перспективным явлением с точки зрения массового возникновения в качестве альтернативы слияниям и поглощениям, современной формой сотрудничества организаций, обеспечивающей устойчивое развитие компаний-партнеров.

В общепринятом значении альянс представляет собой «союз, объединение нескольких организаций, предприятий на долговременной основе [4, с. 23]. В настоящее время они становятся наиболее оптимальной формой организации бизнеса. В 2012 году 30% доходов всех компаний было получено в условиях альянсов, основная часть которых включает высокотехнологичные производства [7]. Альянсы отличаются многообразием форм, мотивов, целей создания, совокупностью решаемых задач, количеством и качеством участников, культурными и географическими особенностями, отраслевой спецификой и т. д. По классификации Ассоциации профессионалов в сфере стратегических альянсов (BestPracticesGuidebookonAllianceFormationandManagement) выделяются следующие типы альянсов: стратегические, квази-стратегические, тактические. Разные формы альянсов определяют разную степень и период их взаимоотношений, обусловленных как актуальными, так и перспективными целями.

Наиболее непродолжительным характером существования отличаются тактические альянсы, которые создаются для организации совместных действий в краткосрочной или среднесрочной перспективе, имеют короткий жизненный цикл, реализуют конкретную, специфическую, чаще всего — одну, ограниченную цель. Например, ускорение формирования инфраструктуры целостного продукта в пределах конкретного сегмента рынка, разработка крупного проекта, решение проблем отдельных групп потребителей, расширение продуктовой линейки в краткосрочном/среднесрочном периоде, намерение одной из компаний, в ближайшем будущем заменить продукт/услугу альянса своей собственной, организация совместных усилий по антикризисному менеджменту и санированию и т. д. При их формировании не происходит обмена акциями, компании не входят в капитал друг друга, однако, могут совместно использовать ресурсы.Многие тактические альянсы создаются между функциональными подразделениями нескольких компаний, а управление ими осуществляется на уровне менеджмента среднего звена. По мнению Ю. М. Хаханова, они часто «являются непрочными и конъюнктурными» [7, с. 22].

Особенностью квази-стратегических альянсов является несимметричность намерений и целей партнеров. В них стратегическая инициатива по формированию партнерства, как правило, исходит от одной компании, а другая заключает союз для достижения своих тактических целей и рассматривает его как средство для их достижения. Как считают Г. Хэмел, И.До, К. Прохалад, ситуация, в которой «один партнер намерен учиться, а другой — стремится чего-то избежать», в перспективе может закончиться зависимостью одного участника альянса от другого [8, с. 16]. Данный тип партнерства содержит более высокий уровень рисков и более низкие гарантии, по сравнению с другими формами бизнес-сотрудничества.

Самой распространенной формой интеграции высокотехнологичных компаний являются стратегические альянсы, представляющие собой «доверительные, долгосрочные, взаимовыгодные отношения между компаниями, объединенными для достижения общих целей, позволяющие каждому из партнеров более эффективно достигать стратегические цели и координировать совместные ресурсы. При этом компании-партнеры не теряют своей стратегической автономности» [1, с. 74]. Данное обстоятельство обусловлено самим смыслом создания партнерств и целями их участников, главными из которых являются достижение финансовой устойчивости и стабильности, долгосрочных конкурентных преимуществ, что объективно предполагает стратегический характер взаимодействия. Как подчеркивает Е. А. Карпухина,

«В основе создания и деятельности стратегических альянсов лежит именно совместимость стратегий, долгосрочных интересов» [1, с. 77]. Компании объединяются в союзы для реализации, прежде всего, перспективных целей. Потребность в долговременном характере сотрудничества обусловлена в настоящее время глобальной реорганизацией бизнеса, перемещением источников обогащения и коммерческих возможностей из развитых экономик — в развивающиеся [9, с. 82]. Важной особенностью, по мнению Р. Кантер, является социальный характер альянсов, представляющих собой «живые системы с развивающимися возможностями» [2].

Целью вступления в альянс большинства участников является удовлетворение двух основных потребностей — «оборонительной», обусловленной инстинктом выживания и «наступательной», связанной с необходимостью экономического прорыва для достижения конкурентоспособных преимуществ. Первичный побудительный мотив обусловлен отсутствием альтернатив, позволяющих высокотехнологичным компаниям достигать стратегические цели без участия в нем. [3, с. 19].

Помимо этого, сотрудничество в условиях партнерств способствует получению следующих выгод:

— дает возможность получения технологий и/или производственных способностей;

— открывает доступ к необходимым рынкам;

— способствует уменьшению финансового риска;

— сокращает политические риски;

— обеспечивает конкурентоспособный паритет между участниками и т. д.

Обстоятельством, существенно повышающим потенциал высокотехнологичных компаний, является так же возможность создания множества альянсов, которые объективно усиливают синергетический эффект в результате складывающихся между разными партнерами связей, значительно снижают риски в случаях неблагоприятного развития ситуации. По данным Ю. М. Плотинского, в настоящее время, каждая из 500 крупнейших компаний участвует в среднем в 60 альянсах [6, с. 11].

По нашему мнению, следует принять во внимание ключевую особенность альянсов как формы межфирменной интеграции- альтернативную форму слияниям и поглощениям. При таком подходе станет очевидным, что важнейшей целью вступления в альянс является возможность сохранения компаниями самостоятельности и возможности дальнейшего развития через кооперацию и сотрудничество с организациями, обладающими комплементарными ресурсами и создающими условия для получения синергетического эффекта. Необходимо обратить внимание и на то, что в настоящее время для организаций — участников альянсов, наиболее активным элементом и ценным стратегическим потенциалом являются знания, опыт, информация партнеров и возможность их диффузии в процессе совместной деятельности. Как считает Е. А. Карпухина, «альянс можно назвать «стратегическим», если его деятельность, во-первых, соответствует стратегиям компаний партнеров, во-вторых, если внутри альянса проходит реальный обмен знаниями и опытом» [1, с. 77].

Сотрудничество в условиях альянсов позволяет существенно повысить потенциал участников за счет решения следующих задач:

— снижения рисков;

— экономии на масштабах производства;

— совместном использовании ресурсов: человеческих, информационных, технологических, производственных; объединения потенциала в изготовлении компонентов/сборке конечной продукции;

— сокращения факторов неопределенности, усиления стабильности, появления новых возможностей для развития;

— получения доступа и продвижения продукции на рынок со сложившимися рыночными структурами, кросскультурным менталитетом, возможность преодоления торговых ограничений, быстрое проникновение на новые рынки;

— проведение совместных исследований, разработок, производство наукоемких, технологически и технически сложных продуктов при значительной экономии на НИОКР;

— обмен технологиями, ноу-хау, знаниями, опытом, обучение персонала и др. (Б. Гаррет, П. Дюссож, Т. Дас, Б. Тенг, Е. А. Карпухина, В. С. Катькало и др.).

Выбор компаний в пользу альянсов обусловлен, так же, потенциалом, связанным с комплементарным характером заключенных в них софт-факторов: сочетанием эластичности, обеспечивающей независимость партнеров и, одновременно, прочности, усиливающей партнерские связи; компенсацией ограничений одних участников возможностями других; созданием конкурентных преимуществ во внешней среде за счет синергии партнерства и одновременным ослаблением конкуренции между друг другом. Взаимодополнение софт-факторов, образующих целостность из полярностей: эластичность — прочность,

усиление-ослабление (конкуренции), компенсация ограничений — создание конкурентных преимуществ, оптимально и комлиментарно усиливает возможности альянсов.

Существенным фактором, увеличивающим социально-экономический потенциал альянсов, является так же правовая простота оформления партнерств из-за отсутствия их юридического статуса. В связи с этим на практике большинство из них создаются на основе одного или нескольких договоров, могут образовывать/не образовывать многообразные юридические формы, охватывать различные виды компаний, отличаться отраслевой принадлежностью, величиной, географическим расположением, временем функционирования. При этом партнеры, при необходимости, могут создавать совместные предприятия и/или филиалы, которые подчиняются законам страны, в которой находятся.

Таким образом, образование альянсов в высокотехнологичных отраслях экономики дает возможность в значительной степени увеличить их социально-экономический потенциал.

Список литературы:

1. Карпухина Е. А. Альянсы как форма интеграционного взаимодействия в сфере бизнеса и профессионального образования. Т. 1 – дисс. д. э.н. – М.: Академия труда и социальных отношений, 2005. – 503 с.
2. Кантер Р. Преимущество сотрудничества//HarvardBusinessReview. Серия: Идеи, которые работают. Стратегические альянсы- М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 244 с.
3. Осовская К. А. Управление стратегическими альянсами в современном бизнесе/Материалы Международной научно-практической конференции «Неоиндустриализация и инновационное развитие России. Ч. 2 – Краснодар: Просвещение-Юг, 2012. – 216 с.
4. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь/под ред. Б. А. Райзберга – М.: ИНФРА-М, 2010. – 512 с.
5. Стратегия – 2020: Новая модель роста – новая социальная политика. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года. – Книга 1./Под научной редакцией В. А. Мау, Я. И. Кузьминова – М.: Издательский дом «Дело» РАНХ и ГС, 2013. – 430 с.
6. Сообщества практики для инновационных компаний. Проект РУСМЕСО (под ред. Ю. М. Плотинского). – СПб, 2007. – 190 с. [Электронный ресурс] – www. rusmeco. ru. – 17.05.2014.
7. Хаханов Ю. М. Модели принятия управленческих решений в альянсах высокотехнологичных компаний – автореф. дисс. к.э. н. – М.: МГУ, 2014–26 с.
8. Хэмел Г., И. До, К. Прохалад. Сотрудничайте с конкурентами – и побеждайте//HarvardBusinessReview. Серия: Идеи, которые работают. Стратегические альянсы – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 244 с.
9. Хаут Т. Гамават П. Пекин готовится к прыжку. Чьи теперь технологии?//HarvardBusinessReview, март 2011. – С. 73–82.

Zamotaeva Olga Aleksandrovna, National Research University
The Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Associate Professor,
Department of Accounting, Analysis and Audit, Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor
E-mail: yaia@vgavt-nn.ru

Chernova Daria Vadimovna, National Research University
The Higher School of Economics, Nizhny Novgorod, Student, Faculty of Economics

Interrelation between Financial Risks and Financial Position Indicators of an Insurance Company

Abstract: The article is devoted to the study of the interrelation between the financial risks and financial position indicators of an insurance company. Scenario analysis is carried out in order to evaluate the influence of the risks in complex.

Keywords: financial risk, financial position, scenario analysis.

Замотаева Ольга Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, доцент кафедры «Бухгалтерского учета, анализа и аудита», к. э.н., доцент
E-mail: yaia@vgavt-nn.ru

Чернова Дарья Вадимовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород, студентка, экономический факультет

Взаимосвязь финансовых рисков и показателей финансового положения страховой компании

Аннотация: В статье исследуется взаимосвязь финансовых рисков и показателей финансового положения страховой компании. С целью определения комплексного влияния рисков проводится сценарный анализ.

Ключевые слова: финансовый риск, финансовое положение, сценарный анализ

Работа выполнена на материалах Закрытого акционерного страхового общества «ЭРГО Русь», которое является одной из наиболее перспективных компаний в отрасли. По результатам 2013 года страховщик занял тридцать девятое место по объему поступлений и двадцать девятое место по объему выплат. В данный момент ситуация на рынке достаточно благоприятна для ЗАСО «ЭРГО Русь». Страховой портфель ЗАСО «ЭРГО Русь» является одним из самых прибыльных на российском рынке и включает широкий спектр видов страхования [1].

Анализ финансового положения ЗАСО «ЭРГО Русь» показал, что компания является полностью платежеспособной. Показатели деловой активности свидетельствуют об эффективном управлении ресурсами компании, хотя рост периода погашения дебиторской задолженности при сокращении периода погашения кредиторской задолженности является негативным показателем, поскольку данный рост может стать причиной недостатка ликвидности в будущем.

Анализ показателей рентабельности компании показал, что доходность страховых операций и инвестирования достаточно высока, однако рентабельность общих доходов и расходов снижается, что связано с дорогостоящим внедрением инновационных информационных технологий.

Основные показатели финансового положения ЗАСО «ЭРГО Русь», а также его основных конкурентов приведены в таблице 1.

Таблица 1. – Основные показатели финансового положения ЗАСО «ЭРГО Русь» в сравнении с основными конкурентами

№ п/п	Показатель	Значение		
		ОАО «Росгосстрах»	ОАО СК «Альянс»	ЗАСО «ЭРГО Русь»
1	Рентабельность активов,%	–1,73	0,09	0,56
2	Рентабельность собственного капитала,%	–2,80	0,31	1,64
3	Рентабельность страховой и финансово-хозяйственной деятельности (кроме страхования жизни),%	–2,53	0,11	0,43
4	Рентабельность продаж по прибыли до налогообложения,%	–94,45	1,06	–0,27
5	Страховая премия — нетто-перестрахование (страхование иное, чем страхование жизни), тыс. руб.	316137	22667794	2408215
6	Коэффициент общей оборачиваемости	3,45	68,42	0,77
7	Коэффициент абсолютной ликвидности	11,08	0,78	0,85
8	Коэффициент автономии	61,78	27,80	0,33

Данные табл. 1 убедительно доказывают, что по ключевым критериям оценки финансовой эффективности ЗАСО «ЭРГО Русь» занимает второе место среди аналогичных компаний, что является хорошим показателем.

Проведенный анализ существующих классификаций рисков позволил классифицировать финансовые риски страховой компании:

1. Рыночные риски

- Валютный риск (риск изменения курсов валют)

- Фондовый риск (риск изменения стоимости ценных бумаг)
- Процентный риск (риск изменения процентной ставки)
- Прочие риски

2. Риски ликвидности

- Страховые риски (риски невыполнения обязательств перед страхователями)
- Не страховые риски (риски невыполнения обязательств перед прочими контрагентами)

3. Кредитные риски

- Страховые риски (риски невыполнения обязательств страхователями)
- Не страховые риски (риски невыполнения обязательств прочими контрагентами)

Рыночные риски включают риски, связанные с инвестициями в ценные бумаги и валютные риски. Абсолютными показателями, характеризующими величину рисков, связанных с инвестициями в ценные бумаги, являются — величина резервов под обесценение финансовых вложений, а также рентабельность инвестиций. Относительным показателем данного риска является отношение возможных потерь от финансовых вложений к общей стоимости активов. Считается, что продавая полисы КАСКО страховая компания несёт неявный валютный риск. Его величина рассчитывается с помощью таких показателей, как доля полисов КАСКО, приблизительная доля стоимости запчастей в общей суммы убытка, марка машины (например, запчасти для японских машин закупаются за доллары, европейских — за евро) и др. На основе такой приблизительной оценки страховая компания осуществляет соответствующие инвестиции, позволяющие покрыть данные валютные риски.

Кредитные риски включают такие элементы, как лимиты на депозиты в банках с различными кредитными рейтингами, лимиты на покупку негосударственных облигаций, для перестрахования — лимит на одного перестраховщика с определённым рейтингом. Классы активов и лимиты, которые обязаны соблюдать страховые компании при покрытии резервов и капитала, закреплены законодательно. Таким образом, выбор страховой компании для инвестирования достаточно ограничен.

Абсолютными показателями, характеризующими величину кредитных рисков, являются балансовая стоимость долговых финансовых обязательств и доли перестраховщиков, а также денежных средств, отраженных на балансе. Относительными показателями, характеризующими величину кредитных рисков, являются отношения указанных абсолютных показателей к валюте баланса, а также доля просроченной дебиторской задолженности

Риск ликвидности является наиболее серьезным. Он представляет собой вероятность того, что у страховой компании не окажется достаточно наличных денежных средств на счетах для выплаты по своим обязательствам перед клиентами, налоговыми органами, работниками и т. д. Для страховой компании риск ликвидности схож с риском ликвидности для банка: он неразрывно связан с репутационным риском, от него в большой степени зависит нормальное функционирование организации. ЗАСО «ЭРГО Русь», как правило, держит достаточно короткие облигации с маленькой дюрацией либо краткосрочные банковские депозиты, то есть обеспечивает наличие финансовых активов, которые можно продать в кратчайшие сроки с наименьшими потерями.

Все вышеперечисленные риски взаимосвязаны. Так повышение процентных ставок и, как следствие, падение стоимости облигаций, являющееся выражением рыночного риска, может повлечь за собой нехватку ликвидности, что послужит причиной того, что страховая компания будет вынуждена либо продавать долгосрочные активы, которые не предназначены для продажи, либо привлекать заемные средства на невыгодных условиях. Иными словами, финансовое положение страховой компании может значительно ухудшится вследствие одновременного негативного влияния риска ликвидности и рыночного риска. Таким образом, представляется необходимым оценить влияние финансовых рисков как по отдельности, так и в комплексе.

Для анализа влияния финансовых рисков был проведен факторный анализ основных финансовых показателей. В качестве факторных показателей были выбраны абсолютные и относительные показатели, отражающие финансовые риски.

1) Рентабельность активов

Рентабельность активов была проанализирована с помощью способа цепной подстановки. Увеличение дебиторской задолженности отрицательно повлияло на показатель рентабельности активов, то есть можно предположить, что кредитные риски отрицательно влияют на рентабельность. Увеличение финансовых вложений также оказало отрицательное влияние на рентабельность, что не согласуется с теорией о том, что увеличение риска связано с увеличением доходности, однако данное требование не всегда выполняется в действительности. Увеличение доли

перестраховщиков, то есть повышение кредитного риска и снижение риска ликвидности, отрицательно повлияло на рентабельность, в то время как уменьшение денежных средств, то есть снижение кредитного риска, увеличило рентабельность.

2) Рентабельность собственного капитала

Для факторного анализа рентабельности собственного капитала был использован интегральный метод. Показатели, характеризующие величину риска ликвидности, обратно связаны с рентабельностью собственного капитала. Иными словами, снижение риска ликвидности приводит к снижению рентабельности собственного капитала.

3) Общая рентабельность

Факторный анализ общей рентабельности был осуществлен с помощью способа цепных подстановок. Увеличение финансовых вложений и рентабельности инвестиций, то есть увеличение рыночного риска, положительно повлияли на общую рентабельность. Таким образом, показатели, связанные с рыночным риском, неоднозначно влияют на различные показатели рентабельности.

4) Коэффициент общей оборачиваемости

Для факторного анализа общей оборачиваемости был использован способ пропорционального деления. Увеличение дебиторской задолженности, а также доли перестраховщиков отрицательно повлияло на показатель общей оборачиваемости, тогда как уменьшение денежных средств оказало положительное влияние на данный показатель, однако влияние первых двух показателей больше, то есть можно предположить, что кредитные риски в целом отрицательно влияют на общую оборачиваемость. Увеличение финансовых вложений уменьшило общую оборачиваемость, то есть рыночные риски также обратно связаны с указанным показателем.

5) Коэффициент абсолютной ликвидности

Коэффициент абсолютной ликвидности был проанализирован с помощью способа цепной подстановки. Уменьшение денежных средств оказало отрицательное влияние на абсолютную ликвидность, а увеличение финансовых вложений — положительное. Таким образом, можно предположить, что кредитные риски обратно связаны с ликвидностью, а рыночные риски положительно связаны с данным показателем.

6) Коэффициент финансового потенциала

Для факторного анализа финансового потенциала был использован способ пропорционального деления. Снижение риска ликвидности оказало положительное влияние на коэффициент финансового потенциала. При этом увеличение дебиторской задолженности и доли перестраховщиков положительно повлияло на финансовый потенциал, то есть повышение кредитного риска оказало положительное влияние на финансовый потенциал.

Результаты факторного анализа показателей финансового положения обобщены в табл. 2.

Таблица 2. – Взаимосвязь финансовых рисков и основных показателей финансового положения страховой компании

Показатель	Рыночный риск	Кредитный риск	Риск ликвидности
Рентабельность активов	Обратная взаимосвязь	Обратная взаимосвязь	–
Рентабельность собственного капитала	–	–	Прямая взаимосвязь
Общая рентабельность	Прямая взаимосвязь	–	–
Коэффициент общей оборачиваемости	Обратная взаимосвязь	Обратная взаимосвязь	Прямая взаимосвязь
Коэффициент абсолютной ликвидности	Прямая взаимосвязь	Обратная взаимосвязь	–
Коэффициент финансового потенциала	–	Прямая взаимосвязь	Обратная взаимосвязь

Для оценки степени влияния финансовых рисков на функционирование страховой компании, было смоделировано два сценария: при первом — страховая компания не создает резервов и не осуществляет перестрахования, т. е. принимает все финансовые риски. Во втором сценарии страховая компания соблюдает минимальные требования по созданию резервов и перестрахованию. При этом делаем предположение, что страховщик на основе статистики может достаточно точно предсказать объем страхо-

вых выплат. Объем страховых резервов полностью соответствует объему страховых выплат в следующем году при сохранении относительной доли перестрахования.

Основные результаты сценарного анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3. – Основные показатели финансового положения ЗАСО «ЭРГО Русь» по текущей и альтернативной отчетности за год

№ п/п	Показатель	Значение		
		По текущей отчетности	При создании минимальных резервов	При отсутствии резервов и перестрахования
1	Рентабельность активов,%	0,56	-0,73	6,74
2	Рентабельность собственного капитала,%	1,64	-1,70	8,36
3	Рентабельность страховой и финансово-хозяйственной деятельности (кроме страхования жизни),%	0,43	-0,01	6,72
4	Коэффициент общей оборачиваемости	0,77	0,77	0,89
5	Коэффициент абсолютной ликвидности	0,85	0,97	18,59
6	Коэффициент автономии,%	32,63	41,09	94,72
7	Коэффициент финансового потенциала	1,29	1,27	0,97

При отказе от перестрахования и формирования резервов, т. е. когда отсутствует защита от финансовых рисков, все показатели финансового положения улучшаются, однако финансовая устойчивость значительно ухудшается.

При создании минимальных резервов и при соответствующем объеме перестрахования ликвидность баланса, платежеспособность и деловая активность компании, по сравнению с исходным состоянием незначительно улучшается, однако показатели финансовой устойчивости ухудшаются. Резкое снижение рентабельности в данном случае обусловлено отсутствием резервов в предыдущих периодах и необходимостью их создания в отчетном периоде, что приводит к увеличению расходов с ростом количества заключенных договоров страхования.

Таким образом, исследование показало, что при создании резервов в большем объеме, а также при увеличении доли перестрахования (при уменьшении финансовых рисков), показатели ликвидности, рентабельности и деловой активности ухудшатся, однако финансовая устойчивость страховой компании станет лучше.

Список литературы:

1. Официальный сайт ЗАСО «ЭРГО Русь». [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ergorussia.ru/(Дата обращения 20.03. 2014).

Korolovych Oksana Emelynovna
The graduate student of Uzhgorod National University
E-mail: sms11111@rambler.ru

The genesis of the category “internal financial control of corporate enterprises»

Abstract: In this article is concretization that the internal financial control of corporation is an effective system of controls in the context of on-farm control and internal audit in sphere of monetary relations (in distribution savings and use of cash income for different purposes of corporation). For that reason such system is focused on related categories of corporate finance in the process of formation and distribution is experiencing monetary relations with other market agents.

Keywords: internal financial control; financial reporting.

Королович Оксана Емельяновна
аспирант Ужгородского Национального университета
E-mail: sms11111@rambler.ru

Генезис категории внутреннего финансового контроля корпоративных предприятий

Аннотация: Внутренний финансовый контроль корпоративных предприятий — это действенная система контроля, в разрезе внутрихозяйственного контроля и внутреннего аудита в сфере денежных отношений (относительно формирования, распределения денежных доходов и накоплений и их использования на различные цели корпорации). Констатируем, что такая система ориентирована на взаимосвязанные категории корпоративных финансов, в процессе формирования и распределения которых, возникают денежные отношения с другими агентами рынка.

Ключевые слова: внутренний финансовый контроль; финансовая отчетность.

Первые упоминания о контроле, как о функции управления собственным делом, связывают с разрушением родового строя (в это период возникла частная собственность и товарное производство). Первично, обмен результатами труда был редким явлением. Однако с разделением труда и повышением его эффективности количество продукции увеличивалось, а обмен приобретал черты систематического явления (в пределах деловых хозяйственных отношений). Закономерно, что возникла потребность крупного собственника (домовладельца) в периодическом подсчете имущества. Например, в странах Древнего Мира (в долинах рек Нил, Тигр, Евфрат) крупные домовладельцы вели подробный учет имущества на папирусах, а такой учет в Иудее сочетался с его независимым контролем.

Констатируем, что на этом этапе внутренний финансовый контроль, фактически, приравнивался к периодическому подсчету имущества с целью:

— обеспечения его сохранности;
— рационального использования;
— постепенного накопления.

С V века до н. э. началось развитие товарного производства и торговли. Закономерно, что в крупнейших очагах цивилизации того времени, возникли первые деньги — «монеты». Так, на территории Греции монеты использовались с I тыс. до н. э., а Римской империи — с V века до н. э. Со временем была введена калибровка монет, а их ценность, как меры обмена, начала превышать их ценность как металла. В связи с этим, служащими императорского двора, производителями и торговцами осуществлялся хозяйственный учет. Его целью было:

— фиксация фактов хозяйственного обмена;
— осуществление контроля действий наемных работников (в сфере финансов);
— осуществление контроля своевременности уплаты налогов.

Можно сделать вывод, что внутренний финансовый контроль государства и крупного собственника, первично, осуществлялся с помощью инвентаризации и использовался как ее синоним. Именно инвентаризация позволяла выявлять реальное положение дел и состояние документации, служившей их письменным и информационным обоснованием.

В 529 г. в Римской Империи был разработан комплексный документ «Кодекс Юстиниана», обеспечивший новый взгляд на внутренний финансовый контроль и проверку финансового состояния собственника.

В эпоху феодализма и нового времени (в большинстве стран Европы) калибровка монет получила массовое распространение. Это интегрировало необходимость ведения бухгалтерского учета и оптимизации процесса внутреннего финансового контроля операций и активов крупного и мелкого собственника. Так:

1) с 1260 по 1494 гг. складываются три основные системы хозяйственного учета и внутреннего финансового контроля (с четкой идентификацией их объектов):

a. униграфическая система — объектом контроля является наличие и движение ценностей в натуральном и денежном выражении;

b. камеральная система — объектом контроля является выполнение смет доходов и расходов;

c. диграфическая система — объектом контроля являются все факты хозяйственной жизни.

2) в 1494 г. выделяются «счета», как объект отображения данных для последующего внутреннего контроля хозяйственной деятельности. При этом выделялись такие условия удачного ведения бизнеса

владельца, как умение вести бухгалтерию и контролировать состояние финансов.

Представление о внутреннем финансовом контроле предприятия, как о важнейшей функции управления, окончательно оформилось и расширилось в эпоху первоначального накопления капитала (к середине XVIII века). В это время наблюдался активный рост объемов торговых операций и формирование обслуживающих их институтов (банков, страховых компаний и др.). Закономерно, что для собственника стало важным осуществление контроля операций, в рамках таких институтов.

В странах Европы и США XIV–XVIII века возникли мануфактуры, а к XIX веку сформировался промышленный капитализм, со свойственным ему укрупнением мануфактур и разделением функций внутреннего финансового контроля (на внутрихозяйственный и контроль собственника).

Это связано с тем, что наиболее заметным стал процесс расслоения общества на классы наемных работников и владельцев крупных мануфактур, банков и других структур. Вместе с тем категория «внутренний финансовый контроль», в этот период, не выделялась не только экономистами, но и на уровне законодательных актов. Она рассматривалась, исключительно, как часть внутрихозяйственного контроля.

Исчезновение консенсуса в понимании категории «внутреннего финансового контроля корпоративных предприятий» можно связать с началом 50-х годов прошлого столетия. В это время сформировались тенденции массового укрупнения производства развитых стран, которые дополнились процессами интеграции. Интегрирование осуществлялось путем консолидации капиталов и формирования корпоративных структур.

В начале 60-х годов прошлого столетия, в развитых странах Европы и США, корпоративные предприятия стали не только основой их экономической мощи, но и инструментом финансовых махинаций. Закономерно, что начали появляться профессиональные объединения опытных бухгалтеров, предоставляющих услуги:

— по подтверждению достоверности финансовой отчетности корпораций;

— по выявлению обмана и мошенничества.

В 1941 г. в Altamonte Springs (в США), с целью искоренения фактов финансового мошенничества корпораций и популяризации профессии внутреннего аудитора, был основан Институт внутренних аудиторов. С этого времени внутренний аудитор получил возможность реализовать функцию финансового контроля, а взгляды на категорию «внутреннего финансового контроля корпоративных предприятий» разделились.

С 1987 г. (который считается периодом мирового кризиса, вызванного обвалом фондовых рынков) акценты внутреннего аудита сместились, с предупреждения мошенничества, на совершенствование всего хозяйственного механизма корпорации.

Констатируем, что выделенные тенденции активизировали исследования в данной плоскости и сформировали различные подходы к категории внутреннего финансового контроля корпоративных предприятий. Так, внутренний финансовый контроль корпоративного предприятия рассматривали:

— Cohn G. (The Science of Finance, 1895) — как функцию управления со стороны наемного работника (или функцию внутрихозяйственного финансового контроля), содержащую методы и процессы защиты активов, в пределах возложенной на такого работника компетенции.

— Watson D. и Head A. (Corporate finance: principles and practice 2010) — как функции управления, включающей методы и процессы обеспечения соблюдения установленных принципов по контролю точности и надежности внутренней и внешней финансовой отчетности. Вместе с тем, авторы не выделяли конкретных субъектов контроля, что позволяет сделать вывод о его комплексном характере.

— Montalvo C. (Iinternational control for insurance undertakings, 2003) — как непрерывный процесс, реализуемый со стороны владельца предприятия (внутренний финансовый аудит) и наемного персонала (внутрихозяйственный финансовый контроль) с целью обеспечения уверенности в:

— надежности финансовой информации;

— адекватности контроля финансовых рисков;

— соблюдение законов;

— соблюдение правил, внутренних финансовых регламентов и процедур.

В Украине понятие «внутренний финансовый контроль корпоративных предприятий» вошло в употребление после получения независимости и укрепилось на фоне процессов всеобщей приватизации. Вместе с тем, данная категория, до сих пор, не определена законодательно.

Констатируем, что влияние зарубежных научных взглядов сформировало различные концептуальные позиции отечественных ученых в этой плоскости. Так, можно выделить различные подходы к трактовке категории «внутреннего финансового контроля», в т. ч.:

1) указывающие на категорию как на управленческую функцию наемного работника или внутренних подразделений корпорации (что аналогично научному взгляду Cohna G). Характерным примером является:

— трактовка Дмитрия Д., который интерпретирует внутренний финансовый контроль корпоративного предприятия, как систему процедур, которая должна обеспечить [1]:

а) учет использования активов (согласно бизнес целей);

б) выполнение требований законодательства;

в) достоверность корпоративной финансовой отчетности;

— трактовка Милявского М., определяющая внутренний финансовый контроль корпоративных предприятий в качестве «формы наблюдения за формированием, распределением и использованием ресурсов (в рамках всех подразделений корпорации)» [2, с. 238]. По мнению автора, такой контроль направлен на проверку [2, с. 238]:

а) соблюдения установленных лимитов;

б) правильности и целесообразности действий руководителей и органов управления;

в) финансового состояния корпорации.

2) указывающие на категорию, как на единичную функцию субъектов акционерных отношений (что аналогично положениям Watsona D. и Heada A.). Например, Игнатьева И. А. в своей трактовке констатирует, что внутренний финансовый контроль предприятий корпоративной формы собственности — это «возможность субъектов акционерных отношений обеспечивать постоянное воздействие на принятие управленческих решений» [3];

3) указывающие на категорию, как на комплексную функцию субъектов акционерных отношений и наемного работника (что аналогично взглядам C. Montalvo). Например, Бочаров В. В. идентифицирует внутренний финансовый контроль как [4]:

— завершающий этап управления корпоративными финансами;

— управленческую функцию, сопровождающую все фазы индивидуального кругооборота корпоративных финансов. Составляющими этой функции являются:

а) внутрихозяйственный контроль, как метод управления финансовыми ресурсами хозяйствующих субъектов;

б) внутренний аудит, как метод управления, позволяющий определить отклонения от утвержденных плановых норм и стандартов.

С целью формирования общепринятого определения категории следует обратить внимание на субъекты контроля, которыми выступают [2, с. 236]:

— наблюдательный совет;

— ревизионная комиссия;

— правление;

— функциональные подразделения;

— служба внутреннего аудита (с помощью которой, функция управления доступна владельцам корпорации).

Вывод. Внутренний финансовый контроль корпоративных предприятий — это действенная система контроля, в разрезе внутрихозяйственного контроля и внутреннего аудита, в сфере денежных отношений (по формированию, распределению денежных доходов и накоплений, их использованию на различные цели корпорации). Такая система ориентирована на взаимосвязанные категории корпоративных финансов, в процессе формирования и распределения которых, возникают денежные отношения с другими агентами рынка.

Список литературы:

1. Драгун Д. Внутренний финансовый контроль/Д. Драгун URL: http://www.bakertilly.ua/ru/page_113.htm
2. Мілявський М. Ю. Місце корпоративного контролю в системі управління підприємством/М. Ю. Мілявський//Вісник Донбаської державної машинобудівної академії. № 2 (27), 2012.- с. 238
3. Ігнатьева, І. А. Корпоративне управління: підруч./І. А. Ігнатьева, О. І. Гарафонова. – К.: ЦУЛ, 2013. – Книга. – 600 с.
4. Бочаров В. В. Корпоративні фінанси/В. В. Бочаров. – СПб.: Питер, 2008. – 272 с.

Malyuk Svetlana Alexandrovna, Nikolaev institute of law
of National university «The Odessa law academy»,
Candidate of Economic Sciences, senior teacher of chair of civil disciplines
E-mail: SvAlMalyuk@i.ua

Customers' preferences as a factor of influence on baking enterprise marketing

Abstract: This paper observes customers' preferences towards bakery products as a factor of influence on the marketing. A research of customers' motivation is carried out through expanded needs matrix.

Keywords: customers' preferences, customers' motivation, needs matrix, pricing.

Малюк Светлана Александровна, Николаевский институт права
Национального университета «Одесская юридическая академия»,
кандидат экономических наук, старший преподаватель
E-mail: SvAlMalyuk@i.ua

Потребительские предпочтения как фактор влияния на комплекс маркетинга хлебопекарного предприятия

Аннотация: В статье рассматриваются предпочтения потребителей на рынке хлебобулочных изделий как фактор влияния на комплекс маркетинга предприятий отрасли. Проводится исследование мотивации потребления с помощью развернутой матрицы потребностей.

Ключевые слова: потребительские предпочтения, мотивация потребителей, матрица потребностей, ценовая политика.

В современных условиях приходится наблюдать расхождение интересов производителей зерна, муки, хлеба, а также многочисленных посредников и потребителей. К тому же, непоследовательная государственная политика в этих вопросах не способствует в конечном итоге сохранению традиционно высоких показателей качества украинского хлеба.

Наряду с низким качеством продукции, актуальной проблемой также остается снижение показателей производства хлеба. Так, согласно данным Государственной службы статистики, в январе-июне 2013 года, в сравнении с первым полугодием 2012 года выпуск хлебобулочных изделий в Николаевской области сократился на 4,8% [1, 56–57]. Причем, такая неблагоприятная тенденция сохраняется на протяжении последних семи лет. В конечном итоге, это приводит к невысокому уровню прибыли или ее полному отсутствию, к низкой инвестиционной привлекательности, что обуславливает невозможность технологической модернизации и, соответственно, снижение уровня конкурентоспособности хлебопекарных предприятий [2, 43].

Инструментом решения данных проблем может быть применение маркетинга як элемента управления хлебопекарным производством. Реализация комплекса маркетинга позволяет учитывать разнонаправленные интересы участников анализируемого рынка, и в первую очередь потребителей, которые ожидают от производителей хлебобулочных изделий качественной продукции с высокими вкусовыми качествами и разнообразным ассортиментом. Однако, как маркетинговые мероприятия влияют на потребителя, так и его собственное поведение влияет на структуру и характер производства.

Ключевым элементом в этом комплексе, несомненно, является анализ рынка, который выступает как информационная основа достижения такой цели, как реализация заданных объемов продаж, разработка и выведение на рынок новых товаров, увеличение рыночной доли. Общая цель рыночных исследований состоит в определении условий, которые обеспечивают наиболее полное удовлетворение спроса населения и создают условия для эффективного сбыта производимой продукции [3, 41].

Исследования практики применения маркетинга в деятельности отечественных хлебопекарных предприятий показывают, что он еще не занял достойное место в структуре управления. В частности, если применить мотивационную модель бизнеса, основанную на пирамиде А. Маслоу, то можно сказать, что боль-

шинство предприятий отрасли находятся на трех первых ступенях развития, на которых понимание и ощущение рынка только начинают появляться, заменяя инстинкты выживания. Небольшое количество предприятий достигает четвертой ступени и, соответственно, борются за лидерство. Что же касается пятой ступени, которой достигают предприятия-лидеры, стремящиеся к новым вершинам, то на сегодняшний день, их практически не существует. Проблема в том, что маркетинг, реклама, управление и другие важные элементы рыночного соревнования являются критериями нахождения именно на четвертом и пятом уровне пирамиды.

Хлебобулочная продукция, в отличие от других продуктов питания, может значительно дифференцироваться (по техническим особенностям при ее выпечке, по вкусовым характеристикам, по весу, по форме, по сроку хранения и др.). Учитывая особенности данной продукции, главная задача маркетологов состоит в выявлении основных параметров, определяющих отличительные черты производимой продукции, которые и будут основой действующей диверсификации.

Изучение мотивов потребления хлебопродуктов требует выбора соответственного маркетингового инструментария, составляющей частью которого может стать развернутая матрица потребностей П. С. Завьялова [4, 25]. На основе данной матрицы выявлены следующие характеристики потребностей потребителей, направленных на удовлетворение чувства голода, которые должны стать основой стратегии производства хлебобулочной продукции:

— удовлетворяет первичную физиологическую потребность — голод;

— на уровень и ассортимент потребления влияют исторические особенности и географическое местоположение, природно-климатические факторы, принадлежность к той или иной половозрастной группе населения, социальное положение индивида в обществе;

— данная потребность является актуальной в прошлом, настоящем и будущем, то есть имеет воспроизводственный характер;

— уровень удовлетворения потребности зависит от количественного и качественного состава потребляемой продукции;

— данная потребность имеет тесную степень сопряженности с другими видами продуктов питания;

— данная потребность периодически удовлетворяется;

— природа возникновения потребности тесно связана с физиологическими потребностями человека;

— область применения тесно связана с факторами дифференциации предпочтений;

— удовлетворяется разнообразным ассортиментом продукции, следовательно, требует комплексного подхода к организации производства;

— отношение общества формируется морально-этическими установками;

— потребность является слабо эластичной;

— способ удовлетворения тесно связан с жизнедеятельностью индивидуума и социума.

На основании данных характеристик представляется возможность разработать модель покупательского поведения при покупке хлеба конкретного товаропроизводителя. При этом для более полного анализа необходимо рассмотреть набор мотиваций при выборе хлебопекарной продукции, а именно:

— уровень потребительских свойств (вкусовые качества, степень свежести, срок хранения, хрупкость и т. д.);

— внешний вид (высота сайки хлеба, поджаристость корочки, наличие посторонних включений в корку и др.);

— популярность производителя (определяется, как правило, в процессе устной коммуникации между покупателями);

— цена;

— безопасность (наличие посторонних включений, зараженность болезнями и т. д.);

— вес товара.

Для жителей г. Николаева и Николаевской области наиболее важными факторами при выборе хлебобулочной продукции являются качество хлеба в целом (свежесть, вкусовые качества, качество выпекания), а также запах свежевыпеченного хлеба. Ценовой фактор у потребителей области только на третьем месте. Что же касается популярности торговой марки, то 61,3% респондентов действительно обращают внимание на производителя хлеба [5, 136]. Наиболее популярными производителями являются: «Николаевский хлебозавод № 1», «Терновский хлебозавод» и «Одесский каравай».

В итоге исследования, можно сделать выводы, что в сложившейся на рынке ситуации, основными мотивирующими факторами являются: уровень потребительских свойств, внешний вид и аромат, а также цена. Такие мотивационные характеристики как безопасность и вес товара, скорее, создают негативную ком-

муникацию, вследствие чего способствуют ухудшению имиджа производителя. Причем, если качество хлебобулочной продукции является управляемым производителем фактором, то ценовая политика отечественных хлебопекарных предприятий во многом зависит от системы государственного регулирования ценообразования в отрасли, в результате применения которой цены на базовые сорта хлебной продукции становятся менее гибкими. В то же время хлебопекарные предприятия имеют возможность реализовывать довольно гибкую ценовую политику относительно других видов своей продукции. В этом случае целесообразно использовать комбинированный подход к ценообразованию, основанный на использовании разных методов ценообразования: затратный, ориентируемый на спрос, ориентируемый на конкурентов.

Список литературы:

1. Производство промышленной продукции в Николаевской области в 2005–2012 годах: статистический сборник/под ред. Рошко Н. Ю. – Николаев, 2013. – 68 с.
2. Плотников М. Ф. Стратегические ориентации хлебопекарной промышленности/М. Ф. Плотников, В. В. Мосейчук//Экономика АПК. – 2007. – № 12 (158). – С. 42–48.
3. Пыхтина И. Особенности потребительского спроса на региональном рынке хлебопродуктов/И. Пыхтина, М. Дли//Маркетинг. – 2003. – № 2. – С. 40–43
4. Завьялов П. С. Роль маркетинга в решении проблемы конкурентоспособности российских товаропроизводителей/П. С. Завьялов//Маркетинг. – 1996. – № 6. – С. 20–31.
5. Колесник В. М. Маркетинговые исследования потребительских мотиваций на рынке хлебопродуктов в регионе/В. М. Колесник, М. И. Розкладай//Научные труды Полтавской государственной аграрной академии. – 2013. – Вип. 1 (6). – С. 133–139.

Panteleeva Anzhela Petrovna, Pskov branch RANHiGS
Associate Professor
E-mail: panteleeva.anzhela@mail.ru

Development of supplementary pension insurance with insurance companies

Abstract: The article considers the supplementary pension insurance as a form of life insurance. Disclosed are objective and subjective factors that contribute to the supplementary pension insurance. The basic features of the contract additional pension insurance. The stages of supplementary pension insurance contract.

Keywords: supplementary pension, savings, pension payments, the redemption amount, the insurance company.

Пантелеева Анжела Петровна, Псковский филиал РАНХиГС
К. э.н., доцент
E-mail: panteleeva.anzhela@mail.ru

Развитие дополнительного пенсионного страхования с участием страховых компаний

Аннотация: В статье рассматривается дополнительное пенсионное страхование как вид страхования жизни. Раскрываются объективные и субъективные факторы, способствующие созданию дополнительного пенсионного страхования. Приводятся основные черты договора дополнительного страхования пенсии. Рассматриваются этапы договор дополнительного пенсионного страхования.

Ключевые слова: дополнительная пенсия, накопления, пенсионные выплаты, выкупная сумма, страховые компании.

Страхование дополнительной пенсии представляет собой вид страхования жизни, предусматривающие обязанности страховщика по выплате в определенном размере и с определенной периодичностью пенсий при дожитии застрахованного лица до пенсионного возраста. Этот вид страхования позволя-

ет обеспечивать гражданам более высокий уровень жизни при выходе на пенсию по возрасту, служит дополнением к социальному страхованию.

Выделим основное преимущество дополнительного пенсионного страхования в отличие от государственного пенсионного обеспечения. Государственное пенсионное обеспечение не удовлетворяет все потребности граждан и не гарантирует нормальное существование в старости. Выход один — участие в различных программах накопления.

Однако данный вид страхования должен быть ориентирован на различные по доходности категории населения — от людей с минимальной заработной платы до лиц с миллионными доходами. Ориентируясь на различный уровень дохода, страховые компании должны разрабатывать условия страхования в зависимости от интересов разных категорий клиентов.

Для богатых людей дополнительное пенсионное страхование не представляет особого интереса т. к. их доходы позволяют позаботиться о пенсионном возрасте заранее. Доходы, полученные от недвижимости, ценных бумаг и других финансовых инструментов, позволяют не думать о наступлении пенсионного возраста.

Малообеспеченные слои населения не могут в полном объеме обеспечить себе должную страховую защиту, и в этом случаи необходима поддержка государства. Так инвалиды, осуществляя трудовую деятельность при поддержке государства, с помощью страхования могли бы поддержать определенный уровень дохода в случаи ухудшения состояния здоровья.

Активными клиентами страховых компаний должен стать средний класс. Доходы среднего класса позволяют рассматривать различные варианты обеспечения своего материального благополучия в старости. Они лучше разбираются в финансовых вопросах, в рыночной структуре и имеют возможность составить оптимальный план личного пенсионного страхования.

Развитию дополнительного пенсионного страхования, как один из видов страхования жизни, способствуют две группы факторов: объективные и субъективные (табл. 1). Которые, переплетаясь и взаимодействуя, могут привести к разной степени устойчивости рынка накопительного страхования. Важным условием является адаптация к современным рыночным условиям.

Таблица 1. – Факторы, способствующие созданию дополнительного пенсионного страхования.

Субъективные	*Объективные.*
Новация	Законы.
Средства массовой информации на рынке страхования жизни.	Программы правительства по развитию страхового рынка.
Популярность компаний. Зарубежный опыт	Состояние экономики.
Внедрение новых видов договоров страхования жизни.	Правовое обеспечение.
Доверие к страховым компаниям.	Налогообложение.
Профессионализм страховых агентов.	Инфляция.

По достижению пенсионного возраста пожилые люди за счет дополнительного пенсионного страхования смогли бы обеспечить себе оплату постоянного ухода и места в хороших домах для одиноких и престарелых.

Основные черты договора дополнительного страхования пенсии:

1. При заключении договора страхования дополнительной пенсии, предметом договора является имущественные интересы застрахованного, связанные с прекращением его трудоспособности.

2. Характер события, на случай наступления которого, в жизни застрахованного лица осуществляется страхование. Страховыми случаями являются: дожитие застрахованного до определенного возраста, с которого начинаются регулярные выплаты страхового обеспечения (пенсии); смерть по любой причине в течение срока действия договора страхования; наступление инвалидности в результате несчастного случая и т. д. Договор страхования может заключаться по всем рискам и по рискам интересующих застрахованного.

3. Страховая сумма при дополнительном страховании заранее известна страхователю и прописана в договоре страхования. Однако в дополнительном пенсионном договоре страхования, сложно оценить достаточность страховой суммы. Поэтому в качестве страховой суммы можно использовать вероятную величину дохода, который был бы получен застрахованным лицом в течение ожидаемой продолжительности

трудового стажа. Помимо возраста, страховая сумма должна определятся на основе факторов, как сфера деятельности, уровень образования застрахованного, возможности роста дохода в течение трудовой деятельности.

4. Страхование пенсии предполагает длительные финансовые отношения между страхователем и страховой компанией. Страховые взносы, предназначенные для выплат страховых сумм в будущем, откладывается в резерв. Эти резервы страховая компания инвестирует в экономику и получает доход. Гарантированный доход составит от 3–4% годовых. Однако к гарантированному доходу страхователь может получить и дополнительный инвестиционный доход, величина которого определяется ежегодно по результатам инвестиционной деятельности страховой компании. В среднем она соизмеряется с текущими ставками банковских депозитов.

5. В договоре рисковая и сберегательная часть должны быть раздельными, тогда страховой продукт будет более прозрачным.

6. Норма доходности при расчете тарифа должна устанавливаться в таком размере, чтобы при любых экономических изменениях, страховщик мог гарантировать застрахованному выплату установленной договором страховую сумму.

Основным моментом в дополнительном пенсионном страховании является процедура оценки страхового риска. Для договоров страхования пенсии к обстоятельствам, влияющим на оценку страхового риска, относятся возраст и пол застрахованного — показатели смертности для мужчин и женщин определенных возрастов отличаются существенно, а также характер работы и специальность.

Стоимость полиса пенсионного страхования зависит от многих параметров. Основными являются возраст, пол застрахованного. Актуарные расчеты, использующиеся для определения страховых тарифов, базируется на таблице смертности. На стоимость страхования влияют факторы: период, периодичность (рассрочка взносов) и размер внесения взносов, период, периодичность и размер получения страхового обеспечения.

Взносы по накопительному страхованию оплачиваются не единовременно, а в рассрочку, исходя из условий заключаемого договора. В случае если страхователь не смог уплатить очередной взнос, то можно переоформить договор и установить новые, соответствующие реальным возможностям страхователя условия.

Рассмотрим договор дополнительного пенсионного страхования, состоящий из двух этапов.

Первый этап — накопление. Накопление охватывает период времени, в течение которого формируется фонд для будущих страховых выплат. Пока человек находится в активной фазе жизни от 20 до 55 (60) лет, он может делать регулярные отчисления от заработанных денег на свой личный счет в страховой компании или это осуществляет работодатель. Небольшие отчисления за 40 лет превращаются в капитал. Средства хранятся в страховой компании и на них начисляются проценты. Страховая компания, не взимая дополнительных взносов, может предоставить дополнительные полисы. Например, страхование на случай смерти, частичной или полной нетрудоспособности.

Второй этап — пенсионные выплаты. При наступлении пенсионного возраста накопленные средства выплачиваются пожизненно в виде ежемесячной пенсии. В идеальном случае всех накопленных средств, в течение трудовой деятельности, должно хватать на выплаты пенсионеру. Может возникать ситуация когда, равенство накопленных и выплачиваемых средств не соблюдается, потому что момент смерти застрахованного отличается от расчетного. Компенсация таких отклонений осуществляется в соответствии с общими принципами страхования.

Plisova Alla Borisovna, Plekhanov Russian University of Economics,
Associate Professor of «Business Analysis and Audit»
E-mail: alla_mae@mail.ru

Accounting in instrument in Russia

Abstract: The article is devoted to accounting for the enterprises of instrument production costs. Recommendations to optimize website auditing and accounting systems for small instrument-making enterprises.

Keywords: accounting, accounting in instrument making, cost accounting

Плисова Алла Борисовна, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, доцент кафедры «Анализ хозяйственной деятельности и аудит»
E-mail: alla_mae@mail.ru

Бухгалтерский учет в приборостроении в России

Аннотация: статья посвящена вопросу отражения в бухгалтерском учете предприятий приборостроения затрат на производство продукции. Даны рекомендации автора по оптимизации системы учета и аудита на малых приборостроительных предприятиях.

Ключевые слова: бухгалтерский учет, учет в приборостроении, учет затрат.

Процесс производства является важнейшей стадией кругооборота средств на предприятии. В ходе этого процесса предприятие, расходуя материальные, трудовые и финансовые ресурсы, формирует себестоимость изготавливаемой продукции (работ, услуг), что в конечном итоге определяет финансовый результат его работы.

Правильная организация учета затрат на производство продукции обеспечивает действенный контроль за эффективным использованием предприятием находящихся в его распоряжении основных производственных средств, запасов и других ресурсов.

В соответствии с учетной политикой большинства предприятий приборостроения материально — производственные запасы обычно принимаются к бухгалтерскому учету по фактической себестоимости. Фактической себестоимостью материально–производственных запасов, приобретенных за плату, признается сумма фактических затрат организации на приобретение, за исключением налога на добавленную стоимость и иных возмещаемых налогов (кроме случаев предусмотренных законодательством).

В соответствии с ПБУ 5/01 «Учет материально-производственных запасов», при приобретении материалов за плату в фактические затраты включаются:

— суммы, уплачиваемые организациям за информационные и консультационные услуги, связанные с приобретением материалов;

— суммы, уплачиваемые в соответствии с договором поставщику;

— невозмещаемые налоги, уплачиваемые в связи с приобретением единицы материально–производственных запасов;

— вознаграждения, уплачиваемые посреднической организации, через которую приобретены материалы;

— затраты по заготовке и доставке материалов до места их использования, включая расходы по страхованию;

— затраты по доведению материалов до состояния, в котором они пригодны к использованию в запланированных целях;

— иные затраты, непосредственно связанные с приобретением материалов.

В учетной политике обычно оговаривается, что отпущенные в производство материальные ресурсы списываются по себестоимости первых по времени приобретения материалов (метод ФИФО).

При оценки по методу ФИФО расход материальных ресурсов, оценивается по стоимости их приобретения в определенной последовательности: сначала списываются в расход материалы по цене закупленной партии, затем второй, третьей и т. д. Порядок оценки не зависит от фактической последовательности расходования партий поступивших материалов. Применение данного метода оценки материалов ориентирует предприятие приборостроения на организацию аналитического учета материалов по отдельным партиям. [1]

Первичные документы по поступлению производственных запасов являются основой организации материального учета. Первичные документы по движению материалов должны тщательно оформляться, обязательно содержать все подписи лиц, совершивших ту или иную операцию, и коды соответствующих объектов учета. Контролировать соблюдение правил оформления движения материальных ресурсов должен главный бухгалтер и руководители соответствующих подразделений.

Для выполнения производственной программы предприятие приборостроения определяет потребность в материальных ресурсах и приобретает или производит их. Сырье и материалы поступают от поставщиков, подотчетных лиц, закупивших материалы, от списания выбывающих основных средств.

При приеме заказа на изготовление приборостроительной продукции с заказчиками заключается договор, в котором определяются предмет договора, цена продукции, условия оплаты, права, обязанности

и ответственность сторон. После чего выписывается заказ. Заказ состоит из двух частей, каждая непосредственно подписывается начальником отдела сбыта. Первая часть заказа — смета, которая является плановым расчетом, определяющим стоимостную оценку расхода по конкретному заказу. Смета включает в себя расчет натуральных показателей с учетом стоимостных расценок и определяет будущие параметры хозяйственной деятельности.

Первая часть передается в бухгалтерию и регистрируется в журнале регистраций заказов, ответственным за ведение которого назначается зам.директора — главного бухгалтера. Вторая часть заказа передается ответственным за оформлением заказов мастеру смены по производству, вместе с макетами изготавливаемой продукции под роспись в журнале регистрации выпускаемой продукции, ответственным за ведение которого назначены мастера по производству.

Срок изготовления продукции согласовывается с заказчиком, начальником отдела производства и фиксируется в журнале регистрации выпускаемой продукции.

На основании первой части заказа в бухгалтерии оформляется счет на оплату продукции (работ, услуг) в двух экземплярах, один экземпляр, которого передается заказчику для оплаты.

Контроль за выполнением плана материально — технического обеспечения по договорам, своевременностью поступления материалов возложен на отдел закупок. На предприятиях чаще всего применяется позаказный метод учета себестоимости продукции. Для целей проверки полученных материалов на соответствие заказа на поставку кладовщик имеет копию каждого заказа.

При поступлении материалов на основании накладной поставщика в бухгалтерии филиала делается проводка Дебет 10 «Материалы» Кредит 60 «Расчеты с поставщиками и подрядчиками».

Принятые кладовщиком материалы оформляются однострочными или многострочными приходными ордерами. Однострочный приходный ордер составляют только на определенный вид материала, в многострочный записывают все принятые материалы независимо от количества. Приходный ордер подписывается заведующим складом и экспедитором.

Движение материалов внутри предприятий приборостроения оформляется при помощи требования — накладной. Отпуск материалов в производство отражается по рыночной стоимости и списывается с дебета счета 10 «Материалы» в кредит счета 20 «Основное производство».

Расходы, подлежащие распределению по периодам в момент их осуществления, отражаются Дебет счета 97 «Расходы будущих периодов»:

По окончании месяца создаются резервы, образование которых предусмотрены в учетной политике (на выплату заработной платы, на отпуск).

Также по окончании месяца, расходы, подлежащие распределению по периодам, признаются текущими расходами в зависимости от назначения этих расходов и принадлежности.

После окончания месяца счета 25 «Общепроизводственные расходы» и 26 «Общехозяйственные расходы», для включения в себестоимость конкретного заказа, списываются на счет 20 «Основное производство».

Готовая продукция передается на склад на основании накладной на передачу готовой продукции в места хранения. В бухгалтерском учете это отражается проводкой Дебет 43 «Готовая продукция», Кредит 40 «Выпуск продукции». После окончания изготовления продукции данный заказ закрывается.

В случае дополнительного отпуска материалов со склада в процессе изготовления продукции по второй части заказа, мастером по производству составляется объяснительная записка на имя начальника отдела производства.

Списывается фактическая себестоимость выпущенной продукции:

Дебет 40 «Выпуск продукции» Кредит 20 «Основное производство».

Счет 40 «Выпуск продукции» сальдо не имеет, выявленные при таком варианте отклонения без распределения списываются на счета по учету продаж: Дебет 90.2 «Себестоимость продаж» Кредит 40 «Выпуск продукции».

Если заказ представлен единичным видом изделия, то его себестоимость рассчитывается путем суммирования всех затрат. Если заказом предусмотрено производство нескольких видов продукции, то путем суммирования всех затрат получают себестоимость изготовления всех партий заказа. Для определения себестоимости одного вида изделия затраты делят на количество единиц продукции в партии.

На практике на стоимость различных видов продукции часто относятся расходы не только производственной, но и административно-управленческой сферы, а также сферы сбыта.

Недостатки, выявляемые в учете затрат на предприятиях приборостроения и методы их устранения

1. Отсутствие системы управленческого учета. Финансовый учет призван обеспечить отчетной информацией внешних пользователей: акционеров и других собственников, кредиторов, инвесторов предприятия, его персонал, поставщиков, покупателей и так далее, а управленческий учет — это сфера деятельности, связанная с формированием и использованием экономической информации для управления внутри предприятия. Его цель заключается в том, чтобы помочь управляющим в принятии экономически обоснованных решений. В качестве метода управленческого учета предлагается использовать систему «Стандарт–кост». [2] Суть данной системы в учете потерь и отклонений в прибыли предприятия. В ее основе лежит четкое, твердое установление норм затрат материалов, энергии, рабочего времени, труда, зарплаты и всех других расходов, связанных с производством продукции. Причем установленные нормы нельзя перевыполнить. Выполнение их даже на 80% означает успешную работу. Превышение нормы означает, что она была установлена ошибочно.

Одно из основных преимуществ системы «Стандарт-кост» — при правильной ее постановке не требуется большой бухгалтерский штат, поскольку учитываются только отклонения от стандартов. Чем стабильнее работает предприятие, тем более стандартизированы производственные процессы, тем менее трудоемким становится учет и калькулирование. [3]

2. Отсутствие аудиторских проверок предприятий приборостроения, относящихся к субъектам малого бизнеса. Рекомендуем организовать службу внутреннего аудита в целях своевременного контроля за затратами. Создание внутреннего аудита позволяет своевременно предотвратить нерациональные производственные затраты, предоставив бухгалтеру информацию о них до начала производственного процесса и в ходе его, а не как в действующей практике — после осуществления всех затрат.

Список литературы:

1. Бехтерева Е. В. Себестоимость: рациональный и эффективный учет расходов: практическое пособие. – М.: Омега-Л, 2011.
2. Красова О. С. Бюджетирование и контроль затрат на предприятии. – М.: Омега-Л, 2012.
3. Попова Л. В. Учет затрат, калькулирование и бюджетирование в отдельных отраслях производственной сферы. – М.: Дело и Сервис, 2011.

Pochekaeva Olga Vadimovna, Volga State Academy of Water Transport, Nizhniy Novgorod
PhD in economics, senior teacher of department of Accounting, analysis and audit
E-mail: olga156@bk.ru

Features of formation of costs of freight transportation in accounting in organizations inland waterway transport

Abstract: The article discusses the formation of the operating costs of freight transportation of organizations inland waterway transport in accounting and proposes options reflection of the costs for internal management purposes.

Keywords: expenses, water transportation, freight transportation, management accounting.

Почекаева Ольга Вадимовна, Волжская государственная академия водного транспорта, Нижний Новгород к. э.н., старший преподаватель кафедры учета, анализа и аудита
E-mail: olga156@bk.ru

Особенности формирования расходов от грузовых перевозок в учете организаций внутреннего водного транспорта

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы формирования эксплуатационных расходов по грузовым перевозкам организаций внутреннего водного транспорта в бухгалтерском учете и предложены варианты отражения расходов для целей управленческого учета.

Ключевые слова: расходы, водный транспорт, грузовые перевозки, управленческий учет.

Отраслевые особенности организаций внутреннего водного транспорта (далее — ОВВТ) оказывают влияние на построение системы бухгалтерского учета расходов в организации, в частности, на способы калькулирования себестоимости услуг по перевозке грузов, классификацию расходов, определение объектов учета, центров ответственности и мест возникновения, способы обработки информации.

При принятии решений по управлению организациями внутреннего водного транспорта большое значение имеет достоверность информации об их деятельности, формируемой в основном в системе бухгалтерского учета, а также сведения о путях повышения эффективности, выявленных в процессе экономического анализа [1].

Для принятия обоснованных управленческих решений руководству ОВВТ необходимо иметь информацию о расходах. Эта информация является базой для системы управленческого учета ОВВТ и должна использоваться не только для исчисления себестоимости грузовых перевозок и финансового результата для целей внешней отчетности, но и в процедурах управленческого учета, анализа, бюджетирования и оценки эффективности.

Согласно ПБУ 10/99 «Расходы организации» [2] расходы ОВВТ подразделяются на расходы по обычным видам деятельности и прочие расходы. К расходам по обычным видам деятельности ОВВТ относятся: «расходы, связанные с выполнением перевозок, перегрузочных работ, русловой добычей нерудных строительных материалов, обслуживанием судов и пассажиров, организацией и обеспечением транспортного процесса, других работ и услуг, выручка от которых учитывается в составе доходов от основной деятельности» [3, п. 24]. Основным видом расходов ОВВТ являются расходы от перевозок грузов, которые, по сложившейся традиции в ОВВТ называют «эксплуатационными расходами».

Анализ отрасли показал, что расходы от оказания транспортных услуг занимают наибольший удельный вес в общих расходах ОВВТ — порядка 75%, из них около 90% занимают расходы от перевозки грузов.

Основной удельный вес в себестоимости перевозок ОВВТ занимают материальные расходы (порядка 33%), из них около 90% занимают расходы на топливо всех видов, электроэнергию и запчасти. Кроме того, в состав материальных затрат ОВВТ включают стоимость приобретаемых карт, лоций, специальной и технической литературы, стоимость услуг по обеспечению судов водой, по откачке подсланевых вод, фекальных отходов и других услуг по комплексному обслуживанию флота, услуги по отстою судов и др. [3]:

Вторым по значимости является элемент «Прочие расходы» (около 25%), в состав которого включаются расходы на ремонт судов, стоимость страхования транспортных средств; расходы по техническому и пожарному надзору за судами, оплате осмотров судов регистрами, оплате услуг органов санитарно-эпидемиологического надзора по выпуску судов в эксплуатацию, суммы портовых сборов, расходы на услуги лоцмана, оплата услуг администраций морских и речных портов, расходы на рацион питания экипажей судов и др. [3].

Удельный вес элемента «Расходы на оплату труда», в который включены заработная плата плавсостава, выплаты стимулирующего и компенсационного характера, занимает около 24% в общей сумме расходов. С ним неразрывно связан элемент «Отчисления на социальные нужды» (удельные вес около 7%).

Удельный все элемента «Амортизация» составляет около 11%, в состав элемента включаются суммы амортизационных отчислений по объектам основных средств, из которых порядка 90% занимают амортизационные отчисления по судам, рассчитанные исходя из первоначальной стоимости объекта и срока полезного использования.

Группировка расходов по экономическим элементам является элементом общей схемы бухгалтерского формирования, обобщения расходов и калькулирования себестоимости услуг в целом по организации и предназначена исключительно для целей формирования бухгалтерской отчетности.

Наряду с группировкой по экономическим элементам в ОВВТ применяется группировка расходов по статьям калькуляции, информирующая о том, на что расходовались хозяйственные средства в каждом процессе обычной деятельности. Необходимо отметить, что общая величина расходов на перевозку грузов в группировке по экономическим элементам и затрат на конечные продукты труда по статьям калькуляции в ОВВТ полностью совпадают, так как в процессе оказания услуг по перевозке отсутствует незавершенное производство.

Нормативными документами [3, 4], регламентирующими организацию учета расходов в ОВВТ также предусмотрена группировка расходов по носителям затрат, которыми являются виды флота, осуществляющие перевозку груза (самоходный (из них — сухогрузные, наливные суда, контейнеровозы, рефриже-

раторы) и несамоходный) и местам возникновения затрат (по судам и подразделениям транспортной организации). Эти группировки необходимы для организации учета расходов по центрам ответственности и определения себестоимости единицы продукции транспорта — 1 тонно-километра.

Учет эксплуатационных расходов ведется по объектам затрат, которые совпадают с местами возникновения затрат (которыми являются транспортные и вспомогательные суда). Учет расходов ведется традиционным (калькуляционным) методом, который предполагает деление расходов ОВВТ по способу включения в себестоимость на прямые и косвенные. К прямым относятся расходы по содержанию флота, которые учитываются в разрезе калькуляционных статей. Основные статьи прямых расходов перечислены в Отраслевой инструкции [4], к ним относятся затраты на оплату труда плавсостава, отчисления на социальные нужды, топливо и энергия, амортизация основных фондов и др.

К косвенным относятся расходы на содержание рейдового и служебно-вспомогательного флота, а также общеэксплуатационные расходы [4, п. 2.20]. Косвенные расходы подлежат распределению между объектами учета затрат пропорционально базе распределения, указанной в учетной политике. Как правило, расходы по управлению и обслуживанию производства распределяются по видам деятельности пропорционально выручке нарастающим итогом с начала отчетного года. В дальнейшем, расходы по управлению и обслуживанию производства, приходящиеся на транспортные услуги (перевозку грузов), распределяются по видам флота по утвержденным в судоходной компании на отчетный год нормативам.

Однако распределение косвенных расходов пропорционально любой базе, особенно в условиях высокой доли косвенных расходов, которая в ОВВТ из года в год увеличивается, не может дать объективной оценки себестоимости отдельных видов услуг. Процедура распределения косвенных расходов и выбор базы распределения является элементом стратегического планирования ОВВТ, так как база распределения сохраняется в течение длительного периода времени и является элементом учетной политики организации. Выбор базы распределения косвенных расходов является методологически сложной процедурой, реализация которой невозможна вне контекста сложившихся в ОВВТ подходов к управлению в целом, принятой учетной политики, индивидуальных особенностей технологии и организации производства и ряда других факторов. Необходимость в распределении косвенных расходов мотивируется подготовкой информации для ценообразования. Сравнивая себестоимость перевозок с тарифной (доходной) ставкой, формируемой на рынке, судоходная компания вывод о целесообразности перевозки того или иного груза. Однако низкая рентабельность перевозок или их убыточность могут быть вызваны некорректным распределением накладных расходов. Вместе с тем в условиях рыночных отношений тарифные (доходные) ставки определяет не судоходная компания (перевозчик), а конъюнктура рынка, что сводит к нулю все схемы распределения косвенных расходов.

Таким образом, существующий порядок ведения учета дает возможность получения информации по экономическим элементам, прямым и косвенным расходам в разрезе статей калькуляции, местам возникновения затрат (транспортным судам) и носителям затрат (видам флота), что вполне достаточно для расчета затрат на рубль доходов, исчисления полной себестоимости оказанных услуг для целей формирования бухгалтерской отчетности.

Однако такая система учета не обеспечивает потребностей управления и, как следствие, не уделяется должного внимания вопросам анализа расходов и поиску резервов их снижения. Основным источником информации для экономического анализа и принятия оперативных решений является информация, формируемая в системе управленческого учета ОВВТ.

Перевозка грузов осуществляется конкретными судами, следовательно, для целей управления эксплуатационными расходами представляется обоснованным ведение управленческого учета по каждому судну, рейсу и этапам рейса (например, погрузка, выгрузка, ход с грузом и порожнем). Фактические расходы, связанные с перевозкой грузов, должны формироваться по статьям сметы на эксплуатационную деятельность с выделением отклонений от сметных расходов.

Для составления сметы расходов необходимо классифицировать эксплуатационные расходы для целей принятия решений на постоянные и переменные (по отношению к объему перевозимого груза или ко времени грузовой перевозки). Данная классификация позволяет осуществлять эффективное планирование расходов и проводить анализ расходов, составляя гибкие сметы (бюджеты). Такой анализ расходов позволяет выявить «проблемные места» и, при условии получения оперативных данных, повлиять на формирование себестоимости перевозки грузов.

Для установления виновника отклонений целесообразно классифицировать расходы на регулируемые и нерегулируемые по местам возникновения затрат (судам). Большинство расходов, возникающих в процессе перевозки груза, являются для капитана регулируемыми или частично регулируемыми. Например, затраты на топливо. Эта статья занимает наибольший удельный вес в общих затратах на перевозку грузов. На расход топлива влияют такие факторы, как квалификация штурмана, опыт работы, знание судоходной обстановки и лоции, а также личностные качества экипажа. От расхода топлива напрямую зависит расход смазочных материалов. Капитан может повлиять на величину заработной платы экипажа, контролируя работу в сверхурочное время, совмещение профессий или учитывая высококвалифицированную работу членов экипажа. От величины расходов на оплату труда зависит и величина страховых взносов. С другой стороны, капитан не может повлиять на величину портовых и навигационных сборов.

Анализ отклонений предоставит возможность выявления причин и виновников отклонений фактических расходов от сметных. Отклонения должны формироваться автоматически при бухгалтерской обработке документов и аккумулироваться на специально предназначенных счетах. Для этого к счету 20 «Основное производство», на котором судоходные компании учитывают расходы по аналитическим счетам «Судно», «Статья затрат» необходимо добавить субконто «Рейс», «Этап рейса», «Нормативные затраты», «Отклонения от норм». Информация о нормативных расходах должна быть разработана и внесена в автоматизированную систему обработки информации заранее. Тогда отклонения, обусловленные различными факторами, будут накапливаться на соответствующих (отдельных) аналитических счетах, что позволит проводить анализ расходов как в любой момент по мере необходимости, так и по окончании отчетного периода (при этом в обоих случаях не потребуется дополнительных усилий по выявлению отклонений). Появляется возможность вовремя скорректировать эксплуатационные расходы. Обособленные на отдельных счетах отклонения, показывающие вариации относительно нормативной информации по процессу — основа для принятия управленческих решений. Задавая разные аналитические признаки, можно изучать отклонения в различных разрезах в режиме реального времени. Если это удастся обеспечить, внимание будет привлечено к тем отклонениям, которые выпадают из зоны системной вариабельности в силу специальных причин [5].

Таким образом, формирование информации об эксплуатационных расходах по этапам грузовой перевозки позволяет осуществлять оперативный контроль расходов, выявлять отклонения фактических расходов от сметных (нормативных), что способствует изысканию резервов снижения расходов и увеличения рентабельности перевозок.

Список литературы:

1. Сивоволов, Н. В. Комплексный экономический анализ хозяйственной деятельности предприятий речного транспорта: учебное пособие/Н. В. Сивоволов, В. Н. Щепетова. – 2-е изд. доп. и перераб. – Н. Новгород: Изд-во ФГОУ ВПО «ВГАВТ», 2013. – 384 с.
2. Положение по бухгалтерскому учету «Расходы организации» ПБУ 10/99»: утв. приказом Минфина России от 06.05.1999 N 33 н (ред. от 27.04.2012).
3. Инструкция по учету доходов и расходов по обычным видам деятельности на внутреннем водном транспорте: утверждена Приказом Минтранса РФ от 30.09.2003 N 194 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 18.12.2003 N 5346).
4. Отраслевая инструкция по составу затрат и калькуляции себестоимости работ и услуг предприятий основной деятельности речного транспорта: утверждена Министерством транспорта РФ 08.03.1993 № ВА-6/152 в ред. дополнений № 1 от 04.02.97 № ВБ-6/69.
5. Почекаева, О. В. Особенности управленческого учета и анализа на предприятиях внутреннего водного транспорта/О. В. Почекаева, В. Н. Щепетова//Труды 14-го международного научно-промышленного форума «Великие реки». Материалы научно-методической конференции ППС, аспирантов, специалистов и студентов «Проблемы использования и инновационного развития внутренних водных путей в бассейнах великих рек». Том 2. – Н. Новгород: Изд-во ФБОУ ВПО «ВГАВТ», 2012. – с. 173–175.

Danilova Irina Borisovna,
Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod
Candidate of Economic Science, associate professor

Pronina Swetlana Vladimirovna,
Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod
Candidate of Economic Science, associate professor
E-mail: ProSwet5@yandex.ru

Analyses of strategy of development of market of eyewear in national Russian and region's economics

Abstract: Analysis of the most important factors in creating effective functioning eyewear market in the national economy Russia. Interpretation of eyewear market development strategy are in this article.

Keywords: ways of overcoming crisis situation in the market of eyewear, trends shaping the regional market of eyewear, investment climate

Данилова Ирина Борисовна, Нижегородский госуниверситет
Им. Н. И. Лобачевского, кандидат экономических наук, доцент

Пронина Светлана Владимировна, Нижегородский госуниверситет
Им. Н. И. Лобачевского, кандидат экономических наук, доцент
E-mail: ProSwet5@yandex.ru

Анализ стратегии развития рынка очковой оптики в национальной экономике России и ее регионах

Аннотация: Анализ наиболее важных факторов создания эффективного функционирования рынка очковой оптики в народном хозяйстве России. В этой статье представлена интерпретация стратегии развития рынка очковой оптики.

Ключевые слова: пути преодоления кризисной ситуации на рынке очковой оптики, тенденции формирования регионального рынка очковой оптики, инвестиционный климат

Известно, что 70% информации человек получает посредством органа зрения. С развитием технологий передачи информации (телевидение, компьютерная техника и т. д.) и увеличением объема информации, нагрузка на зрительный аппарат ежегодно возрастает в несколько раз. В результате во всем мире увеличивается число людей, нуждающихся в коррекции зрения.

В России по данным Минздравсоцразвития около 1\3 населения РФ нуждается в коррекции зрения, 40 млн. чел уже пользуются средствами коррекции зрения, около миллиона детей уже рождается с плохим зрением, а к 15 годам их количество увеличивается в три раза. Учитывая тенденцию демографического старения населения России, количество населения, нуждающегося в коррекции зрения, будет только увеличиваться [1].

Учитывая сложившуюся в мире ситуацию, в 2009 г проблема слабовидения и слепоты объявлена приоритетным направлением в рамках Всемирной организации здравоохранения.

В России в 2009 г было зарегистрировано свыше 15 млн. болезней глаз и его придаточного аппарата [1].

Решение вышеназванных проблем населения зависит от особенностей функционирования рынка очковой оптики, от деятельности на нем как зарубежных, так и отечественных компаний.

В данной статье предпринята попытка провести анализ рынка очковой оптики в России, рассмотреть его на фоне мирового рынка. Для оценки взят товарный сегмент этого рынка, где предлагаются приспособления для коррекции зрения. Из каналов реализации товаров выбраны специализированные салоны оптик, которые являются важнейшими из всех используемых каналов реализации. Временной аспект анализа — текущее десятилетие XXI века.

В настоящее время на мировом рынке очковой оптики функционирует большое количество компаний разных стран. Большая часть производителей являются компаниями из Европы (Италия, Германия, Франция) и Азии (Япония, Китай).

Итальянская оптическая индустрия включает в себя 1410 компаний, 240 из которых относятся к крупным, а 1170 — к средним и мелким. Статистические данные свидетельствуют, что в настоящее время итальянские оптические предприятия являются держателями более чем 52% лицензии на производство очков известных марок. При этом большая часть объемов производства и торгового оборота приходится на долю всего 7 крупнейших компаний. Среди них: «Luxottica», «Safilo», «De Rigo», «Marcolin», «Filos», «Visibilia», «I. C. Optics» [2].

Французский рынок очковой оптики имеет давние традиции качества и является одним из самых важнейших в Европе. Сегодня во Франции работает около 120 оптических предприятий, 14 из них производят очковые и контактные линзы, а остальные — оправы, солнцезащитные и защитные очки. Крупнейшие французские компании-производители:: «L' Amy», «Airess», «Grosfilley», «Cottet», «Marius Morel» [3]. С точки зрения качества и применения современных технологий, французские оптические предприятия входят в число самых передовых в мире, вместе с итальянскими и японскими компаниями.

Германия остается важным рынком по производству очковых линз, но в области производства оправ и солнцезащитных очков ее позиции уступают позициям итальянских и французских компаний. Наиболее известные из них: «Neostyle», «Metzler», «Rodenstock», «OWP», «Menrad», «Cazel».

На американском рынке следует выделить таких крупных производителей оправ и солнцезащитных очков, как компании: «Marcon», «Viva», «Signature», «Lantis» [2].

Важным центром производства и продаж изделий очковой оптики являются страны Юго-Восточной Азии. В этих странах действует огромное количество предприятий очковой оптики. Раньше там производилась в основном недорогая продукция. Сегодня в числе товаров с Востока — оправы из титана, очковые линзы с высоким показателем преломления и органические линзы, а также линзы со всем спектром специальных покрытий. Гонконг является вторым после Италии экспортером изделий очковой оптики. Большая часть экспортируемых из Гонконга очков произведена в Китае.

Наиболее передовые технологии в области производства, а также дизайна, находятся в Японии. Так, более 50% оправ из титана самых знаменитых коллекций производится сегодня в Японии. Там же изготавливаются и оправы из кобальта и другие виды изделий, требующих специального производства. Японские компании занимают ведущие позиции на мировом рынке очковой оптики. Это такие компании как «Charmant», «Murai», «Sunreeve» и другие [1].

Мировой рынок оптики в настоящее время достиг более $ 20 млрд. В натуральном выражении этот рынок оценивается в 1,2–1,35 млрд. шт. В стоимостном выражении рынок растет не менее 5% в год, а в натуральном выражении рост составляет 1–4% [3].

Российский рынок является неотъемлемой частью мирового рынка очковой оптики. Однако на сегодня он составляет его небольшую часть — 7–8% от общего объема продаж. Этот российский рынок в настоящее время является одним из наиболее динамично развивающихся рынков медицинской техники РФ.

Точных оценок российского рынка оптики не много. Однако ведущие исследовательские компании считают, что годовые продажи очковой оптики в стоимостном выражении достигли $ 1,6–1,7 млрд. Рост рынка в стоимостном выражении будет 5–10% в год. В натуральном выражении эксперты оценивают российский рынок оптики в 35–38 млн. шт. Рост рынка в натуральном выражении будет 1–5% в год [1].

Российский рынок очковой оптики еще не насыщен, поэтому динамично развивается. За последние 10 лет розничная сеть по продаже оптики увеличилась примерно в 10 раз. Еще на начало 21 века количество оптики по России было не более 3 000, а сегодня их порядка 20 000, в том числе около 8 000 салонов оптики [4]. Согласно мировым данным на каждые 30 000 жителей населенного пункта необходим полноценный салон оптики. В России в среднем на 20 000 жителей приходится один салон оптики. А в некоторых регионах (например, в Северо-Западном федеральном округе) 1 салон приходится на 10–11 тыс. жителей. В Санкт-Петербурге приходится на 1 салон 7–8 тыс. жителей. Однако надо отметить, что в целом салоны оптики расположены территориально очень не равномерно. Особенно существуют большие различия между городской и сельской местностью.

В отношении конкуренции фирм на российском рынке очковой оптики следует отметить, что ни одна крупная сеть салонов оптики не владеет более чем 1% российского рынка. Россия занимает лидирующие позиции в производстве высоко очковой оптики для военных нужд.

На собственном рынке потребительской оптики Россия уступает место иностранным компаниям. У российских компаний нет собственных технологий для изготовления современной оптики и средств на их

разработку. Так, например, производство очковых оправ в России составляет всего порядка 5–6% рынка, это примерно 300–400 тыс. единиц. Большинство очковых оправ, реализуемых на российском рынке, привезено из-за рубежа. Главным поставщиком их является Юго-Восточная Азия, которая поставляет 86% очковых оправ на рынок РФ, а 8–11% оправ поступает из Европы, США, Японии. Что касается очковых линз, то и тут Россия отстает. Наши отечественные компании используют только линзы иностранного производства. Мы до сих пор не производим заготовки для очковых линз. Крупнейшим поставщиком их является Китай. Итак, большая часть продукции на российский рынок очковой оптики импортируется. Крупнейшие дистрибьютерские компании в России, которые осуществляют связь производителей и ритейлеров (салоны оптики) это: «Safilo СНГ», «Sover-M», «New Optica».

В качестве регионального объекта исследования был выбран один из восьми федеральных округов РФ — Приволжье, в состав которого входит Нижегородская область, вместе с другими 13 субъектами РФ (ПФО). Интерес к Нижегородской области определил выбор территориального объекта исследования.

В ПФО работает 15,6% салонов оптики от общего количества всех салонов в России. Это третий регион по количеству действующих салонов после Центрального и Северо-Западного федеральных округов. Наибольшее количество салонов оптики в ПФО открыто в Нижегородской области — 15,5% всех салонов округа. В среднем в ПФО на 25–30 тыс. жителей приходится один салон оптики. Наиболее высокий уровень обеспеченности услугами салонов среди 14 субъектов ПФО имеет Нижегородская область — один салон на 18–20 тыс. Жителей [5].

В ПФО сеть салонов оптики представлена федеральными, региональными и локальными сетями салонов. В ПФО сосредоточено федеральных салонов РФ 11%. Их доля внутри округа 5%. Наиболее крупные из них: «Айкраорт», Линз Мастер», «Смотри», «Очкарик». По количеству региональных сетей оптики ПФО лидируют среди других федеральных округов РФ. На их долю приходится 27% региональных салонов оптики РФ. Внутри ПФО на их долю приходится 18% салонов оптики. Среди них: «Кронос», «Оптика эксперсс», «Корд». В Нижегородской области и городе Нижний Новгород масштабно представлена сеть салонов «Кронос». Локальные сети салонов оптики тоже широко представлены в ПФО. Это 13% салонов оптики всех локальных сетей России. Внутри округа на долю локальных сетей приходится 34% [5].

Локальные сети оптики развиваются во всех крупных городах ПФО, в т. ч. в Нижнем Новгороде. Так в нашем городе представлены: 12 салонов «Нижегородской аптечной сети», 9 салонов «Стиль оптика». Наиболее успешно в ПФО развиваются региональные сети оптик [5].

Анализ рынка очковой оптики в РФ позволили сформулировать наметившиеся в его развитии тенденции. Они заключаются в следующем.

1. Наблюдается снижение темпов роста российского рынка очковой оптики в стоимостном выражении.

2. Развивается дистрибьюция очковой оптики в РФ. Проходи переход к цивилизованным формам торговли. Развиваются различные каналы реализации продукции: салоны оптики, центры коррекции зрения, бутики оптики премиум класса.

3. Будущее российского рынка оптик связывается с развитием крупных сетей специализированных салонов или даже «супермаркетов для глаз».

4. В ближайшие годы будет увеличиваться потребление очковой оптики российскими покупателями.

5. Наблюдается увеличение в предложении потребителю более высококачественной продукции.

6. Развивается процесс индивидуализации очковых линз в зависимости от специфических потребностей покупателей.

7. Меняется стратегия фирм в ведении бизнеса, а именно переход от инвестиционного курса развития к управленческому курсу.

8. Усиливается влияние на развитие рынка очковой оптики рынка интернет-торговли.

Учитывая сложившиеся тенденции в развитии рынка очковой оптики, мы предлагаем следующие рекомендации по совершенствованию рынка очковой оптики в России.

1. На государственном уровне необходимо усиливать социальную ориентацию рынка оптик, являющуюся структурным элементом целого комплекса стратегических задач экономики государства. Политика может реализовываться на нескольких уровнях и отражать комплексный подход к решению стратегических задач.

2. Необходимо проводить политику просвещения граждан в области офтальмологии.

3. Необходимо способствовать развитию собственного сектора рынка, занимающегося производством оправ и линз для очков.

4. Повышать качество обеспечения населения очковой оптикой на уровне отдельных компаний.

5. Проводить государственную политику по борьбе с контрафактным товаром на рынке.

6. Способствовать развитию интернет-торговли на рынке очковой оптики.

7. Усилить контроль за созданием и функционированием фирм на рынке очковой оптики, учитывая существующие нормы закона [6, с. 148–149].

8. Обеспечить выравнивание территориальных различий в размещении сетей салонов оптики по территории России [7, с. 467–468].

Все перечисленные выше меры помогут повысить качество обеспечения населения очковой оптикой, а значит, повысить уровень здоровья граждан РФ. Достижение стратегических целей и эффективное использование имеющегося потенциала развития отрасли может быть осуществлено при реализации определенных условий, которые создаются в результате организационно-экономического комплекса мероприятий. В частности развивая спектр услуг, предприятия должны позаботиться об эффективном управлении организационными процессами.

Список литературы:

1. Официальный сайт Минздравсоцразвития. URL: http://www.rosminzdrav.ru/poll
2. Global Industry Analysts, In@ «Global glasses ritail». 2012.URL: http://www.strategyr.com/marktresearch/glasses/
3. Официальный сайт Оптической ассоциации. URL: http://www.optika lassociation.ru/info/
4. Официальный сайт Гильдии маркетологов. URL: http://www.marketologi.ru/publikaasii/stati/srednijj-buzness-rosii-kachestvennye-kharakteristiki-i-kolichestvennye-otsenki/
5. Официальный сайт ПФО. URL: http://www.pfo.ru/
6. Нестерова Т. А. Контроллинг в сфере управления территориями//Экономическая теория города: ключевые аспекты. Екатеринбург. Издательство ФГБУН Института экономики Уро РАН, 2012. – 325 с. С. 147–152.
7. Пронина С. В. Контроллинг как способ формирования инвестиционного климата на Российских предприятиях.//Россия и Европа: связь культуры и экономики. Мат-лы 9 Междунар. Научно-практич. Конференции. От вред. Уварина Н. В. – Прага, Чеш. Респ: Изд-во WORLD PRESS s. r.o, 2014. – 540 с. С. 466–469.

Protsenko Igor Vladimirovich,
the Kiev National University Taras Shevchenko,
postgraduate student Department of International Economics
E-mail: igor_protsenko001@ukr.net

Developing countries in world trade in services

Abstract: In article was described the structure of the world market. The world trade in services in developing countries was analyzed, its structure was studied and the main trends were identified.

Keywords: world trade in services, developing countries, global market services.

Проценко Игорь Владимирович,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
аспирант кафедры международной экономики
E-mail: igor_protsenko001@ukr.net

Развивающиеся страны в мировой торговле услугами

Аннотация: В статье рассмотрена структура мирового рынка услуг. Проведен анализ мировой торговли услугами развивающихся стран, изучено ее структуру и выявлено основные тенденции.

Ключевые слова: мировая торговля услугами, развивающиеся страны, мировой рынок услуг.

На современном этапе развития мирового хозяйства торговля услугами становится все более важным фактором экономического роста, особенно для развивающихся стран. Услуги являются важным

элементом обеспечения различных видов экономической деятельности, они способствуют созданию инфраструктуры, повышению производительности и конкурентоспособности национальной экономики, росту уровня и качества жизни населения. Международная торговля услугами больше не является прерогативой только стран с развитой рыночной экономикой. В ряде развивающихся стран, услуги составляют значительную часть экспорта. Происходит расширение сферы услуг и увеличение ее доли при одновременном сокращении занятости в промышленности и сельском хозяйстве.

Характерной особенностью современного мирового хозяйства является то, что в его структуре относительно уменьшается значение отраслей материального производства при быстром росте сферы услуг, объемов их обмена в международной торговле. Так, если в 1980 г. мировой экспорт услуг составлял 367 млрд. долл., то уже через 20 лет, в 2001 г., он вырос втрое — до 1350 млрд. долл., а еще через десять лет, в 2010 г., объем этого рынка достиг 3665 млрд. дол., увеличившись за 30 лет в 10 раз. Вклад этого сектора экономики в ВВП составляет во многих странах от 50 до 70%. Более половины рабочей силы мира занято в компаниях, предоставляющих услуги. Тремя важнейшими видами услуг являются туристические, транспортные и деловые услуги, на которые приходится более 70% мирового экспорта услуг. К деловым услугам относятся самые разнообразные виды деятельности, в том числе юридические, рекламные, консалтинговые, бухгалтерские услуги и услуги, связанные с проведением научно-исследовательских работ. Вместе с компьютерными и информационными услугами деловые услуги превращаются в динамичный вид экономической деятельности. Развивающиеся страны, по состоянию на 2011 год, имеют достаточно высокую долю на мировом рынке строительных и туристических услуг (около 40%), а также, главным образом благодаря Индии, компьютерных и информационных услуг (около 30%), к тому же эти часки продолжают расти [1].

Возрастание роли развивающихся стран в мировой экономике несет определенную угрозу для развитых стран, так офшоринг может привести к сокращению рабочих мест (в том числе и высокооплачиваемых) в экономиках развитых стран. Данные по отраслевой структуре занятости в Соединенных Штатах указывают на тот факт, что офшоринг услуг оказывает негативное влияние на занятость в различных отраслях обрабатывающей промышленности и сектора услуг, однако этот эффект нивелируется, если рассматривать промышленность и сектор услуг в целом. Это свидетельствует о том факте, что работники, теряющие работу в одной отрасли, переходят работать в другую, растущую отрасль. Аналогичные данные по Великобритании показывают, что потеря рабочих мест вследствие аутсорсинга, как правило, компенсируется новыми рабочими местами [2].

Учитывая исследования ЮНКТАД [3] можно сказать, что офшоринг услуг меняет структуру занятости в развитых странах в пользу высококвалифицированной рабочей силы по мере того, как производственные функции в секторе услуг, не требующих высокой квалификации, перемещаются в развивающиеся страны. В то же время высокообразованная, квалифицированная рабочая сила из развитых стран может сталкиваться с конкуренцией со стороны образованной, высококвалифицированной, но низкооплачиваемой рабочей силой из стран развивающихся. Впрочем, офшоринг услуг, в общем, не оказывает заметного влияния на уровень занятости в секторе услуг развитых стран, негативный эффект офшоринга компенсируется косвенным положительным эффектом для занятых в других секторах или с другим уровнем квалификации.

В последние два десятилетия сектор услуг динамично рос в странах Южной Азии. Наиболее перспективными с точки зрения увеличения занятости, отраслями в этом регионе были строительство, туризм, розничная торговля, здравоохранение и аутсорсинг услуг в сфере информационных технологий. По динамике занятости сектор услуг выгодно отличается по сравнению с другими секторами экономики, то есть рост сектора услуг способствовал увеличению занятости в этом секторе. Результаты исследований, проведенных ЮНКТАД [4] позволяют говорить о том, что по сравнению с сельским хозяйством и промышленностью связь между расширением торговли и ростом занятости в секторе услуг является сравнительно слабее. За счет прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в секторе услуг создается меньше рабочих мест, чем в других секторах. Данные по Японии, Германии и Соединенным Штатам свидетельствуют о том, что доля ПИИ, размещенных в секторе услуг других стран, выше соответствующей доли рабочих мест. В то же время ПИИ способствуют созданию рабочих мест в принимающих странах и их влияние на занятость повышается с усилением экспортной направленности сектора услуг принимающей страны. Развитие офшоринга в сфере услуг открывает воз-

можности расширения занятости в развивающихся странах. Рабочие места в секторе услуг часто являются высокооплачиваемыми, а рост производительности и эффективности в сфере услуг положительно сказывается на занятости в других секторах [3].

За период с 1990 года до 2012 года доля сектора услуг в ВВП в развитых странах возросла с 65% до 74%, а в развивающихся странах с 45% до 51%, по состоянию на 2012 год, часть сектора услуг составляла около 2/3 ВВП мира. На этот сектор в настоящее время приходится более 74% занятости в развитых странах, около 37% в развивающихся странах и почти 44% занятости во всем мире. Экспорт услуг из развивающихся стран стремительно растет, с 1995 года средний прирост экспорта составил 10,2% в год, по сравнению с приростом импорта услуг на 7,5%. В результате, рыночная доля развивающихся стран в мировом экспорте услуг возросла с 22,1% в 1995 году до 31,3% в 2010 году. В последние 5 лет (2007–2011), средний темп роста экспорта развивающихся стран вырос до 12,8% в год, несмотря на глобальную рецессию [5].

Хотя, такие высокие темпы роста в определенной степени объясняются темпам роста объема экспорта услуг из Китая, другие развивающиеся страны, в целом, также демонстрируют темпы роста выше среднемировых. Кроме того, в Азиатских и Южноамериканских развивающихся странах, а также в наименее развитых странах темпы роста объемов экспорта услуг ускоряются в последние годы (среднегодовой рост экспорта услуг более 13% в год). Крупнейшие экспортеры услуг среди развивающихся стран это Китай и Индия, 5 — й и 6-й крупнейший экспортер в мире, их доля в мировой торговле услугами составляет 4,8% и 3,5%, соответственно. Другие крупные экспортеры из развивающихся стран это Таиланд, Малайзия и Бразилия с частицами около 1% в мировой торговле услугами (данные по состоянию на 2012 год) [5].

В некоторых развивающихся странах сектор услуг находится на этапе формирования, а в некоторых уже есть значительные успехи в данной сфере, им удалось стать значительными экспортерами туристических, строительных, транспортных, аудиовизуальных, компьютерных, информационных, деловых и профессиональных услуг. К тому же развивающиеся страны экспортируют не только традиционные для себя услуги, такие как туризм, но и современные услуги, в частности, с высоким уровнем добавленной стоимости, наукоемких услуг, таких как компьютерных, информационных и других деловых услуг. На сегодня, большинство развивающихся стран успешно экспортируют свои услуги в разных странах мира, в том числе, и в развитые страны. Значительных успехов в этой сфере достигла Индия, экспорт услуг по разработке программного обеспечения, управления и оптимизации бизнес-процессов составляет около 1/3 всего ее экспорта. Бразилия, Коста-Рика и Уругвай экспортируют профессиональные услуги и услуги сферы информационных технологий. Мексика экспортирует телекоммуникационные и дистрибьюторские услуги, Чили — дистрибьюторские и транспортные услуги. Филиппины, Таиланд и Индия, а также некоторые страны Ближнего Востока, Северной Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна достигли успеха в экспорте медицинских услуг [1].

Развивающиеся страны успешно экспортируют и капиталоемкие услуги, строительные компании из этих стран (например, Китая) входят в группу 225 ведущих международных строительных компаний мира. Фирмы из развивающихся стран участвуют в международной торговле экологическими, финансовыми и телекоммуникационными услугами. Есть определенные различия в международной торговле услугами для стран из разных регионов мира. Страны Южной Азии преимущественно занимаются предоставлением услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий. Страны Восточной Азии экспортируют дистрибьюторские услуги, хотя страны данного региона имеют возможности для диверсификации и использования новых направлений деятельности, не связанных с торговлей товарами.

В странах Латинской Америки экспорт в большей степени связан с поставкой услуг путем привлечения прямых инвестиций в другие страны региона (например, 61% иностранных инвестиций Чили направляется в сектор услуг и в энергетике соседних стран). Целевые рынки экспорта услуг стран Южной Азии находятся главным образом в развитых странах, Латиноамериканские страны экспортируют в страны расположенные в этом же регионе. Страны Ближнего Востока и Северной Африки обычно экспортируют свои услуги в Европу, а поставщики услуг из ЮАР все больше инвестируют в страны своего региона [1].

В целом же, доля сектора услуг во многих развивающихся странах и наименее развитых странах составляет более 50% ВВП, а треть рабочей силы занята в секторе услуг. Таким образом, сфера услуг и торговля в сфере услуг, как уже выше отмечалось, дают значительные возможности для экономического роста,

тем более что сектор услуг, как правило, достаточно динамичен и может привести к созданию новых рабочих мест и, соответственно, к росту качества и уровня жизни населения.

В современных условиях сфера услуг образует ядро постиндустриальной экономики и во многом определяет ее основные макроэкономические параметры. В большинстве стран увеличиваются объемы производства сферы услуг, доля в структуре ВВП, растет количество занятых, развивается международная торговля услугами. Услуги превратились в главный сектор экономической активности и источник занятости в мировой экономике.

Так, развитие услуг, особенно инфраструктурных и информационно-коммуникационных, делает заметный вклад в рост производительности труда в масштабах всей экономики, поскольку услуги являются важными компонентами производства других товаров и услуг.

Из вышеизложенного можем сделать вывод, что эффективность и конкурентоспособность сектора услуг является важной предпосылкой общей конкурентоспособности и экономического роста, поскольку услуги крайне важны для любой экономической активности, в том числе и для промышленного производства. Торговля услугами открывает возможности для увеличения занятости и благосостояния населения, стремительно растет удельный вес услуг в мировой торговле. Некоторым развивающимся странам удалось получить ощутимые выгоды от реализации своего потенциала в новых областях, в которых они имеют сравнительные преимущества, в том числе в секторе деловых услуг, которые сейчас пользуются высоким спросом на мировом рынке.

Список литературы:

1. WTO Statistics database [Electronic resource]. — Mode of access: http://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm
2. Amiti M, Wei S-J (2009). Service offshoring, productivity and employment: Evidence from the United States. The World Economy. 32 (2):203–220; Amiti M and Wei S-J (2005). Fear of services outsourcing: Is it justified?" Economic Policy. April: 308–347.
3. UNCTAD, Trade and Development Commission. «The impact of trade on employment and poverty reduction», Geneva, 2013.
4. UNCTAD, Trade and Development Commission. «Trade in services and employment», Geneva, 2013.
5. The World Bank Database. [Electronic resource]. — Mode of access: http://data.worldbank.org/indicator
6. International trade statistics 2010/World Trade Organization [[Electronic resource]. — Mode of access: http://www.wto.org/

Samko Nataliia Hennadiyivna,
Taras Shevchenko Kyiv National University,
degree-seeking student, the Faculty of Economics
E-mail: nataliia.samko@gmail.com

Strategic Directions of Increase of Efficiency of Ukrainian Financial Credit System Regulation

Abstract: The general development tendency of global financial sector activities regulation and supervision systems consists in the necessity to secure the stability of the sector's functioning. At the backdrop of transformation processes occurring on the global scale, the existing regulation system of Ukrainian financial credit system calls for reforming in terms of the introduction and development of macroprudential policy.

Keywords: macroprudential policy; financial stability.

The necessity to secure macroeconomic and financial stability in Ukraine emphasizes the relevance of the objective of reinforcing the prudential component of the financial credit system management process. A characteristic feature of the macroprudential approach is a focus on preventing system risks, securing of rational placement and efficient use of financial resources. The set goals are achieved by way of prudential measures undertaken in the following areas: buildup of long-term investments into the real sector and financing of modern-

ization processes; infrastructure development and the reinforcement of domestic financial market stability; reforming of the institutional foundations of financial regulation; improvement of financial resilience of certain financial institutions; intensification of the anticyclic manner of regulation.

Review of the most recent research and publications. Theoretical substantiation of the foundations of macroprudential policy in Ukraine and the reforming of the existing financial credit system model are presently at the research and discussion stage. The provision of financial resilience and its interrelation with the baselines of monetary stability are studied in the works of foreign economists A. Crocket, M. Foot, F. Mishkin, T. Padoa-Shioppa, G. Schinasi and Ukrainian scholars V. Geyets, A Grytsenko, O. Dziubliuk, V. Koziuk, V. Mishchenko, S. Naumenkova, Ya. Belinska and others. Main directions of development and securing of stable functioning of the banking and payment system of Ukraine are delineated; the issues of monetary policy support are examined. The authors analyze the models of interaction of different governmental bodies in the context of financial stability support efforts, classify crisis indicator groups and point out the major tools of macroprudential regulation.

Problem definition. The conceptual notion underlying the present-day financial credit system reform strategy is the priority of the state policy of balanced economic growth based on real sector modernization. This determines the necessity to reform the financial credit system with the aim of resolving the controversy between financial stabilization and economic growth rate stimulation targets that is traditional for Ukraine. As the experience of developed countries shows, surpassing development rates of the financial credit system in comparison with the real sector of economy secure the ability of economy towards sustainable growth. At the same time, excessive acceleration of the development pace of financial institutions and artificial restrictions on their way of development give rise to potential system risks, which requires supervision over the coordinated development rate of the financial and real sectors of economy.

Main material presentation. Maintaining a clearly verified balance between stimulating and regulating measures should become the principle of Ukrainian financial credit system modernization. On the one hand, recovering from depression requires the activation of investment markets based on monetary policy liberalization and animation of entrepreneurial activities. On the other hand, the low efficiency of transmission monetary mechanism channels in Ukraine complicates the resolution of this issue. Due to a gap between the real and the financial sectors, the increase of turnaround solvency leads to speculative overactivation of certain financial market segments. Countermeasures in response to periodic manifestations of such "soap bubbles" require the intensification of the anticyclic manner of state regulation.

Macroprudential approach is designated to secure long-term financial stability by way of preventing system risks and overcoming imbalances at the micro and macro levels. This approach is based upon the following principles:

— adaptability and flexibility of policy, which is achieved on the basis of financial credit system development cyclicity monitoring, risk control within a cycle, evaluation of prudential measures efficiency and follow-up improvement;

— centralization of decision-making in respect of financial stability provision and system risk control through a designated state management body;

— independence and clear definition of the role and functions of the state body in charge of the development and implementation of macroprudential measures, which will allow the body to implement unpopular measures and will resolve the issue of coordinating targets and measures pertaining to several economic areas, performance of different political functions or the use of different types of regulation;

— simplicity of the communication mechanism, precision and intelligibility of indicators and information signals that allow to build up the impact of regulative measures through the stabilization of the expectations of economic agents;

— maintenance of a balance between the levels of risk and profitability, when risk minimization efforts do not weaken economic agents' desire to develop and generate profits.

The conditions for effective realization of the macroprudential approach to financial credit system regulation presuppose the presence of: macroprudential tools, criteria of their selection and the methods of assessing their effectiveness; indicators allowing to detect in a timely manner and assess system risks and cyclicity risks; standards for the collection and processing of information needed for system risk modelling.

The above determines the priority of achieving the following objectives: forming a set of effective macroprudential tools on the basis of precise criteria of their selection and the methods of assessing their effectiveness; development of the methodology of identification

and measurement of system risks based on the use of the stated information and formulation of policy recommendations; improvement of data collection and processing standards for the purpose of system risk modelling.

Macroprudential approach to the management of Ukrainian financial credit system is designated to secure the rational placement and efficient use of financial resources and — building on that basis — to ensure internal and external stability of the economic system, which determines the following main directions of the application of prudential approaches.

1. *Buildup of long-term investments into the real sector and the financing of economy modernization by way of:* improving institutional provision of the investment process by way of creating and developing specialized investment lending and financial institutions; forming a development budget; facilitating the development of the internal loan financing market, and, in the first place, the shares and "long-term" resources market, which must be accompanied by the creation of tax and other stimuli for investors; creating conditions for the investment activities of residents by way of developing a collective investment system, spreading the distribution of financial instruments for individual investors, intensification of pensions and insurance reforms; activating the development of the infrastructure and mechanisms of capital flow between financial market segments.

2. *Infrastructure development and the improvement of national financial credit system resilience:* expansion of internal demand for long-term investment financial instruments, in the first place, by involving resident's savings in circulation (by way of the issuance of shares and corporate obligations, as well as through the development of insurance and guarantee mechanisms); decrease of regulatory operational expenses of the financial credit system through the balancing of the state's role and developing market self-regulation mechanisms; establishing mechanisms to counteract the formation of "soap bubbles" with the help of non-resident funds by way of reducing stimuli towards excessive risks and receipt of short-term income; increase of the National Bank of Ukraine monetary policy focus upon the decrease of currency and interest rate arbitrage; establishing of a risk monitoring system and formation of the necessary legal framework with the aim of identifying, classification and prevention of unlicensed activities in the financial market ("financial pyramids", non-licensed managing companies and brokers etc.); expanding the financial regulation "perimeter" due to control and supervision over financial holding companies, investment asset pools and their aggregated risks, regardless of what types of financial institutions are at their core (credit organizations, brokerage and dealer companies, managing companies, insurance organizations and so on); bringing regulatory and tax burdens in line with the nature or risks associated with the activities of financial institutions.

3. *The reforming of institutional foundations of financial credit system regulation:* overcoming the fragmentariness of the regulation system by way of improving interaction between financial market regulators and transferring prudential supervision functions to the newly established department of the National Bank of Ukraine and forming common bodies for the resolution of material issues (a board, an interdepartmental commission, a task force, an expert council etc.); development of uniform policy in the sphere of financial market development and harmonization of policies in related areas (budget, monetary, banking, currency, external economic etc.); implementation of national and international information sharing mechanisms, including confidential information sharing in emergencies; development of common standards, rules, activities (the use of general information systems; joint inspections and investigations, where possible; introduction of common sanctions, coordination of procedures of supervision and stimulation towards adherence with rules); development of memorandums of understanding or cooperation agreements covering all possible forms of joint regulator activities; supervision of the activities of banks being important for the system, limitation of their market power and increase of activity safety due to the introduction of additional regulations; development of standards and norms of regulating speculative segments of the financial market (e.g. derivatives); development of measures aimed at investment segment stimulation (for instance, corporate securities market); increase of transparency of the overall functioning of the financial credit system and the functioning of large-scale financial institutions within the system; popularization of the practice of using scholars' and experts' recommendations in improving the foundations of financial regulation; implementation of a transparent communication strategy of consultations with the society based on public discussion of expedience, advantages and drawbacks of prudential measures.

4. *Increase of the financial resilience of certain financial institutions and organizations:* improvement of quality and transparency of the composition and sources of capital formation of financial institutions; constant revision of requirements to minimal capital of financial institutions based on including into capital calculation all material

risks in accord with development parameters of the financial credit system; strengthening of the validity of loss reserve calculations of both organizations and their clients taking into account all active operations; implementation of the maximum admissible leverage level of financial institutions (the ratio of all assets to own capital); introduction of minimum requirements to reserves and buffers that must cover the losses of a financial institution in crisis conditions; introduction of an increased coefficient of contractor risk and credit risk coverage to strengthen preventive actions in respect of risks that emerge when a bank performs operations with derivatives, repo deals and asset securitization operations; increase of liability for the breach of norms and incompliance of financial institution's performance indicators with regulator's requirements; increase of ranking standards by way of simultaneous use of external rankings and the development of internal rating assessment systems; intensification of the regulation of system banks on the basis of the development of various indicators for the definition of such institutions.

5. *Anti-cyclic regulation aimed at preventing excessive accumulation of corporate and banking capitals and debts in the period of economic rise by way of increasing discount policy flexibility, adjustment of refinancing resources costs, forming of financial reserves (solvency buffers), control over leverage and the national currency unit cost:* adjustment of the prudential requirements of the Basel Committee for their use in broker and dealer companies, investment funds and insurance organizations (taking into account the necessity of less stringent requirements for developing markets); providing for the possibility to develop and use the rules of forming special reserves — capital "buffers"; control over "gaps" in the balance structure of financial institutions and organizations (leverage, solvency etc.); increased focus of prudential oversight standards on the prevention of system risk accumulation at the micro level of the financial market taking into account the post-crisis changes in the international practice of prudential oversight; increase of coordination of actions on the part of state regulation bodies aimed at preventing the procyclical effects of the application of separate measures to related areas; development and improvement of the systems of information disclosure and prudential oversight of risk regulation of over-the-counter financial products and speculative segments of the market.

Conclusions. The priority of the state policy of balanced economic growth based on the modernization of the real sector of economy should become the conceptual notion underlying the present-day financial credit system reform strategy.

Maintaining a clearly verified balance between stimulating and regulating measures is an important principle of Ukrainian financial credit system modernization. On the one hand, recovering from depression requires the activation of investment markets based on National Bank of Ukraine monetary policy liberalization and, on the other hand, the low efficiency of transmission monetary mechanism channels in Ukraine complicates the resolution of this issue. Due to a gap between the real and the financial sectors, the increase of turnaround solvency leads to speculative overactivation of certain financial market segments, which calls for the intensification of the anti-cyclic manner of state regulation.

References:

1. Crocket A. The Theory and Practice of Financial Stability/A. Crocket//GEI Newsletter issue. Global Economic Institutions. – 1997. – № 6. – P.47–52.
2. Padoa-Shioppa T. Central banks and financial stability: exploring a land in between/T. Padoa-Shioppa//Second ECB Central Banking Conference «The transformation of European financial system». – Frankfurt on Main. – Oct., 2002.
3. Foot M. What is financial stability and how do we get it?/M. Foot//Speech on Meeting of the Financial Services Authority and ACI (UK). – 2007. – 122 p.

Section 15. Science of law
Секция 15. Юриспруденция

Bondarenko Victoria Victorovna,
Ph. D., Head of Legal Department of «Kryvorizhspetsremtrans»
Email: bondarenko-viktorja@rambler.ru

The content and classification of the guarantees to realisation the citizens` rights for ecological and safe environment

Abstract: The article is devoted to researching of classification of the guarantees to realization the citizens` rights for ecological and safe environment. The study revealed: the content and concept of guarantees of citizens' rights to an ecologically safe environment; characterized the organizational, legal and regulatory guarantees of citizens' rights to an ecologically safe environment.

The keywords: guarantee, classification, ecologically safe environment

Бондаренко Виктория Викторовна,
кандидат юридических наук, начальник юридического отдела
ООО «Криворижспецремтранс»
Email: bondarenko-viktorja@rambler.ru

Содержание и классификация гарантий реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду

Аннотация: Статья посвящена исследованию содержания и классификации гарантий реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду. В процессе исследования раскрыто: содержание и понятие гарантий реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду; охарактеризованы организационно-правовые и нормативно-правовые гарантии реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду.

Ключевые слова: гарантии, классификация, экологически безопасная среда.

Основу государственного регулирования охраны окружающей среды определяет экологическая политика государства, которая призвана осуществлять защиту прав людей и граждан в сфере экологии. Особое место в осуществлении экологической политики государства занимают экологические права граждан и процесс создания эффективной системы их реализации и гарантий. Учитывая тот факт, что только правовые гарантии выступают непосредственной юридической формой развития демократического общества, а их непосредственное назначение состоит в обеспечении механизма осуществления прав и свобод человека и гражданина, целью данной статьи является исследование проблем реализации прав человека и гражданина на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду через раскрытие понятия правовых гарантий экологически безопасной окружающей среды.

Проблемные вопросы гарантий реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду исследованы в научных трудах таких ученых: В. И. Андрейцева, А. Г. Бобковой, М. В. Костицкого, С. М. Кравченко, М. В. Красновой, Н. Р. Малышева, Б. Г. Розовского, М. В. Шульги и др.

Целью статьи является исследование содержания и классификации гарантий реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание и понятие гарантий реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду; раскрыть содержание организационно-правовых и нормативно-право-

вых гарантий реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду.

Одним из самых фундаментальных положений, которое содержится в действующей Конституции Украины, является определение, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются наивысшей социальной ценностью. Такое положение определяет главный вектор продолжения процедуры преобразований в обществе, а именно: строительство социального, демократического, правового государства, и определения ее главной обязанности — обеспечение прав и свобод граждан.

Социальные права граждан находятся в непосредственной зависимости от уровня экономического развития государства, возможности удовлетворить материальные и духовные потребности членов общества. Экологически безопасная окружающая среда выступает необходимым условием развития жизни.

Экологические права обусловлены необходимостью обеспечить экологически безопасные условия жизни человека, они являются непосредственными жизненными потребностями человека. Обеспечение экологических прав является основой экологической политики любого демократического государства и выступают непосредственной целью ее осуществления.

На современном этапе развития Украины в области экологии происходит постепенный процесс увеличения объема прав субъектов природопользования. Это явление можно объяснить появлением для таких субъектов правовых возможностей для реализации своего субъективного права на использование природных ресурсов, а также новых экономических интересов. По этому поводу является достаточно интересной мысль С. Алексеева, что само по себе право — это многостороннее явление, призванное регулировать общественные отношения, которое можно рассматривать также как данное средство для решения и реализации важных задач общества, для непосредственного удовлетворения интересов его членов [1, 242–243].

Несомненным является тот факт, что наиболее важным механизмом осуществления этого субъективного права в любой цивилизованной стране прописаны и закреплены на уровне законодательства определенные механизмы его реализации — гарантии.

Есть в каждом демократическом государстве возможность реализации гражданами своих прав и свобод, определить и установить на законодательном уровне определенную систему гарантий, обеспечивающих реализацию и защиту экологических прав и свобод граждан. При отсутствии гарантий, установленные законом права и свободы — лишь пустой звук [2, 221].

По нашему мнению, само содержание юридических гарантий прав граждан на экологически безопасную окружающую среду заключается в том, что они выступают специальным средством реализации всей совокупности возможностей, направленных на удовлетворение потребностей человека и гражданина при их взаимодействии с окружающей средой, и с целью реализации охраны и защиты прав других субъектов экологических правоотношений.

Роль и значение юридических гарантий можно правильно понять и оценить, рассматривая их как часть целого. Каждый вид гарантий имеет свою направленность и лишь в совокупности они могут обеспечить возникновение, полную и всестороннюю реализацию и защиту прав граждан на использование природных ресурсов. При этом, объективно невозможно создать исчерпывающий перечень правовых гарантий, поскольку оценка правового средства в таком качестве может осуществляться только в рамках одного или нескольких однородных правоотношений, направленных на достижение определенного значимого для участника таких отношений результата.

Некоторые ученые делают деление юридических гарантий на два вида: нормативно-правовые и организационно-правовые. Нормативно-правовые гарантии определяются системой норм конституционного права, они находят свое выражение в Конституции Украины, законах Украины и подзаконных нормативно-правовых актах.

Понятие организационно-правовых гарантий представляет собой средства обеспечения прав и свобод человека и гражданина, которые представлены через определенных законодательством Украины субъектов конституционного права, а именно: народ Украины, органы государственной власти и местного самоуправления, территориальные общины, общественные организации и политические партии, т. д.. Указанные субъекты конституционного права уполномоченные определять основные права и свободы человека и гражданина, закреплять механизмы их реализации и осуществлять судебную и внесудебную защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина [3, 140–142].

В соответствии с Законом Украины «Об охране окружающей природной среды» государство гаран-

тирует гражданам защиту их экологических прав определенными юридическими механизмами. Учитывая использованную нами классификацию правовых гарантий, попробуем охарактеризовать указанные в ст. 10 вышеуказанного документа гарантии, в соответствии с предложенным распределением.

Так, экологические права граждан обеспечиваются организационно-правовыми гарантиями: проведением широкомасштабных государственных мероприятий по поддержанию, восстановлению и улучшению состояния окружающей среды; обязанностью центральных органов исполнительной власти, предприятий, учреждений, организаций осуществлять технические и другие мероприятия для предотвращения вредного воздействия хозяйственной и другой деятельности на окружающую среду, выполнять экологические требования при планировании, размещении производительных сил, строительства и эксплуатации объектов экономики; осуществлением государственного и общественного контроля за соблюдением законодательства об охране окружающей природной среды; созданием и функционированием сети общегосударственной экологической автоматизированной и информационно-аналитической системы обеспечения доступа к экологической информации.

Нормативно-правовые гарантии реализации прав граждан на экологически безопасную окружающую среду: участие общественных организаций и граждан в деятельности по охране окружающей природной среды; компенсация в установленном порядке вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства об охране окружающей природной среды; неотвратимость ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей природной среды и т. п..

Согласно вышеуказанной ст. 10 Закона Украины «Об охране окружающей природной среды» предусмотрено также, что деятельность, которая препятствует осуществлению права граждан на безопасную окружающую среду и других их экологических прав, подлежит прекращению в порядке, установленном настоящим Законом и иным законодательством Украины.

Суммируя все вышеизложенное, можем сделать вывод, что окружающая среда является естественным благом для человека и общества в целом как источник их существования и жизнедеятельности. Итак, благоприятная окружающая среда связана с безопасными природными условиями для самого человека. Сама реализация прав выступает незаменимой составляющей любой правовой системы, без наличия которой невозможно представить существование механизмов обеспечения тех нормативно-правовых предписаний, регулирующих соответствующую сферу правоотношений. Таким образом, реализация прав на безопасную окружающую среду представляет собой составную часть системы гарантий прав на экологическую безопасность, по которой воплощается на практике вся совокупность правовых норм и предписаний, регулирующих сферу экологического права.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения/С. С. Алексеев. – М., 2001. – 752 с.
2. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России/Воеводин Л. Д. – М.: Изд-во МГУ, Изд. группа ИНФРА М.- НОРМА, 1997. – 307 с.
3. Конституція України. Текст основного закону з офіційними тлумаченнями Конституційного Суду України. Огляд і коментарі В. Ф. Погорілка та В. Л. Федоренка. – К.: Наукова думка, 2006. – 209 с.

Danilova Malvina Vladimirovna,
Ph. D., a judge of the Supreme Economic Court of Ukraine
Email: danilova-malvina@rambler.ru

Financial mechanism of regulation of enforcement relations in labor law

Abstract: The article provides a comprehensive analysis of the nature of the financial mechanism of enforcement relations in the labor law.

Keywords: financial mechanism, regulation, enforcement relations, labor law.

Данилова Мальвина Владимировна,
К. ю. н., судья Высшего хозяйственного суда Украины
Email: danilova-malvina@rambler.ru

Финансовый механизм регулирования охранительных отношений в трудовом праве

Аннотация: В статье проведен комплексный анализ сущности финансового механизма регулирования охранительных отношений в трудовом праве.

Ключевые слова: финансовый механизм, регулирование охранительные отношения, трудовое право.

Переход государства к рыночной экономике, создание новых рабочих мест с полностью усовершенствованными и видоизмененными условиями труда и автономизацией работодателей от государства обусловливает расширение роли и значение охранительных отношений в трудовом праве. Однако, надлежащее функционирование невозможно без совокупности средств, способов, методов и приемов их упорядочения, которые призваны обеспечить эффективное взаимодействие между участниками трудовых отношений. Актуальность данной темы обусловлена фактическим отсутствием исследований в области механизма регулирования охранительных отношений в трудовом праве, что обусловливает отсутствие четко сформированных признаков данного явления, его особенностей. Это, в свою очередь, приводит к тому, что невозможно определить недостатки данного явления, которые необходимо устранить для того, чтобы обеспечить эффективное обеспечение функционирования механизма регулирования охранительных отношений в трудовом праве.

Исследованию финансового механизма регулирования охранительных отношений в трудовом праве уделяли внимание такие ученые как В. С. Венедиктов, Л. А. Гордиенко, Н. И. Иншин, В. М. Костюк, В. В. Лазор, Л. И. Лазор, П. Д. Пилипенко, Н. А. Плахотина, С. М. Прилипко, Н. М. Хуторян, И. И. Шамшина, А. М. Шульга, В. И. Щербина, А. Н. Ярошенко и другие. Однако анализ данных научных источников позволяет прийти к выводу о недостаточном исследовании данного вопроса в трудовом праве, что приводит к нерешенности определенных проблемных моментов, а также не позволяет устранить недостатки данного явления.

Целью статьи является научный анализ сущности финансового механизма регулирования охранительных отношений в трудовом праве.

Под механизмом регулирования охранительных отношений в трудовом праве в целом нужно понимать совокупность способов, приемов, средств и методов, которые составляют собой слаженную систему, направленную на упорядочение охранительных отношений в трудовом праве, в целях обеспечения слаженного взаимодействия их структурных частей, а также выполнение ими их функций.

Финансовый механизм урегулирования охранительных отношений в трудовом праве является одной из наиболее важных групп механизма регулирования охранительных отношений в трудовом праве, учитывая зависимость от функциональной направленности. В науке трудового права отсутствуют подходы к пониманию финансового механизма регулирования, поэтому мы предлагаем обратиться к пониманию такого механизма учеными других отраслей знаний.

Так, В. Венгер определяет финансовый механизм как «совокупность финансовых методов и форм организации финансовых отношений, инструментов и рычагов влияния на социально-экономическое развитие общества». В. Опарин определяет финансовый механизм как «совокупность финансовых методов и форм, инструментов и рычагов влияния на социально-экономическое развитие общества» [1].

Мы предлагаем понимать под финансовым механизмом урегулирования охранительных отношений в трудовом праве — совокупность финансовых методов, форм и рычагов управления финансовыми ресурсами, которые предназначены для материального обеспечения субъектов охранительных правоотношений в трудовом праве. Мы предлагаем включить в механизм финансового урегулирования охранительных отношений в трудовом праве такие финансовые методы как финансовое обеспечение и финансовое урегулирование. Кроме того, к этому механизму можно включить совокупность финансовых рычагов влияния, таких как финансовые стимулы, а также финансовые санкции.

Предлагаем сначала рассмотреть финансовые рычаги влияния на участников охранительных отношений в трудовом праве. Так, в теории права под санкцией принято понимать определенные меры воз-

действия, наказание за нарушение закона. Из этого следует, что под финансовыми санкциями следует понимать определенные материальные меры воздействия на правонарушителя, который является участником охранительных отношений в трудовом праве, то есть те ограничения, которые испытывает участник трудовых данных отношений в случае нарушения им норм законодательства о труде. К таким финансовым санкциям следует отнести отчисления из заработной платы работника в случае совершения им материального правонарушения. Такая возможность определена статьей 132 Кодекса законов о труде, в которой отмечается, что за ущерб, который был причинен предприятию, учреждению, организации при исполнении трудовых обязанностей, работники, которые виновны в причинении такого ущерба, должны понести материальную ответственность в размере прямого действительного ущерба, но не больше своего среднего месячного заработка [2]. Кроме того, законом также устанавливаются случаи, когда материальная ответственность работника носит неограниченный характер. Так, случаи полной материальной ответственности работника устанавливаются статьей 134 Кодекса законов о труде. Кроме того, существует возможность полной материальной ответственности работника в случае заключения договора о полной материальной ответственности, что регулируется статьей 135–1 Кодекса законов о труде [2]. Законодательством также предусмотрено наложение финансовых санкций за нарушение законодательства о труде. Так, статьей 43 Закона Украины «Об охране труда» предусмотрено наложение санкций в виде штрафа на работодателя, который нарушает требования законодательства об охране труда [3].

В толковом словаре украинского языка термин «стимул» употребляется значении того, что вызывает интерес в осуществлении чего-либо; побудительная причина к совершению чего-то [4, 698]. Финансовыми стимулами в охранных отношениях, по нашему мнению, будут выступать поощрения за добросовестное соблюдение законодательства об охране труда, за бережное отношение к имуществу предприятия, учреждения, организации, на которых работает работник. Возможны также материальные поощрения за своевременное принятие мер к предотвращению ущерба и т. д.

К одному из элементов механизма финансового регулирования относится финансовое обеспечение. Под финансовым обеспечением предлагаем понимать создание специальных фондов, или преждевременное формирование материальных ресурсов с целью финансирования мероприятий, которые создадут условия для возможности реализации участниками охранительных отношений своих прав, и возможности выполнения своих обязанностей. Такая обязанность возлагается, обычно на работодателя. Так, статьей 162 Кодекса законов о труде предусмотрена обязанность выделения средств на мероприятия по охране труда. В частности, отмечается, что для проведения мероприятий по охране труда выделяются средства и необходимые материалы, расходование которых на другие цели запрещается [2]. Также на законодательном уровне установлена обязанность работодателя осуществить компенсационные выплаты работнику за специальную одежду и специальную обувь, которая не была выдана.

Еще одной формой финансового обеспечения, по нашему мнению, можно признать создание специальных фондов на общегосударственном уровне. Так, в случае причинения вреда работнику увечьем или другим повреждением здоровья, связанным с выполнением трудовых обязанностей, данный вред подлежит возмещению. Для возмещения такого вреда предусматривается создание специального общегосударственного фонда — Фонд социального страхования от несчастных случаев на производстве. Основной задачей данного Фонда является возмещение вреда, причиненного работнику при исполнении его трудовых обязанностей. Такое возмещение имеет не только финансовый характер, но и проведение других мероприятий, преимущественно из материального обеспечения с целью создания надлежащих условий по уходу за потерпевшим лицом. Создание такого Фонда, его функционирование регулируется Законом Украины «Об общеобязательном государственном социальном страховании от несчастного случая на производстве и профессионального заболевания, которые повлекли утрату трудоспособности» [5].

По нашему мнению, механизм финансового регулирования играет очень важную роль в благоустройстве охранительных отношений по охране труда. Благодаря надлежащему законодательному определению процедур возмещения вреда, причиненного работнику или работодателю, определение источников покрытия такого ущерба, создает принципиальную основу для наиболее эффективной защиты нарушенного права участниками таких охранительных отношений в трудовом праве. Наличие финансовых рычагов воздействия в виде финансовых стимулов

и финансовых санкций обеспечивает реализацию охранными правоотношениями в трудовом праве своих основных функций: компенсационной, восстановительной, защитной, стимулирующей и других. Наличие отлаженного финансового механизма упорядочения охранительных отношений делает принципиально возможным реализацию субъектами данных правоотношений своих прав, кроме того, значительно упрощается процедура их защиты в случае нарушения.

Список литературы:

1. Гордієнко Л. А. Механізм фінансового регулювання доходів населення України. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу. – http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/sre/2012_1/20.pdf
2. Кодекс законів про працю: Закон України//Відомості Верховної Ради УРСР від 17.12.1971–1971 р.,/Додаток до N 50
3. Про охорону праці: Закон України від 14.10.1992 № 2694-XII//Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1992. – № 49. – Ст. 668.
4. Словник української мови в 11 томах. За ред. І. К. Білодіда, А. А. Бурячок та ін. Т. 9. – К.: Наукова думка, 1975. – 917 с.
5. Про загальнообов'язкове державне соціальне страхування від нещасного випадку на виробництві та професійного захворювання, які спричинили втрату працездатності: Закон України від 23.09.1999//Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1999. – № 46–47. – Ст. 403.

Zhuravel Valentina Ivanovna,
Ph. D., judge of the High Specialized Court of Ukraine for Civil and Criminal Cases
Email: juravel.valentina@rambler.ru

The principles of collective forms of protection of workers labor rights

Abstract: The article analyzes the nature and types (general and specific) of principles of collective forms of protection of workers labor rights. Examined the significance of each.

Keywords: principle, collective forms, protection, labor rights, worker.

Журавель Валентина Ивановна,
к. ю.н., судья Высшего специализированного суда Украины
по рассмотрению гражданских и уголовных дел
Email: juravel.valentina@rambler.ru

Принципы коллективных форм защиты трудовых прав работников

Аннотация: В статье проанализировано сущность и виды (общие и специальные) принципов коллективных форм защиты трудовых прав работников. Раскрыто значение каждого.

Ключевые слова: принцип, коллективные формы, защита, трудовые права, работник.

Вопрос руководящих принципов коллективных форм защиты трудовых прав работников выделяется среди других важных проблем, поскольку позволяет охватить большой круг теоретических и практических аспектов реализации работниками и их объединениями права на труд, права на участие в управлении и организации процесса труда.

Поэтому сегодня необходимо, учитывая тенденции реформирования трудового законодательства и реформирования науки трудового права, проанализировать существующие научные исследования и предложить собственные подходы к выделению принципов коллективных форм защиты трудовых прав работников.

Вопросу исследования принципов коллективных форм защиты в отдельных их аспектах уделялось очень много внимания в юридической литературе такими учеными, как Н. Б. Болотина, В. С. Венедиктов, А. Е. Герасимова, Л. П. Грузинова, В. В. Жернаков, С. И. Запарьте, Н. И. Иншин, И. В. Лагутин, В. В. Лазор, Т. Г. Маркина, П. Д. Пилипенко, А. И. Процевский, Н. М. Хуторян, Г. И. Чанышева, а также такими

российскими учеными как И. Я. Киселев, М. В. Лушникова, Ю. П. Орловский, О. С. Пашков, И. А. Снигирев, В. М. Толкунова и др. Не приуменьшая научной ценности наследия этих ученых, отметим, что в современных условиях, в связи с европеизацией трудового законодательства, появлением новых субъектов коллективной формы защиты трудовых прав работников, расширением сферы локального правового регулирования коллективных трудовых отношений возникает вопрос о необходимости комплексного исследования указанной проблемы.

Целью статьи является анализ принципов коллективных форм защиты трудовых прав работников.

Для выделения принципов коллективной формы защиты трудовых прав работников целесообразно использовать разделение принципов на общие и специальные. Общие принципы характеризуют защиту как межотраслевой институт, раскрывают основные характеристики не института защиты трудовых прав работников, а защиты как наиболее абстрактного понятия. Вместе с тем, специальные принципы индивидуализируют коллективную форму защиты трудовых прав работников, характеризуют ее особое значение для регулирования трудовых и связанных с ними отношений, а также влияют на определение правовой природы статуса субъектов коллективной формы защиты при реализации ими своих полномочий.

К общим принципам, на наш взгляд, следует отнести следующие: 1) законность; 2) обоснованность; 3) справедливость; 4) целесообразность; 5) презумпция невиновности работника. Такой перечень не является хаотичным или случайным, ведь в частности Н. И. Иншин и В. И. Щербина отмечают, что требование законности состоит в четком определении оснований и порядка коллективной защиты трудовых прав работников, исследовании конкретных фактов, на которых строится обвинение работника в порядке, определенном законодательством о труде [1, 75]. По нашему мнению, о принадлежности этого принципа к коллективным формам защиты трудовых прав работников свидетельствуют нормы Закона Украины «О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)» [2], который определяет в частности, положение о том, что забастовка, организация которой осуществляется без соблюдения требований этого закона, признается в судебном порядке незаконной. То есть, в данном случае и проявляется действие принципа законности.

Вместе с этим, законность как принцип коллективных форм защиты трудовых прав работников тесно связана с пониманием коллективных прав как целостной и взаимосвязанной системы. Хотя в юридической литературе до сих пор оставляют дискуссионными, и по нашему мнению, такими дальнейшем и останутся вопросы критериев законности, юридические приемы законности.

Обоснованность, как общий принцип коллективной формы защиты трудовых прав работников заключается, на наш взгляд, в том, что в результате обращения работников или уполномоченных ими субъектов защиты при применении соответствующих мер и способов защиты, учитывается характер совершенного нарушения, его длительность, действия работников и работодателей по прекращению нарушения и многие другие факторы. На этот принцип в частности указывает и А. Заржицкий, как на принцип разрешения коллективных трудовых споров, безусловно, воплощается в виде коллективной формы защиты трудовых прав работников [3, 54]. Также вопрос обоснованности связано с соответствием действий в рамках коллективной формы защиты трудовых прав работников целям такой защиты. Поскольку его основной целью, как мы уже отмечали, является прекращение нарушения прав и их обновления, то и действия или бездействие, которые осуществляет работник, должны создавать возможности для развития правовой регламентации исследуемых отношений.

Справедливость выступает основополагающей основой и коллективных, и индивидуальных трудовых отношений. Однако в коллективной форме защиты трудовых прав работников она приобретает особый смысл. Не можем согласиться в данном контексте с мнением И. М. Вагановой, которая указывает на то, что справедливость в каждом случае выступает как законность. Если решение работодателя справедливо, то оно и законное [4, 75]. В данном случае происходит смешение понятий. Ярким примером действия этого принципа является то, что по сравнению с действующим трудовым законодательством, в коллективных договорах могут определяться те условия, которые им не предусмотрены в сторону улучшения условий труда. Согласно с решением работодателя, которое основано на требованиях указанных коллективных договоров, вполне справедливо. Но является ли оно законным — есть сомнения.

Целесообразность, как принцип коллективной формы защиты трудовых прав работников, по нашему мнению, означает, что происходит индивидуализация коллективной защиты — отстаивание в пределах общего коллективного интереса отдельных индиви-

дуальных интересов работников. Целесообразность проявляется в коллективной форме защиты трудовых прав, как производный принцип от законности и в условиях конкуренции с последним, целесообразность не будет иметь своего приоритета. В частности, мотивирование работодателем решений по применению дисциплинарных взысканий является гарантией соблюдения его трудовых прав. Работник должен точно знать, освобождается он в связи с рационализацией производства, или в связи с непригодностью к работе, или же причиной увольнения стала конкретная вина или общая неудовлетворенность работодателя. Анализ содержания ст. 401 проекта Трудового кодекса [5] свидетельствует о том, что в нем совершенно отсутствуют нормы, которые гарантируют обоснованность принятых работодателем решений, а кроме того, превращают работника из субъекта защиты на объект сосредоточения ответственности.

Поэтому, недостаточная обоснованность решений работодателя, что является нарушением принципа обоснованности, приводит к применению коллективных форм защиты трудовых прав работников.

Принцип презумпции невиновности работника в коллективной форме защиты его трудовых прав приобретает особое значение. Это связано с тем, что бремя доказывания вины работника в отношениях защиты его прав лежит на работодателе и поэтому работодатель должен самостоятельно доказывать, что не совершал соответствующего нарушения. Отметим, что как свидетельствует судебная практика, при обращении работников в суд за защитой с коллективными исками, суды их удовлетворяют [6, 21]. Закрепление в пределах коллективных форм защиты трудовых прав работников принципа презумпции невиновности работника является необходимой составляющей гуманизации норм о дисциплинарной ответственности.

Первый из специальных принципов коллективных форм защиты трудовых прав работников — это принцип коллегиальности исследуемой формы защиты трудовых прав работников. Эта коллегиальность, на наш взгляд, проявляется через следующие аспекты: 1) привлечение органа совместно работниками и работодателями, который обеспечит достижение между ними консенсуса, сбалансирует их интересы; 2) обращение коллективным субъектом, которому каждый работник делегировал свою индивидуальную волю на принятие юридически значимого решения, в органы и к должностным лицам, которые способны осуществить эффективную защиту трудовых прав работников; 3) принятие всех решений субъектом защиты в пределах исследуемой формы с учетом коллективной воли работников.

Вместе с тем, вопрос коллегиальности в коллективной форме защиты трудовых прав нельзя отождествлять с выражением коллективной воли. Такова воля должна выражаться самими работниками или их объединениями на основании сочетания интересов группы работников. Вместе с тем, коллегиальность заключается в совместном принятии решений, предполагает выражение коллективной воли.

Второй специальный принцип, который можно выделить в исследуемой форме защиты трудовых прав — это принцип равноправия работников и работодателей при принятии ими коллективных решений по урегулированию коллективных трудовых споров. Равноправие помогает сохранить баланс интересов работников при реализации коллективных форм защиты их трудовых прав. Необходимо помнить, что юридическое равенство, диспозитивность и автономия воли являются основополагающими идеями всех частных отраслей права [7, 59–63].

По мнению В. А. Кудайбергенова, отношения, которые не нарушают принцип равноправия, способствуют эффективной реализации экономических интересов, как работодателей, так и работников, появлению новых экономических интересов, достижению баланса между ними в условиях общей договоренности. Если же отношения работодателя и работников ограничивают права и обязанности одной из сторон, то их экономические интересы не будут сбалансированы, а существующие противоречия, вероятно, приведут к конфликту [8, 89–90].

Итак, на наш взгляд, равноправие формально признается и на доктринальном, и на законодательном уровне, однако, как показывают случаи многочисленных нарушений трудовых прав работников, такое равноправие формой своей поддержки через необоснованное сужение локального правового регулирования, неосведомленность работников о возможности защиты своих прав и их страх быть освобожденными за инициирование любого спора с работодателем.

Третьим и последним специальным принципом коллективной формы защиты трудовых прав работников является принцип солидарной ответственности работодателей в случае нарушения трудовых прав работников. Такая солидарная ответственность имеет место: 1) в случае банкротства работодателя, когда нет субъекта, которому можно было предъявить свои

требования; 2) в случае невозможности в законном порядке без обращения в юрисдикционные органы взыскать с работодателя средства заработной платы [9, 75]. Суть этого принципа заключается в том, что при любой ситуации со статусом предприятия, трудовые права работников будут восстановлены.

Таким образом, существуют общие и специальные принципы коллективной формы защиты трудовых прав работников, которые функционируют в рамках единой системы, предусматривающий создание реальных, фактических, эффективных принципов защиты трудовых прав работников.

Список литературы:

1. Юридична відповідальність та інші примусові заходи у трудовому праві: навчальний посібник/М. І. Іншин, В. І. Щербина, І. М. Ваганова. – Х.: Золота миля, 2012. – 495 с.
2. Про порядок вирішення колективних трудових спорів (конфліктів): Закон України від 03.03.1998 № 137/98-ВР//Відомості Верховної Ради України від 04.09.1998 р. – № 34. – Ст. 227.
3. Заржицький О., Литвин О. Склад трудових процесуальних відносин//Право України. – 2007. – № 8. – С. 54–57.
4. Юридична відповідальність та інші примусові заходи у трудовому праві: навчальний посібник/М. І. Іншин, В. І. Щербина, І. М. Ваганова. – Х.: Золота миля, 2012. – 495 с.
5. Трудовий кодекс України: проект Закону від 27.08.2013 р. № 2902//[Електронний ресурс]. – Режим доступу: rada.gov.ua.
6. Андріїв В. М. Забезпечення захисту трудових прав працівників//Соціальне право України: науковий збірник/М-во освіти і науки України; Укр. асоціація фахівців трудового права; Чернігів. держ. технолог. ун-т. – Чернігів, 2013. – № 1 (2). – С. 17–25
7. Задорожна С. М. Історія принципу автономії волі в міжнародному приватному праві//Науковий вісник Чернівецького національного університету ім. Юрія Федьковича: збірник наукових праць/Чернівецький національний університет ім. Юрія Федьковича. – Чернівці, 2006. – С. 59–63. – (Правознавство; Вип. 365)
8. Кудайбергенов У.О социалистическом правосознании/У. О. Кудайбергеров//Советсткое государство и право. – 1952. – № 5. – С. 87–92.
9. Сидоренко А. С. Зловживання правом суб'єктами трудових правовідносин: теоретико-практичне дослідження: монографія/А. С. Сидоренко. – Х.: Право 2014. – 200 с.

Kazamirov Anatoliy Ivanovitch, Associate Professor of of the Chair of Constitutional Law at Ufa Law Institute of the Interior of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, E-mail: Kazamirov@mail.ru

Usmanova Diana Rafaelevna, Associate Professor of of the Chair of Constitutional Law at Ufa Law Institute of the Interior of Russia, Candidate of Sciences (Law),

The ratio of administrative discretion and administrative regulations

Abstract: The article analyzes the concept of "administrative discretion" and the "administrative regulations". The authors try to determine the feasibility of the named legal institutions and the ratio of their application in the field of public administration.

Keywords: Administrative rules, discretion, political discretion, judicial discretion, the administrative discretion, the administrative arbitrariness

Казамиров Анатолий Иванович,
кандидат юридических наук, доцент
Уфимский юридический институт МВД России,
доцент кафедры конституционного права

Усманова Диана Рафаэлевна,
кандидат юридических наук
Уфимский юридический институт МВД России,
Старший преподаватель кафедры
административно-правовых дисциплин

О соотношении административного усмотрения и административного регламента

Аннотация: В статье анализируются понятия «административное усмотрение» и «административный регламент». Авторы пытаются определить целесообразность названных правовых институтов и соотношение их применение в сфере государственного управления.

Ключевые слова: Административный регламент, усмотрение, политическое усмотрение, судебное усмотрение, административное усмотрение, административный произвол

Усмотрение является неотъемлемой частью управления различными социальными процессами в административно-политической, экономической и социально-культурной сферах общественной жизни. Принципиально важным критерием законного усмотрения является обязанность руководящего состава государственных органов в центре и на местах хорошо знать законодательство, свою компетенцию, науку управления и умело реализовывать полномочия для обеспечения законности, прав и свобод граждан, политики государства.

В сущность института усмотрения необходимо включать категории целесообразности и законности. Правомерное усмотрение не противоречит законности, наоборот, оно в сложных общественных ситуациях, где нельзя всего предусмотреть, обеспечивает законность. Жизнь многообразней и богаче любых нормативных актов, что является причиной использования государственными органами и их должностными лицами целесообразных усмотрений, то есть самостоятельных разумных решений, не противоречащих праву.

Рассмотрим позиции некоторых авторов. Головко А. А. понимает под усмотрением возможность международных органов, организаций, а также органов национальных государств отступать от прямого применения норм международного и национального права, в которых отсутствуют четкие правила о разрешении конкретного конфликта или вопроса, подлежащих немедленному исполнению [1, 15].

О. А. Папкова под усмотрением подразумевает урегулированный правовыми нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которого заключается в предоставлении в соответствующих случаях полномочия самостоятельно разрешать спорный правовой вопрос на основе норм права, исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, добросовестности, справедливости и основ морали [2, 107].

А. П. Коренев определяет усмотрение как «определенную рамками законодательства известную степень свободы органа в правовом разрешении индивидуального конкретного дела, предоставляемую в целях принятия оптимального решения по делу» [3, 73–74].

Что касается возможности усмотрения в правоприменении — существуют диаметрально противоположные позиции. В этой связи В. В. Лазарев, отмечает, что закон всеобщ, а применение закона — творческая деятельность [4, 49]. Поэтому остаются относительно широкие возможности для привнесения направленности субъектов правоприменения. Иные полагают, что усмотрение — следствие несовершенства законодательной техники. Оно не соответствует принципу законности [5, 9–10].

Атаманчук Г. В. считает, что свобода налоговых, таможенных и иных уполномоченных органов зафиксирована в их правовом статусе (правах, обязанностях, ограничениях и ответственности, а более конкретно в функциях и правомочиях). Соответственно,

каждый орган государственной власти связан в своих решениях и действиях рамками правового статуса, а в нем — установленной для него компетенцией. Свобода здесь состоит в возможности действовать инициативно, творчески, самостоятельно в твердо очерченных границах (пределах свободы) [6, 409].

В юридической науке выделяют виды усмотрения: политическое, судебное и административное [7, 2–7]. Политическое усмотрение, осуществляемое субъектами верховной государственной власти, есть выражение политической воли, через которую проявляется сущность государства. Высшие органы государственной власти, являясь органами первичной компетенции, выражают ее непосредственно и независимо от других органов. Политическое усмотрение носит преимущественно единичный неповторимый характер (заключение международного договора, объявление войны или мира). Судебное усмотрение, осуществляемое судебными органами в процессе правоприменения, выражается в выборе одной из альтернатив, каждая из которых законна [8, 13–14]. В рамках полномочий судебные органы дают оценку доказательств, условий, имеющих значение для правовой квалификации, результатов деятельности участников процесса по выполнению процессуальных функций [9, 94] и на основе этой оценки осуществляют выбор из предоставленных нормативных возможностей того варианта, который, по мнению суда, соответствует ситуации.

Административное усмотрение, осуществляемое субъектами государственного и муниципального управления, представляет собой возможность при осуществлении действий и принятии решений, основанных на законе и направленных на исполнение закона, исходить из принципа целесообразности.

Административно-правовые нормы трудно соблюсти при регулировании отношений, развитие которых зависит от множества случайных факторов, и предугадать полный набор таких факторов, возможные их комбинации невозможно. Формализации поддаются лишь общие контуры отношений, и усмотрение властного субъекта выступает вторичным по отношению к нормам права средством упорядочивания общественных отношений. А при наличии правового пробела усмотрение может выступать первичным средством упорядочения публичных отношений.

Отдельные авторы классифицируют административное усмотрение. Тихомиров Ю. А. разделяет административное усмотрение: по закону и не по закону (административный барьер, административный произвол, негативное усмотрение) [10, 72].

Таким образом, допущение усмотрения как средство упорядочивания отношений является закономерным и правомерным. К сожалению, возможны дефекты в виде неверно определенного типа усмотрения, неопределенной нормативной формулы и, тем более, коррупционных факторов. Важно точно определить меру административного усмотрения.

На сегодняшний день существует недостаток процессуальных, процедурных норм, несмотря на динамично развивающийся процесс принятия отраслевыми органами исполнительной власти административных регламентов. Наиболее характерными нарушениями компетенции органов исполнительной власти являются нарушения по формуле в праве, а также отсутствие или неопределенность сроков и оснований принятия решений.

Тем не менее, даже тогда, когда в системе управления допустимо административное усмотрение, при решении той или иной управленческой задачи наблюдается административный произвол. Административный произвол, то есть управление, реализуемое с пренебрежением должностными лицами, государственными или муниципальными служащими правовыми нормами при осуществлении определенных для них должностных обязанностей. Старилов Ю. Н. указывает, что административный произвол — деятельность органов публичного управления и должностных лиц, совершаемая с определенным умыслом, с целью нарушения правовых предписаний, норм права, законов [11, 15].

Произвольное администрирование не основано на нормах действующего законодательства и установленных правом административных процедур. Произвольное администрирование включает в себя набор самых непонятных с правовой точки зрения процедур и требований, которые, как правило, направлены на ухудшение правового статуса граждан и юридических лиц, обращающихся в органы публичного управления за решением вопросов, отнесенных к ведению определенных должностных лиц.

Система административно-правового регулирования должна формировать соответствующую нормативно-правовую основу как для государственных служащих и должностных лиц, так и для граждан, которым предоставляются административно-правовые средства защиты от административного произвола. Немаловажными правовыми институтами являются уже реально действующие способы и формы обеспе-

чения законности в сфере публичного управления: обращения граждан, парламентский и судебный контроль, административный надзор, судопроизводство, общественный контроль.

В настоящее время в подходе законодателя к административному усмотрению можно обнаружить тенденцию к сокращению области его применения (например, исключено усмотрение избирательных комиссий при решении вопроса об отказе в регистрации кандидата, списка кандидатов в связи с неполнотой сведений или документов). Большие надежды возлагают на антикоррупцинную экспертизу проектов нормативных правовых актов и иные превентивные меры. Кроме того, современная тенденция правового регулирования — это детальная регламентация оснований и условий принятия решений органами исполнительной власти. Принятие административных регламентов, которые детально определяют процедуру работы с документами, также помогает сократить коррупционные факты.

Административным регламентом является нормативный правовой акт органа исполнительной власти, устанавливающий сроки и последовательность административных процедур органа исполнительной власти, осуществляемых по запросу физического или юридического лица в пределах установленных полномочий. Административные регламенты подлежат: 1) независимой экспертизе (предметом является — возможный положительный эффект или нежелательные последствия), 2) экспертизе Министерства экономического развития (предметом является — оценка соответствия требованиям Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и 3) антикоррупционной экспертизе Министерства юстиции РФ.

Тем не менее, административное усмотрение все же наблюдается и при детальной регламентации процедур. Например, в ходе личного приема гражданину или представителю юридического лица может быть отказано в дальнейшем рассмотрении обращения, если ему ранее был дан ответ по существу поставленных в обращении вопросов.

Административно-правовые нормы трудно восполнить при регулировании отношений, развитие которых зависит от множества случайных факторов, и предугадать полный набор таких факторов, их комбинации невозможно. Формализации поддаются лишь общие контуры отношений, и усмотрение властного субъекта выступает вторичным по отношению к нормам права средством упорядочивания общественных отношений. А при наличии правового пробела административное усмотрение может выступать первичным средством упорядочения публичных отношений.

Список литературы:

1. Головко А. А. Допустимо ли совместить законность и усмотрение? (Некоторые проблемы теории и практики) [Текст]: Головко А. А.//Право и политика, 2006, № 3. С. 15.
2. Папкова О. А. Понятие судейского усмотрения [Текст]://Журнал российского права. 1997. № 12. С. 107.
3. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. [Текст]: М., 1978. С. 73–74.
4. Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права. [Текст]: Казань, 1982. С. 49.
5. Сахаров А. Б. Планирование уголовной политики и перспективы уголовного законодательства [Текст]://Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. С. 9–10.
6. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления: Курс лекций. [Текст]: М., 2004. С. 409.
7. Шарнина Л. А. Виды усмотрения в конституционном праве [Текст]://Конституционное и муниципальное право. 2009. № 15. С. 2–7.
8. Барак А. Судейское усмотрение: Пер. с англ. [Текст]: М.: Норма, 1999. С. 13–14.
9. Телятников В. И. Убеждение судьи. [Текст]: СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр «Пресс», 2004. С. 94.
10. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 12.11.2012)//Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
11. Тихомиров Ю. А. Административное усмотрение и право [Текст]://Журнал российского права. 2000. № 4. С. 72.
12. Шарнина Л. А. Усмотрение как средство упорядочения общественных отношений, составляющих предмет конституционно-правового регулирования [Текст]://Конституционное и муниципальное право. 2009. N 17. С. 5–10.
13. Старилов Ю. Н. Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве [Текст]://«Журнал российского права», 2005, № 4. С. 15.

Kolesnik Tatyana Vladimirovna,
assistant professor of legal support of economic activity of KNUHA,
educational-scientific institute of law and mass communications
Email: kolesniktatjana@myrambler.ru

The separate questions of stimulation of labor discipline of employees

Abstract: The article is devoted to studying the separate questions of legal nature of stimulation which is the one of the most important process and way of ensuring the labor discipline of employee. It is paid the particular attention to the analyses of legal stimulation in the aspect of ensuring of the labor discipline. It is also formed the definition of the concept «legal stimulation».

Keywords: the labor discipline, ensuring of the labor discipline, stimulation, legal stimulation, labor stimulation, legal relationship.

Колесник Татьяна Владимировна,
доцент кафедры правового обеспечения хозяйственной деятельности ХНУВД,
учебно-научный институт права и массовых коммуникаций
Email: kolesniktatjana@myrambler.ru

Отдельные вопросы стимулирования дисциплины труда наемных работников

Аннотация: Статья посвящена изучению отдельных вопросов правовой природы стимулирования, как одного из важнейших процессов и способов обеспечения дисциплины труда наемного работника. Особое внимание уделяется анализу правового стимула в аспекте обеспечение дисциплины труда, а также формулируется дефиниция понятия «правовой стимул».

Ключевые слова: дисциплина труда, обеспечения дисциплины труда, поощрение, правовой стимул, стимулирование труда, трудовые правоотношения.

Актуальность выбранной темы очевидна, учитывая следующее: во-первых, нарушение дисциплины труда является довольно распространенной формой нарушения законодательства, а если учитывать, тот факт, что после распада бывшего СССР в Украине, как и во всех других государствах, входящих в СНГ, наблюдается кризис труда: труд перестал быть для многих смыслом жизни и превратился в средство выживания, в котором соблюдение правил и принципов дисциплины труда отходит на второй план или вообще откровенно игнорируется. В таких условиях не возможно добиться высокой производительности и эффективности труда, а так же ее дисциплины, что особенно актуально в период, когда Украина переживает финансовый кризис. Поэтому, стимулирование труда в нашем государстве, особенно сейчас, является приоритетным вопросом доктрины трудового права, которое, в рамках нашей науки не исследовано на должном уровне. Во-вторых, в условиях становления рыночной экономики и продолжающейся реформы трудового законодательства требуется переосмыслить концепцию и сути стимулировать работника к дисциплинированному труду, которые остались нам в наследство от бывшего СССР и которые не в полной мере совпадают с принципами отечественной рыночной экономики.

Целью статьи является исследование правовой сущности стимулирования трудовой дисциплины наемных работников, как важнейшего процесса и инструмента, побуждающего соблюдать работником трудовую дисциплину.

Способствовать достижению поставленной цели в процессе научного поиска будет обращение к смежным отраслям права, анализ точек зрения специалистов и ученых по этому вопросу (В. В. Волинець, С. А. Комаров, С. И. Кожушко, А. В. Малько, К. Е. Машков, В. Н. Смирнов, Л. Д. Ухова), изучение положений нормативно-правовых актов.

С чисто теоретической стороны, вопрос соблюдения дисциплины труда является сложной проблемой, которая охватывает содержание этого процесса, методы, формы и способы, иногда, по своему правовому содержанию, заключается в тех же аспектах. Соответственно, объединяет все эти элементы именно вопрос поощрения работников к качественному труду, который, по сути, понимается как процесс выполнения

(или результат выполнения) работником всех возложенных трудовым договором или контрактом на него обязанностей в форме, способом и в срок, предусмотренными установленным работодателем правилам, на которые добровольно согласился работник.

О нормах-стимулах в рамках доктрины трудового права велись споры еще во времена СССР. В частности, в 1982 году в своем диссертационном исследовании «Механизмы правового стимулирования социально-активного поведения (проблемы теории и практики)» Е. М. Лебедева отметила, что под нормами-стимулами нужно понимать нормы, которыми регламентируется реализация поощрительных мер в отношении субъекта, который достиг конкретных результатов, осуществляя определенные положительные действия, которые предусмотрены нормами-предписаниями [1, 28].

Так, несмотря на тот факт, что на сегодняшний день очень многие исследователи, рассматривавшие этот вопрос, не учитывали указанный четвертый вид норм, поскольку эта группа ранее не поддавалась детальному исследованию, полагаем, что нормы-стимулы объективно существуют, а также имеют практический и теоретическое смысл, в особенности, в рамках института дисциплины труда на сегодняшний день.

В общем, стоит отметить, что вопросу стимулирования работников к дисциплине труда как самостоятельной элемента метода правового регулирования, особое внимание уделялось авторитетными ученым в ряде научных работ [См. напр. 2, 367–368], в результате чего, можно сделать вывод о существовании такого юридического понятия как «правовой стимул», который полностью соотносится с вопросом обеспечения дисциплины труда, являясь его «краеугольным камнем», поскольку, как замечает В. В. Волынец, главным назначением стимулов является повышение трудовой активности, производительности и качества труда, в стимулировании к добросовестному выполнению трудовых обязанностей [3, 95].

Важность правового стимула в вопросе обеспечения дисциплины труда очевидна, поскольку стимулом в широком смысле является такой фактор влияния, который применяет работодатель (или другое уполномоченное лицо) для корректировки, совершенствования трудового поведения работника или группы работников.

Рассматривая понятие правового стимула, такие авторитетные теоретики как С. А. Комаров и О. В. Малько замечали, что, по сути, стимул, по своей природе, является правовым побуждением к совершению субъектом таких действий, которые не противоречат законодательству, а также таких, которые создают удовлетворение собственных интересов субъекта, режим благоприятствования. При этом, по мнению ученых, правовое поощрение подразделяется по определенным признакам на следующие виды: a) по элементу структуры нормы права: юридический факт-стимул (гипотеза), субъективное право, законный интерес, льгота (диспозиция), поощрение (санкция); b) по предмету правового регулирования: конституционные, гражданские, экологические и т. п.; c) по объему: основные (субъективное право), частичные (законный интерес) и дополнительные (льгота); d) по времени действия: постоянные (право на собственность) и временные (разовая премия); e) по содержанию: материально-правовые (заработная плата) и морально-правовые (благодарность) [2, 367].

Что касается понимания правового стимула, как стимула работника, трудового коллектива, то это понятие понимается в качестве способа управления трудовым поведением работника, состоящий в целенаправленном влияния на поведение трудового коллектива путем воздействия на условия его жизнедеятельности, используя мотивы, которые руководят деятельностью такого коллектива. Таким образом, стимулированием является процесс управления трудовым поведением работника или группы работников, который выражается в целенаправленном влиянии на поведение персонала путем воздействия на условия его жизнедеятельности и использование мотивов, побуждающих такой трудовой коллектив к трудовой деятельности.

Следовательно, стимулирование является процессом, который может быть направлен либо на работника или на группу работников, или и на группу работников и на отдельного работника. При этом на практике, чаще всего сочетание группового и персонального стимулирования имеет место в процессах материального стимулирования. Л. Д. Ухова обращает внимание на то, что индивидуальная и коллективная форма материального стимулирования сегодня обеспечивается распределением коллективной премии пропорционально индивидуальному трудовому вкладу каждого в общий результат, что в основном характерно для начисления регулярных премий. Однако определять размер индивидуального материального поощрения по принципу экономической целесообразности, подчиняя его действия механизму распределения (например, с помощью процедуры депремирования), не всегда лучший выбор [4, 24].

Необходимо заметить, что многие ученые указывают на то обстоятельство, что обеспечение дисциплины труда, главным образом в условиях рыночной экономики, наиболее эффективно реализуется благодаря стимулированию к такой дисциплине. При этом, понятие средств стимулирования участников коллективного труда к соблюдению дисциплины труда этими учеными рассматривается, как стимулирование лишь в двух аспектах, а именно: в аспектах материального и морального стимула или же с точки зрения HR-менеджмента. В частности, специалисты отмечают, что в широком смысле под понятием «стимулирование» следует понимать совокупность требований и соответствующую им систему поощрения и наказания, учитывая то обстоятельство, что, сам по себе, метод поощрения как средство обеспечения дисциплины труда в современных рыночных условиях является наиболее актуальным, особенно, если учесть его две основные функции: вознаграждение и стимулирующая функция [4, 10].

С. И. Кожушко отмечает, что стимулирующую роль в трудовом праве выполняет система мер поощрения, как форма и средство содействия добросовестному выполнению работником своих трудовых обязанностей. Ученый отмечает, что стимулирующие факторы эффективной деятельности работников определяются общественными, коллективными и личными интересами самой личности. Они взаимосвязаны, потому реализация общественных интересов является основой удовлетворения коллективного интереса, а реализация коллективного интереса приводит к удовлетворению личного интереса. Личный интерес побуждает, подталкивает работника к профессиональному росту, становится стимулирующим фактором эффективной и результативной работы [5, 15].

При этом, как отмечает К. Е. Машков, действие стимула опосредованно психикой человека, поэтому стимул лишь тогда становится реальной побудительной силой, когда он превращается в мотив [6, 2; 7]. Стоит заметить, что такая позиция ученых особенно ценна для современного украинского общества и науки трудового права в целом, поскольку в ней отражается не только адекватное понимание стимула и мотива, но и справедливое понимание соотношения мотива и стимула, которое только последние шестьдесят лет рассматриваются в диалектической взаимосвязи (ранее, несмотря на то, что и мотив, и стимул понимались советскими учеными в качестве «побуждения к определенным действиям», однако, мотив — относился к науке психологии, а стимул — к экономической науке).

Таким образом, подводя итоги всему вышеуказанному, следует подчеркнуть, что правовой стимул, как процесс, может быть направлен работодателем или другим уполномоченным лицом либо на работника, или на группу работников, или и на группу работников, или на отдельного работника для корректировки, совершенствования трудового поведения работника или группы работников; как способ управления трудовым поведением работника или группы работников, выражается в целенаправленном влиянии на поведение субъекта стимулирования путем воздействия на условия его жизнедеятельности, используя мотивы, которые руководят деятельностью такого субъекта.

Список литературы:

1. Смирнов В. Н. Внутренний трудовой распорядок – основа дисциплины труда: Автореф. дисс… доктора юрид. наук, Специальность: 12.00.05 – Трудовое право; Право социального обеспечения/В. Н. Смирнов –Москва,1982. – 31 с.
2. Комаров С. А., Малько А. В. Теория государства и права./С. А. Комаров, А. В. Малько. – Москва, 1999. – 448 с.
3. Волинець В. В. Засоби переконання та стимулювання (заохочення) у забезпеченні зобов'язань за трудовим договором/В. В. Волинець.//Форум права, 2009. – № 1. – С. 92–98.
4. Ухова Л. Д. Правовое регулирование поощрения добросовестного труда по российскому трудовому законодательству: Автореф. дисс… к. ю.н., Специальность: 12.00.05./Л. Д. Ухова. – Екатеринбург, 2006. – 26 с.
5. Кожушко С. І. Становлення, сучасний стан та перспективи розвитку законодавства про дисципліну праці в Україні: Автореф. дис… канд. юрид. наук, Спеціальність: 12.00.05 – Трудове право; право соціального забезпечення./С. І. Кожушко. – Харків, 2007. – 20 с.
6. Машков К. Є. Правове регулювання заохочень за трудові досягнення: Автореф. дис. … к. ю.н., Спеціальність: 12.00.05./К. Є. Машков. – Київ, 2011. – 16 с.

Kravchenko Ivan Alexandrovych,
PhD of Law sciences, Senior Lecturer of Administrative and Information
Law of Sumy National Agrarian University
Email: kravchenko.ivan@myrambler.ru

The concept and appointment of state control over the activities of Pension Fund of Ukraine

Abstract: In the article the concept of social and state control was scrutinized, under that the conclusions were done about the essence and appointment of the state control over the Pension Fund of Ukraine.

Keywords: legality, control, social control, state control.

Кравченко Иван Александрович,
кандидат юридических наук, старший преподаватель административного
и информационного права Сумского национального аграрного университета
Email: kravchenko.ivan@myrambler.ru

Понятие и назначение государственного контроля за деятельностью органов Пенсионного фонда Украины

Аннотация: В статье рассмотрено понятие социального и государственного контроля, на основании чего сделаны выводы о сущности и назначении государственного контроля за деятельностью органов Пенсионного фонда Украины.

Ключевые слова: законность, контроль, социальный контроль, государственный контроль.

В условиях развития Украины как демократического, правового государства, одним из ключевых вопросов, который должен быть решен, является обеспечение эффективного контроля за деятельностью всех звеньев государственного механизма, особенно тех, которые осуществляют формирование и непосредственную реализацию государственной политики в наиболее важных сферах общественной жизни. Контроль является тем средством (инструментом), которое обеспечивает организованность, целеустремленность и результативность работы органов власти и их должностных лиц.

Сегодня вопрос контроля в управленческой сфере довольно активно изучается исследователями из разных областей науки, в частности их юридические аспекты были и являются предметом научных изысканий таких юристов как: В. Б Аверьянов, В. К. Колпаков, Ю. П. Битяк, О. Ф. Андрийко, Д. Н. Бахрах, Н. Г. Нижник, С. В. Кивалов, Д. М. Павлов и другие. Впрочем, отдавая должное научным наработкам этих и других правоведов, следует констатировать, что целый ряд проблемных моментов контроля в сфере государственного управления остается мало исследованным и требует более содержательной научной проработки, что и не удивительно, учитывая, насколько сложным, разветвленным и многоаспектным явлением является государственно-управленческий механизм (система). В частности, важным вопросом на сегодня остаётся осуществление государственного контроля за деятельностью органов Пенсионного фонда Украины, который выступает центральным органом исполнительной власти, деятельность которого направляется и координируется Кабинетом Министров Украины через Министра социальной политики Украины, входит в систему органов исполнительной власти и обеспечивает реализацию государственной политики по вопросам пенсионного обеспечения и ведения персонифицированного учета поступлений от уплаты единого взноса на общеобязательное государственное социальное страхование [1]. Работа органов ПФУ направлена на обеспечение практического воплощения Конституционных гарантий прав человека и гражданина, в том числе закрепленных в статье 46 Основного закона Украины, а именно: «Граждане имеют право на социальную защиту, включающее право на обеспечение их в случае полной, частичной или временной потери трудоспособности, потери кормильца, безработицы по независящим от них обстоятельствам, а также в старости и в других случаях, предусмотренных законом. Это право гарантируется общеобязательным государственным социальным страхованием за счет страховых взносов граждан, предприятий, учреждений и организаций, а также бюджетных и других

источников социального обеспечения; созданием сети государственных, коммунальных, частных учреждений для ухода за нетрудоспособными. Пенсии, другие виды социальных выплат и пособий, являющиеся основным источником существования, должны обеспечивать уровень жизни не ниже прожиточного минимума, установленного законом [2].

В связи с вышеупомянутым, **целью данной статьи** является: рассмотреть понятие и назначение государственного контроля за деятельностью органов Пенсионного фонда Украины.

Одним из основных критериев, по которым можно оценить уровень правовой жизни и развития общества является оценка состояния законности в нем, которая отражает правовой характер организации общественной жизни, органическую связь права и власти, права и государства [3]. О. Ф. Скакун пишет, что законность — это комплексное (принцип, метод, режим) социально-правовое явление, характеризующее организацию и функционирование общества и государства на правовых началах. Термин «законность» является производным от термина «закон» и, будучи комплексным понятием, охватывает все стороны жизни права — от его роли в создании закона до реализации его норм в юридической практике. Законность отражает правовой характер организации общественно-политической жизни, органическую связь права и власти, права и государства, права и общества [4, 445–446].

По мнению В. Б. Аверьянова сущностью законности является неукоснительное выполнение законов и принятых в соответствии с ними иных правовых актов государственными органами, их должностными лицами, гражданами, негосударственными органами и организациями. Законы при этом должны соответствовать объективным общественным закономерностям, требованиям обеспечения прав и свобод человека и гражданина, объединяться на общепризнанных ценностях демократического, социального, правового государства [5, 345–346].

В общем виде принцип законности нашел свое законодательное оформление в статье 19 Конституции Украины, в которой записано, что правовой порядок в Украине основывается на принципах, согласно которым никто не может быть принужден делать то, что не предусмотрено законодательством. Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны действовать лишь на основании, в пределах полномочий и способами, предусмотренными Конституцией и законами Украины [2].

Из изложенного видно, что значение законности в жизни современных демократических государств и общества трудно переоценено, господство ее режима является залогом поддержки в них принципа верховенства права, обеспечения организованности и дисциплинированности поведения участников общественных отношений. Учитывая роль законности для нормального существования и развития государства и общества, понятно, что должны существовать специальные инструменты (способы, средства, методы) для ее поддержания, одним из основных, среди которых, является контроль. Так В. Б. Аверьянова по этому поводу пишет, что в системе средств обеспечения законности в государственном управлении государственный контроль занимает важное место, поскольку его целью является обеспечение слаженной, четкой работы органов государственной власти всех уровней и звеньев, добросовестное и качественное выполнение, рациональное использование ее должностными лицами и государственными служащими, всем составом работников предоставленных им прав и ответственное отношение к выполнению своих обязанностей в отношениях с гражданами [5, 348].

Термин «контроль» (от англ. «control », франц. «controle») толкуется как: проверка, учет деятельности кого-то, чего-либо; наблюдение за кем-либо, чем-либо, надзор за кем-то, чем-то [6, 558]. Возникновение контроля связано с появлением в обществе необходимости влиять на поведение его членов с целью предупреждения нежелательных и (или) вредных проявлений. Г. В. Осипов считает, что социальный контроль представляет собой систему процессов и механизмов, обеспечивающих поддержание социально приемлемых образцов поведения и функционирования социальной системы в целом [7, 140].

С точки зрения Л. Москвичева социальный контроль необходимо понимать как способ социальной саморегуляции, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие индивидов с обществом посредством социально-нормативного и правового регулирования в целях воспроизводства господствующего типа социальных отношений [8, 878].

Итак, социальный контроль представляет собой разновидность социальной деятельности, направленной на поддержание стабильности существования и функционирования определенной социальной системы (социального механизма), что достигается путем наблюдения за дисциплиной, поведением ее членов и корректировки этого поведения в случае необходимости таким образом, чтобы вернуть его

в русло соответствия действующим социальным нормам и правилам. Следует согласиться с В. Гаращуком, который отмечает, что контроль всегда предполагает противодействие почему-то нежелательному, как правило, противоправному поведению лиц [9, 37].

По мнению С. В. Кивалова контроль является важным признаком содержания государственного управления. Его (контроль) следует понимать как наблюдение за соответствием деятельности управляемого объекта предписаниям, полученными от руководящего субъекта, и выполнением принятых решений. Функция контроля в государственном управлении состоит в анализе и сопоставлении фактического состояния той или иной отрасли требованиям, которые стоят перед ней, отклонений в выполнении поставленных задач и причин таких отклонений, а также в оценке деятельности и целесообразности именно такого пути [10, 291].

Справедливой представляется точка зрения, которую высказывает О. Ф. Андрийко. Она пишет, что государственный контроль является важным элементом системы государственного управления, он позволяет существенно влиять на ход управленческой деятельности, корректируя ее в случае выявления отклонений от определенного направления. Значение и важность государственного контроля особенно возрастает в нынешних условиях ослабления исполнительской дисциплины, снижения эффективности управленческих решений, несоблюдения требований законодательства [11, 427].

Итак, учитывая все вышеизложенное, мы можем сделать вывод, что контроль за деятельностью органов Пенсионного фонда Украины представляет собой систему установленных законодательством и осуществляемых компетентными субъектами мероприятий с целью получения информации о состоянии выполнения органами пенсионного фонда и их должностными лицами возложенных на них задач и функций, уровень законности и дисциплины в системе ПФУ в целом и его отдельных звеньях, а также выявления и устранения существующих в их работе недостатков и нарушений. Говоря о назначении контроля, в том числе контроля за деятельностью органов ПФУ, следует согласиться с тезисами, которые приводит А. П. Алехин. Он убежден, что сущностное содержание контроля заключается в следующем: а) осуществлении наблюдения за функционированием соответствующего подконтрольного объекта; б) получении объективной и достоверной информации о состоянии законности и дисциплины; в) принятии мер по предупреждению и устранению нарушений законности и дисциплины; г) выявлении причин и условий, способствующих правонарушениям; д) принятии мер по привлечению к ответственности лиц, виновных в нарушении законности и дисциплины [12, 310]. Контроль позволяет оценить насколько качественно и эффективно органы Пенсионного фонда Украины реализуют (выполняют) свое функциональное назначение, а также установить в соответствии ли с законодательством они используют предоставленные в их распоряжение полномочия и ресурсы, существуют ли пробелы и недостатки в их работе и какими факторами они вызваны, какие меры необходимо принять, чтобы устранить эти недостатки и их причины.

Список литературы:

1. Про Положення про Пенсійний фонд України: Указ Президента України від 06 квітня 2011 № 384/2011//[Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/384/2011
2. Конституція України: Закон України від 28.06.1996//Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141
3. Юридична енциклопедія: В 6 т./Редкол.: Ю. С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – К.: «Укр. енцикл.», 1998.//[Електронний ресурс] – Режим доступу: http://cyclop.com.ua/content/view/1084/58/1/7/#14239
4. Скакун О. Ф. Теорія держави і права: Підручник/Пер. з рос. – Харків: Консум, 2001. – 656 с.
5. Адміністративне право України. Академічний курс: Підруч.: У двох томах: Том 1. Загальна частина/Ред. колегія: В. Б. Авер'янов (голова). – К,: Видавництво «Юридична думка», 2004.- 584 с
6. Етимологічний словник української мови: У семи томах. Том другий. – К.: «Наукова думка», 1985. – 570 с.
7. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор – академик РАН Г. В. Осипов. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА • М), 2000. – 488 с.
8. Социология. Основы общей теории: Учебник для вузов/Отв. ред. академик РАН Г. В. Осипов, действительный член РАЕН Л. Н. Москвичев. – М.: Норма, 2003. – 912 с.
9. Гаращук В. М. Контроль та нагляд у державному управлінні/Худож.–оформ. О. Агєєв. – Харків: Фоліо, 2002. – 176 с.

10. Административное право Украины: Учебник/Под общей ред. С. В. Кивалова. – Х.: «Одиссей», 2004. – 880 с.
11. Виконавча влада і адміністративне право/За заг. ред. В. Б. Авер'янова. – К.: Видавничий Дім «Ін-Юре», 2002. – 668 с.
12. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации: Учебник/Под ред. А. П. Алехина. – М.: Зерцало-М, 2003. – 608 с.

Kulik Dmitriy Alexandrovych, PhD; assistant professor
of civil and legal disciplines, economic and labor law of law faculty
at Kharkiv National Pedagogical University named after G. S. Skovoroda
Email: dkulik@lenta.ru

Limitations and taboos related to passing of civil service

Abstract: In the article the question of establishment the limitations and taboos is explored, to commit the civil servant the special activities for ensuring the legality and effectuation by them their tasks and functions. Due to this the appropriate norms of the active legal system were considered and the conclusions were made.

Keywords: a power, a civil power, a civil servant, an executive, restriction of the right, direct submission, close people.

Кулик Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук; доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин, хозяйственного и трудового права юридического факультета
Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды
Email: dkulik@lenta.ru

Ограничения и запреты, связанные с прохождением государственной службы

Аннотация: В статье исследуется вопрос установления ограничений и запретов относительно совершения госслужащими определенных действий как средства обеспечения законности и объективности выполнения ими возложенных на них задач и функций. В связи с этим рассмотрены соответствующие нормы действующего законодательства и сделаны выводы.

Ключевые слова: власть, государственная власть, государственный служащий, должностное лицо, ограничение права, непосредственное подчинение, близкие лица.

На нынешнем этапе развития украинской государственности стоит целый ряд важнейших вопросов, требующих конструктивного решения. Одной из таких проблем является совершенствование системы государственного управления, на что собственно и направлена административная реформа, которая происходит в нашей стране уже более 15 лет. Целью данной реформы является создание такого государственно-правленческого механизма, который бы основывался на основных принципах права, был с одной стороны надежным и высокоэффективным, а с другой — максимально полно отвечал потребностям общественного развития, становления Украины как высокоразвитого, правового, цивилизованного европейского государства с высоким уровнем жизни, социальной стабильности, культуры и демократии [1]. Одним из ключевых этапов на пути реформирования системы государственного управления является улучшение института государственной службы, который выступает, так сказать, сердцевиной. Несмотря на то, что институт государственной службы является структурным звеном механизма государственного управления, он также представляет собой сложное явление и имеет свою внутреннюю систему, поэтому его преобразование тоже следует осуществлять путем решения проблемных аспектов, существующих в его отдельных элементах.

Непосредственно в данной статье **нашей целью** будет: рассмотреть такой элемент правового статуса госслужащего как ограничения и запреты, связанные с прохождением государственной службы.

Одним из способов «укрощения власти» и обеспечения ее адекватной реализации является установление ограничений запретов для госслужащих во время прохождения ими государственной службы. Следует отметить, что в законодательстве нет четкого определения или объяснения того, что представляют собой вышеупомянутые ограничения и запреты. Делались попытки растолковать сущность этих ограничений на страницах научной литературы, так, скажем, Д. Н. Бахрах понимает такие ограничения как обязанности, запреты осуществлять определенную деятельность, выполнение которых, как правило, достигается путем бездействия [2, 235].

Ю. Н. Стариков считает, что главная цель правовых ограничений — это обеспечение эффективного функционирования государственной службы, установление правовых барьеров перед возможными злоупотреблениями государственных служащих, создание условий для надлежащего исполнения должностных полномочий и реализации установленных Конституцией прав и свобод служащих [3, 335].

По мнению С. В. Кивалова под ограничением следует понимать определенные в Конституции Украины и в действующем законодательстве условия, запреты, правила, которые ставят государственных служащих в юридические рамки, выходить за пределы которых им запрещено [4, 119].

Основными нормативно-правовыми актами, устанавливающими ограничения и запреты для государственных служащих, являются Законы Украины «О государственной службе», «Об основах предотвращения и противодействия коррупции», «О правилах этического поведения», а также Приказ Главного управления государственной службы Украины «Об утверждении общих правил поведения государственного служащего» от 04.08.2010 № 214. Так, в законе «О государственной службе» от 16.12.1993 установлено, что на государственных служащих распространяются ограничения, предусмотренные Законом Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции». Государственные служащие не могут принимать участие в забастовках и совершать другие действия, препятствующие нормальному функционированию государственного органа [5]. В новом законе «О государственной службе» от 17.11.2011 также установлено, что государственный служащий не имеет права организовывать забастовки и принимать в них участие. Кроме того, он (государственный служащий) должен беспристрастно выполнять свои служебные обязанности независимо от партийной принадлежности и личных политических убеждений. Государственный служащий при исполнении служебных обязанностей не имеет права совершать действия, которые демонстрируют его политические взгляды или свидетельствуют об особом отношении к определенным политическим партиям [6]. Стоит отметить, что ограничение участия государственных служащих в политических партиях предусмотрены и некоторыми другими специальными законами. Так, например, В Законе Украины «О политических партиях в Украине» предусмотрено, что членами политических партий не могут быть: 1) судьи; 2) работники прокуратуры; 3) работники органов внутренних дел; 4) сотрудники Службы безопасности Украины; 5) военнослужащие; 6) работники органов доходов и сборов; 7) персонал Государственной уголовно-исполнительной службы Украины. На время пребывания на указанных должностях или службе члены политической партии приостанавливают членство в этой партии [7].

В соответствии со статьей 6 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» от 07.04.2011 № 3206-VI государственным служащим запрещается использовать свои служебные полномочия и связанные с этим возможности с целью получения неправомерной выгоды или в связи с принятием обещания/предложением такой выгоды для себя или других лиц, в том числе:

1) неправомерно способствовать физическим или юридическим лицам в осуществлении ими хозяйственной деятельности, получении субсидий, субвенций, дотаций, кредитов, льгот, заключении контрактов (в том числе на закупку товаров, работ и услуг за государственные средства);

2) неправомерно способствовать назначению на должность лица;

3) неправомерно вмешиваться в деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления или должностных лиц;

4) неправомерно отдавать предпочтение физическим или юридическим лицам в связи с подготовкой проектов, изданием нормативно-правовых актов и принятием решений, утверждением (согласованием) заключений [8]. Также следует отметить, что согласно статье 15 закона «О правилах этического поведения» от 17.05.2012 № 4722 — VI, лица, уполномоченные на выполнение функций государства или местного самоуправления, не могут прямо или косвенно побуждать любым способом подчиненных

к принятию решений, совершать действия или бездействие в пользу своих личных интересов и/или интересов третьих лиц [9].

Далее, в законе «Об основах предотвращения и противодействия коррупции » установлено, что государственным служащим запрещается: 1) заниматься другой оплачиваемой (кроме преподавательской, научной и творческой деятельности, медицинской практики, инструкторской и судейской практики по спорту) или предпринимательской деятельностью, если иное не предусмотрено Конституцией или законами Украины; 2) входить в состав правления других исполнительных или контрольных органов, или наблюдательного совета предприятия, или организации, имеющей целью получение прибыли (кроме случаев, когда лица осуществляют функции по управлению акциями (долями, паями), которые принадлежат государству или территориальной общине и представляют интересы государства или территориальной общины в совете (наблюдательном совете), ревизионной комиссии хозяйственной организации), если иное не предусмотрено Конституцией или законами Украины [8].

Кроме уже вышеупомянутых законодательством, также предусматривается ограничения и запреты для государственных служащих относительно получения подарков и возможности иметь в подчинении близких лиц. Частности в отношении первого ограничения (получение подарков) в законе «Об основах предотвращения и противодействия коррупции» записано, что государственным служащим запрещается непосредственно или через других лиц получать подарки (пожертвования) от юридических или физических лиц: 1) за решения, действия или бездействие в интересах дарителя, которые совершаются как непосредственно таким лицом, так и при его содействии другими должностными лицами и органами; 2) если лицо, которое дарит (осуществляет) подарок (пожертвование), находится в подчинении госслужащего [8]. Стоит заметить то, что законодательство запрещает принимать государственным служащим неправомерные выгоды и подарки даже для использования в дальнейшем в качестве доказательства [9]. В то же время, если подарки, предлагаемые государственным служащим физическими и (или) юридическими лицами соответствуют общепризнанным представлениям о гостеприимстве и пожертвованиях, кроме вышеупомянутых случаев, если стоимость таких подарков (пожертвований) не превышает 50 процентов минимальной заработной платы, установленной на день принятия дара (пожертвования) однократно, а совокупная стоимость таких подарков (пожертвований), полученных из одного источника в течение года, — одной минимальной заработной платы, установленной на 1 января текущего года [8] могут быть ими (госслужащими) приняты без угрозы наступления для них каких-либо негативных юридических последствий. Более того, предусмотренное ограничение по стоимости подарков (пожертвований) не распространяется на подарки (пожертвования), которые: 1) дарятся (осуществляются) близкими лицами; 2) получаются как общедоступные скидки на товары, услуги, общедоступные выигрыши, призы, премии, бонусы [8].

Что же касается ограничений права госслужащих иметь в подчинении близких лиц, то в законодательстве по этому поводу установлено, что госслужащие не могут иметь в непосредственном подчинении близких им лиц или быть непосредственно подчиненными в связи с выполнением полномочий близким им лицам [8]. При этом под непосредственным подчинением следует понимать — отношения прямой организационной или правовой зависимости подчиненного лица от ее руководителя, в том числе через решение (участие в решении) вопросов принятия на работу, увольнения с работы, применения поощрений, дисциплинарных взысканий, возражений, поручений, контроля над их выполнением. А близкими лицами считаются муж, жена, отец, мать, отчим, мачеха, сын, дочь, пасынок, падчерица, родной брат, родная сестра, дедушка, бабушка, прадед, прабабушка, внук, внучка, правнук, правнучка, усыновитель или усыновленный, опекун или попечитель, лицо, находящееся под опекой или попечительством, а также лица, которые совместно проживают, связаны общим бытом и имеют взаимные права и обязанности с государственным служащим, в том числе лица, которые совместно проживают, но не находятся в браке [8].

Итак, резюмируя вышеизложенное, можем сделать вывод, что ограничения и запреты, которые возлагаются на лиц во время прохождения ими государственной службы, по своей сути являются дополнительными обязанностями, выполнение госслужащими которых является необходимым условием обеспечения высокой эффективности, законности и прозрачности их работы. Устанавливая определенные преграды относительно возможностей использования лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, предоставленных им властных полномочий в личных целях, государство, таким образом, создает необходимую основу для обеспечения объективности в действиях и принятых решениях этими лицами.

Список литературы:

1. Про заходи щодо впровадження Концепції адміністративної реформи в Україні: Указ Президента України від 22.07.1998 № 810/98//[Електронний ресурс] – Режим доступу: http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/810/98
2. Бахрах Д. Н. Административное право России: Учебник. – М.: Норма – Инфра-М, 2002. – 640 с
3. Старилов Ю. Н. Служебное право: Учебник. – М.: БЕК, 1996. – 698 с.
4. Романюк Л. В. Обмеження, пов`язані з прийняттям на державну службу та проходженням державної служби//Вісник КНУ ім. Т. Шевченка, 60–62/2004. – С. 119–121
5. Про державну службу: Закон України від 16.12.1993 № 3723-XII//Відомості Верховної Ради України. – 1993. – № 52. – Ст. 490.
6. Про державну службу: Закон України від 17.11.2011 № 4050-VI//Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 26. – Ст. 273.
7. Про політичні партії в Україні: Закон України від 05.04.2001 № 2365-III//Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 23. – Ст. 118.
8. Про засади запобігання і протидії корупції: Закон України від 07.04.2011 № 3206-VI//Відомості Верховної Ради України. – 2011. – № 40. – Ст. 404.
9. Про правила етичної поведінки: Закон України від 17.05.2012 № 4722-VI//Відомості Верховної Ради. – 2013. – № 14. – Ст. 94.

Tolochko Alexander Mykolayovuch, PhD, Associate Professor,
Pro-rector of the National Academy of Prosecution of Ukraine,
3 class State Counselor of Justice, Honored Lawyer of Ukraine
Email: tolochko_alexander@ukr.net

Modern typological model of criminal process of Ukraine: a comparative legal analysis

Abstract: The paper defines the typological features of the modern model of criminal procedure of Ukraine and tendencies of interpenetration of national procedural systems of European countries of common and continental law. It is proved that Ukrainian criminal process according to their functional characteristics is continental legal and close to the German and French procedural systems. The basic current problems of criminal procedural areas are circumscribed.

Keywords: criminal procedure, the current model of the criminal process, the adaptation of standards, criminal proceedings.

Problem statement. Ukraine faced a serious need to reform the national legal system taking into account international legal standards and the adoption of a positive legal experience of other countries.

Modern social conditions, under which the reformation takes place, are significantly hampered. All spheres of public life have been globalized. National public interests begin to yield to the transnational interests. Legal policy of economically leading countries is becoming more international, and law — increasingly unified [1, 124]. The domestic legal system is gradually filled with humanistic principles and requires new scientific interpretation.

In the sphere of criminal procedure this is concerned with the improvement of legal regulation method, aimed particularly at ensuring human rights and the definition of the legal capacity of the state as to their limits.

International legal instruments enshrine human rights standards and goals, reasons and procedures for their limitations, as well as creating general "supranational" control mechanisms of their adherence [2].

Problems of adaptation of international legal standards in the criminal process and its comparative legal analysis with the procedural systems of Western European countries were studied in the works M. Alekseyev, S. Alpert, O. Boykov, V. Volzhenkina, A. Volevoda, Yu. Groshevoy, Y. Gurdzhi, K. Kalinovsky, M. Kovtun, O. Larin, V. Lukashevich, V. Malyarenko, T. Morshchakova, V. Nazhimov, V. Nor, I. Petrukhin, O. Smirnov,

S. Shestakova et al. However, the updating of domestic criminal procedural law needs further studying of mentioned problems.

The aim of the article is determining typological features of modern model of the criminal process of Ukraine and trends of convergence of the national procedural systems of European common law and continental law.

Presentation of main provisions. The process of adapting of the criminal procedural legislation to international legal standards and interpenetration of procedural institutions from developed national legal systems is objective and can be done in two ways.

First, the adoption of procedural institutions from another legal system (fragmented legal reception). Second, the system changes of the criminal process (fundamental procedural deculturization). [3, 27].

In the specified context, a comparison of the Ukrainian criminal process with the process of leading Western countries seems particularly significant. Criminal proceedings in England and Wales, the U. S., Germany, France and the Ukraine are specific procedural systems that emerged as a result of a long historical evolution.

Theoretically compared, they are typified by highlighting general essential characteristics and are classified on the basis of common similarities and differences. Traditionally, the following features are outlined: the presence or absence of codification, the rule of law over precedent or precedent over the law, priority of substantive or procedural law, the use of investigative or emulative method, the prevalence of public law or private law interests, the prevalence of hierarchical or peer procedural relations [4].

According first signs of this dichotomy criminal proceeding in Germany and France belongs to the continental (Romano-Germanic) type; according to the second signs criminal proceeding of the U. S., England and Wales belongs to Anglo-Saxon (Anglo-American) type.

In modern conditions the value of typological signs of the criminal process has changed. Practically there is no fundamental character in the trait such as the absence or presence of codification, since all countries without exception have a systematic law (consolidated in the countries of common law and codified in the countries of continental law). Recognition crime as a social phenomenon by the countries has changed the role and focus of substantive or procedural law, as punishment of offenders and protection of the rights and freedoms of the accused are recognized equally important. Other features remain important, but do not have such fundamentality as before.

The priorities of international legal acts and practice of international judicial institutions over national law leads to the convergence of national legal systems, directly reduces the rule of law over precedent or precedent over the law.

On the one hand, in common law countries is spreading adoption of laws, on the other hand, in continental law countries the recognition of precedent (or rather, "kvazi-precedent") as the source of law. However, the change of law-understanding and legal thinking of mandatory enforcement officers can be the subject of issue only in the future [5, 41–51].

Using investigative or adversarial method in legal systems has also undergone changes. In pre-trial proceedings of continental law countries investigative method gradually narrows, while the adversarial method extends. Proceedings in these countries by using the competitive method significantly approximated to the common law countries. However, taking into account the special situation of the court (investigating judge) in criminal proceedings, and given the tendency of expanding the competitive method, this distribution remains relevant.

Similarly, with the division on the basis of the prevalence of hierarchical or peer procedural relations: the first prevail in countries of continental law, the second — in common law countries. In other words, deep inter-type differences remain (at the level of operation methods), and therefore the merger of the criminal process into one type, as well as the dominance of one over the other type of process, is hardly possible in the short historical perspective.

The national criminal proceedings should be regarded as continental, with the exception of the Soviet period, when it was defined as a criminal process of the socialist type. But in that period of time by its main characteristics it was related to the continental type.

Modern Ukrainian criminal procedure typologically is the closest to German and French criminal procedure. However, we must recognize the presence in the national criminal proceedings of procedural institutions, which by its legal nature belong to the Anglo-American system of justice. In this regard, in the discussion of the new draft Code of Ukraine there were allegations in the literature that the bill fundamentally changes the very model (type) of the national criminal justice from traditional mixed (continental) into a fully adversarial Anglo-American sample [6, 34–40]. In legal literature, this position has been justly criticized [7, 82–88]. Indeed, the Ukrainian criminal procedure has become essentially more adversarial since it is based on the liberal provi-

sions of the Ukrainian Constitution, international legal standards, the European Court of Human Rights and the modern doctrine.

More specific arguments are as follows: 1) there decreased the role of the court is requesting evidence; 2) the parties were entitled to determine the order of the researching evidence; 3) witnesses are divided on either side; 4) the investigating judge decides on the choice of all precautions; 5) the court can not examine evidence obtained during the investigation, without the consent of the parties; 6) institute of further investigation has been canceled; 7) it is provided a preliminary hearing with the parties and the possibility of exclusion of evidence.

However, we believe that the changes had no impact on the essential, typological features of the national criminal proceedings.

Moreover, "a new legal ideology" of Code of Ukraine is aimed at limiting the actions of state bodies and the empowerment of suspect (accused) and victims, providing additional guarantees of protection of their legitimate interests.

In this respect, CPC of Ukraine is different from the CPC of Germany and France, who even now do not give the accused and their defenders and victims the extent of the rights and relevant guarantees as our legislation. The same is true of English and American criminal proceedings. Their undoubtedly competitive structure of the proceedings, in principle, does not provide a similar extension of competitive principles at pretrial proceedings.

Of course, this does not mean denial of substantial novelty the CPC of Ukraine. We just say that the Ukrainian Criminal Procedure shall maintain their affiliation with continental type. Even if you recognize and strengthen competitiveness according to the CPC of Ukraine, it is not adversarial to the Anglo-American model. Investigators and prosecutors have not ceased to be subjects responsible for the comprehensive, full and unbiased investigation of the circumstances of the criminal proceedings (Article 9 of the CPC of Ukraine).

The prosecutor continues to exercise a supervisory function in the form of procedural guidance of investigation and support of accusations in court. The Court did not evolve into passive arbiter that resolves a legal dispute between the parties or without evaluation of evidence approves agreement on admitting guilt (with a special order of the trial).

Such an effect was caused by two factors: 1) externally adversarial nature of many novels of the legislator seen as rejection of arriving at the truth, and created the impression of eliminating Ukrainian criminal procedure towards the Anglo-Saxon type of justice; 2) psychological unwillingness of most enforcement officers to significant innovations, especially such as the start of criminal proceedings, cancellation of further investigation, processiolization of operative-investigative operations as conducting covert investigative (detective) actions; introduction of the institution of on reconciliation and recognition of guilt, etc.

Reformed Ukrainian criminal procedure noted discrepancies between high legal standards imposed procedural novels and practice of implementation. Largely the reason behind this is archaic legal thinking of enforcement officers.

In connection with the above, attention is drawn to the way in which the transformation of French and German criminal justice is performed, typologically close criminal process in Ukraine. It should immediately be emphasized that, in comparison with Ukraine, no "revolutionary" steps to reform its criminal process, neither Germany nor France took in modern times (although some attempts of such reforms were in France).

Changes in legislation occurs gradually, with a reference to the European Convention on Human Rights and the European Court of Human Rights, and considering their own legal traditions. Areas of reform in general coincide with those which changed the domestic criminal process: the empowerment of the suspect (accused) and the victim, strengthening judicial control in pre-trial proceedings and procedural confrontation of the parties in the proceedings. But the movement in these areas is very slow and careful. Virtually position of the court has not changed. It still has an overwhelming activity. There have not been any significant empowerment of non-state actors. Significantly has increased just the control over pretrial judicial review proceedings.

According to M. Stoyko, such caution is due to the presence of as quite natural conservatism among lawyers and some reasonable concerns. If innovations are not supported economically, politically and organizationally, they will be inevitably rejected by the practice and can adversely affect the effectiveness of combating crime. We cannot rule out the fact that Germany and France account for their historical experience, which shows that the borrowed English or American institutions of criminal procedural law do not survive: the jury existed only in Germany during the Weimar Republic, and in France was seriously modified considering own legal traditions.

The ideas of procedural equality and competitiveness have been implemented and developed as a stable system of values in common law countries. As extremely

general values, they are quite acceptable and for continental law, however having a different legal environment that involves fundamentally different ways of their implementation. Hence there is the need of finding such a way of development that would have respected fundamental rights and freedoms, but the criminal proceeding has not been fundamentally changed.

Therefore in France and Germany improvement of procedural forms to a greater extent is carried out by humanizing the procedural legal policy, by the effective procedure of monitoring compliance with human rights, real congruence of enforcement officers with high professional and ethical standards. After all, if the society is capable to guarantee the performance of their law enforcement agencies, in which the accused are treated humanely, and it is not permitted taking criminal proceedings against innocents, and ensures fair and inevitable punishment of the guilty, it can afford the existence of this type of criminal proceedings [8, 6].

This is why in monitoring the use of the CPC it is necessary to focus both on the formal and legal characteristics of the application of the provisions of criminal procedure as well as the reasons why they are not applied, and the prospects for their introduction.

It is scientifically proved that the modern national criminal procedure is in the process of social and legal convergence. This, in our opinion, clearly demonstrates the main directions of judicial politics of the modern state: observance and protection of the rights and freedoms of the suspect (accused); social support of suspect (accused); social support of the victim; rationality and effectiveness of the criminal proceedings; reconciliation.

Each of these components has certain features that reflect the perspective and a practical implementation of each area. Taken together, the signs indicate the presence in criminal proceedings of all compared countries a single value base, due to common social and legal nature of the criminal process [8, 84].

Assessing the implementation of criminal procedure areas, it should be noted that all of them are implemented differently in life and manifest themselves in practice in the form of trends. They systematically interpenetrate and influence each other. However, in any case they should not be opposed or substitute for one another.

Thus, passion just for ideas of restorative justice is fraught with danger of weakening fighting crime that will lead to the establishment of justice without a process capable to high degree to consider the interests of victims (victims) and the accused, but is not able to provide the same degree of maintaining public order. The above does not mean refusal of strengthening the protection of the suspect (accused), but only means that the reform of criminal procedure should be carried out not only in the formal and legal, but also in social and political aspects.

It is equally a dangerous approach when the criminal procedural sphere excludes all measures of social influence, in addition to criminal law response. It comes down to only one punitive model. This approach leads to the dehumanization of the criminal process, ignoring the personal interests of the victims and the accused, the subordination of criminal proceedings only to the purpose of punishment and hence the expansion of the classical criminal repression. It is no accidentally noticeable the upgrading of direction prosecution. This is reflected in the recognition of the ineffectiveness of harsh criminal penalties; denial the death penalty for a criminal offense in many countries; in expansion of alternative to criminal legal exposure measures of deprivation of liberty (fines, community service, etc.); decriminalization of minor offenses; perception of the importance of respecting the rights and freedoms of the accused, as well as consideration of the interests of victims.

In most European countries the choice is made in favor of a liberal approach, when methods of criminal prosecution of the accused involve moderate restriction of their rights.

In some respects social support of victims proved unsuccessful, which did not actually lead to the desired result — the development of a positive relationship between the suspect (accused) and the victim.

Even in terms of redemption of guilt of the state to the victims for its failure to protect against crime, the trend found in many countries a number of weaknesses, such as:

— assisting limited categories of victims (mostly violent crime);

— victims' insufficient awareness of the availability of special institutions and conditions of their support;

— the use of political expediency as criterion of social support for victims [9, 57].

The institute of reconciliation, in spite of its relative popularity and prevalence is also characterized by certain disadvantages associated with the fact that, in practice, in some cases, the needs of victims are put into the background in relation to the needs of the accused. In law enforcement practice of some countries victims are sometimes subjected to pressure in order to ensure their participation in mediation in favor of the accused. Also, you can not adequately take into account the social and moral values of crime to society.

Thus, we can draw the following conclusions:

1) criminal proceedings in all countries are in the process of criminal-political, rather than formal and legal convergence;

2) merge into one type, as well as the dominance of one justice system over another, it is currently impossible because of the cultural and historical reasons (it means a loss of national identity);

3) deep (inter-type) differences are stored only on the functional level;

4) general philosophy of criminal proceedings (internationally recognized principles and standards of justice, etc.) are not able to lead to a blurring of this distinction. They are the result of the historical evolution of each of the judiciary, have a natural character, ensure the integrity of the system, but do not prevent the integration processes at the international legal level;

5) the effectiveness of combating crime, protection of the rights and freedoms are not in direct proportion to the functional model (Anglo-Saxon and Romano-Germanic type) or generic (German, French form of criminal process) differences. Both systems are oriented on respect for and protection of human rights, require due process (procedural fairness), and requires identifying the perpetrators of the crime committed and their punishment (the material justice);

6) the emergence and implementation of joint of criminal procedural institutions is possibly independent of these differences and can affect the convergence of national of criminal procedural law systems-level on the stage of objectives and principles (principles).

Conclusions. In the criminal procedure legislation of Ukraine does not exclude the creation of similar (at national level) or common (international) regulation uniform procedural mechanisms of social relations, that is, in the relevant harmonization of national procedural laws and their practical application (approval of official procedural and legal doctrines, conceptual approaches, principles, etc.) and its unification (adoption of based on common international standards of procedural rules, along with the return or national).

Convergence of criminal procedure continues both in the continental law and common law. The legal basis for this is the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms and the European Court of Human Rights. It can be argued that the criminal process of European states is united only by legal philosophy based on these universal values:

— the right to human treatment (prohibition tortures, inhuman or degrading human dignity);

— the right to freedom and personal inviolability (the right to liberty, the right to security of person, the right to respect for private life, inviolability of the home, the right to protection of personal information);

— equality of all before the law and prohibition of discrimination;

— fairness of justice (right to effective legal remedies;

Ukrainian criminal process according to its functional characteristics is continental and legal, and close to the German and French judicial systems, structural and functional features were borrowed and creatively reprocessed. The most significant borrowings from the Anglo-American (by type) process are related to human rights and adversarial criminal proceedings (standards of fairness of justice generally recognized principles of the process, judicial review of pretrial proceedings, trial by jury) did not significantly affect the type of criminal proceedings. They are in the process of adaptation, and do not provide destructive impact on law enforcement.

References:

1. Глобализация и развитие законодательства: Очерки/Отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. – М.: Изд. дом «Городец», 2004. – 464 с.
2. Бахин С. В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: Унификация и гармонизация права: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. докт. наук: спец. 12.00.10 «Международное право; Европейское право»/С. В. Бахин. – СПб, 2003. – 46 с.
3. Волеводз А. Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса/А. Г. Волеводз. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 528 с.
4. Семухина О. Б. Типология уголовного процесса и деятельность суда в рамках обвинительного и состязательного типов уголовного процесса: дисс. … канд. юрид. наук.: 12.00.09/Семухина Ольга Борисовна. – Томск, 2003. – 216 с.
5. Стойко Н. Г. Законодательство и прецедент как источники уголовно-процессуального права западноевропейских стран и России/Н. Г. Стойко//Правовая реформа и зарубежный опыт: сб. научных статей/отв. ред. Н. Г. Стойко. – Красноярск: Красноярский университет [КрасГУ], 2000. – С. 41–51.

6. Півненко В. Проектнового Кримінально-процесуального кодексу України: невдачі і прорахунки/В. Півненко //Вісник прокуратури. – 2010. – № 11. – С. 34–40.
7. Лобойко Л. Про «ворогів» українського кримінального процесу/Л. Лобойко//Вісник прокуратури. – 2011. – № 3. – С. 82–88.
8. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: моногр./Н. Г. Стойко – СПб.: Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2006. – 264 с.
9. Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. – М.: ООО «Городец-издат», 2002. – 1068 с.

Sharkova Alina Nikolaevna, Taras Shevchenko National University of Kyiv
postgraduate student, Department of Justice
E-mail: alina.sharkova@gmail.com

Defining of the concept and purpose of the detention in criminal proceedings

Abstract: the article deals with the problems of theoretical and legislative determination of essence, concept and purposes of criminal procedural detention. The author argues for the justification of the legislative recognition of concept and objectives of detention in the Criminal Procedure Code of Ukraine.

Keywords: criminal procedural detention, purpose of detention, essence and concept of detention.

Шаркова Алина Николаевна, Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко, аспирантка, кафедра правосудия
E-mail: alina.sharkova@gmail.com

Определение понятия и цели задержания в уголовном производстве

Аннотация: в статье анализируются проблемы теоретического и законодательного определения сущности, понятия и целей уголовного процессуального задержания. Автор обосновывает необходимость законодательного закрепления понятия и цели задержания подозреваемого в действующем УПК Украины.

Ключевые слова: уголовное процессуальное задержание, цель задержания, сущность и понятие задержания.

Среди правовых средств, предоставленных законом правоохранительным органам, задержание подозреваемого занимает особое место и привлекает особое внимание, как со стороны ученых-процессуалистов, так и практиков, поскольку оно относится к тем процессуальным действиям, осуществление которых всегда сопровождается рядом проблем. По словам Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека, наибольшее количество нарушений с применением пыток происходит именно во время задержания человека [1].

Различные аспекты проблем уголовного процессуального задержания рассмотрены в трудах таких ученых и практиков, как: А. П. Гуляев, П. М. Давыдов, З. З. Зинатуллин, М. С. Строгович, В. И. Борисов, О. В. Верхогляд-Герасименко, Н. В. Глинская, В. С. Зеленецкий, Л. М. Лобойко, А. С. Мазур, В. В. Рожнова, Н. А. Погорецкий, В. М. Тертышник, О. Г. Шило. Однако основные положения были разработаны указанными учеными еще во время действия в Украине Уголовно-процессуального кодекса 1960 года, что свидетельствует об отсутствии на сегодня в Украине комплексного научного исследования проблем определения и законодательного регулирования понятия и целей уголовного процессуального задержания и создает фундаментальную базу для дальнейшего исследования проблем обеспечения прав задержанного в уголовном судопроизводстве.

Целью данной статьи является анализ проблем теоретического и законодательного определения сущности, понятия и целей уголовного процессуального задержания, а также обоснование необходимости законодательного закрепления понятия и цели задержания подозреваемого в Уголовном процессуальном кодексе Украины (далее — УПК Украины).

В специальной литературе существуют три точки зрения на сущность задержания подозреваемого. Согласно первой точке зрения, задержание — это мера уголовно-процессуального принуждения, состоящая в кратковременном аресте лица, подозреваемого в совершении преступления. Согласно другой точке зрения, задержание подозреваемого является следственным действием. В этом аспекте отраженные в протоколе основания задержания являются фактическими данными, имеющими существенное доказательственное значение. Третьи считают, что задержание подозреваемого имеет двойственную природу. Во-первых, это следственное действие, которое является самостоятельным способом получения доказательств, во-вторых, это временная мера пресечения уголовного процессуального принуждения, состоящая в аресте лица, подозреваемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы [2, 15].

Чаще всего под задержанием подозреваемого понимают лишь специфическую меру пресечения, а именно: кратковременное лишение свободы с целью создания условий для проверки подозрения. Однако сторонники трактовки задержания как следственного действия видят его суть в том, что основания задержания, имея важное доказательственное значение, подлежат отражению в протоколе задержания, который относится к числу источников доказательств. Зафиксированные в такой форме сведения об обстоятельствах задержания подозреваемого, по мнению некоторых авторов, приобретают статус доказательств. Действительно, ст. 99 УПК Украины указывает на протоколы процессуальных действий как на источники доказательств. А значит, в тех случаях, когда задержание связано с непосредственным выявлением признаков преступления, данные, зафиксированные при задержании лица, приобретают важное доказательственное значение. Между тем, как убедительно отмечает И. М. Гуткин, конкретное изложение в протоколе оснований задержания подозреваемого связано не с доказательственным значением протокола, а с необходимостью обоснования решения об ограничении личной свободы лица, подозреваемого в совершении преступления [3, 50].

Несомненно, задержание способствует установлению и закреплению доказательств. Однако, не вызывает возражений обоснованное мнение С. А. Шейфер о том, что из этого не следует, что оно представляет собой самостоятельный способ собирания доказательств [4, 44].

Правовую природу задержания можно определить по следующим признакам следственных действий, которые отличают их от других действий процессуального и не процессуального характера, осуществляемых в ходе уголовного производства: 1) регламентация уголовным процессуальным законодательством; 2) направленность на собирание, проверку и оценку доказательств; 3) подчинение единым правилам и требованиям оформления и закрепления полученных результатов; 4) возможность быть примененными после возбуждения уголовного производства, кроме случаев, определенных УПК; 5) применение для объективного фиксирования хода проведенного процессуального действия и закрепление полученных результатов.

Все признаки, кроме второго, не вызывают сомнения в том, что они касаются задержания подозреваемого. Таким образом, изложенное выше демонстрирует отличие следственных действий от уголовных процессуальных мер принуждения, а соответственно — и правовую природу задержания, подтверждая, что задержание по своей правовой природе является мерой уголовного процессуального принуждения, а не следственным действием [2, 17].

Важным для обоснованности и правомерности применения задержания, равно как и для познания сущности этого института, является определение его цели [5, 22]. В научной литературе не сложилось единой позиции относительно того, что являются мотивами задержания. Однако что касается целей задержания как меры пресечения, в научной литературе господствует практически единая точка зрения. Среди ученых преобладает мнение о том, что цель задержания во многом совпадает с целями мер пресечения, однако не вызывает сомнений тот факт, что задержание имеет свои специфические непосредственные цели, отличающиеся от общей цели применения мер пресечения.

Уголовный процессуальный закон Украины не дает конкретного определения задержания и не закрепляет нормативно его цель (за исключением задержания с целью привода и общей цели применения мер пресечения). В то же время проведенный нами опрос судей судебных палат по уголовным делам апелляционных судов областей Украины показал, что 81,5% опрошенных респондентов считают необходимым предусмотреть в действующем УПК Украины определение понятия и цели задержания как временной меры пресечения с целью надлежащего обеспечения прав задержанного в уголовном производстве.

Определение и цель задержания предусмотрены в ч. 1 ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса Республики Узбекистан: задержание состоит в кратковременном лишении свободы лица, подозреваемого в совершении преступления, в целях пресечения его преступной деятельности, предотвращения побега, сокрытия или уничтожения им доказательств [6].

В научной литературе Венгрии преобладает мнение о том, что задержание как временная мера пресечения является исключением из общего запрета применения принудительных мер государства к физическим лицам. В статье 5 Конституции Венгрии содержится аналогичное Конституции Украины положение, касающееся права каждого на свободу и личную неприкосновенность и запрет ее ограничения не иначе как на основании закона и не иначе как с целью, определенной в уголовном процессуальном законодательстве [7, 175].

В США полиция имеет право на задержание лиц, если целью задержания является обеспечение задач уголовного правосудия, в том числе обеспечение публичных интересов наравне с целью выяснения, есть ли задержанный преступником, и обеспечения неотвратимости наказания за совершенное преступление. Западная энциклопедия Американского права дает указание на то, что целью задержания является приведение арестованного в суд или иным образом обеспечение выполнения закона об уголовной ответственности [8].

Законодательством ЮАР закреплено, что единственная цель задержания заключается в обеспечении того, что подозреваемый предстанет перед судом, чтобы ответить на обвинения. Если это не было целью или мотивом задержания, такое ограничение свободы и неприкосновенности личности является незаконным [9].

Цель задержания закреплена и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, которая пп. с) п. 1 статьи 5 закрепляет, что законное задержание лица осуществляется с той целью, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда обоснованно считается необходимым предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения.

Некоторые ученые считают, что цель задержания представляет собой предотвращение противоправных действий и выяснение причастности задержанного к совершению уголовного преступления. Так, Назаров В. В. и Омельяненко Г. Н. отмечают, что одной из целей задержания является выяснение причастности задержанного к преступлению [10, с. 157–158]. Уголовно-процессуальный кодекс Казахстана также определяет в качестве целей задержания выяснение причастности лица к преступлению и решения вопроса о применении к нему меры пресечения в виде ареста (ст. 132 ч. 1) [11].

Однако, по нашему мнению, такая научная и законодательная позиция не является обоснованной и не соответствует духу конституционного права на личную свободу и личную неприкосновенность, ведь задержание только для выяснения причастности лица к преступлению и решения вопроса о применении к нему меры пресечения, при отсутствии желания у задерживаемого лица скрыться, продолжить преступную деятельность или скрыть (уничтожить) доказательства, является неоправданным. Личная свобода, в свою очередь, должна ограничиваться только тогда, когда без этого достижение целей уголовного судопроизводства невозможно. В связи с этим, представляется обоснованным мнение А. П. Рыжакова, который указывает, что выяснение причастности лица к преступлению — это уже не цель, а задачи уголовного процессуального задержания [12, 322]. Таким образом, положения процессуальных законов тех стран, где законодательно закрепленной целью задержания является прекращение преступной деятельности, предотвращения побега, сокрытия или уничтожения доказательств задержанным, являются более оправданными и справедливыми.

По нашему мнению, обоснованной является научная позиция о том, что задержание должно преследовать следующие цели: 1) немедленное прекращение преступной деятельности или угрозы ее осуществления; 2) оперативное предотвращение сокрытия или уничтожения доказательств; 3) предотвращения побега лица, предположительно совершившего преступление; 4) доставление задержанного к уполномоченным должностным лицам для решения вопроса о причастности лица к совершению преступления и о применении к нему меры пресечения; 5) обеспечение исполнения приговора в части уголовного наказания; 6) решение вопроса об экстрадиции разыскиваемого лица.

Выводы

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что уголовное процессуальное задержание — это сложное правовое явление, и, несмотря на то, что отдельные элементы протокола задержания могут иметь доказательственное значение, само

по себе уголовное процессуальное задержание является мерой уголовного процессуального принуждения, не является следственным действием и не направлено на выявление, собирание, изъятие и фиксацию доказательств, а имеет свою самостоятельную цель.

Исходя из назначения, цели и комплексного понимания этого института, представляется, что уголовное процессуальное задержание связано с необходимостью предупредить преступление или его остановить.

Институт задержания лица является важным составляющим элементом системы мер государственного принуждения, а, следовательно, должен четко ограничиваться случаями его действительной необходимости для защиты интересов общества или отдельного гражданина. Закрепление нормативного определения задержания и его целей представляется положительным моментом, так как это позволит отграничить уголовное процессуальное задержание от других видов, а также внедрить дополнительные гарантии защиты права задержанного от неправомерного и необоснованного задержания. Закрепление в уголовном процессуальном законе целей задержания как меры пресечения предоставит уполномоченным органам и должностным лицам возможность применять задержание лишь в случаях, когда изоляция лица действительно необходима.

В связи с изложенным, считаем, что в качестве целей уголовного процессуального задержания представляется необходимым предусмотреть следующие: 1) немедленное прекращение преступной деятельности или угрозы ее осуществления; 2) оперативное предотвращение сокрытия или уничтожения доказательств; 3) предотвращение побега лица, предположительно совершившего преступление; 4) доставление задержанного к уполномоченным должностным лицам для решения вопроса о причастности лица к совершению преступления и о применении к нему меры пресечения; 5) обеспечение исполнения приговора в части уголовного наказания; 6) решение вопроса об экстрадиции разыскиваемого лица.

Список литературы:

1. Стан дотримання та захисту прав і свобод людини в Україні. Перша щорічна доповідь Уповноваженого Верховної Ради України з прав людини. – К., 2000.
2. Затримання підозрюваного у кримінальному процесі України [Текст]: монографія/О. І. Білоусов, С. М. Смоков. – О.: [б. в.], 2009. – 112 с.
3. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания. Учебное пособие/Гуткин И. М. – М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. – 89 с.
4. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. Учебное пособие/Шейфер С. А.; Отв. ред.: Лупинская П. А. – М.: РИО ВЮЗИ, 1972. – 130 с.
5. О. І. Білоусов. Проблеми визначення поняття «затримання підозрюваного» [Текст]/О. І. Білоусов//Вісник Одеського ін.-ту внутріш. справ: Наукове видання. – 2005. – № 1. – С. 22–24.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [Електронний ресурс]//Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. – 1995. – Режим доступу до ресурсу: http://www.lex.uz/pages/GetAct.aspx?lact_id=111463.
7. Criminal Law in Hungary Krisztina Karsai, Zsolt Szomora, Kluwer Law International, 2010. – 230 с.
8. West's Encyclopedia of American Law – Farmington Hills, Michigan, USA: The Gale Group, Inc, 2008. – 7000 с.
9. Power of FPOs to arrest and the rights of arrested persons [Електронний ресурс]//Department of Water Affairs and Forestry, Republic of South Africa – Режим доступу до ресурсу: http://forestry.daff.gov.za/webapp/Documents/ForestFire/192.168.10.11/nvffa.nsf/037495e53fc3007e42256dde0043eebd/8ac6623a9dbe92ca42256ea700447f8302ec.html?OpenDocument.
10. Назаров В. В., Омельяненко Г. М. Кримінальний процес України: Навчальний посібник. – Вид. 2-ге, доп. і переробл. – К.: Атіка, 2007. – 584 с.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Електронний ресурс]//Ведомости Верховного Совета Республики Какзахстан. – 2014. – Режим доступу до ресурсу: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1008442.
12. Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник для вузов/А. П. Рыжаков. – Изд. 5-е перераб. – М.: Издательство Дело и Сервис, 2011. – 512 с.

Contents

Section 1. Archaeology 3

Mambetullaev Mirzamurat, Khodjalepesov Islambek Mukhitdinovich
Research of early medieval monuments of the Priaral area residential district 3

Section 2. Journalism 7

Kashirin Anton Anatol'evich
News television in Russia: sociological analysis of the current status (based on online poll) 7

Section 3. Study of art 12

Dzhanseitova Svetlana Sattarovna, Rauandina Sholpan Zadanovna
Sound and acoustic features of dombra 12

Kaldayakova Aysulu Abylkassymovna
Ritual ceremony as the basis for formation of the early forms of culture 14

Kokisheva Marlena Tastemirovna
Comparative-typological analysis of interaction of traditions in symphonic music of Central Asian region's composer schools 17

Krilova Inna Nikolaevna
Development of spatial arts in the Stavropol territory in the period of antiquity (the first Millennium BC) 21

Nie Qi
Specifics of the instruments and materials in the traditional chinese paintings. 24

Section 4. History 26

Dalibor M. Elezović
An effort by Pope Alexander VII to organize broader anti-Ottoman coalition in the year of 1666.. 26

Kruzhalina Anastasiia Alekseevna
Hermeneutical interpretation features polyethnicity Siberian society pages of newspaper presses in the region of the second half of the XIX century 28

Kuzhilna Oksana Oleksandrivna
Ukrainian statehood idea in the cultural and educational activity of the Society «Museum of the Ukrainian Liberation Struggle» (1925–1939) 34

Kulyk Zhanna Ivanivna
Olena Teliha: Sozial-schöpferische Tätigkeit der Dichterin auf dem Posten der Vorsitzenden des ukrainischen Schriftstellerverbandes und der Redakteurin der Wochenzeitschrift für Literatur und Kunst „Lytawry" (1941–1942) 38

Savinova Tatiana Nikolaevna
Pages of history of horse breeding of the Orenburg edge of XIX — of the beginning of the XX century 43

Samoilenko Oleksandr Hrygorovych
Vacant Professorship Filling in Ukrainian Higher Education Institutions in the 19-th-early 20-th centuries: Professional and Interpersonal Aspects. 48

Soltanova Nazila Bagir
Renaissance in Azerbaijan 54

Tabeykina Elena Konstantinova
Cultural policy of the soviet power in 1920–1930. 59

Section 5. Cultural studies 63

Borsh Kristina Olegovna
The image of superhero in American culture of a 20–21st century 63

Mesheryakova Anna Vladimirovna
The doctrine by J. Ruskin as the religion of Beauty 66

Section 6. Linguistics **69**
Bagiyan Alexander Yrievich
Cognitive and philosophical aspects of specific and common lexis correlation 69
Berikkhanova Ayzhan Ezhenkhanovna, Zhunussova Zhaniya Myrzhakhmetovna
Mukhametzhanova Zhanna Aktayevn
Russian and kazakh equivalents of the english proverb labour 73
Dzhunusov Turgan Sadykovich
The ideal person in the ideal space in the Nile Sorskii's moral vision, viewed through
'love' concept 77
Kolobkova Natalia Nikolaevna
Cross cultural communication in business 80
Hatschmafova Zaineta Ruslanovna, Efremov Alexandr Alexandrovitsch, Bersirova Safiat Aminovna
Syntaktische Modelle der Zusammensetzung der metaphorischen Begriffe in der Terminologie
der amerikanischen Öl –Gasindustrie 83
Khodak Oksana Vasylivna
Extra-linguistic influences on the development of Middle English motion verbs 86
Shevchenko Alexander Ivanovich
Teleological explanation as a discourse phenomenon (based on the English language
publicistic discourse) 90
Section 7. Pedagogy **96**
Avchinnikova Galina Dmitrievna
Development of profile education student system in the USA 96
Badashkeev Mihail Valerevich
Features of personal and professional self-determination of pupils of rural schools 99
Beliakina Irina Vasilievna
The need for self-actualization senior research Russian and foreign psychologists 101
Zhumabayeva Aziya Eleupanovna, Ospanov Tolegen Karazhanovich, Kdyrbayeva Azatkul Ahmetovna,
Omarova Gulnar Joldasovna, Yerkebayeva Saule Jomartovna, Tajiyeva Marzhan Kadirbayevna
The comparative analysis of early years practitioner's training in the Republic of Kazakhstan
and abroad (England, Russia, Latvia) 106
Ishkova Elena Ivanovna
Television as a component of the educational activities of preschool children 111
Ilakavichus Marina Rimantasovna
Multi-age practices cultural practice of non-formal education as an environment of personal
development of adult 114
Ilyashenko Marina Vladimirovna
Narrative speech development of senior preschool children in the process of organizing their
perception of genre-painting 117
Cueva Dávila Luis Sócrates
Reflexive competence in the sphere of professional training teachers 120
Kuznetsova Valentine Igorevna
Key approaches to development of test tasks on disciplines of a natural-science cycle 125
Lazarev Gennady Alexandrovich, Korotaevskiy Anatoly Gennadievich
E-tests "Skyscraper-2" in basic education bachelor 129
Marchuk Maryna Vitaliivna
Problems of social care for children and youth in Bukovina social, political and educational
publications (the end of the 19th to the Thirties of the 20th century) 141
Svetlychnaya Elena Ruslanovna
Psycological aspects of two way consecutive translation 146

Fedirchyk Tatyana Dmitrievna
The scientific and methodological system of the development of pedagogical professionalism of novice lecturers of the high school. 149
Dejneka Elena Nikolaevna
Formation of the fundamental physical and technological knowledge in formation of teachers in the field of technology 155
Section 8. Political science 158
Avksent'eva Tatyana Gendievna
Fate of concept "democracy" in an informative epoch 158
Shmatko Ivan Vladimirovich
The logic of scientific interpretation of the "rational subject" category: politological aspect. 163
Section 9. Psychology 167
Valieva Anar Biralovna
Dependence of personal self-determination's values of ethnic identity's type 167
Section 10. Regional studies and socio-economic geography 171
Smochko Nataliya Mihailovna
The concept of monodevelopment in BRICS countries 171
Section 11. Sociology 175
Filimonova Galina Aleksandrovna
Social networks as instrument of increase of efficiency of the assessment of activity of the civil servants of the Belgorod region 175
Section 12. Philology. 178
Garashchenko Liliya Borysivna
Varieties of propositional and dictum motivation analytical terms of scientific- technical terminology 178
Dibrova Olga Vitaliivna
Language image of mother as a dominant of Borys Oliynyk's linguopoetics 181
Kotelewskaja Wera Wladimirowna
Die Selbstreflexion des Subjekts im deutschsprachigen Künstlerroman der literarischen Moderne. 184
Kusanova Ugiloy Madiyar qizi
Peculiarities of control and assessment the level of proficiency in foreign (English) oral and written language 187
Kutuza Natalya Valerijvna
Advertisement discourse`s suggestive formula 189
Stolyarova Nadezhda Nikolaevna, Khalina Nataliya Vasilevna
The formation of language vitality of russian and american society in the xviii century 193
Yusukhno Svitlana Ivanivna
The importance of terminological competence developing for business English learners 195
Polyakova Ekaterina Nikolaevna, Chernikova Marina Pavlovna
The specific use of precedent onims as Conchita Wurst's nomination in the russian press 200
Samosiuk Natalia Lvovna
Suspense principle through pattern of execution in science fiction genre (Jurassic Park by Michael Crichton) 204
Khalina Nataliya Vasilevna
The deep sense of Russian life in idiomatic schemes of Siberian dialects 209
Section 13. Philosophy 213
Polishchuk Oleksandr Serhiyovych
Influence of myths onto the collective activity 213

Section 14. Economics and management **218**
Vladislav Vostrikov Sergeevich
Socioeconomicpotentialofhigh-techcompaniesalliances. 218
Zamotaeva Olga Aleksandrovna, Chernova Daria Vadimovna
Interrelation between Financial Risks and Financial Position Indicators of an Insurance Company 221
Korolovych Oksana Emelynovna
The genesis of the category "internal financial control of corporate enterprises» 225
Malyuk Svetlana Alexandrovna
Customers' preferences as a factor of influence on baking enterprise marketing 229
Panteleeva Anzhela Petrovna
Development of supplementary pension insurance with insurance companies 231
Plisova Alla Borisovna
Accounting in instrument in Russia. 233
Pochekaeva Olga Vadimovna
Features of formation of costs of freight transportation in accounting in organizations inland waterway transport. 236
Danilova Irina Borisovna, Pronina Swetlana Vladimirovna
Analyses of strategy of development of market of eyewear in national Russian and region's economics 240
Protsenko Igor Vladimirovich
Developing countries in world trade in services. 243
Samko Nataliia Hennadiyivna
Strategic Directions of Increase of Efficiency of Ukrainian Financial Credit System Regulation. 246
Section 15. Science of law **250**
Bondarenko Victoria Victorovna
The content and classification of the guarantees to realisation the citizens` rights for ecological and safe environment. 250
Danilova Malvina Vladimirovna
Financial mechanism of regulation of enforcement relations in labor law 252
Zhuravel Valentina Ivanovna
The principles of collective forms of protection of workers labor rights 255
Kazamirov Anatoliy Ivanovitch, Usmanova Diana Rafaelevna
The ratio of administrative discretion and administrative regulations 258
Kolesnik Tatyana Vladimirovna
The separate questions of stimulation of labor discipline of employees 262
Kravchenko Ivan Alexandrovych
The concept and appointment of state control over the activities of Pension Fund of Ukraine 265
Kulik Dmitriy Alexandrovych
Limitations and taboos related to passing of civil service 268
Tolochko Alexander Mykolayovuch
Modern typological model of criminal process of Ukraine: a comparative legal analysis. 271
Sharkova Alina Nikolaevna
Defining of the concept and purpose of the detention in criminal proceedings 276